

Виктория Ларина

Дороги и Тропы

Ваша жизнь только начинается, леди. Вам предстоит узнать: есть мечты и есть планы. Есть люди предсказуемые, а есть те, чьи поступки угадать невозможно. Есть широкие пути, легкие дороги и Сокрытые Тропы, которые уведут так далеко от дома, что и представить трудно. Есть любовь, и то, что превышает любых чувств. Есть мир, который столь же безразличен, как родные люди. И есть выбор, который придется делать каждый раз — всегда один. А еще есть судьба — и есть воля и смелость ее преодолеть, чтобы вернуться и вернуть людям самих себя. Запомните, для таких, как вы, не бывает легких путей, как бы они не назывались.

Глава 1

Свет падал в огромное, от пола до потолка, трёхстворчатое окно. Человек сидел спиной к нему, в кресле с высокой прямой спинкой, и лицо его тонуло в тенях. Другой стоял напротив, по-кошачьи жмурил глаза, но, похоже, не испытывал от яркого света ничего, кроме удовольствия. Солнечный луч, так и не заставив объект своего внимания опустить голову или отвернуться, скользнул от опасно-тёмных глаз ниже, к ироничной складке тонких губ. Дальше — по узкой бородке клинышком скатился на богато расшитый воротник мантии, где и запутался в золотых шнурах и самоцветах.

— Милорд, простите, что вынужден прервать ваше уединение, — поклонился стоящий, — но сложившиеся обстоятельства требуют...

— Не оправдывайтесь, магистр, не к лицу главе императорской Академии оправдываться перед бывшим профессором, — усмехнулся человек в кресле.

— Ну, во-первых, бывших профессоров не бывает. Ваши монографии, изобретения и ученики никуда не делись. А во-вторых, дорогой герцог, положение обязывает.

— Вы ещё моих предков вспомните! Ведь знаете же, что ни титул, ни звание не имели для меня особого значения.

— Даже звание? — лукаво улыбнулся магистр.

— Каюсь, к собственному делу равнодушен. Если вам так хочется, можете считать, что вы задели моё слабое место, — ответил его визави. А магистр подумал, что таким тоном не говорят, когда задето нечто болезненное или дорогое, и он многое бы отдал, чтобы выяснить истинные слабые места этого человека.

— Ну, вы же сами сказали, что я неплохо вас знаю, герцог! О предках вспоминать не будем, скорее, о потомках.

— Что ещё натворила моя дочь?

Вот опять, разве таким тоном задают вопросы о ребёнке? К тому же, о единственном.

Герцог с картинным вздохом — старость не радость! — опёрся о подлокотники и встал. Движение было все еще прежним, плавным и хищно-текучим, но солнце безжалостно высветило глубокие морщины на узком и твёрдом породистом лице и густую седину в волосах. Магистр вздрогнул и отвёл взгляд. Тяжела императорская немилость, почему-то виновато подумал он. Время к опальным беспощадно, а ведь они с герцогом одногодки...

Однако ни у кого не повернулся бы язык назвать хозяина кабинета стариком. Высокий, поджарый, с гордой осанкой и прямым разворотом плеч, он казался легким на подъем хищником, готовым к нападению в любой момент. Седая грива резко контрастировала со смуглой кожей лица, и только глубоко посаженные золотисто-карие глаза под ровными широкими бровями, да ещё сухие складки на щеках и у губ говорили о возрасте.

— Зачем же так радикально? За семь лет учебы в Академии у меня не было к ней ни малейших претензий. Одна из лучших учениц, в отдельных дисциплинах так просто звезда. Особенно в рискованных и требующих нестандартного подхода. Но то, что она выбрала в качестве спецкурсов для защиты магистерской диссертации... Я был, мягко говоря, обескуражен.

— Что, расширенный курс боевой магии, создание щитов, древние артефакты?

— Порталы и переходы, — закончил магистр.

— И что же вас удивило?

— Помилуйте, герцог, у нее же блестящие перспективы в целительстве охранных чарах. В теоретических областях тоже трудностей бы не возникло. Плюс её наследственность по материнской линии...

Герцог скривился:

— О да, все ожидали, что древняя кровь леди Лиолы в столь удачно сложившихся обстоятельствах даст короне блестящего целителя, способного мановением пальца излечивать от смертельных недугов.

— Вы же понимаете...

— Понимаю, что на мою дочь строили планы, её будущее распланировали и расписали на много лет вперед. А она, негодяйка, захотела иного. — Хозяин кабинета внешне оставался спокойным, но достаточно было заглянуть ему в глаза, чтобы понять, какая буря негодования бушует внутри. Голос его стал еще тише, а тон — холоднее. — Это нормально, не находите? Жить так, как хочется? Особенно, если тебе всего лишь двадцать пять, и твои устремления никому не мешают?

— Для кого угодно, лорд Даллет, но не для тех, на кого пал выбор Его величества.

— Ах, вот как... Ну что ж, дорогой магистр, поговорите с ней так, как вы это умеете. Я прекрасно осведомлен о вашем искусстве убеждения. В конце концов, создайте такие условия, которые сами приведут её к нужному вам результату. Не мне вас учить. А я попробую переубедить её со своей стороны, — ответил герцог.

— Я, конечно, всё это попробую, милорд, но только при условии вашей помощи, — магистр устало опустил плечи. Скепсиса, написанного на его красивом аристократическом лице, хватило бы на пятерых. — Я уже пытался её переубедить. Безрезультатно.

— Я же сказал, дорогой магистр, сделаю все, что в моих силах.

— Тогда подумайте заранее, мой друг, что мы скажем Его величеству, когда ваша дочь изящно обойдет все наши препоны, выполнит условия и все равно вывернет все по-своему. — Глава магической школы сухо поклонился и, не прощаясь, покинул кабинет хозяина дома.

«Как же, будешь ты помогать мне, аж два раза», — подумал милейший господин Ректор, когда дверь за ним закрылась. «Скорее, подскажешь дочери, как противостоять планам Его величества. А то я не знаю Даллетов...»

Герцог с усмешкой поглядел на закрывшуюся за гостем дверь и сказал вслух:

— Поживем-увидим, друг мой магистр, придется ли что-то говорить императору, или же он сам что-то захочет нам сказать?

Поговорить с дочерью он давно собирался, но отнюдь не о карьере императорского целителя. Об осторожности, о планах и целях, о возможных вариантах защиты и отступления на подготовленные позиции. О том, что хитрецов и завистников нельзя подпускать близко, а верить кому попало не следует. О том, что надо очень внимательно присмотреться к наставникам. О том, что если придется совсем уж невоготу... Нет, этого он ей говорить не будет, пусть рассчитывает только на себя. Его силы далеко не те, что прежде. А друзей, которых можно было бы попросить о помощи, и вовсе не осталось. В живых. Отец нынешнего монарха хорошо постарался, под любым предлогом уничтожая сильных противников. Хотя, вроде бы, никто ни с кем не воевал. Его семья не менее древняя, чем императорская, собрала в себе силы трех Кровей. Теперь уже — четырех, благодаря Лиоле, его жене. Некогда дружный и многочисленный клан сократился до трех человек. Они с братом — и его девочка. Всё, что оставили... Его Орден, из которого удалось спасти лишь

десяток молодых адептов невероятной ценой, тоже давно распущен. Безусловно, он еще дешево отделался. Была добрая сотня лет тихой, незаметной жизни. Он стал почти отшельником, от которого все отвернулись. Хотя его лаборатория, его книги, его труды остались с ним. Даже дом не пришлось покидать. О том, что произошло с семьей брата, на которого монаршая немилость вроде бы не распространялась, он предпочитал не думать.

Герцог подошел к древнему зеркалу, висевшему в углу за шкафом, и произнес, глядя в мутную, ничего не отражающую глубину:

— Дочь, зайди ко мне.

— Зачем? — не слишком вежливо прозвучало в ответ.

— Зайди. Это приказ.

У противоположной стены полыхнула серебристо-синяя арка локального портала, из которой шагнула к профессору невысокая светловолосая девушка, очень похожая на него самого. Только глаза были другими — серыми, как осеннее пасмурное небо, с серебристым ободком вокруг зрачка.

— Что случилось, отец? — спросила она, сдерживая усталое раздражение в голосе. В последние месяцы они часто ссорились, и было крайне тяжело сохранять ровный тон.

— Ничего особенного, Тайонна-Ри. Просто нас посетил уважаемый Ректор вашей Академии, — пожал плечами герцог. Он прекрасно знал, что дочь терпеть не может, когда её называют полным именем. Собственно, приставка «Ри», появившаяся недавно, бесила и его самого. Это на древнем наречии означало всего лишь «последний в роду», но лорду Даллету, не терпевшему ярлыков, резало слух. К сожалению, крайне сложно противостоять некоторым древним обычаям, к тому же факты... Девочка действительно осталась последней в роду, когда пропал её кузен.

— Какой ужасный проступок я на этот раз совершила? Прогуляла мамины уроки или занятия в Академии? Или не вовремя закрутила роман не с тем человеком?

— Роман сейчас был бы как нельзя кстати, милая. И чем серьезнее, тем лучше. Но, насколько я знаю, ты еще зимой разогнала всех своих воздыхателей.

— Они мешали мне заниматься. У меня в этом году защита степени магистра, если ты помнишь.

— Помню, девочка. Ты насмерть убила вашего Ректора своим выбором темы. Он просто рвет и мечет.

— Ну, пусть помечет еще немного. Я не собираюсь менять решение.

Профессор примирительно улыбнулся.

— Да на здоровье, милая моя. Только тебе следует знать одно обстоятельство. Его величество имеет на тебя особые виды. Скорее всего, как на будущего своего целителя.

— Обойдется. Его величество молод, здоров как бык и силой не обделен. Сам излечится, если что. И будет жить долго и счастливо, без наследницы ордена Гарды.

— Ты уверена, что сможешь противостоять такому противнику?

— Пап. — Девушка положила руку ему на плечо. Холодное и отстранённое выражение исчезло с её лица, и серые глаза из колючих стали грустными и обеспокоенными. — Неужели ты думаешь, что я могу что-то сделать во вред семье? Я не хочу, чтобы ты или мама страдали из-за меня. Если они так поставят вопрос, я пойду хоть младшим подметальщиком улиц.

— Нет. Я не знаю, что по этому вопросу думает мама, но... Я старик, я прожил длинную жизнь. И я не хочу, чтобы ты жертвовала своей жизнью ради моей безбедной старости.

Тайри обняла герцога, прижалась щекой к щеке.

— Папа, я очень не люблю чем-то жертвовать и никогда не любила, но я — Ри. Последняя. И мой долг состоит еще и в том, чтобы Даллеты не исчезли с лица земли, а наш герб не был разбит и забыт. Если вы с мамой решите, я стану кем угодно. А про себя подумала: «... И найду брата, чтобы исчезло это проклятое «Ри». Чтобы когда-нибудь появились на свет настоящие Даллеты, мои племянники...»

Герцог понимающе усмехнулся, растрепал медовые локоны дочери, тронул пальцем кончик носа и подбородок. Детская игра, их маленький шифр, означавший: «Думай, не вешай нос и никому не рассказывай!». Потом вздохнул и ответил твёрдо — точно также, как недавно отвечала на его вопрос дочь:

— Нет. Я только хочу, чтобы ты справилась со всем, что на себя взвалила. Хотя и от парочки внуков тоже не откажусь.

Взгляд у Даллета-старшего стал совсем другим, теплым и мечтательным.

— Ох, как же я понимаю маму, — восхищенно покачала головой Тайри. — Перед тобой совершенно невозможно было устоять. Даже отстраненным красавицам из Уккабских лесов, носящим в крови первую магию этого мира.

— Ага. Наверное, именно поэтому я целых четыре года пытался растопить сердце твоей матери. Я же был абсолютно неотразимым... ужасным занудой.

— Да-да, и потому нравился всем её подружкам, перед которыми не стоял выбор: семья или Орден. Мама не успела взять учениц, и в этом было твое несказанное везение.

Профессор поцеловал дочь в макушку.

— Мое несказанное везение было в том, что у нас появилась ты. Хотя раньше я так не считал. Дурак был, очевидно.

— Ну почему же, Орден открыто разрешает передачу знаний от матери к дочери. И маме не нужно сожалеть о том, что пожертвовала предназначением, и тебе — переживать о том, что жена рано или поздно вернется в родные пенаты.

— Не только.

Девушка кивнула, показывая, что поняла отца. Эту тему в семье старались не поднимать, но всем было ясно, что родился вместо Тайри мальчик, с ним, скорее всего, еще до совершеннолетия случилось бы что-то непоправимое. Как с её кузеном. Она никогда ни с кем не делилась своей детской мечтой о его возвращении — как водится у маленьких девочек, в блеске и силе, а став старше, дала себе слово найти брата во что бы то ни стало. Тайри не могла объяснить, откуда вдруг взялась уверенность в том, что пропавший жив, так же как понятия не имела, каким образом его искать. Просто чувствовала, что надо дождаться подходящего момента, и не медлить, когда он настанет.

— Тайри, девочка, выслушай меня внимательно, — тихо и очень серьезно попросил отец. — Я знаю, что ты не из робких и привыкла всего добиваться сама, но... Бывают такие обстоятельства, которые ставят нас перед трудным выбором. Или нам предлагают сделку, условия которой совершенно неприемлемы для нас, на первый взгляд. Обещай мне, что не будешь принимать решения сгоряча. Обещай обдумывать каждый опасный шаг — так, словно у тебя в запасе вечность.

— Хорошо, папа. Я обещаю.

— И никогда не жертвовать тем, что для тебя действительно дорого.

— Пап, ну ты же знаешь, если для нас стоит вопрос свобода или смерть, мы...

— Глупые гордые Даллеты выбирают смерть. Так сказал отец нынешнего императора,

который, к слову, очень выгодно использовал это наше качество себе на пользу. А умный бы выждал, выбрал правильное время, вернул себе свободу и оставил бы всех врагов далеко в прошлом, кусать локти от злости.

Они встретились взглядами, герцог и его дочь. Снова ничего не было произнесено вслух, но девушка поняла, о ком речь.

— Я постараюсь, пап.

— И еще одно. Ты знаешь, что несёшь в себе три древних крови, и три Источника подарили тебе свою силу. Это делает тебя менее уязвимой, но любой из источников может предъявить свои права на тебя. Вряд ли это будут колдуньи Уккаба, все-таки твоя мать из влиятельного клана. Даллетов, сама знаешь, почти не осталось, наше породненное с духами аэра семейство, увы, истребили. Наверное, поэтому тебе так просто ладить с ветрами. Все, что было, досталось тебе. Северная династия, правившая на этих землях почти тысячу лет назад, тоже ушла в историю. Твоя бабка и моя мать была одной из последних наследниц мудрости Хетья. Они умели заглядывать в будущее, жаль только, не в свое, иначе бы не проиграли Льоффам войну и трон. Династии сгнули, но сила никуда не делась, значит, источники живы и могут тебя призвать.

— Это ты к тому, что я собираюсь искать дороги за границы нашего мира, и там они меня потеряют? Вряд ли. Да и остальным силам незачем волноваться. Разве что Хетья решат восстановить былое величие и найдется молодой вождь, — Тайри саркастически улыбнулась, — только откуда ему взяться?

Герцог печально кивнул. Девочка, конечно, мыслит верно, но учитывает не все факторы. Просто потому, что не знает, а он не может выдавать предположение за факт. Предположение это легко проверить, да только проверка будет равносильна прыжку в омут с черным спрутом. Были у него подозрения, что не обошлось без правящей крови и среди Даллетов. Но древние корни терялись в кровавой сумятице войн, объединивших некогда империю, и разобраться теперь было невозможно. Если и есть в крови Даллетов капля морской воды, что текла в жилах Льоффов, то её не более одной шестнадцатой. Хотелось бы, конечно, чтобы её совсем не было.

— Что ты знаешь о нынешней династии, Тайри?

— Льоффы правят восемьсот лет, заполучив трон в кровавых междоусобицах при полном ослаблении предыдущей династии. Называют себя Южным течением, их стихия — вода во всех своих проявлениях. По легенде, владели континентом Эккерра до катастрофы и затопления. По той же легенде, Льоффов некогда было много, как рыб в океане. И сильны они были именно своим единством. Трудно устоять перед большим народом, полностью поддерживающим своих вождей. Ныне мало что от этой силы осталось, Льоффы стали лишь кланом. Впрочем, это не помешало им получить власть и собрать воедино разваливающуюся империю.

— Что ж, так и есть. Единственное, чего не могут понять остатки разгромленных и побежденных Льоффами кланов, это причину их невероятного везения. Как им удалось? Как они удерживают ситуацию столько времени? Почему они напрочь не истребили всех своих противников? В своё время твой дед и дядя потратили уйму сил, чтобы проверить самую распространенную гипотезу. Кое-кто даже пожертвовал жизнью...

— На счет сделки с Отступником?

— Именно. Нам помогали Абарэйны, в их роду есть верный способ получить однозначный ответ. Версия не подтвердилась, более того, мы получили абсолютно обратный

результат. Силы Отступника пытаются завлечь императора в ловушку, а он с неизменной ловкостью оставляет их с носом. Все остальные гипотезы на эту тему столь слабы и безосновательны, что и говорить не стоит.

— Но многие отдали бы правую руку, чтобы узнать их секрет, так? И никто не задумался, что может быть и иначе?

— Как это? — удивился герцог. Ему-то точно в голову такая мысль не приходила.

— В лесной традиции есть обязательная для изучения древняя Книга Долга. Описан там один пример... Некий властитель в тяжкие времена голода, войн и болезней поклялся своему народу, что не умрет, пока не найдет такое место для жизни, где всем будет спокойно, тепло и сытно. Случилось так, что все до последнего человека эту клятву слышали и засвидетельствовали. Этот народ долго потом скитался и воевал, пока не пришел в Уккабские леса. Утверждают, что дорога была длиной в тысячу лет. И только исполнив клятву, этот властитель упокоился под вечными кронами. Он клялся лишь за себя.

— Что ж, скорее всего, так и есть. Иногда случаются обстоятельства, когда властитель вынужден собрать под своей рукой все силы, что имеются у него в распоряжении. Вполне возможно, его величество призовет всех Льюффов, живущих сейчас.

— Ну и пусть себе призывает, мы-то к этому какое отношение имеем? Да и с чего бы ему вдруг понадобилось? Всех соседей вон приструнил, они без его разрешения дышать боятся, — криво усмехнулась Тайри, — или ты подозреваешь, что в нашей генеалогии затесался кто-то из этих властителей вод?

Герцог смутился — дочь точно подметила. Он подозревает, хоть поводы к этому подозрению шаткие и косвенные. Почему его семью оставили в покое, а старшего брата, не участвовавшего никогда ни в каких заговорах, не вступившего ни в один Орден, постоянно таскали на допросы, да и с сыном его неизвестно что сделали. Может, дело в том, что Нейд и он — сводные братья, хоть и выросшие, как родные? Мать Нейда умерла родами, и отец женился, не дождавшись окончания положенного траура. А через три года родился второй сын. Возможно, именно в крови второй жены старого герцога оказалась малая толика морской воды, доставшаяся от предка-Льюффа? И молодой император это чувствует? И он, Торвик ор Даллет, уже не совсем Дитя Воздуха? Как проверить? Говорят, Его величество знает способ, но вряд ли когда-либо будет случай применить его.

— Не молчи, пап! Лучше скажи правду. — Девушка заглянула в глаза отцу, но не увидела там ни отчаяния, ни испуга.

— Да в том и дело, что я правды не знаю, лишь подозреваю. Льюффы-властители, будучи уверены, что сила их крови может однажды понадобиться, берегут каждого, у кого в жилах течет хоть капля морской воды. Так говорят. Потому что в некоторых случаях от этой капли зависит жизнь целой империи. А может, и мира.

Тайри подняла брови:

— Есть повод для беспокойства? Наши наставники утверждают, что со времен затопления Золотого полуострова и появления Огненной Гряды в мире царит равновесие и благодать, и нашим магам некого сдерживать.

— Это опасное заблуждение, милая. То есть равновесие-то пока держится, но уже давно не на достижениях магов прошлого. Граница, что была установлена три тысячи лет назад, стала слишком тонкой для той сущности, что стремится к обладанию всем, вышедшим из рук Создателя. Говорят, местами она прорвана. Тому есть множество доказательств, на которые уже невозможно закрывать глаза.

Тайри отступила, в задумчивости прошлась по комнате, сжимая и разжимая кулаки.

— Почему... почему они молчат об этом?! Это преступно, не находишь?

«М-да» — подумал Даллет-старший, «наследственность никуда не денешь. Точно, как я в молодости: скрывать тайны преступно, все обнародовать, а там — посмотрим...»

— Потому что такие, как ты, резвые правдолюбцы и прочие недалекие герои тут же побегут становиться грудью на защиту Границы. Не накопив ни знаний, ни опыта, не обзаведясь семьями и наследниками, не создав ничего, что укрепит этот шаткий мир изнутри. Потому, что таким, как ты, просто нужно дать время. Чтобы этот мир не умер, потеряв лучших своих детей. Пока старики могут удерживать равновесие и останавливать одиночные проникновения — учись, живите, путешествуйте. Ваш час еще не настал. Кроме того, Граница — лишь понятие, четкого рубежа нигде нет. Есть два десятка мест в мире, наполненных силой, трогать которые нельзя, и еще столько же мест, которые блуждают, и куда лучше не попадать, даже во сне. Большого я тебе не скажу, ибо не являюсь одним из тех, кто за Границей присматривает. Может быть, кто-то из твоих наставников...

— А император? Он знает?

— Он один из них, несомненно. Как и другие монархи.

— Вот теперь мне все понятно. Зачем ему могут понадобиться все, кто хоть на гран Льюфф. Но пойми, папа, я не смогу прожить всю жизнь в ожидании зова. Это невыносимо. Кроме того, мы же не знаем наверняка, имеем ли вообще к этому хоть какое-то отношение.

Герцог понимающе покивал. Разумеется, сидеть и ждать, пока тебя призовут, безмерно глупо. Кроме того, он был уверен, что его величество способен дозваться своих даже в других мирах. Этот — сможет. Океаны, реки, дожди и туманы... Капля воды есть везде.

— Ты же понял, почему я выбрала порталы и переходы, папа. Я хочу вырваться. Проверить пару совсем уж древних легенд. Сам же говорил, что они на пустом месте не возникают. Может быть, мне повезет, и я найду не только древние артефакты.

Ну, кто бы сомневался. То, что о племяннике не говорят вслух, вовсе не значит, что о нем не думают.

— Да сколько угодно, милая. Хочешь поискать ржавый ключ от некой калитки, которую никто никогда не видел, но все знают, как она выглядит? Или собрать все осколки зеркала королевы Бринн? — улыбнулся отец.

Дочь притворно нахмурилась:

— Вот еще! Будто я не знаю, что эта железка валяется в ящике вашего стола, папенька. А зеркало — это банально. Всем известно, что семь из восьми осколков в императорском хранилище. А вот одна арка в давно оставленном городе может быть интересной.

Разумеется. Самое древнее, самое далекое и самое недоступное. А ведь Ли-Каора даже не легенда, это сказка. «Давным-давно, когда боги были молоды, на далеких теплых островах жил в золотом городе Ли-Каора великий волшебник...» Может, и жил, кто ж теперь знает. И дорогу проложил в странные места.

— А если не найдется арка, у тебя в кармане всегда есть еще пара гипотез, — подмигнул он совершенно по-мальчишески.

— Откуда знаешь? — прищурилась, поддерживая игру, Тайри.

— Один самонадеянный юнец, коим я когда-то был, поступал точно так же. Что ж, задача, вполне достойная Даллетов. Я не против, только будь осторожна, — резко посерьезнев добавил герцог.

**** *
**** *
**** *

Тайри молча кивнула, и, забыв про портал, вышла в дверь. Таких разговоров с отцом у нее еще не было. Не доросла? Или это Даллет-старший что-то понял и решил для себя? Удивительно, что отец не стал ни отговаривать ее, ни запрещать рискованное предприятие, как он делал это раньше. Почему? Ей удалось что-то ему доказать, или герцог без всяких доказательств понял, что дочь уже «большая девочка» и имеет право на самостоятельные решения? Или, как говорил когда-то брат, Даллеты чем старше становятся, тем ближе друг другу? Что ж, она постарается сделать все возможное. Без наставника ей будет тяжело, но это в том случае, если они не найдут общего языка. Возможно, в архивы Академии попасть не получится, но есть библиотека дяди. А в ней, как обмолвился отец, есть даже то, чего нет ни в Архиве, ни в императорском дворце. И есть бедняга Тром, который за одну её улыбку проведет в старый дом своего деда, в прошлом — самого отчаянного мореплавателя империи. Дед завещал дом со всем его содержимым внуку. Со всеми картами, судовыми журналами, путевыми заметками, артефактами и прочими загадочными вещами, что адмирал Тром Альге-первый накопил за свою невероятную жизнь. Запечатывая дом до совершеннолетия внука, он, наверное, боялся, как бы мальчишка раньше времени не увлекся морской романтикой и не сорвался с места. Но юный наследник больше интересовался древней историей, чем путешествиями. Море не привлекало, а пугало его. Как и совершеннолетие, которое наступит через три месяца. Зато внука знаменитого адмирала и сына единственной подруги леди Лиолы Даллет угораздило увлечься девочкой, с которой он рос рядом, как брат.

Они часто были неразлучны, почти каждое лето проводили в имении Альге на берегу теплого моря: Тайри, Тром и... Нори. Номар ор Даллет, кузен, о котором теперь все, знавшие его, молчат, точно о казненном за святотатство. А ведь убери двоюродного брата из её детства, и в нем почти ничего не останется. Как не осталось самого детства после того, как Нори исчез. Отца она видела редко и никак не могла понять, что заставляет его надолго уезжать или сутками не вылезать из лаборатории. Мама, как могла, старалась развеять её страхи, была всегда рядом. Как умела, придумывала игры, учила тому, чему могут научить только лесные колдуньи: распознавать целительную силу растений, вовремя собирать нужные травы, находить общий язык со всем живым, но бессловесным. Дочка училась изо всех сил, ведь ей сказали, что папу надо радовать успехами! А за мамиными улыбками и песнями она давно заметила тщательно скрываемую тревогу и глухую тоску. Именно тогда в их доме появились сначала дядя Нейд с женой и племянником, а потом и соседи. Невероятно красивая леди Ифар ор Альге и её сын Тром-младший. Смешной пухлощекий малыш, на четыре года младше Тайри.

Тогда десятилетняя дочь профессора Даллета подумала, что играть все равно не с кем. Малявка и здоровенный дылда, к тому же почти взрослый. Даром, что близкий родственник. И тут Номар взял все в свои руки. Сначала — прятки и салочки, почему-то ставшие страшно увлекательными. Потом игры в «найди сокровище» и «что лишнее». И, разумеется, «катание на боевом коне», роль которого вечно принадлежала кузену, что тот с радостью принимал. Оказалось интересно, весело и удивительно уютно рядом с Номаром Даллетом, хоть он и был старше сестренки на добрый десяток лет. С этого момента время потекло иначе. Тайри и Тром пребывали в полнейшем восторге от старшего друга, который, несмотря на учебу, всегда находил для них час-другой чуть ли не каждый день. А еще он мастерил для них игрушки. Тайри — маленьких танцовщиц, цветочных фей с крылышками и принцесс-русалок. Тром — солдатиков и рыцарей всех эпох, корабли и драконов. Стоит ли говорить,

что феи и драконы летали, русалки и корабли плавали, а солдатики сами маршировали по паркету и вполне правдоподобно сражались. Отец, однажды увидев поделки Номара, сказал серьезно: парень будет великим Мастером, как Нибел-отец крепостей или Водон-механик. А потом добавил почти шепотом: «Я боюсь за него». Тайри запомнила и при случае спросила у мамы, что папа имел в виду. Как можно бояться за умного, смелого и такого взрослого кузена, тем более, если он скоро станет Мастером?

Лиола посмотрела на нее своими невозможными осенними глазами, вздохнула и ответила честно:

— Понимаешь, милая, Мастер, который может все или почти все, привлекает к себе людей. А люди бывают разные. Представь себе, что будет, если такого человека заставят работать на себя какие-нибудь заговорщики, или, упаси нас Создатель, приспешники Темного? Такое уже было в истории. А бывает и так, что Мастер, опьяненный своим могуществом, сам склоняется к Тьме и создает нечто ужасное. Или просто гибнет, не рассчитав своих сил и вложив всего себя в новое творение. В истории было и это.

Наверное, Тайри тогда была слишком мала, чтобы понять до конца все, что объяснила ей мать. Но просить новых кукол и фей перестала — чтобы брат зря силы не тратил.

Три года подарила им судьба. Три удивительно светлых, интересных и запоминающихся года. Номар многому их научил, а уж сколько книг они вместе прочитали, сколько историй было рассказано! А потом наступило То-Самое-Лето. Их последнее лето вместе.

Истинно говорят, что Судьба странно распоряжается нашими днями: иногда они пусты и бесконечны, а иногда в несколько дней вмещается целая жизнь. Сколько первых впечатлений вместились в пару месяцев? Первое путешествие к морю — не чередой порталов, а настоящее — верхом на лошадях. Ночевки в тавернах и под открытым небом, купание в реках, холодных горных ручьях и тихих лесных озерах, дождь и ветер в лицо, леса — не дремучие Уккабские, а молодые, светлые, прозрачные. Дороги и тропы. Древняя Хета — город старой Династии; крепости — разрушенные и сохранившиеся. Изящные замки на холмах. Маленькие провинциальные города, утопающие в цветах и зелени. Серебряный перевал и Стена, что перекрывала его с незапамятных времен, уходящая к облакам, таким близким здесь, сложенная из идеально ровных серебристых блоков, от которых в любую жару веяло холодом. Кто и когда построил Стену, от чего или от кого защищался, никто не знал. Во всяком случае, дома на этот вопрос Тайри ответа не нашла, брат тоже пожал плечами, сказав только, что это творение великого Мастера, кем бы он ни был.

Странно они себя чувствовали, проходя по туннелю, ведущему на другую сторону гор, к приморским долинам. Всего несколько минут под сводами из серебристого камня, будто выпавшие из общего течения жизни. Сосредоточенный и серьезный Номар, сразу ставший очень взрослым. Тром, отчаянно вцепившийся в руку старшего товарища и не скрывающий испуг. И она сама, смотрящая на себя со стороны, как во сне. Худенькая девочка с выбивающимися из тугой дорожной прически светлыми кудряшками, с любопытством оглядывающаяся по сторонам. Скорее удивленная, чем испуганная, явно недовольная тем, что ей приходится идти позади мальчишек и за руку с бородатым дядькой-сопровождающим. Вот она отпускает здоровенную лапу идущего рядом горца, выбегает вперед, идет вдоль дышащей холодом стены. А потом прикладывает обе ладони к серебристому камню. Он оказывается приятно-теплым и как будто бархатистым, точно листья ночных цветов из маминой оранжереи. Живым? Девочка оборачивается и видит немое изумление на лицах смуглых проводников, что сопровождали их через тоннель. Изумление, граничащее с

ужасом.

— Что-то не так? — обеспокоенно спрашивает кузен.

Старший из проводников, тот, что шел впереди — седой коренастый весельчак, у входа в тоннель беззаботно шутивший с приезжими, подобрался, точно тигр перед прыжком. Ответил медленно, тщательно подбирая слова:

— Маленькая леди сделала невозможное. Прадеды наших прадедов, и те не помнили, чтобы кто-то мог прикоснуться к серебряной кладке. И мы не знаем, хорошо это, или плохо. У нашего народа нет никаких пророчеств или запретов на счет этого, но... Когда такое происходит, мы не знаем, чего ждать от завтрашнего дня. Что-то определенно изменится, и хорошо, если только в её судьбе.

Номар внимательно слушает, потом усаживается, скрестив ноги, прямо на пол перед сестренкой и долго, внимательно рассматривает её ладони. Что он в них надеется найти? Ладони как ладони, разве что немытые... Что-то решив для себя, брат снимает с запястья простой серебряный браслет-цепочку, обвивает вокруг её тонкой ручонки — как раз, два оборота.

— Это тебе, чтобы запомнила то, что случилось. Ох, непростая у меня сестренка!

Девочка целует брата в щеку, протягивает руку младшему мальчику: пошли дальше! Тот шарахается от нее, как от чумной.

Что было дальше? Восторг, от которого перехватывало дыхание. С обратной стороны перевала открывался великолепный вид на цветущие долины и невероятно синее море на горизонте. Хотелось раскинуть руки, поймать ветер и лететь, пока не коснешься теплых волн. Увы, Номар молча выстроил защищенный портал прямо в поместье Альге. Тайри тогда даже обиделась на брата — как он посмел не повезти их через всю эту красоту, лишиться удовольствия чувствовать дивные запахи цветов и трав, слышать пение вечерних птиц! Теперь, вспоминая все произошедшее, девушка понимала, что кузен, скорее всего, испугался за нее. Уж больно мрачно поглядывали на юную леди сопровождающие из местного племени. Мало ли, что там надумают их старейшины по поводу случившегося? Может, сочтут святотатством, догонят и казнят, чтобы предки не обиделись.

Веселая жизнь в чудесном доме у моря вскоре вытеснила из памяти этот инцидент. Там были свои приключения, и какие! Первый выход в море под парусом, первый прыжок со скалы над чистой глубокой лагуной, игра в ловцов жемчуга, обернувшаяся находкой настоящей королевской жемчужницы. Огромную золотисто-коричневую раковину выловил Тром. Он хотел подарить её Тайри, но девочка убедила его преподнести редкость матери. Дети сделали это за ужином, обставив ситуацию всяческими старинными рыцарскими ритуалами, которые Тайри вычитала в книгах. Номар помог Трому открыть створки раковины своим кинжалом, и хозяйка дома восхищенно ахнула. Жемчужина была не просто крупной, она оказалась истинной «слезой русалки» — каплевидной, сияющей, прекрасного бирюзового оттенка.

— Разрешите мне создать оправу для этого чуда, миледи, — попросил кузен, и счастливая хозяйка, разумеется, разрешила.

Леди Ифар и сейчас носит это украшение, точно оно стало её талисманом. Трому приятно — это ведь память чуть ли не о первой его победе над самим собой и своим страхом. Тайри же вспоминала брата.

Возможно, не случись тот шторм, так разительно отличавшийся от коротких июльских штормов, юная леди Даллет так и не поняла бы, насколько дорог ей кузен. Нет, это не было

первой детской влюбленностью, скорее уж чувством более чистым, более редким и значимым — пробудившимся родством душ. Все началось с очень жаркого дня, когда на море воцарился воистину мертвый штиль. Пекло стояло немилосердное, но, несмотря на это, к зеркально-гладкой воде лагуны подходить совсем не хотелось. Дети плескались в бассейне с пресной водой, а прекрасная леди Ифар о чем-то шепталась с Номаром. Оба были непривычно встревожены. Брат, казалось, стал на десяток лет старше — девочке никогда не приходилось видеть его столь мрачным и серьезным. Когда над заливом начали собираться плотные сизые тучи, детей увели в дом, а потом и вовсе проводили в красивую комнату, спрятанную глубоко под землей.

— Не бойтесь, миледи, я справлюсь. Я же все-таки Даллет, и умею управляться с ветрами, — негромко сказал Номар хозяйке дома.

Почему-то десятилетняя Тайри была абсолютно уверена, что ветра к этому шторму не имеют никакого отношения. Мать Трома боялась чего-то иного, куда более опасного, что надвигалось на поместье с моря. Даже самые страшные ураганы, время от времени трепавшие побережье, были понятны. Их можно было развернуть, остановить, разбить на отдельные ветра, утихомирить духов воздуха заклятием. А как можно справиться с тем, что не похоже на известные тебе напасти?

Это теперь Тайри понимала, почему в тот страшный вечер прекрасная Ифар была на себя не похожа: металась от стены к стене, отвечала односложно на их детские вопросы и даже забыла рассказать им на ночь сказку. Конечно, раньше это делал Номар, и делал мастерски, но раз уж он занят... Зато расхныкавшемуся Трому матушка подвесила над кроватью сонный амулет. Тот мгновенно успокоился и ровно засопел. Тайри знала, как действует эта штука: засыпаешь так крепко, что хоть из пушки над ухом стреляй, и глаза откроешь, только когда тихонько позванивающий кристалл уберут в специальную коробку. Маленькая герцогиня Даллет не хотела пропустить, как она думала, самое интересное, поэтому и притворилась спящей. Конечно, будь это обычный вечер, леди Ифар мгновенно разоблачила бы маленькую детскую хитрость. Но сейчас вокруг поместья творилось что-то странное, хозяйка была поглощена своими мыслями и ничего не заметила.

Именно поэтому Тайри запомнила все. Как, несмотря на амулет, метался и стонал во сне Тром, и как плакала его мама — беззвучно, не вытирая льющихся по щекам слез. И как менялся свет трех ночников от теплого и яркого оранжевого в мертвенный желто-зеленый, затем в блекло-серый, как будто свет проходил сквозь густой туман. В конце концов, огоньки стали совсем крохотными и тускло светились багровым, пока не погасли. Она видела, как вернулся брат, сразу показавшийся ей невообразимо уставшим. Было заметно, что двигается он с трудом и бережет правую руку. Всегда улыбавшиеся губы сжаты в твердую линию, а яркие сияющие глаза стали точно у старика — потухшими и слезящимися.

— Я сделал все, что мог, Ифар, — хрипло произнес он, — но, боюсь, этого недостаточно. Может, правильнее было бы позвать помощь?

Хозяйка не ответила. Она стояла, прижав руки к сердцу, и шептала едва слышно:

— Вернулся, вернулся, слава Создателю...

Номар нахмурился, потряс головой.

— Прости, я сейчас очень плохо слышу. Мне пришлось применить парочку боевых заклинаний и одну маленькую семейную хитрость. Теперь у меня в голове сплошной звон и грохот.

Леди Ифар подошла к нему, тыльной стороной ладони стерла со щеки кровь и копоть,

нежно провела пальцами по волосам.

— Вы, Даллеты, невозможные люди... И как меня угораздило?

Брат улыбнулся одной стороной рта, а потом крепко обнял собеседницу здоровой рукой.

— Пойдем, — сказала она, — тебе надо привести себя в порядок. Только вот целитель из меня не очень...

— Ничего, как-нибудь справимся, — отмахнулся Номар. — Время у нас есть, — он пропустил даму вперед, обернулся в дверях и погрозил Тайри пальцем. Вот уж кто сразу её раскусил.

Помощь появилась нескоро. Им пришлось пережить еще одну ночь, не менее страшную. Амулеты не действовали, зачарованные светильники тоже. Поэтому леди Ифар зажгла три десятка свечей и пыталась развлечь гостей, как могла. Но её маленький сын все время плакал и не слезал с рук. В конце концов, их обоих сморил тревожный сон.

Тайри сидела на полу и пыталась хоть как-то отгородиться от шепота, что накатывал на нее, будто прибой. Шепот был противный, приставучий, то в один голос, то в несколько, и слова все были совершенно незнакомые. От него ныл затылок, и болели зубы. Зажимать уши было бесполезно, потому что звучал он где-то у нее в голове. А когда шепот ненадолго исчезал, то оставлял после себя липкую паутину. Тайри видела её переплетающиеся серозеленые нити, стоило только закрыть глаза. Поэтому она старалась даже моргать пореже. Конечно, ей тоже было страшно, но страх оказался как будто сам по себе, а не внутри. Она знала, что следовало бояться — вокруг замка кто-то бродит, брат вернулся раненый... Но выходило как-то неправильно. Кроме того, за спиной у страха маячила уверенность в том, что скоро все закончится, а этих двоих время от времени заслоняло собой огромное любопытство. Что же на самом деле происходит? Почему им ничего не рассказывают? А если пойти наверх и посмотреть? Ну и, конечно же, куда подевался брат? Когда шепот накатывал с новой силой, страх становился тошнотворно большим, и любопытству с надеждой приходилось отступать.

Номар, укрыв теплым пледом леди Ифар и Трома, уселся рядом с сестренкой, обнял за плечи.

— Не спала вчера?

— Не получилось. А «засыпалку» мне не повесили.

— Не страшно было?

— Это сегодня страшно. А вчера было странно. И еще я боялась, что если я усну, то с тобой что-нибудь случится, — Тайри потерлась лбом о плечо брата. — Сильно болит?

— Уже нет, малышка. Скоро совсем пройдет.

Тайри фыркнула:

— Я не малышка, Нори. И врать мне не надо. Я учусь врачеванию у мамы. Конечно, мы только начали, но чувствовать чужую боль я уже умею. Так что успокоительные слова можешь оставить для леди Ифар.

Она припомнила все мамины уроки, хорошенько потерла одну ладонь о другую и быстро приложила к забинтованному плечу брата.

— Ну, ты даешь, малявка, — удивленно выдохнул через пару минут Номар. Боль, поворочавшись для порядка, втянула свои огненные щупальца и уснула. — И говоришь уже, как взрослая. Ну что мне с тобой делать?

— Ничего. Потому что я не взрослая и ничем больше помочь не смогу, — грустно ответила ему «малявка». Тут шепот накатил с такой силой, что тело стало ватным, а в глазах

потемнело.

— Потерпи, скоро станет легче. Взойдет солнце, и им будет не до нас. Ты ведь у меня смелая и стойкая, настоящая леди Даллет? — нежно глядя сестренку по голове, сказал Номар.

— Кто такие «они»? Которые шепчут у меня в голове?

— Ты тоже это слышишь? Бедная моя девочка...

— Нори, расскажи мне что-нибудь. Хоть сказку какую глупую, для малышей. Мне легче, когда я слышу твой голос.

Брат в очередной раз покачал головой, удивляясь взрослым словам маленькой девочки.

— И расскажу, и покажу. Вот, смотри.

Он рассказывал одну забавную притчу за другой, показывал главных героев-зверей тенями на стене. Некоторых нельзя было показать одной рукой, и Тайри ему помогала.

— На заре времен, когда Создатель только-только приступил к воплощению своих замыслов, он сотворил несколько миров и населил их разными существами. Кто-то из них оказался слишком воинственным, кто-то слишком неповоротливым, а кто-то слишком хрупким для своего мира. Расстроился Создатель и многих из них уничтожил. Но тут его взор упал на самый первый из миров, где жили себе спокойно самые мудрые из его творений — прекрасные крылатые существа, владевшие огнем и воздухом, сильные и разумные. Творец не помнил, как и когда у него получились столь совершенные создания, так много от него получившие. Но они были, они считали его своим отцом, и Создатель стал гордиться такими детьми. Потом он решил, что миров должно стать больше, и ему понадобились подмастерья. Кого-то он создал, кого-то призвал из иных пространств, чтобы они помогали ему. Тяжело было творить существ, обладающих одновременно огромными силами и имеющими совершенную душу, да еще и каплю Изначального пламени в себе несущих. Творец очень устал, и под конец вышли у него странные создания: слабые, хрупкие, подверженные всяким болезням, быстро стареющие и недолго живущие. Но при этом были сокрыты в них немалые способности, упорство, воля к жизни, таланты и фантазия. Не всем досталось одинаково, не у всех могло проявиться, но эти слабые создания почему-то полюбились ему более прочих. И именно им Создатель решил подарить большую часть миров. Когда он это сделал, то понял, что недостатков у его любимцев, увы, еще больше, чем достоинств. И распределились они столь же неравномерно. Многие из них были добры и миролюбивы, другие же завистливы, агрессивны и жадны. Одни умели довольствоваться малым и помогать другим, другие желали владеть всем на свете и распоряжаться чужими жизнями. Создатель понял, что недолго проживут миры, населенные этими слабыми творениями, которые сами себя уничтожат. Но главную опасность он видел в будущем: не могли они избежать влияния того, кто еще ходил в Подмастерьях и старательно помогал в исполнении замыслов. И тогда услышал Творец голос первых своих детей — тех крылатых, что жили в мире много веков, и чья мудрость не знала себе равных среди сотворенных смертных.

«Каждому миру нужен хранитель. Тот, что будет всегда рядом, всегда начеку. Мы согласны посвятить себя этому делу, отдать чужим мирам будущее наших детей. Но без твоей по мощи, о Отец, нам не достичь цели. Те, кого ты поселил в других мирах, будут бояться нас и станут нам враждебны. Мы же хотим иного. Пусть они лучше считают нас одной из легенд. Дай Хранителю возможность принимать их облик, жить среди них, иметь детей. Только так он действительно полюбит тот мир, который призван оберегать...».

Именно тогда многие миры обрели своих Хранителей.

Номар положил свою ладонь поверх ладошки Тайри — так, что они стали похожи на два крыла, отогнутые большие пальцы соединились, образуя голову и шею.

— Кто у нас получился? — спросил он, указывая на тень от их сплетенных рук.

— Дракон, — улыбнулась девочка. — Вот бы познакомиться хоть с одним...

— Кто знает, может, и познакомишься. Говорят, они до сих пор живут среди людей, раз уж наш сумасшедший мир еще не рухнул. Тьма бьется в стены, лезет в окна и ползет из-под земли, но мы живы и даже как-то умудряемся ей противостоять. Значит, наш дракон жив.

— А слабые создания — это мы, люди.

— Верно, сестренка, — юноша хотел уже показать следующую фигуру, но Тайри остановила его.

— Погоди. Посмотри, какой он у нас красивый получился, совсем настоящий. Пусть еще полетает.

Номару показалось, что тень на стене ожила, встрепенулась и кивнула головой. Чего только не примерещится от усталости, подумал он.

— Почему бы ему не полетать? Я бы и сам полетал, если бы умел.

Они не заметили, как стихли чужие голоса, исчезла из воздуха омерзительная дрожь, как ушло из мышц болезненное напряжение. Брат и сестра так и уснули — сидя на ковре и держась за руки.

Так или иначе, помощники появились только к следующему полудню. Звали их или не звали, есть такие люди на свете, которые сами отлично чувствуют, где они нужны и когда.

Юная леди Даллет проснулась, несмотря на то что брат очень бережно и нежно опустил её на кровать.

— Спи, малышка, теперь уж точно все будет хорошо.

— Я больше не хочу спать, Нори.

— Тогда пойдем со мной в башенку, посмотришь на залив. Заодно подскажешь мне, откуда явились наши спасители, — брат улыбался, но в глазах пряталась грусть и тревога. Тайри до сих пор помнила этот его взгляд. Теперь-то она понимала — так смотрят те, кто отчаянно боится кого-то потерять.

Она взлетела по винтовой лестнице в круглую башенку, венчавшую трехэтажный особняк, и приникла к высокому окну. Номар встал у нее за спиной, положив ладони на плечи младшей сестры. Тайри мимолетно поразились, какие они холодные, ведь, сколько она помнила, брат всегда излучал тепло. Её взгляд приковал большой белоснежный парусник, вставший на якорь в бухте. Конечно, его невозможно было не узнать. Знаменитый «Нойверт», фрегат Альге-старшего. Вон, и вымпелы указывают, что адмирал на борту.

— Это же дедушка Трома! — сказала Тайри, — Чего ты разволновался?

— Ну как тебе сказать... Он ведь явно прибыл сюда не один. Чтобы уgomонить наших ночных гостей и заставить корабль двигаться в полный штиль, нужны маги. Или механики, но тут, скорее, первое.

— Ну, маги, что такого? Ты же не шарахаешься от своего отца или дяди.

— Правильно. Но с адмиралом прибыли не они, Тайо. Здесь будут маги Его величества, и они обязательно станут задавать вопросы, — юноша тяжело вздохнул, — Ладно, выкрутимся. Посмотри-ка лучше вон туда, где скалы сходятся с лесом.

И Тайри посмотрела, а потом посмотрела так, как учила её мама, и невольно передернула плечами.

— Там... лесные воины, жрицы и маг. Они такие, как моя мама. Тот же клан.

— Я так и думал. Вряд ли кто-то еще кинется на помощь опальным Даллетам, пусть даже хищная мерзость, что напала на нас, чуть позже сожрет их самих. Только родственники. Вот и уккабские чародеи послали воинов Зеленой Тропой, чтобы не дать тебе погибнуть. И теперь могут предъявить на тебя права.

— Почему это?

— Потому что спасли твою жизнь, глупышка. По праву крови.

— Нори, я не хочу к ним. И мама не хочет, она мне говорила. Потому и учит сама, уже год почти.

— Жаль, что я так мало знаю о традициях и законах Лесного народа, Тайо. И с мамой твоей так и не собрался поговорить, — еще более тяжело вздохнул кузен, — Увы, я не смогу спорить с ними на равных.

— А почему ты говоришь, что они спасли меня? Это ты сделал, — сердито нахмурилась девочка, сразу став похожей на своего отца.

— Да, я кое-что сделал, но... Если бы они не пришли, от нас всех остались бы сейчас одни бессмысленные оболочки. Живые, но лишённые всего человеческого.

Сестренка обняла юношу, уткнувшись лбом в его грудь, а потом сказала четко и решительно:

— Мы — Даллеты, Нори. И мы так просто не сдадимся. Если вдруг меня заберут, ты пожалуйста, помни меня. И помни, что я всегда буду любить тебя, даже, когда вырасту. До самой смерти.

Номар Даллет поднял кузину на руки, прижал к себе.

— Я тоже, малышка. Я тоже...

Гости появились в доме одновременно. Адмирал Тром Альге-старший, в сопровождении двоих мрачного вида магов в синих мундирах Адмиралтейства. И две жрицы Лесного народа в сопровождении мага — совсем молодого, как оказалось. Голову одной из них украшала серебряная диадема: лесной вьюнок и хмель. Вторая жрица носила белый деревянный обруч. Высокий ранг у обеих, только вот какой? Номар не знал. Стоял, напряженно вглядываясь в незнакомые строгие лица, и обнимал за плечи притихшую сестру.

Столичные маги настороженно осматривались, переговариваясь шепотом. Разумеется, правила хорошего тона не для них.

Первыми заговорили лесные, нарушив слишком затянувшееся тягостное молчание. Жрица в серебряном венце подошла к Номару и Тайри, несколько секунд смотрела, казалось, куда-то сквозь молодого Даллета, а потом низко поклонилась ему.

— Спасибо тебе, воин, за спасение наследницы древнего рода. Я вижу, ваши отцы — родные братья, но кровь — не самое главное, что вас связывает. Ваше родство гораздо глубже.

— Благодарю вас за высокую оценку моих действий, миледи, но я один вряд ли справился бы, — чуть дрогнувшим от волнения голосом ответил Номар.

— Поверь, нам было лучше видно. То, что ты сотворил, и то, как ты сражался, спасло жизни остальным. Ты убил человека, разбудившего морских тварей и пещерных теней. Ты сражался один на один с тремя вожаками стай. Именно твои чары загнали придонных тварей обратно в море и пробудили древнюю защиту, что тысячу лет спала в фундаменте этого дома. Мы спешили, как могли, но если бы не ты, спасти было бы некого.

— Да, вынуждены признать, что Номар ор Даллет совершил почти невозможное, —

неохотно проговорил старший из магов, тощий старик с темным, точно древесная кора, лицом.

— Что вы использовали, молодой человек? Одну из старых боевых разработок вашей семьи? Или новый эликсир из лаборатории вашего дяди? — будто на допросе произнес второй — надменный альбинос, щеку которого украшал старый шрам, заставлявший один уголок рта подниматься в вечной кривой ухмылке.

— Ни то, ни другое, господин адмиралтейский маг. Это мои личные...придумки.

— И много у вас этих придумок? — презрительно поинтересовался старик. Последнее слово прозвучало из его уст чуть ли не ругательством.

Номар чуть не ляпнул «на ваш век хватит», но его опередили.

— Достаточно, чтобы защитить женщин и детей от нечисти, которую упустили ваши хваленые маги, — прогремел адмирал Альге. — Где были ваши глаза, лорд Мельге? Почему на побережье оказался адепт вроде как давно уничтоженной секты, да еще и такой сильный?!

— И почему его выводок напал именно на наше поместье? — добавила его дочь. — Может, ему указали, на чей дом следует натравить свору?

— Поосторожней, миледи, — вскинулся альбинос, — еще чуть-чуть, и вы скажете, что это наших рук дело.

Прекрасная Ифар, которая в гневе делалась и вовсе ослепительной, шагнула вперед, гордо подняв подбородок:

— Я знаю только одно, милорды. Вы появились здесь на третьи сутки, когда ваша помощь могла бы понадобиться только на похоронах. Совершенно случайно молодой лорд Даллет оказался куда сильнее, чем вы ожидали. А когда мой отец почувствовал неладное, вы просто присоединились к нему, не знаю уж, зачем. Наверное, чтобы отработать новые заклятия на морских тварях.

Лицо альбиноса залила краска, уголок рта задергался. Казалось, еще несколько слов — и он набросится на Ифар с кулаками.

— Они ничего не делали, моя прекрасная госпожа, — сказал молодой маг лесного народа. Голос у него оказался неожиданно низким и сильным, совершенно не соответствующим внешности. Где же поместиться такому голосу в худом, угловатом, почти подростковом теле? — Придонников, очухавшихся после заклинания вашего гостя, загнали в лагуну наши воины. Оставшихся без хозяина теней истребили мы. Наша юная родственница подтвердит. Ты ведь умеешь распознавать, чьи чары были использованы? — обратился он к Тайри.

Она робко кивнула и сосредоточилась, прикрыв глаза, потянувшись тонкими заклятиями познания к берегу и скалам, как учили. Потом ответила четко:

— Я вижу только магию Леса и остатки чар моего брата.

Альбинос фыркнул, точно недовольный кот.

— Вы еще скажите, что слов сопливой девчонки достаточно...

— Нам — достаточно, милорд.

— Вот и забирайте это лесное отродье и отправляйтесь туда, откуда явились, — прошипел старик, — не мешайте нам. Деревья, знаете ли, хорошо горят и без всякой магии, особенно в засуху, что свирепствует сейчас на юго-востоке. Мне рассказывали, что ваша Столица сплошь деревянная.

— Не напугаете, милорд. Все ваши реки текут среди лесов, все их истоки под нашей

рукой. Все, что растет на земле и в воде, нам послушно. Это противостояние бесполезно, о чем вы прекрасно знаете. Вспомните войну трехсотлетней давности. Мы никого не трогали, но те, кто посягнул на наши леса, жестоко поплатились. — Жрица в серебряном венце просто излучала спокойствие и безмятежность, ни одна черточка не дрогнула на точеном лице. И только Тайри чувствовала, что терпение этой женщины на исходе. — А девочку мы забрать не вправе, хотя очень хотели бы. Не мы спасли ей жизнь. Кроме того, она уже в ученичестве. Рвать подобные узы — давать дорогу Тьме, и вам это известно.

— Тогда просто не мешайтесь под ногами, у нас много дел. Дочь леди Лиолы не единственный объект расследования.

— Вы хорошо знаете наши обычаи, милорд. Напоминаем, мы в долгу у молодого Даллета, — спокойно произнес лесной маг.

— И моя семья у него в долгу, нравится вам это или нет, — адмирал сейчас мог бы вызвать шторм, если бы захотел, — и я не позволю на моей земле устраивать ваши разбирательства и допросы.

— Вы хотите сказать...

— Я хочу сказать, что Номар ор Даллет оказал серьезную услугу короне, истребив адепта опасной секты и изрядно проредив его свору. Кроме того, он спас женщину и двоих детей. Не говоря уже о том, что он оказал неоценимую услугу мне лично, обороняя мое поместье и спасая мою дочь и внука! — Тром-первый уже рычал, не сдерживая возмущения.

— Этот юноша оказал неоценимую услугу и Лесному народу, сохранив жизнь одной из последних носительниц древней магии Светлой чаши весов. Кроме того, он сберег наших воинов, приняв на себя основной удар. Если ему понадобится защита или убежище, он получит желаемое. Равно, как и любую требуемую помощь, — добавил маг.

Альбинос скривился, пожал плечами и легко сотворил портал прямо посреди зала.

— Пойдемте, милорд Мельге. Никуда он от нас не денется. Вернется осенью в Академию, там мы с ним и побеседуем вдумчиво. Столица, знаете ли, далека от лесов Уккабы, — издевательски кивнул он жрицам.

Старик смерил злым взглядом своих оппонентов и, молча исчез в портале.

— Как ты понимаешь, мы не прощаемся, Номар ор Даллет. До встречи, — сказал альбинос и последовал за своим начальством.

Некоторое время в зале царила тяжелая тишина. Потом Тайри, почувствовав, как тяжело далась адмиралу эта беседа, подвинула ему кресло.

— Спасибо, малышка. А то с этими акулами из Адмиралтейства никакого сердца не хватит. — Старый моряк опустил в кресло и с наслаждением вытянул ноги. — Стой тут навтыяжку перед всякими выскочками, точно юнга сопливый.

Младшая жрица протянула лорду Альге маленькую деревянную флягу:

— Выпейте, почтеннейший. Это поддержит ваши силы и успокоит сердце.

Адмирал осторожно отвинтил крышку, принялся. Лицо озарила довольная улыбка.

— Девяносто трав и ягод, настоянных на лунной росе? Знаю, знаю.

Между тем молодой маг протянул Номару медальон из зеленоватого камня, покрытый сложным орнаментом.

— Где бы вы ни были, вы под нашей защитой. Лес платит свои долги.

— Спасибо, — смущенно пробормотал юноша, — надеюсь, мне не придется...

— Придется, — печально сказала жрица в серебряном венце, — ты и сам это понимаешь. Твой талант слишком редок, чтобы они оставили тебя в покое. Помни и

готовься.

Гости из Леса пробыли в поместье Альге до утра. Они беседовали с хозяевами, обошли вместе с леди Ифар и Номаром дом, парк и пляж, возобновляя и совершенствуя защитные чары. Старый адмирал только качал головой, глядя на них.

— Нашим такого вовек не сотворить, разучились уже, разленились... Разве что государю под силу подобное волшебство, да таким самородкам, как твой брат, — говорил он Тайри, — потому и охотятся адмиралтейские крысы, где можно и нельзя.

Еще неделю прожили у моря Тайри и её кузен, но все уже было не так. Будто мрачные тени императорских магов стояли у всех за спиной. Не было прежнего веселья, ничего не придумывалось, играть не хотелось. Маленький Тром заболел, и дедушка большую часть времени проводил в его спальне. Номар и леди Ифар ходили задумчивые и молчаливые, а младшая из Даллетов старалась никому не мешать и целыми днями пропадала в библиотеке. Даже погода — и та испортилась. Из низких серых туч зарядил нудный дождь, и прогулки пришлось отменить.

В один из вечеров Номар пришел в библиотеку и, увидев там устроившуюся с книгой в углу дивана сестренку, спросил:

— Что читаем?

— Старинные легенды о Затонувшем королевстве.

— Самое смешное, что это никакие не легенды, Тайо. Ну, почти...

— Как это? — удивилась девочка. Ничего подобного дома ей не рассказывали.

— Было такое королевство больше тысячи лет назад на обширных землях далеко на юго-востоке нашего материка. Эти земли соединялись с побережьем узким и очень длинным перешейком. В сущности, это был просто скалистый гребень, обычным путем непроходимый. Маги Товолла пробили в нем удобный тоннель. На полуострове жили мирные люди, искусные мастера, резчики, архитекторы, ювелиры, кузнецы и оружейники. Именно там ткали знаменитый товоллский шелк, тонкий, но чрезвычайно прочный.

Тайри перелистнула несколько страниц.

— Тут написано, что в Затонувшем королевстве были самые красивые на свете города.

— И серебряные рудники. И золотоносные реки в горах. И плодородные земли вокруг уснувшего вулкана, на которых росло то, что не росло больше нигде в мире. А на материке росла зависть. Огромная и черная, как сердце Темного Отступника. В конце концов, один из императоров захотел получить все это.

— Кто-то из наших предков Хетья?

— К счастью, нет. Предпоследний из предыдущей династии. Он начал войну, окружив полуостров с моря, благо, флот у него был огромный.

— Король Товолла отказался подчиниться? В книге написано, что он был темным магом и гнусным злоумышленником.

— А что они еще могли написать? — печально ответил Номар. — Не признаваться же, что император не знал, как поднять из руин обветшавшую в очередной раз собственную страну, а тут, под боком, такой богатый и беспечный сосед? Не знаю, темным был король Товолла или светлым, но отдавать он ничего не собирался. И предателей, насколько я понял, на полуострове не нашлось.

— Они сами взорвали перешеек?

— Вряд ли... Скорее всего, маги Империи. А потом, не добившись желаемого, растормошили Океан, и гигантские волны захлестнули дивные города. Но где-то они

ошиблись, Тайо. Полуостров дрогнул, давно спавший вулкан проснулся. И остался император ни с чем: только горстка маленьких островов и острые клыки скал, перегораживающие залив.

— А люди? Они все погибли?

— А вот это и есть главная загадка. По непонятным причинам Товолл не имел своих кораблей, не строил и не покупал у соседей. Даже крупных рыбацких шхун у них не было. Но имперцы не нашли ни одного погибшего после потопа. Будто все они исчезли неизвестно куда, забрав с собой самые ценные вещи, скот и домашних любимцев.

— Вот откуда взялась легенда про волшебную арку, за которой дорога в светлый и добрый мир!

— Скорее всего. И скорее всего, она там и есть. Я мечтал когда-нибудь её найти, но теперь не знаю, удастся ли мне хотя бы спокойно закончить Академию.

Тайри было больно смотреть на такого грустного и подавленного брата, и она сказала, осторожно взяв его за руку:

— Я найду её для тебя, Нори. Обязательно найду.

— Спасибо, сестренка, — благодарно улыбнулся кузен, — только ты сначала подрасти, хорошо? Путешествие потребует от тебя много сил.

— Нам пора уезжать?

— Ты угадала. Пора домой. — Он произнес это, точно собственный приговор. Домой Номару совершенно не хотелось. Пожалуй, в первый раз Тайри не знала, как утешить брата, потому что она-то домой очень хотела. Она соскучилась по отцу, у нее накопилась тысяча вопросов к матери о её родичах из Уккабских лесов: каковы их обычаи, что они могут, в чем их сила и почему они не любят столичных магов. Впрочем, последнее ей и так было ясно.

Юные Даллеты думали, что вернутся домой также, как приехали — через цветущие приморские долины, загадочный тоннель, а оттуда спустятся по горным дорогам, завитым, точно бараний рог. Но судьба в лице адмирала Альге распорядилась иначе. «Мы пойдем на моем фрегате» — сказал он, и отвел им пару дней на сборы и прощания. Тайри недоумевала, с чего вдруг такая спешка и что собирать: вещей-то всего ничего. Это теперь, став взрослее, она поняла, что старый моряк просто дал время попрощаться Номару и своей рано овдовевшей дочери. Как он смотрел на них тогда: с глубокой печалью и одобрением. Ничего не говорил, никогда не мешал, лучше прочих понимая, что у этих двоих времени почти не осталось. Он что-то знал о том, как может сложиться судьба молодого Даллета, знал и заранее сочувствовал. Наверное, именно поэтому лорд Альге и не позволил им тратить время на сухопутное путешествие.

Когда восьмивесельная шлюпка отчалила от берега, и силуэты провожавших их леди Ифар и Трома-младшего стали плохо различимы, Номар тяжело вздохнул и задал сестренке совершенно недетский вопрос:

— Как думаешь, мы с ней еще встретимся?

Риторические вопросы так не задают — глядя в глаза собеседнику с надеждой и печалью. Тогда Тайри впервые ощутила, как на слова брата откликнулось не только её сердце, но и нечто большее, непонятное, с чем был связан её дар. По спине пробежали мурашки, а в глаза точно плеснули соленой морской водой. На секунду мир исказился, веки резануло болью. Интересно, где такие моря, вода которых позволяет заглянуть в чужое будущее?

— Вы обязательно встретитесь, Нори. Вам никуда не деться друг от друга. Ты будешь

появляться и исчезать, а она — ждать тебя, даже когда все остальные потеряют надежду, — медленно проговорила Тайри почти шепотом. Незачем посторонним знать о том, что ей открылось. Кузен крепко обнял её за плечи, прижал к себе, неловко чмокнул в висок, где начинались светлые, с медовым отливом, завитки волос.

— Ты дрожишь. Замерзла?

— Не-а, — совсем другим голосом ответила его сестренка, снова становясь семилетней девочкой. — Мне страшно. Было. И глаза болят.

Маг и сын мага, Номар понял, что все услышанное им сейчас — настоящее. Настоящее предвидение, очень опасное для детей, да и для обученных всем премудростям взрослых тоже. Потревоженное время всегда накладывает свой отпечаток. Номар видел пророков и ни за что на свете не желал Тайри такой судьбы.

— Девочка моя, ты больше так не делай, ладно? Не заглядывай так далеко, даже ради меня, — попросил он ласково.

— Оно само, Нори, — страх отступил, и напряжение вместе с медленно исчезающей болью пролилось слезами. Тайри всхлипывала, вцепившись в руку брата, соленые ручейки постепенно пропитывали её шарф и воротник куртки. — Мне просто стало так жаль тебя и леди Ифар. А потом я увидела что-то... смутное. А слова запомнила. Но если ты просишь, то я больше не буду к этому прислушиваться.

Номар стирал слезы с её щек и подбородка, говорил что-то успокаивающее, перескакивая с одного на другое, а в душе отчаянно молился, чтобы ищейки из тайной службы Императора никогда не узнали об этом случайном её даре. И не превратили бы чудесную общительную и веселую девочку в угрюмое, живущее в темноте существо, для которого каждая новая встреча с вопрошающим — пытка. Каждый новый ответ на вопрос возвращался к предсказателю хорошо если головной болью или слабостью. Поговаривали, что они платят за способность видеть сквозь время своей жизнью: часами, днями, годами. Потому и живут так недолго. Умные родители, разглядев у родного чада подобный дар, всячески прячут его от посторонних, а когда дитя войдет в возраст, стараются побыстрее его женить или отдать замуж. Да так, чтобы сразу внуками обзавестись. Потому что, как только у потенциального провидца рождался ребенок, дар исчезает, уступая место обычной родительской интуиции.

**** *
**** *
**** *

Путешествие на корабле было удивительно спокойным. Погода благоприятствовала, ветер дул попутный, а море оставалось теплым. Тайри научилась без страха нырять прямо с борта, вязать морские узлы и ловко лазать по вантам вслед за юнгами. Экипаж больше всего любил, когда оба Даллета помогали коку на камбузе — еда почему-то становилась в разы вкуснее. Адмирал подолгу беседовал с Номаром на мостике или закрывшись в своей каюте. После этих разговоров кузен Тайри был мрачен и неразговорчив. Так, в молчании, они и прибыли в залив Светлых Крыл, откуда до Столицы оставалось несколько часов ходу под парусами. Брат и сестра стояли на баке, прижавшись к плечу плечом, а адмирал смотрел на них с высоты мостика и думал о том, как этим двоим повезло. Они верили друг другу, как никому на свете, и никакие жизненные коллизии не способны теперь разрушить их доверие и привязанность. Великая редкость и удача — встретить такого человека. А еще этим двоим страшно не повезло — слишком рано привлечь к себе внимание императорских магов. Хотя, родившись Даллетом, трудно избежать подобного. Разве что в монастырь удалиться, едва научившись говорить, и никогда не пытаться развивать семейные таланты. Возможно ли

перестать быть тем, кто ты есть? И что хуже: вечно пытаться ускользнуть от ищек Его величества или отказаться от всего, дарованного тебе свыше? Стоит ли спокойствие такой жертвы?

Тайри и сейчас закрывала глаза и чувствовала руку брата на своем плече. Больше никогда у них не было случая, чтобы вот так помолчать вдвоем о самом главном. Да что там, даже просто поговорить спокойно, не оглядываясь и не боясь произнести что-то лишнее для посторонних ушей, они уже не могли. После этого минул год — суматошный, переполненный событиями. Школа, занятия с мамой, поездка к родственникам в Уккабские леса, новые люди, так и не ставшие друзьями и не задержавшиеся в её жизни. И день рождения — последний раз, когда они с братом виделись. Номар подарил ей великолепное кольцо. Вещь для королевы, сказал тогда отец, никак не меньше. А потом они долго вспоминали тот счастливый месяц у моря. Уходя, кузен сказал ей:

— Тайо, если тебе что-то наговорят про меня — не верь. И если скажут, что я умер — не верь тоже.

— Ты же знаешь, что заставить меня поверить в подобное невозможно. Я тебя чувствую, — пожалала плечиками юная герцогиня Даллет.

— Ну... возможно я буду так далеко, что твое чутье не сработает.

От этих слов девочке сразу стало холодно и грустно.

— Хорошо, обещаю. Знай, я всегда буду ждать тебя, хоть до конца времен.

— Это очень серьезное обещание, Тайо. И я его принимаю. Ты даже представить себе не можешь, как это важно — чтобы хоть одна родная душа ждала тебя, несмотря ни на что. И еще, если тебе понадобится помощь — только подумай обо мне, и я буду рядом.

Через пару недель брат исчез, и отец попросил как можно реже называть вслух его имя. Особенно на людях. Никто в те дни не озаботился объяснить Тайри, что произошло. Ей просто сказали: "Так надо!". Безусловно, она догадывалась, что все случившееся — это летних событий, но с тех пор она возненавидела все эти "так надо", сопровождаемые многозначительными взглядами вместо внятных объяснений.

С тех пор прошло много лет, Тайри выросла. Вырос и Тром-младший, так и оставшийся тихим и боязливым. Старый адмирал уехал жить в свое поместье, завещав столичный дом внуку. Прекрасная леди Ифар год за годом отвергала самые заманчивые предложения руки и сердца и жила уединенно в маленьком, похожем на крепость доме на соседней улице.

Тайри быстро поняла, что без знаний и опыта, на одних только способностях далеко не уедешь, поэтому усердно училась. Школа, потом Академия, изучение лесной магии с матерью, занятия в лаборатории с отцом... И все это ради одной единственной цели. Отец, конечно же, догадался, да оно и к лучшему. Еще бы с наставником повезло, и тогда до задуманного останется только шаг.

— Миледи, вам почта, — прервал её размышления вежливый голос дворецкого, — только что доставили.

Тайри тряхнула головой, отгоняя ненужные мысли. Она так и стояла на площадке между первым и вторым этажом у открытой балконной двери? Вот до чего доводят воспоминания.

— Спасибо, Жером, — девушка взяла плотный конверт из серебристой с красными прожилками бумаги, украшенный эмблемой Академии в верхнем правом углу.

"Леди Тайонна-Ри ор Даллет

приглашается на ежегодный Весенний бал Академии Его Императорского величества, который состоится во дворце Лодвенаг... "

Ничего себе! Как же умудрился угодить короне наш уважаемый ректор, что для Весеннего бала Академии не пожалели малую официальную резиденцию, подумала она. Ах, да, форма одежды парадная. Снова эти платья, фамильные драгоценности, неудобные туфли и десяток оберегов на все случаи жизни. Одно радует, что через три дня после бала будет обязательная процедура представления учеников наставникам. Значит, ждать уже недолго. Больше всего юную леди Даллет интересовал не фасон нового платья, а то, дадут ли ей заниматься избранной темой или под благовидным предлогом отправят к тем же Целителям. Не даром же к отцу наведалься почтеннейший глава Академии...

Лиола, герцогиня Даллет, заглянула в комнату дочери и огорченно вздохнула. Четыре бальных платья, доставленных сегодня утром от самых известных портных Столицы, так и пребывали на вешалках. А та, которой вся эта роскошь предназначалась, сидела, скрестив ноги, на кровати и читала толстенный фолиант в желтой кожаной обложке. Как будто Весенний бал не завтра, не у нее, и вообще вся эта суета не имеет к ней ни малейшего отношения.

— Тайри, милая, ты уже все подготовила к балу? — негромко спросила герцогиня, хотя и так знала ответ.

Ее дочь подняла от книги глаза — такие же серые и печальные, как у матери.

— Нет, мамочка. Прости, я совсем забыла. Честно говоря, мне совершенно не хочется даже мерить эти платья. А единственная пара туфель, из тех полутора десятков, что вчера привезли, не подходит по цвету ни к одному из них. Зато она нравится мне.

Герцогиня присела на стул у двери, попросила:

— Покажи мне эти туфельки, Тайо. Возможно, я смогу помочь?

Девушка достала из-под кровати обтянутую атласом коробку и извлекла из нее пару темно-синих бархатных туфелек с элегантной серебряной вышивкой. Самый раз, чтобы танцевать всю ночь до утра и не упасть от усталости. Действительно, они были слишком скромны для расшитых жемчугом и самоцветами нарядов, да и по цвету не подходили.

— Позавчера в городе был торговый караван из Уккаба. Я не удержалась и прикупила кое-что, — с безмятежной улыбкой сообщила Лиола дочери, — посмотришь? По-моему, должно подойти к темно-синему...

Фолиант был мгновенно забыт. Тайри подхватила полюбившуюся пару, звонко чмокнула мать в щеку и побежала примерять обнову. Шелка из дальних южных лесов были безумно дороги, а платья из них, даже при полном отсутствии вышивок золотом и прочих портновских ухищрений, столь изящны, что далеко не каждая светская красotka могла себе их позволить. Такие вещи надо было уметь носить, чтобы не показаться окружающим коровой в дорогом седле. Именно поэтому Тайри так нравилась одежда, привозимая с родины леди Лиолы. В этих нарядах ей было необыкновенно легко и удобно, они будто становились второй кожей и никогда не подводили свою хозяйку.

Старшая леди Даллет, прежде чем покинуть комнату дочери, заглянула в оставленную на кровати книгу. Сборник старинных легенд и сказок, изданный всего в нескольких экземплярах еще при первых королях предыдущей династии. И где только откопала? Лиола знала, что в самых невероятных, на первый взгляд, легендах, под грудой красивых слов скрыта порой очень опасная правда. Лесной народ, в отличие от остальных, хранил достоверную память о многом, что считалось утерянным. Что ж, если придется, она расскажет правду дочери. Но не раньше, чем убедится, что простыми способами девочку не остановить. Герцогиня знала о желании Тайри вырваться на иные тропы, за пределы

собственного мира, а еще — найти брата. И очень боялась, что приведут они девочку не к Номару, а в древние ловушки, или, того хуже, в императорские застенки. Увы, тихой целительницы из дочери не получилось. Даллеты — дети воздуха, и никому еще не удавалось удержать эту стихию в руках.

**** *
**** *
**** *

Отец невольно залюбовался спускавшейся по парадной лестнице Тайри. Синее, в меру строгое платье уккабского шелка только подчеркивало достоинства её фигуры и выгодно оттеняло глубину глаз. Тонкое запястье охватывал чеканный серебряный браслет с переливчатым синим камнем — он сам преподнес его дочери, предварительно зачаровав, как оберег. А шею украшал один-единственный сапфир, зато какой! Лиола отдала Тайри самую загадочную вещь из своего приданого, которую сама ни разу не надевала, лишь показывала мужу. Самоцвет был живой, такие еще называли "Слеза Дракона". Внутри темно-синей капли тепло сиял огонек, а если присмотреться, то можно было увидеть в глубине дорогу, уходящую к горам, и крупную птицу, летящую над ней. По легенде, если владелец понравится обитавшему в камне дракону, тот будет охранять его всю свою жизнь. Поговаривали, таких камней нет даже в императорской сокровищнице. К счастью, доподлинно известно, что украсть или отнять этот камень невозможно. Подарить или передать по наследству — пожалуйста, если знаешь, как провести ритуал. Во всех остальных случаях камень оставался обыкновенным бесполезным украшением. Лорд Даллет знал, что его любимая жена пожертвовала ради дочери очень серьезной защитой.

— Дочь моя, ты ослепительна, — улыбнулся герцог, — твоя дальнейшая учеба может оказаться под угрозой. Потому что нам придется после бала долго и упорно отбиваться от твоих поклонников.

— Нет у меня никаких поклонников, — отмахнулась Тайри.

— Появятся, — отец подал ей руку и повел к ожидающему их экипажу, — уж поверь старику. Отбоя не будет. А вот девицы обзавидуются.

Дочь все больше походила на Лиолу в те дни, когда молодой Торвик ор Даллет только с ней познакомился. Герцог очень хорошо помнил, как потерял голову, и куда полетели все его обещания, данные самому себе: никогда не влюбляться и относиться к женщинам, как к развлечению. Лиола тогда была не просто прекрасна, она была загадочна. Несмотря на знатное происхождение и высокое для своих лет посвящение в Ордене, она вела себя много скромнее подруг, больше молчала, чем говорила и очень живо интересовалась всем неизвестным. Точно такой сейчас была их дочь.

Разумеется, отец оказался во многом прав. Дамы бросали на её наряд завистливые взгляды и поджимали губы, разглядев украшавший изящную шею сапфир. Кавалеры же не оставили ни одного свободного танца. Юную герцогиню Даллет это сместило: будущие великие маги напоминали ей фазанов, демонстрирующих оперение перед избранницей. Все эти "птичьи пляски" были забавны и необременительны, пока на балу не появился милейший господин ректор в сопровождении одного из младших братьев Императора. Разумеется, почтенный магистр не мог не использовать такой удобный случай, чтобы в очередной раз объяснить строптивой студентке, как она ошиблась, избрав для дальнейшего совершенствования не целительство. Тайри спокойно слушала увещевания главы Академии и дослушала бы до конца, если бы не проблема, именуемая Кимлан ор Льофф. Нравы и привычки этого принца были известны всей столице, если не всей Империи. Он всего-навсего считал любую понравившуюся девушку своей собственностью, и действовал, ни в

чем себе не отказывая. В данный момент его явно заинтересовала дочь опального герцога.

Братец его величества нагло разглядывал стоящую напротив девушку. От этих липких, плотоядных взглядов Тайри хотелось сбежать куда подальше и как можно быстрее смыть с себя мерзкие ощущения.

По лицу милейшего милорда ректора читалось, что он и сам не рад, но куда деться от этого высокородного хлыща? Причудам императорского братца препятствовать опасно, ибо тот был злопамятен и мстителен, как никто из его семьи.

Между тем, принц решил, что взглядами можно не ограничиваться, да и ждать ему надоело.

— Уберите руки, ваше высочество, — ледяным голосом произнесла Тайри, пытаясь преодолеть тошноту, — мне неприятно.

— Потерпишь. — Толстые пальцы с неаккуратными ногтями больно сжали её плечи. — А будешь брыкаться — пожалеешь. Я сделаю так, что ты просто исчезнешь, и никто про тебя не вспомнит. Подумаешь, девочка куда-то ушла в разгар веселья и не вернулась... Пойдем, прогуляемся по саду, детка.

Конечно, она могла ответить, поставить на место зарвавшегося наглеца, к какой бы фамилии он ни принадлежал. Но любое действие, любое заклинание этот мерзавец императорских кровей представил бы, как нападение на особу правящего дома. А это — гарантированная казнь для нее и подвалы императорской тюрьмы для отца, матери и дяди. Вот и получается, что Тайри не имеет права защищаться. Последняя в роду не может подставить семью под удар. Остается надеяться только на чудо. Жаль, что папин оберег не спасает от домогательств венценосных скотов...

От запаха слащаво-приторного парфюма принца Тайри подташнивало, от его наглых объятий — трясло, как в лихорадке. Очень хотелось попросить ближайший куст ползучего шиповника вцепиться в императорского братца всеми своими колючими побегами. Хотя, он, наверное, защищен от подобного фамильной магией.

— Ну же, не будь такой мрачной, детка. — Кимлан запустил пятерню в её волосы и больно потянул, заставляя откинуть голову назад. — Это в твоих интересах. Нечего строить из себя недотрогу.

— Ваше высочество, умоляю вас перенести ваше высочайшее благоволение на тех, кто действительно его... достоин. — Леди Даллет старалась говорить как можно сдержаннее и мягче. Может, поймет? Увы, принц еще более распалился:

— Сегодня я решил, что моего благоволения достойна именно ты. Уккабские колдуньи игнорируют наше общество и ко двору не являются. Ну, для начала сойдет и полукровка. — Императорский братец потянул за волосы еще сильнее, и Тайри отчаянно подумала: «Отрежу. Отчекрыжу эти кудри, ну их к Темному, чтобы еще хоть одна сволочь своей мерзкой клешней меня тянула...»

— Последний раз говорю: не сопротивляйся, детка, пожалеешь. Потому что, когда мне сопротивляются, я, знаешь ли, становлюсь очень... э-э-э-э... настойчивым.

Кимлан провел по её подбородку остро отточенным ногтем мизинца. Чтобы не закричать от омерзения, Тайри до крови прокусила губу. Темная капля побежала вниз, по шее и дальше — в неглубокий вырез платья. Уккабский шелк впитал ее, и на нем мгновенно расцвел тускло светящийся оранжевый цветок.

— Как интерес-с-сно, — увлеченно прошептал принц, — предвкушаю море новых ощущений. Это был правильный выбор, — он, уже не стесняясь, полоснул ногтем по её шее,

чуть ниже уха.

Девушка тряхнула головой, капли крови полетели веером, одна из них тяжело ударила в сапфир, что висел у нее на шее.

Яркая белая вспышка резанула по глазам. На секунду и Тайри, и принц Кимлан ощутили порыв горячего ветра, увидели дорогу, уходящую к чужим горам и огромное крылатое существо над своими головами. Императорский братец с воплем отскочил от своей несостоявшейся жертвы. Прямо перед ним стоял невесть откуда взявшийся, невысокий и худой человек в странном синем одеянии. Узкое, породистое лицо с резкими, даже хищными чертами, дышало гневом. Раскосые глаза явственно светились в темноте ледяной синевой. Жемчужно-белые волосы трепал ночной ветер.

— Ты... кто такой?!! — просипел его высочество, медленно пятясь. — Откуда взялся?

— Разве это важно, сын жабы? Если ты еще раз посмеешь хоть в мыслях причинить вред моей леди, горько будешь жалеть об этом всю жизнь. Если, конечно, сможешь связно мыслить. Я не посмотрю, что твой братец на престоле. Сейчас. Пока еще. — Голос у незнакомца был низкий, отдававшийся мягкими волнами в костях и черепе.

Его высочество схватился за фамильный оберег, висевший на толстой золотой цепи.

— Я понял, кто ты такой! Ты не посмеешь, твои предки дали клятву не вмешиваться! — просипел он.

— Ну, во-первых, клялись они не тебе и не твоей крови. Во-вторых, спроси у братца, во что они клялись не вмешиваться. А в-третьих, мои предки этот договор вообще не подписывали, как и все остальные Воины. Так что ты ошибся, Льофф. Я посмею, и еще как. Что-нибудь еще расскажешь, или все-таки отправишься восвояси? — Усмешка у незнакомца вышла устрашающей.

— Вы поплатитесь, вы все поплатитесь, проклятые колдуны, я вам этого не забуду, — совершенно не царственно всхлипнул принц Кимлан и, не разбирая дороги, кинулся к замку.

Только кусты затрещали.

Незнакомец же повернулся к Тайри и низко поклонился.

— Простите, моя леди, что так поздно пришел на помощь. Увы, мы связаны условиями договора. Пока вашей жизни ничто не угрожало, я не мог вмешаться. Но вид и запах крови сводит с ума этого подонка, он вполне способен убить ради собственного удовольствия. Зато теперь я могу приходить, когда вы меня позовете.

— И как же я позову, если я не знаю имени моего защитника? — проговорила юная герцогиня Даллет, пытаясь припомнить все, что ей рассказывала матушка о синем кристалле. Получалось, что знала Тайри очень мало.

— Простите еще раз, моя леди. Я — Скайяр из рода Танцующих с Волнами, крылатый из касты Воинов. Принял служение добровольно. Мой род остался жив лишь благодаря вашим предкам, и они ничего не просили взамен.

— Скажи, Скайяр, ты всегда будешь со мной?

— Пока сапфир с вами — всегда. Разумеется, вы вольны меня отпустить, если захотите. Вы — последняя из лесной крови Джехона, и ваша воля для меня закон.

Крылатый. Дракон из касты Воинов. Древнее существо из детских сказок. Оживший миф, до которого можно дотронуться, и он не исчезнет. И такое красивое имя...

— Скайяр, а то, о чем говорил Кимлан, не может тебе повредить? — осторожно спросила Тайри.

— Ни мне, ни кому другому из Крылатых, миледи. Древнюю клятву давал Князь-

Хранитель одному из человеческих королей. Он был сыном Огня и Камня и умел держать слово. Князь-Хранитель обещал никогда не вмешиваться в дела людей на чьей-либо стороне. В то, что вы называете политикой, в ваши войны. Он оставил за собой право беспощадно пресекать все, что грозит миру разрушением или вторжением Тьмы. Потомки того короля и сейчас живут среди людей, но с тех пор минуло слишком много лет и сменилось четыре династии на вашем троне. Да и Хранитель сейчас другой. Так что этот Льюфф никакого отношения к договору не имеет, как и его предки.

Дракон успокоился, хищная усмешка превратилась в застенчивую полуулыбку.

— Спасибо тебе, Скайяр, — улыбнулась в ответ Тайри, — как бы я хотела увидеть тебя в истинном облике.

— Успеете еще, моя леди. Многие пугаются... Мы же древние чудовища, не так ли?

— Не так, — покачала головой девушка, — я всегда думала, что драконы — первые дети Творца, носящие в себе частицу Пламени Первозданного. Так мне рассказывал брат.

— У вас нет братьев, — нахмурился дракон, — я бы почувствовал...

— Кузен, по линии отца. Он пропал несколько лет назад.

Скайяр задумчиво и совсем по-человечески потер лоб, потом очень осторожно коснулся пальцами царапины на шее Тайри. На кончиках его пальцев осталась капля крови. Дракон долго её разглядывал, потом дунул — и багровая капля истаяла яркими искрами.

— По отцу вы дитя воздуха, и это нас роднит еще больше, моя леди. Что касается вашего кузена, то он жив. Большого я сказать не могу.

— Спасибо! — юная леди Даллет, поддавшись мгновенному порыву, крепко обняла своего защитника и тут же отпрянула, страшно смутившись. Дракон, казалось, тоже был смущен и... обрадован.

— Прости, Скайяр.

— Скай, если угодно моей леди.

— Вашу леди следует называть Тайри. Полное имя я терпеть не могу, да оно и не нужно. — Девушка подняла глаза и встретилась со смеющимся взглядом дракона.

— Та-а-айри, — повторил он нараспев, и вышло у него как-то особенно мелодично.

Где-то позади, из-за деревьев, послышались голоса и смех. Скайяр хитро подмигнул своей леди, прижал палец к губам, призывая к молчанию, и исчез. Вот только что стоял рядом, а теперь даже трава не сохранила следов. Только слабо светится сапфир...

Тайри зябко передернула плечами. Если её обнаружат здесь в таком плачевном виде, Творец знает, что наговорят. Плевать, в общем-то, но отцу и маме будет больно. Хорошо еще, что этот высокородный мерзавец Кимлан отвел всем глаза. Там, в зале, никто ничего не заметил. Она вытащила из сумочки маленькое зеркальце, взглянула в него и чуть не охнула от удивления. Прическа была в полном порядке, от царапины не осталось и следа, и оранжевых цветов на платье как не бывало. Еще раз мысленно поблагодарив своего замечательного защитника, Тайри стала осторожно пробираться к замку. Если выйти со стороны террасы, все решат, что ей просто захотелось побыть в одиночестве и послушать птиц, а не дворцовый оркестр. И лишних вопросов не будет. Вот когда понимаешь все достоинства уккабских нарядов! В них одинаково удобно танцевать на балу и пробираться в зарослях колючего кустарника...

Через несколько минут юная леди уже сидела на одной из скамеек южной террасы, выходящей на тихий пруд. На тонкой ветке черной ивы лунная серебрянка самозабвенно выводила свою ночную песню. Эти птички — одно из маленьких чудес столицы, как говорил

ей отец. Все остальные их сородичи поют с рассвета до заката, и лишь серебрянки — ночью. Говорили еще, когда эта кроха поет, она закрывает глаза, ничего не видя и не слыша вокруг. Поймать её можно голыми руками, если, конечно, дотянешься, и если вдруг забыл, что птичка еще до рассвета разобьет в кровь грудку о прутья клетки и погибнет.

— Вот вы где, леди Даллет, а мы уже отчаялись вас отыскать, — почтеннейший милорд ректор явно вздохнул с облегчением, обнаружив свою строптивую студентку. Что бы ни учудил принц Кимлан, все уже закончилось. Его высочество спешно отбыл по делам, а дочь опального герцога цела и невредима... кажется.

— Я устала от шума, милорд. Здесь намного спокойнее и дышится легче.

— Что ж, я рад. Я немного беспокоился за вас.

— Благодарю за заботу, милорд ректор, но, право, не стоило. Со мной все в порядке.

«Ну разумеется, все с ней в порядке» — сварливо подумал маг, — «хотел бы я знать, что она сделала с этим высокородным хлыщом: его вдруг как ветром сдуло. Всем-то глаза не отведешь...»

— Не хотите вернуться в зал? Ваши кавалеры успели заскучать без вас.

— Полагаете? Что ж, значит, вернемся, — спокойно согласилась Тайри и последовала за своим начальством.

— Миледи, вы еще не передумали? Все также не хотите заниматься целительством? Далась вам эта магия порталов, — устало вздохнул ректор. — Ведь опасное и малоизученное направление, согласитесь.

— Ну, пока еще не далась, мне предстоит учиться. А искусство моей матери я продолжу изучать независимо от этого. Возможно, все сложится так, что я вернусь к целительству окончательно.

— Радует, что вы уже не так категоричны, как раньше, — магистр сразу же стал похож на довольного жизнью кота. — Действительно, никто не знает, как пойдет ваше обучение, и захотите ли вы его завершить защитой. Чаще всего мы предполагаем, а Творец делает по-своему.

— Мой отец тоже так говорит, — согласно кивнула девушка.

«Неужели профессор Даллет повлиял-таки на свою упрямую дочь?» — удивленно подумал ректор. — «Если так, то мир точно скоро перевернется...»

В зале все было по-прежнему: кто-то танцевал, кто-то пировал, а кто-то творил иллюзии. Повсюду звучал смех, местами наигранный или совершенно пьяный. За одним из столиков молодые маги играли в "чудика". Ведущий создавал некое иллюзорное существо, остальные заранее задумывали, что они этому созданию "пририсуют". Делали игроки это одновременно и, затем, все вместе любовались окончательным творением, покатываясь от хохота. "Чудик", изначально бывший, допустим, поросенком, в итоге оказывался снабжен парой хоботов, дюжиной щупалец с присосками, костяным гребнем вдоль спины, лошадиным хвостом и парочкой стрекозиных крыльев.

— Ваши друзья развлекаются. Присоединитесь? — предложил Тайри глава Академии.

— Право, не стоит, милорд, — раздался рядом чей-то негромкий, мягкий и обволакивающий голос, — юной леди Даллет вряд ли будут интересны эти детские игры. Её ждет куда более содержательный разговор.

— Не смею перечить, ваше императорское величество, — вздрогнув, едва слышно прошептал маг.

Тайри почувствовала, что её крепко взяли за локоть и увлекли в короткий, мастерски

замаскированный Переход. Один шаг из ярко освещенного зала в полутемный двор с шелестом фонтанов и лунными бликами на влажных листьях. А где-то за деревьями слышится цокот копыт по булыжникам мостовой, и шум проезжающих экипажей. Куда её привели? В парадный парк у главного входа, скорее всего.

«Все, доигралась» — отстраненно подумала Тайри. — «Этот мерзавец пожаловался своему венценосному брату. Бедный отец...»

— Прошу прощения, леди Даллет, — император отступил в густую тень, так что лица видно не было, лишь тускло светились голубые камни на широкой цепи, — сразу за все. За мое вторжение на ваш праздник, и, прежде всего, за скотское поведение моего братца. Сами знаете, в семье не без урода. Кимлан вообще мало чем похож на настоящего Льоффа. Подозреваю, что моя матушка, да упокоят её Вечные Волны, не всегда была верна отцу. И за это маленькое похищение тоже меня простите.

Если бы почтеннейший ректор Академии слышал эти слова, он сказал бы, что мир уже перевернулся, и солнце утром взойдет на западе. Или вовсе не взойдет. Тайри от удивления растеряла все слова и молча взирала на совершенно не соответствующего её представлению монарха.

— Ну, что же вы молчите, леди? Мои извинения приняты? — Император не слишком старательно попытался изобразить в голосе недовольство, но чувствовалось, что он улыбается. Наверное, ужасно довольный произведенным эффектом.

— Безусловно приняты, ваше величество. Просто я... крайне удивлена, — Тайри с трудом подобрала нужные слова, — и временно потеряла способность связно изъясняться. Не каждый день...

— Перед вами извиняются коронованные особы? — Его величеству и самому было смешно. — О, да, это нам не свойственно.

— Именно так я и думала, ваше величество. — Девушка присела в глубоком придворном реверансе.

— Бросьте вы эти церемонии, леди. Как-никак, не на официальном приеме. Насколько я понял, вы на нас больше не сердитесь, и я могу спокойно вернуться домой, к моим книгам, чего и вам советую. Ваш бал уже перевалил ту отметку, когда веселье становится несколько обременительным.

— Я последую вашему совету, мой император.

— Надеюсь, несколько позже у нас будет возможность спокойно побеседовать о делах. Не хочу, чтобы у вас складывалось превратное мнение о моих намерениях.

— О каких, ваше величество?

— Не сейчас и не здесь, леди Даллет. До свидания. — Император сделал шаг, позволив ближайшему фонарю осветить его лицо: большие голубые глаза под тяжелыми веками, густые прямые брови, нос с небольшой горбинкой, бледные губы, четко вылепленный фамильный подбородок.

— Увидимся. — Легкая улыбка мелькнула на бледных губах. Монарх кивнул ей и исчез в Коротком переходе, из которого пахнуло холодным морским ветром.

Тайри некоторое время стояла, приходя в себя, потом сказала вслух:

— О небеса, что еще должно случиться сегодня? Дракона я уже видела, императора тоже... Или все невероятное, отпущенное на этот день, уже, слава Творцу, закончилось?

О том, какую же цель преследовало его хитроумное величество, извиняясь перед девушкой из опальной семьи за проделки брата, Тайри подумала молча. Даже деревьям

такое говорить не стоит.

**** *
**** *
**** *

Разумеется, она вернулась домой. Тихонько поднялась по лестнице для слуг, чтобы не встретиться с матерью — не хотелось отвечать сейчас на её обязательные расспросы. Скользнула в свою спальню, бесшумно разделась, не зажигая света, и уснула, едва голова коснулась подушки. По дороге домой она думала, что этой ночью ей обеспечены кошмары с императором в главной роли. Об этом говорили все, кто впервые встречался с ним. Одна из способностей клана Льюффов: они умели так зацепить сознание собеседника, что в нем надолго поселялся страх, тревожа снами и неясными предчувствиями. Но снилось юной герцогине совсем другое: тихое ласковое море до горизонта, теплый песчаный берег и огромная золотая птица в ясно-зеленом, нездешнем небе. Нет, не птица — дракон.

Пару дней Тайри крепилась, потом не выдержала и рассказала все отцу. И про наглого принца, и про дракона, и про императора. Не было у нее больше сил в одиночку ломать голову над тем, что же все-таки имел в виду его величество. Лорд Даллет со вниманием выслушал, а потом сказал очень ласково и спокойно — тем самым тоном, которым он еще в раннем детстве успокаивал расплакавшуюся дочь:

— Предсказывать действия нашего императора я не берусь, да и никто не возьмется. То, что с нами за эти двое суток ничего не случилось, вполне красноречиво говорит, что брату своему он потакать не намерен. И это радует. Пожалуй, ты нужна ему живая и свободная. Кроме того, он явно заинтересован в том, чтобы ты не считала его врагом. Зачем — вот вопрос, но тут уж я ничем помочь тебе не смогу. Думаю, что нет ни единого человека, способного угадать мысли нашего императора. Я — точно не из них. Займись насущными делами, а это как-нибудь прояснится.

Тайри и сама понимала, что иначе и не получится. Волноваться и переживать по этому поводу — дело бесполезное, тем более что все нити, им управляющие, не в твоих руках. Жизнь сама позаботилась о том, чтобы мысли юной леди Даллет получили иное направление. Наступил момент знакомства с наставниками.

**** *
**** *
**** *

Встреча с теми, кому предстояло вскоре принять клятву ученичества от будущих магистров, никогда громко не афишировалась. Это был особый, внутренний ритуал Академии, и проходил он каждый год иначе, нежели в предыдущий. Почтеннейшие студиозусы до самого последнего момента оставались в неведении, пригласит ли милорд ректор кого-то из светил, приближенных к Императору, ведущих магов Адмиралтейства или орденов, или же ограничится преподавателями. Будущие магистры каждый раз ожидали сюрпризов, но не всегда их ожидания оправдывались.

Вот и сегодня все было не так, как рассказывали. Встреча с будущими наставниками была назначена на утро не в кабинете ректора и не в малом дискуссионном зале, а в Звенящем садике, что само по себе не вписывалось ни в какие рамки. Маленький квадратный атриум в главном здании, утопающий в цветах и зелени, был прозван Звенящим из-за зачарованных фонтанов с хрустальными чашами и птиц, что распевали там в любое время года. Вход в садик студентам был заказан, да и магистров приглашали нечасто. Однако, пробраться туда всеми правдами и неправдами, преодолевая опасности, главной из которых было попасться на глаза преподавателям, любой второкурсник считал своей священной обязанностью. Посему десять счастличиков, прошедших экзамены, стояли тесной кучкой и напряженно оглядывались: все ли осталось здесь прежним? Ректор и

остальные пока задерживались, хотя спрятанные где-то среди плющей и цветущих лиан часы мелодично пробили десять. Маленькая яркая птаха, синяя с оранжевым, уселась на край хрустальной чаши, повертела головой и принялась самозабвенно чирикать. Её певческие экзерсисы прервал голос главы Академии:

— Прошу прощения, господа студенты, мы несколько задержались. — Он появился из портала, а за ним и другие. Кого-то будущие магистры знали, иных видели впервые. — Зато теперь мы все в сборе, начнем...

Тайри с интересом рассматривала стоявших рядом с Ректором людей. Морские маги из Адмиралтейства, важные господа из Императорской Академии Недр, совершенно неопиcуемый молодой маг из дворца — мастер Защиты. Леди Илета ор Холлен, глава ложи Наблюдателей. Этим до всего есть дело, каждый новый магистр у них на учете и под пристальным вниманием. Боевые маги — седовласый лорд Гирс, глава кафедры, и двое его молодых коллег, веселых и уверенных в себе. Этих Тайри хорошо знала, как и вечно печального мастера-Целителя. И еще две личности, будто совершенно лишённые внешности, только песочного цвета балахоны, скрывающие лица глубокие капюшоны с вышитой на них руной "нефез" и знаком песочных часов. Маги Времени, те, кто ищет Предсказателей и тех, других, что способны заглядывать далеко в прошлое. Неужели это за мной, запоздало испугалась Тайри, кто-то из преподавателей разглядел-таки её особые отношения со Временем и сообщил ищейкам этого страшного ордена. Вот так и закончатся все её мечты и планы — в темных подземельях какого-нибудь древнего храма... А кто там еще, абсолютно незнакомый, почти неошутимый магически, стоящий вместе со всеми, и в то же время будто отделенный невидимой стеной? Тайри как ни старалась, не смогла разглядеть последнего наставника: невысокий и худой, он терялся за широкими спинами и пышными одеяниями коллег.

Первой шагнула навстречу судьбе маленькая и невзрачная Кеми ор Оклен. Насколько знала Тайри — посредственный боевой маг и приблизительно такая же целительница. Как оказалось, не в этом был её главный талант. Одна из "песочных" фигур протянула девушке руку и тихим, каким-то шелестящим голосом произнесла:

— Прошу вас, миледи, сказать нам о вашем решении. Мы очень давно ждали этого момента, но в вашем случае только добровольный шаг решает все.

— Да, я решила, я иду с вами, — звенящим от волнения голосом ответила девушка и вложила свои пальцы в ладонь мага. Обе "песочные" фигуры склонились в низком поклоне, и через мгновения ни их, ни скромной Кеми уже не было в Звенящем садике. Только теперь все сообразили, какая мертвая тишина стояла во время этого короткого разговора. Смолкли птицы, и даже вода перестала журчать. С их уходом и преподаватели, и студенты вздохнули с явным облегчением.

Морские маги с нетерпением поглядывали на ректора. Они никогда не утруждали себя отбором, всегда полагаясь на мнение Академии. С сегодняшними кандидатами ошибиться было невозможно. Братья ор Трайт, из династии, в которой уже много поколений подряд мужчины становились либо капитанами, либо магами флота. Многие шутили, что у ор Трайтов в жилах не кровь, а морская вода. Тайри периодически добавляла про себя, что у некоторых, несмотря на наследственные таланты, вместо мозгов медуза. Ридан был галантным, умным и сдержанным. Его брат Лоди — рассеянным, нахальным и не в меру болтливым. Милорд ректор надеялся, что наставники заставят Лоди измениться, иначе его собственные способности загонят парня в могилу. Море, как известно, не любит

разгильдяев.

Мастер защиты пробежался глазами по лицам, поманил пальцем скромного тихоню Монгана Нэша — единственного среди них, не имевшего титула. Юноша был из небогатой купеческой семьи. Его талант, в самом прямом смысле, пробил ему дорогу в Императорскую Академию: в четырнадцать лет он самостоятельно построил вокруг себя практически идеальные щиты и явился, благополучно преодолев все уровни охраны, к милорду Ректору с просьбой о приеме. Учился Монган блестяще, да и наставник давно к нему присматривался. Парень, поправив на веснушчатом носу большие круглые очки, кивнул и решительно шагнул к дворцовому магу.

— И подружку свою возьми, умник. Вдвоем вы у меня горы свернете. Где я еще найду такую идеальную пару для боевой Унии, — улыбнулся мастер Защиты.

Монган обернулся и потянул за рукав онемевшую от удивления Эсмер ор Дау, младшую дочь очень древнего рода. Вот уж никто не ожидал!

Осталось пятеро.

— Леди Мора ор Севилл, надеюсь, я найду в вас более прилежную ученицу, чем были ваши предшественники, — с тяжким вздохом молвил мастер-Целитель. Это был его вечный пунктик: он считал, что будущие магистры занимаются спустя рукава, в то время как его дисциплина требует полной и безоговорочной отдачи. — Мне крайне жаль, леди Даллет, что вы решили направить свои усилия в иное русло. Признаться, я на вас рассчитывал.

— Простите, милорд Эйтан, — виновато опустила глаза Тайри, — я никоим образом не хотела вас огорчить.

— Я понимаю, — вздохнул старый мастер и ссутулился еще больше, — передумаете — приходите. Мало ли что...

Мастер Недр не стал ничего говорить, ему было достаточно взгляда. Он был молчалив от природы, как и камни, которые охотно ему подчинялись. И будущий ученик оказался ему под стать: угрюмый одиночка из обедневшего рода, давно прозябающего в провинции. Как ни странно, Тайри и Ортам ор Глейде за годы совместной учебы стали если не друзьями, то хорошими приятелями. Каждый знал, что может рассчитывать на помощь другого в трудной ситуации, а еще юной леди Даллет нравилось, что Ортам понимает её без слов. Вот и сейчас он оглянулся, весело подмигнул ей — еще увидимся! — и спокойно пошел за своим наставником.

Теперь выбор боевых магов был сколь очевиден, столь же и ограничен. Кроме Тайри будущих магистров осталось двое: молодой ор Лейн — дальний родич императора, и Нир ор Тильге — талантище и головная боль всех преподавателей академии. Почему так? А вы представьте себе сочетание недюжинных способностей, наследственную огненную магию, взрывной характер, огромное любопытство и полное отсутствие терпения в упаковке практически совершенной мужской внешности. Он поглощал знания с огромной скоростью, все пытался попробовать, причем немедленно, а к исчерпанному интерес мгновенно остывал. Девушки в его присутствии теряли голову, а юноши — уверенность, особенно поначалу. Естественно, ни те, ни другие не могли думать об учебе, вместо нее на занятиях кипели роковые страсти. Даже у Тайри случился с Ниром три года назад скоропостижный роман, который быстро себя исчерпал, к счастью, не оставив неприятного осадка. Да и чего можно было ожидать от истинных детей своих стихий? Огонь и Воздух хорошо сочетаются, но в замкнутом объеме воздух выгорает, и огонь гаснет. А они были заперты в стенах Академии, в рамках обычаев и ожиданий. Теперь же оба старались держать дистанцию, не

испытывая друг к дружке ничего, кроме тепла и благодарности, хотя многие думали, что бывшие влюбленные затаили друг на друга обиду.

Красавцы с кафедры Боевой магии переглянулись.

— Вот так всегда. Девушек-то нам и не досталось. Не любят нас девушки, — притворно огорчился один из них.

— А леди Даллет вы уже не считаете? — столь же притворно удивился Нир.

— Увы! Нам известен её выбор. Леди Даллет поставила наш курс даже не на второе место в своем списке приоритетов. Хотя у нее могло бы неплохо получиться, семейный талант, знаете ли.

— Познакомьтесь с вашим наставником, леди Даллет, — каким-то скрипучим голосом, точно через силу, проговорил ректор. — Мы надеялись обойтись своими силами, но его величество решил иначе.

Маги расступились, давая дорогу человеку в простом темном камзоле. Вот он оказался на ярком свете, падавшем сквозь стеклянный потолок — такой же, как все, и в то же время иной. На первый взгляд ничего необычного в этом человеке не было, да и на второй тоже, особенно, для непосвященных. Таковые разглядели бы лишь то, что новый Наставник не имел никакого титула и был, очевидно, небогат. Единственным украшением служило серебряное перо — знак гильдии, приколотый к плечу. Тайри с детства была приучена смотреть иначе, собственно, она так и сделала, а присмотревшись — вздрогнула. Таких, как её будущий наставник, многие не любили и опасались. А как еще можно относиться к представителю то ли маленького народа, то ли большого клана, что почти четыре сотни лет назад появился неизвестно как и откуда, получил от императора разрешение поселиться на бесплодном острове и превратил его в зеленый и плодородный. При этом они не слишком-то рвались дружить что с Империей, что с другими странами, ни к кому не лезли, хотя и не таились — приезжай и смотри, если любопытно. А потом практически незаметно остров опустел, и снова никто и предположить не мог, почему так случилось. Тем не менее, еще лет двадцать назад многие представители этого народа свободно жили на материке и считались лучшими среди всех менторами, наставниками и воспитателями. Их называли ваюмнами, по названию острова Юм, пожалованного пришлому народу дедом нынешнего монарха. Тайри как-то пыталась понять, почему император так поступил. Возможно, и здесь сыграло роль фамильное любопытство: кто знает о Путях и Тропах больше чем те, что путешествуют по ним свободно? Может быть, они в благодарность поделятся умениями?

— Мастер Гайдиар с острова Юм. — Ректор коротко поклонился наставнику. — Леди Тайри ор Даллет, ваша ученица.

Девушка шагнула вперед, прямо и открыто взглянула в лицо загадочному ваюмну. Примечательное, надо сказать, лицо, такие Тайри видела только на старинных портретах в императорской галерее да в коллекции деда. Высокие резкие скулы, впалые щеки, твердый подбородок. Серые, с болотной прозеленью, усталые глаза смотрели без любопытства, без превосходства, без насмешки, без... Да без всех тех чувств, которые были бы понятны в такой ситуации. Станный незнакомый рисунок на его лбу, издали казавшийся поблекшей татуировкой, был выложен мелкими синими кристаллами. В гладко зачесанных иссиня-черных волосах сквозила редкая седина. Красивый крупный рот дрогнул, но улыбка так и не родилась. Тайри подумала, что ваюмн, наверное, давно забыл, как это — улыбаться. С него разве что воплощение бесстрастия рисовать.

— Рад знакомству, моя госпожа, — голос у ваюмна оказался низким и негромким, —

надеюсь, что буду полезен вам в дальнейших изысканиях.

Леди Даллет хотела ответить что-то стандартно-вежливое, а потом спросить о первом занятии, но, встретившись со странными, будто сквозь нее глядящими глазами мастера Гайдиара, растеряла все слова. Да и мысли стали какими-то невесомыми, неуловимыми. Кожу на щеках покалывало, словно на морозе, в груди образовалась гулкая ледяная пустота, и где-то совсем рядом шевельнулось Время. Наставник чуть нахмурился, заставив синие кристаллы подставить грани под острые лучи солнца, протянул руку и положил тяжелую ладонь на плечо Тайри. Дохнул в лицо ветер, наполненный чужими незнакомыми запахами и непонятными звуками. Глаза точно песком запорошило, а когда Тайри снова смогла нормально видеть, вокруг не было ни Звнящего садика, ни её однокурсников, ни их наставников. Только камни под ногами и шум моря где-то внизу.

— Зачем, мастер? — только и могла спросить Тайри.

— А сами не догадываетесь? Ваши охотники за предсказателями ушли не слишком далеко, миледи. Их таланта вполне хватило бы отследить прорыв Времени и ваш на него отклик.

— Спасибо. — Горло перехватило от осознанной опасности, и ответ получился хриплым. — Честно говоря, я думала, что эта моя способность благополучно заглохла.

— Значит, ошибались. Это, безусловно, произойдет, но никто вам не скажет, когда. Время своенравно, и неохотно отпускает своих избранных, — пожал плечами мастер, — к счастью, нам это помешать не должно. Не хотите сказать, зачем вам понадобились знания о Тропах? Порталами и переходами ваши маги владеют прекрасно.

Ага, вот и проверка. Что ж, попробуем достойно сформулировать, подумала леди Даллет и, чуть помедлив, ответила:

— Я хочу пойти дальше. Проверить кое-какие гипотезы.

— Это не главное, не обманывайте ни себя, ни меня. На этот путь становятся те, кто ищет нечто... особенное. Или давно утерянное. Или запретное. Что ищете вы? Сомневаюсь что только приключений.

Тайри вздрогнула, но отступать было поздно. Прочитал мастер её намерения или просто сделал предположение, основываясь на немалом жизненном опыте, он попал в точку, что подтверждало правильный выбор наставника его величеством.

— Не что, а кого. Брата, который исчез несколько лет назад. А еще я хочу увидеть другие миры и дороги к ним.

— Первое очень хорошо понимаю. Второе — нет. Вы и свой-то мир едва знаете.

— Значит, начнем с него. Есть старые легенды и странные места. Возможно, я найду искомое там. Но от Троп я не откажусь ни за что на свете.

— Я смотрю, у вас уже есть четкий план действий, моя леди? — Легкий сарказм в голосе наставника не удивил и не покоробил Тайри.

— Вряд ли это можно назвать планом, лорд Гайдиар. Всего лишь пара-тройка зацепок на первое время.

— У меня нет титула, миледи. Не следует называть меня лордом, — усмехнулся ваюмн.

«Похоже, все наши титулы, происхождение и положение в обществе для него ничего не значат — так, шелуха» — подумала девушка, мимоходом удивившись спокойствию своего наставника. Другой бы смолчал, приняв такое обращение, как должное, или скривился бы, объясняя. А этот даже посмеивается, безупречно соблюдая этикет в отношении высокородных особ.

— Хорошо, мастер. Хотя, лично я вижу в вас, что называется, породу. Много поколений предков, посвятивших себя какой-то цели. Традиции, воспитание. Стержень.

Наставник удивленно приподнял красивые брови:

— Странно слышать подобное от столь юной леди. Стержень, это верно. Путь уже и не важно. Без посторонних можете называть меня, как угодно, учебе это не помешает.

— Благодарю вас, мастер. Я буду очень признательна, если вы станете называть меня просто по имени.

— Герцогиню из древнего рода? Наследницу как минимум двух правящих династий? Вот так запросто? — наставник изображал удивление, но в глазах его было другое. Пожалуй, то же самое, что его собеседница увидела бы сейчас в зеркале: помесь тревоги и любопытства.

— Почему нет? Так же намного проще.

— Хорошо... Скажите, Тайри, а почему вы не стали совершенствоваться в целительстве? Милорд Ректор так сокрушался по этому поводу, говорил, из вас вышел бы целитель, каких мало.

— Да, это так. — Тайри тяжело вздохнула. — Скорее всего, милорд Ректор не ошибся. Мои способности к исцелению во многом наследственные. Магушка — одна из последних Посвященных высокого ранга в ордене Гарды.

— И чем вам не угодило древнее искусство уккабских волшебниц? Прекрасный путь для женщины: хранить, исцелять, воспитывать учеников, в том числе и собственных дочерей. Не находите? — Ваюмн чуть наклонился, заглядывая в глаза своей ученицы, что она совершенно бестрепетно выдержала.

— Не нахожу. Для меня — это лишь один из возможных путей. Позднее, не сейчас. Если из других задумок ничего не получится.

— А сейчас вы видите себя исключительно в поиске?

— Да, мастер. Надеюсь, что не утраченного, ибо мы теряем человека лишь с его смертью. Недозволенного — только если само попадетсЯ в процессе. Неведомого — всегда, особенно, если оно хоть в чем-то будет полезно. Знаете, нам с младенчества твердили, что наш мир не единственный, другие просто очень далеко. Легенды гласят, что дороги туда закрыты или забыты. Я бы хотела это опровергнуть.

— И отыскать там исчезнувшего человека, — наставник не спрашивал, он утверждал, — как странно иногда шутит судьба.

— Вы тоже кого-то ищете? — леди Даллет почти обрадовалась, ведь общая цель позволяет добиться очень многого.

— Большую часть жизни. Возможно, с такой помощницей, наконец, найду...

Тайри не стала спрашивать наставника, кого же он так долго и безуспешно ищет, хотя её любопытство отчаянно этого требовало. Интуиция оказалась сильнее, она подсказывала, что для таких разговоров еще не время. Чувствовалось, что долгий поиск был для мастера не просто насущной потребностью, он связан с неким долгом, лежавшим на его плечах тяжким бременем. И трогать это пока не стоило. Поэтому, не давая волю вертевшимся на языке вопросам, Тайри опустила на одно колено и произнесла ритуальную фразу:

— Согласны ли вы взять меня в ученицы — до тех пор, пока не сочтете нужным отпустить меня в мир, мастер Гайдиар с острова Юм?

— Согласен. Отныне и до тех пор, пока Мир не укажет нам обоим, что ученичество

закончено. — Его голос как-то странно дрогнул, и горячая ладонь накрыла склоненную в ритуальном поклоне голову девушки. Неожиданно теплые и ласковые искры побежали от этого прикосновения по всему телу.

— Встаньте, леди. Теперь никто не в праве вмешиваться в дела наставника и его ученицы. Я не знаю, кто из высших сил стал свидетелем вашей клятвы, но она явно получила благословение и защиту. И я вместе с ней. — Ваюмн явно был растерян.

— Такое и раньше случалось? — спросила девушка и поняла, что знает ответ.

— Никогда. Да и я не учил других тому, чему мне предстоит учить вас... Что ж, всё когда-то приходится делать впервые.

— Возможно, по этой Тропе мы и дойдем до наших целей.

Тайри отвела взгляд — не было сил смотреть, как меняется бесстрастная маска его лица, как медленно и мучительно плавится тот безупречный камень, под который были загнаны эмоции, чувства и надежды. Сказав о цели, она задела мастера за живое, заставила всколыхнуться нечто глубоко личное, возможно, давно признанное неисполнимым.

— Возможно. — Голос ваюмна остался по-прежнему ровным. — Никто не мешает нам сделать первый шаг прямо сейчас. Я хочу посмотреть, как вы строите портал. Сможете вернуть нас туда, откуда мы так вовремя исчезли?

Тайри просто кивнула в ответ и четко, как учил отец, связала Поток и очертила в воздухе арку. Контур слегка мерцал перламутром, а за ним щебетали птицы и звенел в хрустальной чаше фонтан. Наставник одобрительно хмыкнул и первым шагнул в Звенящий садик.

— А обратно сможете? Исключительно по ощущениям, без привязки к ориентирам, без подготовки?

Ну понятно, в знакомые-то места, где проучился уйму лет, любой даже будучи в бессознательном состоянии доберется. Тайри попробовала вспомнить, что чувствовала там, на скале у моря. Масса камня внизу, потоки старые и слабые. От силы Воды веет мощью, холодом и простором, а где-то высоко звенит струна, звук знаком: тонкий и вибрирующий, почти неприятный. Так ощущается влияние одной из опорных звезд, вспомнить бы еще, какой...

— Смелее, миледи, — подбодрил её нетерпеливый наставник.

Тайри глубоко вздохнула, с трудом заставила себя не зажмуриться, построила арку и шагнула вперед. Наградой была горсть ледяных соленых брызг, брошенных в лицо ветром.

— Неплохо для первого раза, — прозвучал рядом очень довольный голос наставника, — Силы неэкономно расходуете, ну так для того и я, чтобы научить. Для начала попробуем ограничить...

Тайри слушала мастера Гайдиара, все больше удивляясь своему везению. До него никто, даже отец, не объяснял ей так стройно, четко и изящно принципы работы с порталами. Теперь ей казалось, что все они раньше действовали исключительно по наитию, не учитывая многих вещей, по большей части не понимая, почему нужно делать так, а не иначе. Ваюмн был именно тем, кто ей необходим — чтобы все понять и знать наверняка. Оказалось, нелегко привыкать к иному взгляду на давно известные вещи, но как же интересно! Унаследованная от отца и поддержанная когда-то братом жажда знаний позволяла Тайри преодолевать подобные препятствия. Ей хотелось понять и запомнить как можно больше, изучить тонкости, научиться тому, чего никогда не сумеет другим. Главное, чтобы не случилось ничего непредвиденного, и мастер благополучно довел её до защиты...

Надо ли говорить, что с этого момента жизнь юной леди Даллет сильно изменилась? Она училась, как никогда раньше. Наставник не только требовал теоретических обоснований каждого действия с порталами и переходами, он настаивал на тщательном изучении смежных дисциплин, а также просил ни в коем случае не бросать занятий по боевой магии и целительству.

— Здесь я вам не помощник, Тайри, — говорил он, — я изначально не был обучен сражаться, да и лечить тоже. Жизнь заставила научиться фехтовать и бросать ножи, но вы и сами знаете, что далеко не все решается таким способом... В наших странствиях, как это ни печально, именно вам придется защищать нас.

Тайри не удивил подобный подход, универсалы среди магов появлялись довольно редко. Кроме того, это могло пригодиться и ей, поэтому она пыталась успеть всё и сразу. Моментально перестало хватать не только часов в сутках, но и дней в неделе. Заниматься приходилось столько, что едва хватало времени на еду и сон. Мастер-целитель и мастер-воин никаких поблажек и отсрочек не делали, драли те же "три шкуры", что и со своих "родных" учеников.

Глава 2

В одно прекрасное утро юная герцогиня, придя на практическое занятие к своему наставнику, не смогла создать не слишком сложный портал — не хватило сил после трех бессонных ночей над старинными книгами, дневных тренировок и последовавшего за всем этим зачета по боевой магии.

Мастер Гайдиар с минуту смотрел на нее расширившимися от удивления глазами, потом спросил:

— Ну и как это называется?

Леди Даллет была мокрой, как мышь, и бледной, как смерть. Её покачивало, а перед глазами плавали радужные круги пополам с черными мухами. Но любопытству, которое родилось раньше нее, было безразлично, что там происходило с телом, поэтому оно продолжало выглядывать из-за плеча и с удовольствием отмечать: ага, так вот как у нас выглядит изумление в паре с негодованием! Ни голос, ни выражение лица мастера не изменились, только румянец на скулах проступил, и глаза совсем серыми стали, никакой там болотной зелени. Надо же, совсем на человека похож стал, подумала Тайри, в отличие от меня. О, Создатель, не хватало еще в обморок ему на руки хлопнуться...

— Так что с вами случилось, леди?! — вывел её из задумчивости голос наставника, — Все четыре прошедших дня вы усмиряли шторм в море Льдов? Или на каторжных работах были?

— Н-нет, мастер. Готовилась к зачету по боевой магии, — проямлила ученица.

— И как? Сдали? — яду-то в голосе, весь императорский серпентарий от зависти сдохнет.

— Успешно. Проиграла поединок только самому мастеру Гирсу, и то один из трех. Остальные два свела вничью.

— Зачет был вчера. Хотите сказать, не смогли уснуть, перенапряжение не позволило? Это что же надо было делать...

— Изучать по ночам старинные фолианты, днем отрабатывать приемы, и так — трое суток. Работает безотказно, — в тон ему ответила Тайри. — Чтобы хоть что-то противопоставить соперникам в поединках и не ударить в грязь лицом, пришлось жить в отцовской библиотеке.

Наставник пожал плечами:

— Ну, раз так... У меня даже язык не поворачивается вас ругать, юная леди. Но и учить вас сегодня я тоже не смогу. Думаю, даже теория вряд ли останется в вашей усталой голове. Отпустить вас домой?

Ну уж нет, отправляться под укоризненные взгляды матушки и сочувственные — отца она не собиралась, поэтому отрицательно покачала головой.

— И что же мне с вами делать? — спросил со вздохом ваюмн. Ага, яд за ненужностью трансформировался в смех, вон какие искры лукавые в глазах зажглись. Эдак мастер, чего доброго, вспомнит, как нормальные люди улыбаются.

Девушка на секунду задумалась, собираясь с духом, а потом сказала первое, пришедшее в голову:

— Отмечать. Успешно сданный зачет.

Мастер, конечно же, воззрился на нее, как на безумную.

— И как вы это себе представляете? Буйное веселье в таверне "У шести принцев" в обществе ваших однокурсников?

Леди Даллет фыркнула:

— Вот уж нет. Во-первых, однокурсники начали еще вчера, и здесь я им не соперница. А во-вторых, есть и поприличнее места... и потише.

— Ну, допустим. Будем надеяться, что вы не заснете прямо за столом, не дождавшись десерта...

"Улитка" мастеру Гайдиару явно понравилась. Таверна эта уютно расположилась в одном из переулков старого города, аккурат между Императорским парком и улицей Ювелиров. Чудной домик с круглой желтой крышей, с одной стороны спускающейся до земли, точно раковина, привлекал к себе внимание не столько видом, сколько распространявшимися вокруг ароматами специй и соусов. Веселый хозяин в поварском фартуке, желтом — под цвет крыши — встретил их на пороге. Маленький, румяный и пухленький, точно булочка, он благоухал сдобой и корицей.

— Тайри, детка, как я рад тебя видеть! Давно ты не появлялась у нас, я успел изрядно соскучиться!

— Я тоже рада видеть тебя, Арзанор. Мой любимый столик свободен?

— Не знаю, детка. Сейчас посмотрим, если надо — освободим. Какой-то особый повод?

— Зачет по боевой магии — это особый повод? — улыбнулась девушка.

— Уже отстрелялась или только предстоит, моя леди?

— Уже.

— О, тогда, безусловно, особый.

Хозяин повел их по винтовой лестнице вниз, в большой, но очень уютный зал. Народу было немного, и они спокойно прошли к одной из ниш, где горели в двух шандалах яркие свечи и ждал столик.

— Что желает молодая госпожа? Что желает уважаемый мастер? — трактирщики народ наблюдательный, почище имперских ищек будут. Арзанор моментально разглядел гильдейский знак на плече ваюмна.

Наставник пожал плечами, растянул в улыбку губы.

— Того же, что и леди. Я всецело ей доверяю.

— Ты знаешь, что я люблю, Арзанор. Только вино сегодня самое легкое, и только мастеру... Я бы не хотела закончить свой праздник, уснув под столом.

— Скажите, уважаемый, а настойка на северных травах у вас имеется? — осведомился наставник.

— "Талая вода"? Имеется, самая лучшая, на тридцати компонентах. Вам маленький кувшинчик или побольше?

Вскоре стол заполнился благоухающими горшочками, блюдами и мисочками. Посреди всего этого великолепия красовалась изящная бутылка синего стекла с золотым клеймом и крошечный глиняный кувшинчик, запечатанный сургучом. Рядом с ним обретался совсем уж несерьезных размеров серебряный стаканчик. Мастер изучил содержимое ближайшего к нему блюда, одобрительно кивнул и подвинул его к ученице:

— Одну рюмку "Талой воды" залпом, и заедайте вот этим. Овощами можете пренебречь, главное — мясо.

— Наставник, за что?! Эту гадость — и натошак? Я ж умру на месте.

— Выполняйте, ученица. От травяной горечи еще никто не умирал, скорее наоборот.

Тайри обреченно вздохнула, откупорила кувшинчик и на две трети заполнила "наперсток" золотисто-зеленой жидкостью.

— Не годится. До краёв. Можете считать, что это лекарство.

Девушка умоляюще посмотрела на своего наставника, но тот лишь скептически усмехнулся. Осталось мужественно долить "Талой воды" и, зажмурившись, выпить все одним глотком. Рот обожгло огнем, а желудок — холодом, пришлось весьма неаристократично наброситься на мясо, показавшееся пресным. Через пару минут все ощущения встали на свои места, глаза перестали закрываться, да и "тяжелой головы" как не бывало. Тайри почувствовала себя бодрой и легкой, как после нескольких дней хорошего отдыха.

— Быстро же настойка на вас подействовала, миледи. Запоминайте: надолго этого не хватит, до полуночи, может, на пару часов дольше, не знаю.

"А потом таверна превратится в пустой трухлявый орех островной пальмы", — подумала леди Даллет, а вслух сказала:

— А говорили, что лекарь из вас никакой. Обманывали?

— Ничуть. Этой маленькой хитрости меня научил отец одного из бывших учеников. Вот он — целитель, каких мало. Не маг, но вылечивал такое, за что маги братья отказывались. Закончите обучение у меня, так уж и быть, составлю вам протекцию, попрошу его дать пару уроков.

— Заранее благодарна, мастер. — «А вот не получится у нашего драгоценного наставника "уколоть" несостоявшуюся целительницу», — подумала Тайри благодушно, «не то у меня сейчас настроение. Ведь давным-давно все выяснили, все приоритеты расставили, а он нет-нет, да и проверит, не передумала ли его ученица». — Я давно догадывалась, что не все в этом мире держится на Силе. Много, но не все.

Ваюмн кивнул и с энтузиазмом принялся за кролика в сливках. Какое-то время за столом царило сосредоточенное молчание, изредка нарушаемое звяканьем вилки о тарелку или бульканьем вина, наливаемого в бокал. Тайри быстро утолила голод, хотя ей казалось, что после зачета по боевой магии он будет преследовать её вечно. "Неоправданный расход энергии и физических сил", как сказал бы мастер. Кстати, а почему он до сих пор этого не сказал? Девушка осторожно наблюдала за своим наставником: как он ест, как берет бокал, какие блюда выбирает. Отец говорил: о человеке можно многое узнать во время трапезы. О человеке — скорее всего, но не о ваюмне. Все идеально, нейтрально и безупречно. Точные, экономные движения, правильные приборы к правильным блюдам — точно на императорском званом ужине. Как красиво смотрится тонкий бокал в сильных пальцах, а ведь стоит ему сжать их, и резное стекло превратится в осколки. Интересно, откуда эти шрамы на тыльной стороне ладони? Ага, а вино-то ему понравилось, вон, смакует с удовольствием. И кролика как-то незаметно уговорил целиком.

Ваюмн потянулся к тарелке с копченостями.

— И долго вы будете меня разглядывать? Неужели на столе больше нечему привлечь ваше внимание? — ехидно спросил он.

— Есть, разумеется. Но наблюдать вкуснее. — Юная герцогиня Даллет откинулась на спинку удобного диванчика, положила на край стола сцепленные в замок пальцы.

— Хотелось бы узнать, как много вы почерпнули из ваших наблюдений.

— Полагаю, ровно столько, сколько мне позволили. Вы не завтракали сегодня, и, скорее всего, забыли поужинать вчера. Ну, и вино вам пришлось по вкусу. То, что вы великолепно

контролируете себя, я поняла еще на первой встрече. — Тайри подумала и поставила рядом с собой корзинку с сырным печеньем.

— За наблюдательность ставлю твердое "хорошо", моя ученица. — Мастер Гайдиар одним точным движением переставил корзинку на прежнее место. — Кролик мне тоже понравился. Очень удачный набор специй здесь используют... А про ужин и завтрак вы правильно подметили. Вчера мне пришлось принять приглашение одного... очень важного человека. Мы долго разговаривали, а во время подобных разговоров я не могу отвлекаться на еду. Это может быть... — мастер запнулся, подбирая слово, — опасно. Так что обед прошел мимо меня.

— А после таких разговоров кусок вообще в горло не лезет. — Тайри почему-то вспомнила свой разговор с дознавателями императорской службы, когда исчез брат.

Ваюмн серьезно посмотрел на свою собеседницу, но ничего не сказал. А она, утонув в воспоминаниях, не заметила теплых огоньков в его глазах.

— Скажите, Тайри, вы хорошо знаете свой собственный мир? Много путешествовали? — спросил наставник, старательно скрывая горькую усмешку. Вчера он задал подобный вопрос человеку куда более могущественному, и получил ответ, весьма его озадачивший.

— Увы, нет, мастер. К огромному моему сожалению, не то что наш мир — Империя представляет из себя огромную книгу, часть страниц которой пусты, часть написаны незнакомым шифром, а часть просто вырваны. Кое-какие пострадали от времени, залиты вином, морской водой или кровью. Какие-то обгорели чуть ли не до половины, а другие писал человек небрежный и с плохим почерком. Но остались понятные фрагменты текста и чудесные иллюстрации, и мне приходится отталкиваться именно от них.

— Вот оно как! И вам никогда не хотелось расшифровать, дополнить, восстановить страницы? Продолжая вашу аналогию, я бы сказал, что в вашей книге осталась большая часть глоссария и кое-какие ссылки на другие издания.

— Хотелось некоторые страницы, возможно — главы. Части, особенно залитые кровью, лучше не трогать. Да и не все хорошо написанные страницы следует принимать за истину.

— Или понимать буквально. Все правильно, моя леди. Должен сказать, я мало у кого встречал такой взвешенный подход. Или полное безразличие, или безумное рвение без оглядки на последствия. А где вам удалось побывать? Империя обширна, материк и того больше, не говоря уж о ваших островах и архипелагах.

— Я не так много путешествовала, как мне бы хотелось. Отец редко покидал Столицу и крайне неохотно отпускал нас с мамой, — вздохнула леди Даллет, — южное побережье в детстве. Древняя Хета и Оведеро. Леса Уккабы и Золотая Адира — меня возили туда показывать родственникам матушки. Северные равнины и Зеркало Семи Королев — родовые земли моего отца. Цветущие острова, Тюленьи отмели... — Тайри остановилась, будто споткнувшись, и замолкла.

— Ну, договаривайте, моя леди. Какой-то пункт вы не назвали, я же вижу.

— Я не знаю, как называется это место. Я попала туда случайно, когда только-только научилась строить простейшие переходы и попыталась найти брата. Я... просто собрала все доступные мне Потоки и попробовала применить вычитанную в отцовских книгах формулу "Поиска по подобию". Меня вынесло в странном месте. Когда-то это, наверное, был большой город, но с ним что-то случилось, и люди его бросили. Архитектура незнакомая, у нас так не строили: большие здания с колоннадами и плоскими крышами. Над площадями ажурные

решетки куполов, похожие на раковины и остовы морских ежей. Мертвые, выбеленные временем и ветром деревья, вытянувшие к небу ветви, точно в мольбе. Руины круглого здания в центре — к нему сходились лучами все улицы. Каналы с черной, точно маслянистой водой, от которой пахло смертью. И серый песок, который, как мне показалось, был везде: лежал наметенными горками у стен, волнами носился по улицам вместе с ветром, висел в воздухе, скрипел на зубах... Мне стало жутко, как никогда в жизни. Брата я не увидела, но чувствовала, что он где-то рядом. Хотела позвать его, но голос изменил, песок забил горло. Я пыталась идти — ноги увязали по колено, будто я шла по пустыне. Хотя в пустыне, пожалуй, больше жизни. А потом кто-то швырнул меня в портал — не новый, а мой собственный, восстановленный и укрепленный. Я не успела даже оглянуться.

Наставник лишь удивленно покачал головой:

— Интересно, безрассудство у вас в крови или благоприобретенное? Соваться Создатель знает, куда, да еще в одиночку! Найдете брата, поблагодарите его за помощь. Он вам, в сущности, жизнь спас. И от меня заодно поклонитесь. Филиграннейшая была работа с вашим порталом, особенно если учесть, что времени у него было всего ничего. Заочно восхищаюсь и снимаю шляпу.

— Полагаете, это Номар сделал? — сердце Тайри пропустило удар, а потом перешло на бешеный галоп, — Получается, он остался в том страшном месте?

— Местечко, конечно, то ещё. Умершие города Покинутого континента обладают скверным характером и замашками хищных растений: подманят, а как только ты зазеваешься — переварят и не подавятся. Судя по вашему описанию, это был Флитт, самый жуткий из них. Там и опытный маг долго не продержится.

— Вы там были?

— Не раз, но в одиночку так и не решился. Вы же знаете, я не воин, а там пришлось бы драться с весьма неприятными сущностями. Сильными и голодными.

Над столом надолго повисла тишина. Тайри обдумывала услышанное, мастер разглядывал на свет вино в бокале. Принесли десерт, и ягодное суфле одержало верх над старыми страхами и невеселыми мыслями.

— Любите сладкое? — хитро улыбнулся ваюмн.

— Полагаю, это у нас с вами общее, — покосившись на две пустых вазочки рядом с наставником, ответила его ученица.

— Каюсь, слаб и подвержен соблазнам, — рассмеялся мастер. Ну надо же, совсем на человека похож стал. Или это откровенность за откровенность? И каменная маска уже ему не нужна?

— Вы не похожи на сладкоежку. — Тайри, не глядя, потянулась за клубникой в шоколаде, где и столкнулась с пальцами наставника. Обоим стало сначала неловко, потом смешно. Девушка не выдержала — хихикнула, у мастера сияли только глаза.

Ваюмн подождал, пока его собеседница отсмеется, а потом предложил:

— Попробуем еще раз? Можно считать это тестом на интуицию и даже на магическую совместимость. — И вид у него был при этом хитрее некуда.

— Только теперь ваша очередь тянуться не глядя.

— Да пожалуйста. Я и в первый раз не смотрел...

Леди Даллет внимательно изучила стол, на всякий случай присмотрелась к ореховым пирожным, сама же занесла руку над единственной корзиночкой с кремом. И когда он успел их слопать? Ваюмн разглядывал лепнину над головой, стол, казалось, его и вовсе не

интересовал, но... Одно касание пальцев — и никакой таверны, пирожных и удобных диванчиков. Зато густая зелень, запахи трав и цветов и яркое солнце в глаза.

— Так не честно, господин наставник, — возмутилась Тайри. Диванчик, как ни крути, был очень удобным.

— Почему? Эксперимент проведен чисто, без всяких уловок.

— А сюда зачем? Кроме того, я не успела расплатиться.

— Ерунда, отправите деньги завтра, с курьером. Можете пожаловаться на меня трактирщику.

«У, зверь ехидный, еще издевается, — мрачно подумала Тайри, — а ведь так хорошо было...»

— Где мы?

— Как только закончите на меня дуться, поднимайтесь — покажу, — мастер протянул Тайри руку. Пришлось встать с мягкой травы, пусть и не хотелось ужасно. — Это остров Юм, леди. В силу определенных причин он почти пуст, но по-прежнему прекрасен.

Наставник, как всегда, был прав. Нежная зелень тонких высоких деревьев с золотистыми стволами, шелковистая густая трава, цветущие кустарники, которых Тайри никогда не видела — все это радовало глаз и умиротворяюще действовало даже на неуёмное любопытство юной леди Даллет. Но не на ее интуицию. Зябко передернув плечами, Тайри внимательно огляделась.

— Что-то не так?

— Не знаю... Постоянное ощущение чужого взгляда в спину.

— Не обращайтесь внимания, леди, — наставник оставался спокойным, — мои соотечественники, оставшиеся здесь, постоянно присматривают за островом. Он ведь не закрыт от любопытных, сюда может приплыть любой. Просто нам не хочется, чтобы плоды четырехсотлетних стараний пошли прахом.

Они поднялись на вершину холма, с которого открывался вид на красивый маленький городок в низине. Изящные дома в пене цветущих садов, ажурные кованые ограды, широкие светлые улицы и странный храм на окраине. Роща вокруг него была явно рукотворной: слишком правильными рядами росли деревья, слишком ухоженной выглядела короткая трава. Среди всего этого зеленого великолепия храм почти терялся, разглядеть опирающийся на тонкие полупрозрачные колонны резной невесомый купол удалось не сразу. А смотреть надо было не вверх, а под ноги, потому что не было привычных для храмов Творца многочисленных ступеней, тяжеловесных стен и вознесенных к небу алтарных покоев. Акварельный, какой-то призрачный и приносящий неясную тревогу храм находился в центре круглой площадки, выложенной цветными булыжниками. Семь концентрических кругов, включая фундамент ротонды. Зеленый, синий, солнечно-желтый, кроваво-красный, голубой, белый. Именно в таком порядке, ничуть не напоминающем знакомую с детства радугу. Леди Даллет, повинувшись все той же интуиции, осталась за границами таинственных кругов, а ваюмн остановился на синей полосе. Опустился на одно колено, коснулся ладонями слегка выпуклых шершавых камней, беззвучно шепча какую-то молитву. Тайри же просто смотрела, пытаясь понять, откуда возникла непонятная тревога, резко обострившая все чувства. Что-то здесь было чужое, совершенно не принадлежащее знакомому с детства миру. Не враждебное, но абсолютно равнодушное ко всему, что за границей круга. Зато ее наставником эта чуждая сила заинтересовалась, сначала вяло и сонно, потом, словно узнав, прикоснулась, окутала с ног до головы... Нечто, обитавшее в храме, и мастер Гайдиар были давным-давно знакомы,

если так можно сказать о подобных сущностях. В глубине, за колоннами, взметнулось вверх пламя, и Тайри насчитала пять факелов. Ваюмн, между тем, поднялся и тяжело, будто на плечи давил нешуточный груз, пошел к колоннаде. Постоял там, опершись рукой на полупрозрачный камень, понурился головой, и, также молча, вернулся.

— Не могу... — чуть слышно выдохнул он, — столько лет ищу, и все впустую. Они уже не верят, что я способен выполнить обещанное.

— Вы дали обет своим богам?

— Этот обет давал не я один, и не только богам. Народу, оставленной земле, настоящим и будущим детям. Видите факелы над алтарями? Они говорят о том, что все, кроме меня, обет выполнили и вернули моему народу часть обещанного богами будущего. Остался только я. Но пока всё, что должно быть возвращено, не вернется, мой народ не увидит дороги домой, а те, кто ждут, так и будут жить во тьме. — Она никогда еще не видела его таким несчастным, раздавленным и беспомощным.

— Как это возможно?

— Я расскажу как-нибудь... потом. Скорее всего, вам будет сложно понять, вы и ваши предки никогда не жили, постоянно сверяя свои поступки с живым словом сподвижников Творца, пусть и не самых главных. Я даже не знаю, вправе ли все это вам рассказывать.

— Но ведь можно это сделать сейчас? Где и спрашивать, как не в храме? — Тайри почему-то стало безумно жаль наставника. Долг, невыполненный обет — он как камень на груди. Не дает ни дышать, ни радоваться. Тем более, когда знаешь, что другим это вполне оказалось по силам. Помочь бы ему.

Ваюмн усмехнулся безнадежно и снова опустился на одно колено. Длинные пальцы почти нежно погладили выступающий зеленый камень, лицо стало напряженным и чужим. Вспорхнула перед лицом крупная бабочка, неожиданно дунул ветер, и вокруг заплясали зеленые искры. Через секунду за колоннами вспыхнул ярким синим пламенем один из факелов. Видимо, это и был ответ. Девушка поклонилась чужим богам:

— Спасибо вам, о неведомые! Возможно, мне удастся хоть чем-то помочь моему учителю.

Мастер Гайдиар лишь недоверчиво покачал головой.

А потом был светлый и приветливый город с редкими улыбочивыми прохожими на улицах, шум маленьких фонтанов на площадях и отдых на пустынной веранде оставленного хозяевами дома. Тайри все время казалось, что наставник ведет себя странно, во всяком случае — не так, как вел бы человек у себя дома. Он ведь именно дом ей показывал? Тут и слепой бы увидел, как он любит этот некогда негостеприимный кусок суши, превращенный руками его народа в цветущий сад. Скорее всего, доля его собственного труда тоже здесь присутствует, ее мастер умеет не только ходить Сокрытыми Тропами. Кажется, ей даже удалось понять, где раньше жил мастер Гайдиар, по долгому взгляду на скромный особняк под острой зеленой крышей. Точно он ожидал кого-то увидеть на пороге. Больно было видеть в его глазах надежду — как у собаки, брошенной хозяином: а вдруг вернется? И еще дикое напряжение, нет-нет, да и проявляющееся в осанке, в застывшем развороте плеч, в плотно сжатых побледневших губах. Леди Даллет готова была поклясться, что ваюмн чего-то боится. Быть осужденным и навеки отвергнутым своими за тот невесть кому данный обет? Не встретить родных и близких, давно покинувших остров, или наоборот, именно их и встретить? Он весь был точно перетянутая струна: тронь — и разорвется со звоном. Поэтому и молчала Тайри, стараясь ни словом, ни жестом не нарушить хрупкое равновесие, не

задумываясь, почему ей не хочется, чтобы этому непонятному человеку стало еще больнее. Только смотрела, как переливаются золотые блики в болотной зелени его глаз, как нервно пробегают пальцы по изящному узору ограды, по резьбе на чаше фонтана. И что это за странные взгляды, что он бросает на нее время от времени? Ему небезразлично, что его ученица обо всем этом думает? Возможно, но маловероятно. Тайри за несколько месяцев ученичества очень хорошо поняла, насколько ее наставник самодостаточен и уверен в себе. Если он считает что-то в корне неправильным, убедить его в обратном практически невозможно. Если решил о чем-то не рассказывать — не расскажет, будьте уверены. А сейчас он определенно колебался, не зная, что делать дальше и не зря ли он все это затеял.

Тайри считала, что сомневаться, как ни крути, поздно. В ученицы он ее взял, да и на остров притащил по собственному желанию. За этим должен последовать следующий шаг, на который он и высшее одобрение получил. Во всяком случае, ей показалось именно так. Конечно же, ученице хотелось как можно больше узнать о своем наставнике, но решить что-то рассказать и решиться на это мог только он сам. Чем дальше они уходили от города по ухоженной широкой дороге, тем спокойнее становилось им обоим. Молчание не было тягостным, не давило, а, скорее, сближало их. Так или иначе, они молчали об одном и том же: о доверии. Леди Даллет до боли остро вспомнила брата. Происходящее сейчас напомнило один из последних вечеров с ним. Все, что можно было сказать, давным-давно сказано на палубе корабля, посторонним об этом знать не нужно, а близким — опасно. Зачастую слова многое портят, не принося облегчения. Поэтому, вот так сидеть, касаясь плечом плеча, и понимать друг друга без них — лучшее, что можно придумать...

Дорога оборвалась на красивом маленьком пляже, где невероятно голубые волны шуршали разноцветной галькой, а вынесенные на сушу крохотные крабы смешно спешили к воде.

— Вечер путешествий и воспоминаний закончен? — мягко спросила Тайри.

— Еще нет. Мне нужно вернуть вас домой. Полчаса, и вы уснете там, где стоите.

— Как вам угодно, мастер, — послушно ответила девушка и протянула наставнику руку.

Очутиться у парадного входа в собственный особняк было приятно. Усталость давала о себе знать, глаза закрывались сами собой. Ваюмн сдержанно отклонялся и исчез в портале, а Тайри споткнулась о встревоженный взгляд матери, тихо стоявшей парой ступенек выше.

— Добрый вечер, мам. Что-то случилось? Ты на себя не похожа.

— Ничего, если не считать того, что тебя целый день носило демоны знают где в компании ваюмна, — тихо ответила старшая леди Даллет.

— Вообще-то он мой наставник. И учит меня строить порталы и ходить Сокрытыми Тропами. Если ты помнишь, магистерскую степень я собираюсь получить именно в этой области.

— О твоём безумном увлечении Тропами я помню, но вот о наставнике твой отец не соизволил мне рассказать. Скорее всего, он и сам не в курсе. Тебе что, не могли найти кого-то другого? — Мать говорила спокойно, но слова с её языка срывались обидные.

— Чем тебе не угодил мастер Гайдиар? Мне кажется, уж ты-то должна знать, что ваюмны — лучшие в этом деле.

— К ректору идти уже поздно, он ничего не изменит... — Лиола будто и не слышала дочь. — И кому в голову пришло подсунуть тебе в наставники бродягу...

— Его величеству. По крайней мере, так сказал ректор. Мама, очнись, у меня самый лучший из всех возможных учителей. И я ни на кого его не променяю. Ученики не должны

так поступать, да и не могут.

— Ты прошла Ритуал?!! — мать глядела на нее, и в ее серых глазах плескался ужас.

— Разумеется. Иначе он не стал бы меня учить, как и любой другой маг. Да в чем дело-то?!

Лиола ор Даллет лишь покачала головой, резко повернулась и побежала вверх по ступенькам.

Тайри залюбовалась. Так изящно двигаться могли только уроженки Уккабы. Неважно, сколько ей лет, неважно, что она в бешенстве, что на ней длинное неудобное платье и туфельки на каблуках. Интересно, почему она так враждебно восприняла мастера Гайдиара? Или вопрос нужно ставить иначе: что уккабская колдунья имеет против ваюмнов? Думать получалось плохо. Юная герцогиня добралась до своей комнаты, кое-как разделась, плюхнулась на кровать и мгновенно заснула.

Просыпаться было невообразимо тяжело. Тайри несколько раз открывала глаза и тут же снова проваливалась в тягучие тяжелые волны странных видений. В конце концов, кто-то невидимый просто вынес ее "на сушу" и крепко приложил мокрым плавником по щеке. Наверное, чтобы было легче проснуться. Девушка потянулась, как кошка, пытаясь отогнать назойливый вопрос: зачем ей показывали чужие сны? От своих собственных голова не раскалывается хуже, чем с похмелья, и нет ощущения безвозвратно потерянного куса жизни. Неужели это матушка вчера так расстроилась, что помимо воли наколдовала всем кошмаров? Нет, нельзя про это думать, надо скорее смыть всё водой и куда-нибудь исчезнуть на целый день. Хоть в императорскую библиотеку. Или к мастеру-Целителю, к очередному зачету готовиться, он только рад будет.

Чтобы окончательно прийти в себя, после ледяной воды пришлось влезть в очень горячую, потом снова в ледяную. Закутавшись в огромную мягкую простыню, Тайри вернулась в спальню.

— Когда мы с матерью купали тебя-крошку, ты выглядела абсолютно так же. Только ростом была поменьше. — Отец сидел у сервированного к завтраку столика и улыбался. — Доброе утро, дочка.

— Доброе, пап. Предупреждать же надо, я от неожиданности чуть простыню не уронила, — юная леди Даллет покраснела до ушей.

— Ну ведь не уронила же? — совершенно спокойно пожал плечами герцог. — Пять минут на одевание — и за стол. Чай стынет.

За дверью гардеробной, застегивая домашнее платье и расчесывая мокрые волосы, Тайри лихорадочно пыталась понять, что можно противопоставить аргументам матушки и ее страхам. Ведь отец пришел именно из-за ее, мягко говоря, опасений. О, манеру матушки накручивать ситуацию и вызывать сомнения у абсолютно взвешенных и уверенных в себе людей, младшая леди Даллет знала очень хорошо и очень сильно не любила. Как и некоторые другие стороны характера леди Лиолы. И это притом, что мать она обожала, и жизни своей без нее не мыслила. Неужели сейчас все будет так же, как несколько лет назад, когда исчез Номар? Леди Лиола тогда запретила дочери даже вспоминать о кузене, ходить в гости к дяде (и особо — изучать его библиотеку) и пользоваться подарками Номара. Куда-то исчезли все игрушки, им созданные, и книги, которые он приносил. С величайшим трудом Тайри удалось отвоевать тончайшей работы деревянный кораблик и кольцо, подаренное братом перед расставанием. С пальца его, правда, пришлось снять и повесить на длинный шнурок рядом с оберегами. А вот браслет-цепочку, что Тайри носила с детства, матушка и

вовсе не заметила, будто ее и нет. Номар, не иначе, наколдовал на неё что-то особенное. Теперь она потребует, чтобы дочь отказалась от своей задумки с порталами и занялась целительством? Может, конечно, но это будет против всех правил и обычаев, и магических, и человеческих. И против воли императора тоже. Хотя когда лесную колдунью подобное останавливало... А вот, кстати, интересный вопрос: с чего это его величество изменил свои планы? По словам отца, он как раз хотел получить целителя из рода Даллетов. И сам же нашел для нее наставника, все знающего о Тропах. Что же повлияло? Неужели выходка его брата на Весеннем балу? Нет, не может быть...

— Я уже заждался, Тайри, — подал голос лорд Даллет, — и я страшно голоден. Ты допрыгаешься до того, что вместо пирога и вафель я позавтракаю тобой.

— Прости, я задумалась и заставила тебя ждать. — Девушка принялась ухаживать за отцом, зная, как он это любит. — Вот пирог, вот твое любимое варенье, вот чай. Да, я прекрасно понимаю, что ты сам все это принес. Не смотри на меня так.

— Не буду. А о чем ты там думала? Не иначе, о реакции твоей матушки?

— То есть, ты хочешь сказать, что у тебя мой наставник такого отторжения не вызывает? — От удивления Тайри чуть не уронила чашку.

— С чего бы? Я с первого дня был в курсе, кто тебя учит. Лично я слышал о ваюмнах только хорошее. Твоего кузена, кстати, тоже учила одна из них, жаль, что недолго, всего два года, еще до Академии. Учила бы дольше — было бы лучше, но брат решил по-другому.

— Так вот почему мама... — Тайри чуть не лягнула "устроила истерику", но решила лишней раз не раздражать внимательного к словам отца, — столь эмоционально высказалась по поводу моего мастера.

— Да уж, — понимающе улыбнулся отец, — Лиола посчитала, что здесь все просто. Номара учил ваюмн — Номар исчез. Если тебя будет учить ваюмн, то ты тоже обязательно исчезнешь. Ну и ревность наставницы, конечно, куда без нее... Но из-за этого тебе не стоит сильно расстраиваться. Она ревновала бы любого, кто стал бы тебя учить.

— Потому что моё ученичество у нее не окончено?

— И не окончится, пока она жива. Просто прими это, как данность.

Тайри кивнула. Она знала, что легко ей не будет, имея такую наставницу, как леди Лиола. Матушку она любила всем сердцем и не уставала ей об этом говорить, однако характер старшей леди Даллет не стал с годами более легким, а суждения — менее резкими.

Они с отцом еще долго беседовали о жизни, наставниках и учениках. Герцог с интересом выслушал ее рассказ про остров Юм. Как оказалось, он тоже побывал там много лет назад, еще до знакомства с будущей женой. Станный остров тогда был достаточно многолюден, да и на материке жила целая диаспора ваюмнов. Сколько факелов тогда горело над алтарями, он не запомнил, его гораздо больше интересовал местный уклад жизни и то, как же удалось необитаемую скалу превратить в прекрасный сад. В ответ на его вопросы местные жители улыбались, пожимали плечами: а что в этом удивительного? На голых камнях жить нельзя, а среди трав и деревьев можно. Значит, нужно сделать так, чтобы они были...

— Знаешь, дочка, у нас и без острова Юм загадок хватает, — сказал лорд Даллет задумчиво, — и не скажу, чтобы за всю мою жизнь их количество сильно убавилось. Кстати, о загадках... Говорят, в городе видели валлиров, аж троих сразу. Может, стоит вечером навестить Летний театр?

Вот умеет дражайший отец подкинуть идею для размышлений. Теперь волей-неволей

целый день будешь об этом думать. Если остров Юм был загадочен, но абсолютно открыт любому, кто даст себе труд туда добраться, то Хрустальный Ллир никого к себе не подпускал. Даже корабли не могли приблизиться на такое расстояние, чтобы красоту этого острова можно было рассмотреть с палубы невооруженным глазом. Однако его светловолосые золотоглазые жители беспрепятственно пересекали в своих изящных лодочках под треугольными парусами широкий Эльмский пролив и спокойно путешествовали, где им вздумается. Потому что лучших музыкантов и певцов в мире не было. Ни один голос на свете даже близко не мог сравниться с голосами валлиров. Примы императорской оперы и трепетные певицы из Уккабских лесов умирали от зависти, стоило рядом появиться островитянам. Их с превеликой охотой приглашали все правители и прочие сильные мира сего, но валлиры не часто принимали эти предложения, предпочитая выступать на площадях и в открытых театрах. Удивительных певцов не удавалось ни соблазнить богатством, ни удержать силой. Те же, кто в ослеплении поднимал руку на обладателей дивного голоса, или, не приведи Создатель, убивал кого-то из них, очень быстро теряли человеческий облик, опускались и умирали от пьянства и непреодолимой звериной тоски. Даже поговорка такая была: "пьет, точно валлира убил".

— Ты пойдешь? — спросила Тайри отца.

— Возможно. Если мне удастся успокоить твою матушку. Слушать хрустальные голоса она, конечно, откажется, но за остальное у меня душа будет спокойна. Так что я — не слишком надежная компания, дочь. Пригласи кого-нибудь еще, если не хочешь идти одна. А будешь на концерте — постарайся подойти поближе к сцене и хорошенько присмотреться к островитянам. Очень интересно будет потом узнать твое мнение. Обдумывал я в свое время одну гипотезу... Но достаточного количества доказательств, увы, не собрал.

Больше ничего говорить не понадобилось. Голова у Тайри была занята мыслями о природе валлиров, а еще поиском подходящего спутника. Разумеется, можно было, по старой памяти, выйти на восточный балкон и пустить солнечного зайчика в окно Трома-младшего. Этот пойдет за ней куда угодно, будет мужественно терпеть толпу народа вокруг и пересиливать свой страх перед непонятным и необъяснимым. Внук адмирала Альге был затворником и книжным червем. А еще многие назвали бы его трусом. Да, он боялся всего, что не мог сам себе объяснить, в толпе его охватывала паника, а в присутствии сильных магов он просто цепенел. И при всем этом бестрепетно лез в катакомбы под старой и новой столицей, отправлялся в заброшенные тысячелетия назад города и прекрасно умел ладить с мало кому понятными древними артефактами. Иногда Тайри казалось, что Тром намеренно вводит всех в заблуждение, чтобы его оставили в покое, считая безобидным чудаковатым трусом. Потому что наедине с ней или с матерью, прекрасной леди Ифар, он делался совершенно другим. Как-то раз он даже позвал подругу детства в один из своих походов, и они целую неделю блуждали по лабиринту подземных ходов древней Хеты. Таким Тром мог видеть разве что пропавший Номар, который с юных лет относился к нему по-особенному. Решительный, собранный, умелый и ловкий, уверенный в себе и абсолютно ничего не боящийся Альге-младший поразил Тайри. Увы, не настолько, как хотелось ему. Трусом юная герцогиня Даллет никогда его не считала, но сердце ее осталось холодным. Тром-для-всех печально вздыхал, провожая девушку безнадежно влюбленными взглядами, и пребывал в отчаянии. Тром-настоящий, скорее всего, и не думал отступать. Он строил планы и действовал, пусть медленно и не слишком результативно, но... Как известно, тише едешь — дальше будешь. По крайней мере, он был намного ближе Тайри, чем все эти "счастливые

соперники" и "в принципе неотразимые герои". Возможно, именно поэтому он не годился для похода на концерт.

Можно было позвать друга — молчаливого и все понимающего Ортама ор Глейде. Он любил музыку, лучшего слушателя вряд ли можно было найти. Но, юная леди Даллет боялась, что будущий мастер недр разглядит в ней то, что показывать никому не хотелось. Волшебная музыка валлиров обнажает душу, снимая защиту и смывая все маски. Тайри вовсе не хотелось, чтобы Ортама заметил ее слабость и растерянность. Ради себя, ради отца, ради поставленной цели она должна быть сильной и уверенной, даже для самых близких и надёжных людей. Голоса хрустальных певцов всегда заставляли её сперва осознать всё, творящееся в сердце: всю отстраненность, одиночество, собственную незащищенность и беспомощность. А еще — каждый раз всплывающее со дна души желание сильного и надёжного плеча рядом. Или нет? Нужен ли ей был только единомышленник, на которого можно было бы опереться во всех делах? А, может быть, нечто гораздо большее требовало её сердце? Искало и не находило, невольно сравнивая с единственным образцом: с Номаром. Умом девушка прекрасно понимала, что второго такого нет, и не будет, а родственные души еще более редки, чем драконы-хранители мира. Увы, ставшее по весне совершенно бестолковым сердце это понимать отказывалось. Тайри-умница считала подобные мысли и желания непростительной слабостью, безусловно, достойной презрения, которую уж никак нельзя было демонстрировать посторонним. Еще с детства она накрепко запомнила слова брата: "Никогда не показывай им слабые места, детка. В следующий раз они ударят именно туда. Чтобы уж наверняка..."

Значит, нужен был такой человек, в присутствии которого просто не получится потерять контроль и "поплыть" по волнам воспоминаний и ассоциаций, вызванных музыкой. Ох, тогда уж лучше совсем не ходить. Потому что песням валлиров, по непроверенным данным, не могли противостоять даже маги Времени, что уж говорить о простых смертных. Любой рисковал проявить на концерте нечто самое сокровенное. Правда, все еще зависело от десятка совершенно ненаучных факторов, начиная от силы ветра и запахов вечерних цветов и заканчивая настроением самих певцов. Если им было весело, то и зал испытывал радость и прилив тепла и энергии. А если грустно — могло произойти что угодно: от неудержимого потока слез до приступа покаяния во всех грехах. Жителей Хрустального Лира побаивались даже императоры, но случая пригласить во дворец никогда не упускали.

Так и не решив, кого же она позовет на концерт, Тайри махнула рукой на выбор и отправилась в библиотеку. Концерт начнется перед закатом, а дела сами себя не сделают. Зачеты по целительству никто не отменял. Можно сколь угодно легко жонглировать энергиями и мановением пальца заживлять раны, но без знания анатомии ничего у тебя не получится. Как любит повторять мастер-Целитель: ничего нет практичнее хорошей теории. Уютная тишина читального зала благоприятствовала сосредоточению и мгновенно перестроила мысли в рабочее русло. Тайри ждали книги и конспекты, а валлиры, в конце-то концов, не последний раз на ее веку приезжают. Хотя, конечно, жаль... Леди Даллет легко выбросила всё постороннее из головы и углубилась в учебу. Как всегда получалось, она увлеклась и забыла о времени. Мастер-библиотекарь с улыбкой подносил ей всё новые тома, восхищенно покачивая головой: вот это рвение! Мало кто сейчас так учится...

— Приятно видеть, что моя ученица не забывает и о других занятиях, — прозвучал у нее над ухом знакомый голос, — который час за вами наблюдаю и уже преисполнился гордостью. Здравствуйте, Тайри, — сказал мастер Гайдиар, когда смущенно покрасневшая

девушка подняла взгляд от тетрадей, — простите, что помешал.

— Не помешали, мастер. Я, похоже, несколько перестаралась, надо бы отдохнуть, — Тайри потерла уставшие глаза тыльной стороной ладоней.

— Еще бы, давно пора. Такое количество книг перелопатить, — ваюмн протянул ученице руку, — забирайте ваши конспекты и пойдете-ка на воздух. Завтра доучите. Надеюсь, мастер-библиотекарь нас простит.

— Не беспокойтесь, мастер Гайдиар, все в порядке, — усмехнулся библиотекарь, — а вам, юная леди, не стоит столько работать. Честно говоря, я собирался уже закрывать зал. Хотел сходить на концерт.

— Какой концерт, уважаемый? — тут же подхватил ваюмн. — Расскажите, я совершенно не в курсе.

Тайри зажмурилась. Если ты сама не хочешь выбирать, то судьба выберет за тебя. Пока ты лукаво мудрствуешь и вычисляешь, перед кем можно выглядеть слабой, а перед кем нет, кто-то непостижимый уже всё решит. И, честно говоря, не подслушал ли он твои тайные желания?

— О, сегодня совершенно особенный концерт в Летнем театре. Там будут валлиры, целых трое. Это должно быть прекрасно, я уже весь в предвкушении, — мастер-библиотекарь мечтательно улыбнулся, — обожаю их музыку. Жаль только, что хрустальные певцы так редко появляются у нас.

— Когда-то мне посчастливилось слушать их дуэт. Ничего прекраснее ни до, ни после я в своей жизни не слышал, — ответил наставник, — Тайри, а вы не хотите пойти на концерт валлиров с нами?

— Хочу. Собственно, я и собиралась туда после библиотеки. Ведь время еще есть?

Ваюмн взглянул в окно.

— Совсем немного, но вполне достаточно, чтобы спокойным шагом дойти до Императорского парка и занять места. Насколько я помню, они начинают за час до заката.

**** *
**** *
**** *

Им повезло, удалось встать довольно близко к сцене. Лужайка вокруг была битком набита желающими услышать лучшие голоса мира. Чуть в отдалении, в тени деревьев, стоял закрытый портшез с императорским гербом. Неужели его величество лично почтил певцов своим присутствием? Или это кто-то из Семьи? Тайри вспомнила совет отца и стала присматриваться к готовившимся к выступлению валлирам. Очень похожие, точно дети одной матери: высокие, тонкие, со светло-пепельными волосами и ясными золотистыми глазами. Узкие бледные лица, тонкие руки, строгие светлые одежды. Плавные, будто сонные, жесты, неслышные, невесомые слова, едва видимые движения будто нарисованных губ. Юноша и девушка настраивают инструменты — гитару и лютню, склонившись друг к другу, и совершенно заслоняя от зрителей третьего. Лишь его одежды дымно-серого цвета мелькают иногда позади серебристых балахонов дивных певцов. Но никакой особой магии Тайри не ощущает, люди, как люди, только очень похожие, может, и вправду брат и сестра.

— Посмотрите на них по-другому, Тайри. Как на нечто... сотворенное. Так, если бы вы знали, что это — работа искусного мастера, а не живые люди, и он задался целью ввести всех в заблуждение, — тихонько сказал стоявший рядом наставник, — смотрите сейчас, пока они не начали петь. Музыка все изменит.

Леди Даллет посмотрела, поискала особые цепи заклятий, удерживающие иллюзию. Чары, создающие видимость живого: привычки, манеры, мимику. Защиту, отводящую глаза.

Связь со стихиями, все это питающими, или нити, ведущие к создателю чар. Нет, ничего подобного, только вот... Экран все-таки был. Очень странный — будто между валлирами и всем остальным миром висел тончайший занавес, сквозь который все на них и смотрели. Что-то было не так с их обликом, но уловить, что именно, у Тайри не получалось. Иным зрением она видела лишь двоих, третьего не было — совсем. Иллюзия? Но зачем? И такая странная, будто она создала себя сама, без чар, из одного лишь вечернего воздуха... Додумать девушка не успела. Светловолосый музыкант взял первый аккорд, его спутница вступила глубоким, сильным голосом. И откуда такое роскошное меццо-сопрано в столь щедедушном, чуть ли не прозрачном теле? К моменту, когда запел юноша, все мысли о магии валлиров окончательно улетучились. Леди Даллет превратилась в слух, как и все вокруг. Песня за песней, голоса хрустальных певцов творили невозможное: взламывали панцири, смывали маски, поднимали с самого дна души тщательно хранимые воспоминания, нежно и настойчиво будили давно уснувшие чувства. Лица людей светлели на глазах, но никто из слушателей не смотрел по сторонам. Все они заново узнавали себя, куда уж там до других. В какой-то момент певцы в серебристых одеяниях расступились, и вперед вышел тот самый третий-которого-нет. Маленький — ниже плеча своим товарищам, прячущий руки в складках длинной многослойной одежды, а лицо в глубоком капюшоне. Дивный, чистый и очень высокий голос повел верхнюю партию, и люди вокруг на мгновение перестали дышать. А потом, когда закончилась песня, по рядам пронесся шепот: тиншельт! Они привезли тиншельта!

Этим словом, одновременно напоминающим звон серебряного колокольчика и шелест листвы, сами дивные гости называли таких певцов. Тиншельты появлялись редко, услышать их голос было большой удачей. Поговаривали, что услышавший этот голос уже не сможет жить по-прежнему. Кто-то это подтверждал, кто-то отчаянно отрицал, но особая магия в сочетании всех трех голосов была. И сопротивляться ей не хотелось. Просто откуда-то взялась уверенность, что ничего плохого не произойдет, потому что невозможно само существование зла там, где звучит эта волшебная музыка и взлетают к небесам дивные голоса.

Если бы у кого-то хватило сил оглядеться по сторонам, они бы заметили и тех, на кого волшебство хрустального трио не действовало. Некто в коричневом плаще и надвинутой на глаза широкополой шляпе весьма вольно облокотился на императорский портшез, преспокойно вертел головой, высматривая что-то среди зачарованных зрителей. А в толпе медленно двигался бледный юноша в очках. Тайри обязательно узнала бы его и очень удивилась, увидев здесь. Если бы способна была увидеть. Но она ничего не видела вокруг, мысли ее были далеко, а сердце медленно и тяжело билось. Она слышала не голос тиншельта — другой, родной, который мечтала услышать много лет. И сама что-то отвечала, звала, радовалась, плакала... Наставник, стоявший рядом, не смотрел на сцену. Взгляд его прикипел к лицу ученицы, а в глазах плескался ужас пополам со смятением и огромная, всепоглощающая нежность, что умиряла и то, и другое. Так смотрят на тех, кого едва обрели и вскоре неизбежно потеряют. Так смотрят на тех, кого любить запретно, а не любить подобно смерти. Его лицо, обычно бесстрастное и малоподвижное, мучительно менялось, но вскоре на нем осталась только одна непреодолимая обреченность. Нечто, известное лишь ему, заслонило собой его радость и заставило затаиться нежность. То, что было пока сильнее и его самого, и даже магии валлиров. Мастер Гайдиар опомнился, с трудом отвел взгляд и сосредоточился на певцах. Он видел двоих, а голосов было три, но

ваюмна это не удивляло. В далеком прошлом он видел нечто похожее в храмах своего родного мира и знал, как на зов истинных служителей приходят существа из тонкого мира. Чистейший, взлетающий до немыслимых высот голос принадлежал не человеку. Валлиры лишь создавали видимую непосвященным оболочку, зачем — им одним ведомо. Если бы Тиншелът показался в своем истинном облике, это произвело бы впечатление не в пример большее. За свою долгую жизнь в этом мире мастер Гайдиар много раз слушал выступления валлиров, пару раз видел тиншельтов и понял, что этим удивительным существам безразлично внешнее, они не стараются кого-то привлечь эффектным видом. А вот отклик на музыку для них очень важен. Если аудитория продолжала, скажем, жевать и переговариваться, певцы просто исчезали со сцены. Ваюмну оказалось несложно разгадать, как они это делают: чары короткого Перехода были вплетены в припев одной из песен. Слов он не понимал, а вот стянутые в воронку магические потоки видел прекрасно.

Солнце коснулось горизонта, в парке начало смеркаться. Последняя торжественная песнь, от которой у всех, умеющих слушать (а может, имеющих душу?) будто вырастали крылья, зазвенела под кронами деревьев. Человек у императорского портшеза вытащил из ушей затычки. Все, что ему было нужно, он увидел, теперь можно было и окунуться в музыку. Юноша в очках, наоборот, проверил, хорошо ли закрыты уши, и потихоньку стал пробираться подальше от сцены, прочь с заполненной народом лужайки.

Как только солнце до половины опустилось за горизонт, смолк последний звук финального гимна. Валлиры подошли к краю сцены и низко поклонились публике. Тиншелът, против обыкновения, не исчез, растворившись в громе аплодисментов. Он стоял, медленно поворачивая голову — кого-то искал среди зрителей. А когда нашел, что-то прозвенел своим спутникам. Маленькая кисть руки неярко светилась золотом в наступивших сумерках, такое же сияние исходило из-под капюшона. Девушка отложила лютню и направилась к человеку у портшеза. Юноша спустился со сцены, внимательно огляделся и чуть повел рукой по воздуху. Люди, будто вспомнив о своих неотложных делах, сосредоточенно заспешили к выходу. Все, кроме Тайри, которую волшебство валлира не затронуло. Она изо всех сил пыталась успокоиться, но ее била дрожь, и слезы сами по себе текли и текли. Девушка ничего не могла поделать с огромным чувством вины и полной своей беспомощностью перед ним. Тайри не понимала, как раньше не догадалась, что приносит всем только несчастья. Из-за нее переживает мама, вынужден идти на уступки императорскому дому отец, из-за нее, скорее всего, погиб брат... И, кто знает, что еще придется перенести ваюмну, что взялся ее учить. С этим срочно нужно что-то делать, куда-то исчезнуть — и тогда все несчастья у близких прекратятся.

Чья-то рука, тяжелая и очень горячая, опустилась на плечо леди Даллет, вернув ее из мира смятенных мыслей в весенний парк. Сверху на нее смотрели ясные золотистые глаза валлира.

— Это не ваши мысли, миледи. И не ваша вина. Вы так глубоко слились с музыкой, так сильно оказалось вчувствование, что слышали мысли того, о ком думали. Нынешние, или те, что были в прошлом, я не знаю. Услышали, приняли близко к сердцу и решили, что это всё ваше: и вина, и судьба, и время. Это. Не. Так.

Камень упал с души, ком в горле исчез, и всё разом стало на свои места.

— Спасибо вам, — прошептала Тайри, глядя на своего дивного собеседника: непростительно молодого, с такими мудрыми и всезнающими глазами. Когда еще она увидит так близко жителей запретного Ллира?

— За что? — с искренней печалью молвил певец. — За то, что неволью заставили вас страдать? Тиншельт пришел в ужас, когда почувствовал вашу боль. Он просит у вас прощения, что не смог оборвать Песнь Солнца сразу.

— О Создатель, да как же можно оборвать такое чудо, уважаемый! Я готова слушать вас вечно, даже если это будет так...горько. Но ведь ничего же не случилось, правда? Вашей вины здесь нет, это я оказалась такой...

— Хорошей слушательницей, — закончил за нее валлир, — но наши тиншельты говорят, что ничего не случается просто так. Возможно, судьба скоро расплатится с вами радостью за эту боль. А что-то другое причинит страдание куда большее. Это и урок, и предупреждение, и что-то еще, чему я из своего личного опыта не могу подобрать название. Одно знаю точно, вина — не по вашей части. Нет ее на вас, и не будет, пока вы добровольно на себя её не взвалите. Живите спокойно.

Валлир поклонился и быстро зашагал к сцене, где его партнерша и тиншельт о чем-то беседовали с человеком в коричневом плаще и широкополой шляпе.

Всё это было так странно и невероятно, что Тайри почувствовала себя совершенно выбитой из седла. Восхитительное начало. Лучшие воспоминания, вновь ярко пережитые. Разговор в мыслях с братом, настоящий или иллюзорный, не важно. А потом всё это: вина, ужас, отчаяние. И, в конце, как награда — взгляд золотистых глаз и беседа с одним из хрустальных певцов. И такое умиротворение, какого она еще не знала.

Леди Даллет медленно шла по аллее парка, пытаюсь вспомнить, кто еще смотрел на нее также, как этот валлир. Где она могла видеть просвечивающую сквозь молодые черты вечность. Хорошо, пусть не вечность, а просто чрезвычайно долгую жизнь. Ведь было же, было! Девушка непроизвольно прижала к груди руку. Тяжелая сапфировая капля приятно согрела ладонь. Вот и первый ответ — ее дракон. Скайяр из дома Танцующих с волнами. Его синие глаза видели такую седую древность... А второй ответ ждал ее у ограды, чтобы извиниться и проводить домой. Серые с болотной прозеленью глаза он прятал, как провинившийся мальчишка, но юной герцогине Даллет и не нужно было их видеть. Она вспомнила.

**** *
**** *
**** *

— Его величество ждет вас в Тайном саду через час, — глухо произнес человек в коричневом плаще. — Он благодарен вам за то, что вы правильно истолковали его желание.

— Ваша ложь сколь беспардонна, столь же и бесполезна, маг. Его величество здесь, и ему незачем ждать нас в Тайном саду. — Голос у светловолосой певицы был низкий, с едва заметной хрипотцой. Такие "цепляют" за неведомые струны мужской души независимо от желания обладательницы. Маг медленно втянул сквозь зубы воздух, выдохнул, успокаиваясь.

— Ну, допустим. Его величество желает с вами кое о чем поговорить. Не здесь же?

— Почему бы не здесь? В его портшезе вполне хватит места, а вы и ваши... друзья посторожат на улице. А вот к вам, уважаемый, у нас отдельный вопрос. Кто вам дал право устраивать на нашем концерте свои отвратительные эксперименты?

— Я обязан блюсти безопасность императора...

— Врёте. К его безопасности сотворённое вами не имеет никакого отношения. Скорее, наоборот. Вы нагло пытались лезть в мысли тех, кто слушал тиншельта с открытой душой. Зачем? И вам, и вашему императору прекрасно известно: там, где мы — нет места злу. Ни здесь, ни в этом городе, и так будет еще какое-то время. Если лично вы носите зло в себе — это ваши проблемы. Ближайшие несколько дней вы будете наедине с вашим демоном. Выйти

наружу ни магией, ни поступками он не сможет. Что вам было нужно от той девушки, маг? Вам обоим?

— Не ваше дело! Его величество не потерпит...

— Оставь в покое императора, маг, — вступил в разговор юноша. — Дело не было бы нашим, если бы вы не сотворили эту пакость здесь. Теперь это наше дело. И останется им, пока мы не примем решение.

Маг дернулся, точно от удара хлыстом. Он не привык, чтобы ему возражали.

— Пойдемте, — тихонько прозвенел тиншельт из-под своего капюшона, — негоже заставлять ждать государя. Тем более, что он не виновен в произошедшем и никому не приказывал творить это мерзкое вмешательство под нашу музыку.

— Вы не можете знать! — взбесился маг. Он сделал резкий шаг вперед, и ему в грудь уперлась маленькая ладонь загадочного певца.

— Одумайся, маг. — Серебряный колокольчик зазвенел громче. — Я не хотел ничего знать, я пришел сюда петь для тех, кто хотел слушать, а не делать свои грязные делишки. Теперь я вынужден унести отсюда знание о том, как все было на самом деле. Кто и зачем задумал, как сотворил, кто кому приказывал, и кто чего достиг. Или не достиг ничего, кроме неприятностей, как в вашем случае. Если не способны понять, зачем людям наши песни — не ходите нас слушать. И никогда не пытайтесь маскировать ваши мерзкие фокусы под чужой магией. Сделаете еще раз — горько пожалеете.

— Да как ты смеешь, жалкий фигляр! — Человек в коричневом плаще толкнул стоящего перед ним маленького певца, одновременно сдернув капюшон. Тиншельт, вместо того чтобы упасть или хотя бы отступить, уверенно шагнул вперед, одновременно становясь выше ростом и шире в плечах. Его ладонь будто прикипела к груди наглого мага. Их лица оказались на одном уровне, и в глаза мага глянули две звездные бездны, темно-синие, с мириадами золотых огоньков. Черты нечеловечески прекрасного лица не были искажены гневом, но он был разлит повсюду. Даже птицы и цикады затихли. Дивное существо потрянуло головой, взметнулись недлинные волосы, похожие на невесомые дождевые нити, золотистое сияние кожи стало ярче.

— Я смею, самонадеянный маг. — Куда исчез хрустальный колокольчик? Голос изменившегося тиншельта был подобен рокоту недалекого водопада. — И не тебе определять мне границы. Тем более, что в своих жалких попытках собрать тайное знание ты дотянулся даже до государя. Но ничего не понял и ничего не запомнил. Тебе просто не по силам столько уловить и понять, отделить мечты от реальности и замыслы от того, что уже исполнено. Ты и свои-то способности не в силах оценить трезво. Что ж, я скажу тебе. Вся твоя сила — от демона, который и толкает тебя на подобные поступки. Я разорву вашу связь. Пока мы в городе, он будет сидеть тихо, потом захочет уйти, и тебе будет очень плохо. И поделом. Тварь Тьмы развеется, ты же останешься тем, кем родился. Очень средним магом с непомерными амбициями. Все остальное, сказанное здесь, останется в силе, как и печать на твоём теле. Запомни...

Тиншельт убрал руку, обнял за плечи валлиров и исчез, оставив совершенно обескураженного мага разбираться в своих ощущениях. Вот дивные певцы появились у императорского портшеза. Девушка и тиншельт, снова ставший прежним, вошли внутрь, юноша остался снаружи. Через минуту он уже оживленно беседовал с охранниками. Не в пример "коричневому", эти люди дружелюбно улыбались валлиру, задавали вопросы, на которые тот охотно отвечал.

— Простите моего мага, уважаемые. Молод, глуп, и карьерист, каких еще поискать. Говорил же ему, что такое рвение до добра не доведет. — Его величество если и удивился визиту, то виду не подал.

— Мы понимаем, государь. Вашего прямого приказа на подобные действия у него не было, но как подобраться к нужной вам информации, вы ему подсказали. Не рассчитали только, что он полезет сюда, — печально вздохнув, ответила девушка.

— Создатель, какой голос! — прикрыв глаза, молвил император. — Слушал бы и слушал, да кто ж мне позволит... — Он помолчал, потом с деланной беспомощностью развел руками. — Да, признаю, имел неосторожность надоумить этого... экспериментатора. На свою венценосную голову. У него что-то получилось, но явно не то, что он ожидал. Ведь так?

Девушка кивнула степенно.

— Вот видите! Мне теперь еще и расхлебывать все это. Большинство, конечно, ничего не заметит, но есть и те, кто уловил, что в его мысли лезут. Да еще и так неуклюже, как медведь в лавку с фарфором...

— Скажу вам больше, кое-кто, по вине вашего мага еще и нахватался чужих, сам того не желая. А вы — очень сильный источник, ваше величество, ваши эмоции светились ярче многих. Представляете, чего "нахватались" эти чувствительные личности?

— Догадываюсь... и она тоже?

— Не меньше всех остальных, — почти шепотом произнес тиншельт, — нам пришлось как-то объяснять ей произошедшее.

— Она поверила, что это все ее собственные мысли? — помрачнел император.

— Она так и думала. Было бы слишком жестоко оставлять ее в подобной уверенности. Мы сказали ей правду. Частично. Но это уже вас не касается.

— Ошибаетесь, почтенные. Мне кое-что от нее нужно. Объяснить, что, или вы уже знаете?

— Знаем, ваше величество, — печально прозвенел тиншельт, — и знаем, почему вам это нужно. Груз, что на ваших плечах, становится всё тяжелее. Еще немного, и он будет непосильным даже для такого человека, как вы. И нет рядом помощников, не на кого положиться. Слабые не смогут выдержать и толику этого, а сильные...

— Сильные ненадёжны. Они или не поймут, или не поверят. А если поймут и поверят, то вполне могут использовать полученное знание во благо себе, но отнюдь не во благо нашему несчастному миру. Меня в двенадцать лет посвятили в эту тайну и стали готовить к тому, что я сейчас делаю. Кто-то из моих учителей уже умер, а те, которые живы, слишком стары, чтобы встать со мной плечом к плечу. Братья только и думают, как бы спихнуть меня с престола. Ни один из них не подозревает, чем это может обернуться.

— А другие государи? — встревожено поднял голову тиншельт. — Как было завещано, Границу должны блюсти именно они.

Император устало усмехнулся.

— Давно же вы к ним не заглядывали, как я вижу. На материке толковых магов среди правителей не осталось. Ордейн Лейтенский посвящен, но из-за постоянных проблем в собственных владениях давно уже не смотрит в сторону Границы. Король Велота стар и бесполезен, поскольку занят исключительно собой. В Идарии переворот за переворотом, я даже не знаю, остался ли там кто-то из посвященных. Королевская семья почти истреблена, что крайне печально, потому что именно там раньше были главные наши союзники и

помощники. Островные владыки — это вообще особый разговор. С ними невозможно поладить из-за их взрывных характеров и непомерной спеси, ведь чуть не каждый ведет род чуть ли не от самого Создателя... Не говоря уже о том, что их никто толком не учил, как нужно учить посвященных. Один умеет одно, другой — другое, и никто им не скажет, что для защиты Границы необходимо уметь сразу многое, а знать еще больше. — Император безнадежно махнул рукой. — Единственный, с кем я могу говорить на равных о нашем общем долге, это князь Гьяттар. Умница, маг, каких мало, и воспитан подобающе.

— Вы правы, именно я на вашем континенте впервые, — кивнул тиншельт, — В Старых Землях, к сожалению, тоже утешительного мало. Трое по-настоящему соблюдающих Завет государей, остальные погрязли в войнах и удовольствиях, не желая ничего знать о долге.

— Вот поэтому я всеми способами ищу молодых сильных магов, которые могли бы стать мне поддержкой. Кто, случись что со мной, удержал бы Границу. Брат этой девушки был почти идеальной кандидатурой. К сожалению, мой отец слишком боялся старых родов и слишком неразумно уничтожал своих оппонентов. Как оказывалось сплошь и рядом, ничуть против него не злоумышлявших. А теперь мне и выбрать не из кого. Да, мои маги порой самовольничают. Так и вышло с ее братом. А он возьми да исчезни несколько лет назад, и никто — ни родные, ни мои люди — не может его найти.

— Полагаете, у его сестры получится?

— Очень на это надеюсь. Он мне нужен, ибо один стоит десятерых. Парень — прирожденный мастер-Созидатель и при этом неплохой воин. Что дает сочетание таких способностей, я могу только гадать. Про его потенциал ходили легенды, когда он был еще подростком. Вот и думайте сами. — Его величество с надеждой взглянул на своих собеседников.

— Поговорите с девушкой. Одни, без свидетелей. Скажите ей правду. Всю. О долге властителей, о Границе, о соратниках, об опасности и о том, зачем вам нужен ее брат. Только тогда у вас будет уверенность в том, что она поможет. — Голос тиншельта звучал глубоко и ровно, возвращая императору силы и спокойствие. — Время есть. Главное, чтобы у нее получилось.

— Что ж, я попытаюсь. Только вот со временем всё не так радужно. У меня постоянное ощущение, что его вообще не осталось. Один из моих учителей говорил, что Тьме не обязательно вламываться с шумом в главные ворота. Она просочится крысиными норами, дождевыми нитями, комариными стаями. И, когда ты спохватишься, будет уже поздно.

— Ваш учитель прав, государь. В Старых Землях это уже заметно, здесь — пока нет. Продержитесь еще немного? Пока мы не навестим острова.

— А у меня есть выбор? — пожал плечами его величество. — Кому сказать, что императоры — самые подневольные люди на свете, со смеху ведь помрут...

— Завтра, за час до заката, в Тайном Саду мы будем петь только для вас, ваше величество. Теперь я вижу, что это необходимо и правильно. — Тиншельт поклонился и исчез вместе с девушкой.

— О Создатель, как же я устал, — простонал монарх, откидываясь на подушки, — ну, хоть выговорился. Хотел бы я знать, зачем эти высшие существа поют для простых людей! Или мы только думаем, что они поют?

**** *
**** *
**** *

Два свободных от занятий дня Тайри провела между домом и библиотекой. Работа всегда была лучшим средством от несвоевременных мыслей. Нельзя думать о наставнике

иначе, чем о наставнике. Нельзя — даже в самых осторожных мыслях — касаться каких-то личных струн. По крайней мере, пока не достигнута главная цель, и пока она его ученица. Надо научиться ходить по Тропам, получить магистерскую степень, найти Номара, и только потом... Если, конечно, у нее будет какое-то "потом".

Днем мы над собой властны, а ночью приходят сны, и они показывают нам нас — настоящих. И тут уже ничего не поделать. Можно, конечно, сунуть под подушку темно-серый кристалл-ловец, проспаться всю ночь, как бревно и встать утром с чугуновой, будто с похмелья, головой. Целый день потом будет насмарку. Во всяком случае, Тайри опыт с кристаллом не понравился, и она предпочла уйти с головой в подготовку к зачету по целительству. В нужный день она была, что называется, во всеоружии.

Почтеннейшие студиозусы ожидали мастера-Целителя в залитом солнцем зале. Седовласый маг не вошел — ворвался бодрым легким шагом, помолодевший лет на сорок, в глазах — задор и азарт.

— Приветствую вас, господа! Зачет сегодня будет проходить в самых правильных условиях, а именно, в полевых. Излагаю ситуацию: у западной границы, в Клемоне, творится нечто непонятное, и, разумеется, опасное. Много народу пострадало. Какие-то мерзкие твари ползут из местных болот, пожирают скот без разбору. Кое-где съели всё, вплоть до собак и кошек, и, как выяснилось, люди им тоже по вкусу. Места там дикие, далеко не убежишь, повсюду топи. Пока гонец до ближайшего мага добрался, эта нечисть изничтожила восемь деревень и лезет, собственно, на Клемон. Тамошний сюзерен заперся в замке, помогать людям отказывается, пьянствует и молится попеременно. Ну да что с него взять, ни Силы, ни доблести, одно имя старинное — и то опозорил... Его дружинники делают, что могут. Селят беженцев в каменных казармах на Графском холме, благо, тех совсем немного. Пробовали этих тварей рубить и жечь огнем, но мало чего добились. Старики говорят, что никогда о таких зверях не слышали. Хуже всего то, что аппетит у них растет: если раньше между набегамы проходило дня три-четыре, и люди успевали уйти подальше, то теперь они являются за своей добычей каждую ночь. Надеюсь, понятно, что жертв стало намного больше. Боевые маги обеспечат нам защиту, а уважаемый мастер Гайдиар поможет добраться в Клемон короткой дорогой. Все необходимые снадобья и тинктуры ждут вас в соседней лаборатории. Пожалуйста, приготовьтесь.

Когда Тайри вернулась в зал, неся на плече тяжелую сумку, все мастера уже собрались. Возбужденно переговариваясь, они бегло проверяли снаряжение — свое и учеников. Посреди этого гудящего беспокойством улья стоял спокойный и сосредоточенный ваюмн. Увидев свою ученицу, он жестом подозвал ее к себе.

— Помните, о чем мы говорили в самый первый раз, Тайри? В нашем с вами случае, воин и защитник — это вы. Мне грустно и неловко об этом напоминать, но не сделать этого я не имею права. Будьте готовы ко всему. Скажу честно, мне творящееся в Клемоне совсем не нравится. У наших ведущих магов пока ни одной стройной версии. И мы слишком мало знаем о том, что в действительности там происходит.

— Значит, разберемся на месте! — бодро откликнулась его ученица, чем вызвала лишь хмурую улыбку наставника. Ну как же, любимый клич всех сильных... — Первое настоящее дело, как-никак. Не волнуйтесь, наставник, вам не придется за меня краснеть.

«Главное, чтобы мне не пришлось тебя оплакивать» — подумал мастер Гайдиар, но в ответ на ее тираду просто кивнул и обратился ко всем остальным:

— Господа маги, все готовы? Я построю Короткий переход, советую заранее подготовиться к атаке этих существ. И не толпитесь, пожалуйста, проходите по очереди.

К всеобщему облегчению, на них никто не набросился в первые минуты. Дорога на Графский холм, вымощенная не так давно красным булыжником, была пуста. Посовещавшись, мастера решили отправиться напрямик к краю болот. Опасность исходила оттуда, и лучше было загнать ее обратно в топи, чем отгонять от ветхих стен замка на холме. Вскоре навстречу им стали попадаться беженцы. Мрачные мужчины — в основном старики и подростки — вели в поводу навьюченных лошадок, тянули за собой коров и коз.

Молчаливые испуганные женщины несли на руках малышей или помогали идти совсем уж немощным. Завидев небольшой отряд незнакомцев, идущий им навстречу, люди сбились теснее и прибавили шаг. Один из стариков подошел ближе, поклонился.

— Здрaвы будьте, почтенные! Никак, граф Клем, наконец, подмогу вызвать сподобился?

— Про подмогу это вы точно сказали, уважаемый. Попробуем этих гадов ползучих обратно в болота загнать, а то и вовсе извести. А что, началось уже? — осведомился кто-то из боевых магов.

— Нет, но вот-вот полезут, — устало вздохнул старик, — Вы уж поторопитесь, почтенные. Дружинники графские, конечно, ребята brave, но им одним ни за что не выстоять. Эти зубастые сожрут их, и не подавятся. А парней жалко, у них жены, ребятишки...

— Долго нам до них идти?

— С полчаса еще. Прямо по дороге, а потом к леску чахлому, через поле.

— А много ли деревень осталось?

— Жилыми? По эту сторону холма мы, почитай, последние были, господин маг. Нету теперь никого. Кто жив остался — или у графа в казармах ютятся, или уехали куда глаза глядят.

Маленький отряд прибавил шагу, и вовремя. Они как раз успели увидеть, как пошла мелкой рябью мутная болотная вода, как начали лопаться на поверхности зловонные пузыри. А потом из воды полезла первая тварь. Она отдаленно походила на длинную красно-бурую ящерицу с огромной головой, большую часть которой занимала пасть с многочисленными острыми зубами. Крохотные глазки утопали под гребневидными выступами, гибкое тощее тело покрывала слизь, позади тащился плоский тяжелый хвост. Тварь приподнялась на задних лапах, повела головой из стороны в сторону и издала противный визг на очень высокой ноте. Кто-то из стоящих цепью графских солдат согнулся, зажимая уши, кто-то устоял, крепко сжимая боевые топоры и алебарды.

Маги-воины разошлись по флангам, вонзили в землю одинаковые жезлы, мгновенно засветившиеся ярким желтым светом. Невидимый защитный купол значительно приглушил звуки. Ящерица уселась на хвост и стала поджидать своих товарок, противно перебирая в воздухе длинными суставчатыми пальцами передних лап. Тайри про себя отметила, что когти на этих тонких с виду пальчиках внушительные. Такой чиркнет по горлу, и больше ничего не понадобится. Она побежала вдоль ряда солдат — посмотреть, не нужна ли кому помощь. У одного из храбрых защитников из ушей текла кровь. Леди Даллет покачала головой: теперь пару недель парень вообще не будет слышать, и то, если всё правильно вылечить. Она быстро оттащила его подальше, в ход пошли заговоренные настои и воск. Солдат, не дрогнув, вытерпел все процедуры, глухо пробормотал "спасибо" и поплелся на свое место в строю. Ну, до вечера он боли чувствовать не будет, а там мастер-целитель поможет.

Между тем, из болота полезли и другие ящерицы. Через несколько минут их насчитали уже два десятка. В руках одного из магов появился огненный бич, у второго, более опытного — ловчая сеть самого простецкого вида. Тайри знала цену таким вот с виду невзрачным орудиям. Это говорило только об одном: вещь была древней, сотворенной с соблюдением всех положенных ритуалов, и очень сильной — раз дожила до сего дня. Старые мастера думали не о красоте и изяществе, а о мощи и точности. Сеть должна ловить тварей — и она ловила...

От дружного разноголосого визга магический купол, казалось, вот-вот должен рассыпаться тонкими хрустальными осколками, а вслед за ним и головы тех, кого он защищал. Тайри оглянулась в поисках наставника: как-то он переносит все эти вопли? Ваюмн держался спокойно, стоя рядом с Мастером-воином. Он кивнул своей ученице, показывая, что всё в порядке, потом дважды поднес палец к глазам и указал на бегающих вокруг купола ящериц. Нужно внимательно присмотреться к зверюшкам, причем дважды. Наставник считает, что это не просто голодное взбесившееся зверье? Что ж, проверим... Вот теперь понятно хотя бы кое-что. Твари — измененные. Кто-то обладающий и недюжинной силой, и нужными знаниями, изменил их предков несколько поколений назад, а потом магически закрепил эти изменения. Не были эти создания ни плотоядными, ни агрессивными. И орать тоже не умели. Додумать мысль леди Даллет не удалось. Боевые маги скомандовали атаку и сняли защиту. Огненная петля затянулась на шее ближайшей хищной твари, еще троих накрыла сеть. Почтеннейшие студиязусы, Мастера и отважные солдаты пытались уничтожить зубастого противника. Алебарды, топоры и даже узкие магические мечи крошили всё, что под них попадет. Попадалось оно, прямо скажем, сплошь и рядом, на удивление от ударов не пряталось, а вовсе даже пёрло напролом. Из топи лезли всё новые и новые ящерицы, легко взбирались по трупам собственных товарок и с целеустремленностью маньяка бросались на воинов. Тайри подумала, что грубой силой тут, пожалуй, не справиться. Разве только всю трясину осушить и выжечь к демонам, но никто не обещал, что эти твари не полезут еще откуда-нибудь. Что там про них местные говорили? На возвышенности не поднимаются и камни стороной обходят? А вот огненного бича, как и заговоренного оружия, почему-то мало боятся. Топоры солдатские и то более действенны.

Крупная зверюга с разбегу кинулась на юную волшебницу, растопырив когтистые лапы. Почти не задумываясь, девушка отшвырнула ее воздушным молотом, крепко приложив головой о торчащий из земли гранитный валун. Ящерица беспомощно пискнула, по ее телу пробежала судорога. Вот и пойми, то ли это камень на нее так действует, то ли просто хребет сломала. В любом случае, безвозвратно сдохла, зубастая. А что это у нас такое тонкоэфирное тянется от дырявой головушки? Никак, поводок магический? И все дергается, дергается... Кукловод никак понять не может, что с марионеткой приключилось? Тайри потянулась осторожным заклятием, чтобы не спугнуть "хозяина", но тот был где-то очень далеко, да еще прикрывался магией болот — силой старой стоячей воды. Через такое ей не пробиться, вот император бы смог... И магией камня она не владеет, а жаль, можно было бы попробовать. Ну, по крайней мере, есть, что доложить уважаемому Мастеру-воину. Что Тайри и сделала. Старый маг внимательно выслушал ее, нахмурился, продумывая следующий шаг.

Молодые, как всегда, не утерпели и не додумали. Королевские маги начали, а двое учеников подхватили: огненная волна в человеческий рост медленно поползла к болоту.

— Где их мозги, тьма меня раздери, — прошипел Мастер-целитель, — я не боевой маг, но прекрасно понимаю, что поднимать огонь рядом с топями бессмысленно. Только силы зря потратят и вымотаются. Ну вот, полюбуйте!

Парочка зубастых тварей выползла из огня, отряхнулась по-собачьи, разбрасывая вокруг куски спекшейся в корку слизи, и кинулась на почти беззащитного мага. Одну воздушным заклинанием сбила Тайри, второй бугристую башку продырявил невесть откуда прилетевший камень. Оглядываться было некогда, оставалось надеяться, что остальные поняли, как действовать правильно и не подведут. Маг все-таки изрядно пострадал от

когтей. Леди Даллет подставила ему плечо, повлекла раненого подальше от схватки, становившейся все более кровавой.

Мастер-воин что-то крикнул своим, они объединили усилия, и из влажной земли полезли острые гранитные осколки. Их подняли в воздух, закрутили смерчком и пустили гулять среди растерянно заметавшихся ящериц. Трудно, ох, трудно сейчас магам! Они плохо дружат со стихийной волшебной силой, а эти еще и взаимодействие заранее не оговорили, работают на чистой импровизации. Придется потом мастеру Эйтану их выхаживать.

Боковым зрением Тайри заметила, как бурая тень бросилась на спину ее наставнику. Не раздумывая, ученица прыгнула вперед, отталкивая мастера Гайдиара и открывая портал, куда они с ящерицей успешно провалились. Куда ее вынесло, Творец всемогущий! Кругом одни камни... Камни? Тайри огляделась: измененная рептилия распласталась поодаль, издавая жалобный писк и скребя когтями землю. Сначала юная леди поискала, чем бы приложить попутчицу так, чтобы она уже не очнулась, но... Было бы намного полезней понять, как порвать магический "поводок". Тогда легко было бы справиться и с остальными. Любому магу известно, что марионетка, лишенная хозяйского управления, бесполезна и неопасна.

— Скайяр, помоги мне. Я хочу найти слабое место в этих чарах.

Сапфир на ее шее полыхнул, и знакомый голос сказал из-за плеча:

— Сейчас посмотрим. У вас просто опыта маловато, госпожа моя. Это редкое и старое искусство водных кланов, просто так, с разбегу, его не разрушить. А вот если заставить шкуру этих бедолаг хоть на секунду стать каменным панцирем, пусть тоненьким, связь разрушится сама. Сыграет противоположность стихий. Вы такое пока не умеете.

— А ты?

— Я воин, госпожа, и в разной степени умею всё. Но мой долг касается только вас одной.

— Хорошо... Значит, нам следовало позвать с собой магов земли?

— Знаете, моя леди, во время оны этим заклинанием владели самые рядовые деревенские колдуны. Наверняка, местные его еще помнят, поищите среди них.

Тайри восторженно посмотрела на своего дракона.

— Спасибо, Скайяр! Что бы я без тебя делала!

Тот усмехнулся, довольно щуря синие глаза:

— Сами бы додумались, куда бы делись. Вам открыть портал обратно, миледи?

Леди Даллет шагнула из серебристой арки на болотистый берег и тут же оказалась в чьих-то очень крепких объятиях.

— Жива, слава Творцу, и невредима, — прошептали прямо над ухом. — Как же я испугался.

— Чего, мастер? — вопрос вышел сдавленным, выпускать ее, видимо, не собирались, между тем серебряное перо пребольно впивалось в щеку. Она попробовала пошевелить плечом и оказалась на свободе. Почему-то это совсем не обрадовало.

— Что тут происходит? Я долго отсутствовала?

Тайри старалась не смотреть на мастера и немедленно выбросить из головы только что случившееся. Ну мало ли, чего не сделаешь от волнения?

— Минут десять, наверное. Наши brave маги уложили всех тварей, но за ними, очевидно, ползут новые. И с этими уже будет сложно, сами понимаете. Силы не бесконечны.

— Пошлите кого-нибудь за магами земли, мастер. Или хоть у местных спросите, не умеет ли кто работать с этой стихией. Зверюшек водят на длинном поводке, магия старая, водяная, но если ей противопоставить...

— Молодец, девочка! — стоявший рядом мастер-Воин хлопнул ее по плечу, от чего Тайри едва не рухнула на колени. — Сама догадалась?

— Подсказали, — честно ответила леди Даллет.

— Не иначе, дух-хранитель нашептал, и очень вовремя. — Старый маг и не думал шутить. — Эй, позовите-ка мне самого шустрого из солдат. Скажи, любезный, а нет ли у вас в деревне знахарки или колдуна какого? Поговорить бы надо.

Солдат степенно кивнул:

— Есть, господин маг, как не быть. Только молод он еще, а сестра его и вовсе девчонка. Дед-то ихний, старый колдун, помер недавно. Вот от этих тварей людей прикрывал, да не сдюжил — надорвался. Светлая дорога его душе, хороший был человек, не чета другим...

— Позови-ка мне обоих, уважаемый. Молодые — они не всегда хуже стариков. Судя по твоим словам, у такого деда плохих внуков быть не может.

Через некоторое время перед магами предстали двое: высокий и худой, как жердь, юноша и миловидная девушка. Семейные черты просматривались легко: одинаковые черные, как смоль, волосы, чуть широковатые скулы, прямые носы. Даже складки на лбу, когда они хмурились, появлялись одинаковые.

— Чем мы можем служить таким могущественным волшебникам? — мрачно сверкнул темными глазами парень.

— Да, в общем-то, это мы вам должны служить, только пока поняли, в чем тут дело... — вздохнул мастер-Воин. — Скажи, ты можешь превратить что-либо в камень? Пусть совсем ненадолго.

— Это чары тонкого льда, что ли? Когда топь перейти надо, или, там, хлипкий мостик крепким сделать? — спросила девушка. — Так, Доннер?

— Похоже. А вам зачем? Болото переходить?

— Это не нам, это вам, — устало произнес мастер Гайдиар. — Ящериц ваших водит на поводках какой-то умелец из старых. А вот если сделать их кожу каменной хоть на секунду, связь порвется. Поняли меня?

Брат и сестра переглянулись.

— Поняли. Эх, если б раньше знать... Интересно, много ли еще этих зубастых у него в запасе осталось? Вдвоем мы, конечно, многое можем, но...

— Не волнуйтесь. Мы по другим деревням народ предупредим, помощников вам найдем. Из Столицы наши придут не позднее чем завтра, — успокоил колдуна мастер-Воин. — Понимаешь ли, такая магия не всем доступна, а кое-кто про старые чары и вовсе забыл.

— Это-то понятно, никто всего не может. А кто может всего понемножку, как мы с Одри, не особенно силен бывает. Нам просто дед, помирая, всю свою силу отдал. Вот он с камнями умел...

Весь оставшийся вечер Тайри и ее наставник только и делали, что открывали порталы в Столицу и водили нужных людей Коротким путем. К следующему натиску подготовились куда серьезнее. Нашли еще четверых деревенских знахарей, привели всех свободных магов земли из Столицы. Боевой задор просто зашкаливал, однако на следующий вечер атаки не случилось. Хозяин-кукловод лишился слишком многих бойцов и срочно восполнял потери?

Или что-то мешало ему дергать за ниточки — кто знает?..

Тайри и мастер Гайдиар работали порознь и за все прошедшее время не виделись. Кроме того, у леди Даллет были заботы в лазарете — лечить раны от зубов и когтей, да и зачет у мастера-Целителя никуда не делся. Прибежал за бодрящим настоем один из магов земли. Тайри нравился этот невысокий, очень живой южанин, который всегда лучился добротой и энергией, щедро и с удовольствием делился ею с окружающими. Сейчас он, как ни странно, растерял всю свою "солнечность" и выглядел если не больным, то крайне утомленным.

— Нужна помощь, милорд Вир?

— Даже не знаю, что сказать, моя леди. И работы вроде всего ничего, и опасности пока никакой... А не отпускает что-то. Не было бы еще какой напасти, — хмуро ответил маг. Даже голос был у него слабым и тусклым.

— Есть подозрения?

— Самую малость. Я чую поблизости майнвормов. Местные сказали: по ту сторону холма старый рудник, ничего удивительного. А я вот что подумал... Ящерки-то эти измененные были, и кто даст гарантию, что наш зверовод-умелец не поиздевался и над червями? Майнворм, конечно, беззлобен, послушен и почти разумен, но, если постараться, то можно и из него злобную тварь сделать. Я бы слазил в эту заброшенную штольню, посмотрел, что там и как, да только сил совсем нет.

Юная герцогиня Даллет присмотрелась к посетителю внимательнее, "по-другому", как всегда говорил ее отец.

— Давно вам так плохо?

— Как здесь оказался. Спустились к болотам дохлых ящерок посмотреть — и началось. Будто захребетник какой объявился, тянет и тянет...

Тайри кивнула. Она уже разглядела "нитку", очень похожую на поводки ящериц, но куда менее заметную. Видимо, одна из тварей была еще жива, и хозяин как-то сумел перекинуть управляющее заклятье с нее на человека. Подчинить, скорее всего, не рискнул, а вот ослабить и поживиться чужой силой запросто получилось.

— Скажите, а коллеги ваши тоже нечто подобное ощущают?

— Нет, похоже, мне одному так повезло. Это лечится? — вымученно улыбнулся лорд Вир и тяжело опустился в кресло.

— Помощь нужна? — заглянула в комнату Одри, деревенская колдунья. Интересно, подслушивала она или просто мимо шла?

— Не откажусь, — кивнула ей Тайри. — "Нитку" видишь?

— Которая вокруг господина мага завязана? Конечно вижу. Присосаться кто-то решил.

— Тот же, кто ящерками командует. Есть идеи, как помочь?

— Человек — не ящерка, с ним не так всё просто, — задумчиво проговорила девушка, — разве что... — Она стянула с пустой кровати тонкое покрывало, оказавшееся неожиданно большим, набросила на сидящего мага, накрыв с головы до ног, повела руками сверху вниз, приводя в действие чары. Ткань на пару секунд застыла, став каменно твердой и тяжелой, под ней удивленно охнул маг.

— Ну и методы у вас, — пробормотал он, стягивая с себя покрывало, когда всё закончилось.

— Других пока никто не предложил, — пожалала плечами леди Даллет, — может быть, вы придумаете. Как ощущения?

— Как мешок с камнями с плеч свалился. Даже дышать легче стало. Спасибо вам.

— Это вы Одри спасибо скажите. И сегодня посидите-ка в лазарете, не суйтесь на болота и в шахты.

— Но как же... — попробовал взбунтоваться пациент.

— А никак, — отрезала юная целительница, — другие найдутся.

Маг только развел руками и послушно плюхнулся обратно в кресло.

— Слушаюсь, моя госпожа. Ну хоть выплюсь...

Тайри прекрасно понимала, что подозрения лорда Ви́ра беспочвенными оказаться не могут. Слишком опытен был маг, чтобы ошибиться. Двое его коллег со вниманием выслушали леди Даллет, но никакого беспокойства не проявили.

— Понимаете ли, миледи, наш Вир — известный перестраховщик, — с многозначительной улыбкой произнес один из них, — и частенько из комара боевого коня делает. Не стоит разводить панику на пустом месте. Шахта здесь древняя, заброшенная. Если и были в ней майнвормы, то давным-давно ушли в более обитаемые места. Им тут просто есть нечего.

Ответ Тайри не понравился. Её интуиция тоже сигналила о близкой опасности, которую проще было предупредить. Но как? В шахты лазить ей еще не приходилось, майнвормов она видела лишь на картинках, и особой симпатии они у нее не вызывали. Твари страшноватые, хоть их давно научились приручать и пристроили к делу. Круглая голова с огромной зубастой пастью и крошечными по-человечьи умными глазками. Плотное мускулистое туловище с тремя парами рук, совсем не человеческих: по шесть суставов на пальцах, длинные алмазно-крепкие когти, широченные ладони. На двух парах из трех — перепонки между пальцами. Ног червю, естественно, не полагалось, туловище переходило в длинный кольчатый мощный хвост. Горных дел мастера утверждали, что правильно обученные майнвормы не глупее хорошей собаки и не менее преданны хозяину. Поэтому страшно было даже подумать, в кого превратятся измененные черви. Один удар хвостом чего стоит! Однако умельцу-звероводу пришлось бы превзойти самого себя, чтобы заставить этих привычных к темноте подземелий существ добровольно лезть на поверхность...

Ход ее мыслей прервал дружеский хлопок по плечу.

— Тайри! Не ожидал тебя здесь увидеть. Впрочем, сюда стянули, наверное, всех, кого смогли собрать. Исцеляешь раненых? — обычно немногословный Ортам ор Глейде был на себя не похож.

— Рада видеть тебя, дружище. Сегодня — да, исцеляю. Вчера вместе с моим наставником всех ваших сюда сопровождала. Видимо, ты с ним и прибыл Коротким переходом. Слу-ушай... — девушка нахмурилась, пытаясь поймать "за хвост" ускользающую мысль. — Дело есть. Крайне важное.

— И какое? Вы ж тут без нас всех тварюшек успели перебить.

Тайри быстро изложила другу все подозрения лорда Ви́ра и свои собственные. Ортам сразу стал серьезен:

— И правда, дело важное, но очень и очень рискованное.

— Я бы одна полезла, только, боюсь, пользы от меня там немного будет.

— С ума сошла?! Ты шею себе там свернешь в первую же минуту. Ладно, разберемся. Я позабочусь о снаряжении.

Ортам был, разумеется, прав. Весь ее опыт состоял из одного-единственного похода по катакомбам Хеты вместе с Тромом Альге-младшим. Пожалуй, слово "поход" слишком

громкое, скорее, интересная экскурсия: облазивший всё вдоль и поперек друг детства водил ее "за ручку", предупреждая, где опасно, а где нет. По дороге к шахте их нагнала Одри. Ортам покосился на знахарку, но прогонять не стал. Сказал только:

— Под землю не возьму. Хватит с меня и одной неопытной.

— Да я и не собиралась, — пожала плечами Одри, — мне наверху ждать сподручнее.

Мало ли какая помощь понадобится.

Заброшенную выработку охранял небольшой отряд: два десятка солдат и офицер. «Ему бы не здесь грязь месить, а на императорских парадах шаг по площади чеканить» — подумала Тайри, глядя на лейтенанта — настолько этот человек выпадал из окружающей унылой действительности. Высокий, статный, с гордо посаженной головой и умным, аристократичным лицом — явно не из местных дворян. Темные волосы острижены очень коротко, кожа золотистая, как у жителей южных гор.

— Далеко идёте, господа? — окликнул он молодых магов.

— Шахту обследовать, господин лейтенант, — ответила за всех Одри, — это маги из Столицы. наших ящерок малость проредили, теперь вот за подземелья волнуются, нет ли там подвоха.

— Понятно. Вы там поосторожнее, господа маги. Крепи трухлявые, всё на честном слове да на молитве держится. Туда лет десять уже никто не совался, даже из любопытства.

— Спасибо за заботу, лейтенант. Мы постараемся, — скупой улыбнулся друг Тайри, — я Ортам ор Глейде, Императорское управление недр.

— Габриэль де Рейвен, лейтенант шестнадцатого западного полка, — отрекомендовался офицер.

Вот как... Дворянин из маленькой горной Гьятты на императорской службе. Наверное, младший сын, которому земель не хватило. А может, жизнь показалась пресной в старом замке среди прадедовских трофеев.

— Тайри ор Даллет, императорская Академия.

— Тоже колдунья? — лейтенант улыбнулся, и это "колдунья" получилось у него не обидным, а вовсе даже почтительным.

— Само собой, — кивнула юная леди, — если вдруг с нами что случится, хоть знать будете, кого здесь искать.

— Не говорите так перед делом, миледи. Беду накличете, — серьезно ответил де Рейвен. — Удачи вам.

Спуск в шахту особых трудностей не доставил. Раньше всё делали прочно и с умом, и эту шахту обустроивали так же. Несмотря на преклонный возраст, всё работало отлично, и маленькая клеть подъемника исправно опустила их на дно. Дальше ход полого углублялся вниз, и тьма в нем стояла такая, что два магических факела рассеивали ее не больше чем на пару шагов.

— Что будем делать дальше? — осведомился Ортам, когда они дошли до первого поворота.

— Слушать. И думать. Если ничего подозрительного не услышим — пойдём дальше.

— Я тебе сразу скажу. Шагах в тридцати за поворотом — развилка. Три хода. Один завален наглухо, второй — чистый и ведет глубоко вниз. Там даже осталось серебро, хоть и совсем немного... Третий тоже ведет вниз, но он короче, шире и гораздо более пологий. Знаешь, я не чувствую там породу, не вижу дна... Как будто штольня ведет наружу, а не вгрызается в гору. Вот это, действительно, странно. Думаешь, нам туда?

Тайри восхищенно посмотрела на друга. Вот это силища, вот это талант! Так видеть сквозь толщу камня. Недаром в него так вцепились в министерстве.

— Сейчас посмотрим. Я оставлю здесь "якорь", чтобы можно было, в случае чего, вернуться порталом. — Она аккуратно положила серебристый камушек в удобную выемку в стене.

То, что представляла собой третья выработка, не понравилось обоим. Ход заканчивался открытым Коротким переходом, за которым виднелись густые деревья, колючие кустарники с яркими цветами и длинная, влажная на вид, трава. А посреди всего этого великолепия слабо подрагивал огромный полупрозрачный кокон, в котором слабо шевелилось нечто живое. В гибкую оболочку упиралась то суставчатая конечность, то тёмный кольчатый бок. Головы видно не было, но молодым магам представлялось что-то одинаково отвратительное.

— Гадость какая, — скривился Ортам, — и лежит ведь где-то в теплых дождевых лесах. Интересно, зачем?

— Чтобы личинка быстрее росла, быстрее вылупилась. Влажно, жарко, полным-полно живности вокруг, в почве наверняка всякие насекомые и черви кишат. Самое то для активированной капсулы, — ответила леди Даллет, пытаясь лучше разглядеть содержимое кокона.

— Если я хоть что-нибудь понимаю, эта тварь не сегодня-завтра вылупится, — прошептал Ортам, — и ползет вверх — злая, ничего не понимающая и зверски голодная. Все личинки, едва выползут из кокона, жрут, не переставая...

— Чтобы она, несмотря на изобилие вокруг, полезла в Переход, нужен манок. Сильный манок, такой, что всё остальное перекроет. Знать бы еще, кого конкретно тут подманивают, можно было бы что-нибудь придумать.

— Манок уничтожить, а штольню завалить, — кивнул ор Глейде. — Тогда тварюшка будет лопать местных.

— Именно. Только вот как мы узнаем, кто там внутри? Явно же химерка, скорее всего, двойная.

— Как это?

— Хозяин взял всего два разных существа для ее создания, — охотно пояснила Тайри, — они получаются легче и быстрее других. Здесь, скорее всего, тандем типа "всадник-конь", и "всадником" он взял какое-то насекомое.

— Ну, "коня", по-моему, угадать нетрудно. Майнворма он взял, мерзавец, — горный маг сжал кулаки, сдерживая эмоции, — молоденького совсем, потому что с взрослыми такие штуки не проходят. Не выносят они подобных издевательств.

Существо в коконе пошевелилось, стенка натянулась, обрисовывая мощные жвалы на крупной продолговатой голове и выпуклые глаза, пока скрытые чешуйчатыми веками. Еще одно движение, и стал виден характерный рисунок выпуклостей на затылке и странный "воротник" на вполне человеческой шее.

— Это еще что? — удивленно поднял брови Ортам.

— Кветра. Обитает всего на трех островах Южного Следа. Личинка проходит, если я правильно помню, три стадии развития, каждый раз создавая кокон. Самая опасная — последняя, которая, как ты сказал, жрёт всё без разбору. Потому что взрослая особь, которая из нее получится, питаться не сможет. Она найдет себе пару, отложит яйца и умрет.

— Ты так хорошо помнишь лекции по естествознанию? — удивился горный маг.

— Мне было интересно, — пожал плечами девушка, — теперь бы еще вспомнить, чем

эту тварь можно приманить, если ей всё равно, что лопать...

— А если хозяин предыдущую стадию уже чем-то прикармливал? Постепенно, создавая привычку. Так майнвормов натаскивают на определенные минералы: просто внушают, что это вкусно...

— Этот, явно, не камнями обедать будет...

Где-то чуть выше, в одном из узеньких боковых отнорков штольни кто-то зашевелился, посыпались камешки, потом раздался едва слышный стон.

— Зато от человечины, похоже, нос воротить не станет. Вот и приманка, Ортам. Надо ее найти и немедленно вывести наверх. Думаю, что этот гад чем-то опоил человека, спрятал здесь, а срок действия зелья подгадал как раз к появлению кветры.

— Или завязал одно на другое. Приманка просыпается — кокон рвется... — Юноша замер, глядя на Тайри. Догадка была страшной и, похоже, правильной. От нее леденело где-то в груди, и тяжелели ноги. — О Создатель... у нас совсем нет времени, Тайри.

Леди Даллет медленно выдохнула сквозь зубы. Паниковать было равносильно смерти. Да и поздно...

— Найди жертву. Утащи ее наверх. Я постараюсь хоть что-то понять про тварь и уйду порталом. Боюсь, что шахту придется завалить — всю.

— Как бы она не завалилась не по нашей воле, — проворчал Ортам, — Прошу тебя, Тайри, не геройствуй, ни к чему это. Пойдем вместе, приманку эту я на себе уволеку, если что. Или, например, все уйдем твоим порталом...

Тайри отрицательно покачала головой: нельзя, слишком опасно. Тащить за собой в портал человека, который находится под действием одурманивающего зелья или без сознания, чревато всевозможными неприятными последствиями. Магические потоки могут отреагировать на его страхи, видения или кошмары, и вышвырнуть совершенно не туда, куда ожидалось.

— Я не хочу оставлять тебя здесь.

— Не думай об этом. Во-первых, я всё-таки не беззащитный цветочек, кое-что умею. А во-вторых, нужно думать о тех, кто наверху. А если это не единственная химера? Если они тоже полезут откуда-нибудь, а мы ничего не сможем противопоставить, потому что ничего о них не знаем? Кроме того, на поверхности я тоже кинула "якорь", в случае чего могу им воспользоваться... — Юная леди как умела, пыталась убедить друга, что с ней абсолютно ничего не может случиться. — Беги быстрее.

Конечно, никакого "якоря" на поверхности не было, это так, сказочка для успокоения несведущих горных магов. Тайри просто не ожидала такого развития событий.

— Тогда... может быть, ты попытаешься спалить эту тварь к горной маме, пока она окончательно не вылупилась? И спокойно вернемся вместе? Ты ведь сможешь? — Горный маг очень не хотел оставлять Тайри одну в опасности, хоть и понимал, что время уходит.

— Попробую, — леди Даллет шагнула к чуть мерцающей "плёнке" Короткого перехода и тут же отскочила назад.

— Тьма раздери этого колдуна... Портал защищен, Ортам. Оттуда — никаких препятствий, а отсюда надо ключ знать. Наплетено таких хитрых ниточек, что мне с разбегу не разобраться. Какие-то тянутся к поверхности, другие привязаны к этой штольне, есть и те, что уходят глубоко на ту сторону. Как это работает, понятия не имею, и времени разобраться нет.

— Полагаю, приманку ты и сама дотащишь, а я останусь...

Человек, спрятанный где-то выше, застонал громче, потом крикнул что-то и затих. Слышно было плохо, слов маги не разобрали. Тайри, напряженно вглядываясь в отвратительно шевелящийся кокон, попросила:

— Найди жертву, Ортам, и уводи ее наверх. У тебя горное чутье, ты сделаешь это куда быстрее меня. Мы нарушим планы колдуна, химера не получит желаемого, ему придется на ходу что-то менять. Это будет всем на руку. Ничего со мной не делается, поверь.

Лорд Глейде тяжело вздохнул, крепко обнял девушку, потом отвернулся, и, руководствуясь одному ему понятными движениями Силы, уверенно побежал к дальнему отверстию в стене.

— Поспеш! — крикнула Тайри, потому что именно в этот момент оболочка кокона расплзлась и опала грязными клочьями. Химера открыла глаза и повела короткими усиками.

Верхняя пара конечностей под покрытыми хитином плечами походила на лапы насекомого-"всадника": толстые, защищенные броней, со странной четырехпалой ладонью, которой удобно рыть ходы в земле. Недаром кветру называли еще кротовым сверчком. Ниже скребли землю руки, слишком длинные для майнворма. А по бокам хвоста была еще пара толчковых ног, похожих на задние лапы кузнечика. На черной глянцевой, снабженной мощными жвалами, башке пара почти человеческих, очень разумных глаз смотрелась чем-то чужеродным. Тварь издала странный, похожий на птичью трель, звук и затихла, прислушиваясь. Ответ пришел, но, очевидно, не такой, как она ожидала. Химеру хлестнули каким-то мудрёным заклятием. Создание закричало, вжимаясь в землю, и бешено колотя хвостом. В глазах химеры стыло страдание. Да ей же просто внушали, что если она не спрячется, то мучения продолжатся. Прогоняли, заставляли искать убежище, причиняли почти невыносимую боль! Когда химера подняла голову, которую пыталась прикрыть неловкими передними лапами, в глазах ее отражалась лишь бешеная злоба.

Тайри собралась с мыслями и поставила самый прочный защитный купол, на который была способна. Чутье говорило ей, что с этой тварью не удастся справиться просто так, без подготовки, без артефактов, имея минимум времени. Отдаленное эхо принесло звук торопливых шагов — где-то в переходах Ортам тащил к подъемнику приготовленную для чудовища жертву.

Химера, неуклюже переваливаясь и волоча несуразные задние ноги, двинулась к входу в штольню. Точно, как по ниточке. «Ну посмотрим, чего ты хочешь, бедолага» — подумала Тайри. Ей вдруг стало жаль ни в чем не повинного горного червя, наверняка по-собачьи безоговорочно доверявшего своему человеку. И, скорее всего, не понимающего, за что его так долго мучают. Кветры-то от природы тупы и злобны, им всё равно, лишь бы еда была. Через пару минут девушке стало не до размышлений: тварь без малейших усилий миновала купол и встала, с недоумением озираясь вокруг. Как такое возможно? И кому, интересно, удалось сотворить существо, нечувствительное к барьерной магии? Химера, между тем, принялась, завертела головой и медленно двинулась вперед, растопырив обе пары рук. Тайри, выругавшись сквозь зубы (ох, отец бы не одобрил...) сотворила огненное лассо. До башки с первого раза достать не получится, а вот на лапу-другую у твари поубавиться может. На всякий случай девушка потянулась мысленно к своему маяку, оставленному уровнем выше, и с ужасом поняла, что артефакт не отзывается. Не получится убраться отсюда побыстрому, даже для того, чтобы выиграть время. Разве что снова попробовать построить портал "куда вынесет", как в прошлый раз? Но тогда у неё на шее был заветный сапфир, а

сегодня она оставила его в походном сундучке. Сняла на ночь, чтобы цепочка не запуталась в волосах, да так и забыла. Что ж, придется вам, леди, полагаться только на себя, как сказал бы наставник.

Нижнюю лапу, похожую на человеческую руку, огненное лассо отсекло мгновенно. Химера, кажется, даже не ощутила потери, продолжая надвигаться на такую непонятливую и неудобную пищу. И чего она мечется? Все равно ее поймают и съедят.

С твердых щитков огонь стёк, не нанеся почти никаких повреждений. Значит, надо умудриться зацепить то, что у химеры от менее защищенного и более чувствительного ворма: шею, хвост... и глаза. Почему-то хитроумный маг-создатель не защитил их как следует. Возможно, тварь и вслепую двигается и ориентируется не хуже, но на какое-то время это выбьет ее из колеи. Тайри метнула лассо выше, пытаясь захватить петлей голову, но химера рванулась вперед, и бросок пропал зря. Кроме того, пришлось отступить в более узкую часть хода, дышать стало трудно: от твари исходил резкий запах кислоты. Девушка наотмашь ударила огненным оружием, превратив петлю в бич. После третьего удара химера, лишившись одного глаза, припала к земле, и волшебница, до предела удлинив хлыст, достала выпуклые кольца хвоста. Разумеется, она понимала, что нанесенная рана вряд ли будет для этого существа смертельной, но предвидеть то, что произошло далее, мог разве что создатель химеры. Тварь издала глухой, почти человеческий, страдальческий стон, и потом забилась в конвульсиях, круша старые крепости и заставляя осыпаться породу вокруг.

Тайри с ужасом поняла, что еще пара минут, и штольня будет завалена. Тварь погибнет под камнями, но и её с собой заберет. Оставалось только одно: уходить через портал. Она лихорадочно потянулась к Потокам, попыталась их связать, и не смогла. Ниточки Силы были здесь не такими, как на поверхности, некоторые опорные Струны не ощущались вовсе. Возможно, кто-то из горных магов и смог бы построить портал под землей, но леди Даллет это оказалось не по силам. Времени не осталось — совсем. Над головой уже глухо трещали камни. От отчаяния Тайри попробовала стянуть к себе все доступные потоки, связывая их собственной Силой. Учителя не поощряли подобное, но теперь было не до правил. «Если выживу» — подумала она, «обязательно научусь строить Переходы под землёй...» Слабое маленькое жемчужно-серое пятно портала соткалось прямо под ногами, и леди Даллет, не раздумывая, шагнула в него. В следующее мгновение потолок рухнул.

Ортам ор Глейде всё понял за минуту до катастрофы. Он вместе с девушкой, предназначенной на съедение твари, уже поднимался на поверхность. Им практически ничего не грозило, но молодой маг подхлестнул изношенный механизм, заставив крутиться быстрее. Бывшая пленница, еще не оправившись полностью от сонного зелья, только хлопала глазами и дрожала, вцепившись в руку своего спасителя. Когда их буквально за шиворот вытащили из клетки, первый вопрос, который услышал горный маг, был о Тайри.

— Где она?!!!

Рядом с офицером и деревенской колдуньей стояли мастер-Целитель и лорд Вир, которому предписано было отлёживаться в лазарете.

Ортам виновато отвёл глаза и едва слышно ответил:

— Осталась внизу.

— Почему ты оставил ее одну?! Почему не уволок силой?!

Пришлось рассказывать всё в подробностях. Молодой маг с ужасом осознал, что свою отчаянную подругу он уже, скорее всего, никогда не увидит. Когда он умолк, из портала шагнул наставник леди Даллет.

— Что случилось с моей ученицей? — Мастер Гайдиар был на себя не похож.

— Гай, успокойся, мы попытаемся ее вытащить, — пробасил мастер Эйтан, но прозвучало это, мягко говоря, неуверенно.

— Откуда?! Из полностью заваленной штольни или из пасти взбесившейся химеры? — горько вздохнул Ортан. — Она сказала, что оставила на поверхности маяк, чтобы построить портал. Наверное, не успела.

Ваюмн прикрыл глаза, сосредотачиваясь.

— Нет здесь её маяков, и не было никогда. Я бы почувствовал. Кроме того, строить порталы под землей — особое искусство, я этому ее пока не учил. А почему она сюда вообще полезла?

— Из-за меня, — виновато развел руками лорд Вир, — это я сдуру поделился с ней своими опасениями на счет майнвормов. Как подтвердил лорд Глейде, небеспочвенными.

— Понятно. Глупая, глупая девочка... Всё думает, что может распутать все узлы в одиночку.

— Думала, — машинально поправил Ортан.

— А демона вам лысого "думала", — вдруг зло и весело огрызнулся ваюмн. — Я её наставник или кто? Неужели я бы не почувствовал, если бы моя ученица погибла?

Маги переглянулись удивленно.

— Да ты бы пластом сейчас лежал или пытался голову о ближайший камень разбить, — сказал лорд Вир, — прости, но мы почему-то думали, что такая реакция...

— Только у вас. А на таких, как я, инородцев, ритуал никакого отпечатка не накладывает. — Мастер Гайдиар только махнул рукой и шагнул в нервно стреляющую синими искрами арку портала.

Мастер-Целитель только покачал головой:

— Этот найдет. Остаётся только надеяться, что девочка выбралась. Кто ж всё это устраивает, господа маги? Кто постоянно выпускает всякую нечисть, лишает людей покоя и крова, а нас заставляет мотаться по всей империи?

— А пусть в этом разбираются маги департамента Особых Ситуаций. Нечего им в Столице штаны просиживать, — устало ответил лорд Вир, — если уж на то пошло, не мы, а они должны были оказаться здесь с самого начала. Ортан, берите вашу спасённую и отправляйтесь в казармы. Надо будет ее поподробнее расспросить, как очухается...

**** *
**** *
**** *

Тайри никогда не бывала в подобных местах, но смутно догадывалась, где очутилась. В книгах достоверных описаний не было, а легенды — они и есть легенды. Неширокая, едва три шага шириной, дорожка, покрытая тонкой серой невесомой пылью, слегка пружинила под ногами, будто толстая шкура какого-то огромного живого существа. Казалось, если лечь и приложить ухо, то услышишь, как бьется его сердце. С обеих сторон дорожки висел густой туман, подходить к которому близко не хотелось. Странные чужие запахи витали здесь, неясные далекие голоса доносились из серого марева. Ветра не ощущалось, но Тайри основательно замерзла. Она очень устала, едва держалась на ногах, но чутьё подсказывало ей, что садиться и, тем более, засыпать на этой дороге нельзя, как бы ни хотелось. Единственное, что можно было делать — это идти. Идти вперед, потому как шагах в десяти за спиной был все тот же туман.

Леди Даллет велела себе не ныть и пошла. Хорошо хоть флягу догадалась повесить утром на пояс, не так першит в горле после глотка воды. А то ведь эта треклятая пыль везде.

Шаг, еще шаг. А теперь — чуть быстрее, ничего, не развалишься! Жаль, что взгляду тут не за что зацепиться, можно было бы ползти к какой-нибудь цели: до камушка, до деревца. Ничего, как говорит отец, если очень захотеть, то обязательно куда-нибудь придешь. Главное — не упасть, вот так, дышим ровно, три шага — вдох, три шага — выдох... «О Творец всемогущий, по таким дорогам, оказывается, кто-то даже бегать умеет» — вяло удивилась юная леди, услышав где-то впереди чей-то торопливый топот. Ну, хоть не скучно будет. Тайри остановилась, чтобы разглядеть, кого это несет ей навстречу. Бегущего скрывало плотное облако поднятой пыли, но чувствовалось, что он здесь не новичок. Иначе бы так не летел, ничего не видя, сломя голову.

— Слава Творцу, чутьё меня пока не подводит, — произнесло облако очень знакомым голосом и громогласно чихнуло, — ну и что вы натворили, Тайонна-Ри ор Даллет?

Девушка поняла, что улыбается совершенно несообразно происходящему, ну да прятать счастливую до глупости улыбку было уже поздно.

— Понятия не имею, мастер. Во всяком случае, в той части, где меня выкинуло в это пыльное место.

Ваюмн хлопнул в ладоши, и вся пыль послушно осела.

— Скажите мне, ради всего святого, зачем вы полезли в эту Творцом забытую шахту? — почти умоляюще спросил наставник.

Никак не ожидавшая подобного тона Тайри совсем растерялась.

— Мне казалось, там всё просто... — опустила глаза она, — согласна, в итоге получилось довольно глупо.

Через секунду ей показалось, что мастер вот-вот спалит ее, как дракон — такой огонь негодования полыхал в его глазах.

— Глупо у нее получилось, видите ли!!! — сорвался ваюмн. — Идиотка безмозглая!!! Вы о родителях подумали, леди? О брате, обо мне, недостойном, в конце-то концов?!! Где были ваши мозги? Ну увидели тварь — и уходите, оставьте это дело старым и опытным, зачем рисковать-то, а?

— Все оказалось несколько сложнее, мастер...

Ваюмн издал возмущенный рык.

— Сложнее у них там оказалось, о боги... Ладно, нам пора выбираться, миледи, а это, действительно непросто.

Он схватил ее за руку и потащил за собой, по одному ему знакомым ориентирам меняя направление и сворачивая в невесть откуда берущиеся в тумане боковые ответвления дороги. Наконец, они вышли на просторное место, где туман сменился вполне нормальным темным сумеречным небом, в котором висела огромная бледно-лиловая луна. Худо-бедно присутствовал и горизонт, где поле с тощими деревцами и серой высохшей травой упиралось во всё то же небо. В отдалении наблюдалась пустая коновязь, покосившийся столб с какими-то указателями и длинное двухэтажное здание с покатой черепичной крышей. Окна первого этажа тепло светились, а из приоткрытой двери доносились восхитительные запахи жареного мяса и выпечки. А еще от этого дома несло древней и могучей магией.

— Устала? — заботливо спросил наставник. Руку девушки он крепко держал в своей, и выпускать, похоже, не собирался.

— Не то слово, мастер. Еще до того, как вы меня нашли, еле ноги переставляла, — почему-то шепотом ответила Тайри.

— Ладно... Нам повезло, ученица. Мы вышли к спасительному месту, в самом

буквальном смысле. Не все, оказавшиеся на Тропе, имеют счастье попасть в Таверну. И не всех ее хозяин жалует. Но уж кто ему понравится...

— Пахнет вкусно, — невпопад сказала Тайри.

Мастер Гайдиар хмыкнул и повлек усталую спутницу сначала к столбу с указателями, долго читал надписи на смешных и нелепых облупившихся деревянных стрелках. Потом, видимо, найдя необходимое, направился в Таверну. На пороге их встретил высокий, поджарый, смуглый и ясноглазый Хозяин. Волосы — соль с перцем, причем соли куда больше, заплетены в тугую короткую косу. Безрукавка из тонкого дорогого сукна открывала сильные мускулистые руки. Правое плечо украшала редкая цветная татуировка: роза в венке еловых ветвей. От этого человека веяло спокойной и очень древней силой. Теплой, как улыбка друга. Не было в ней ни робости, ни излишнего напора, ни въедливого любопытства. Так светит солнце: для всех, не зависимо от происхождения, положения и прочих глупостей. Тайри залюбовалась и самим Хозяином, и его Таверной, с которой он, казалось, был одним целым. Редкое, совершенное равновесие творения и творца. Древнее, но не дряхлое, несущее свои бесчисленные годы как сокровище, а не тяжесть.

— Какие гости к нам на порог! — весело провозгласил Хозяин. — Я уж думал, ты забыл нас, Гайдиар. Заходи, не стесняйся.

Ваюмн поклонился и вошел, всё так же ведя ученицу за руку, точно маленькую.

— И я рад видеть тебя, Кьялар. Спасибо, что впустил.

— Хорош бы я был, если бы кинул обессиленных путников на хищной Тропе! — фыркнул Хозяин. — Славная с тобой девочка, Гай. Ученица? Вижу, вижу... Эй, Нуф, два кресла к моему любимому столику! — крикнул он куда-то в сторону барной стойки, потом снова повернулся к гостям:

— Ты знаешь, куда я сажаю старинных знакомых, Гай. Проходите к очагу, а я принесу еду.

Юной леди Даллет показалось, что она никогда не ела ничего вкуснее. Она изо всех сил старалась соблюдать приличия, есть медленно и не пытаться попробовать все блюда сразу. Получалось, судя по насмешливым взглядам мужчин, не очень. По зрелом размышлении, Тайри честно призналась себе, что ей, по большому счету, всё равно, какое впечатление она произведет на Хозяина. Ну что поделаешь, не всегда воспитание выручает...

Хозяин Таверны лишь одобрительно кивнул, когда она принялась за еду всерьез.

— Вот теперь всё правильно, девочка. Если бы ты могла видеть, сколько сил оставила на Тропе, ты бы сразу забыла про все эти дурацкие церемонии. Это сейчас не просто еда, детка. Это лекарство, без которого больному выжить, мягко говоря, трудновато. А вот этим очень советую запивать...

Кьялар налил в объемистый бокал густое вино из пузатого серебряного кувшина. Оно казалось черным, пахло цветами и ягодами, а на вкус оказалось приятно-сладким с легкой холодной ноткой.

— Всяческих благ этому дому и его хозяевам, — произнесла девушка перед тем, как пригубить вино.

— Правильная у тебя ученица, Гай. Просто душа радуется. И где нашел только?

— Наверное, судьба нашла, Кьялар. Меня попросили, я не смог отказать, хоть и зарекался брать учеников.

— Хочешь сказать, что теперь жалеешь?

— Разве я похож на лжеца?

— Ни в коем разе. Ты похож на человека, получившего неожиданный подарок.

— Так и есть. И кривить душой в моем случае — последнее дело... Смотри-ка, быстро на нее твоё чудо-зелье подействовало. Через очаг понесёшь?

Хозяин пожал плечами:

— Зачем? С ней всё в порядке. Тропа, конечно, изрядно полакомилась, но не настолько, чтобы волноваться. Она хорошо восстанавливается. Видишь?

Ваюмн кивнул:

— Благодаря тебе. Потоки так нежно ее обнимают...

— Да ты им, поди, завидуешь, друг мой... — Хозяин заглянул в глаза собеседнику. — Как же ты умудрился-то?

— Не знаю, — прошептал в ответ мастер Тропы. — Видят боги, я не хотел, и, более того, считал, что подобное в принципе невозможно. Те, кто был избран Пресветлыми, на людей даже не смотрят. Кто ж после величайшего шедевра будет восхищаться мазнёй уличного художника — так нам говорили. И я так думал. До недавнего времени.

— Ты хоть помнишь этот свой шедевр, Гай?

— Ни мгновения, ни слова, ни ощущения... ничего. Старшие сказали, что меня избрали. Я помню свою непомерную гордость и страх, чем ближе к назначенному дню, тем сильнее. Помню двери Ее храма. На следующий день... Я проснулся с пустой головой и чистой памятью, как после безудержной попойки. Мне сказали, что так и должно быть, и я принял это. Потом в главном святилище появились дети. Мы все знали, чьи они.

— А потом Детей Надежды похитили, и у избранных появился Долг. Ты еще не нашел свою?

— Ты же знаешь, что нет. Иначе я уже следовал бы к новому дому, по пути, указанному детьми Пресветлых и людей.

— Ох, как же у вас все непросто. Не понимаю, зачем ваши Пресветлые отправили вас на Тропы, да еще и детей спрятали. Почему не повели вас сами? Трое из них точно могли вернуться, Гай. Они не переступали опасной черты.

— Откуда мне знать, Кьялар. Для нас их пути неисповедимы, пусть мы и помним, что они не дети Творца и даже не Подмастерья. В любом случае, не мне их судить, — устало вздохнул ваюмн.

— Да и не мне тоже. Если уж быть честным, я терпеть не могу кого-то судить. Ну и... как тебе рисунок уличного художника? — мягко усмехнулся Хозяин. Он не сказал "мазня", поскольку вообще никогда не произносил слова, которые ему не нравились.

— Что тебе ответить, друг? Мне не с чем и не с кем сравнивать. Богиню я не помню, а человеческой любви раньше у меня не случилось. Ни там, в оставленном доме, ни здесь, в мире этой девочки. Честно говоря, я просто не знаю, что делать дальше. — Ваюмн встал из-за стола, подошел к очагу, протянул к огню руки. Языки пламени прыгнули к потолку, и среди них соткалось тонкое девичье тело. Древняя Саламандра шагнула навстречу мастеру Тропы, сверкая золотисто-огненной чешуей. Улыбнулась ему, взяла за руку.

— Не печалься. Не убегай — от себя ведь не убежишь. И ничего не бойся. Сколько-то счастья у вас будет, и далеко не все знакомые тебе Силы против этого. Исполнению твоего долга любовь не помеха, скорее, наоборот. Всё исполнится в свой срок. Оргре получают всех Детей Надежды. Это предрешено давно и не вами.

— Но тогда я должен буду вернуться к моему народу, Огненная. А что будет с ней? Саламандра печально посмотрела на спящую Тайри.

— Она останется. Ты уйдешь, успокоишься, и тебе не будет больно, только грустно и светло. А ей гореть еще долго. Это гораздо большее, но такова плата. Ей платить за вас обоих.

— А дальше?

— Дальше не твоя судьба и не твоя Тропа.

Огненная резко отвернулась, и вот уже багровая с золотом ящерица свернулась в очаге.

— Все понял? — негромко спросил Кьялар, подтыкая под голову Тайри свернутый плащ. — Запомни. А от себя добавлю, что просто так ничего не случается. Особенно с такими как ты и она. Судьба хитро вяжет узлы, и даже боги не всегда могут их распутать.

**** *
**** *
**** *

Лагерь магов на Графской горке шумел, как разворошенный улей. Все были заняты делом, и, наверное, поэтому никто не обратил внимания, как и откуда появились мастер Гайдиар и его ученица. Тайри с наставником переглянулись и тихо разошлись по своим местам: леди — в лазарет, а ваюмн — к магам. Первым, кто заметил появление пропавшей волшебницы, оказался тот самый офицер, что охранял недоброй памяти шахту. Лейтенант де Рейвен сидел на кровати, баюкая перебинтованную левую руку. Судя по обгоревшим волосам и смазанным мазью ожогам на щеках, он побывал на пожаре, причем умудрился слазить в самое пекло. Что же тут без них горело, подумала Тайри, и куда смотрели маги?

— Ох, слава Творцу, миледи, вы выбрались! А мы тут, признаться, уже похоронили и вас, и наставника вашего. Ну ничего, долго жить будете.

— А с чего это вы на нас крест поставили, уважаемый? — Тайри, не теряя времени, подцепила нужные нити Силы и сплела заживляющие чары, — нас что, так долго не было?

— Без малого трое суток, миледи. Старшие ваши чуть в Столицу вестника не отправили. Еле-еле мастер-Воин уговорил не спешить. С черными вестями всегда успеется.

— Ох, да... — девушка зябко поежилась, представив, как подобные вести выслушивает отец, — надо будет поблагодарить его. Мои родители, конечно, сильные люди, но всему есть предел. Вестника они бы не пережили. А вы что же, не попросили наших целителей, такую боль терпите!

— Им не до меня сейчас, они куда более тяжелых выхаживают.

— Что тут случилось?

— Это вам лучше своих расспросить. Я видел только эту огненную змею...

Огненная тварь ползла по ночной спящей улице, ударяя хвостом то вправо, то влево, а за ней, точно сухая солома, вспыхивали дома. Маги повыскакивали чуть ли не из постелей, спросонья с трудом соображая, что делать. Ни поставленный купол, ни каменный вихрь, ни поднятый Силой ветер не остановил чудовище. После чего лейтенант де Рейвен решил, что отрубленная башка остановит его вернее. Был ли уверен, что получится? Да просто об этом не думал, действовал, как в бою, и всё получилось. Руку уже потом обожгло, когда замешкался, оборачиваясь на чей-то крик. Чудовище извернулось в конвульсиях, уже безголовое, плеснуло огненной кровью. Народу в домах пострадало много, вот что страшно. Выскочили-то все, да только на улице то еще пекло оказалось.

— Понятно, — протянула леди Даллет, хотя ничего ей понятно не было, — Не болит больше? Отдыхайте спокойно, а я пойду дальше. Сами же говорите, что рук не хватает.

Не успела Тайри сделать и пары шагов по коридору, как на нее налетел сияющий Ортам ор Глейде. Сграбастав подругу в объятия и приподняв от избытка чувств над полом, он забормотал ей в ухо какие-то цветистые извинения, сбиваясь на каждом слове, то ли от

волнения, то ли от радости. Девушка засмеялась, чмокнула молодого мага, куда пришлось, и сказала:

— Поставь, где взял, медведь ты горный. Я тоже очень рада тебя видеть. И что всё обошлось — не меньше.

— Чтоб я еще когда-нибудь оставил тебя одну в таких местах, — Ортам поставил девушку на пол и зарделся как маков цвет.

— Хватит с меня таких мест. Не полезу больше ни за какие коврижки, — отмахнулась Тайри.

— Ты сама-то хоть себе веришь, миледи? — очень мудро заметил горный маг. — Если бы я хуже тебя знал...

— Хорошо-хорошо. Обещаю в одиночку в неприятности не влипать, исключительно вместе с кем-нибудь.

— Спасибо и на этом. Пойдем, там целители ваши с ног падают. Не у всех же наследственный дар, некоторым все эти зелья и обезболивающие чары, как нож острый.

По дороге Тайри выслушала еще одну версию того, что случилось на Графской горке. По версии магов, это была месть за уничтоженную химеру и рассекреченную шахту. На посёлок и казармы натравили лавовую змейку, совсем крошечную, всего-то шагов двадцати в длину. Существо это, по природе безмозглое и мирное, попав в незнакомую обстановку взбесилось. Магия, кроме мало кому известных старинных заговоров, на нее не действует, остановить такое чудище на поверхности практически невозможно. Известно, что оно мечется и ищет ход обратно, только и мечтая вернуться под землю. Найдет и уберется сама, но сколько вокруг себя сожжет и покалечит, одному Творцу ведомо. Как лейтенанту де Рейвену удалось отсечь голову лавовой змее и при этом в живых остаться, маги до сих пор спорят. Полагают, что дело в его оружии: парные легкие мечи, как водится, фамильные, скованы и заговорены настоящими мастерами несколько веков назад. Кое-кто хотел попросить для исследования, да совестно стало...

— А откуда ты узнал, что я вернулась? И почему пациенты не в лазарете?

— Наставника твоего увидел и догадался. Смотрю, снова на человека похож стал, значит, у вас всё получилось. А людей всех в графский замок доставили. Потеснили малость сеньора, ну да попробовал бы он возразить...

Еще сутки работы было через край. Тайри чувствовала себя виноватой и пыталась как можно больше сделать и для раненых, и для магов. Мастер-Целитель, глядя на её старания, тихо радовался и в тайне надеялся, что наследственная склонность пересилит "странные желания взбалмошной юности". А потом из столицы прибыл чуть не весь отдел расследований департамента Особых ситуаций. И тут уж стало не до медицины. Эти угрюмые господа допрашивали всех подряд, невзирая на сословия и звания. Магов "трясли" на дознании гораздо больше остальных. Когда очередь дошла до леди Даллет, переполошились все Мастера. Они помнили, что Тайри принадлежит к опальной фамилии, и боялись излишней жестокости. Как ни странно, сама Тайри выглядела спокойной.

— Вы совсем не тревожитесь? Ну вот ни капельки? — спросила ее любопытная Одри.

— А это поможет? — пожалала плечами волшебница, — Отец всегда говорит: что толку дрожать перед неизбежным? Если я не могу что-то изменить, нужно постараться это пережить. Если не дрожать — пережить легче.

Деревенская колдунья с одобрением посмотрела на собеседницу. От городской "неженки", да еще и герцогини в придачу, она явно не ожидала подобных мыслей.

Тайри продержали за закрытыми дверями до темноты. Выйдя из маленькой душной допросной, она, неуверенно ступая, одолела пять ступенек крыльца и остановилась, медленно вдыхая прохладный, пахнувший полыньёю воздух. В ушах звенело, перед глазами все плыло и качалось, а сердце готово было разбиться о ребра.

— Быстрей, быстрей! — зашептали рядом. Чьи-то сильные руки подхватили ее, кто-то поднес к губам флягу с целебным отваром.

— Пей, пока горячий. Хоть пару глотков, — как сквозь вату услышала она голос Одри.

Несмотря на подступившую тошноту, Тайри проглотила душистый, чуть горьковатый напиток. Никогда не любила настоянные на травах вина, да еще и с медом, но сейчас это было то, что нужно. Её куда-то несли, перебрасываясь короткими глухими фразами, кто-то осторожно касался то лба, то запястья. Тайри не ощущала ни боли, ни тяжести — только бесконечную усталость. В голове вертелась единственная мысль: всё закончилось, совсем закончилось, больше никого не тронут...

— Сюда укладывайте. Осторожнее! Подушки повыше, — командовала Одри, — а теперь я очень прошу оставить нас, милорды маги. Дальше я сама. Это и вас касается, господин мастер Тропы. Я знаю, что она — ваша ученица. Конечно, я всё понимаю, но вы на себя давно в зеркало смотрели? Вас самого пора спасать. Вон, мастер Целитель уже заждался вас. Всё-всё, идите, не беспокойтесь. Завтра зайдёте... Вот же настырный какой!

Тяжелое забытьё, в которое провалилась Тайри, растаяло к середине ночи и не принесло никакого облегчения. Слабость — руки не поднять, тошнота и непонятная горечь во рту. А ведь она не сопротивлялась дознавателям, сама сняла почти все барьеры — как в свое время учил отец, ровно до того предела, за которым лежали самые сокровенные и жизненно важные воспоминания. Впрочем, они туда и не стремились, им было нужно узнать всё о событиях последних дней, особенно о происшествии в шахте. Что она видела, что чувствовала, что делала, как на это реагировали Потоки, как откликнулся её дар... Что-то у них не пошло с первого раза, императорские мозголомы долго совещались за дверью, даже ссорились, а потом вцепились в нее с новой силой. Вскоре от мощнейших чар, взламывающих ее сознание, Тайри перестала понимать происходящее и уже не различала, где настоящее, где прошлое, а где бред измученного мозга. Что они так усердно искали в ее памяти? И ведь не нашли, судя по их недовольным лицам, когда пришлось всё-таки прекратить допрос — просто, чтобы не убить.

Девушка попыталась дотянуться до стоящей на тумбочке кружки. Удивительно, но у нее получилось даже донести ее до губ и не расплескать, хоть она и показалась непомерно тяжелой. Холодная вода была сейчас лучшим напитком на свете. Ну вот, и на место кружку поставила, правда руки тряслись и перед глазами туман плавал. Перетерпим, не впервой, подумала Тайри. Интересно, как там остальные, их хоть не мучили? Что они могут знать, в шахте-то она была только с Ортамом. Вот! Вот кому грозит главная опасность. За него ведь и заступиться некому. Надо будет спросить у кого-нибудь, как он...

Солнечный луч ласково тронул ресницы и теплым клубочком свернулся на плече. Где-то за окном весело щебетали птицы, пролаяла в отдалении собака, проскрипели ступеньки крыльца под чьими-то шагами.

— Утро доброе, мастер. Что ж вы в такую рань? Она спит еще, и долго спать будет. Шутка ли — так намучиться.

— Одри, мне нужно ее видеть.

— Вот проснется, умоется, позавтракает — и увидите, — точно маленькому ребенку, терпеливо растолковывала деревенская колдунья, — вы же наставник, значит, и так все про нее знаете. И видеть не обязательно. Вот мастеру-Целителю — тому надо.

— До чего ж умные колдуньи здесь, — чуть наигранно вздохнул ваюмн и неожиданно легко согласился, — хорошо. Раз не пускаешь — не пойду. Зачем её зря смущать.

«И правда» — подумала Тайри, «не в таком же виде с ним беседовать». Надо будет попросить, чтобы принесли зеркало, если самой не по силам окажется подойти к тому, что на стене. Почему-то ей совсем не хотелось, чтобы наставник увидел её такой: растрепанной, сонной, в ночной рубашке... Хватит валяться, решила леди Даллет. Что бы там со мной ни делали, это уже в прошлом, а сейчас надо из раздавленной улитки снова стать человеком. Как тогда говорил брат? Никому нельзя позволять думать, что он способен выбить Даллета из седла. Даже если кому-то удалось-таки это сделать. Где-то внутри от воспоминаний зажглось маленькое, но очень горячее солнце. Оно разбудило фамильное упрямство и веселую злость. А вот демона им всем лысого, а не беспомощную леди! И не такое видали. Тайри решительно слезла с кровати и скрылась за ширмой, где её ждали приготовленные заботливой Одри умывальные принадлежности и одежда.

— Ох, миледи, не рано ли вы с постели-то поднялись? Слабая же совсем, — затараторила с порога Одри, — мастер Эйтан сказал, вам не менее трех дней лежать надо.

— Он просто плохо меня знает, — Тайри высунула из-за ширмы руку, — дай, пожалуйста, полотенце, Одри. Спасибо... Мы, Даллеты, только с виду хрупкие. И не такие волки о нас свои зубы ломали.

— Они и сломали, похоже. С утра один к вашему мастеру побежал, портал до Столицы выпрашивать. А остальные сидят в доме старосты и носу на улицу не кажут.

— Что, и на допросы больше никого не таскали?

— Не-а. Вот, друг ваш, который в эту шахту, будь она неладна, с вами лазил, очень удивлялся, что его забыли.

— Радовался бы тихонечко и дома сидел, чтоб кому не надо глаза не мозолить, — проворчала леди Даллет, пытаясь расчесать спутавшиеся за ночь волосы.

— Так и мы ему о том же. А то прискакал сюда чуть свет, раньше вашего наставника, приключений на свою голову искать. Еле уговорила его домой вернуться, — рассмеялась Одри.

Тайри облачилась в чистую шелковую рубашку и удобные штаны из тонкой шерсти. Затянула на талии широкий матерчатый кушак и взглянула, наконец, в зеркало. Чуть не вскрикнув, взгляделась в почти чужое лицо: бледные впалые щеки, фиолетовые тени вокруг глаз, страдальческие складки между бровей и у губ. И тонкая седая прядь над левым виском. М-да, таким лицом только людей пугать. До заикания.

— Спасибо, Одри, — искренне сказала леди Даллет, собирая волосы в тугий узел на затылке, — за то, что не пускала ко мне никого. Не хочу, чтобы меня такой видели.

— Да ладно вам, миледи, я ж понимаю. Только, боюсь, что некоторые и прорваться могут, несмотря на запреты.

— Ну, тогда у Мастера-Целителя работы прибавится, — Тайри показала собственному отражению язык и отвернулась, — уж не знаю, какие травмы ему вперед придется лечить: физические или психические. В любом случае, сами будут виноваты. Что у нас там на завтрак?

После пытки, в которую следователи превратили обычную процедуру дознания, Тайри

пришлось буквально "собирать себя из осколков". Хорошо, что матушка давным-давно научила ее этому. Жители древнего Леса тысячелетия назад придумали цепь упражнений и ритуалов, позволяющих привести в идеальное равновесие тело, разум и Потоки, питающие дар. Долго, трудно, но результат того стоил. После всех действий, четко выверенных веками практики, маг становился сильнее и увереннее, чем был до потрясения. Самое главное — не прерываться и довести всё до конца. Собраться, сосредоточиться, забыть о том, что происходит вокруг... Кто-то приходил, спрашивал, но умница Одри, заранее предупрежденная, никого не пускала.

Тело. Медленные плавные движения, будто проходящие сквозь тебя волны. Максимальное напряжение мышц, полное натяжение связок. Полная отдача. Почувствовать, что ты контролируешь свое тело, от макушки до пяток, ощущаешь каждую пядь кожи, каждый сустав... Мысли. Ровное течение, оставить только самое важное, никакой окраски, никаких оценок. Осознание цели. Поэтапное удаление всего лишнего. Сила и Потоки. Глубинные, базовые, связь с которыми живет в крови и унаследована от предков. Источники — древние, непостижимые, далёкие. Песня Воздуха, быстрая речь Огня, едва слышный шепот Воды, бесчисленные голоса Леса.

Полное расслабление. Раствориться в пустоте, перестать ощущать свое тело, забыть о его тяжести. Тишина в мыслях. Там пусто и гуляет ветер, там идеальная гармония до начала всего. Потоки и Сила. Внешнее и внутреннее, приобретенное и унаследованное. Всё отодвинулось на равное расстояние, пришло в равновесие и стало неощутимым. Раствориться в тишине, как в водах первозданного океана...

Вынырнуть из глубины, из пустоты, из кокона молчания. Впустить в себя единственно правильную музыку — песню твоего мира. Пусть солнечные трели переливаются под кожей, басовитые струнные звуки отдаются в позвоночнике, а сердце подхватит четкий летящий ритм. Отдать тело танцу, стать самим танцем, двигаться, как ветер в листве, как вода в ручье, как солнечные блики на волнах. Вспомнить себя, самое светлое из прошлого, самое яркое из настоящего, разбудить самые смелые мечты и самые грандиозные планы. Вернуть на место все чувства, эмоции, впечатления, очищенные от налета боли, чужих слов и чар. Заново ощутить все вкусы и запахи, услышать стук собственного сердца и пение птиц, рассмотреть, как ярок и нежен день. Прикоснуться пальцами к дереву, камню, шелку. Найти в каждом ощущении свое, особенное, памятное. Закрыть глаза и увидеть Потоки. Замереть и почувствовать, как танцуют вокруг нити Силы. Понять, насколько они похожи между собой. Вот Лес, он похож на реку: ровный, сильный серебристый Поток. Воздух напоминает костёр: белые, синие, дымно-серые и солнечно-оранжевые языки пляшут, переплетаются, шепчут что-то знакомое, успокаивающее. Капля Воды светится рубином в темное, не зловещим, а теплым, точно свеча на далеком окне. Поток Огня прозрачен и ласков, точно летний ветер, и столь же своенравен.

Открыться, впустить в себя свои стихии, успокоить Потоки внутри и снаружи. Почувствовать в движении свое тело, каждую мышцу. Собрать себя, как мозаику или сложное ожерелье, где важна каждая крошечная бусинка, нанизанная на нитку Силы. Остановиться. Ощутить себя завершённой, цельной, звенящей от обновления, согретой расправившим крылья даром. Осознать, что хочется жить, как никогда раньше. Открыть глаза и... наткнуться на безмерно восхищенный, сияющий взгляд серых, с прозеленью, глаз. На совершенно незнакомую, открытую и счастливую улыбку. На стук чужого сердца, который громче твоего собственного.

— И давно вы... — осторожно начала Тайри. После ритуала сердиться она была совершенно не способна. Даже смущение было каким-то неярким. Равновесие оказалось настолько приятным, что терять его не хотелось.

Мастер смущенно улыбнулся и неопределенно пожал плечами.

— Понятно. Надеюсь, я не слишком вас напугала, наставник?

— Не напугали. Просто у нас подобной техникой владели единицы. Как правило, высшее жречество.

— В каком-то смысле, моя матушка тоже высшая жрица. Последняя из древнего ордена Гарды, получившая полное посвящение. Это её школа, — спокойно ответила Тайри.

— Раз есть вы, значит, уже не последняя. — Ваюмн разжал сцепленные в "замок" пальцы.

Тайри только кивнула и отвернулась. Не было больше никаких сил смотреть в эти глаза. Где он прятал своё внутренне солнце, и как вообще можно такое спрятать?

Хлопнула входная дверь, зашуршали циновки в коридоре.

— Я ж никуда не отходила, Творец свидетель, на крыльце сидела, точно пёс сторожевой! Простите, миледи, понятия не имею, как ваш наставник мимо меня проскочил, — всплеснула руками деревенская колдунья, недобро сверкнув глазами на ваюмна.

— Это вы меня простите, Одри. Создал Короткий переход прямо в комнату, так и проскочил. Это против правил, но... — виновато опустил голову мастер Тропы.

— Вот и сердись на него после этого, — вздохнула Одри, — как у нас скажут: повинную голову и меч не сечет. И, всё-таки, зря вы так сделали, мастер. Не для посторонних глаз это было. Вы как мальчишка какой! Будь это я, отоварила бы эдакого непрошенного гостя, чтоб долго помнил. Особенно хорошо получается со страху или от неожиданности.

— А что, уже приходилось? — с интересом спросила леди Даллет.

— Да было дело... У нас всё проще. Повадился тут один нахал подглядывать... Так и ходил с опухшими глазами и красными ушами, пока ящерка болотная не схарчила, — сурово глянула из-под насупленных бровей деревенская колдунья.

— Ох, боюсь, что так лихо у меня не получится, — притворно потупилась Тайри, — но я постараюсь научиться! Опасное это занятие, наблюдать за мастером из-под ресниц. Особенно сейчас, когда он выглядит и вправду совершеннейшим мальчишкой. Как-то не укладывается это с теми сотнями лет, которые он прожил. Ну всё, хватит уже, можно считать, что не смотреть на него — это очередная задачка для тренировки силы воли, такой довесок к ритуалу. Как "не думать о белом драконе". Так, через некоторое время подумала Тайри, воля-то слабовата. Никуда не годится... Тьма вас раздери, наставник, как можно так улыбаться?

Впрочем, море обаяния ваюмну не помогло — строгая Одри всё равно его выдворила, а свою подопечную заставила улечься на диван с книгой. Сказано: до специального разрешения не вставать — извольте выполнить и не ворчите...

Всё лечение состояло в покое и отсутствии каких-либо волнений. Лорд Эйтан, осмотрев пациентку, сказал, что ко всему вышеуказанному неплохо бы добавить изрядную порцию положительных эмоций. Кто бы спорил, лекарство хорошее, да где ж его взять?

— Вы уверены, что мне это поможет? — пробурчала леди Даллет, не слишком довольная запретом на магию и прочую бурную деятельность. Ей никогда не нравилось бездельничать и отсиживаться в сторонке, когда все остальные по уши заняты чем-то

важным и интересным.

— Не поможет — удвоить, — строго ответил Мастер-Целитель, — случаев передозировки пока не наблюдалось. Я бы сказал конкретнее, да вы, миледи, пожалуй, неправильно истолкуете. Так что, пока не вернетесь домой, лекарство вам — покой и сон в неограниченном количестве. А там посмотрим. Одри, детка, если кто-нибудь явится по её душу, гоните в шею. А коли упорствовать будут — зовите меня. Я хоть и не боевой маг, но разъясню не хуже.

— Да некоторые тут являются и не спрашивают. И все предупреждения им побоку, — наябедничала вредная колдунья.

Лорд Эйтан понимающе хмыкнул:

— Этими "некоторыми" я сам займусь. Да ему, похоже, не до визитов будет. Там из Столицы прибыл какой-то высокий чин, долго совещался с господами следователями, а потом мастера нашего Гайдяра к себе вызвал. Я его встретил, когда сюда шел.

Тайри вздрогнула. Что еще эти хищники придумали? Чем им не угодил наставник?

— О, милая, да вы побледнели... Не стоит так беспокоиться, ничего они ему не сделают. На моей памяти люди куда более могущественные и опасные пытались что-то вызнать у ваюмнов, не стесняясь в методах. Хуже стало только им, — усмехнулся старый целитель, — наши коллеги постоянно забывают, что имеют дело вовсе не со своими соотечественниками. И регулярно бьются лбами в их природные щиты.

— Ой, а как это? Мастер Гайдяра не человек, что ли? — удивилась деревенская колдунья.

— Вполне себе человек. Только пришел сюда вместе с частью своего народа по Сокрытым Тропам из другого мира, — спокойно пояснил Мастер Целитель.

На следующий день посёлок было не узнать: через портал, открытый прямо в столичную резиденцию департамента Особых ситуаций, постоянно сновали какие-то люди, тащили обитые железом ящики, упрятанные в серую ткань конструкции и прочий малопонятный непосвященным магический скарб. Магов в форме департамента и даже в черных с красным мундирах императорской службы безопасности стало больше, чем местных жителей. Дотошная Одри даже попыталась их пересчитать, но после пятой попытки бросила — через портал постоянно прибывал кто-то новый. Вечером в дом, где отлёживалась изнывающая от безделья и любопытства Тайри, заглянул мастер-Воин.

— Ну, вот и всё, красавицы. Спецы его величества унюхали здесь что-то настолько опасное и секретное, что нам велено спешно возвращаться домой, а здешним жителям носа не совать дальше околицы. Шахты ваши оцепили, натащили туда всякой магической машинерии, настолько непростой, что аж не по себе становится. Поговаривают даже, что глава департамента просил кого-то из Видящих помочь в этом деле. Только их пойдите уломайте...

— Значит, уезжаете? — чуть не до слез расстроилась Одри, — Жаль... Я вот уже привыкла к вам ко всем. Миледи, возьмите меня с собой! Ну пожалуйста! Я вам по дому помогать буду, я же всё умею. Вы ведь сами знаете, двум знахарям в одном селении не бывать. Здесь брат и сам прекрасно управится.

— А он тебя отпустит? — усомнилась Тайри, споро собирая вещи в походную сумку.

Деревенская колдунья часто-часто закивала в ответ.

— Тогда собирайся. Часа на всё — про всё хватит? — спросил мастер-Воин, — Всех ждем у ворот. Надеюсь, у мастера Гайдяра хватит сил на еще один портал.

А не хватит, так я подниму, подумала леди Даллет. Отдохнула тут, как давно не случалось.

Народу у ворот толпилось немало: все, кто прибыл из Академии, десятка полтора военных и даже кое-кто из пострадавших. Видимо, целители решили довести дело до конца и лечить их в Столице. Знакомый лейтенант тоже был среди них. Выглядел он, мягко говоря, неважно: бледный, с запавшими, лихорадочно блестящими глазами и потрескавшимися сухими губами.

— Здравствуйте, миледи, — хрипло поздоровался он, увидев подошедшую Тайри.

— Что с вами сделали, лейтенант? Еще раз заставили сражаться с огненной тварью? Где у них мозги... В прошлый раз вы страдали от боли, а теперь — от болезни.

— Это после допроса, миледи. Болячка будто взбесилась. Ожоги заживать передумали, лихорадка эта еще привязалась, жажда замучила. Хорошо, что главный ваш целитель с собой взять решил. Может, не дадут помереть, — де Рейвен вытер выступившую на лбу испарину.

— Разумеется, не дадут. У вас есть кто-нибудь в Столице?

— Что вы, я и не был там никогда. Собирался в отпуск съездить, на красоты ваши полюбоваться, да видно, не до них мне будет, — вздохнул военный и потянулся к фляге с водой.

— Значит, остановитесь у меня. В гостевом флигеле достаточно комнат. И выкиньте из головы все мрачные мысли, мы вас вылечим, и рука будет, как новая, — ободряюще улыбнулась леди Даллет. Она была уверена, что ее матушка не упустит случая попрактиковаться и утереть нос "этим напыщенным деятелям из Академии".

Через минуту над дорогой встала мутно-серая арка Короткого перехода. Мастер Гайдиар попросил всех поспешить и держаться тесной группой, чтобы никого не забыть. Все разговоры разом прекратились и люди устремились под туманные своды. Их встретил теплый солнечный вечер. В парке Академии было безветренно, нежно пахло какими-то незнакомыми цветами, распевали поздние птахи. Мастер Троп подождал, пока люди разойдутся по своим делам, и подошел к Тайри. Та что-то оживленно объясняла Одри и лейтенанту и не сразу его заметила.

— Простите, что отвлекаю от важных дел, миледи, но учебных планов, увы, никто не отменял. Жду вас послезавтра в Академии. Надо скорректировать дальнейшие занятия. После всего, что с вами произошло, я просто обязан обучить вас ряду приемов, хоть и планировал сделать это несколько позже.

— Спасибо, мастер, я непременно буду. У меня накопилось несколько серьезных вопросов, — с благодарностью ответила девушка. Ей было больно видеть наставника таким уставшим и измотанным. — Берегите себя. Пожалуйста.

Ваюмн улыбнулся:

— Не волнуйтесь за меня, леди. Просто слишком много работы, давно я так не выкладывался. Удачи вам, и не забудьте ваших подопечных.

Дома, как ни странно, новым постояльцам очень обрадовались. Леди Лиола, увидев еле стоявшего на ногах лейтенанта, тут же отдала распоряжение готовить ему комнату на первом этаже дома, рядом с ее "лесной" оранжереей. И никаких флигелей! Пациент должен быть под неусыпным наблюдением. Если эти императорские недоучки решили загубить хорошему человеку руку (хотя с них станется и жизнь загубить), то она не даст им этого сделать. Не будь она посвященной ордена Гарды, если в три дня не поставит на ноги уважаемого лейтенанта, и пусть им будет совестно! Да-да, разумеется, сначала гостей надо накормить и устроить. Вы не ослышались, именно в таком порядке. Не волнуйтесь, лейтенант, хуже вам не станет, можете считать, что лечение уже началось...

Одри тоже не была обделена вниманием и радушием хозяев. Старшая леди Даллет сразу заметила и ее одаренность, и ее красоту, а хозяин дома мгновенно сбросил лет эдак сто и превратился в того почти забытого человека, которого, как оказалось, многим не хватало. Прежде всего, самой Лиоле. Лесная колдунья просто светила, глядя, как он перестает хмурить брови и плотно сжимать губы в ответ на любое слово, затрагивающее прошлое; слушая его искрометные шутки; замечая, как светлеет его лицо и расправляются плечи. Нет, она не ревновала своего супруга, потому что слишком хорошо знала его. И очень скучала по тому лорду Торвику, которого чужие интриги и императорские планы так изменили, превратив в сухого и замкнутого отшельника.

Тайри тихо радовалась: как хорошо, что родителям есть кого расспросить и окружить вниманием. Юная леди решила обязательно всё подробно им рассказать: и об измененных зверях, и о майнворме, о Тропе и допросе. Но сейчас она была не в силах произнести ни слова, потому что, пожалуй, впервые в жизни поняла, какое это счастье — вернуться домой. У кого-то этого дома уже не было, как теперь у Одри. А иные по различным причинам не могли туда вернуться — недаром же дворянин из далёкой Гьятты уже десять лет служит на окраинах Империи простым лейтенантом. Что ей сказал Наставник там, на Тропе? "Ты с родителями подумала?!" Как ни странно — да. Сейчас ей казалось, что она осталась в шахте не из глупого геройства и не из бездумного удальства. Тайри тогда решила: подобные твари никогда не будут угрожать дорогим ей людям. А еще она совершенно по-детски хотела, чтобы родным не было за нее стыдно. О, на это старшие Даллеты хором бы ответили: не важно, что подумают другие, главное, что ты останешься жива. Но их дочь всегда в тайне мечтала, чтобы они могли ею гордиться. Наверное, теперь серьезный повод для гордости был, только им об этом лучше не знать.

Будущая встреча с Наставником тревожила юную леди не меньше, чем разговор с родителями. Что-то происходило между ними с того памятного концерта валлиров. Или всё началось еще раньше? Когда-то давно, в городах на Покинутом континенте люди поклонялись богине неизбежности. Они возводили ей храмы-лабиринты и приносили богатые дары с единственной молитвой: миновать их. Похоже, они были правы... Тайри не знала, что ей делать со всем этим. Наставнику и ученице запрещено всё личное, потому что ритуал создавал между ними связь и без того слишком глубокую. Любому наставнику всегда остро чувствовал, что происходит с его учеником: здоров он или болен, благополучен или в опасности, его настроение и состояние дара. Если ученик по какой-то причине погибал, Наставник зачастую тоже расставался с жизнью, потому что терял большую часть себя. Пару

веков назад целители научились кое-как облегчать участь магов, оказавшихся в подобной ситуации, но учеников после этого они уже никогда не брали. От отца она знала, что юные дамы сплошь и рядом влюбляются в своих наставников и почти все со своим чувством успешно справляются, не создавая проблем себе и другим. Те же, кто умудрялся совсем уж потерять голову, досрочно прекращали ученичество и покидали столицу. Тот же лорд Даллет рассказывал ей, что многие наделенные магическими способностями дамы всерьез увлекались ваюмнами — во времена, когда их было много на континенте. С его точки зрения всё объяснялось просто. Островитяне были необычны, загадочны, владели такими силами, о которых здешние маги могли только мечтать, не говоря уж о мирах, которые они повидали. Чем не причины для привлекательности? Эти романтические истории очень быстро себя исчерпывали, чему весьма способствовали сами ваюмны. Большинство оставалось равнодушными к воздыханиям красавиц, а те, кто решался ответить на их чувства, честно предупреждал — это ненадолго, не стройте планы, леди... Но чтобы ваюмн первым потерял голову?!! Никогда. Тайри же готова была поклясться, что ее Наставник именно так и сделал. И, самое страшное, ей это нравится. Значит, в запретном коготки увязли у обоих. А вот желания вырваться из этой ситуации ни у одного из них нет. И поговорить-то не с кем — нельзя такие секреты своей подушке доверять, не то что людям. Брат бы сказал: не можешь ничего изменить — прими как есть. Оставь ситуацию в покое, и выход обнаружится сам. Тайри не знала, годится ли это решение для того, что с нею происходит, но иного способа просто не видела. В конце концов, не так уж и долго ей ходить в ученицах. Еще несколько месяцев обучения, два-три ответственных задания и, собственно, защита. Возможно, удастся не выйти за рамки дозволенного. Если, конечно, кое-кто не поспособствует обратному.

Через день юная леди Даллет убедилась, что "кое-кто" вряд ли ей поможет удержаться и не потерять головы. В противном случае, ему надо запретить улыбаться и вообще смотреть в ее сторону. Особенно такими сияющими глазами.

— Рад вас видеть, Тайри. Надеюсь, вы хорошо себя чувствуете? Отдохнули?

— Спасибо, мастер, всё хорошо. Я готова к занятиям.

— Отлично, потому что за последние несколько дней вы очень много увидели, но, скорее всего, мало что поняли. Не объяснять вам, что произошло, было бы с моей стороны преступлением. Хоть, на мой взгляд, и несколько преждевременно. Был план закончить сначала работу с местными порталами, но... Я должен научить вас правильно действовать и ориентироваться в подобных ситуациях.

Спокойный и деловой тон Наставника вернул Тайри с небес на землю, за что она была ему бесконечно благодарна.

— Я, действительно, многого не поняла. Например, каким образом мне удалось сотворить портал хоть куда-то из тех Потоков, что текут под землей. Они же совершенно непригодны к работе.

— Ну почему же, вполне пригодны, раз вамгодились. Вот как вы умудрились при работе с ними, не зная правил, не навредить себе, я пока не могу объяснить ничем, кроме везения. Сами понимаете, это не аргумент.

— А то место, куда меня выбросило — одна из Сокрытых Троп, я правильно поняла? — огромное любопытство под ручку с таким же по размерам азартом вылезло вперед и смотрело сейчас на Наставника горящими нетерпением глазами ученицы.

— Это так. Мой народ прошел по Сокрытым Тропам огромные расстояния, но мы так и не поняли, что это такое. Троп много или одна, но в разных обличьях? Она живая, или это

просто одна из разновидностей ткани Вселенной? Лично я считаю, что она живая и, к тому же, разумная. Дышит, играет с путниками, пожирает неопытных, слишком самоуверенных или, наоборот, слабых. Однако ходить по Тропе можно — если хватит собственных сил, или если тебя ведет кто-то опытный. В наших силах использовать только существующие Тропы, мы умеем находить или создавать входы и выходы в нужные нам места. Легенды нашего мира утверждают, что когда-то рождались люди, умевшие творить Тропу по своему желанию. Как они это делали и из чего — понять теперь невозможно. Мы называем их Лоцманами, потому что для них все пути были открыты и с ними все дороги безопасны.

— Разве это возможно? — удивленно распахнула глаза Тайри, — мне кажется, человек на такое не способен. Просто не хватит жизненных сил. Любой сгорит, как свеча, каким бы сильным магом не был.

— Скорее всего, так и есть. Поэтому и остались Лоцманы в легендах и самых древних хрониках, о которых известно единицам. В любом случае, мы с вами можем быть только обычными путешественниками, передвигающимися от приюта к приюту, от мира к миру. Потому что на Тропе есть лишь одно место, безопасное для усталых путников, да и оно имеет обыкновение бродить между мирами. Известная вам Таверна движется по непонятным для меня законам и по воле её Хозяина. Можно научиться чувствовать, близко она или далеко, но вот научить этому, увы, нельзя. Во всяком случае, у меня ни разу не получилось.

Наставник рассказывал, как он осваивал Тропы в далекие времена своего ученичества, как набивал шишки и набирался опыта, как запутался, скитался и случайно выполз к Таверне еле живым... Тайри не только слушала, но и наблюдала. Внимательно смотрела, как меняется его лицо, как темнеют глаза при воспоминании о прошлых ошибках, как он слегка хмурится и прикусывает губу, сосредотачиваясь и точнее подбирая слова. Не было больше каменно-бесстрастного, закованного в невидимые доспехи островитянина-чужака. Был умный, тонко чувствующий и много видевший человек, которому хотелось соперничать и помогать. О котором хотелось знать как можно больше и было ужасно жаль, что это невозможно. Прошлая жизнь наставника не должна касаться ученика, если только это не является важным для обучения.

Мастер Гайдиар вынырнул из воспоминаний и сказал строго:

— Как бы то ни было, Тайри, вы должны запомнить правила. Запомнить накрепко, потому что от их выполнения зависит ваша жизнь и, возможно, будет зависеть и жизнь ваших спутников. Построить портал на Тропу можно откуда угодно, но предсказать, куда она вас выведет и как себя поведет — никогда. А вот выход в пригодное для жизни место построить нельзя. Можно и нужно учиться такие выходы чувствовать, и этому, к счастью, я могу вас научить. Входы на Тропу строятся совершенно иначе, нежели привычные вам порталы и Короткие переходы. То, чем вы регулярно пользуетесь — часть вашего родного мира, в отличие от Троп. Хотя должен признать, что там иногда срабатывают совершенно безумные идеи и немыслимые сочетания чар.

— Скажите, а хозяин Таверны — ваш друг? — спросила ученица. Потому что это место, на ее взгляд, и было сочетанием безумного с немыслимым. По всем известным ей законам Таверна просто не могла существовать вне какого-либо мира, однако же...

— Друг? Скорее да, чем нет. Если огромный древний дракон может одарить своей дружбой маленькую горную ящерку. Мудрый старый друг семьи, который не только тебя на коленях держал — деда твоего мальчишкой знал, а с прадедом за яблоками в соседский сад

лазил. Но мы отвлеклись... Что вы почувствовали на Тропе? До того, как я вас нашел?

— Холод. Такой, знаете, почти незаметный по началу, но постепенно пробирающий до костей. Тишина там была просто невероятная. В первый момент я подумала, что оглохла. И еще... Там нельзя стоять на месте, нужно идти. Мне показалось, что само движение жизненно важно. Нельзя останавливаться, хоть ползком, но...

— Умница! — мастер Гайдиар был очень доволен правильными выводами. На его памяти даже своим соотечественникам такие вещи приходилось долго и упорно объяснять. К некоторым понимание приходило только после горьких потерь и прочувствованных на собственной шкуре ошибок. Да что там говорить, сам-то во время оно...

Ученица же любовалась золотистыми бликами в глазах мастера и сияющей улыбкой. Так вот как выглядит гордость за своих учеников. Конечно, если это только гордость.

Улыбка исчезла быстро, Наставник вновь стал очень серьезен:

— Рассказывайте дальше. Уверен, это не единственный усвоенный вами урок.

— Там плохое место для магов. Потоков нет, по крайней мере — в привычной нам форме. Я не знаю, как там можно плести чары. Нет стихий, нет звезд, нет солнца и тьмы нет тоже. Не на что опереться. Кажется, даже Время там какое-то неправильное. Только пыль и туман, в котором кто-то бродит... — леди Даллет зябко охватила себя руками. Она очень хорошо запомнила оторопь первых минут на Тропе, растерянность и ужас, что вытеснили все мысли и эмоции.

— И это верно. Волшебство на Тропе опасно, зачастую — смертельно. Но способы есть. Любой маг носит в себе свой собственный огонь — частицу того, что горел в начале Творения. Мы бережем его, холим, тренируем и выращиваем всю жизнь. На Тропе можно полагаться только на него. Но имейте в виду, там он сгорает в разы быстрее, и, если вы не выберетесь в безопасное место, сгорит безвозвратно. Многие попрощались с жизнью, не учтя этого. Тропа обожает чужую магию, это ее любимейшее лакомство. Впрочем, иными жизненными силами она тоже не брезгует. Больного, раненого, слабого телом и духом слопаёт целиком и не подавится. Запомните это.

— Я и не пыталась колдовать там. Просто сил ни на чары, ни на что другое к вашему появлению не осталось. Почему так?

— Правильный вопрос, леди. Перед тем, как попасть на Тропу, вы использовали магию. И не по пустякам каким, а в самом настоящем сражении. Остался "запах", для Тропы другой приманки не нужно. Она почуяла пищу и вытянула из вас что смогла — через усталость, через страх, через жажду... Но вы каким-то образом умудрились не отдать ей всего, а это для новичка самый лучший результат. Значит, научившись закрываться от голода Тропы, а в случае крайней необходимости жертвовать малым, вы будете спокойно путешествовать. Это и есть главная цель, которой я добиваюсь. Уточню: спокойно — значит без риска для собственной жизни.

Он хотел сказать что-то еще, губы дрогнули, но мастер сдержался. То ли не хотел обещать нечто несбыточное, то ли не решился показать какие-то чувства. Но сейчас Тайри даже не заметила этого. Она уже перебирала мысленно несколько сотен вопросов, которые вот-прямо-сейчас-надо-задать. Строила планы, как уже совсем скоро, пользуясь новыми знаниями и собственным чутьем, отправится в дальнейшее путешествие и отыщет брата.

— Тайри, вернитесь из горних высей, там пусто и холодно, — услышала она ехидный голос ваюмна. — Первые уроки, касающиеся Троп, будут нудными и однообразными. Потому что некоторые приемы вы должны довести до уровня рефлексов и выполнять их, не

задумываясь.

«Размечталась, великая путешественница», подумала про себя юная леди, «далеко забралась. А мастер теперь долго посмеиваться будет. Есть за ним такое, не любит он беспочвенных мечтаний, более того, считает их опасной тратой времени и регулярно возвращает воспаривших с небес на землю».

— Я готова, мастер. Хоть с утра до вечера.

— Что ж, тогда смотрите и слушайте. Прежде всего, научимся тратить минимум сил на подготовительные чары. Собираем самые привычные и доступные потоки, используем струну усиления, здесь это наилучший метод...

Три последующих недели Тайри до изнеможения тренировала навыки защиты и строила порталы, выходящие на Тропу. Каждое утро она, просыпаясь, благодарила Творца за то, что он не оставил ей ни времени, ни сил на посторонние мысли и, тем более, чувства. Да, она честно признавалась себе, что заноза по имени мастер Гайдиар сидит глубоко в сердце. Но сейчас её как будто не стало, Тайри и думать забыла о чем-либо кроме учебы. Кроме того, юная леди доверяла своей интуиции, сигналившей: найден самый правильный путь к давно желанной цели.

Однажды утром, когда семья и гости уже собрались к завтраку, Тайри заметила, что все как-то особенно напряженно и внимательно смотрят на нее, да и слова выбирают как никогда тщательно. Младшей леди Даллет это не понравилось. Ну ладно, матушка — она всегда волнуется за дочь и мужа, и вечно ожидает какого-то подвоха от жизни, властей или еще Творец знает кого. Но чтобы совершенно такими же глазами на нее смотрел и очень уравновешенный отец, и молоденькая деревенская колдунья, и даже лейтенант де Рейвен, который никакими магическими способностями не обладал.

— Что ты делаешь сегодня, дочь? — мягко, пожалуй, даже слишком, спросила Лиола.

— Как всегда по будням, занимаюсь с Наставником, — пожала плечами Тайри, — ничего другого я себе не намечала.

— Пожалуйста, будьте осторожны, миледи, — почти жалобно попросила Одри, — день сегодня какой-то нехороший. Да и ночь была тревожная.

— Странно. Я не заметила, — ответила Тайри, потянувшись за вазочкой с вареньем.

— Да и я бы ничего не заметила, не распахни ветер окно.

— И только из-за этого вы все переполошились?

— Каждый по-своему, миледи, но все подумали исключительно о вас, — ответил лейтенант, — война научила меня чувствовать опасность, угрожающую тем, кто рядом.

— Ну, тогда мы все здесь в опасности.

— Ваш дом — крепость, злу сюда не войти, но оно ходит вокруг и смотрит в ваши окна, миледи, — дрогнувшим голосом сообщила деревенская колдунья.

— Прислушайся к ним, Тайри. Пожалуйста, — очень серьезно попросил отец.

— Уже. Все обереги возьму. Но заявиться к мастеру на обычное занятие при полном вооружении как-то некрасиво.

— Он поймет, — усмехнулся лорд Даллет, — если уж не хочешь тащить всё, то возьми хоть вот это, — он бросил ей через стол невзрачный на вид браслет-плетенку. Красные и желтые кожаные ремешки удерживались почерневшим от времени серебряным замочком, на котором мелкими пиропами была выложена древняя руна огня.

Мать нахмурилась — лесная колдунья не любила "огненные игрушки" Даллетов. Магия Огня родной им не была, пользовались они ей редко и не слишком уверенно, но вот упрятать

кусочек чужой силы в скромный талисман, особенно, если это нужно для дела — сколько угодно. Одри от восторга аж дышать перестала, прижав руки к груди.

— Какая тонкая работа! — прошептала она благоговейно. — Сами делали, милорд?

— Нет, к сожалению. Это работа моего деда. Ни мне, ни брату подобную вещь уже не сотворить.

Прадедушкин "огненный бич", один из бережно сохраняемых мощных семейных артефактов, сам удобно затянулся вокруг запястья юной леди.

— Помнишь, как пользоваться? — спросил отец, внимательно глядя в глаза дочери.

— Конечно. Не волнуйся.

— И вот это возьмите, миледи. — Габриэль протянул Тайри длинный кинжал, почти маленький меч. Ножны были невзрачными и потертыми, но старую работу не скроешь. Таким тиснением украшали кожу мастера горной Гьятты лет двести тому назад.

— Это всего лишь сталь, но это честная сталь. Кинжал сохранил жизни не одному моему предку, глядишь, и вашу сбережет.

— Спасибо, Габриэль, — младшая леди Даллет осторожно, будто живую, погладила обтянутую шершавой замшей удобную рукоять, потом быстро пристегнула ножны к поясу. — А как же ты?

— А я сегодня никуда не иду. Моё дежурство завтра. Если только наш Капитан по какому-то срочному делу весь личный состав на улицы не выгонит.

Как ни странно, интуиция молчала, и все высказанные предупреждения не насторожили наследницу Даллетов. Оружие она взяла исключительно для того, чтобы успокоить родителей. Ну правда же, что может случиться в благословенной Творцом столице, да еще в императорской Академии?

Наставник, однако, мало чем отличался от ее близких.

— Леди Даллет, с вами все в порядке? По дороге ничего не случилось? — с порога осведомился он.

— Абсолютно ничего, мастер Гайдиар. Что-то сегодня у всех дурные предчувствия разыгрались, только я одна ничего не ощущаю. С чего бы?

— Так часто бывает. Однако вы при оружии, хоть и легком — значит, не беззащитны.

— Нас учили, что маг никогда не бывает беззащитен и безоружен, — успокаивающе улыбнулась наставнику Тайри.

Тот скептически заломил бровь:

— Это как посмотреть. Вас также учили, что применять ваши умения против не наделенных силой возможно только в крайних случаях. В остальном же любое волшебство карается, если это не целительство. Доказать, что маг действовал в целях сохранения своей жизни, практически невозможно. Так что имейте в виду: зачастую достаточно обычного человека с кинжалом, чтобы убить мага. Он может оказаться не готов к нападению — просто полагая, что неуязвим.

— А щиты?

— Щиты — это, конечно, аргумент, миледи. Слишком весомый, чтобы его постоянно носить на себе. Это все равно что обычному человеку каждый день, не снимая, носить полный доспех. Все мы носим внутренние щиты, скрывающие мысли и воспоминания. Скажите, вам легко было постоянно поддерживать их в рабочем состоянии?

— Нет, конечно. Меня учили этому с раннего детства, сразу, как обнаружили Дар. Первые приемы показывал еще брат. А "на уровне дыхания" я стала ими управлять лишь

несколько лет назад.

— Вот поэтому его величество держит при себе мастера Щитов и роту его подмастерьев. И каждый год в Академии отбирает новых. Но довольно об этом... Меня попросили... — Мастер нахмурился, подбирая слова, заставив синие грани кристаллов узора над бровями поцарапать зазевавшийся солнечный луч. — ...Ну, скажем, проверить одну гипотезу. Те, кто пытался сделать это раньше, не преуспели. Ни наши корабли, ни корабли островных княжеств не смогли пристать к нужному берегу, а валлиров, сами понимаете, не спросишь. Остаются те, кто может попасть туда без кораблей. То есть мы. На наше счастье, осталась старинная рукопись с описанием Потоков в этом месте, как и странного явления, из них сотворенного. Вот, прочтите. — Наставник протянул ученице свиток, едва не рассыпающийся от древности. Чары, наложенные на него для сохранности, были многослойными и очень сложными. Верхний слой, наложенный совсем недавно, неприятно покалывал пальцы.

— Читайте внимательно и запоминайте надолго. К переписыванию этот документ запрещен, взять его с собой мы права не имеем.

Тайри аккуратно развернула пожелтевшую бумагу.

"...Год 373 от заключения Договора хранителей Границы...". Она о таком и не слышала. надо будет по возвращении расспросить отца, а лучше Ская. Вдруг он помнит?

Стиль манускрипта больше походил на дневники или путевые заметки. Некто, оставшийся неизвестным, писал:

"В славном городе Кер-Алессе, по окончании турнира Всех Стихий, появилось странное. После выступления мага из запретного для смиренных детей Создателя города Адарет, что в Серой пустыне, восемь из основных течений Силы остались собранными "звездой", через центр которой проходит шпиль, венчающий арку Семи побед. Почти прозрачный молочный оникс, из которого сделан шпиль, изменил свойства и стал похож на темное стекло с золотым песком. Арка едва слышно поёт бесконечную мелодию, а если маг приложит к ней руку — шипит, точно дурное масло на сковороде, и ненадолго становится невидима.

Как известно, Ареопаг Сильнейших и сам Государь присудили победу этому магу из Адарета, ибо он безупречно прошел все сорок испытаний, а в финале показал пять непревзойденных никем творений по числу стихий. Более изощрённых, чем племянник Государя, маг из Огненных, хотя много лет первенство по праву принадлежало ему. Получая из рук Наследницы престола хрустальный кубок, полный сарандорских рубинов, маг, носящий печать Отступника на челе, молвил:

— Вы отдаете мне награду без радости, хоть я и превзошел всех, здесь присутствующих. Почему? Вы не верите, что я одержал победу честно? Но ведь я, чтя чувства зрителей и судей, не использовал истинные силы, что питают меня.

— Ты поклоняешься Отступнику, значит, всё, что ты творишь — нечисто и поражено Тьмой. Правила турнира позволяют участвовать любому магу — и ты был допущен. Ты превзошел всех и получил главную награду — мы не нарушили правил. Бери ее и возвращайся туда, откуда прибыл, не оскорбляй город своим присутствием, — ответил ему Государь.

— Я возьму награду. Но, перед тем как уйти, я покажу вам мою истинную силу. Должен же я оставить вам что-нибудь на память, — усмехнулся победитель. Он поставил хрустальный кубок на землю, сложил на груди руки и, подняв лицо к небу, запел.

Люди в ужасе стали покидать площадь, но Ареопаг, Государь и бывшие соперники не могли двинуться с места. День сменился безлунной ночью, затем снова стало светло, но небо было не голубым, а ярко-желтым, и на нем не было солнца. Потоки Сил стали видимыми. Какие-то из них были похожи на тяжелые плетеные ожерелья, что собирают из множества бусинок, иные напоминали неопрятные толстые канаты, а некоторые имели вид перекрученных разноцветных лучей. Маг из Адарета дал полюбоваться этим зрелищем несколько минут, а затем, когда желтые небеса медленно угасли, собрал все Потоки в подобие звезды о восьми лучах и призвал то, что нам лучше было бы никогда не видеть. С искаженных и оскверненных небес в тускло отсвечивающие багровым ладони слуги Отступника ударил чуждый всему живущему Поток. Он казался мрачной дверью в бездну, отвергающую все законы этого мира, полосой тьмы во тьме, в которой тонуло и гасло всё: свет, мысль, разум, творение... Кто-то из оставшихся скорчился, зажмурил глаза и зажав уши. Иные же не могли оторвать глаз от творимого победителем турнира, и на лицах их был восторг. Первосвященник, стоявший по правую руку Государя, плакал, в ужасе закрыв лицо. Маг из Адарета, увидев это, засмеялся. И тогда самая юная из участниц турнира, воспитанница настоятеля храма Всеблагото Творца, звонко и безрассудно воззвала к тем, кто еще не потерял разум:

— Что же мы бездействуем, братья! Мы не можем уйти, но наши способности никто у нас не отнял. Пусть поодиночке мы слабее, но все вместе, соединив весь Огонь Творения, что достался нам при рождении, вернем наше родное небо и, с помощью Творца, укажем Тьме место!

Маги будто проснулись, но, увы, далеко не все. Те, кто дал магии Отступника очаровать себя, уже никого не видели и не слышали, кроме своего новоявленного кумира. Так случилось, что объединили свои усилия самые молодые и старики, а еще те трое, что проиграли темному магу финальные состязания. Их усилиями мага отсекали от источника его могущества. Темный Поток был скован, но, увы, не побежден до конца. Тогда Первосвященник запел молитву, которую возносили каждый день перед восходом солнца, а юная Наследница сильным и чистым голосом поддержала его. Государь, который от рождения силой наделен не был, решил применить тайное знание, что передавалось в роду властителей от отца к сыну. Он разъял на две части увенчанный рубином посох, и капля живого огня упала к его ногам. Маленькое солнышко само нашло дорогу в чужую тьму, разгорелось нестерпимо ярко и кануло навсегда. В тот же миг все краски мира вернулись на место, а Государь, схватившись за сердце, упал замертво. Победитель турнира же молча усмехнулся, преспокойно подхватил кубок с рубинами и направился к южным вратам Кер-Алессы. За ним, точно на привязи, отправились все очарованные Тьмой маги. Собранные им Потоки так и остались привязанными к шпилью арки Семи побед.

С тех пор, вот уже двадцать лет, вопреки воле Государыни, Ареопаг Сильнейших позволяет любому прийти на эту площадь и сколько угодно любоваться на Звезду Течений и арку. Они считают, что это лучшее подтверждение их могущества. Ведь теперь в Ареопаге сидят те, кто сдерживал темного мага из проклятого Творцом Адарета, и им очень хочется чувствовать себя великими..."

— Я запомнила, мастер, — произнесла Тайри, перечитав свиток несколько раз, благо, он оказался недлинным, — если я правильно поняла, этому документу более тысячи лет. Кер-Алесса может быть уже на дне морском.

— Вы правы. Но, по моим сведениям, даже после трех землетрясений, Кер-Алесса ушла

под воду не вся. Центр города находился значительно выше кварталов, в которых жили простые люди, а дворец Государя и упомянутая в документе площадь, как утверждают иные источники, вообще находилась на вершине горы, куда вела лестница из трех тысяч ступеней. Не удивлюсь, что все это вполне сохранилось. Узнали Потоки?

— Лохматые канаты — вода, плетеные бусы — земля, перекрученные лучи — огонь. Про блестящие стальные ленты воздуха там не сказано, но, думаю, без них тоже не обошлось. Потоков было восемь, очевидно, темный маг, чтобы уравновесить Звезду, взял их попарно, — Тайри чуть подумала и, решившись, спросила, — А кому понадобилось что-то там искать? Если я не ошибаюсь, это же восточное побережье Покинутого континента. Интересно, Кер-Алесса обезлюдела до землетрясений? Не представляю, как можно жить рядом с постоянно действующей "Звездой Течений". Она же вытянет разум из любого.

— И снова вы правы. Хроники утверждают, что после этих событий Кер-Алесса не протянула и ста лет. Важно другое. Этот магический узел до сих пор копит энергию, как делал последние несколько столетий. Если верить свитку, темный поток ограничили и изолировали, использовав древний артефакт исключительной силы. А если она не вечна?

— Это место может стать точкой прорыва. О Творец всемогущий... Что мы должны сделать там? — леди Даллет с трудом подавила безотчетный страх. Она даже представить себе не могла, что произойдет, случись этот прорыв на самом деле. Воображение отказывало.

— Разведать дорогу и оценить обстановку. Если сдерживающий артефакт ослаб, равновесие Звезды Течений нарушится, да и другие признаки мы увидим. Тогда я должен буду привести туда тех, кто сможет исправить ситуацию. Я бы не хотел, чтобы ваш чудесный мир рухнул во тьму и хаос.

— Я тоже, мастер. Я готова.

— Нащупать такую аномалию, как Звезда, сможете? Сосредоточьтесь, нам придется работать в связке, — наставник положил ладонь ей на затылок, ниже собранных в высокую "раковину" волос. Какие горячие у него пальцы...

Окно, выходящее в парк Академии, со звоном разлетелось, брызнули во все стороны острые осколки. Двое крепких мужчин в куртках с капюшонами и скрывающих нижнюю часть лица полумасках, прыгнули внутрь, слишком близко к Тайри и ее наставнику. Следом за ними просочился третий: низкорослый, тощий и хромой. Слышно было, как он ступает по битому стеклу, резко перенося вес на здоровую ногу.

— Девчонку связать, мужика в расход. Он боевой магией не владеет, — хриплым скрипучим голосом скомандовал хромой.

— Встаньте за мной, мастер, — тихонько попросила Тайри, прощупывая противника чарами познания. Мастер как в воду глядел, к ним заявили обычные наемники, ни грана магии в них не было. А вот выучка-то, похоже, армейская, и полк был не из последних — сразу видно, парни где-то успели изрядно поднаторгеть в подобных операциях. Ну, значит, попробуем пока обойтись без боевых чар. Хорошо, что кабинет наставника на первом этаже, а за разбитым окном растут малина, любимая плетистая роза и чернолистник. Но это на тот случай, если непрошенные гости не уймутся. Ой, а что это наставник удумал?

Элегантный колет полетел на пол, под ним, крест-накрест, оказалась перевязь с очень необычным набором метательных ножей, а в правой руке мастера уже блеснула готовая к броску увесистая "рыбка". Тайри пожалела, что не послушалась Габриэля и не взяла с собой оружия посерьезнее. Теперь придется обороняться кинжалом. Вспомним папины советы...

Первую веревку она рассекла в воздухе, вторую, упавшую на плечи мастеру, он сорвал сам. В голову ваюмну полетел утяжеленный боевой нож, и Тайри приняла его на клинок. Один из нападавших сунулся ближе и получил зубастую "звездочку" в предплечье, причем наставник явно его пощадил.

— Ну, чего копаетесь, косорукие! — рявкнул на своих подручных хромой, — колдовать они не будут, а в обычном бою они вам не противники. Небось, не знают, с какого конца за меч браться.

Мастер из какого-то совершенно неудобного положения метнул еще один нож. Тайри, уходя от ударов наседавшего на нее противника, увидела, как оружие ваюмна впилося в ногу распинавшемуся о ничтожности магов главарю. Судя по потоку отборной брани — в здоровую. Один из нападавших отвлекся на эти вопли, и Тайри удалось ощутимо задеть его кинжалом. Тот ругнулся и выронил оружие из ослабевшей руки. Наставник, пытаясь достать броском ножа второго, неосторожно раскрылся, сделав шаг в сторону. Не успевая перехватить руку наемника, леди Даллет просто швырнула ему в лицо первое, что под руку подвернулось: какой-то увесистый том в кожаном переплете. Главарь, припадая на обе ноги, рванулся вперед, и наставник поймал бы сталь голыми руками, не споткнувшись хромой о собственного подручного.

— Мне надоело это скотство, Тайри, — почти прорычал мастер, наступая на руку упавшему громиле, — надо уходить.

Юная леди Даллет не удержалась и заставила плетистую розу накрепко связать ноги и руки всем троим негодьям, потом оглянулась на наставника:

— Строим портал?

— Разумеется, и именно туда, куда собирались. Если поблизости сидит такой же мастер порталов, как эти захватчики, то по нашим следам он угодит в крайне веселое место. Чего я ему и желаю. Все, сосредоточились. Нащупываем нужные Потоки. Готовы? Открывайте.

**** *
**** *
**** *

Ветер, ровный сильный ветер шумел в листве заполонивших древний город деревьев, завладевших пустыми домами лиан и плющей. Мерно шуршал высохшими зонтиками гигантских соцветий, перебирал жесткие стебли с метелками на концах. Когда-то здесь было красиво. Мелькавшее в прорехах бегущих облаков солнце выхватывало то изящную резьбу белокаменных фронтонов, то дивное литье оград и решеток, то плавные линии арок и тонкие стрелы изящных колонн. Гладкие квадраты плит, которыми когда-то были вымощены улицы и площади, вздыбились, приподнятые корнями растений. Какие-то из них пересекали трещины, другие были целыми, сохранившими идеально отшлифованную поверхность. Там, где стены зданий обвалились, виднелись внутренние покои: остатки лепнины на потолках, не стершаяся за века позолота, отблески одиноких зеркал. Город умер давным-давно, но кусочки почти забытой жизни нет-нет да и проступали сквозь сплошное зеленое покрывало листвы.

В груди тревожно отозвалась струна: где-то рядом Потоки, насильно собранные в узел, пытались разъединиться и вернуться на свои исконные пути. И многие сотни лет не могли этого сделать, прикованные друг к другу недобрым волшебством. Пальцы наставника до боли сжали ее запястье.

— Осмотритесь, Тайри. Внимательно.

Леди Даллет неторопливо изучала окрестности. Деревья, травы, лианы, даже сами камни впереди иссохли, стали серыми и хрупкими. Улица, на которой они стояли, вела к

возвышающемуся на скале дворцу. Выход на просторную площадь перед ним венчала редкой красоты резная арка, а над ней... Над ней бесновались соединенные в Звезду потоки. Восьмилучевое чудо била дрожь, по "канатам" и гирляндам витых "бус" пробегали судороги, а в мелодию из нескольких нот, что веками выпевал зачарованный камень шпиля, вклинились тяжкие "вздохи" и далекие гулкие удары. Как и предполагала Тайри, Звезда тянула жизнь из всего вокруг, но что-то, видимо, умерило ее аппетиты.

— Мне придется подойти ближе, чтобы оценить происходящее, — почему-то шепотом произнес мастер Гайдиар.

— Я вас одного не пушу. Моих знаний хватает, чтобы понять, насколько мучительно вам здесь находиться. Мне эти потоки родные, и то...

Ваюмн не стал возражать, кивнул и побрел к арке. Казалось, он преодолевает серьезное сопротивление, будто воздух перед ним стал плотным и вязким. Наставник был бледен, дышал тяжело, а камушки на лбу явственно отливали кроваво-красным.

— Что вы видите, Тайри? — спросил он, после того как с минуту вглядывался в пляску потоков и тусклую игру камня.

— Темный поток не истребили, он был все время рядом. Как будто за стеной... за зеркальной стеной. Артефакт, упомянутый в документе, очевидно, и создал эту стену. Но прошло очень много времени, и она из каменной стала бумажной. Иначе я сказать не могу. Если не сделать стену толще или не построить заново, он просто прорвет ее, ударит точно в центр Звезды, и тогда... Наверное, нас и нашего мира больше не будет. Нигде.

— Сдерживающий артефакт еще жив.

— Да, но это ненадолго... — Тайри было жарко, боль вгрызалась в кости, точно бурав, но оторвать взгляд от арки, шпиля над ней — то появляющегося, то исчезающего, и невероятной красоты зрелища в небе, она не могла. Сила невидима обычным глазом, и не смотреть на зримое ее воплощение для мага крайне трудно.

— Возвращаемся, Тайри. Задание мы выполнили... — наставник с трудом разлепил пересохшие губы, — боюсь, еще немного, и я не смогу поднять портал. Это чудовище в небе пьет мою силу не хуже Тропы.

Леди Даллет вместо ответа выстроила Короткий переход на остров Юм. Возвращаться в разоренный кабинет ей не хотелось. Все равно придется это сделать, но не сейчас, не после всего пережитого. На мастера было больно смотреть. Он полулежал, привалившись к стволу дерева, и казался совершенно обессиленным. Кристаллы узора на лбу потускнели и стали едва видны, а брови и ресницы выглядели нарисованными на бледном лице. И такое горькое разочарование читалось в складке губ, что Тайри стало не по себе.

— Я напрасно вернула нас на остров, наставник? — тихо спросила она.

— Нет, все правильно. Если нас ждут друзья этих громил в масках, то лучше туда не соваться. По крайней мере, я сейчас не смогу отбиться, — вздохнул ваюмн и прикрыл глаза, — не обращайтесь внимания, миледи. Вы-то все сделали верно, от начала и до конца. Понимаете, там, под этими потоками, очень сильно обостряется чутье. Я знал, что путешествие будет для меня опасно, но согласился — намеренно. Я почти понял, где находится то, что я ищу, но... "почти" не считается. Все зря.

— Возможно, если бы вы рассказали мне, что ищете, я смогла бы...

— Возможно. — Наставник вдруг стал похож на себя прежнего: ровный, лишенный окраски голос, каменное лицо без эмоций. — Но рассказывать придется слишком много. Почти всю историю моего народа. Не уверен, что вы поймете, насколько важно то, что я

должен сделать.

— Мне достаточно того, что это столь важно для вас, — Тайри невольно сделала свой голос столь же бесстрастным.

— Спасибо, Тайри. — Ну вот как так можно?! Теперь в голосе ваюмна море тепла и искренней благодарности, а ледяная статуя смотрит с грустью, тревогой и Создатель знает чем еще... — Поймите, это искренне, потому что я с каждым разом все более убеждаюсь, что без помощи мне не обойтись. Только, кроме всего прочего, я ни в коем случае не хотел бы причинить вам вред или подвергнуть хоть малейшей опасности. Вы не хуже меня знаете, каким опасным может оказаться обладание некой информацией.

— Вам решать, мастер. — Не хотелось сейчас ученице смотреть в глаза наставнику — может быть, потому что слишком много можно было в них прочитать. И что потом с этим делать? Поэтому она сосредоточилась на его руках, на маленьких белых шрамах на тыльной стороне ладони, складывавшихся в руну "Ней", на тонких сильных пальцах... Очень сильных — на запястье, поди, синяки останутся. Да и демоны с ними, с синяками, не со зла же он и не умышленно вцепился. Лишь бы не "замерзал" вот так. Кстати, об информации...

— Мы оставили на столе свиток. Эти громилы не могли его украсть?

— После ваших розочек с шипами? Вряд ли, — усмехнулся ваюмн, — кроме того, есть тайны, которые сами себя охраняют. Чужие просто не увидят того, что им не положено, не стоит по этому поводу тревожиться. Мне гораздо интереснее, какого демона им было нужно от вас?

— Если от меня, то... — Тайри скривилась, вспомнив Весенний бал, — это, скорее всего, люди принца Кимлана.

— Вас угораздило попасться на глаза этому ублюдку?

— Еще весной, на балу. Но тут уже вам не стоит волноваться. Даже если бы меня утащили, ничего бы не сделали. Магушка умело позаботилась о моей защите. А вот если все эти разговоры для отвода глаз, и все дело в вашем поручении...

— Я тоже подумал об этом, моя леди. Что ж, придется рассказать о нападении тому, кто это поручение давал.

Он на минуту замолчал, что-то обдумывая.

— Вот одного не пойму, хоть и прожил в вашем мире демонову уйму лет, — продолжил наставник, — как можно делать то, что приближает твой мир к разрушению и гибели? Неужели последователям Отступника неясно, что Тьма не может созидать? Наверное, над этим задумываются лишь подобные нам, волею судьбы и богов вынужденные скитаться в поисках себя и нового дома.

— Я не вникала в тонкости философии последователей Отступника, мастер. Слышала когда-то, что они считают своего покровителя способным воздвигнуть из создавшегося хаоса новый миропорядок, в котором их место будет всего лишь на ступень ниже новоявленного творца, и обретут власть почти неограниченную, — ответила Тайри.

Ваюмн кивнул:

— Я так и думал. Властолюбие всегда толкает на крайне необдуманные поступки, и если бы только людей... Об этом можно рассуждать долго, а нас, скорее всего, ждут. Переход на площадь у Старой обсерватории построить сможете?

К Старой обсерватории, значит, думала ученица, не спеша собирая Потоки. Что у нас там? Собственно, ничего особенного. Обветшавшие особняки не слишком богатой аристократии, знаменитая оружейная лавка и одна из лучших в городе кондитерских. Ни

тебе резиденций кого-то подозрительно важного, ни конторы Адмиралтейских служб или Императорского сыска, к примеру. Ладно, будем считать, что уважаемый мастер собрался прикупить новые метательные ножи взамен утерянных...

Тайри и забыла уже, какое очаровательное место эта площадь. Особняки были аккуратно отреставрированы, вся прелесть отделки и старой архитектуры любовно сохранена. Вывеска над лавкой оружейника внушала уважение и трепет: вся в сверкающих на солнце отполированных листах металла и заклепках. Возле светло-желтого здания кондитерской натянули бело-голубой полосатый полог и выставили на улицу все имеющиеся столики — аж четыре штуки. А в крохотном сквере рядом звенел струями изящный старинный фонтан, изображающий склонившуюся над зеркальной чашей Речную Хозяйку. И над всем этим уютом и утопающим в зелени великолепием царила башня старой Обсерватории: серый камень идеально сложенных стен и серебристый раздвижной купол. Поговаривали, ей не меньше шестисот лет, и уже больше века за звездами наблюдают из обсерватории новой, расположенной за чертой города. О нынешних обитателях башни ходили темные смутные слухи, вряд ли достойные доверия.

— Давно же я тут не бывала, — пробормотала леди Даллет, оглядываясь.

— Вот и хорошо, — наставник направился к полосатому пологу и белым столикам (кто бы сомневался!) — у вас будет время освежить воспоминания.

Навстречу им уже спешила хозяйка — высокая огненно-рыжая дама в зеленом пышном платье и белоснежном переднике. Лицо и руки её были сплошь усыпаны золотистыми веснушками, а ясно-голубые глаза сияли, словно два маленьких солнца.

— Здравствуйте, мастер, — слегка поклонилась она, — давненько вы у нас не бывали. Рада вас видеть.

— Взаимно, Эрмина. Принесите, пожалуйста, этой юной леди ваших чудесных пирожных и самую большую чашку какао. — Ваюмн усадил Тайри за дальний столик, полускрытый цветущим кустарником. — Посидите здесь, моя леди, пока я не найду для вас надежного сопровождающего. А мне надо кое-кого повидать. Не волнуйтесь, у Эрмины надежно, как в крепости. Ее супруг — начальник городской стражи.

Тайри от удивления не могла произнести ни слова. Что это ваюмн взялся так ее опекать? Она вполне способна постоять за себя — не далее как сегодня он в этом убедился.

— Пожалуйста, никуда не ходите одна. Утреннее происшествие требует от нас быть особенно осторожными. Обещаете, Тайри? — Его беспокойство было столь зримым, что девушка только кивнула в ответ.

Хозяйка водрузила на стол большую плоскую вазу с несколькими сортами пирожных и огромную глиняную кружку, над которой возвышалась шапка взбитых сливок. Она хитро подмигнула Тайри и с достоинством удалилась. Ваюмн подхватил усыпанную цукатами корзиночку, сделал пару шагов назад и исчез в Коротком переходе. Леди Даллет машинально отметила, что туманная арка слишком сильно дрожала — наставник сотворил портал на пределе сил. Ну и зачем было так рисковать?

Когда на блюде осталась половина того, что было, а богатырская кружка показала дно, леди Даллет увидела у входа две знакомых фигуры. «И как их сумели вытащить из дома, не встретившись с матушкой», подумала она, «или же за ними посылал тот, к кому и направлялся ваюмн? И почему он просил оставаться тут, ведь не было ничего легче, чем создать Короткий переход домой? Знал, что для нее это опасно сейчас? Слишком много тайн и предположений для одного дня», — устало вздохнула про себя Тайри, глядя на

приближающегося к ней Габриэля и на раскланивающуюся с хозяйкой Одри.

— Миледи, ваш наставник... — начал лейтенант.

— Просил за мной присмотреть и препроводить меня домой. Можно подумать, я младенец беспомощный.

— Думаю, это не простая прихоть, — нахмурился де Рейвен и сразу стал похож на Даллета-старшего, — утром в Академии стража арестовала троих наемников, разгромивших кабинет на первом этаже. Что они там искали, еще предстоит выяснить. Репутация у этой троицы, мягко говоря, паршивая. А сбежать они не смогли, потому что ноги и руки им намертво заплели побеги роз. Я не слепой, миледи, два и два сложить умею.

— Да я и не отрицаю, лейтенант. Полагаю, ими займутся люди из императорских служб.

— Туда им и дорога. А ножи кто бросал? Неужели ваш мастер?

— Именно. Он как-то мне сказал, что это у него лучше всего получается. Ну что, домой?

— Непременно, только вот не оставлять же такую красоту, — проворковала Одри, ставя на стол чашки с ароматным мятным чаем.

С этим невозможно было спорить. Глядя на азартно уплетающую десерт деревенскую колдунью, Тайри подумала, что впредь обязательно будет прислушиваться к ее советам, и к опасениям умудренного опытом лейтенанта тоже. Они-то оказались сегодня правы!

Несколько дней после этих событий юная леди вела себя тихо, как мышка, и носа из дому не казала. Зато уделяла много времени тренировкам. Фехтовать получалось куда лучше, чем бросать ножи, но она не отчаивалась. Как говорил ей, посмеиваясь, Габриэль, тяжело только первые десять лет, потом всё получается с легкостью. Два письма, доставленных почти одновременно, совершенно изменили ход её мыслей. В одном был привет из детства, которое, видимо, прощалось с ней окончательно и бесповоротно: приглашение на празднование совершеннолетия старинного друга — Трома ор Альге. А в другом — короткое сообщение от наставника:

"Миледи!

В связи с известным вам поручением занятия на ближайшую неделю отменяются.

С уважением, мастер Троп Гайдиар"

Глаза еще пробегали по строчкам, а сердце сначала отчаянно затрепыхалось, будто подбитая птица, а потом ухнуло в ледяную пропасть. Он все-таки пошел туда, в это немислимое место. Возможно, в надежде еще раз попытаться найти след искомого... Да, не один, но тем, другим, вряд ли будет интересно, выживет ваюмн или нет.

После этого время превратилось в патоку, густую и вязкую. Не помогало ни фехтование, ни верховые прогулки в сопровождении Одри и Габриэля. Даже книги не могли заглушить тревогу и скрасить мучительное ожидание. Немного отвлеклась Тайри только на празднике у Трома. Старый друг еле высидел официальную часть, выслушивая бесконечные поздравления родных и немногочисленных друзей, а потом утащил подругу детства на крышу. Там, на крохотной площадке, было приготовлено их любимое еще в детстве угощение: орехи, яблоки, соленое печенье, которое умела делать его мама. И белое вино с южных виноградников — то, которое очень нравилось гостье.

Все "обязательные" подарки были уже вручены, настало время для иных, очень личных презентов.

— Ну, рассказывай. — Тром, поправив на носу тонкую золотую оправу, уселся, скрестив ноги, прямо на пол, предоставив Тайри низкую, обитую бархатом, скамеечку. — Это у меня

тут ничего не происходит, а ты вечно где-нибудь пропадаешь.

— Да уж, — поёжилась юная леди Даллет то ли от прохладного ветра, что прилетел с реки, то ли от воспоминаний, — за последнее время я побывала в нескольких местах, если уж говорить честно — малоприятных.

— И что, там не было совсем-совсем ничего интересного? — скорчил жалобную рожицу именинник.

— Интересного — море, только вот вспоминать об этом не хочется.

— Ладно... А ты по-прежнему занимаешься своими порталами?

— Занимаюсь. Мне еще по ним магистерскую работу защищать. И по Тропам тоже.

— Ого! Про Тропы я только читал, да и то случайно. Как они хоть выглядят?

— А никак. Безвидны и унылы. Серая пыльная дорожка под ногами, вроде твердая, а вроде и нет... Точно на толстой шершавой шкуре огромного кита стоишь. Вокруг густой туман, в нем кто-то ходит, переговаривается, но это все смутно и непонятно, как в плохом сне. А еще Тропа живая и хищная, легко слопаёт слабого, раненого или просто зазевавшегося. По ней можно только идти, надолго останавливаться нельзя.

— Бр-р-р... Не хотел бы я там оказаться. — Тром взял бокал с вином, второй протянул Тайри. — Ну а в нашем забытом Создателем мире что видела?

— Вот. — Девушка протянула имениннику плоский белый кусочек мрамора с выбитым на нем "водоворотом". — Сама не помню, как подобрала. Ты что-нибудь знаешь о Кер-Алессе? Это оттуда.

— Ни-че-го себе! — глаза старинного друга заблестели азартом. — Кер-Алесса недоступна тысячу лет, а обезлюдела и того раньше. С ума сошла, в такие места лазить? Мало тебе Флитта?

— Возможно, подобные места мне придется исследовать, друг мой. Я сопровождала наставника, сам понимаешь, тут не выбирают.

— В хрониках упоминается три разрушительных землетрясения. Разве там могло что-то сохраниться?

— Только центр, он ведь на горе расположен. Все остальное разрушено. То, что не поглотило море, захватил лес.

— И арку видела?

— Видела. — Тайри залпом осушила свой бокал. — Вот как тебя сейчас.

— И дворец?

— И его. Через площадь, ближе было не подойти.

— В одной книге написано, что дворец Государя погрузился во Тьму, и в нем поселилось чуждое.

— Байки... Без Тьмы там не обошлось, но ничего она не захватила — вовремя остановили. Но с тех пор Потоки уже не текут, как положено, и жить там нельзя. Не знаю, хватит ли у меня духу побывать там снова. Слишком уж оно всё... мертвое.

— Наверное, я никогда до конца не пойму, как может быть мертвым город при вполне живых потоках, — пожал плечами Тром.

— Поверь мне, может. Но лучше никогда этого не видеть.

— Что-то ты совсем мрачная, подружка. Может, махнем куда-нибудь вдвоем?

— Куда?

— Эй, вылезай уже из брошенных городов, миледи, — затряс ее за плечо молодой ор Альге, — в нашем старом поместье всяко лучше! Ты же сможешь построить туда портал?

— Короткий переход, — автоматически поправила Тайри, — Что ж, желание именинника сегодня закон. — Девушка поднялась, пытаясь припомнить, куда в старом поместье Альге удобнее вывести портал.

— Вот я дура-а-ак, — картинно разочаровался Тром. — Надо было попросить о другом. Но, думаю, еще будет случай.

— Путешествовать подано, — леди Даллет широким жестом указала на жемчужно светящуюся арку, соткавшуюся в воздухе, — пожалуйста в родовое поместье, милорд.

Внук адмирала рассмеялся и смело шагнул в переход. Тайри он доверял полностью.

На побережье было... Как в детстве там было. Легкий бриз, белые барашки волн, мягкий песок и осколки перламутровых раковин под ногами.

— Бегом, — потянул девушку за собой именинник, — быстрее! Нет, кто быстрее!

— Куда? — в очередной раз вздохнула Тайри. Ну какое может быть "бегом" в атласных туфельках и путающихся в ногах юбках?..

— На скалу, конечно. Нырять. Я три года здесь не был, мечтал, как о благодати Создательевой.

— Честное слово, ты как маленький, Тром! Мне уже не тринадцать.

— Ну и мне не девять. Умеешь ты обрадовать... — юноша нахмурился и отстранился. Помолчал с минуту, глядя, как волны набегают на песок, потом сказал: — Хочешь показать, что ты давно уже такая взрослая-взрослая... Неужели у тебя поднялась рука вытравить из души ту невозможную девчонку, которая умела слушать, как никто другой? Которая всегда находила нужные слова и не гнушалась играть и в мои, мальчишечьи, игры?

Он снял очки и смотрел на нее не с укором, нет, скорее с недоумением. Большие, карие — как у матери — беспомощные близорукие глаза, тонкий, чуть вздернутый нос, по-детски пухлые губы... И достаточно твердый, волевой, "дедовский" подбородок, а также неподражаемые рыжеватые вихры, тоже фамильные. Еще — невероятно густые, загнутые кверху золотистые ресницы. Впору обзавидоваться. Когда-то смешной щекастый малыш превратился в симпатичного парня. Вот он — живой, надежный, умный, настоящий, а она кого-то себе напридумывала. В ответ на эти мысли сердце возмущенно сжалось, видимо, недвусмысленно демонстрируя, что ему не прикажешь. Сейчас оно желало вспоминать и радоваться.

— Как же, вытравишь ее, — проворчала юная леди. — Она каждый день на меня из зеркала смотрит. Скорее всего, она же толкает меня ко всем моим приключениям. Скажу тебе по секрету: это она выбрала тему магистерской диссертации. Потому что у нее есть цель.

— Выжить? Во что бы то ни стало?

— Не только, друг мой. Она ищет брата. Полагаю, что мы с ней его найдем...

— На свою голову, — неожиданно мрачно проговорил Альге-младший, — ну зачем тебе это, а? Если он жив, у него давно уже своя жизнь. Хотел бы — сам давно нашелся или хотя бы дал знать о себе. А ты все носишься с этой идеей.

— Тром, что ты несешь!! — Тайри моментально подобралась, зашипела дикой кошкой. — Как ты вообще можешь такое говорить! Вы ладили, точно родные! Он делал тебе солдатиков и корабли, привозил такие книги, каких даже в библиотеке твоего деда не было. Мне казалось, вы прекрасно понимали друг друга...

— А потом он меня бросил. И не только меня. Думаешь, это можно простить?

— Мне было тяжелее, Тром. Ведь я его сестра, и видела, находясь рядом, гораздо

больше. Полагаешь, всем было бы лучше, если бы он гнил в подвалах Старой крепости? Или дал себя сломать императорским магам? Вы бы радовались, видя его таким?

— Зачем было лезть, куда не просят, вечно что-то изобретать? Сидел бы себе смиренно в Академии, никто бы в его сторону не смотрел.

— О Создатель, Тром, где ты нахватался этих слов? Ты же знаешь, как все было! — У Тайри от обиды слезы подступили к глазам. — Мой брат — истинный Даллет, уродившийся, к тому же, Созидателем, каких мало. Плюс куча других семейных талантов. Таких либо истребляют, либо заставляют работать на себя. И никогда не дают жить спокойно! Думаешь, он хотел все бросить и исчезнуть? Ничего подобного, но ему пришлось...

— Можно подумать, ты знаешь, чего он хотел, — огрызнулся внук адмирала, — чужая душа потемки.

— В том-то и дело, что не чужая. Настолько не чужая, что первые пару лет без него мне точно не хватало воздуха. Я знаю, чего он хотел, Тром, я видела его мысли... — Девушка отвернулась, чтобы собеседник не увидел предательской влаги в ее глазах.

— Разве такое возможно?

— Возможно, когда у вас почти что одна душа на двоих. Когда понимаешь человека лучше, чем себя. Когда он — большая часть твоего мира... — Голос сорвался — как всегда не вовремя. Получился вполне понятный, но совершенно ненужный всхлип, от которого Тром дернулся, как от удара.

— Тайо, я идиот, просто бессовестный идиот, и нет мне прощения. Я считал, что мне... нам больнее всех... — Он повернул подругу лицом к себе, стал неловко стирать пальцами слезы с ее щек. Руки у него дрожали, а сердце стучало так, что его было слышно, наверное, по ту сторону моря. Тайри, конечно, понимала, почему друг ее детства нес в сердце такую чудовищную обиду на Номара. Мальчик был уже достаточно взрослым, чтобы заметить, как относится к молодому Даллету леди Ифар. Себя и свои переживания Тром еще мог простить Номару, но не слезы и тревогу матери.

— Послушай... Мой брат жив, без всяких "если". Я это знаю точно, — устало сказала Тайри, — и закончим на этом. Мне надо было давным-давно поговорить и с тобой, и с леди Ифар, а не носить все это в себе. У меня дома судьба кузена — тема запретная.

— О, Создатель, и ты столько лет ни с кем ни словом... и тут я со своими идиотскими претензиями. — Внук адмирала покраснел до кончиков ушей. — На твоём месте я бы тебя убил. Или, по крайней мере, надавал бы по роже и перестал разговаривать. Совсем.

— Это было бы правильно, но не совсем честно. Потому что я понимаю, чью боль ты не можешь простить моему брату. К счастью, мы оба не слепые. Поверь, Номар сам все исправит. — Юная леди мягким жестом отвела его руку от своего лица. Слезы давно высохли, вытирать было нечего.

— Значит, ты не...

— Не очень. И вообще, ты меня праздновать позвал, или...

— Праздновать. А получилось демоны знают что, как всегда.

— Тогда пошли нырять, а то солнце скоро сядет, — Тайри сбросила туфли, подобрала подол платья и побежала по знакомой с детства тропинке.

Вечер был теплым, запеченные на углях моллюски — вкусными, а прихваченное с собой вино — терпким. Тром все пытался ее рассмешить, рассказывал бородатые и не очень студенческие байки, потом умолк, сел напротив и стал просто смотреть на Тайри. А она смотрела на звезды, отражающиеся в спокойной воде лагуны, на далекий маяк, на пляшущий

огонь — только не на него. Альге-младший дорого бы дал, чтобы узнать, где бродят ее мысли. Видимо, на что-то решившись, он встал, подбросил в костер веток и уселся, тесно прижавшись плечом к плечу Тайри.

— Тайо... — Он повернулся, неловко обнял ее и тут же бессильно уронил руки.

— М-м-м?

— Я... хотел поцеловать тебя. Но не могу. Потому что целовать можно того, кто рядом, здесь, близко, — От волнения и разочарования ему было трудно говорить связно. — А тебя нет, ты где-то... Здесь тело, но мне нужно не только и не столько оно.

Тайри не пошевелилась и ничего не ответила, потому что Тром был прав.

— Ничего, я подожду, пока ты вернешься — совсем, навсегда. Я умею ждать. Ты сказала: мы оба не слепые. Значит, сама все видишь. И сама придешь, рано или поздно. Возвращайся!

Юноша вскочил и побежал по тропинке вниз, к пляжу. Тайри подумала, что ей и вправду пора возвращаться. Домой. День рождения старого друга получился, мягко говоря, странным. Впрочем, что у них с Тромом не странное? Нельзя было соглашаться, нельзя было приходить на этот берег, на высокую, нависающую над лагуной скалу. Теперь ей виделся лишь один возможный вариант: сюда можно и нужно прийти с Номаром. И только с ним.

**** *
**** *
**** *

Дома ждала записка от наставника, до невозможности краткая: "Вторник, обычное время, Академия". Почерк был знакомый, только какой-то неуверенный. Буквы приплясывали и норовили завалиться не в ту сторону. Похоже, что мастер Троп писал левой рукой. А что же случилось с правой?

Задерживая плотные шторы на окне, чтобы разгорающийся рассвет не мешал засыпать, юная леди Даллет думала, что все на свете исправимо, кроме, пожалуй, смерти. Руку можно вылечить, отношения — выяснить, позабытое — вспомнить или выучить заново. Нельзя только вернуть ушедших, даже просто для того, чтобы сказать, как дороги они нам были...

Как Тайри и предполагала, правая рука наставника, кое-как забинтованная, покоилась на перевязи. На скуле красовалась ссадина, вокруг которой невероятными оттенками лилового расплзся синяк. Ближе к подбородку алел плохо залеченный шрам. На левой руке костяшки были основательно сбиты.

— Вас тоже не следовало оставлять без присмотра, мастер, — вместо обычного приветствия произнесла ученица. — Кто осмелился?

— Да те же самые... милые люди, — шевельнул здоровым плечом ваюмн, — подкараулили у самого дома, а я после прогулки в этот очаровательный городок и мухи не способен был прихлопнуть. Хорошо, стража подросла. Ваш лейтенант, кстати, дежурил.

— А почему вы до сих пор не у целителя? Ваш заказчик, полагаю, мог бы найти приличного.

— Я вас ждал. Возможно, я другим просто не доверяю. — Улыбка у него тоже вышла вымученная, видимо, болела припухшая щека.

Тайри укоризненно посмотрела на своего наставника, потом сказала решительно:

— Стойте спокойно. Я посмотрю.

Чары познания показали еще два очага боли: сломанное ребро и очень серьезный ушиб. Похоже, и без того обессиленного ваюмна били ногами. И как еще внутреннее кровотечение не началось... Слава Творцу, все поправимо, все можно вылечить без следа — даже с её опытом.

Через час юная леди Даллет с чистой совестью и гордостью за хорошо сделанную работу, любовалась результатом. Её мастер был "как новенький": никаких следов на лице, обе руки по-прежнему ловки, и снова можно спокойно дышать и смеяться. Так приятно было видеть, как уходит из его глаз напряжение, а из позы — скованность. Как улыбка становится настоящей, и можно больше не замирать и не прикусывать губу, чтобы сдержать стон. Вот так...

Наставник расправил плечи, с удовольствием потянулся, вдохнул полной грудью. А потом поймал обе ладони своей целительницы и нежно поцеловал их.

— Спасибо вам, Тайри. Вы волшебница.

— Как и вы, мастер. Такими уж мы родились, — рассмеялась девушка.

— Вовсе нет. В сущности, что я умею? Только ходить по тропам, строить порталы и учить этому других. А вы... возвращаете людям радость чувствовать себя прежними — невредимыми, здоровыми, ничем не скованными. Теперь я понимаю, почему так расстроился милорд Эйтан. Я украл у него целительницу, каких не видели последние лет сто, уж поверьте. Подозреваю, что и боевые маги неспроста вздыхали.

— Вы меня захваливаете, мастер, — смутилась Тайри, — Тропы я выбрала сама, тут уж остальным наставникам не повезло изначально.

— Ну, раз так... — Наставник понял, что все еще держит ее руки в своих, спохватился и отпустил. — Я полагаю, что нам пора попробовать свои силы на этих самых Тропах. Я давно хотел показать вам одно удивительное место, расположенное, если так можно выразиться, недалеко от вашего мира. К субботе, пожалуйста, подготовьтесь. Это будет небольшой, но самый настоящий поход, и опасности там будут тоже настоящими. Будьте добры, внимательно отнеситесь к своей физической форме и Потокам, питающим ваш дар. Не забудьте "закрыться", я лично проверю, как вы это сделали.

— Разумеется, мастер. Мне вовсе не хочется кормить Тропу своими силами.

— Вот и прекрасно. Кроме того, выбирая экипировку, не забудьте о том магическом оружии, которое не требует привязки к Потокам. Артефакты-резервуары придутся весьма кстати. Ну и об обычной пище и воде тоже следует помнить. Усвоили?

— Да. Оружие такое найдется, а вот резервуары — вещь редкая. Немногие маги брались за их изготовление. У нас это считается как-то... несолидно, что ли. Дурной тон.

— Да, я помню, один из моих знакомых утверждал, что такие артефакты — это костыли для слабаков и неумёх, кому не под силу совладать с Потоками. Это все от того, что вы живете в мире, очень щедро наделенном магией, и мало кто оказывался в ситуациях, подобных истощению на Тропе.

— Именно так большинство и считает. Но мой дед умел такие вещи делать, хотя ни первым, ни вторым не был и в костылях не нуждался. Остались записи, я разберусь.

— Разберетесь, но уже после похода. Эксперименты с незнакомыми чарами отнимают много сил, а времени у нас мало. Не успеете восстановиться — на Тропу не пойдете. Разве что остались где-то готовые артефакты, созданные вашим дедом.

— Я спрошу отца и дядю. Скорее всего, у него они и хранятся, — кивнула Тайри, — а сегодня мы чем будем заниматься?

— Сегодня? Считайте, что вы сдали еще один зачет по искусству исцеления. Пойду к мастеру Эйтану — похвастаюсь, — улыбнулся наставник.

— Не надо, не дразните старика. Он и так каждый раз вздыхает.

— Полагаете? Хорошо, не буду. Жду вас в субботу.

Мастер Гайдиар долго смотрел вслед уходящей ученице, потом закрыл лицо руками и прошептал едва слышно:

— О Пресветлые и ты, неведомый Творец, дайте мне сил не переступить запретную черту. Я креплюсь, но я слаб...

А потом достал из шкафа дорогой парадный камзол. Предстоял визит к тому, кого они с ученицей осторожно именовали "заказчиком". Мастеру обещали помощь в поисках — в качестве платы за опасное путешествие в мертвый город.

Они ехали уже второй час. В карете с плотно задвинутыми шторками было душно, от запаха парфюма сопровождающих у мастера разболелась голова, но он не произнес ни слова. Просили соблюдать молчание — будем. Чего не сделаешь, почти уверившись в тщетности собственных попыток... Хотя, конечно, достаточно глупо везти мага в закрытой карете — при желании дорогу он преспокойно запомнит. Но если кое-кто не хочет на показ выставлять некоторые... знакомства, значит, имеет к этому все основания.

Последнее время у ваюмна появилось ощущение грани, к которой он неизменно приближается. Шагнув за нее, он лишится всего: доверия людей и богов, смысла жизни, а, скорее всего, и самой жизни. Поэтому он готов был пойти на любые условия и жертвы.

Карета остановилась, ваюмну завязали глаза и осторожно повели вниз по лестнице. Мастер мысленно усмехнулся: магу далеко не всегда нужны глаза. Он и так чувствовал все здешние Потоки, необычную ауру этого места: старые камни, носящие отпечаток, который невозможно перепутать. Когда-то, очень давно, здесь обитал некто куда более могущественный, чем люди. Увы, большая часть соотечественников Тайри и думать забыла о существах Тонкого мира, а в храмы ходила скорее по инерции. Но не все Рожденные ушли и не все Сотворенные исчезли. Здесь помнили о Драконах. Ваюмн не был уверен, что первые из Сотворенных до сих пор живут среди людей и приносят какую-то пользу миру. Что может быть общего у древних и очень могущественных Крылатых со слабыми и хрупкими существами, живущими слишком мало? Кроме того, в его родном мире о них и вовсе предпочли забыть. То ли не сохранились легенды, то ли люди по какой-то причине решили вычеркнуть их из памяти поколений. А Пресветлых никто и никогда не смел ни о чем подобном спрашивать...

— Осторожно, мастер, здесь стертые крутые ступеньки, — предупредили его. В лицо пахло прохладой: видимо, лестница уходила под землю. "Привязанный" Короткий переход или просто подвал?

Спуск закончен, они шли широким гулким коридором. Сквозняк, тянувший навстречу, пах вовсе не подвальной сыростью, а дождем и скошенной травой. Камень под ногами сменился чем-то мягким, глушащим шаги.

— Благодарю вас, милорды. Оставьте нас. — А вот и знакомый голос, все такой же мягкий и обволакивающий. У отца его обладателя был иной — глухой и взрыкивающий, от чего собеседнику сразу становилось не по себе. Ловкие пальцы коснулись туго завязанного на затылке узла, и повязка скользнула на пол.

— Благодарю вас, ваше величество.

— Не за что, мастер. Простите, что пришлось везти вас вот так, по старинке соблюдая секретность, но лучше вам не знать, где находится это мое убежище. Вы, наверное, почувствовали уже, что даже Потоки здесь почти не ощущаются. — Рикарт ор Льюфф взял со стола изящный серебряный бокал, протянул ваюмну. — Насколько я помню, золотистое гьяттское вы предпочитаете другим винам.

— Благодарю еще раз, государь, но, с вашего позволения, не сейчас. Я хотел бы все услышать на светлую голову.

Император вернул бокал на место.

— И то верно. Тогда — к делу. Чтобы я смог увидеть то, что вы ищете, советую вам как можно точнее сформулировать вопрос. Задавать его вы будете не мне — стихии. Поверьте, я очень хочу, чтобы ваша ситуация прояснилась, и ответ был бы точным. Насколько нам позволят.

— Я постараюсь, ваше величество.

— Не скрою, мне будет очень жаль расстаться и с вашими соотечественниками, и с вами лично, мастер. Мое ученичество у вас было кратким, но дало мне очень много.

— Это так, ваше величество, как только я найду искомое, я должен буду покинуть вас. Все, кто... выполнил подобную миссию, уже давно вернулись к моему народу. Мне пока эта дорога неведома, как и тем, кто решил меня дожидаться. А на счет вашего ученичества... Мне, к несчастью, ничему новому не удалось научить вас. Вы все уже умели сами, — печально вздохнул ваюмн.

— Это как посмотреть. Для меня, например, было открытием, что такие, как я, пожизненно прикованы к миру, и тропы мне недоступны. Как и моему отцу, и сыновьям. Благодаря вам мне удалось понять и принять это.

— И другим, связанным древней клятвой и прошедшим Посвящение.

— Помните, как я мечтал побывать в Роневене, Антенее, Орли-он-Тане, в этой вашей Таверне, на Серебряном берегу и в Темном ущелье... — Император грустно улыбнулся. — Спасибо, что позволили увидеть эти места вашими глазами.

— За что же тут благодарить, государь? За то, что лишь раздражил вашу жажду знаний и путешествий, и без того неутоленную, одновременно доказав невозможность достижения цели? Поверьте, я очень хорошо понимаю, каково это: знать, что мечта недостижима. Хотя, на первый взгляд, стоит лишь протянуть руку, и... Это больно.

— Вот за это я и ценю вас, мастер. Вы никогда не кривите душой, по крайней мере — со мной. Полагаю, именно поэтому нам до сих пор так легко понимать друг друга. — Его величество задумчиво потер лоб. — Скажите, а с вашей новой ученицей вы так же хорошо ладите?

— Да, государь. Некоторые вещи она отслеживает на уровне интуиции, что-то просто принимает, как аксиому, и это абсолютно естественно вписывается в картину ее восприятия. Она удивительно хорошо чувствует мир, и у нее прекрасная память.

— Плюс великолепная выучка чуть ли не с рождения. Ее матушка из Лесного народа, к тому же жрица Ордена Гарды. Вы знали об этом?

— Коллеги "просветили", чтобы я не слишком обольщался, когда меня пригласили в Академию. Отсюда и ее великолепные целительские способности.

— Которые вы уже успели испытать на себе, — не то спросил, не то констатировал император. — Не смотрите на меня так, мастер. Мои люди присматривали за вами с момента возвращения из Кер-Алессы. Как я теперь знаю — не слишком усердно, за что и поплатились. Стража и то оказалась оперативнее. Никому нельзя доверять... Вам, конечно, досталось, но двое из троих наемников тоже получили изрядно. Во всяком случае, не хотел бы я подвернуться вам под горячую руку. Которую, я смотрю, вам уже вылечили.

При этих словах ваюмн как-то очень тепло улыбнулся, а его величество удивленно поднял бровь: что-то мастер Гайдиар на себя не похож. Или есть вещи, которые не

исцеляются?

— Пойдемте, мастер, пришло время ваших вопросов. Сосредоточьтесь, — мягко произнес император и легко шагнул под темные своды древней арки. Зеленый упругий мох заглушил его шаги.

Мастер Гайдиар стряхнул неуместную сейчас мечтательность и пошел следом, мимолетно отметив, что в этом святилище, кроме самих Льюффов, вряд ли побывало с десяток людей. Чужих "отпечатков" это место накопило немного. Серый гранит, едва обработанный, низко нависал над их головами. Посреди небольшого зала, тускло освещенного полудюжиной самых обычных факелов, стояла полусферическая купель из нежно-синего камня, высотой по пояс человеку. Вровень с краями отражала оранжевые блики пламени темная, точно маслянистая вода. Пахла она, как ни странно, морем, ветром, водорослями — ни с чем не сравнимой свежестью. А насколько она была соленой, говорила толстая корка кристаллов на бортике и боках чаши.

Император сбросил колет и шелковую рубашку. На груди и плечах медленно проступил легкий серебристо-голубой рисунок, похожий на крупную чешую. Руки выше запястий охватывали широкие браслеты темного серебра. Он подошел к чаше, спокойно положил ладони на бортик.

— Спрашивай, ищущий ответа... — голос монарха стал тих и легок, словно отдаленный шум прибоя. Его устами сейчас говорила материнская стихия. На ваюмна взглянули странные глаза без белков, в которых плескалась самая чистая океанская волна.

— Есть ли где-то в этом мире существо, которое несет в себе половину моей крови, похожее на человека и на тиншельта одновременно? Где мне искать его?

Император осторожно зачерпнул воды в ладони, пригубил, и остальное бестрепетно плеснул себе в глаза. Капли звонко ударились о поверхность воды, факелы ярко вспыхнули чистым белым светом.

— Нет, — ответила стихия устами монарха, и слово упало, точно камень, — но я чувствую его где-то рядом, здесь и не здесь. Там нет воды, но она там была в день, когда существо появилось, и вода запомнила. Оно... она спит, но скоро проснется. Ваша встреча будет через десяток лун, может, немного больше.

Вода в чаше зарыбила, будто под ветром. Мастеру Гайдиару показалось, что он оказался в прибрежном гроте в солнечный день. Голубые блики плясали на стенах, где-то рядом мелкие волны шуршали галькой. Вода струилась с волос императора, стекала по груди, яркими сияющими каплями выстукивала завораживающе простую мелодию.

— Идите, мастер. Позади вас Короткий переход, он выведет вас к дому. Я должен остаться один.

Ваюмн понял, что любые слова сейчас излишни, глубоко поклонился и вышел, не оглядываясь. Монарх, грустно улыбаясь, смотрел ему вслед. Потом протянул руку, погладил воду, точно большого и дружелюбного пса. Прислушался то ли к далеким крикам чаек, то ли к самому себе, и, легко оттолкнувшись, рыбкой нырнул в середину купели. Разбежалась кругами вода, плеснула через бортик, и солнечного грота как не бывало. Серый гранит, чадающие догорающие факелы и огромная синяя чаша с темной водой.

Мастер Гайдиар, отпирая ключом дверь своего дома, не мог избавиться от мысли, что император сделал больше, чем он просил. А значит, остался долг, который он, мастер Троп, во что бы то ни стало должен отдать.

Дни, которых и было всего-то ничего, оказались расписаны по минутам и потрачены на тренировки и подготовку к походу. Ночи... Ночами следовало спать, но Тайри удавалось полностью сосредоточиться только поздно вечером, когда все домочадцы отправлялись отдыхать, и наступала тишина. Именно тогда начиналась работа с Источниками и упражнения, позволяющие "запечатать" все каналы силы. Зато в субботу утром Тайри с полной уверенностью могла сказать, что готова к опасному путешествию. Огорчало одно: юной леди Даллет не удалось убедить дядю доверить ей один из сотворенных дедом артефактов. Правда, он пообещал, что изготовит для нее персональный — по дедовским записям. Камень должен был не только сохранять накопленную силу, но и уметь по каплям собирать ее, где возможно. Про еду и воду Тайри чуть не забыла, но верная Одри позаботилась об этом сама. Утром молодую герцогиню ждал тщательно уложенный заплечный мешок и две фляги с водой.

— Расскажите потом, где побывали, миледи? — спросила деревенская колдунья, помогая Тайри удобнее приладить мешок на спине, — любопытно, аж сил никаких нет.

— Конечно, расскажу. Наставник сказал, что хочет показать что-то интересное, значит, это не секретное задание. Никаких тайн не будет, — улыбнулась Тайри. — Одри, сегодня тревожных знаков не появлялось? Никто в окна не заглядывал?

— Я бы сразу сказала, миледи, и не пустила бы вас одну. Еще и Габриэля позвала бы. Хватит вам прошлого раза, — серьезно ответила девушка.

Младшая леди Даллет обняла колдунью:

— Спасибо, Одри! Я обязательно буду прислушиваться к твоим советам.

— Удачи вам на Тропе, госпожа моя. Мы все вас будем ждать. Знали бы вы, как ваш отец волнуется каждый раз, когда вы...

— Знаю, Одри, только ты ему об этом не говори. Он изо всех сил старается показать, что перестал за меня бояться лет десять назад. До свидания.

Уходя, Тайри почувствовала спиной не только взгляд провожавшей ее до дверей Одри. С балкона, из-за увитых цветами колонн, смотрела мама. На ступеньках оранжереи грелся на солнышке лейтенант де Рейвен, а в окно кабинета глядел вслед отец. Именно поэтому она не обернулась (плохая же примета!), но старательно помахала рукой.

Наставник сидел за столом и что-то писал. Не отрываясь от своего занятия, он кивнул Тайри на стоявшее рядом кресло. Девушка бесшумно примостилась на краешке — нормально устроиться не давал дорожный мешок.

Мастер Гайдиар отложил перо и с улыбкой спросил:

— Отважная исследовательница Троп в полной боевой готовности, как я вижу?

— Думаю, да. Увы, артефакт, о котором мы в прошлый раз говорили, раздобыть не удалось.

— Ничего страшного. Надеюсь, нам не придется даже вспомнить о нем. Посидите смирно, я проверю, хорошо ли вы запечатали каналы силы.

Тайри замерла, даже дышать старалась реже. Наставник же просто смотрел на нее долго и очень внимательно, никакой магии ученица не почувствовала.

— Что ж, все хорошо, даже придраться не к чему. Раз мы готовы, надо отправляться. Не стоит терять время, — сказал он, поднимаясь. Подхватил с пола мешок, нарочито театрально

повел рукой. — Прошу вас, леди...

Легкая жемчужно-серая арка воздвиглась прямо посреди кабинета.

— Как вы помните, войти на Тропу можно где угодно, — напомнил наставник, — а вот ближайший привал будет нескоро.

До обещанного привала Тайри успела не просто устать — вымотаться. Тропа сегодня была куда менее дружелюбна, чем в прошлый раз. Идти по пружинящей под ногами серой "шкуре" стало необычайно тяжело, а мастер не давал замедляться, наоборот, увеличивал темп. Разговаривать было некогда, да и не удобно: рядом идти не получалось, потому что тропа сузилась до предела. Казалось, что туман цепляется за плечи и тянется потом длинными неопрытными нитями, будто старая паутина. Наконец, сбоку возник круглый "лаз", куда можно было пройти, лишь согнувшись в три погибели. По этой норе они почти бежали, и Тайри начала мечтать о том, как здорово было бы упасть где-нибудь на мягкую травку, вытянуть гудящие ноги, распрямить затекшую спину и больше никуда не идти...

В общем-то, так и получилось, только вместо травы оказался тончайший серебристый песок, а где-то рядом шумело море. Прибой звучал незнакомо, выговаривал чужие слова — едва слышно, на выдохе, точно у него не осталось сил. А над всем этим висело низкое блекло-голубое, какое-то выцветшее, небо, с которым что-то было не так. Юная леди Даллет не сразу поняла, что на нем не было солнца, облаков, птиц... вообще ничего. Странная пустота царилла вокруг, и от этого печалью и холодом сковывало сердце.

— Какое удивительное место, — вздрогнув, сказала она, — никак не могу понять, что оно мне напоминает. Скорее всего, незаконченную акварель. Или художник рисовал по памяти виденное им давным-давно, а детали забылись. Он очень расстроился, бросил кисти и ушел.

— Интересные у вас сравнения, миледи, кстати, очень верные. Дело в том, что это — осколок некогда существовавшего мира. Возможно, последний. Не знаю, каким мир был раньше и почему стал разрушаться, но ощущение изначальной незавершенности возникает у всех, кто смог побывать здесь. Лично я думаю, что вновь созданный мир просто некому было хранить и созидать дальше.

— Он не был населен разумными существами?

— Наверное, и неразумными тоже. В любом случае, мы уже не узнаем. Этому осколку недолго осталось, вряд ли больше сотни лет. А жаль... — искренне вздохнул наставник. — Здесь хорошо отдыхать.

— И думать. А рассеянная в воздухе печаль ничуть этому не мешает.

Наставник кивнул, поднялся и протянул руку своей ученице.

— Вставайте, миледи. Пойдем, поздороваемся с морем. Это тоже надо видеть.

Тайри не задумываясь вложила пальцы в сильную ладонь ваюмна. Прикосновение оказалось неожиданно горячим. Резвые ручейки силы — незнакомой, обжигающе-шипучей и чуть пьянящей — побежали под кожей руки вверх и дальше, к сердцу. Девушка лишь удивленно подняла брови, но спрашивать ничего не стала. Наставнику виднее, он уже не раз бывал в этом странном месте и, наверняка, знает, как надо действовать. Через несколько минут она поняла, зачем мастер это сделал.

Пляж был пустынным. Чистейшие изумрудные волны накатывали на серебристый песок, рисуя неровным почерком размытые письмена. Смотреть на линию горизонта было невозможно, потому что ее не было. И вода, и песчаные дюны справа и слева тонули в синеватой дымке, местами будто разорванной сильным ветром. В прорехи лез знакомый

белесый туман, окружавший Тропу, а выше, ближе к предполагаемому зениту, проглядывала тьма с чужими неяркими звездами. Этот осколок мира, несмотря на подступающее со всех сторон небытие, был прекрасен. А еще он очень не хотел умирать. Над серебряными дюнами и зелеными волнами висел немой вопль о помощи. Тайри никогда не думала, что неживое может быть таким: испытывать страх, иметь страстное желание выжить и способы это выразить. От пронизывающей все вокруг немой боли душу выворачивало, настолько четко ощущалась неизбежность конца и полная невозможность хоть как-то это остановить. Разум же отказывался понимать, как можно было бросить свое творение на произвол судьбы, оставив таким беззащитным, безропотным, безымянным... Безымянным?! Не в этом ли все дело? Недаром же самые древние священные книги, начертанные еще резцом на каменных табличках, утверждают, что вначале было Слово. Этот умирающий мир, видимо, так и не получил собственного Слова в великой книге Творения. Не дописали, небрежно зачеркнули, выбросили из головы и спокойно начали с красной строки...

— Как... как зовется это место, мастер? — с трудом проглотив вставший в горле комок, спросила Тайри.

— Мы зовем его Серебряный берег.

— Это не имя, это описание, — ученица сделала несколько шагов, утопая по щиколотку в мокром песке, коснулась воды пальцами, а потом зачерпнула полную пригоршню и плеснула себе в лицо. Вода нещадно щипала широко раскрытые глаза, стекала по щекам, оставляя мгновенно высыхающие соляные дорожки. Ваюмн же пытался унять бешено скачущее сердце и думал, что ученица точь-в-точь повторяет чужие действия, уже виденные им недавно. Но ведь вода — не ее стихия, откуда ей знать!

— Вингшалья, — четко и звонко произнесла Тайри, и, точно в ответ, прилетел порыв теплого ветра. Поднял на берегу песчаный смерчик, пригнал ровную волну, облизавшую сапоги путешественников. Что-то изменилось, где-то затрепетало, отзываясь на имя, чужое непонятное сердце. Какие-то неведомые смертным силы, что лежали нетронутыми с момента творения, проснулись и пришли в движение. Увы, мир уже не вернуть, но последний его осколок проживет теперь несравненно дольше и не сгинет без следа и памяти. Печаль не исчезла, но отступила. Она больше не была всепоглощающей. Людям стало легче дышать, небо над головой стало выше и ярче, а дымка сделалась на мгновение прозрачной и показала пусть не горизонт, но все еще живую память о нем.

— Пойдемте к нашим мешкам, мастер. Такую встряску надо срочно чем-то заесть, а похорошему, надо бы запить ее чем покрепче... — сказала леди Даллет, не глядя на наставника.

— Зато вы теперь будете знать, что кроме Таверны есть еще одно место, абсолютно для вас безопасное. Прислушайтесь, как все здесь лучится благодарностью к вам, — мягко ответил ваюмн.

— Творец с ней, с благодарностью, — вздохнула девушка, — я к ней пока не готова. Не в моих силах дать этому миру что-то еще.

— Возможно, на вашем пути попадется именно тот, кто ему необходим. Приведете его сюда.

— Хотелось бы.

Мастер вытащил из кармана плоский стеклянный флакон и наполнил его морской водой.

— Я несколько раз пытался принести домой воду из этого моря — безуспешно. Даже

кристаллика соли на дне не оставалось. Я уже решил, что оно стало совсем прозрачным. Попробую еще раз, вдруг получится?

Тайри лишь пожала плечами. Вряд ли Вингшалья теперь будет жадничать.

Тропа подсунула им неприятный сюрприз буквально в двух шагах от оставленного Серебряного берега. "Почва" под ногами стала твердой, бугристой и резко пошла под уклон. Туман уплотнился и потемнел, появились запахи — вполне знакомые. То тянуло костром и подгоревшим мясом, то гнилым болотом, то жарко нагретыми смолистыми деревьями, как на южных островах. Мастер глухо ругнулся и потянулся к фляге с водой.

— Что случилось? Я могу помочь? — осторожно спросила Тайри. Прямой угрозы мастеру она пока не чувствовала.

— Ничего страшного, просто от этих испарений у меня всегда перехватывает горло. Тропа подсутила и подсунула нам не самое приятное место. Будьте начеку, миледи. Это Темное Ущелье.

Если верить свидетельствам, раскопанным в старинных фолиантах братом Тайри и недавним рассказам ее наставника, "не самое приятное место" звучало для Ущелья как комплимент. Если серебряные пески Вингшальи были сотворены кем положено в глубокой древности, то Ущелье — плод усилий нескольких весьма могущественных существ, среди которых были и люди. Многие из них являлись детьми Тьмы — в самом первоначальном ее смысле, а другие имели отношение к силам Отступника. В одной из легенд говорилось, что он повелел своим приближенным создать между мирами крепость, которая, в отличие от Таверны, имела бы постоянное место, служила бы маяком и оплотом для тех, кто стремится влиться в ряды его армий. Такую крепость создали, поначалу все было, как задумывал Отступник, а потом... потом всем стало понятно, что настоящее соиздание им не под силу. Крепость разрушилась, а вот клубок многократно переплетенных чар, завязанных на украденном из какого-то мира куске местности, стал Ущельем. Путникам виделась довольно широкая каменистая тропа и высокие склоны по обе стороны от нее, заросшие то кривыми деревцами и густым безлистным кустарником, то стройные тонкие стволы со спрятанными в тумане кронами. За этой растительностью могло скрываться что угодно: от невесть как попавшего сюда матерого хищника до вашего собственного овеществленного кошмара. Если уж тебе не повезло повстречать на Тропе это место, будь крайне осторожен и очень быстр...

Между тем, тропа стала совсем уж неудобной, уступами спускаясь в некое подобие сырого оврага, норовя подставить по ноги самые скользкие и шаткие камни. Внизу оказалось мокро, к тому же все дно заросло жгучей болотной травой, продираться через которую было небезопасно. Ваюмн извлек из мешка тщательно упакованный длинный изогнутый клинок, больше похожий на серп, а потом и разделенное на три части древко. Ловко собрав не то копье с широким лезвием, не то подобие косы, он быстро расчистил дорогу и кивнул ученице:

— Быстрее, пока трава не высохла. Чувствуете горячий ветер? Если она высохнет, надышимся пылью и умрем, противоядия не существует.

Они снова лезли вверх, потом шли след в след в странных зарослях. Такими были бы ели и сосны, пожелай они родиться низкорослыми кустарниками. За ними угадывались в дымке тонкие стройные стволы здешних лесных гигантов. Иногда Тайри казалось, что кто-то идет параллельным курсом по другой тропе там, за деревьями. Она понимала, что тропа здесь одна-единственная, но все равно тревожно оглядывалась.

— Тоже заметили? — спросил ваюмн, отследив очередной взгляд в серо-зеленую

мглу, — это здешний хозяин. Чем-то мы его заинтересовали.

— Хозяин? Как в Таверне?

— Почему нет? Лично я полагаю, что подобные места продолжают свое существование только благодаря тому, что их кто-то удерживает собственной жизнью и силой. Иначе давно уже исчезли бы. Другое дело, что ему может от нас понадобится. Я никогда с ним не встречался, только видел несколько раз издали, как сейчас. Ну и слухи о нем самые смутные.

Тайри потянулась было к мечу, но наставник остановил ее:

— Не стоит, моя леди. Обнажать оружие без повода — дурной тон, даже в таком месте. На нас пока, слава Создателю, никто не нападает. А вот лекцию лорда Риэса об осторожности вспомнить нужно, особенно ту часть, что посвящена изучению противника.

Ученица понимающе кивнула. Лорд Риэс, один из молодых мастеров боевой магии, научил своих студентов многому, а уж эту пресловутую лекцию об осторожности требовал знать наизусть. Ибо ему самому несоблюдение важнейших правил стоило глаза, обожженной до углей руки и неизвестного количества нервов. Он так и говорил им: посмотрите на меня и запомните, как не нужно делать. Запомнили...

А на счет меча мастер, конечно, прав. Совершенно некстати вспомнилась читаная в детстве книга, где у какого-то барона был меч с надписью "не обнажай в тавернах". Интересно, что бы сделал хозяин Таверны с наглцом, посмевающим... Додумать она не успела. Болото кончилось, вокруг расстилалась уютная с виду полянка, поросшая странной сине-зеленой короткой травой. Серебристые стволы деревьев подступили ближе: стали видны неровности коры, трещины, сочащиеся черным густым соком. От одного из них отделилась долговязая фигура в тяжелом плаще, тусклых доспехах и странном шлеме с гребнем. В прорезях неярко светились голубым глаза здешнего хозяина.

Тайри и наставник молча поклонились, и тот поклонился в ответ.

— Приветствуем вас, почтеннейший.

— И вам здравствовать, путники. — Не голос — шелест ветра в сухой опавшей листве. — Что вы ищете в Ущелье?

— Ничего, почтеннейший. Мы шли своей дорогой, но Тропа соизволила пошутить. Мы просим прощения, что потревожили вас и ваши владения.

— Это не мои владения, маг. Ущелье существует по своим законам, оно лишь согласилось когда-то принять меня таким, как есть. А я хорошо изучил его привычки и стараюсь жить с ним в мире. Поэтому я не хочу, чтобы какие-нибудь одержимые Светом уничтожили его.

— И в мыслях не было, — мягко ответила леди Даллет. Шлем с двумя светящимися голубым огоньками повернулся в ее сторону.

— Красивая девочка... И честная. Ущелье запомнит тебя. А что у тебя во флягах?

— Вода... — растерянно ответила Тайри. Станный вопрос и странный интерес, хотя, кто их знает, этих темных рыцарей...

— Жаль, что не вино.

Ваюмн снял с плеча дорожный мешок и с крайне серьезным видом извлек из него небольшую деревянную фляжку.

— Не знаю, подойдет ли...

Рыцарь осторожно откупорил плотную пробку, поднес сосуд к забралу шлема.

— То, что нужно. Теплые горные склоны, светлый виноград. В этом вине живет память солнца, которого здесь нет и никогда не будет. Спасибо вам.

Тайри подумала, и, последовав примеру наставника, вытащила из мешка большое румяное яблоко:

— Оно, наверняка, тоже помнит.

— Несомненно. — Наверное, хозяин Ущелья довольно улыбался там, под резным забралом. — Ваша тропа там. — Он указал рукой в сторону чуть заметного прохода в почти сплошной стене деревьев. — Идите, пока Ущелье спит.

Не задавая лишних вопросов и не тратя времени на прощания, леди и ее наставник почти бегом устремились по указанной тропинке. А рыцарь так и остался стоять — с яблоком в одной руке и флягой в другой. Проводив взглядом неожиданных посетителей, он постелил на траву плащ, уселся и сложил рядом подарки. Подумал и снял шлем. Улыбка на жестком некрасивом лице была странно чужеродной, колючие голубые глаза под рыжеватыми бровями все также светились.

— Умная девочка. Я запомню...

Сотня-другая торопливых шагов, и под ногами снова пружинит знакомая "шкура". Тайри не думала, что так обрадуется Тропе.

— Интересно, что ж такого натворил этот темный рыцарь, что ни один мир его не принял, — задумчиво проговорил ваюмн. — Мне рассказывали, что он далеко не всех пропускает, нам повезло.

— Откупились, наверное. И никакой он не темный, солнца ему не хватает, да и себя прежнего, наверное, не забыл, — ответила ученица, — я бы присмотрелась к нему получше, да как-то неловко было... Это могло ему не понравиться. Но есть вещи, которые и слепой заметит. Вы же видели, какая сила его наполняет? Уверена, что к тому, чем награждает своих слуг Отступник, она отношения не имеет, но... Она слишком тяжела и холодна, и в ней что-то такое... невообразимо древнее.

Мастер Гайдиар кивнул, соглашаясь. Он тоже это ощутил. Нечто подобное он встречал, когда странствовал вместе со своим народом. Мир был стар, холоден и мрачен. Несколько дней отдыха не вернули силы измученным путникам, но подстегнули желание как можно быстрее вернуться на Тропу. В странных одиноких сооружениях, будто построенных гигантами, в горных ущельях, в темных озерах жило нечто невообразимо старое, равнодушное и холодное. Те, кто попытался с помощью привычной магии исследовать это, уснули и не проснулись. От такого соседства хотелось бежать как можно дальше. Определенно, здешний хозяин владел чем-то подобным. Или оно владело им.

Когда ноги стали проваливаться по щиколотку в знакомую тонкую пыль, мастер Тропы вытащил два куска тонкой ткани и вылил на них целую флягу воды.

— Нам еще долго идти. Закройте лицо, Тайри, станет легче, — сказал он, протягивая влажную "маску" ученице.

— А не проще каким-нибудь заклинанием?

— Это Тропа, леди, не забыли? Если не хотите подогреть ее аппетит — не колдуйте. Лучше потерпеть.

Леди Даллет не стала противоречить, попыталась замотать нижнюю часть лица так, как делали жители пустынь на Оставленном континенте. Подумала, насколько смешно она выглядит в эдаком украшении, но потом взглянула на наставника и отбросила эту мысль подальше. Но подобные повязки возненавидела сразу и навсегда. К тому моменту, когда обычная зыбкость тумана сменилась вполне устойчивым пейзажем, Тайри мечтала только об одном — содрать с лица без конца сползающую пропитанную пылью тряпку. Что она с

наслаждением и сделала, как только наставник остановился, оглядываясь и прислушиваясь к вполне живым звукам. Под ногами была уже не пыль и не "шкура", а обыкновенный булыжник, старый и затертый, вокруг — низкорослые кряжистые сосны, кусты с мелкой темно-зеленой листвой и гроздьями желтых ягод.

Мастер тоже избавился от повязки и попросил, бросив ткань на землю:

— Сожгите это, пожалуйста. Лучше не оставлять заметных следов, на Тропе мы или нет. Мало ли кому придет в голову поохотиться.

— Как это называется? — поинтересовалась Тайри, глядя, как исчезают в магическом пламени ненавистные тряпки.

— Это одно из самых спокойных, на мой взгляд, мест. По крайней мере, раньше так было. Мои соотечественники называют его Роневен.

— Раз есть дорога, значит, есть и люди, — подумала вслух ученица, — и о каком спокойствии тогда речь?

— Насколько я помню, город довольно далеко отсюда, почти день пешего хода — по словам местных жителей. Где-то еще разбросаны богатые усадьбы. Порталы здесь строить бесполезно — потоки слабы и хаотичны. Даже выход на Тропу построить не удастся, приходится возвращаться вот по этой дороге. Но какое-то свое волшебство у них есть. А в лесу живут довольно дружелюбные существа.оборотни, или, скорее, полиморфы. В вашем мире такого не встречается.

— Это как? — удивилась Тайри. Им с детства рассказывали, что оборотничество — способность превращаться в животных — осталось в далеком прошлом. Хотя, это как посмотреть... Скайяр, в сущности, тоже оборотень. С большой такой драконьей буквы.

— А так... — наставник устало улыбнулся, — превращаются во что угодно.

— Забавно. Значит, если я вдруг увижу перед собой второго вас, мне не следует удивляться.

Удивиться все же пришлось, когда неосторожно построенный у самой дороги муравейник вдруг пополз им навстречу, а потом неуловимо вытянулся, "потёк", превращаясь в невысокого, опрятно одетого юношу. Этот местный житель явно знал наставника в лицо: сразу заулыбался, а потом полез обниматься, для чего не очень-то рослому ваюмну пришлось согнуться. На леди Даллет он посмотрел с опаской, что-то спросил у наставника, после чего на лице паренька отразилась вся мировая скорбь. Тем не менее, юноша сделал два робких шага, подойдя почти вплотную к Тайри, и вопросительно на нее посмотрел.

— Обнимите его, — тихонько сказал ваюмн ученице, — они так знакомятся. Лицо можно изменить или натянуть чужое, а вот запахи и что-то еще, одним им ведомое, никогда. Один раз обняв, он вас ни с кем уже не спутает и не забудет.

Тайри послушно обнялась с незнакомцем: надо, так надо. В путешествии еще и не такое может быть. Паренек на секунду встретился с ней глазами и тут же густо покраснел. Ученица вопросительно посмотрела на наставника: что это с местным приключилось? Но мастер Гайдиар только плечами пожал, а юный оборотень, опомнившись, схватил своего знакомца за руку и потащил с дороги вглубь леса. Остановились они на небольшой уютной поляне с чудесной мягкой травой, о которой Тайри мечтала чуть ли не с начала путешествия.

— В свое селение они чужаков не водят, — сказал мастер, — а вот посмотреть на нас и обменяться чем-нибудь интересным приходят сюда. Я им обычно приношу семена или саженцы наших растений. Очень уж они это любят. Горюют каждый раз, что не все прорастает и приживается, но, увы, никогда с уверенностью не скажешь, как Тропа повлияет

на то, что по ней пронесёшь. — Он достал из кармана несколько аккуратных пакетиков, а из мешка — нечто, упакованное во влажную ткань.

Юной леди стало почему-то ужасно стыдно, что у нее нет с собой никаких подарков. Не артефакты же им раздаривать, в этом мире практически бесполезные. Как ни странно, руки нащупали на дне мешка горсть прошлогодних ягод шиповника. Точно, матушка перед какой-то их с Тромом вылазкой, подарила каждому по богато усыпанной плодами ветке — на удачу. И вот, поди ж ты, сохранились... Тайри вытащила усохшие ягоды и с удивлением обнаружила, что ни цвет, ни тонкий аромат никуда не пропали.

— Шиповник! — констатировал ваюмн, выхватив из ладони ученицы одну ягоду. — Судя по величине, южный, уккабский. Из сада вашей матушки?

— Откуда же еще. Год провалялся.

— А вот он-то здесь как раз может и прижиться. Знаю я эти лесные чары, после них семена в огне не горят... Очень кстати они у вас завалились.

Давешний знакомец привел на полянку еще двоих соплеменников: рыжеволосого здоровяка и тощего лысого старичка. После обязательных объятий эти двое немедленно занялись "подарками", разглядывая и обнюхивая чуть ли не каждое семечко. Дошла очередь и до шиповника. Старик долго рассматривал, катая на ладони, сморщенный оранжевый комочек, а потом смело закинул в рот и прожевал. С минуту сидел, прислушиваясь к своим ощущениям, потом расплылся в блаженной улыбке и что-то негромко спросил у ваюмна.

— Старейшина хочет знать, как выглядит само растение и что мы им лечим.

— Когда-то действительно лечили, а теперь все больше для красоты выращиваем, — вздохнула Тайри, — мамин народ считает, что, будучи посажен рядом с жилищем, шиповник охраняет от зла и приносит удачу хозяевам. А еще хорошо зимой из него отвары делать — силы поднимает.

Пока мастер Тропы старательно переводил, девушка сотворила простенькую иллюзию, чтобы показать новым знакомым, как растет и цветет шиповник.

Всю эту идиллию с подарками прервал приближающийся топот и чей-то душераздирающий вопль, почти мгновенно захлебнувшийся хрипом. Через поляну хлынул поток испуганных и растерянных лесных обитателей. Облик у некоторых тёк и менялся, другие превращались в нечто совсем уж ни на что не похожее. Наставник что-то спросил у старейшины, тот нахмурился и ответил, будто выплюнул слова, а потом перекинулся в крупного лесного кота и побежал в чащу — уводить своих.

— Это облава. С недавних пор все, кто меняет облик, объявлены людьми пособниками злобных божеств и подлежат уничтожению. Вот, и до наших лесовиков добрались. Плохие времена здесь настали, — пояснил ученице мастер.

— Мы можем что-то сделать для них? Запутать этих охотников, пустить по ложному следу, задержать, наконец?

— Увы, миледи. Они слишком близко. Слышите?

В общем-то, всадников было не только слышно, но и видно. Мелькали между деревьями силуэты облаченных в алое людей на крупных скакунах — длинноногих, со странными, очень вытянутыми головами и тонкими прямыми рогами. Стелились по земле поджарые пятнистые звери, напоминающие степных кошек ее родного мира. Тайри привыкла, что гончие — это собаки, с лаем окружающие добычу, и от вида беззвучно крадущихся кошачьих ей стало жутко. Она потянулась к Потокам, забыв, что это не ее родной мир, и, как ни странно, сплела упругую сеть, закрепив её на пути облавы. Наставник смотрел на леди

Даллет с нескрываемым беспокойством и толикой восхищения.

— Прошу вас, Тайри, осторожнее, не расходуйте силы понапрасну. Нам еще домой возвращаться.

— Ничего, как-нибудь дойдем. Не отдавать же лесных бедолаг на растерзание этим... — Тайри скривилась, как от зубной боли: сеть приняла на себя удар авангарда погони. Ваюмн подумал, что ее творение долго не продержится. Сбросил с плеч плащ, положил его поверх дорожных мешков, пристроенных у старого пня. Робкий солнечный луч обрезался о лезвия метательных ножей на перевязи наставника, испуганно отскочил и спрятался в листве.

Ученица наградила мастера уважительным взглядом и попыталась создать вторую сеть, не хуже его понимая, что одна их вряд ли спасет. Потoki были слабыми, рвались и рассеивались раньше, чем удавалось их связывать. Увидев в руках у всадников луки и арбалеты, Тайри не сдержалась и прошипела несколько слов, совсем не подходящих приличной девушке и уважающей себя леди.

— Если моя нелепая поделка продержится еще пару минут, я буду просто счастлива, — сказала она, — а вот против арбалетных болтов мы с такими чарами много не навоюем.

Леди положила узкую ладонь на рукоять меча, но ему суждено было оставаться в ножнах. Сеть лопнула. Все, что от нее осталось, удалось собрать в плотный, но, увы, совсем небольшой щит. Им уже что-то кричали, нацеливая оружие. С десятok пятнистых кошек припало к земле, готовясь прыгнуть.

Тайри недобро оскалилась и стала сама похожа на взбешенную кошку. Только что шерсть на загривке дыбом не стоит, и хвоста нет — по бокам себя хлестать. Хвоста нет, но есть кое-что получше, и шипеть она умеет не хуже... Взмах левой руки, пляска огненного бича по пятнистым шкурам и уродливым мордам скакунов. Облава с истошными воплями и рычанием откатывается на десятok шагов назад. Хвостатые ловчие кошки отползают за линию всадников и больше не высовываются. Что-то отрывисто командует человек в белой кожаной маске, всадники растягиваются, обходя двоих сумасшедших, заключая их в кольцо. Пляшут огоньки на обмотанных паклей остриях стрел, тонко поет воздух, рассекаемый арбалетными болтами. Не дожидаясь результатов, всадники в алых одеждах разворачиваются и исчезают среди деревьев, поторапливая рогатых скакунов. Огонь завершит начатое, рисковать ни к чему. Пламя разгорается быстро — сухой смолистый лес хорошая пища для него, но и какие-то чары помогают этому.

— Уходите на Тропу, Тайри. Пока здесь еще можно дышать, — очень спокойно произнес мастер Гайдиар.

— За кого вы меня принимаете, наставник? — не поворачивая головы, ответила Тайри. Пальцы сами собой нашаривают в подсумке нужную коробочку с заговоренным порошком и флакон с эликсиром. — Вы ранены. Дважды. Царапина погоды не сделает, а вот болт, что застрял у вас под ключицей... Я же чувствую вашу боль, мастер. И не собираюсь бросать вас здесь на верную смерть.

— Значит, собираетесь храбро и бессмысленно умереть в огне вместе со мной? — бесцветным как пепел и шершавым как наждак, голосом проговорил ваюмн, — или надеетесь, что Тропа смилостивится, откажется от любимого лакомства и пропустит нас, обожженных и раненых, домой?! Опомнитесь, леди, я прожил достаточно, а вы еще жизни не видели. Будьте добры...

— Будьте добры повернуться ко мне так, чтобы я могла осмотреть ваши раны.

— Тайри, я приказываю вам!

Она только бешено сверкнула глазами в ответ, разрезая пропитавшийся кровью рукав наставника. Взглянув на рану и не сдержав тяжелого вздоха, плеснула на глубоко засевший болт эликсир. Древко и наконечник истаяли дымом, порошок остановил кровь, а древнее заклинание, в которое целительница вложила все свое умение, закрыло рану.

— Вот и все, — тихо сказала леди Даллет, убедившись, что исцеление завершено.

— Вот и все... — тихо и безнадежно повторил наставник и закашлялся. Огонь подошел слишком близко.

Тайри сделала шаг к мешкам, где оставались фляги с водой и запасные куски ткани.

— Не стоит, — покачал головой ваюмн, — все равно не уйти.

Он притянул девушку к себе, крепко обнял, собирая все внутренние силы и мысленно выстраивая чары. Мастер Троп умел многое, о чем и не подозревала его ученица, хоть это и могло стоить ему жизни. Вот и сейчас он спешно готовился "вышвырнуть" Тайри на Тропу — как можно дальше от Роневена и как можно ближе к дому. Он хорошо ее учил, она выживет и вернется домой. Остальное не важно.

— Прости меня, девочка...

Перед глазами полыхнула нестерпимо яркая вспышка. Непонятно откуда взявшийся странный незнакомец с невероятно синими глазами по-дружески хлопнул его по плечу, погрозил пальцем Тайри и спокойно шагнул в огонь, широко раскинув руки — точно желая кого-то обнять. Пламя резко опало и стало ручейками стекаться к его ногам. А он стоял, оглаживал рукой яркие языки огня, так и льнущие к нему, и улыбался. Когда с пожаром было покончено, синеглазый обернулся к спасенным и поклонился — непринужденно, без капли самодовольства и рисовки.

— Рад служить вам, миледи, но очень прошу вас больше так не рисковать. Я мог и не успеть.

— Остановить пожар? — удивленно спросила леди Даллет.

— Спасти вас обоих. Мастер вытащил бы вас, но какой ценой... — незнакомец многозначительно взглянул на ваюмна, но больше ничего не сказал.

— Спасибо, Скайяр! — Тайри так ласково, так светло улыбалась их спасителю, что у наставника дрогнуло сердце. Кажется, подобные чувства называют ревностью?

А синеглазый усмехнулся по-доброму, явно все про них понимая, сделал шаг назад и исчез, будто его и не было. Даже следов на пепле не осталось, только медленно гас крупный сапфир-капля, такой же синий, как глаза странного человека, не боящегося огня.

— Мастер, отпустите меня, пожалуйста, — сдавленно проговорила Тайри, — я не убегу. Боюсь, это входит у вас в привычку...

Наставник опомнился, со вздохом уронил руки и смущенно отвернулся, пытаясь привести в порядок мысли и чувства.

— Он ведь не человек? — наконец, осторожно спросил ваюмн.

— Дракон, — спокойно ответила его ученица. Так спокойно, словно эти легендарные существа дюжинами на каждом углу встречались.

— Вот так просто...

— Так просто. Скайяр из дома Танцующих с Волнами. Крылатый из касты Воинов. Можно сказать, наш семейный хранитель, добровольно принявший служение роду моей матушки.

— Я думал, это всего лишь легенды... — Для мастера все услышанное было слишком

невероятно. Вот говорили ему, что ученики из старых династий — ходячие сюрпризы и кладези разных тайн, нет же, понесло его...

— Я тоже так считала, пока он не появился. А теперь полагаю, что и Хранители Миров — вовсе не сказка.

— У меня на родине тоже что-то такое рассказывали. Правда, когда есть возможность воочию видеть Предстоящих, такие сказки уходят глубоко на второй план, а то и вовсе становятся чем-то ненужным и несущественным, — пожал плечами наставник.

— Ну, теперь-то вы точно знаете, что драконы есть. По крайней мере, у нас.

Ваюмн молча кивнул, подумав, что лучше бы ему ничего об этом не знать. Потому что теперь придется задуматься, куда эти крылатые подевались в его мире, и каким образом складывались их отношения с Предстоящими. Но — не сейчас, не сейчас...

— Возвращаемся? — Тайри забросила на плечо дорожный мешок и подала наставнику плащ.

— Мне жаль, что наше путешествие оказалось столь опасным, Тайри.

— А никто и не обещал легкой прогулки, мастер, — спокойно ответила девушка, безошибочно выбрав нужную тропинку, ведущую к старой дороге.

Тайри уверенно шла впереди, меряя Тропу легкими шагами. Ничего не спрашивала и ничего не говорила, точно уже получила все ответы. А вот мастер с трудом справлялся с эмоциями: пытался избавиться от страха — не за себя, конечно, а еще от непонятной злости на синеглазого спасителя. Как, тьма его раздери, он сумел прочесть его намерения, точно открытую книгу! Ведь наставник старательно прятал их, чтобы Тайри не успела воспротивиться, не дать вышвырнуть себя на Тропу. Интересно, что еще сумел высмотреть этот дракон? И о чем догадывается сейчас его ученица? Надумала там себе Творец знает что... Хотя, если бы Творец знал, то не допустил бы подобного риска, да и его самого, бродягу без дома и мира, близко к ней не подпустил — и был бы прав...

Когда туманные стены Тропы сменились знакомыми серебристыми ивами Императорского парка, ваюмн спросил:

— Что-то не так, леди? Вас что-то серьезно огорчило, но я не вижу повода...

— Я вижу, мастер. Вы собирались спасти меня, заплатив за это совершенно неприемлемую цену. Не говорите ничего, я помню, что значит жизнь ученика для его наставника. Только ведь и обратное верно. И... это было бы напрасной жертвой, потому что... — Тайри не договорила, смутилась и опустила голову.

"Потому что ваш наставник — идиот, миледи. Он не слепой, не бесчувственный, не... Да много чего "не", но идиот, каких мало". Мастер, разумеется, ничего такого вслух не сказал, любые объяснения сейчас тоже были бы глупостью несусветной. По всем правилам наставник должен указать ученице на недопустимость подобных речей и настроить ее мысли так, как считалось правильным. "Тайри, выкиньте из головы всю эту чушь. К следующему занятию научитесь владеть своими чувствами и держать их в узде!" — вот что он обязан был сказать, но стоял, точно окаменев, пытаясь усмирить бешено скачущее сердце. Удержаться, чтобы не схватить на руки эту чудесную девушку с невозможными осенними глазами и не унести ее хотя бы на остров Юм, в давно оставленный дом... Его сдерживал только долг — единственный внутренний страж, который стойко держался. Однако, позабытый и почитаемый давно умершим отчаянный мальчишка, коим мастер Гайдиар был когда-то, воскрес, обрел прежнюю силу и ловкость и плевать хотел на правила, законы и традиции. Мальчишка был безумен, потому что влюблен. Как только Тайри подняла голову и

встретилась глазами с наставником, он ловко натянул шляпу Долгу на глаза, легонько оттолкнул и оказался в шаге от той, что лишила его разума. Последствия этого могли быть ужасными. Долг взвыл и бросился догонять...

Мастер осторожно обнял растерявшуюся юную леди и коснулся губами виска — там, где начинали виться непослушные локоны, и просвечивала голубая жилка. От ее волос пахло дымом и полынью. Этот тревожный запах заставил ваюмна с новой силой пережить страх потери, от чего он чуть не застонал в голос. Ваюмн вдруг понял: Тайри плачет — беззвучно, безутешно, лишь едва заметно вздрагивают плечи.

— Простите, я виноват...

— Ни в чем вы не виноваты. Вы же и так все знаете, мастер, — тихо проговорила его ученица.

— Да, знаю... — ваюмн отпустил ее, но Тайри не разжимала вцепившихся в его плечи пальцев, а оттолкнуть было выше всяческих сил, — Тайри, я же не каменный, и вы тоже. Только вот мы не имеем права. Я должен...

— И я тоже должна, но, очевидно, я все испортила.

— Бросьте, ничего вы не испортили.

— Правда? Тогда еще есть смысл постараться удержаться в рамках дозволенного? — как-то слишком безнадежно у нее это прозвучало. Так говорят о каком-то ужасно противном лекарстве, в действии которого не уверены, но пить-то все равно придется.

— Постарайтесь, моя леди. Потому как мои старания, увы, пошли прахом, — честно признался мастер, стирая с ее щеки разводы от слез, — ну и демоны с ними... Зато теперь вы будете знать, что потерять вас — это гораздо больше, чем потерять просто ученицу. Несравнимо больше. И будете беречься.

— Хитрость — не ваш конек, мастер, — сквозь слезы улыбнулась Тайри, — Но я не хочу причинить вам боль. Никогда. Ни при каких обстоятельствах.

Ваюмн хорошо помнил слова древней саламандры, что жила в очаге Таверны Кьялара. Все, что он мог дать своей ученице, своей любимой — это несколько месяцев, а потом — неизбежное расставание. Именно поэтому он решил, что Тайри должна знать всю правду о нем, о его оставленном мире, о долге и поисках. Да, это нарушение еще одной заповеди, но, снявши голову, по волосам не плачут...

— Послушайте меня, Тайри, — набравшись смелости, сказал наставник, — пока всё не зашло слишком далеко, нам нужно... Нет, это мне нужно очень многое вам рассказать. Вы же ничего не знаете обо мне, о моем прошлом...

— Значит, вы расскажете мне... потом. — Юная леди Даллет опустила голову. В шаге позади нее проступила жемчужная арка Короткого перехода.

— Хорошо... Пусть будет потом. Отдыхайте. А я жду вас через три дня в Академии, как обычно. — Больше всего мастеру не хотелось никуда отпускать свою ученицу.

— Теперь уже ничего не будет "как обычно", мастер, — печально ответила Тайри.

Ваюмн, сам не веря, что делает это, прижал ее ладонь к своей щеке. Девушка укоризненно покачала головой, быстро и легко поцеловала его — куда-то в уголок сложившихся, наконец, в нормальную счастливую человеческую улыбку губ, и, не оглядываясь, скрылась в арке перехода.

**** *
**** *
**** *

Если бы кто-то осмелился заглянуть в окно небольшого старинного дома в квартале Семи Гильдий, он бы увидел, как ваюмн меряет шагами комнату — час, другой, третий, не

замечая оплывающих и гаснущих по очереди свечей. Когда последняя из них, зашипев, угасла, он без сил упал на кровать. Лицом в подушку, чтобы никто, даже завладевшая комнатой темнота, не увидел безумного счастья, на нем написанного. Все что случилось с ним, похоже на сказку. Да — запретно, да — опасно, совершенно невозможно, безумно, неправильно, но... Он, Гайдиар, сын Венелла и Сиды, сын высшего Посвященного из главного храма Указывающего Путь и скромной служки из храма Щедрого Сердца, сам по себе был невозможным и неправильным от рождения. Верховный жрец не мог не то что полюбить — даже заметить простолюдинку, убиравшую цветами храм светлой Орсейи, Подательницы урожая, но это случилось. Их брак никоим образом не мог быть благословлен — однако оба Предстоящих сделали это. Дитя получило при рождении вместо одного таланта два — тоже крайне редкая история... До недавнего времени вся его жизнь в родном мире, всё, что случилось с ним вплоть до Долгого пути, не вспоминалось мастеру, не тревожило и вообще казалось полузабытым сном. Как же получилось, что он почти забыл сам себя? Кто хотел, чтобы то время стерлось из его памяти? И почему холодная и отстраненная, точно зимняя звезда, Предстоящая по имени Ноа Хранящая Знание, избрала именно его? Почему призвал не своего высшего жреца, а чужого посвященного далеко не первого круга? Воистину, цели Предстоящих не понять смертным.

С того момента, как он впервые увидел свою ученицу, жизнь наставника Гайдиара начала меняться. Он будто проснулся. Невидимые и неосязаемые цепи, сковывающие память и сердце, рассыпались невесомым инеем, и с каждым днем ваюмн чувствовал себя всё более живым. Так получилось, что странная девушка, которой зачем-то понадобилось научиться ходить по Тропам, вернула мастеру самого себя. Вышколенный мозг пока еще отказывался понимать, насколько это важно, а сердце уже захлебывалось от радости, зная, что случившееся — самый бесценный подарок, который может сделать один человек другому. Ведь теперь для него все возможно: искренний восторг, смех до изнеможения, страх потери, мудрое молчание вдвоем, слезы горя и радости, трепет и волнение. Разве это не прекрасно? И, видят Предстоящие и Творец, почитаемый здесь, он ни за что на свете не откажется от возможности быть с этой чудесной девушкой...

Сон не шел, мастер Гайдиар встал, зажег новые свечи и взялся за перо. К утру были готовы несколько писем, одно из них отправится в императорский дворец. Ваюмн еще раз внимательно изучил флакон с бледно-синей водой из нездешнего моря. Как немного нужно было миру, чтобы осуществиться... И как мало нужно было ему самому, чтобы стать настоящим, а не призраком себя прежнего. Всего лишь один человек рядом.

Тайри весь вечер пыталась не думать о последнем разговоре с наставником. Занимаясь обычными рутинными делами, приводя в порядок артефакты и оружие, отмокая в бассейне с теплой ароматной шипучей водой, она старательно отгораживалась от воспоминаний о сияющих серо-зеленых глазах и горячих, таких невероятно уютных, объятиях. Ей казалось, что отсутствие свободного времени — наилучшее лекарство от опасных мыслей. Составляя по свежим следам подробный отчет о случившемся с нею в путешествии, юная леди была абсолютно уверена, что победила собственное сердце. Выводы, сделанные после боя в мире Роневен, однозначно предупреждали: никогда нельзя расслабляться, даже если вокруг тишина и благолепие. Кто угодно может преподнести сюрпризы, и на Тропе, и здесь, в родном уютном мире.

Убедившись, что все возможные дела переделаны, Тайри отправилась спать — в самый подходящий час предраассветной тишины, когда ночные птицы уже не поют, а утренние еще

не проснулись. Уснула она легко, а утром встала в полнейшем смятении. Сон не запомнился, оставив только тяжелое ощущение того, что все рушится, и горькое отчаяние: ничего уже нельзя сделать... Все это было настолько острым и изматывающим, что молодой герцогине пришлось снова пройти ритуал восстановления. В противном случае с такой тяжестью на душе оставалось только шагнуть в пропасть с Дозорной башни или, сняв все щиты, выйти на Тропу.

"Собрать" себя удалось, методика древних была безотказна, но чуткая Одри все равно что-то уловила — во взгляде ли хозяйки, а может, в задумчивом ее молчании. За завтраком она несколько раз спросила, хорошо ли миледи себя чувствует, и не случилось ли чего вчера. Ни один ответ ее, похоже, не устроил, покачав укоризненно головой, она сказала:

— Лучше бы вы не таились, миледи. Может, мы вместе чего и придумали. А иначе как прикажете вас уберечь? Я матушке вашей обещала.

Тайри возблагодарила Творца за то, что леди Лиола накануне отправилась проведать родных в Золотую Адиру. С нее бы стало бесцеремонно заглянуть в сны, потом предпринять что-то, на ее взгляд правильное и полезное. Разумеется, не спрашивая согласия дочери. Когда это уккабские колдуньи с кем-то советовались? Кроме того, мать в ранге Наставницы — страшная сила. Мир по ветру развеет и не заметит.

А Одри услышала в ответ:

— Со мной и правда ничего не случилось. Кроме жизни.

Деревенская колдунья сочувственно вздохнула. Жизнь каждый живет, как умеет. Можно подставить плечо, но ни голову свою, ни сердце другому человеку не приставишь.

А в полдень у порога особняка Даллетов с роскошного жеребца спрыгнул императорский фельдъегерь.

— Послание для Тайонны-Ри, леди ор Даллет, — звонко сказал он отворившему дверь дворецкому, — лично в руки.

Проследив, чтобы удивленная и растерянная Тайри при нем распечатала и прочитала письмо с сине-золотым императорским гербом, он поклонился и исчез также внезапно, как и появился.

— Что пишут из дворца? — светским тоном осведомился лорд Даллет, издали наблюдавший всю эту ситуацию.

— Его хитроумное величество желает меня видеть, — сообщила его дочь, не почувствовав ни страха, ни даже волнения.

— Раз желает, значит, увидит. Не забудь свой сапфир. Он очень тебе идет, — герцог лукаво улыбнулся Тайри и вернулся к оставленной на столе книге. Он ожидал чего-то подобного, недаром же государь лично озаботился выбором наставника для его дочери. Похоже, сегодня император решил проверить, хорошо ли выполняются его указания. А может, ему пришло в голову, наконец, объяснить, зачем все это нужно? Вряд ли... Лишь бы не потащил Тайри в какое-нибудь Создателем проклятое место, с девочки станется согласиться...

**** *
**** *
**** *

Перед его величеством стояла совсем другая девушка, а ведь всего-то год прошел с момента их сумбурного знакомства на Весеннем балу. Строгое жемчужно-серое платье, строгая гладкая прическа, только сапфиры все те же. Тот, что на ленте — настоящее чудо, древний живой камень. А глаза-то уже смотрят иначе. И его величество пока не мог понять, нравится ли ему это "иначе". Больше твердости и умеренности во взгляде, больше

спокойствия, и... ничего, отражающего чувства и мысли. Закрылась от всемогущего монарха, истребителя Даллетов? Было бы жаль, если так. Но он все-таки попытается поговорить с ней, ведь откровенность почти всегда вызывает ответную откровенность. Другое дело, если юной леди есть, что скрывать. Нечто глубоко личное. Тогда все эти "маски" и "стены" вполне понятны...

— Рад вас видеть в добром здравии, миледи, — улыбнулся монарх в ответ на глубокий реверанс юной герцогини Даллет, — признаюсь, я давно собирался побеседовать с вами. О ваших успехах в учебе я наслышан. Милорд ректор удивляется, как это некоторым студиярусам удается успевать по всем указанным в плане дисциплинам, да еще периодически попадать в разные немыслимые ситуации. И выходить при этом сухим из воды.

— Я стараюсь, ваше величество, — скромно ответила Тайри, — кроме того, мне просто очень интересно. И у меня лучший наставник.

Император кивнул:

— Это так. Лучше мастера Гайдиара сейчас уже, пожалуй, никого и нет. Ваюмны ушли... почти все.

— Я бесконечно благодарна вашему величеству за возможность...

— Не стоит, миледи. И вообще, давайте уже закончим с этим придворным официозом, — недовольно нахмурился император, — у нас с вами будет длинный разговор, и мне очень хочется, чтобы вы поняли меня и приняли верное решение. А вот давить и приказывать мне совершенно не хочется.

Тайри удивленно взглянула на государя.

— Всё, что в моих силах...

— Не бросайтесь обещаниями, миледи. Я не хочу, чтобы вы потом о них пожалели. Возможно, вы сочтёте мою просьбу неприемлемой. Но сначала я попробую изложить причины, которые вынуждают меня к подобным просьбам... — Рикарт ор Льюфф задумчиво умолк, внимательно наблюдая за своей собеседницей, потом продолжил, — знаете, когда-то мастер Гайдиар учил и меня. Но, в отличие от вас, любая моя попытка ступить на Тропу или еще каким-нибудь способом попасть за границы нашего мира заканчивалась полнейшим крахом. Другие мои наставники, и, прежде всего, мой отец, объяснили мне, почему так происходит. Вам уже приходилось слышать о Границе и ее Блюстителях? О Стражах Покоя, как говорят в народе.

— Да, государь.

— Скорее всего, от отца, я полагаю. И легенду о тех, кто не вернулся, тоже?

— Никогда. — Глаза юной леди засветились нешуточным интересом. — О чем она?

...Это было так давно, что фактов почти не осталось в людской памяти, а то, что сохранилось — стало легендой. Сколько было тех, кто отдал себя миру без остатка? Точно никто не помнит, но люди любят считать, потому что любят определенность. Цифры в легендах условны, но за тысячи лет люди привыкли к ним... Сколько было первых, не просто вставших на рубеже — ставших рубежом, вам никто не расскажет. Кем они были? Этого тоже никто не помнит, но уж не людьми — точно. Кто-то самый смелый из их последователей сохранил память о том, что они были чужаками. Очень могущественными чужаками, волею всемогущей судьбы оказавшимися рядом с молодым, красивым и ничего не подозревающим миром. Им некуда было возвращаться, что-то случилось с их родиной, а чужая им была не нужна. Но отдавать на растерзание хищникам Тьмы и хаоса очередное

создание Творца они посчитали невозможным, а подобное применение собственных сил — достойным. И они уже сталкивались с этим противником. В дальнейшем люди стали говорить, что первых Блюстителей было десять — наверное, так им было легче.

Второй десяток тоже к человеческому роду не относился. Они были из рода Хранителей — два поколения Крылатых Князей из клана Поющих Солнцу. В заповедных горах остались самые старые и самые юные. Те, кто был в полной силе, присоединились к Блюстителям невидимой простым смертным границы.

Третий десяток встал вскоре рядом с ними. Сильнейшие маги, рожденные и воспитанные для боя, лучшие из братьев Ордена Опоры. Каждый из них успел воспитать учеников и родить детей. Они знали, что их опасные для прочего мира знания именно сейчас могут пригодиться для охраны Границы. Не слышали ничего о таком ордене? Не мудрено, его путь затерян в веках, он и на заре своего существования был известен не всем. Некоторые утверждают, что последний его оплот существует до сих пор, только дорогу к нему никто не знает.

Четвертый десяток составила первая кровь этого мира — дети древнего народа, корни и ветви лесов, истоки и песни рек. Девять Держательниц жизни — высший круг жриц и первая Леди ордена Гарды. Лишь у нее остались дочери, остальные оставили только преемниц. Вы скажете, что делать женщинам у Границы, за которой хищная Тьма? И я отвечу вам: наблюдать и беречь: мир, защитников, саму жизнь. А еще — ждать тех, кто ушел сражаться. Кто справится с этим лучше?

Как Блюстителю нашли подкрепление, история умалчивает, только потянулись к ним те, кого люди во все века называли одиночками. Древние существа, жившие чуть ли не с момента творения этого мира. Последние дети вымерших волшебных народов, полузабытые творения древних магов и те, кого в свое время называли героями... Когда-то все они думали, что вечность впереди — это награда, а оказалось, что проклятие. Особенно, если не знаешь, чем ее заполнить. Теперь им было, ради чего жить. Каждый из них казался себе каплей в море, но там, где важна каждая капля, таким одиночкам было самое место. Их собралось немало — целых четыре десятка.

Последними в братство Блюстителей вступили люди. Обычные люди, не владевшие никакими способностями, кроме одной — они верили. В Создателя, в его защиту, в товарищей, в собственные силы. Оказалось, что на границе эта вера творит чудеса: уберегает от отчаяния, возвращает силы, исцеляет — всех без исключения.

Так возникла первая Сотня.

Очень разными были защитники мира, столкнувшись они при иных обстоятельствах — многие стали бы врагами. Но здесь, объединившись ради общей цели, они отбросили прочь вражду, ненужные догмы и предрассудки. Каждый, как умел, поддерживал и учил других: творить чары, сражаться, держаться и не падать духом... И очень скоро они поняли, что вечность может для многих быстро закончиться. Здесь, на Границе, маги и драконы открыли странный закон: любой мог обменять свои будущие годы на силу или победу. Или подарить время другим. Первый десяток так и сделал — отдал свою вечность и стал преградой, через которую Тьме трудно было просочиться. Они могли бы жить до скончания времен, но кто-то стал огнем и терновником, кто-то силой и оружием, а кто-то дополнительными годами жизни и здоровьем для остальных.

Оставшиеся посчитали, что им хватит сил, ресурсов и времени, чтобы продержаться не одну тысячу лет, и не ошиблись бы, если бы учили одну простую вещь. Мир, который они

защищали, населяли люди — со всем присущим им набором достоинств и недостатков. А маги были всего лишь людьми, наделенными Силой. Они воевали, захватывали новые земли, мечтали о безграничном могуществе, покоряли океаны и новые вершины знаний, проводили эксперименты... И, в конце концов, доэкспериментировались до катастрофы. Сначала превратили в пустыню половину Старых Земель, и люди вынуждены были переселяться на другой континент. Потом кто-то из многочисленных детей Воды пожелал повелевать не только своей стихией. В итоге, одни чуть не угробили Источник, разбудили или сотворили вулканы в центре полярного континента. Другие же, пытаясь остудить бурлящее озеро лавы, впустили туда океанские воды. Мир содрогнулся, череда землетрясений изменила привычные берега, гигантские волны смывали целые города, поднимались из пучин новые острова, а старые тонули. От самого большого магического клана, численностью не уступающего, как говорили, рыбам в океане, осталась хорошо если десятая часть. Выжившие с ужасом понимали, что о былом могуществе не стоит и вспоминать. Самые сильные погибли или "выгорели", во время катаклизма, стараясь спасти остальных, принимая на себя удары взбесившейся стихии и разъяренных Поток, пытаясь сохранить хотя бы память и знания...

Так возник Запретный Континент. Никто не хотел жить на сотрясаемом магическими и тектоническими возмущениями полярном материке, замерзавшем на внешних границах и подогреваемом магмой изнутри.

Именно тогда Тьма, словно учуяв слабинку, ударила как никогда сильно. Именно тогда Блюстителю, потратившие много сил на сохранение хоть какой-то стабильности мира после катастрофы, едва выстояли — ценой больших потерь. Именно тогда они поняли, что подаренные годы и силы заканчиваются, и что кто-то должен заменить их. Пришло время подумать о преемниках. Блюстителю долго думали, советовались с драконами, и, наконец, выбор их пал на наделенные Силой семьи, отличавшиеся постоянством наследования способностей и крепкими устоями. Туда и отправились вестники с Границы, еще не зная, что это их последний визит в мир. Выполнив свою задачу, Блюстителю вернулись, чтобы сражаться. А смена, тем временем, росла. Многие из тех семей стали правящими в новых или возрожденных после катастрофы государствах, кое-кто основал магические ордена, другие же, наоборот, предпочли оставаться в неизвестности и не привлекать к себе внимания. Дети, рожденные в них, готовились к своей миссии с самых юных лет, и, конечно же, знали всю правду о событиях, произошедших давным-давно. Они вырастали и отправлялись на поднятый со дна океана остров Гронн, где их принимали под свое крыло последние из Блюстителю. Древние воины говорили своим ученикам, что Граница прочна и непроницаема для Тьмы, молодым остается лишь хорошо присматривать за ней. А еще — не давать раскачивать мир изнутри. Ведь многие неприступные крепости пали потому, что кто-то открыл ворота врагу или небрежно залатал старые стены...

Шло время. На Гронн больше не к кому стало приходить. Традиции хранились в семьях. Но, увы, все люди смертны, и избранные погибали тоже: в династических войнах, во время эпидемий, исчезали из-за отсутствия наследников. Блюстителю Границы становилось все меньше и меньше, а преграда, воздвигнутая тысячелетия назад, разрушалась и истончалась, как и всё, что не поддерживается живыми. Увы, только самые мудрые понимали, что еще немного, и извечный враг найдет лазейку.

Во времена расцвета Первой империи в путешествие на остров Гронн — "к Опорам и Щитам" — отправились всего лишь трое. Они же потом и принялись за поиск остальных,

кто помнил и чтит древние заветы. Многое было утеряно, на что-то никому уже не хватало Силы, кое-кто из наследников и вовсе не хотел осложнять себе жизнь и связывать себя какими-то малопонятными обязательствами. Тех, кто был способен сколько-нибудь серьезно поддерживать Границу, во всем мире осталось не более трех десятков...

— А сейчас, наверное, и того меньше. Предвосхищая ваш вопрос, миледи, скажу сразу: Льюффы — из Блюстителей. Со времен катастрофы. Не они ли ее устроили? — Егс величество усмехнулся чуть печально. — А кто ж еще... Далекие предки по самой что ни на есть прямой линии. Но, что бы они тогда ни натворили, а память и знания — те, самые древние и необходимые, полученные от основателей, умудрились сохранить. Насколько полно — это уже второй вопрос. Но в одиночку на плечах мир не удержать. Даже легендарных создателей Границы было сначала десять, а потом и больше. Любому из нас нужны соратники, помощники, назовите, как угодно.

— Следовательно, и вам тоже, — серьезно, но холодно ответила Тайри, — и чем я в данном случае могу помочь?

— А вы не догадываетесь? — монарх чуть склонил голову набок. Такой "птичий" наклон, где-то она его уже видела.

— Есть недостаток в тех, кто выдержит подобную ношу? У нас перевелись сильные маги?

— Нет недостатка в сильных, миледи. Но среди них практически некому доверять.

— Думаете, мне доверять можно?

Император рассмеялся негромко. Надо же, не глаза, а океанская вода в солнечный день. Мелкая рябь, блики, но лучше не смотреть — голова закружится.

— Несомненно. Только вот в чем загвоздка... Вы, моя леди, прежде всего — прирожденный целитель, что бы кто ни говорил. Силы у вас более чем достаточно, а вот что делать с этической стороной ее применения? Убийство, как таковое, противоречит природе целителя. А убивать придется, увы. И не только тварей Тьмы, но и людей. Возможно, соотечественников. Не исключено, что тех, кого вы знали с детства, соседей или бывших пациентов. Нам не угадать, в ком до поры дремлют зерна, посеянные Отступником. Что с вами станет, когда придется столкнуться со всем этим?

Тайри задумалась, потом медленно кивнула:

— Вы правы, ваше величество. Я не воин. И я не знаю, что со мной станет, если придется поднять руку на соседа или старого знакомого. Вам нужны воины...

— Не совсем обычные воины. Не только те, в ком живет долг и жажда битвы. Скорее другие, которые любят жизнь, которым есть, за что сражаться и что защищать. Которым безразличен весь мир. Это редкое сочетание.

— Я поняла, государь. Если мне удастся... найти таких людей, я постараюсь, чтобы вы как можно скорее о них узнали, — леди Даллет действительно поняла, о ком говорил император. Ведь это все — о Номаре, и такая задача как раз для него.

— Буду весьма вам благодарен. И они пусть тоже кое-что сразу же узнают. Пока я жив, я буду беречь моих воинов. И их близких тоже. Любой из моих соратников должен быть уверен, что его дом неприкосновенен и ему есть, куда возвращаться.

Отец был тысячу раз прав, утверждая, что император умен и прозорлив, подумала Тайри. Вот и сейчас — он мысли читает, что ли? Все недавние приключения приводили меня к мысли о том, что если дома ждут, то вернешься из любой переделки. Узлом завяжешься, мир наизнанку вывернешь, выполнишь в принципе невозможное, но сделаешь

так, чтобы близкие не волновались.

— Ваше величество, я правильно поняла, что таких воинов раньше специально обучали. Или, правильнее сказать, воспитывали?

— Вот именно, правильнее! Некоторым вещам, к сожалению, нельзя научить. Обучают и сейчас — по крайней мере, там, где сохранили знания и традиции. Я, например, до сих пор учусь, и конца-краю этому не видно. Жаль только, не на всё учителя находят. Некоторых уже нет в живых, а те, что остались, уже слишком стары. Хотя, есть и исключения, мимо которых время течет, точно не замечая. От одного такого мне достался камень, подобный вашему сапфиру. Жаль, что спящий.

— Вас учил кто-то из Лесного народа? — удивилась Тайри. — Как такое возможно?

— Все возможно, если очень захотеть и правильно попросить, — улыбнулся император. Улыбка получилась неожиданно искренней и немного смущенной, и леди Даллет едва сдержала желание улыбнуться в ответ. — В конце концов, я же не огненный маг, чтобы вызывать у соотечественников вашей матушки стойкое отторжение. Тиннэр Серебряный Тополь решил, что я вполне способен кое-что усвоить из его науки.

С Тайри сейчас можно было писать портрет аллегии Бесконечного Удивления.

Как такое может быть? Легендарный Учитель Лесного народа, древний, как сам Уккабский лес, основавший, по слухам, тайный орден, собирающий по крупицам знания, существовавшие еще до катастрофы, был среди наставников императора?! Говорили, что великий чародей никогда не покидал пределов леса, что жизнь вне крон и корней невыносима для него... Получалось, что слухи, мягко говоря, преувеличивали? Или его величество какое-то время жил где-нибудь в Уединенном Чертоге, где обучались лесные маги? Немыслимо... Невероятно.

— Что вас так удивило, миледи? Наставник Тиннэр и сейчас довольно часто навещает меня, да и я бываю в его обители. В сущности, мое ученичество у него пока не окончено, и я счастлив этим, — каким теплом осветилось лицо императора, когда он говорил о наставнике... Интересно, он всех своих учителей так любит? И Гая тоже?

— Могу сказать только, что подобные чувства мне знакомы. Когда наставник и ученик по-настоящему понимают друг друга, это и правда счастье, — ответила леди Даллет, — про себя могу сказать, что видела Учителя Тиннэра всего пару раз, да и то мельком. Хотя, видимо, могла бы и чаще. Если верить моей матушке, его тайный орден и наш орден Гарды — две стороны одной монеты. Пути наших Учителей постоянно пересекаются. Просто в нашем ордене не учат обращаться с оружием, в лесной Традиции считается, что женщинам оно не нужно, их сила в другом.

Монарх кивнул, соглашаясь:

— Ваша Традиция права, но, увы, вне Крон и Корней, жизнь, к сожалению, несколько иная.

А вам в ордене, случайно, не рассказывали, что нужно сделать, чтобы дракон в камне проснулся? Великий Тиннэр только отшучивается и говорит, что всё получится само собой. А я, к стыду своему, не верю, — его величество взял со стола небольшую деревянную шкатулку явно уккабской работы: только великолепная шлифовка, открывающая красоту естественного узора волокон, и ничего более. Недолго поколдовал над секретным замком и извлек на свет великолепный изумруд. В зеленой глубине камня угадывался лес, а у корней самого ближнего дерева, свернувшись кольцами, спал дракон.

— Видите? — с жадным интересом глядя на собеседницу, спросил монарх.

— Вижу... Я, конечно, спрошу у матушки, чем можно помочь, но она вряд ли пойдет против желания Серебряного Тополя. В любом случае, если наставник подарил вам этот камень, значит, он настроил его именно на вас, — сказала Тайри. Кажется, государь слышал то, что хотел услышать, вон, какой довольный, чуть не светится.

— Вам не нужно ничего, кроме терпения, ваше величество, — прозвучал знакомый, играющий обертонами далекого водопада, голос из-за ее плеча, — просто носите камень с собой.

Теперь пришла пора удивляться императору, но он то ли ожидал чего-то подобного, то ли великолепно владел собой. Только чуть расширившиеся зрачки на секунду его выдали.

— Ваше величество, позвольте вам представить Скайяра из клана Танцующих с Волнами, касты Воинов, — церемонно произнесла юная герцогиня. А что еще ей оставалось? Пойди пойми этих драконов: Скай сейчас своевольничал, или ей действительно грозила опасность? Между тем дракон отвесил весьма изящный придворный поклон с самым почтительным видом.

— Рад нашему знакомству, Скайяр, — похоже, император был не просто рад. Сейчас он походил на ребенка, получившего долгожданный подарок на день рождения.

— Для меня честь быть представленным одному из сильнейших Льюффов в истории, мой государь.

— Что ж, я могу теперь смело считать, что не зря прожил жизнь. Увидеть дракона...

— Не такое уж великое чудо, ваше величество. Спросите у государя Гьятты. Вы еще не встречались с нашими Князьями-Хранителями, ну так какие ваши годы. А та, которая спит в вашем камне — тоже Воин. Орфэ из клана Рожденных Ветрами. — Скайяр хитро улыбнулся. — Ваш наставник — очень мудрый человек. Он знал, что вам рано или поздно понадобится тот, кто в любой ситуации будет способен прикрыть вам спину. Вопрос, угадал ли он со временем...

— То есть, у меня будет такой же идеальный защитник, как ты?

— Даже лучше. Орфэ — воин в ранге Мастера. В остальном — понятия не имею. Могу только сказать, что характер у Рожденных Ветрами не из покладистых, и вечные проблемы с чувством юмора.

Его величество озадаченно потер лоб и уже с некоторым сомнением взглянул на свой изумруд.

— Спасибо, воин. Я это учту.

— Всегда пожалуйста, мой государь, — все также изящно поклонился дракон и исчез.

Тайри лишь ошарашено покрутила головой: такие фокусы ни в какой этикет не укладывались. Император же еще несколько секунд растерянно моргал, глядя на то место, где мгновение назад стоял невысокий синеглазый мужчина в странном одеянии. Опомившись, он спросил, осторожно подбирая слова:

— Скажите, леди, ваш защитник всегда столь... внезапен?

— Почти. Он впервые появился на Весеннем балу, и я все еще не привыкла к этой его манере, — смущенно рассмеялась девушка.

— К такому привыкнешь, — криво усмехнулся монарх, видимо, ожидая от своей будущей драконицы не меньших сюрпризов. — А ведь вы, сами не желая того, исполнили мою детскую мечту, леди Даллет. Отец всегда говорил мне, что драконы никуда не делись, просто не всем посчастливилось с ними встретиться. А мне очень хотелось...

Император в задумчивости прошелся по залу, становился напротив собеседницы — так

близко, будто собирался что-то сказать ей на ухо... или обнять.

— Чем же мне отблагодарить вас за чудесный подарок? — загадочным полусшепотом произнес он, — нужно что-то достойное или полезное, — государь быстро повернул перстень с очень крупным рубином камнем внутрь и взял Тайри за руку. Там, где камень соприкоснулся с ладонью, кожа будто заледенела, но ничего больше не случилось. Вот этому, похоже, его величество удивился гораздо больше, чем явлению дракона. И никакое самообладание не помогло: красивые брови взлетели вверх, рот чуть приоткрылся, а вся монаршая солидность куда-то испарилась. Интересно, кто-нибудь еще видел Рикарта ор Льюффа таким, и не стоит ли незадачливой посетительнице как можно скорее забыть увиденное?

— Как заба-авно, — все также полусшепотом протянул император, — а известно ли вам, что у нас когда-то были общие родственники? Капля крови Льюффов есть в ваших жилах. Не будь ее, талисман причинил бы вам боль. Действительно — капля, но и этого вполне достаточно.

— Я предполагала, что среди моих предков есть кто-то из магов воды, но что отметилась именно ваша линия... — Когда на тебя так смотрят, соврать невозможно. Да и зачем?

— Как вы догадались?

— Есть такая древняя техника, позволяющая после тяжелых испытаний снова обрести душевное равновесие и целостность, а также вернуть силы. Среди прочего, она предполагает обращение к Источникам и стихиям. Нельзя увидеть то, чего не помнит твоя кровь. Моя кровь помнит Воду: как маленький огонек в далеком окне.

Его величество осторожно провел пальцами по ее ладони и выше, по запястью, вдоль тонкой голубой жилки.

— Так и есть... Пять поколений назад, не меньше. Что ж, значит, с азами водной магии вы справитесь. Я научу вас совсем простому волшебству.

— Какому? — Тайри сама испугалась своего вопроса. По всем правилам, ей полагалось или бояться, или замереть от восхищения — а она пыталась понять, с чего это император так добр к ней. Уж лучше бы он хитрил и пытался что-нибудь выведать, потребовал чего-нибудь невозможного, рассердился, наконец... Правильно говорил отец: Рикарт ор Льюфф абсолютно непредсказуем, и в этом его сила.

— Я научу вас безошибочно чувствовать воду. Вы всегда найдете пригодный для питья источник, даже в самой мертвой пустыне. Сразу же поймете, безопасна вода или нет, а еще с первого взгляда отличите соленую воду от пресной, даже если ее всего капля. Вы и представить себе не можете, в каких неожиданных ситуациях может выручить это знание. Согласны? Это и будет мой подарок.

— Разумеется, согласна. — Как будто она могла ответить иначе...

— Отлично... Тогда вспомните, как вы обращались к моей стихии во время того ритуала. Сосредоточьтесь, смотрите на мой камень. Повторяйте за мной...

Если бы юная герцогиня могла знать, где ей пригодится подаренное императором волшебство...

**** *
**** *
**** *

Между тем, назначенная дата следующего занятия неумолимо приближалась. Тревожные мысли и совершенно не относящиеся к учебе мечты не удавалось задавить уже ничем: ни тренировками, ни изучением старинных книг по изготовлению артефактов. Да

что там, даже очередной ритуал восстановления не помог. Равновесие было нарушено, и требовалось нечто иное для возвращения былой уверенности и спокойствия. Леди предстояло разбираться с самой собой, и лучше бы ей сделать это быстрее. А тут еще его величество со своими доверительными разговорами и подтверждением старых, но, как оказалось, небеспочвенных подозрений! Какое уж тут равновесие...

Видимо, судьба решила, что на долю Тайри выпало слишком мало испытаний. Поэтому, переступив порог кабинета своего мастера, девушке показалось, что всё вернулось на год назад. Комната, где они с наставником так много работали, уже впитавшая в себя их мысли, чувства, ставшая в какой-то степени отражением характеров их обоих, снова была чистым листом. Никаких личных вещей, никаких трофеев, появившихся в совместных походах, никаких книг, открытых на привычной странице... Изначально чужое, холодное помещение. И за столом практически чужой, холодный, отстраненный человек. На лице — каменная маска, за которой ничего не прочтешь, как ни старайся. Спокойный, вежливый и безразличный мастер из первого дня их знакомства. Со всех сторон правильный, хоть в качестве эталона выставляй. И смотрит, как тогда — рассеянно и как будто сквозь нее... Тайри стало зябко и неуютно. Перемена, произошедшая с наставником за неделю, причиняла боль почти физическую. Сердце отчаянно кувырнулось и рухнуло в бездну, полную острых ледяных осколков. Тайри изо всех сил старалась сохранить хотя бы внешнее спокойствие. Ей казалось, она поняла, что произошло.

«Он прав», подумала девушка, осторожно выдыхая сквозь зубы. «Он ведь обещал как-то справиться со всем тем, что между нами началось, с самим собой — и выполнил обещание. Между нами не может ничего быть, закон это запрещает. Мастер что-то сделал со своими чувствами, чтобы не оступиться самому и не дать оступиться мне. О Создатель, я не хочу знать, как ему это удалось и какую цену он заплатил... Но как же жаль того настоящего, теплого и искреннего человека, только-только заново научившегося радоваться, восхищаться, да просто жить! Надо выкинуть из головы все воспоминания, и их последний разговор — прежде всего. Мастер справился, значит, справлюсь и я. Главное, не потерять его, как наставника, дожить до магистерских испытаний... Творец пресветлый, кого я пытаюсь обмануть?»

— Рад видеть вас, миледи. — Разве таким голосом говорят о радости — ровным и блеклым, и еще абсолютно чужим?

— Взаимно, мастер. — Мы тоже умеем так говорить. Только бы выдержки хватило.

— Надеюсь, вы уже восстановили свои силы после неприятного инцидента в Роневене?

— Безусловно.

— Значит, вы готовы к новой работе. Собственно, нам осталась только практическая часть вашего обучения. Насколько важная, настолько же и опасная. Надеюсь, вы усвоили урок, полученный в предыдущем походе?

— Который из?

— Считаете, что их было несколько? Пожалуйста, перечислите их в порядке убывания значимости.

Ну это же демоны знают что! Будто с големом разговариваешь. Даже свою фирменную иронию куда-то подевал. Ладно, пока сил хватает — продолжим в его же духе. Тайри глубоко вздохнула и начала не менее ледяным голосом:

— Любая вещь и любой человек на Тропе может оказаться не тем, чем кажется. Каждую секунду необходимо быть настороже. Категорически запрещено расслабляться и рассеивать

внимание. Нельзя ничему доверять, ни на Тропе, ни будучи в одном из миров. Иначе можно легко расстаться с жизнью.

— Великолепно. Значит, в следующем походе вам уже не будет так сложно. А сегодняшнее задание касается исключительно вашего мира. Вам необходимо отдохнуть от Троп, ради вашего же блага. Впрочем, место, которое предстоит нам посетить, не менее странное. Остров Глид.

— Что же в нем странного? — не сдержала удивления леди Даллет. — Глид — теплый, цветущий остров, к тому же остаточно густонаселенный. Ваглиды всегда были дружелюбными, в чужие дела не лезли, не воевали. Выращивали, сколько себя помню, великолепные фрукты и вытачивали чудесные фигурки из перламутра и древесины. На Глиде нет и не может быть мертвых городов.

— Тогда как объяснить то, что в южной части острова никто не живет? Более того, местные жрецы объясняют это "волей богов", что, чаще всего, указывает на магическую природу явления. Влажные цветущие джунгли будто бритвой срезало на границе запретной для местных жителей зоны. Интересно, почему? Почему дальше простирается голое плоскогорье? Как утверждают многие наблюдатели, над ним не летают птицы, и даже облака обходят стороной.

— Это, скорее всего, из-за смещения Поток, что в силу естественных причин практически никогда не происходит.

— Верно подмечено! Полагаю, это место подобно Кер-Алессе, но только отчасти. В оставленном городе прорыв, так или иначе, успели предотвратить. На острове же по каким-то причинам произошло иначе. Как утверждают древние источники, к моему огромному сожалению — не слишком достоверные и немногочисленные, там произошла некая схватка, по времени — немногим позднее событий в Кер-Алессе. Последствия этой схватки были куда более катастрофическими. Там образовалось нечто, подобное язве на теле нашего мира, и она не зажила до сих пор. Ее изолировали и удерживают в каких-то границах, но гораздо большей ценой, нежели в предыдущем случае.

— Что мы должны будем сделать?

— Практически тоже самое, что и в прошлый раз: оценить обстановку, понять, что там происходит. Запомнить, как построить туда надежный Переход. Так что жду вас через два дня, и не забудьте о мерах безопасности.

— Слушаюсь, мастер! — Тайри с трудом подавила желание по-военному щелкнуть каблуками и развернуться кругом, коротко поклонилась и направилась к выходу. «Не опускать подбородок и держать спину прямо», повторяла про себя она, — «и не вспоминать, не вспоминать...» Она понимала, что наставник все сделал для ее же блага, не позволив переступить опасную черту — и абсолютно не принимала происходящее сердцем. Все закончилось, не начавшись, не о чем жалеть, так почему же так... больно?

— Тайри... — Хриплый полусшепот прозвучал громче крика, но она не остановилась. Ей же дали задание, отпустили домой. Задумалась, не услышала — бывает. Он же говорил, что один с этой проблемой не справится? Вот и будет ему помощь. Главное — не броситься, потеряв голову, назад, чтобы убедиться: каменная маска — только маска, декорация, иллюзия. А на самом деле...

На самом деле мастер Гайдиар неподвижно сидел в кресле, мысленно проклиная себя последними словами. Как он мог, как только осмелился собственными руками уничтожить самое прекрасное и невероятное, что было в его жизни?! И кто он после этого?! Да, это

против правил, более того, абсолютно запрещено. Да, соотечественники его, мягко говоря, не поняли бы, а коллеги презирали бы, да что там, не было бы у него никаких коллег... Да и демоны бы с этим, что теперь думать... Ему не страшно. За себя — не страшно. Только вот сделанного не воротишь. Она не вернулась. И правильно сделала. И он, тьма все побери, сделал правильно. Настолько, что хочется незамедлительно сдохнуть, и только невыполненные обеты удерживают от опрометчивых шагов. Кстати, почти о них... Что тогда рассказывала Тайри о заклинаниях поиска? Она ведь нашла-таки брата, используя собственную кровь, как опорный артефакт, и заклятие поиска по подобию. Будь это не хищный город Флитт, они бы встретились... Если такое получилось у юной, совсем еще неопытной Тайри, должно получиться и у него. А порезанное запястье за два дня заживет, в крайнем случае, Тайри... Нет, никаких крайних случаев. Никаких надежд. Сам виноват. Так что будем опираться только на собственные силы...

После трех бесплодных попыток мастер Гайдиар отступился. Больше он не станет искать таким способом, по крайней мере, в одиночку. Поток отказывались подчиняться, всё давалось с огромным напряжением и расходом сил. Видимо, эта магия не для чужаков: мир вокруг содрогался, точно от отвращения, и яростно сопротивлялся. Ваюмна предупреждали, что древние заклинания даются далеко не всем, вольно же было ему не послушать... Порезы на запястье болели и кровоточили, его шатало, точно тяжелобольного, а глаза болезненно реагировали на свет. Самое смешное, что всё было зря, ведь ничего определенного он не увидел, даже направления правильного не почувствовал. Стоило ли идти на такие жертвы? А ведь еще надо как-то доползти до дома, или, хотя бы, до дивана в углу.

— Что вы с собой сделали, мастер?!!

Откуда она взялась? Он ведь отправил ее готовиться к новому заданию. Или он потерял сознание и провалялся тут двое суток?

— Не ваше дело, ученица. — Главное, не позволить ей подойти близко. Тайри все поймет, исцелит раны, а это слишком... опасно. Любое прикосновение, и вся его выстроенная на тонком льду необходимости "каменная маска" рухнет, и тонуть тогда ему... Второй раз у него уже не получится. Да и не будет никакого второго раза. Может, и пусть? — Каким образом вы узнали...

— Вы же сами только что сказали: я — ваша ученица. Пока еще. Меня скрутило похуже, чем в этом демонами драном мире, где вы схлопотали арбалетный болт под ключицу, и где нас чуть не сожгли. Какого демона вы творите?!

Ого, как умеет разговаривать эта юная леди! И становится такой сумасшедше прекрасной, когда сердится. Глаза цвета грозовых туч... Создатель, о чем он думает!

— Прошу вас, покиньте мой кабинет, леди. Немедленно! — Каким-то образом твердости и ледяного металла в голосе все еще достаточно...

Леди по-птичьи склонила голову набок и воззрилась на наставника, точно на душевнобольного.

— Вы не слышали?! Или мне лично выставить вас за дверь?! — Плохи дела, еще пара минут, и его не хватит даже на подобные интонации. И в глаза ей глядеть стыдно. Докатился, позорище...

— Да-да, непременно, — невинным голоском проворковала Тайри, — почту за честь, мастер. Тем более, что я вдруг запомнила, где тут дверь.

Она сделала несколько торопливых шагов вглубь комнаты и замерла, сложив на груди

руки.

Негодяйка, ведь знает, что ему придется к ней подойти. А он рискует на первом же шаге... прилечь на пол и больше не встать.

— Покиньте кабинет.

— Демона лысого я его покину, мастер. Во всяком случае, не раньше, чем исцелю ваши раны и восстановлю силы, хотя бы частично. Вы что, не понимаете, что я ощущаю всё, с вами происходящее? И как целитель, и как маг, связанный с наставником особыми узами... — Перчатки полетели на пол, рукава платья мгновенно оказались подвернуты до локтя, по рукам леди Даллет пробежали оранжевые искры. — Замрите!

Что ему оставалось делать? Только смотреть, как искажается болью и жалостью ее лицо, когда она взяла его руку в пропитанной кровью повязке. Как быстро и решительно она сплетает Потоки в защитный полог, как нащупывает наиболее приемлемый для пациента Источник, что поможет ему восстановиться. Как связывает порушенные каналы Силы, заставляя сердце биться ровнее и изгоняя усталость и напряжение. Как нежным, едва ощутимым прикосновением забирает боль и слабость. Как внимательно и печально смотрит на него, придирчиво оценивая результаты своей работы: не упущено ли что-то. Как изучает залеченные порезы на запястье, почти касаясь тонкими пальцами свежих шрамов, удовлетворенно кивает и исчезает в Коротком переходе, оставив его обдумывать произошедшее.

Да уж, обдумывать. Ругать себя ругательски — за собственную глупость, за то, что полез в опасную область магии, за беспомощность, за то, что дал ей уйти вот так, без единого доброго слова. И за то, что напрочь забыл об узах, их связавших. Хорош наставник, нечего сказать...

**** * * * *

Тайри шагнула из портала домой, плюхнулась на первый подвернувшийся стул и самым постыдным образом разревелась. Случившаяся рядом Одри глазам своим не поверила: ее миледи, бестрепетно оставшаяся один на один с химерой, не дрогнувшая перед мозголомами из отдела Особых ситуаций — и вдруг рыдает, как какая-нибудь деревенская девчонка. Так плачут над разбитыми мечтами дети и... безнадежно влюбленные. Припомнив, откуда вернулась юная герцогиня, Одри сложила два и два, тяжело вздохнула и уселась рядом.

— Госпожа моя, а стоит так убиваться-то? Сами подумайте, мир-то не перевернулся... О-хо-хо, эдак вы слезами всю столицу зальете, точно та принцесса из сказки. Ну хотите, я на него икоту нашла на неделю-другую, на мастера вашего? Или вот что еще можно... — Деревенская колдунья осторожно обняла Тайри за вздрагивающие плечи и что-то зашептала на ухо. Через несколько минут младшая леди Даллет всхлипывала уже от смеха, сгибаясь пополам в тщетных попытках остановиться. Одри, придумав очередную "страшную кару" виновному, тихонько сообщала об этом Тайри, и дальше они хохотали уже в два голоса.

— Все-все, хватит, Одри, я больше не могу... У меня уже все болит от смеха. Что-то ты уж слишком жестока, — продышавшись и вытерев слезы, попросила Тайри.

— Никто не смеет заставлять плакать мою леди, — с театральным пафосом произнесла деревенская колдунья, — он поплатится за каждую слезинку!

Юная герцогиня только покачала головой:

— Ох, и строга ты, моя защитница! Он, конечно, виноват, но... он не виноват.

— Это как?

— Да так. Он все сделал как нужно и как правильно. Меня удержал и сам в этот омут не

прыгнул. Его, по совести, благодарить надо, а не наказывать.

— Может быть, но лично я не могу, и пусть меня называют дремучей неблагоприятной зловредной ведьмой. Вам ведь больно, миледи, я же чую, — мрачно сверкнула темными глазищами Одри. — Нет-нет, не начинайте, я все помню: нельзя и не положено вам, учитель и ученик, и все такое... Но это голова понимает, что не положено. А у сердца свои законы.

— К сожалению, нам, магам, нельзя идти на поводу у сердца.

— Одной головой жить? Ох-хо... Сильный ум — это, конечно, замечательно, но... Дед нам с братом говорил: маг без сердца — и не маг вовсе. Так, игрушка для Отступника, не больше.

— Почему? — искренне удивилась Тайри. Ей всегда казалось, что если бы все маги опирались только на холодный аналитический ум, многих катаклизмов и войн удалось бы избежать.

— Да потому что маг такой никого и ничего любить не способен: ни себя, ни других, ни землю, на которой живет. И какой бы силой ни обладал, не сотворит хоть что-нибудь долговечное. Дед говорил: только любовь и творит, и Создатель первый это понял, а поняв — нам завещал. Вот хоть вас взять: разве желание ваше найти брата не от самого сердца идет? Не от самой чистой любви? — колдунья заглянула в глаза собеседницы и прочла там вполне ясный ответ.

— Знаешь, Одри, иногда я думаю, что ты намного старше меня, настолько мудрые вещи ты говоришь, — смущенно потупилась младшая леди Даллет.

— Это все от деда. Он нас вырастил, он и мудрость нам передал. У него ко всякому случаю история находилась: когда из жизни, когда из книг...

— А что в моем случае говорит твоя мудрость?

— Она говорит, что не нужно лезть с советами, а в трудную минуту поддержать мою госпожу.

— Хитрая какая, отвертелась... И вообще, называй меня по имени, пожалуйста. После сегодняшнего мы уже почти сестры. Ведь кроме тебя мне и довериться-то некому.

— Спасибо, конечно, госпожа моя, — серьезно ответила Одри, — а не пожалеете потом? Я ведь колдунья.

— Пра-а-авда? — Тайри изобразила "большие глаза". — А я тогда кто?

Лорд Даллет, проходивший мимо полуоткрытой двери, осторожно заглянул в комнату дочери, довольно хмыкнул, с минуту понаблюдал за хохочущими девушками и тихо удалился. Слишком давно в этом доме не смеялись так искренне и самозабвенно, не дело им мешать.

Мастер Гайдиар так и стоял, уподобившись соляному столбу, глядя на то место, где только что растаял портал его ученицы. Время будто остановилось, мысли бегали по кругу, и не осталось ни сил, ни желания куда-то двигаться и что-то делать. Его усилия увенчались успехом, никто не перешел запретную черту, отчего же внутри все замерзает, от чего не хватает воздуха и... Как он вообще смог оставаться таким бесчувственным чурбаном, пусть внешне, но, увы — слишком правдоподобно. Настолько правдоподобно, что Тайри во все это поверила. Как случилось, что он напрочь забыл о связи наставника с ученицей, причинил ей боль — и физическую тоже, а потом корчил тут каменного идола...

Стука в дверь он, конечно же, не услышал.

— Гай, ты тут? Я хотел попросить... — Мастер Эйтан узрел впавшего в глубочайшую задумчивость коллегу, у которого на лице ясно читалось, что мир рухнул, причем именно по

его вине. Целитель тяжело вздохнул, постоял, изучая потенциального пациента.

— Что ж ты делаешь-то, друг мой? В нашу старую магию полез, да? А почему здесь кровью пахнет? Ох, Создатель милосердный... Тебе что, никто не рассказывал, куда лезть не следует? — старый маг укоризненно покачал головой. Только вот не похоже было, что ваюмн его видел и слышал. Пришлось совершенно недипломатично встряхнуть собеседника. А поскольку мастер Эйтан был на голову выше и гораздо массивнее изящно сложенного визави, прием сей оказался весьма эффективным и подействовал мгновенно. Мастер Троп выпал-таки из задумчивости в бранный мир.

— Скажи мне, друг мой, кто тебя надоумил эту древнюю гадость колдовать? — строго спросил целитель.

— Да никто, в сущности. Сам дурак... Моя ученица однажды рассказала, что когда-то, едва узнав о существовании чар "поиска по подобию" и вычитав в каком-то фолианте о старой магии крови, попыталась найти пропавшего брата. И у нее получилось, между прочим. Другое дело, что притянуло ее в скверное место, и брату ради её же спасения пришлось вышвырнуть девчонку в восстановленный спешно портал... Я подумал, что у меня тоже должно получиться, особенно, если использовать собственную кровь.

— И что ты понял?

— Что не рожденным под этим небом лучше никогда такого не делать. Никого не нашел, сам еле жив остался... — Ваюмн был готов провалиться от стыда.

— А спросить ты мог, ну хоть меня? Я бы тебе все объяснил и без всяких рискованных опытов. Ученица твоя, умница, дай ей Творец всякого блага, на твое счастье вовремя успела. Не делай такие глаза, я ее исцеляющие чары всегда узнаю, как-никак учил столько лет.

— Она почувствовала...

— А что ты такой дурак беспросветный, она тоже почувствовала? Хоть спасибо ей сказал?

— Н... не помню. Кажется, я её выставил. Кажется, довольно... резко.

— О, Творец... — мастер Эйтан схватился за голову, — бедная девочка, за что ей такое... Думаешь, никто не видит, как вы друг на друга смотрите? Гай, ты меня удивляешь. Ведь не первую сотню лет на свете живешь, и все видел-перевидел, а поступаешь как...

— А как я еще должен был поступить? Эти законы не мной придуманы, и не зря, я полагаю. Такие законы кровью и жизнями потерянными пишутся. Ну и потом, не ради себя я все это затеял. Её же потом заключают, ей здесь жить.

— Это ты, конечно, правильно сказал, только что-то воротит от это правильности, — мрачно согласился мастер-Целитель, — ты-то рано или поздно к своим уйдешь. Но я бы посмотрел на того, кто осмелится копаться в жизни твоей ученицы, или, не приведи Творец, шантажировать. Сам знаешь, кто в ней заинтересован.

— Он же первым и накажет. И прав будет, — устало отмахнулся ваюмн.

— А вот тут ты, скорей всего, и ошибаешься. С ним никогда не угадаешь. Одно могу сказать с уверенностью: государь наш крайне редко поступает так, как от него ожидают. Наверное, потому и жив, и дело свое достойно делает.

— И то правда, — понуро согласился мастер Гайдиар и принялся прибирать следы опасного ритуала.

— Раз уж у вас так случилось, вы беречь должны друг друга, а не мучить, — наставительно, почти по-отечески, сказал лорд Эйтан, — думаешь, ты первый такой? Сколько нас через это прошло, и если бы всех ловили, то преподавать сейчас было бы

некому, — он хитро усмехнулся, — Нарывались на неприятности только те глупцы, кто всё напоказ выставлял. В наши недобрые времена настоящие чувства любят тайну, темноту и иносказание.

— Тайну, темноту и иносказание, — зачарованно глядя куда-то сквозь собеседника, тихо повторил ваюмн, — как точно сказано!

— Подумай об этом, друг мой. И вообще, давай-ка, приходи в себя. Через два дня тебе снова в нештучное пекло соваться. Это вот, если уснуть не сможешь, — мастер Целитель поставил на стол склянку с темной жидкостью, — а я пошел. Помощник из тебя сейчас никакой...

«Допрыгался», подумал ваюмн, — «мне уже на пальцах объясняют, что делать. Позор-то какой, а я еще размечтался о чем-то... Правильно лорд Эйтан сказал, дурак я, причем дважды. Но он-то знает, что я рано или поздно должен буду уйти, а вот Тайри... Собирался ведь серьезно с ней поговорить, рассказать все о себе, о той, старой жизни, о Ноа и Детях Надежды... И пусть бы сама решала, так, по крайней мере, было бы честнее, чем изображать холодность и равнодушие. Собирался, да так и не рассказал, а теперь... До задания — нет времени. Да и захочет ли она теперь разговаривать?»

**** *
**** *
**** *

Тайри ор Даллет была хорошей ученицей, за последнее время крепко усвоившей: простых и безопасных заданий у будущих магистров не бывает. Не тот уровень, не те цели, и ставят их люди куда более серьезные. Поэтому, к очередному походу она готовилась очень тщательно. Не хотелось ей быть беспомощной и незащищенной, тонуть в болоте или гореть в огне, как в прошлый раз. Только вот почему-то не оставляло ощущение, что ни один из артефактов, ни одно из любовно приготовленных заклятий не пригодится. Разве что верный дракон из очередной передряги вытащит.

Это не слишком трудно — прожить два дня, убедив себя, что всё к лучшему. Утром — тренировки, в обед — работа с Потоками, вечером — изучение всех добытых материалов по острову Глид. Описания путешественников, старые хроники, судовые журналы, купеческие ведомости, сказки и сплетни. Раз уж среди цветущих джунглей под щедрым солнцем живет мрачная старая тайна, кто знает, что из прочитанного может вдруг оказаться полезным? А что — правдой? Как жаль, что сведений так мало...

В назначенный день Тайри переступила порог кабинета мастера, как ей казалось — во всеоружии. Наставник задумчиво смотрел на открывшийся за порталом пейзаж: пышно цветущие кустарники, сочная зеленая трава, яркие птицы, перелетающие с дерева на дерево и гигантские бабочки, почти не уступающие им размерами. Сказка, да и только. Почувствовав присутствие ученицы, ваюмн придирчиво осмотрел её снаряжение и вернулся к созерцанию красот острова Глид.

— Что-то не так, наставник?

— Все не так, миледи. Мне не нравится это задание, меня настораживает сам идиллический остров, мне не хочется тащить туда вас, меня преследуют дурные предчувствия и постоянное ощущение опасности. И я понятия не имею, откуда все это безобразие взялось. Когда мы с вами шли в Кер-Алессу, я ничего подобного не чувствовал, а ведь там было заведомо опасно. — Мастер не смотрел на нее, но его волнение ясно читалось в голосе, в нервно сцепленных за спиной руках, в напряженном развороте плеч.

— Понять природу ваших опасений, как и обоснованность их, мы сможем только на месте, — пожалала плечами Тайри, — я пока никакой тревоги не ощущаю, но это ничего не

значит. В прошлый раз я тоже не почувствовала опасность, а она ввалилась прямо к нам в окно.

Наставник, наконец, обернулся, с уважением посмотрел на юную леди и кивнул.

— Будьте осторожны, Тайри. Я не хочу, чтобы с вами произошло что-то опасное.

— Всенепременно, мастер, — девушка постаралась, чтобы ответ выглядел убедительным. Все равно, что бы ни случилось, она будет рисковать первой, несмотря на все его просьбы. Именно поэтому под роскошные пальмы острова она проскользнула раньше ваюмна.

Ничего не случилось — пока. Пели птицы, перекликались в кронах деревьев чудные большеглазые зверьки с длинными полосатыми хвостами, перебегали тропинку ярко-оранжевые и радужно-зеленые ящерицы. И бесшумно шагали впереди трое смуглых до черноты проводников в неброских серо-зеленых одеждах. Старик с серебряной, похожей на нимб, шевелюрой; зрелый воин и мальчик лет тринадцати. По очереди то один, то другой набрасывал на голову невесомый капюшон, делал шаг с тропы и мгновенно растворялся в лесу. Ваюмна и его ученицу вели в некое место, где "на них посмотрят и примут решение". А уж потом только пропустят к границе плоскогорья. Мастер Гайдиар этих троих не интересовал, а вот на Тайри они смотрели с каким-то детским любопытством. Ей казалось, они едва удерживаются от желания притронуться к ней, дабы убедиться в том, что она настоящая. А еще воин с профессиональным интересом присматривался к легкому мечу, что уютно устроился в ее заплечных ножнах. «Это он еще кинжал не заметил», подумала леди Даллет, — «тот, пожалуй, ему бы еще больше понравился...» Вскоре заросли подступили вплотную к тропинке, а деревья сплели над ней ветви, образуя живую арку. Казалось, что путешественники оказались в невероятной лесной галерее, где колоннами служили странно гладкие золотисто-коричневые стволы деревьев. За очередным поворотом дорогу перекрыла завеса из цветущих лиан. Раздвинув ее, проводники вывели своих подопечных на круглую поляну, пронизанную солнечным светом. Здесь лесной купол поднимался на огромную высоту, став ажурным. Тайри и мастер Гайдиар переглянулись. Странное было ощущение: будто не в лесу они вовсе, а в храме. Особое это было место, пропитанное благоговением и надеждами многих поколений людей. Ваюмну стало не по себе. Его ученица это вряд ли смогла ощутить, ей же не объясняли, как заглядывать в разнообразные места Тонкого мира, как понять, где стена между ним и грубой реальностью тонка, а где непробиваема и мощна, точно крепостная. Здесь, на этой поляне, стены вовсе не было, лишь тонкий полог, занавес из воздуха и света, и за ним — кто-то древний, с удивлением и интересом обративший на них свой нечеловеческий взгляд.

Старик подошел к утопающему в траве плоскому камню, с улыбкой опустил на колени и высыпал из маленького мешочка приношения, совсем, казалось бы, смешные: несколько ярко-лиловых жемчужин, бирюзовые ветки кораллов, что-то еще...

— Ты балуешь меня, брат. — Легкий шепот прозвучал в головах у людей. В отдалении, среди омытых солнцем стволов, появилась призрачная фигура. Высокая, изящная женщина, в невесомых полупрозрачных развевающихся одеждах, танцующим легким шагом приближалась к ним. Смуглые тонкие руки плели реальность из шороха листьев, звона золотых браслетов, стрекозиного танца, солнечных лучей и человеческого дыхания. Там, где она ступала, распускались алые и белые россыпи цветов. В иссиня-черной гриве волос прятались звезды, ожидая своего часа. На шее подрагивал каскад капель росы, скрепленных паутиной. Ясные глаза сияли, пухлые губы прятали улыбку, солнечные блики скользили по

идеально гладкой коже. Проводники взирали на женщину-сказку со смесью священного трепета и обожания. Маги прекрасно видели, что это лишь облик, за которым таилось существо более древнее, чем окружающий их мир. На дне зрачков прекрасной незнакомки плескалась прожитая вечность, а внутри ярко горела частица Пламени Первозданного. Она горит почти в каждом, но если у обычных людей это лишь искра, а у магов — огонек свечи, то появившаяся перед ними сущность носила в себе очаг. Она могла стирать в порошок горы, поднимать со дна морского материка, творить чудеса и создавать живое и неживое, но... почему-то жила среди джунглей в полной неизвестности, почитаемая маленьким народом, как богиня — но и только. Это было, как минимум, странно, но не людям судить...

Дивная хозяйка острова остановилась в нескольких шагах от коленопреклоненных людей и магов, долго смотрела на них, будто читала в раскрытой книге.

— Каких восхитительно неправильных чародеев ты привел ко мне, брат! — сказала она, и ее серебряный голос прохладой окутал внимающих. — Первый — странник, не стремящийся домой; искатель, вплотную приблизившийся к своей цели, но не желающий ее видеть; чародей, не раскрывший себя и на треть. И вторая — дева, носящая оружие, точно страж, воин или охотник; целительница, способная убить. Пусть ради защиты или во имя долга, но... Чужак, которого принял мир, и его спутница, всеми корнями древнего леса проросшая в мир, но с легкостью способная его покинуть. В преддверии тяжелых времен такие люди и появляются. Мир притягивает неправильное и невозможное. Но я не вижу пока, чем эти двое могут что-то исправить здесь.

— Возможно, есть еще кто-то более неправильный, кого мы приведем за собой, — тихо ответила Тайри.

— Приведёте. Может быть. Если... — Голос хозяйки острова стал совсем тихим, а взгляд — очень печальным. — Удачи вам.

Она что-то сделала, мастеру Гайдиару показалось — изменила саму ткань мира. Заблестели пылинки в солнечных лучах, бросились врассыпную бабочки и стрекозы, смолкли птицы. По ту сторону поляны вдаль уходила тропа — полоса сухой, растрескавшейся земли среди влажных джунглей. Там, дальше, лес был молчалив и мрачен, тянуло оттуда чем-то чужим, горьким и смертельно опасным. Самый младший из проводников упал на землю, скорчился в позе зародыша, закрывая голову руками. Старшие держались стойко, но и им это давалось с невероятным трудом. Тайри устремилась в открытый проход почти бегом, не желая подвергать мучениям ни в чем не повинных островитян. Сама она так остро влияние чуждого не ощущала, возможно потому, что помогали обереги и хорошо поставленные магические щиты.

Деревья закончились быстро. Кустарники, папоротники и всякая "ползучая" мелочь упорно пыталась расти и дальше, превращаясь постепенно во что-то искаженное, шипастое, распространяющее едкие запахи, сочащееся на надломах желтым ядовитым соком. А потом и эта растительность исчезла. Под ногами звенела иссохшая грязно-бурая земля, то там, то здесь пересеченная глубокими трещинами. Ветра не было — совсем, и в жаркой духоте висело зыбкое марево. Дорога вела в гору, юная леди оглянулась на своего наставника: тот шел молча, но было заметно, что подъем дается ему с трудом. Далее лежало ровное, как стол, место, пустота которого казалась обманчивой. Их путь закончился внезапно. Казалось, кто-то просто срезал бритвой вторую часть плоскогорья. За отвесным обрывом до горизонта расстилалось плато — сплошь черный, оплавленный, как стекло, камень. В отдалении торчали странного вида невысокие скалы, больше похожие на фрагменты какой-то

гигантской стены. И тут, над обрывом, уже никакие щиты не могли полностью прикрыть Тайри от здешнего ветра, который не был ветром. Дуновение чуждого, извращенного, разрушительного, корёжащего самую суть мира воздействия, с каждой секундой отбирающего новую частичку сотворенного когда-то. Путешественников коснулась лишь тень тени того, чему они даже не могли подобрать название, а уже стало невозможно дышать. Но и оторвать взгляд от горизонта тоже было невозможно.

— Чувствуете, миледи? Главное там, за этими скалами. Там проходит некая грань, а может, стена, которая удерживает чудовище. Это все очень... хрупкое. Нам надо подобраться как можно ближе, чтобы понять, что там происходит и насколько все плохо.

— Да уж, по-моему, хуже некуда, — поморщилась младшая герцогиня Даллет. В Кер-Алессе темный Поток был рядом, но не здесь, изоляция худо-бедно жила. А в этом месте... У меня даже слов для описания не находится. Там, за этими "клыками", будто провал в бездну, созданную Отступником.

— Вы уверены?

— А вы разве не чувствуете, кроме всего прочего, всепоглощающую ненависть, что бьет оттуда? Ненависть ко всему, что живет по своим законам, что еще не перемолото, не искажено, — произнесла Тайри, исследуя даль при помощи заклинания "зоркого глаза". Чары действовали плохо, сильно приблизить предметы не удавалось. Мысль посмотреть вокруг так, как смотрят целители, когда обследуют своих пациентов, почему-то показалась правильной. Увиденное заставило ученицу ваюмна содрогнуться.

— Знаете, мастер, на что похожа эта пакость за скалами? Если меня не обманывает магическое зрение — на опухоль, пожирающую больного. Она очень агрессивна, она силится расти и захватывать новые ткани, но кто-то сумел запереть её в неких пределах, видимо, не успев вовремя уничтожить, пока эта дрянь была маленькой. И я впервые вижу, чтобы так странно выглядели барьерные чары. Они будто бы чем-то сродни тому, что внутри них.

— Хотите сказать, что целители никогда не лечили подобное подобным? — Появившийся, как водится, внезапно, синий дракон, был мрачен и взъерошен.

— Лечили, Скайяр, — кивнула Тайри. Как же она была рада его видеть! Это место здорово пугало, и поддержка стала совсем нелишней. — Только вот как же надо вывернуть наизнанку собственную суть, чтобы уподобиться...

— Моя леди, вы уверены, что хотите знать, как? — Голос дракона потерял все свои краски, стал таким же безжизненным, как и все вокруг. — Надо всего лишь заставить себя умереть. Медленно, болезненно, страшно, осознавая каждый шаг, приближающий тебя к небытию. Если ты — существо, созданное из Пламени Первозданного, если твоя суть — сама жизнь, а цель — благополучие твоего мира, если ты идешь против собственных правил, у тебя получится удержать смерть смертью.

— Здесь умер один из вас... — прошептал, осознав сказанное, мастер Гайдиар.

— Почти так. Когда Это проросло здесь, самый старший из Князей-Хранителей закрыл мир собой. А его подруга осталась, чтобы поддерживать созданный им барьер. Если бы не она — кто знает, что стало бы с островом и его жителями. Эта зараза из тех, что всё разъедает и везде проникает.

— Но она же...

— Глита из тех, кто вложил в наш мир не просто силу — часть самого себя. Могла ли она поступить по-другому?

— Как же она выдержала? Он ведь умирал у нее на глазах, и ничего нельзя было сделать... — Тайри стало жутко, когда она представила это. Быть рядом и не иметь возможности хоть как-то облегчить страдания любимого существа... Да лучше уж самой оказаться на его месте!

— Не представляю, моя леди. Даже в моей голове это не укладывается. Знаю только, что Хранитель запретил ей вмешиваться. Наверное, часть ее так и умерла вместе с ним. Такие, как Глита, бессмертны, пока свободны. А их с Хранителем сначала связывала любовь, потом смерть. Теперь ее держит здесь слово, данное ему, и долг перед сотворенным миром. Она уязвима и слабеет с каждым годом. А то, что там... — Скай махнул рукой в сторону торчащих на горизонте "зубов". — только растет и крепнет.

— Нам нужно пройти к этим скалам, — вывел всех из задумчивости наставник.

Ученица печально посмотрела на дракона, потом, с тревогой и нежностью — на своего мастера, сказала твердо:

— Я пойду одна. Вам незачем туда соваться.

— Тайри, вы в своем уме? Если с вами что-нибудь случится... — ваюмн хотел сказать, что не переживет этого, а если, попушением Создателевым, сохранит жизнь, то ни за что себе не простит, но не успел. Юная леди уже проложила Короткий переход к нужной точке.

— Вы очень хорошо ее научили, мастер, — с уважением сказал Скайяр, — а решительность и безрассудство, сами знаете, у нее наследственные. Идите, я удержу Переход до вашего возвращения.

Ваюмн благодарно взглянул на дракона и шагнул следом за своей ученицей.

За скалами не было ничего — то есть, ничего необыкновенного. Обычный человек увидел бы только груды серого каменного крошева, будто стекающиеся к невидимой воронке, и все те же причудливые скалы, ограничивающие некое пространство. Насторожить мог, разве что, слишком темный цвет неба между ними: грозовой синий, а не выцветший голубой, как над головой. Маги, умеющие смотреть иначе, увидели бы над землей призрачный "пузырь", цепляющийся за камни и землю разной толщины "пуповинами". На "пузырь" долго смотреть было невозможно. Он отвратительно содрогался, вспучивался буграми, тёк, меняя одно отвратительное обличье на другое, и ни про какое нельзя было сказать, что оно истинное. «Пуповины» судорожно подергивались, пытаясь подобраться как можно ближе к границе, обозначенной "клыками", но, будто обжигаясь, убирались обратно. Собственно, скалы, похожие на зубы, тоже не были тем, чем казались. Свернувшись кольцом вокруг отвратительного чудовища, удерживая на месте огромное магическое "зеркало", обращенное внутрь, к "пузырю" и уходящее высоко в небо и глубоко под землю, поймав зубами хвост, лежал огромный дивный серебристо-голубой дракон. Даже в смерти он был прекрасен и величествен. Дракон умер много веков назад, но магия его жила. К несчастью, жила и тварь, ею запертая.

Тайри взглянула в магическое зеркало и содрогнулась от омерзения. Наверное, это и был истинный облик твари: на десятках тонких, с многочисленными сочленениями, ног, покрытых сочащимися тьмой шипами, над землей возвышалось черное вытянутое тело, опоясанное двумя рядами вполне осмысленных злобных буркал. Больше всего чудовище напоминало паука, хотя, конечно, чем пауки-то провинились, даже ядовитый пустынный прыгун никогда не был столь омерзителен.

— О Творец, как же ты допустил такое, — едва слышно проговорил мастер Гайдиар. Его ученица оглянулась, укоризненно покачала головой.

— Я же просила вас...

— Не время пререкаться, миледи. Наша защита несовершенна, а дело за нас никто не сделает.

Он извлек из заплечного мешка широкую серебряную чашу, снял с пояса объемистую флягу. Быстро, разбрызгивая и проливая, наполнил сосуд почти до краев, остатки выплеснул на камни. Вода мгновенно высохла, оставив белые разводы соли. Тайри понимала теперь, для чего это делается, и кому придется разбираться с этим отродьем Тьмы. Если есть хоть капля воды — император увидит все, что в ней отразится. Увидит и что-нибудь придумает. Мастер отбросил в сторону ставшую ненужной флягу и замер, зачарованно глядя на происходящее за магической преградой. Одна из "пуповин" резко ударила, едва не пробив "зеркало", ваюмн, опомнившись, отскочил, а Тайри подняла между наставником и стеной самый мощный щит, на который была способна. Оба заметили, что сотворенная погибшим драконом "стена" выдержала, но прогнулась, будто плотная мембрана. Это свидетельствовало лишь о том, что какой бы сильной ни была магия, она за века ослабла. Сколько ей осталось, кто знает?

— Давайте возвращаться. — Ваюмн выглядел ошарашенным и дышал так, будто бегом поднимался по крутой лестнице, — эта тварь видит нас и пытается укусить.

Вместо ответа ученица ощутимо подтолкнула наставника к открытой арке Короткого перехода. Они почти не удивились, когда вышли вместо негостеприимного обрыва на теплый, залитый вечерним солнцем, берег моря. Скайяр постарался. Да и к чему им было возвращаться через лес? Ни островитяне, ни их таинственная покровительница ничем помочь не могли, более того — сами нуждались в защите. А вот попасть домой с берега было куда проще.

— Наставник, что это за тварь? Вам такие нигде не встречались? — первым делом спросила Тайри.

— Я не знаю, как оно называется. Наверное, ни в одном из языков им нет имени. Во время странствий моего народа мы случайно нашли несчастный мир, в котором подобные создания не получили отпора.

— Они все такие? Похожие на пауков?

— Не обижайте честных плетельщиков паутины, миледи. Пауки — хищники, живут охотой. А это... паразиты. Стоит в мир безнаказанно попасть одному, он наестся до отвала, выведет потомство, и тогда уже поздно будет что-то спасти. Не знаю, может быть, нам встретился молодняк, копошащийся вокруг собственной скорлупы, но то, что я увидел здесь, намного опаснее и сильнее. Наверное, настолько же, насколько дракон сильнее и опаснее обычного мага, да простят меня драконы за такое сравнение.

— Простят, простят, мастер. — Скайяр, как ни в чем не бывало, сидел на поваленном дереве, держа в руке широкий глянцевый лист, свернутый в кулек, полный отборных оранжевых ягод. — Вы совершенно точно подметили. Как удалось понять кое-кому из наших... ну, скажем, магов, это и есть одна из попыток темных создать своего дракона. Не секрет ведь, что всё, созданное Творцом, Отступник намеренно повторяет. Обезьянничает... Только вот подмастерью никогда не превзойти мастера, и получается оно... вот такое. Уродливое, прожорливое, способное лишь паразитировать и размножаться. Страшно то, что остановить такого паразита способны только самые сильные и огромной ценой. Нашему миру, очевидно, повезло. Угощайтесь! — он протянул наставнику ягоды. — Этот сорт растет только здесь. Удивительно вкусно.

Ваюмн усмехнулся, но угощение принял, забросил в рот несколько ягод, зажмурился от удовольствия.

— Вот ещё, — дракон жестом фокусника извлек из-за спины внушительную корзину, полную фруктов и ягод, — это островитяне о вас позаботились. Забирайте с собой.

Тайри обернулась, хотела задать очередной вопрос, но Ская уже не было. На то место, где он только что сидел, выползла большеротая золотистая ящерка, замерла, пригревшись на солнце.

— Нет, дорогая, Ская ты нам не заменишь, и с собой мы тебя не возьмем, — сказала леди Даллет, с трудом поднимая подношение островитян, — не смотрите на меня так, мастер. Я вам этот груз не доверю.

— Это почему же? — ваюмн попытался притвориться обиженным.

— Потому что боюсь, что до дома доживет только корзина.

Наставник виновато посмотрел на лист-кулек, который все еще держал в руке. Ни одной ягоды там не осталось. Тяжело вздохнув, он кивнул и принялся творить Короткий переход домой. Мастер уже скрылся в жемчужной арке, а Тайри, сама не зная зачем, задержалась. Странно, но домой ей совсем не хотелось. Огромная бабочка с переливчато-синими крыльями описала круг и уселась на плечо девушки, никуда не собираясь улетать. Тайри улыбнулась:

— Пойдешь со мной? Надеюсь, тебе понравится. А зимой будешь жить у мамы в оранжерее. Она бабочек любит...

Наставник восхищенно воззрился на яркое крылатое чудо, вспорхнувшее с плеча его ученицы и немедленно устроившееся на знакомых цветах. Два тропических куста в вазонах непонятно как выживали в кабинете вечно занятого ваюмна. Именно сейчас им вздумалось цвести... Мастер долго любовался муаровыми узорами на крыльях бабочки, потом сказал:

— Леди Даллет, нам нужно серьезно поговорить. Очень серьезно. — На этот раз не получился у него ни равнодушно-ледяной тон, ни твердый голос. Вышло как раньше — взволнованно и очень грустно.

— Так мы уже вроде поговорили, мастер, — устало и отстраненно ответила Тайри, — вы мне всё чрезвычайно доходчиво объяснили. Я, вроде бы, из понятливых...

— Нет. Не всё. И не так, как должен был. — В ответ об пол тяжело бухнулась корзина. Он обернулся удивленно и встретил вместо знакомого, хоть и разгневанного, лица мертвую гипсовую маску с подернувшимися тонким льдом глазами. Ваюмн догадался, что произошло, и потянулся к ученице сразу и чувствами, и заклятиями. Темная тварь с острова Глид никого не оставила невредимым. Половина практически идеальных щитов Тайри была разрушена, остальные истончились или были изъедены чуждой магией, точно едкими растворителями алхимиков. И сквозь это "решето" легко проникала та Сила, что уже не раз предъявляла на Тайри права. Время шутя взламывало остатки защиты, захватывало внимание и мысли, глушило чувства, отрезало от действительности. Куда сейчас смотрела Тайри? В прошлое? В будущее? Да какая, в сущности, разница. Если это не остановить, прекрасная, живая, нежная, юная и очень талантливая волшебница превратится в несчастное, замкнувшееся в себе существо, прячущееся от солнечного света. Если это не остановить немедленно, нагрянут мрачные неразговорчивые жрецы в песочного цвета рясах и заберут ее — навсегда. Мастер Гайдиар не раздумывал ни мгновения. Пусть его осудят, пусть потом говорят, что хотят, пусть кто-то до омерзения правильный и рациональный нашептывает, что он все равно её потеряет, так не проще ли...

Мастер отбросил все посторонние мысли, все опасения, всё, что мешает, крепко обнял Тайри, будто пытаясь согреть.

— Тайри, милая, не бросай меня, не надо, — шептал он, целуя ее глаза, щеки, губы, — я знаю, ты совсем не хочешь в этот холод, и я не хочу... Не исчезай, только не исчезай, ответь мне, умоляю! Ты — самое прекрасное, что дарила мне жизнь, я не хочу тебя потерять...

Девушка не отталкивала, но и не отвечала, оставаясь безучастной куклой в его руках. Наставник чуть не закричал от отчаянья: неужели поздно? Он ведь сам когда-то сказал ей, что Время ревниво и крайне неохотно отступает от своих избранников. Губы Тайри дрогнули, отвечая на поцелуй, и ваюмн почти потерял голову от облегчения: удалось! От радости, что его не оттолкнули и не отвергли. От того, что чувства взаимны, и еще от чего-то, в один момент изменившего его самого. Почти, но не настолько, чтобы перестать чувствовать опасность. Сейчас он ощущал потянувшиеся к Академии особые чары жрецов Времени, еще чьи-то заклятья — наострившиеся "длинные уши" и "зоркие глаза", вовсе незнакомые и непонятные нити, устремившиеся к ним обоим в обход всего видимого и невидимого. Мастер Гайдиар легко, будто всю жизнь этим занимался, создал вокруг них с Тайри защитный кокон, а потом — просто потому, что не любил шпионов — перепутал, переплел и связал как попало чужие чары. Теперь он мог и это. Усмехнувшись про себя

(пусть теперь ломают головы все желающие подглядывать), он продолжил то, с чего начал. Время, говорите? Он не отдаст ни секунды, сколько бы им ни было отведено судьбой, чтобы любить друг друга. И вообще, как можно оторваться от этих губ...

Когда двое жрецов в песочных рясах с вышитой золотом руной "нефез" почти подбежали к дверям кабинета мастера Гайдиара, их встретил странный человек в странных одеждах явно нездешнего покроя. Смерив их скучающим взглядом ярко-синих глаз, он сказал:

— Мастер Гайдиар очень занят. Вряд ли он вас примет.

— Для нас он сделает исключение, — прошипел один из них, — а вам придется подождать.

— Да пожалуйста, я не претендую, — улыбнулся синеглазый и демонстративно уселся на подоконник.

"Песочный" дернул дверь раз, другой — она не пожелала открываться. Когда же жрец догадался, что она открывается в другую сторону, служители Времени Всемогущего увидели за ней нечто, совершенно им не понравившееся.

— Поздно, тьма их раздери, — ругнулся один.

— Связи порваны, она больше не наша, — уныло подтвердил второй.

— Это ваших рук дело? — Первый жрец резко обернулся к сидящему на подоконнике посетителю и никого не увидел.

— Ну что вы, разве я могу? — Синеглазый обнаружился рядом с распахнутой дверью, с удовольствием полюбовался на очередной нежный поцелуй. — Это судьба. Перед ней, знаете ли, даже боги бессильны.

Он развел руками, показывая, что в данной ситуации ничего уже не сделаешь, и... исчез.

Один из жрецов возмущенно хлопнул дверью, развернулся и почти бегом отправился восвояси. Второй же оглянулся в поисках исчезнувшего собеседника.

— Ну, попадись ты мне еще, — прорычал он, обращаясь, почему-то, к потолку, и последовал за своим коллегой. На потолке, расправив крылья, сидела большая синяя бабочка. Минуту назад она выпорхнула в раскрытую дверь кабинета и понятия не имела, за что этот смешной человек так на нее обозлился.

— Что мы делаем... — Тайри все-таки удалось отстраниться. Совсем чуть-чуть.

Ваюмн притворно нахмурился. Ему совершенно не хотелось прерывать то, чем он секунду назад занимался.

— На моей памяти — а она, знаешь ли, долгая — это всегда называлось поцелуем. У тебя иные сведения?

— Мы ниспровергаем основы и попираем устои. — Тайри тяжело вздохнула. — Мы оба сумасшедшие, Гай...

— Именно! А также нагло нарушаем неписанные законы, моя леди.

— Желаете немедленно прекратить, мастер?

— Ни в коем случае... — Тратить и далее время на слова он не счел возможным. Равно как и выпускать из объятий свою леди. — Это будет преступно вдвойне.

— Почему это?

Мастер не ответил, ведь так чудесно было обнимать ту, что все еще оставалась его ученицей, чувствовать восхитительное тепло ее тела, нежные прикосновения ее рук и целовать, не отрываясь... А слова — это всего лишь слова. Можно ведь обойтись и без них, особенно, если впервые за всю свою бессмысленно долгую жизнь обнимаешь любимую

женщину... Кто придумал эти перевязи с кинжалами и прочие жесткие ремни? Так мешают, как и многое другое, но торопиться ни к чему. Именно в этом спешить мастер не хотел, будут еще дни и ночи — для всего свой черед. А сейчас можно просто прижать ее к себе, зарыться носом в распутившиеся волосы, пахнувшие горькими травами и жасмином, и забыть обо всем на свете.

**** **** ****

Тайри давным-давно вернулась домой, а мастер Гайдиар, кое-как приведя в порядок мысли, зажег светильники и принялся за подробный отчет о путешествии на остров Глид. Следовало не упустить ни единой детали. И чем дальше ваюмн обдумывал их поход, тем сильнее убеждался, что нет ничего неважного, малейшие подробности могут пригодиться его величеству, которому одному под силу разобраться с происходящим на острове. Мастер до сих пор не мог отделаться от ужаса, который овладел им во время "прорыва", когда Время пыталось отобрать у него Тайри. А если бы она вообще была где-то одна? Если бы его не оказалось рядом? Ведь можно потерять ее навсегда. Конечно, все хорошо, что хорошо кончается, только ведь он так и не рассказал ей, что собирался. Но сделать это просто необходимо. Он будет честен с ней, иначе нельзя. Возможно, после этого разговора его счастье закончится. В любом случае, только Тайри решать, остаться ли на расстоянии или же быть вместе с ним до последнего дня в этом мире. Сейчас ваюмну совершенно не хотелось думать о висящем над ним долге, о поисках, о том, что он — последний, кого дожидается целый народ. Думать не хотелось еще и потому, что мастер Гайдиар чувствовал: никуда ему от своего пути не спрятаться. Что назначено свыше — исполнится. А раз так, можно и нужно думать о насущном и важном, иначе все зайдет слишком далеко... Хотя куда уж дальше. Они с Тайри почти что преступники, и безумно счастливы. Как же хочется, чтобы счастье длилось как можно дольше...

Мастер и не заметил, что ночь кончилась. Глядя на нежное серо-розовое небо, ваюмн подумал, что одну маленькую, но бесспорную победу он-таки одержал. Обставить жрецов в песочных рясах, опередить тех, кто был с самим Временем "на ты", хоть на долю мгновения и не отдать им самое дорогое на свете — чем не повод для радости? Откуда взялись на это силы, каким образом ему удалось все сделать правильно — мастер Троп понятия не имел. Ничего подобного раньше он за собой не замечал. Осознание новых возможностей разбудило любопытство, и наставник осторожно потянулся чарами к нити, что связывала его с ученицей. Тайри спала, и снилось ей что-то тревожное, возможно, даже страшное. Интересно, что может напугать его отважную девочку? Нет, не нужно кошмаров, пусть сны будут теплыми и ласковыми, хотя бы сейчас, успеет еще насмотреться... Мастер мысленно обнял ее, отогнал прочь все тяжелые и мрачные видения и с неохотой отпустил чары. Надо было идти домой и тоже попытаться уснуть. Если он явится на доклад к императору со слипающимися глазами, это, скорее всего, истолкуют превратно. Где-то тут была склянка со снадобьем от мастера Эйтана...

**** **** ****

Сколько ни откладывай тяжелое дело, а оно никуда не денется. Вот и разговор с ученицей неумолимо приближался, а мастер, в сотый раз пытаясь собрать свои мысли в мало-мальски стройный рассказ, в сотый раз отступался. Оставался последний способ, который никогда его не подводил. Когда легкое перо бежало по бумаге, все складывалось само собой. Что ж, так даже проще. Ученице придется прочитать его исповедь. Ваюмн тяжело вздохнул, положил перед собой стопку листов бумаги и углубился в собственное

прошное, переливая его в четкие ровные строчки.

"О боги всех миров, скажите, как в несколько фраз или в несколько страниц уместить жизнь? Пусть уже далекую, отступившую на второй план, но все еще властно держащую руку на пульсе у меня теперешнего? Возможно ли рассказать не только о себе — о целой обширной стране? О мире, странном, но любимом, покинутом вовсе не по собственной воле. А ведь не все из моего народа ушли. Еще тогда, на первых шагах Долгого пути, говорили, что нашлось немало желающих остаться. Их называли предателями, ослушниками, еретиками... А, может быть, предатели — это мы, решившиеся на исход, бросившие родные города и могилы предков на произвол судьбы. Ведь нас никто не гнал из собственного мира, не было ни войны, ни мора, ни голода. Просто было слово Предстоящих, имеющее для большинства из нас силу закона... Но — обо всем по порядку.

Наш народ — Оргре — жил на обширном архипелаге, цепью протянувшимся в теплых широтах благословенного океана. Его так и называли — Драгоценный Пояс мира. Земли были богаты, на островах добывали всё: и железо, и медь, и самоцветные камни, и горючее каменное масло, и целебные воды. На плодородных полях собирали по два урожая в год, болезни и бедствия долгое время обходили нашу страну стороной. Как полагали многие поколения моих соотечественников, так было потому, что наш народ жил всегда под благодатной рукой Предстоящих. Они никогда не скрывали от людей, что не являются ни детьми Творца, ни прочими наивысшими сущностями. Подмастерья младших подмастерьев, вызвавшиеся оберегать и направлять избранный народ, который должен был сохранить знания и понести их дальше, только и всего. Но это откровение затерялось и почти забылось за многие века, ему просто перестали придавать значение. Да, скорее всего, Творец где-то есть, а Предстоящие — вот они, помогают, охраняют, исцеляют, любой может увидеть их. Да-да, представь себе, они охотно являлись в свои храмы, почти все. Наиболее почитались Семеро Светлых и Трое Темных. Хотя, какие они, в сущности, Темные — просто наименее понятные и редко поминаемые всуе, отвечающие за воздаяние, посмертие и время. Вполне естественно, что люди не мыслили своей жизни без внимания этих существ и прислушивались к каждому их слову. Что мы знали о том, как живут другие народы и страны на огромном материке по ту сторону океана, на холодных приполярных островах? Только то, что нам позволяли узнать, как я теперь думаю. Приходили диковинные корабли с товаром, сходили на берег купцы и моряки, но я не помню, чтобы кто-то их расспрашивал о жизни за океаном или просился увезти их с наших благословенных островов. Здесь — просвещенный мир, там — варвары, погрязшие в междоусобицах. Здесь — покой и радость, там — дикие леса, стихийные бедствия и болезни. Здесь — настоящие заступники перед лицом Творца, а там — придуманные боги и примитивные суеверия, то есть ничего истинного. Это знал с пеленок любой житель нашей страны, и у него мысли не возникало, что может быть иначе. Поэтому, когда всё началось, никому и в голову не пришло возражать или, хотя бы, разузнать, в чем причина. Настоящая причина.

В один, как выяснилось, далеко не прекрасный день, Резар Великий Защитник сам вышел к народу, спустившись по ступеням сотен храмов, где почитали его.

— На материке, что лежит за океаном, поднял голову наш извечный противник. Очень давно, будучи побежден тем, кто много сильнее и мудрее нас, он никак себя не обнаруживал. Мои братья и сестры думали, что он никогда уже не восстанет. Но побежден — не значит уничтожен. Творец в великом своем милосердии зачем-то оставил ему жизнь... Мы ошиблись. Враг проснулся, он полон сил и жаждет изменить мир по-своему. Мы попробуем

уладить дело миром, ибо слишком высока цена иного пути. Но если он не прислушается к нашим... настоятельным просьбам, нам придется воевать с ним. И исход этой битвы может быть любым.

— Но почему, о Пресветлый? Разве вы, Предстоящие, не всемогущи? — спросили его.

— С этим противником не всё просто, — печально ответил Предстоящий. Он — такая же часть Мира, как и мы сами. Как и вы. И... как ни странно, он древнее нас. Как и мы — дитя Творения, только видит миропорядок совсем иным. Мы по-разному понимаем благо нашего мира, я уж не говорю о его будущем. Не уверен, что народу Драгоценного Пояса в этом мире найдется хоть сколько-нибудь достойное место. Поэтому слушайте и запоминайте! Чтобы наша Сила, Память и Знание не исчезли вместе с нами, а наш возлюбленный народ не остался без защиты и опеки, мы оставим нашу кровь в наших детях. Идущие за нами будут сильнее нас!

Почему только пятеро из семи Светлых решились на такой шаг? Почему не последовали их примеру Трое Темных, которые тоже имели немалую власть в нашем представлении? Никто и не спросил, также, как никому не пришло в голову подумать, почему Предстоящие остановили свой выбор на определенных людях. Высшие существа, столько лет опекающие нашу жизнь, не могут ошибиться.

До сих пор теряюсь в догадках, почему Ноа Хранящая Знание решила, что ей нужен именно я. Я ведь не служил в ее храме, так — бывал там на обязательных празднествах считанные разы. Все остальные Предстоящие выбрали своих посвященных, что было логично. Кого, как не их? Я же, сколько себя помню, рос в храме, где служил отец, и не мыслил посвятить себя никому, кроме Райдо Открывающего Пути. Кстати говоря, Райдо был одним из двух Пресветлых, не пожелавших поддержать эту идею с детьми... Но об этом я узнал много позже. А тогда... Тогда, узнав, что избран Предстоящей, я преисполнился неуместным восторгом, а уж гордость моя вообще ни в какие рамки не лезла. Именно это здесь, у вас, называется гордыней и считается достойным наказания свыше. Отец мой, один из высших посвященных Райдо, отнесся ко всему, мягко говоря, скептически. А моей обожаемой матушки уже, к несчастью, не было среди живых. Наверное, ее одну бы я тогда послушал, ей одной было под силу образумить меня. Вправить на место мозги, как говорил отец. Хотя, я сильно сомневаюсь, что они у меня на тот момент вообще были. Вместо них имела место каша из предрассудков, неутоленных юношеских амбиций и прекраснодушных мечтаний о том, что будет, когда я... Короче, я был напыщенным дураком, не желавшим ничего слушать, ошалевшим от чувства собственной значимости. Отец говорил: перечитай Книгу Подвигов, узнай больше о той, что станет матерью твоего ребенка. Не хвастайся этим направо и налево. "Не обольщайся, безумец!!!" — кричал он утром того дня, когда я должен был войти в храм Знающей, — "тебя же просто используют!! Ноа никогда никого не любила, она холодна, как лед. Троица Темных в тысячу раз понятней и ближе людям, чем эта покровительница алхимиков и астрономов. Всё что она делает или делала — это расчет, а не любовь. Её собственные посвященные клянутся, что не понимают свою богиню. Как можно что-то делать для мира, не любя его? Задумайся, несчастный, какова её истинная цель? Знаю, нам всем с молоком матери внушают, что помыслы и пути Предстоящих неисповедимы, что мы лишь должны исполнять их волю. Но Райдо давно отошел от старых догм, он проводит много времени с теми, кто способен его услышать и понять. Я, святотатец, не имею права рассказывать о наших беседах, но ради единственного сына... Поверь, ваше дитя будет таким, как захочет она, и только таким. Тебе же останутся только

слезы..."

Я не слушал отца, считая все это глупым старческим нытьем. Пришел в храм Ноа, ожидая неземных удовольствий и божественных откровений, на худой конец, напутствий по воспитанию волшебного дитяти, а вышло совсем иначе. На следующий день память моя была чиста, а голова зверски болела. Мне объяснили, что так надо, что это ради моего же блага, ибо воспоминания о таком событии будут ярче самой жизни, заставят вечно грезить о невозможном, а мне еще дитя воспитывать. Так что лучше смириться и делать, что говорят. Я-то, дурак, думал, что жизнь моя самым чудесным образом изменится, навоображал себе чуть не заоблачную обитель. И не заметил, что она, действительно, изменилась, да только совсем не так, как мне того хотелось. Для начала мне вменили в обязанность нести службу в храме Ноа. Ты избран — вот и служи. К счастью, освободилось место смотрителя главной библиотеки, и я немедленно потребовал его себе. По крайней мере, не надо было ежедневно присутствовать на службах и выслушивать бесконечные нравоучения ее посвященных. Именно тогда я и начал читать обо всём, что касалось Предстоящих, об их деяниях на протяжении всей нашей истории, их силах и характерах. Именно тогда я узнал, как они появились и зачем остались в нашем Мире, не последовав за Творцом дальше, к новому замыслу. Это было благой и достойной задачей — защищать, направлять, созидать, лечить и учить нас, таких беспомощных, короткоживущих и подверженных всяческому соблазнам. В тех же источниках я нашел упоминание о величественных Крылатых, любимцах Творца, но, увы, ничто не указывало на их силы и предназначение. Я удивился: если есть наши Предстоящие — понятные, близкие, такие притягательные в своей волшебной красоте и мощи, то зачем нужны еще какие-то древние летающие чудовища? И за что Творец их любил?

Еще я изо всех сил пытался понять, что же такое Ноа Хранящая Знание, чего стоит ожидать от нее и ее ребенка. Эта Предстоящая так и осталась для меня загадкой. Она почти все время стояла в стороне, не участвовала ни в каких коалициях, не просила для себя дополнительного могущества, не изменяла мир. Она лишь собирала и запоминала каждое мельчайшее событие, сохраняя для истории новое и сберегая старое. По легенде, именно от нее первые Оргре узнали письменность, научились счету, ей принадлежали первые в моем мире карты, как звездные, так и морские. Хранилища мудрости, созданные Ноа, были бесконечны, но в некоторые она не допускала даже собственных высших посвященных. Мне показалось это как минимум странным. Зачем тогда нужны эти знания? Ни пользы от них, ни удовольствия. Жрецы Ноа тут же поставили меня на место, напомнив, что не мне судить о замыслах их Предстоящей. Только Ноа известно, что и когда открыть людям. А еще я узнал, что Знающей оказался по сердцу Райдо Открывающий Пути, но непоседливый Хозяин Дорог шутя отверг ее чувства. Тогда я не придал значения этому старательно забытому эпизоду, а теперь думаю, не напрасно ли? И не потому ли Райдо отказался участвовать во всей этой задумке с наследниками? Второй была Сейден Хозяйка Вод. Ну, с ней-то все было ясно и понятно. Множество ее детей населяло наш мир — в каждой реке, озере или источнике обитал свой дух, и покинуть мир они ни в каком случае не могли. А вот хитроумный Райдо никому ничего не объяснил, и не собирался.

Три месяца, проведенные за старыми свитками и толстенными манускриптами — и я понял, чего мне безумно не хватает. Я тосковал о своем старом храме, о загадках, которые любил нам загадывать Райдо, о мудрых наставниках, познавших иные пути и даже заглянувших, по милости беспокойного Предстоящего, в чужие миры. В конце концов, тоска

настолько замучила меня, что я забросил книги и заявился к своему наставнику. Как это было ни странно, жрецы Ноа не сказали ни слова. Похоже, им было все равно. К моему огромному удовольствию, старый друг отца без лишних разговоров продолжил мое обучение. Через некоторое, достаточно короткое, время мы оба удивлялись, как много у меня начало получаться. Еще чуть-чуть, и мне самому можно будет натаскивать зеленых адептов Хозяина Дорог. Погрузившись в любимое дело, увлекшись путешествиями по ближним Тропам, я и думать забыл о том, что ждет меня впереди. Смешно сказать, но день, когда наш народ обрел Детей Надежды, стал неожиданным только для меня да еще для того солнечного красавца, что избрала Орсейя Щедрое Сердце. Избранницы Резара, Нива Искусника и Тейно Целителя, конечно, знали, когда появятся дети. Это только мы, два ничего не соображающих от растерянности мужика, испуганно взирали на крепких и крупных младенцев, что сладко спали в своих колыбелях, появившихся в храме Всех Алтарей. На дочерей — наших и... тех, кто нас избрал. Тех, кого мы, в сущности, не знаем и не помним. Естественно, что мы оба вели себя достаточно бестолково и понятия не имели, что делать дальше.

На наше счастье, все заботы о малышах взяли на себя служительницы храма, нас же просили только регулярно навещать детей. Во время таких визитов я с удивлением наблюдал за избранником Орсейи — вот уж кто проникся отцовскими чувствами чуть ли не с первых дней. Иногда я даже по-хорошему завидовал ему. Потом, когда малышня, с виду, надо сказать, совершенно обычная, подросла, начала ползать, а потом и встала на ноги, этот молодой посвященный возился со своей дочерью и прочими детьми наравне с няньками и мамочками. Я же, к позору своему, взираю на все это издали. Меня куда больше заботили первые мои ученики. Никогда не думал, что получится стать для кого-то наставником, и еще меньше думал о том, насколько мне понравится учить других. Однако же, вышло именно так. Тогда-то отец с неохотой поведал мне о двух талантах, дарованных мне при рождении. Такое случалось редко и, как правило, подобных людей либо чрезмерно превозносили, либо отторгали. Я не знал, что в будущем ждет меня.

Первый раз что-то откликнулось в душе, когда на прогулке под ногой моей дочери повернулся неудобный камень, и она чуть не упала в довольно глубокий овраг. Сам не помню, каким чудом я оказался рядом, подхватил на руки, не дав сорваться... И все было бы дальше прекрасно, не взгляни я в глаза этой трехлетней крохи. Не бывает таких глаз у милых невинных малюток. На меня с досадой и усталым удовлетворением взирали глаза недоброй, очень умной и много прожившей женщины. Ну, наконец-то, будто говорили они, зашевелился, соизволил проявить отцовские чувства. Долговато тебя пришлось ждать, папочка... Увы, кроме ощущения чего-то напрочь неправильного и чувства вины, у меня ничего не пробудилось. Наверное, ей и этого было достаточно. Воспитатели говорили, что Ноалика растет спокойной, некапризной и очень молчаливой. С другими детьми Предстоящих играет и общается мало, все больше дружит с книгами. Каждый раз, как я ее видел, я ощущал свою вину все глубже, все сильнее. Вину, но не любовь. У трех мальчиков и одной девочки были нормальные родители, а моей не повезло. Когда я узнал, что ей не повезло вдвойне, к чувству вины добавилась жалость. Дело в том, что родители-Предстоящие тоже навещали своих детей — так часто, как, видимо, могли. Счастливая избранница Резара говорила, что Великий Защитник приходит к сыну каждый день, пусть на час, но приходит. Родители-люди не вмешивались, когда приходили Предстоящие, более того, оставляли их наедине с детьми, и неизменно радовались каждому такому визиту. Ноа

пришла к дочери лишь раз. О чем-то долго говорила с ней, уложила спать, посидела в изголовье, что-то негромко напевая, поцеловала и исчезла. Странно, но дочь больше никогда не спрашивала, где ее мама.

Росла Ноалика, рос и камень у меня на сердце. Мне было тяжело приходить к ней. А она точно зала, что я не могу дать ей того, что в избытке получали от родителей другие дети, и наказывала меня. Требовала, чтобы я приходил к ней каждый день, играл с ней в сложные, не по возрасту, игры, что-то рассказывал о себе... Видя, что у меня не получается сложить головоломки, или я проигрываю, или огорчен чем-то, она смеялась... Ей не был нужен отец, просто нравилось смотреть, как вина и жалость съедают меня изнутри. Я прекрасно понимал это, но поделать ничего не мог. Так продолжалось бы и дальше, не столкнусь я в нашем "детском" храме с человеком, которого я никогда раньше не видел. Посторонних туда не пускали. Лицо его кого-то мне напомнило, но я не мог припомнить, кого именно. Узкое, с твердыми правильными чертами и крупным улыбочивым ртом, под густыми красивыми бровями — яркие светло-карие глаза с золотым ободком, вокруг них разбегаются лукавые морщинки. Темные тяжелые волосы тронуты сединой... Он долго смотрел, как дети плещутся в бассейне, а потом сказал мне:

— Прости, что не смог вовремя остановить тебя. В самом начале еще была возможность отказаться.

Я закрыл глаза, вслушиваясь в голос, и понял, кто рядом со мной. Райдо решил взглянуть на своего непутевого посвященного и его дочь

— Каким образом, господин мой?

— Я мог рассказать, что тебе уготовано. Дальше ты бы все решил сам... Мы стараемся не переходить друг другу дорогу, но в этом случае стоило бы наплевать на правила. Недостойно мучить чужих посвященных. Знающая хитроумна, любой из нас голову сломает, попытавшись разобраться в ее многоходовых планах... Разве что Кейла углядит что-то в будущем. Но здесь даже я могу сказать с уверенностью: Ноа нужно было заполучить некие знания и свойства, что живут у тебя в крови. Силы, что в ней дремлют. А вот зачем, это уже другой вопрос. Возможно, просто хотела мне отомстить, как многие женщины, которых отвергли. Но это слишком просто для нее... Скорее всего, Ноа в очередной раз вынашивает какой-то масштабный замысел. Никто не может знать, что у нее на уме.

— Темные могут.

Предстоящий тихонько рассмеялся.

— Может, и могли бы, если бы собрались все вместе. Но сейчас и у них другие заботы. Гворган присматривает за смертью и посмертием, а Ноа ни то, ни другое не грозит. Инала с её воздаянием пока бессильна — за мысли у нас не наказывают даже людей. Кейле сейчас и вовсе не до загадок — она пытается не выпустить из рук нити будущего. Вашего будущего, Гайдиар, будущего людей. Кто-то уже не в первый раз пытается вырвать их у нее. Если у нас не получится выяснить, кто покушается на ваше, да, честно говоря, и на наше время, мы можем навсегда потерять вас, и Мир тоже. Но это пока не важно, а важно то, что тебе предстоит малоприятная роль в чужом замысле, который ни я, ни ты не можем постичь. Будь осторожен, особенно, в обещаниях и клятвах. Десять раз подумай, прежде чем на что-либо соглашаться. Тогда есть шанс вернуться без потерь... И еще. Ноа, конечно, мастерски все по-своему устроила, но полностью контролировать тебя она не сможет.

— А она меня контролирует?

— Несомненно. Но тебе рано паниковать, ты все-таки мой посвященный, а это чего-

нибудь да стоит. Она может узлом завязаться, а куклы из тебя не получится, уже не получилось... Держись, друг мой...

Я открыл было рот, чтобы задать очередной вопрос, но непоседливого Хозяина Дорог уже не было рядом. Его фигура мелькнула где-то вдалеке, у белых колонн портика и скрылась. Я обернулся на недовольный детский окрик, и каким же недобрый и тяжелым был взгляд моей дочери, устремленный ему вслед. Что-то было не так с самой Ноа, с нашей девочкой, со всеми нами. Я хотел разобраться в тревожных предчувствиях, возникших у меня после беседы с Райдо, но так и не успел. Сперва пришлось срочно вытаскивать из беды не в меру ретивых учеников, затем выпускать их в мир и брать под крыло новых. А потом... потом начались все те изменения, что привели к Исходу.

Сначала Предстоящие перестали заглядывать к своим детям, а потом и к пастве. Их невозможно было дозваться. Магия, дарованная ими, ослабла или вовсе перестала действовать. Жрецы молились, чтобы силы исцеления, которыми ведал Тейно, не иссякли окончательно. Как ни странно, посвященные Хозяйки Вод по-прежнему легко справлялись с дождями и приливами, а мы вполне успешно бродили по Тропам. Только от нас, увы, не было никакой пользы людям. Творилось ли что-то в храмах Ноа, осталось тайной. Вряд ли все книги и свитки исчезли из библиотек, возможно лишь самые древние, существование которых поддерживала магия. Пострадать могла разве что уникальная память жрецов.

Все с огромным беспокойством и вниманием присматривались к детям Предстоящих — не скажется ли пагубно на них исчезновение родительской магии. Но дети росли, развивались и учились вполне успешно, кое-кто уже начал проявлять первые способности. Под руками дочери Орсейи все росло и расцветало, сын Тейно успешно лечил больных котят и птичек одним прикосновением рук, а наследник Резара поймал своего первого Ночного Плетельщика. Эти сущности жили рядом с людьми с начала времен и тянули из них силы. К ним относились, как к неизбежному злу — комарам или гнусу, осенним дождям или долгой зиме. Но когда твари угрожали жизни, особенно детской, их отлавливали и уничтожали. Жрецы слегка успокоились и сделали закономерный вывод, что магия вернется, когда Дети Надежды подрастут. Минул год, за ним второй и третий. В храмах по-прежнему служили молебны и праздновали, хотя никто из Предстоящих не откликнулся. Лучше не становилось, но и хуже не было. Все замерло в каком-то сонном расслабленном ожидании. Поэтому, наверное, на первую, непродолжительную засуху никто внимания не обратил. Жрецы Хозяйки Вод пригнали облака, и все тут же о ней забыли. А через пару месяцев жара вернулась, и какая! Пересыхали озера и реки, гибла рыба, полыхали леса, сохли на корню злаки, и конца-краю этому не было. Голод нам не грозил, наш государь, как и все его предшественники, был мудр и запаслив: даже в маленьких городах имелись хранилища зерна и других продуктов на подобный случай. А вот жажда... Вода быстро приближалась по цене к золоту. Посвященные Сейден не справлялись. Как оказалось, не так уж много было их у добрейшей Хозяйки Вод. Они старались, как могли, отдавали все силы и умирали, а люди лишались надежды на дождь или хоть мало-мальски полный колодец. Страна начинала роптать. Я сам слышал разговоры за спиной: на что нужны все эти жрецы, посвященные, маги, если они ничего не могут для людей сделать? Гнев и напряжение не просто витали в воздухе, они стали осязаемы, точно вязкий тяжелый дым, в котором невозможно дышать, как прикосновения невидимой и от того еще более мерзкой паутины.

Закономерно, что в какой-то момент отчаявшиеся толпы хлынули на улицы, устремившись к Храмовому Городу. И быть бы беде, не появившись перед кипящими

негодованием людьми Резар. О, он знал, как с ними разговаривать, как одним своим появлением изменить ход их мыслей... Предстоящий явился в самом впечатляющем своем облике, блистая серебром доспехов, демонстрируя все легендарное оружие, от молний-дротиков до огненной цепи, по желанию хозяина распадающейся на сотни смертоносных сияющих дисков. Толпа замерла от неожиданности, потом, стоило Резару в полголоса произнести слова приветствия, прислушалась, да и забыла, зачем и куда неслась, втапывая в землю неосторожно пытавшихся ее вразумить. Великий Защитник говорил и говорил, люди слушали, кивали, с удивлением оглядывались по сторонам — куда это меня занесло? — и тихонько расходились по домам. А я слушал и не слышал его слов. За всем внешним блеском, ослепившим доверчивую паству, от меня не скрылось лицо Предстоящего: мертвое, застывшее, с пустыми потухшими глазами. Я вспомнил, каким видел его раньше. Он ведь очень любил являться людям в разных своих обликах, поговаривали, что он бывает в храмах гораздо чаще, чем все его братья и сестры вместе взятые. Как любой мальчишка, я в детстве хотел быть похожим на него и служить только ему. Никогда на моей памяти Резар таким не был. Что же у них там, в их высоких Сферах, происходит?! Что превратило великолепного яростного Защитника в плохую копию Короля Мертвых, его Темного брата? А еще я заметил за его плечом хрупкую фигуру в сером, голову которой украшал веночек из полыни и полевых цветов. Юное лицо, седые волосы, улыбающиеся губы и огромные, очень грустные глаза цвета вечернего неба. Инала Справедливая, Воздающая по заслугам. Её мало кто видел и лицо, только те, к кому она явилась исполнить свой долг. Как известно, для нее не существует разницы: Предстоящий или обычный человек, царь или раб. Удивительно... Резар совершил нечто, заставившее Иналу появиться рядом с ним при всем народе? Что они все натворили?

А Великий Защитник, будто не замечая стоящей рядом сестры, продолжал повествовать, что он, вместе с остальными Предстоящими, из последних сил противостоит врагу на далеком континенте. Ужасно то, что многочисленные народы, там живущие, привыкли к другому укладу жизни и не желают их слушать. Кроме того, все эти люди считают врага (чудовище, кошмарное исчадие Тьмы — выбрать по желанию) первым после Создателя, своим покровителем, учителем и защитником. А еще тамошние народы готовы снарядить многочисленный флот и плыть к нашим островам с оружием в руках, дабы защитить своего покровителя и разрушить храмы окаянных демонов, посмеявшихся нарушить его покой и посягнуть на его паству. Поэтому-то у Предстоящих не хватает сил поддерживать магию на родине. Но свой народ они не оставят и не позволят жестоким варварам с материка уничтожить его. Посвященные Райдо уведут всех волшебными путями к новому дому, а дети Предстоящих укажут дорогу, помогут сохранить силы и не пасть духом. Не стоит волноваться, уходить придется только в том случае, если Предстоящие не смогут одолеть старое Зло и больше никому будет защищать их любимый народ.

— Что мы сделали не так? — крикнул кто-то в толпе, — скажи, Великий, за что нас наказывают?

Резар лишь виновато склонил голову, ответил устало:

— Не знаю. Наверное, за то же, что и нас.

— Не лги им, Резар, — прозвучал тихий голос Справедливой, — хотя бы сейчас не лги. Твоя чаша и без того тяжела.

— Мне и нести ее до конца, сестра. А они пойдут к новому дому налегке. Груз наших ошибок останется нам, им незачем знать, — также тихо ответил Предстоящий и исчез.

На следующий день всех, кто умел ходить по Тропам, тайно собрали в одном из храмов Указывающего Путь. Я не удивился, увидев на возвышении для ораторов отца. Он, как всегда, не стал произносить долгие речи.

— Приведите в порядок свои дела. Соберите самое необходимое заранее. В любой день, в любой час вы должны быть готовы выйти на Тропу и повести за собой остальных. Будьте спокойны, уверены в себе и сосредоточены. Возможно, люди будут роптать, плакать, ругаться... Научитесь находить нужные слова и верные решения. Уходить из обжитых мест всегда тяжело, а эта дорога будет очень и очень долгой. Ваша задача — дойти до конца, привести людей к новому дому. Райдо да благословит ваш путь...

Я нашел отца в его храмовых покоях, у небольшого бассейна. Он всегда говорил мне, что вода лучше всего возвращает ему душевное равновесие.

— Твои наставления были для других. Разве ты не пойдешь с нами? С учениками, с людьми? — спросил я, уже предчувствуя ответ.

— Я слишком стар для подобных путешествий, сынок. Мне совершенно не хочется стать легкой добычей для Тропы. Мне больно покинуть мой дом и могилу твоей матери. А вот сражаться с захватчиками я вполне могу, родные стены поддержат. Кроме того, наш великий покровитель и Хозяин всех Дорог никуда не собирается, а значит, я не вправе бросить храм.

— Но как же так...

— Сын, ты не ребенок, чтобы объяснять тебе прописные истины. Старики в дороге только обуза. И не пытайся меня уговорить. Вспомни, себя уговорить в свое время ты тоже не дал. Что поделаться, в какой-то момент наши пути должны были разойтись, лучше уж ты будешь помнить меня живым. Береги свою дочь, она, как бы там ни было, несет все сокровища памяти, что оставила ей Ноа.

— Хорошо, отец. Я не стану тебя уговаривать. Я просто буду рядом, пока это возможно.

Паники не было. Люди внезапно успокоились, им просто некогда стало бунтовать. Сразу появилось множество дел, которые не хотелось оставлять незавершенными. Ушли в тень ссоры, дразги, разногласия. И повсеместно поселилась тихая печаль. Как ни странно, далеко не все думали, что Исход неизбежен. Кто-то истово верил в победу наших Предстоящих, кто-то считал, что старый дом, как бы плохо в нем ни было, всяко лучше нового, еще и расположенного непонятно где. Кто-то говорил, что умирать один раз, так уж лучше в бою за самое дорогое, с оружием в руках и прихватив с собой парочку захватчиков. А кому-то просто было интересно, чем закончится противостояние с непонятным противником. Сколько бы ни было разговоров о близкой войне, никаких кораблей на горизонте не появлялось, никто не вторгнулся на нашу землю, огнем и мечом насаждая свои порядки и свою веру.

Пришли долгожданные дожди, да так и остались. День за днем небо закрывали низкие серые тучи, откуда то сыпало, то лило. Никто ничего фатального в этом не видел, хотя находились кликуши, вещавшие, что это Враг закрыл от нас небо, дабы мы не догадались, что всё уже изменилось и не смогли уйти вовремя. Однажды сильный ветер с моря умудрился-таки порвать сплошное облачное покрывало, а в разрывах люди увидели высоко-высоко парящие крылатые силуэты. Птицы, не птицы — никто понять не смог, но кто-то сказал: это вестники Предстоящих. Наверное, нам следует приготовиться... А потом над столицей пронесся горестный плач: Дети Надежды исчезли. Я не знаю и никогда не узнаю, с помощью каких титанических усилий нашим жрецам удалось удержать в узде бешеные эмоции, мгновенно охватившие людей. Я сам был на грани, постоянно переходя от апатии к

агрессии, от деятельного беспокойства к тупому ничегонеделанию. Друзья принесли добрую весть: Тейно, Орсейя и Резар явились в свои храмы, говорили с посвященными. Грядет нашествие, поэтому Силы куда более высокие, чем наши Предстоящие, спрятали Детей Надежды, чтобы враг не лишил будущего наш народ. А в храмах Райдо и Резара повсеместно открываются порталы на Тропу, ведущую к новому дому. В пути мы отыщем Детей Надежды, там они будут уже недосыгаемы для врага. Как это произойдет? Очень просто, их матери или отцы почувствуют, где малыши, и приведут к остальным. Как только все пятеро снова будут вместе, народ обретет мир, дом и новое будущее.

Оставалось только сделать тот первый шаг, который всегда лежит в начале любого пути и, как водится, самый трудный. Я, честно признаться, плохо помню, как его сделал. Вот я обнимаю отца — и вот я уже на Тропе, среди растерянных, испуганных, ничего не понимающих соотечественников. Уговариваю, успокаиваю, предостерегаю...

Первым нашелся сын Нива Искусника. У его матери был тонкий слух, она даже сквозь многоголосый гомон умудрилась расслышать мелодию, что вызванивала любимая музыкальная игрушка сына. В туманное ответвление "коридора" вместе с ней полезли двое самых сильных адептов Райдо. Конечно же, они все благополучно вернулись. Маленький Нивиор выглядел сильно повзрослевшим, окрепшим и очень серьезным. Казалось, за прошедшие по нашему счету несколько месяцев (хотя какое на Тропе может быть время...) он вырос на пару лет. Никто не удивился, когда этот мальчик пошел по Тропе впереди всех, уверенно выбирая нужные повороты и развилки. Именно Нивиор привел нас к месту первой длительной стоянки — в чужой, холодный, но вполне пригодный для жизни мир.

Нет смысла в подробностях описывать Долгий путь. Всё было: и время восторга и воодушевления, и дни смертельной неуверенности и колебаний. Тропа неизменно собирала свою дань, пожирая слабых, больных, слишком самоуверенных и чрезмерно трусливых. Мы шли, как и положено путникам, от приюта к приюту. Видели всякое, что-то могли понять, от иного бежали, сломя голову. Когда нашлась дочь Орсейи Щедрое Сердце, у остальных родителей появилось некое предчувствие, где следует искать их детей. Тогда было принято решение разделиться. Три мира скрывали в себе искомое, три больших клана отправлялись туда, сопровождая ищущего. С ними шли адепты Райдо, которые могли вывести всех в нужный момент на Тропу. Большая же часть людей следовала за детьми Орсейи и Нива к временному убежищу. Так я оказался в вашем мире. Нам повезло, один из императоров разрешил нам остановиться на острове Юм. Люди были рады передышке в таком теплом, гостеприимном и удобном для жизни мире, это невозможно было не заметить. Я поневоле сравнивал наши чувства с чувствами путешественника, который долгое время ночевал, где придется, а тут вдруг попал, как минимум, в богатый дом. Наши посвященные очень удивились, поняв, насколько щедро здесь разлита Сила, и как легко творить с ее помощью. Не мудрено, что наш остров так быстро преобразился.

Только прожив пару десятков лет в относительном покое, я понял, что несколько отличаюсь от остальных моих соотечественников. Я почти не менялся, словно время забыло обо мне. Остальные же выросли, старели, самые старшие и усталые умерли, отдав острову-подарку все свои силы. Самые умные, почувствовав приближение старости, уходили на Тропу, в ее безвременье. Их вели мои коллеги, посвященные Райдо, медленно, но верно догоняя основную массу народа на пути к временному убежищу. Там у них был шанс дождаться остальных и дожить до нового дома. Как говорили, в каждом мире, где шли поиски, стоял маленький храм. Там над пятью алтарями должно было когда-нибудь

загореться пять огней, а пока было лишь два — по числу найденных Детей Надежды. Я искал... Творец свидетель, чего я только не делал, чтобы найти мою дочь. А меня точно дразнили, обманывали, держали на определенном расстоянии. Только следы, отдаленные отголоски, нечеткие знаки ее присутствия где-то рядом, неверные знамения... Четыре сотни лет, и все почти зря. Мне повезло увидеть, как зажглись еще два огня — значит, я один не выполнил свой долг. О, это были страшные дни. Я ощущал себя полнейшим ничтожеством, не способным выполнить возложенный на меня долг, оправдать надежды моих соотечественников. Иногда мне казалось, что я чувствую насмешливое пренебрежение моей дочери: ну сколько еще ты будешь копать? Я буквально у тебя под носом, но ты, слепой крот, ничего не видишь! Соотечественники относились к моим неудачам по-разному: кто открыто издевался, кто молча осуждал, находились и те, кто сочувствовал, пытался чем-то помочь. Но постепенно все они ушли туда, где мой народ ожидает решения своей судьбы. В конце концов, нас здесь осталось не более двух десятков. Не скрою, последнее время я словно хожу по краю. Мне страшно от того, что теперь, встретив тебя, я вовсе не горю желанием найти дочь и отправиться дальше. К сожалению, здесь я бессилён. От моего долга и моего пути мне не убежать. Я найду ее, Тайри...".

Молчание было ему ответом. Ученица замерла, точно окаменев, с идеально прямой спиной. Натянутая струна, не иначе.

— Когда ты найдешь ее, ты вернешься к своим? — Тайри говорила почти шепотом, но это был крик. Мысленно распрощавшись со всеми своими мечтами, ответил честно, глядя в темно-серые, очень грустные глаза:

— Да. Я вернусь к моему народу.

— И...это навсегда?

— Навсегда, Тайри. Я буду нужен ей, — он не сказал "дочери", — я буду нужен всем им.

Юная леди Даллет снова замерла. Ее лицо не было каким-то особенно отчаянным, выдавали переживания, скорее, мелочи: слишком сильно сжатые губы, сцепленные пальцы.

Время будто замедлилось, секунды тянулись бесконечно. Молчание было настолько ощутимым, что давило и мешало дышать, но... Мастер сделал всё, что считал возможным, а решать предстояло Тайри. Только вот что им делать те несколько месяцев, оставшихся до завершения ее ученичества? Во что превратится их жизнь, если юная леди решит вернуть все к началу, к холоду первых дней знакомства?

Она даже не спросила, можно ли было пойти за мной в Убежище, подумал ваюмн. Не пришло в голову? Или сразу догадалась, что здесь ее никто не отпустит, а там ее не примут, и, прежде всего, Ноалика. Дочь Знающей удалась в матушку: ревнива, своенравна, скрытна и злопамятна. Для нее возлюбленная отца — худшая из соперниц. Мастер Гайдиар на секунду представил, как им пришлось бы жить, если бы он забрал Тайри с собой. Ему пришлось бы как-то защищать ученицу от выходок дочери, от нападков и ледяного презрения соотечественников, от глухого неприятия, а может, и открытой враждебности своих близких друзей — тех, кто еще жив. Скорее всего, она ни слова бы не сказала, терпела бы с улыбкой все эти косые взгляды, жила бы затворницей — ради него. Но разве такой жизни для любимой он хотел? Разве она заслужила это? Каково жить, лишившись привычной свободы действий, круга общения, простых житейских радостей? Мука это, а не жизнь, особенно, когда все вокруг волками смотрят. Почему он так думал? Да потому что хорошо знал своих соотечественников. Подавляющее большинство их не испытывало ни малейшей благодарности ни к миру который приютил их на целых четыре сотни лет, ни к людям, его

населяющим. Они считали свою спокойную, безбедную жизнь на острове Юм собственной заслугой, результатом хитрой игры, умением получать желаемое от глупых доверчивых варваров. Не пустили бы на этот остров — нашли бы другой, высадились на Оставленном материке, да хоть в Запретных Землях... Камень, пустыня, непроходимый лес — какая разница, если обустроить жизнь помогают посвященные Орсейи, а дармовой Силой этот мир пропитан сверху донизу. Пусть варвары будут счастливы, что рядом с ними какое-то время проживут люди из любимого народа Предстоящих. Те, кто видел Пресветлых, слышал их речи, ощущал заботу... Хотя, где им понять! Местные уже многие тысячелетия живут, как трава, им неведомо благотворное внимание Высших сил. Поэтому Оргре просто воспользуются таким удобным миром, отыщут необходимое и уйдут, забыв его, как дурной сон. Время для тех, кто в Поиске, значения не имеет, а вот для тех, кто рядом, бывает по-разному... А ведь никто не исключил, что чужаки просто физически не смогут войти в Убежище...

Странно, он должен думать сейчас вовсе не о соотечественниках, а о любимой, но в голову лезли именно они. «Наверное, я чудовище», отстраненно подумал мастер Гайдиар. «Не такое древнее, как один знакомый синеглазый дракон, но гораздо более чуждое, и, к тому же отвратительное. Сижу, жду приговора и не могу отделаться от ощущения, что всё это мне снится».

Ваюмн поднял голову, встретился с потемневшим и очень решительным взглядом ученицы, и в голове мгновенно стало пусто, а сердце отчаянно дернулось, будто налетев на острие ножа.

Тайри очень аккуратно собрала разлетевшиеся по столу листы бумаги, исписанные четким почерком мастера, сложила их пополам, положила сверху узкие ладони.

— Я не знаю, что в таких случаях надо говорить, Гай. Поэтому скажу правду... — она глубоко вдохнула и продолжила, — Узнай я всё это в первый день моего ученичества, ничего бы не изменилось. Возможно, я продержалась бы дольше, и ты ничего бы не узнал, но... Уж как есть. И теперь, даже если ты прямо сейчас найдешь свою девочку и исчезнешь, тут... — Она прижала ладонь к сердцу. — ...ничего не изменится. В таком случае, что это меняет? — она постучала пальцем по бумаге.

— Ничего. Это не меняет ничего, Тайри. Ни того, что даже там, куда я вынужден буду вернуться, мои чувства и мысли останутся прежними. Ни того, что тебе будет больно. Ни того, что я безропотно приму любое твое решение. Лю-бо-е.

— Решение... — юная герцогиня горько усмехнулась, — это всегда так... серьезно. Значимо. Я могу поступить со всех сторон правильно. Построить между нами стену из льда. Жить дальше — не понятно зачем. На сжатых до хруста зубах и с дырой вместо сердца. Здоровенной такой дырой, без дна и света, которая постепенно сожрёт всё: радости, стремления, планы, весенние цветы, летние звезды. Все, что светилось, пело и смеялось, и меня саму тоже. Даже боль и горечь от несбывшегося канет в нее, оставив лишь пустую мертвую оболочку. Куколку, так и не ставшую бабочкой. И кому от этого лучше будет? Зачем тогда ты выцарапывал меня у всемогущего Времени и его служителей? Честное слово, менее жестоко было бы отдать меня им.

Как же она права, эта чудесная девушка! Мастер Гайдиар, кроме всех прочих чувств, испытывал сейчас к ней огромную благодарность. За откровенность, за мудрость, явно не свойственную ее возрасту, и за смелость. Ну и, чего скрывать, за то, что она решила именно так.

— В конце-то концов, как ты уже сказал, это ничего не меняет. Это неправильно, я

знаю. Но правильных Даллетов никто и никогда не видел.

— Что, совсем-совсем никто? — напряжение отступило, и ваюмн уже мог улыбаться.

— Скажу по секрету, я видела.

— Только не говори, что в зеркале.

— Вот еще! Я про моего дядюшку. Последние лет пятнадцать пытается быть со всех сторон правильным. Мучается, бедняга, несказанно. Самое интересное — не понятно, ради чего. После того, как брат исчез, уж точно можно было перестать. Мне на него смотреть больно бывает. Вот, недавно, после той истории с химерой... Сколько он мне наговорил правильного и нравоучительного! Говорит, а голос чужой, бесцветный, и глаза тоскливые, потухшие. Я себя такой представила. — Тайри зажмурилась и вздрогнула.

Ваюмн тоже представил, всего на секунду, такую Тайри, и внутренне ужаснулся. Ученица, конечно, уловила его эмоции, тут и посторонний бы проникся.

— Вот-вот, — кивнула она, — мне тоже, мягко говоря, не понравилось.

Леди Даллет подошла к наставнику, мягко положила руки ему на плечи.

— Сколько бы ни было у нас времени, Гай, оно все наше. И я никому его не отдам. Можешь считать это ответом.

Ваюмн хотел сказать, какая она замечательная и насколько он счастлив, но слова улетучились, огромная горячая волна нежности накрыла его, сдавила горло, закипела горячей влагой в глазах. Мастер сгреб ученицу в объятия, зарылся лицом в медовые локоны, запоздало спохватился, прощупывая всё вокруг заклятиями познания: нет ли рядом чьих-то следящих чар. Странно, но сейчас любопытство никого не разбирало, "глаз" и "ушей" не наблюдалось.

— Ты больше ни о чем не хочешь мне рассказать? — почти промурлыкала Тайри, — Чтобы уж всё в один день...

— Разумеется, хочу. Например, о том, что еле до сегодняшнего дня дожил — без тебя. Или еще то, что я совершенно не способен ни о чем другом думать. Даже о том, что в очередной раз придумает для нас его величество, потому что...

— Вот поэтому? — Тайри легко поцеловала его в губы и снова спрятала лицо у него на груди.

— И поэтому тоже. А еще потому, что наше с тобой высокочтимое начальство в лице милорда Ректора уведомило меня, каким образом будет проходить защита твоей магистерской диссертации. Честно говоря, когда я все это осознал, я спать не мог.

— Ну же, не томи. Чего уж такого страшного могли надумать наши маги? — безмятежно улыбнулась девушка.

— Ладно, слушай. Сначала все, как обычно: главный зал, Высокое Жюри, оппоненты... Теория. Я думаю, у тебя уже накопился отличный материал по энергетике Переходов, опорным потокам и влиянию собственного потенциала мага на устойчивость порталов. Рассказывать Жюри о Тропах и их свойствах, я думаю, бесполезно: не поймут, потому как никогда там не были. Увы, у нашего милорда ректора отличная память. Он включил Тропы в практическую часть.

Юная герцогиня мгновенно собралась, отстранилась от любимого наставника, сосредотачиваясь на важном.

— Как они все это себе представляют? И что я должна буду им продемонстрировать?

— Правильные вопросы, моя леди. Они хотят, чтобы ты построила порталы в несколько разных мест. Посмотрят, как долго ты сможешь удерживать Короткий Переход на некое

расстояние для большого числа людей. Думаю, попросят перебросить куда-нибудь наших солдат, хорошо, если роту... А в заключении они желают прогуляться по Тропе, с тобой в качестве проводника.

— О, Творец... — в ужасе выдохнула Тайри. — Они в своем уме?

— Вполне. Были бы в нашем, сотню раз бы подумали, стоит ли соваться туда без подготовки. Они же не слушали курс для будущих магистров, — пожал плечами мастер.

— И ты не попытался им объяснить?

— Если бы! — Мастер не смог удержаться горькой иронии, — И сколько раз... Всем вместе и поодиночке. Видела бы ты, с каким презрением они на меня смотрели. И правда, кто я такой, чтобы поучать наших почтенных мэтров... Единственный, кто отнесся к моим предостережениям с должным вниманием, был мастер Эйтан, но он и знает меня куда дольше.

— Значит, мне придется самой прикрывать целое стадо бестолковых павлинов, — точно рассерженная кошка, фыркнула юная леди, — не скажу, что это моё любимое занятие.

— Как ты их... неласково, — рассмеялся ваюмн.

— Зато точно, — не поддержала его веселья хмурая ученица, — ничего, когда Тропа немного проредит им перышки, спеси поубавится. Ну да демоны с ними... Сколько у нас времени?

— Полгода, как обычно. И не стоит сбрасывать со счетов задания его величества. Он явно не собирается останавливаться на достигнутом.

— То есть, если оценивать трезво, времени почти нет. И еще надо каким-то образом научиться строить тех, кому я, в силу их положения, сама должна подчиняться. Та еще задачка. — Тайри зажмурилась, представив себя во главе эдакого пестрого отряда, где пять командиров один другого главнее, и всего один солдат. Прямо как в одной сказке...

Мастер не удержался и немедленно поцеловал ее. Юная леди тут же возмущенно отстранилась, укоризненно глядя на наставника.

— Пожалуйста, Гай, не сейчас, — почти жалобно попросила она, — я хоть как-то пытаюсь собраться с мыслями и понять, что мне делать дальше.

— Готовиться к худшему, надеяться на лучшее. Зато я теперь точно знаю, чему мне придется тебя научить. Не думал, что наступит такой момент, но, боюсь, это знание необходимо. — Ваюмн стал мрачнее тучи.

— Я понимаю, ходить по Тропе в компании павлинов — не самое приятное развлечение, но это не повод так огорчаться. — Девушка нежно коснулась пальцами его щеки.

— Это — не повод. А вот однозначная реакция Тropy на четыре куска очень самоуверенного, невнимательного и напичканного по самую макушку вкусной магией, деликатеса — вполне себе повод. Демоны бы с ним, пусть лакомится на здоровье, но ведь все они повиснут на твоей шее, радость моя. Ты должна будешь защищать их, вытаскивать из опасных ситуаций и привести назад живыми и невредимыми. А если получится иначе — тебя ждут подземелья замка Мот, в лучшем случае. Потому что обвинят во всем именно тебя. — Мастер взял ее за плечи, заглянул в глаза. — Я. Не. Хочу. Чтобы. Тебя. Растерзали. И не важно, кто это будет: Тропа, монстры из внешних миров или твои собственные соотечественники. Кстати, можешь начинать обзывать меня паникером и перестраховщиком. Самое время.

Ученица с тревогой и печалью ответила:

— Я не узнаю тебя, мой мастер! Неужели ты настолько плохо меня знаешь и так мало веришь в мои силы?

— Именно потому, что слишком хорошо тебя знаю, девочка, я все это и говорю, — покачал головой ваюмн. — Ты ведь костями ляжешь, чтобы они вернулись домой. Сама в пасть Тропе полезешь. А мне, старому дураку, предстоит тебя этому учить... Учить прикрывать беззащитных, оборонять бесполезных, тащить их всех за собой даже вопреки их желанию. И, при необходимости, ценой одной единственной жертвы, вышвырнуть их к начальной точке путешествия. Или же как можно ближе к ней, если достаточно далеко забрались по Тропе.

Тайри вздрогнула. Так вот что собирался сделать наставник там, в горящем лесу Роневена...

— Именно это ты хотел сотворить...

— И сотворил бы, не появись так своевременно твой дракон.

Девушка прижала руки к груди, пытаясь унять боль в бешено заколотившемся сердце. Творец всемилостивый, мастер готов был умереть ради нее... И сейчас ей пришлось бы жить одной в мире без красок и звуков, не имея внутри ничего кроме пустоты. Бессмысленное существование...

— Ну что ты, ничего ведь не случилось, — прошептал наставник, обнимая ее, — Ты прекрасно понимаешь, какой ужас я испытываю, когда ты в опасности. А теперь я не только вынужден буду отпустить тебя одну на Тропу с не просто ненужным — опасным сопровождением, я должен научить тебя этой... жертвенной магии. Собственной рукой дать тебе оружие, которое спасет всех, кроме тебя.

В его объятиях Тайри неожиданно успокоилась. Страх, гнев, боль — все ушло, оставив только спокойную уверенность, которой вполне хватило бы на двоих.

— И научишь, Гай. Только я не собираюсь кому-то позволить загнать себя в подобную ситуацию. Я ведь уже говорила, что не хочу причинить тебе боль. Никогда. И еще. Готовиться, конечно, следует к худшему, но самое худшее — представлять, что всё закончится печально. Знаешь, как говорит одна деревенская колдунья: не зови смерть — услышит.

— Не буду, — виновато улыбнулся мастер, чувствуя, как тревога разжимает свои стальные пальцы, и тает лед где-то глубоко в груди, — просто я никогда в жизни не боялся кого-то потерять. А теперь боюсь, и пока ничего не могу с этим поделать. Прости уж старого дурака...

— Старого дурака — ни за что, а вот мастера Гайдиара с острова Юм — сколько угодно. Особенно, если он чуть больше будет верить в свою ученицу.

Мастер сдался, и ему осталось только одно — научить Тайри всему необходимому. Он методично объяснял, как строить чары, как прятать спутников от опасности, что надо делать в самом крайнем случае, хотя думал совершенно о другом. В самом конце, когда у обоих уже сил не осталось изучать законы правильного и эффективного самопожертвования, ваюмн все-таки не выдержал и "утащил" любимую ученицу на берег моря, в удивительный город Ренсию.

Он давно любил маленькое королевство Илат с его солнечным теплым климатом, чистыми светлыми маленькими городами, щедрыми виноградниками на склонах гор, цветущими две трети года розами и морем такого чистого бирюзового оттенка, которого, кажется, нигде в мире больше не встретишь. Ему всегда казалось, что любой город, а

прекрасная Ренсия более всех остальных — это добрый, приветливый, понимающий друг. Тот самый, который без слов понимает, когда надо поддержать тебя шуткой и песней, а когда молча посидеть рядом с бокалом вина.

Вот и сейчас хозяин маленького кафе — смуглый, гибкий, живой и улыбчивый красавец, встретил их, как старых знакомых, принес огромное блюдо с чем-то мясным, заманчиво благоухающим пряными травами, изящный кувшин с вином. Поставил перед ними стеклянные бокалы на тонкой ножке, подмигнул мастеру и испарился, оставив их на пустой террасе, наедине с шумящим внизу морем.

— Что-то он странно молчалив сегодня, — хмыкнул ваюмн, ловко орудуя вилкой и ложкой, — обычно дамы от него слышат множество комплиментов.

— Наверное, он удивился, увидев, что ты не один, и побоялся делать комплименты даме в сопровождении такого серьезного кавалера, — ответила Тайри, пытаясь управиться с удивительно неудобными тонкими и длинными трубочками из теста, которые так и норовили уползти с вилки обратно в соус.

— Хочешь сказать, что никогда здесь не бывала и не пробовала местной еды? — удивленно глядя на героические усилия ученицы, спросил наставник.

— Представь себе, я много где не была. Одну меня не отпускали далеко, а родителям было не до того.

— Так, по-моему, пора исправить это упущение. Согласны, моя леди?

— С тобой — куда угодно, — глаза девушки на секунду потемнели. Вспомнила что-то грустное? — Но только с тобой.

— Разумеется. Ты не представляешь, как мне жаль каждую секунду, проведенную порознь. Но если ты рядом, если я тебя просто вижу, могу коснуться, я уже вполне счастлив.

— Ты еще скажи, что ни о чем большем не мечтаешь, — лукаво улыбнулась Тайри.

— Мечтаю, конечно. Но я привыкаю ценить то, что есть — это ведь тоже немало, — очень серьезно ответил мастер Гайдиар, а про себя подумал, что времени у них, к несчастью, становится все меньше.

Видимо, леди Даллет уловила его грусть, хоть он изо всех сил старался не показывать ее, не думать о маячившем вдали неизбежном. Она осторожно протянула руку через стол, переплела свои пальцы с его.

— Пока ты здесь, я всегда с тобой, Гай. Разве ты не чувствуешь? Даже когда я тебя не вижу, все равно знаю, что с тобой происходит и в каком ты настроении.

— Возможно, так происходит, потому что ты — целитель, милая. Целители вообще народ особый. Слушай, а когда я о тебе думаю, ты тоже чувствуешь?

— Никогда не задумывалась. Вряд ли это возможно, я же не из семьи Верего, это они умеют мысли читать на расстоянии. Наверное, потому и не живут долго.

— Что тебе снилось после нашей вылазки на остров Глид? Мне показалось, что кошмары. Я позволил себе их прогнать.

— Точно... Были кошмары. А еще мне снилось, что мы сидим в какой-то очень уютной комнате, и ты меня обнимаешь, — удивленно ответила Тайри. Такого раньше за ее мастером не водилось.

— Вот об этом я и думал. Тогда.

— Это ведь чудесно! Я не знала, что ты так умеешь.

— Я и сам не знал. С того дня я много чего нового умею...

Потом они долго бродили по узким улочкам, улыбаясь всем вокруг, любовались

чудесными видами с башни над гаванью, слушали уличного певца на залитой солнцем площади, чуть не заблудились в квартале Садовников, где не было улиц — только пересечение великолепных садов и парков, розариев и цветников, устроенных вокруг маленьких водоемов. Выбравшись где-то почти за городом, усталые и счастливые, они буквально по запаху набрали на кондитерскую, накупили целую корзинку сладостей и большую пузатую бутылку с удивительно вкусным напитком, пахнущим лимоном и мятой. С этими сокровищами домой возвращаться не хотелось, поэтому наставник увлек ученицу на берег моря — смотреть на закат. Тайри была ему бесконечно благодарна. Редко когда столько приятного случается одновременно: море, закат, тихий-тихий вечер и самые уютные в мире объятия. Только никогда такое не длится вечно или хоть сколько-нибудь долго. Резкий порыв ветра принес запах грозы и дождя, а прибежавшая вместе с ним волна выложила синеватыми камушками на белом песке одно слово: "возвращайтесь".

**** *
**** *
**** *

В Академии их ждал юноша, очень похожий на его величество. Сын? Племянник?
— Государь ждет вас. Обоих. Следуйте за мной.

Тайри и ваюмн переглянулись: что могло случиться за пару суток? Или же императору пришла в голову очередная идея, и нужно снова что-то проверить? Между тем юная копия Рикарта ор Льюффа вполне умело сотворила Короткий переход.

— Пожалуйста, все вопросы к его величеству. Я только проводник.

Их оставили в просторном кабинете, все стены которого были увешаны морскими пейзажами, географическими картами и изображениями кораблей всех видов и эпох. У большого панорамного окна стоял внушительных размеров стол, на дальнем конце которого скромно разместился письменный прибор из драгоценной морской яшмы с острова Орт. Отдельно, на специальных подставках, стояли модели кораблей, выполненные в мельчайших подробностях. Одну стену — от пола до потолка — занимал гигантский книжный шкаф, второй, гораздо более скромных размеров, но куда массивнее, разместился ближе к окну. Его створки черного дуба, окованные серебром и инкрустированные перламутром, были заперты на старинный замок невероятно сложной работы. Тайри сразу стало интересно, кому под силу было сотворить подобное чудо, соединив магию и механику: хитрые пружины и ловушки, привязанного чарами духа-охранника и магическую нитку, протянувшуюся, видимо, к хозяину. Сейчас такие замки уже не делают, считая их неудобными и нерациональными, ведь тонкие чары всегда требуют обновления.

Спиной к вошедшим, глядя в окно, стояла незнакомая леди. Темно-зеленое платье из заоблачно дорогого идарийского бархата ладно облегалo стройную фигуру, волосы, по придворной моде, были упрятаны под густую жемчужную сетку.

В придвинутом к столу кресле с высокой спинкой сидел древний старец и рассматривал через огромную лупу пожелтевший свиток. Сморщенная, с разбухшими суставами, рука подрагивала, удерживая толстое стекло в тяжелой старинной оправе. Услышав, что кто-то вошел, он оторвался от своего весьма увлекательного занятия и повернулся к пришедшим. На темном, изрезанном глубокими морщинами, лице с тонким костлявым носом, под седыми лохматыми бровями сияли молодые, ясные, очень внимательные и насмешливые глаза — ярко-голубые, каких не бывает у стариков.

— Ага, вот и наши разведчики, — неожиданно глубоким басом, которому совершенно неоткуда было взяться в немощном теле, произнес старик, — премного о вас наслышан, уважаемые. Подойдите-ка поближе, дайте древней развалине на вас посмотреть. Я бы и сам

не против, да ноги не носят...

Тайри показалось, что почтенный старец изрядно лукавит. И видит он прекрасно, и двигаться может, скорее всего, вполне сносно, просто ему так удобнее. Тем не менее, маги спокойно подошли, старец сощурился, вглядываясь в лицо ваюмна, но тот, как и положено младшему, произнес первым:

— Рад вас видеть, милорд Варго, в добром здравии.

— Взаимно, Гай, взаимно. В этот раз оно и правда доброе. Это твоя ученица?

— Да, милорд.

— Если мне не изменяет память, это из-за нее император вытащил тебя из затворничества?

— Именно так. Его величество, как всегда, оказался прав.

— Ему и положено, Гай. Для этого мы все его и учим, — старец улыбнулся. Так улыбаются родители, с гордостью говоря о своих детях. Или наставники — о любимых учениках.

Значит, этот древний хитрец — один из наставников государя... Ну да, его величество упоминал в разговоре, что до сих пор с удовольствием учится. Интересно, чему милорд Варго учил нашего монарха? Додумать эту мысль Тайри не успела. В кабинет не вошел — ворвался император. Его сопровождал еще один незнакомец, лица которого было не разглядеть за грудой футляров с картами, едва помещавшимися у него в руках.

— Приветствую вас, милорды и миледи. Очень рад, что все смогли прибыть вовремя, — ого, монарх-то не на шутку обеспокоен! — Мастер Варго, вы уже в курсе дел, а вот остальным необходимо вникнуть. Расскажите...

— У вас получится лучше, государь. В любом случае, идея была вашей, я только уточнил факты и помог выбрать из ваших решений наилучшее.

— Да какие это, к демонам, решения... — печально вздохнул император, — так, полумеры. Хорошо, начнем по порядку. Прежде всего, я хочу познакомить между собой тех, кого ждет это головоломное задание. Идите к нам, миледи, довольно прятаться.

Дама, стоявшая у окна, чуть помедлив, с явной неохотой обернулась и, неслышно ступая, подошла к столу.

И чего тут было скрывать и стесняться, подумала леди Даллет, с восхищением взирая на узкое, с острым подбородком и высокими скулами, лицо — очень светлое, с нежной кожей. Прекрасными были и раскосые серо-фиолетовые яркие глаза, красиво очерченный маленький рот, даже россыпь золотых веснушек на щеках. Непривычному человеку мог показаться дисгармоничным тонкий, с горбинкой, нос, хищным вырезом ноздрей напоминавший клюв, и странные брови, состоящие из мелких темно-рыжих перышек. Такие же перышки были и вдоль линии роста волос и возле высоко посаженных заостренных ушей. На первый взгляд они казались чужеродными и даже пугающими. Но Тайри не удивилась, да и ее наставник тоже. Просто удивительная леди была, очевидно, родом с острова Орт. Ваорты крайне редко покидали свой скалистый ветреный остров, на котором, кроме них, никто подолгу жить не мог, славились своими ювелирами и чеканщиками, изобретали хитрые механизмы и удивительные головоломки, а также почти все владели странной, мало кому доступной на материке магией на стыке Огня и Камня. Похожие на птиц островитяне чувствовали судороги земли и умели в случае нужды приспособить гейзеры, горячие источники и даже вулканы для пользы дела. Как утверждалось во многих хрониках и путевых заметках, самые сильные маги островитян могли даже остановить извержение вулкана. А

еще ваорты когда-то были оборотнями, превращаясь в огромных хищных птиц. Никто не знает, почему это свойство было утеряно, а вот сходство с птицами осталось навсегда.

Между тем, сопровождавший его величество человек аккуратно сложил футляры с картами на специальную подставку и присоединился к остальным. Тайри показалось, что этот мужчина был нарисован акварелью самых светлых тонов, точно у художника остались только белила и по капле всех остальных красок. Бледная кожа, светло-пепельные гладкие волосы, чуть более темные брови и длинные пушистые ресницы — любая леди обзавидовалась бы. Светло-синие, точно лед, глаза, бледно-розовые тонкие губы. Слова "снежный принц" всплыли в памяти, да так и остались.

— Мастер Троп, Гайдиар с острова Юм и его ученица, леди Тайонна-Ри ор Даллет. — Монарх указал на стоящих рядом магов, те вежливо поклонились. — Милорд Варго, мой наставник в области древнего знания... — Старик улыбнулся в ответ. — ...Леди Орнелия-Ри ор Лоуке, наследная владетельница с острова Орт. Там, куда вам придется отправиться, земля до сих пор неспокойна, и редкий талант миледи нам всем крайне необходим.

Рыжеволосая леди-птица едва заметно наклонила голову, точно боясь, что удерживаемые сеткой упрямые локоны вырвутся на свободу.

— А это Адалер, граф Изар, и он приходится мне сводным братом. Благодаря батюшке, да хранят его покой вечные волны, у меня есть не только родные братья. Кое с кем из тех, кого отец никогда не хотел признавать открыто, я дружен. Адалер один из них, можно сказать, самый близкий. Поскольку в этом путешествии вам нужен будет настоящий Льюф, выбор у меня был невелик. Мои сыновья еще не готовы к подобным испытаниям, родные братья просто не вызывают доверия. Мне оставалось только пойти самому или попросить Даля. Тем более, что его способности там могут оказаться бесценными. Лед и снег — тоже вотчина Льюфов, хоть среди нас теперь редко рождаются такие сильные в этой области маги.

Улыбка "снежного принца" вышла удивительно теплой.

— Я всегда рад служить вам, ваше величество.

— Я знаю, Даль, и очень тебе благодарен. Таким образом, вас будет четверо... Хотя мне не хватает, как минимум, еще одного человека. К сожалению, среди тех, кому я доверяю, таких нет. Мне нужен маг, умеющий работать с древними артефактами. В буквальном смысле имеющий на них чутье.

— Будь я хотя бы на десяток лет моложе, с каким бы удовольствием я пошел сам, — вздохнул мастер Варго, — но, увы...

— Если ваше величество позволит... — неуверенно начала Тайри.

— Позволит, герцогиня. У вас есть на примете достойная кандидатура?

— Надеюсь, что так, государь. Я знаю его с детства. Внук адмирала Альге, вопреки чаяниям деда, не стал ни капитаном корабля, ни морским магом. Его увлекла история, археология и старинные артефакты. Он с ними чувствует себя гораздо комфортнее, нежели с людьми. Единственное, чего я не могу сказать, достоин ли он вашего доверия. Ничего плохого я о нем не знаю, но в последнее время мы редко видимся и мало общаемся. В остальном же, как мне кажется, он вполне подходит.

Император и его старый наставник переглянулись.

— Не скажу, что ваши рекомендации вполне исчерпывающие, миледи, — сказал милорд Варго, — но, за неимением... Мы проверим вашего друга. Возможно, он именно тот, кто нужен.

— Может, у вас и Видящая из ордена найдется? — мрачно усмехнулся монарх.

— Нет-нет, только не эти. — Тайри защитным жестом выставила перед собой обе ладони, — У меня с ними ничего общего нет и не будет.

— Очень жаль.

— С вашего позволения, государь, попробую расшевелить старые связи среди наставников младшей ступени, — прокашлявшись, произнес старец, — кто нам нужен? Умеющий смотреть в прошлое? В будущее?

— В идеале — универсал, но идеал недостижим. Среди послушников таких вы вряд ли найдете. Поэтому, если кандидат способен смотреть на пару шагов вперед — он годится. А с прошлым мы уж как-нибудь сами управимся.

Его величество взял с подставки один из футляров и с великой осторожностью извлек из него очень старую карту. Граф Изар столь же бережно открыл коробку, внутри которой буквально "плавала" в сохраняющих чарах древняя гравюра.

— Изучив ваш отчет, мастер Гайдиар, и кое с кем посоветовавшись, я пришел к крайне неутешительным выводам. Доклады других моих разведчиков и наблюдателей за последние месяцы только укрепили уверенность в том, что во всех опасных, нестабильных или зараженных Тьмой местах нарушено равновесие. Пока еще не фатально, но если мы не восстановим его в ближайшее время, не вернем хотя бы то состояние, что удерживалось веками, боюсь, мир наш покатится в бездну. К сожалению, по-настоящему действенных средств у нас немного. А для острова Глид, который, как ключевая точка, тянет за собой все остальные, годится только одно. Артефакт, известный как диски Нардона. Слышали про такие? — его величество посмотрел на ваюмна и его ученицу.

— Читала кое-что. Нардон был величайшим магом в эпоху перед катастрофой. Утверждается, что сотворенные им артефакты могут действовать неограниченно долго и не терять при этом своей силы. К сожалению, все они утеряны. Слишком уж давно это было, — ответила леди Даллет, почувствовав себя школьницей у доски.

— Уже хорошо... Только вот кое-что до наших дней все-таки дожило. Владельцы этих вещей приложили массу усилий, чтобы артефакты сочли утерянными. Слишком уж лакомые куски. Нардон сотворил восемь парных дисков. Основное их назначение — восстанавливать чары и продлевать их действие. Половина из них лежит сейчас где-то в недрах Запретного континента, сдерживая вулканическую деятельность, умиряя сорвавшиеся с цепей магические потоки и хотя бы частично исправляя то, что натворили наши предки. Еще одна пара покоится в песках Старых земель, не пуская горячие ветры и песчаные бури в оставшиеся королевства.

— Осталось еще три пары, — произнесла леди-птица, — они все у вас?

— Если бы, — горько усмехнулся монарх, — Один диск. Только один, а без второго он бессилён. У князя Гьятты тоже есть диск Нардона, но он от другой пары. Третий, моя дорогая Орнери, принадлежит одному из влиятельных семейств вашего острова. Вы сможете что-то узнать о нем? Или владельцы Озво не из общительных?

— Озво? — Леди нахмурила свои удивительные брови. — Старики, конечно, чопорные и замкнутые. А вот их внучек... То еще ничтожество, наглец и бабник, но он ко всему и болтун. Думаю, не составит особого труда выудить у него нужную информацию.

— Вам достаточно будет просто посмотреть на диск, чтобы понять, наш ли это "близнец". Если нет, то... у нас останется только один путь. Его мы и обсудим. По весьма достоверным сведениям, несколько дисков осталось в лаборатории Льоффов в Гаррайте.

— Это же... — удивленно начала Тайри.

— Именно так. Самая главная цитадель Льоффов до Катастрофы. И это — вот здесь. — Император постучал пальцем по самому центру изображенного на карте Полярного, а теперь Запретного континента.

— Если не ошибаюсь, там теперь, скорее всего, теплое Внутреннее море.

— Скорее всего, но мы с мастером Варго полагаем, что город затоплен лишь частично. Гарраят был построен внутри старой кальдеры, которая располагалась в стороне от новой столицы и от цепи взорвавшихся в последствии вулканов. Если Горячее море до него и добралось, то самым своим краем. Вот, посмотрите, так когда-то выглядел этот город.

Древний художник увидел Гарраят с высокой точки, наверное — с одной из надвратных башен, поэтому город лежал перед ним во всем великолепии. Белое кольцо городских стен. Дома, дворцы, башни, каскады водопадов, храмы и мастерские располагались террасами и спускались к небольшому озеру в самой середине котловины. Выделялась, разрезая собой стройные концентрические круги уровней, древняя Цитадель, поражал ажурной архитектурой огромный дворец, тонкие башни поднимались высоко над кронами деревьев, изящные мосты и переходы соединяли между собой виллы, какие-то большие здания и крылья дворца. У самого озера высились четыре пилоны с механизмами наверху — опоры канатной дороги, по которой с одной стороны котловины на другую бегали маленькие прозрачные шары-кабины. На площадях били великолепные фонтаны, набережную у озера украшали скульптуры. Таков был этот город — цитадель славы, богатства и магии. По тем временам — почти центр мира и средоточие всяческих чудес.

Наверное, у всех в голове вертелся вопрос, что же из этого сохранилось. Его величество с удовольствием оглядел свой маленький отряд. Он угадал, собрав здесь тех, кого неуёмное любопытство заставит пойти хоть на Запретный континент, хоть за Грань. Тех, у кого оно сильнее страха, но не сильнее жажды жизни. Тех, кто не только дойдет, куда нужно, но и обязательно вернется обратно — хотя бы для того, чтобы рассказать об увиденном.

— А вот так выглядит то, что вы будете искать, если леди ор Лоуке не повезет, — продолжил монарх, создавая над столом великолепную иллюзию. В воздухе повис похожий на двояковыпуклую линзу диск величиной с блюдце. Верхняя часть — прозрачный янтарь, в середину вправлен переливчатый опал, от которого лучами расходились вплавленные в янтарь чьи-то позвонки вперемежку с необработанными кристаллами шерла. Нижняя походила на самый простой отполированный мрамор. Полнейшее варварство... и, очевидно, море связанной силы.

— Бр-р-р, — передернула плечами Орнери, — его и в руки-то брать страшно.

— Вам и не придется. Если не найдем мага, с этим вполне должен справиться Даль, — ответил император, — уж на один диск его сил хватит. Остальным даже не думать к нему прикасаться. Он вас спалит и следа не оставит. Что касается других интересных предметов, которые могут там оказаться... Не скрою, мне бы хотелось получить как можно больше старых артефактов. Но не все они действуют и не все безопасны. Вот для этого мне и нужен надежный маг, умеющий обращаться с ними.

— Простите, ваше величество, я хотел бы уточнить, — сказал мастер Гайдиар, — если я правильно помню, потоки над Запретным континентом все еще очень нестабильны?

— Именно так.

— Значит, нам придется строить портал к ближайшему стабильному месту, а оттуда добираться обычным путем.

— Вам, действительно, придется строить Короткий переход на Гронн, а там уж разбираться, как лучше. Понимаю, что на эту экспедицию уйдет времени куда больше, чем на все предыдущие, мастер, но... Самое главное, чтобы вы все вернулись живыми.

В кабинете повисло задумчивое молчание. Каждый понимал, что предстоящий поход будет нелегким, и самой главной сложностью станет отсутствие достоверной информации о современном Запретном континенте. Никто не знал, чего стоит ждать от заброшенных земель, обезлюдивших городов, а особенно — от тех, кто там обитал сейчас. Видимо, на лицах у магов отразились серьезные сомнения в успехе грядущего предприятия. Слишком уж много неизвестных было в этом уравнении. Его величество внимательно оглядел своих помощников и молвил проникновенно:

— Дорогие мои, скепсис ваш мне понятен и даже близок. Более того, мне проще было бы пойти самому, нежели отправлять вас в пасть неизвестности, но, увы, я связан по рукам и ногам. Поэтому я прошу вас не ставить на экспедиции крест, не начав ее. Сдаться в мыслях — это подарить победу врагу. В данном случае, врагу всего нашего мира. Ну и, кроме всего прочего, я же собрал здесь далеко не самых слабых магов, и я в них верю.

— Не волнуйтесь, дети мои, — прогудел старец, — вашим пытливым мозгам будет, за что зацепиться. Библиотеки Льоффов хранят множество древних книг, я собрал для вас всё, что смог, о нашем оставленном городе. Все-таки, какое-то оружие у вас будет. Не смотрите на меня так, любое знание — то же оружие, иногда самое лучшее.

— Леди ор Лоуке, трех дней вам хватит, чтобы получить ответ на наш вопрос? — император дождался еще одного осторожного кивка Орнелии-Ри и продолжил:

— Тогда выполняйте. Даль, ты тоже пока свободен. А вас, мастера Тропы, я попрошу остаться. Обоих. — Его величество дождался, пока закроется дверь за уходящими и устался на замерших в молчании наставника и ученицу.

Тайри, как всегда, показалось, что монарх видит гораздо больше, чем остальные. А заодно и мысли читает — без малейшего усилия. Мастер же был безмятежен и спокоен, словно и не перед императором стоял.

— Я вас прошу, господа маги, в этой экспедиции на рожон не лезть и не рисковать собой без крайней на то необходимости. Не скрою, вы мне очень нужны. Оба. Других таких у меня попросту нет.

— Мы постараемся, государь, — с улыбкой ответил за обоих ваюмн.

— Вот здесь... — Мастер Варго извлек откуда-то из-под стола толстую кожаную папку. — ...сведения об острове Гронн. Все, что может понадобится. Ну и кое-что так, по мелочи... Почитайте на досуге. Как только вернется наша птичка, мы вас позовем. Отпускаете их, ваше величество?

— Разумеется, — улыбнулся монарх.

Тайри поклонилась императору и лорду Варго, сделала шаг к двери...

— Ваше величество, разрешите мне в этом походе не рисковать ученицей. Я пойду один, — слегка охрипший голос мастера Гайдиара прозвучал для нее как гром с ясного неба. А уж когда, пробившись сквозь неимоверное удивление, до нее дошел смысл слов... Он что, совсем помешался на своем страхе за неё? Его величество умен и наблюдателен, он всё моментально поймет! Леди Даллет медленно повернулась к ваюмну, старательно сосредоточившись на сохранении нейтрального выражения лица и ровном дыхании. Спокойствие, как говорил Скай, только спокойствие...

Государь, ничуть не удивившись и не выказав никаких эмоций, внимательно посмотрел

мастеру в глаза и отрицательно покачал головой.

— Гай, мы понимаем, что ты дорожишь своей ученицей, — очень серьезно произнес старец, — поверь, нам она важна не меньше. В конце концов, это первый в истории Академии без пяти минут магистр, умеющий ходить по Тропам. Кто нам потом будет учить других? Но! Мы с его величеством убеждены, что вдвоем вам удастся гораздо больше, чем поодиночке.

— Уверяю вас, моих возможностей вполне достаточно...

— Не спорьте, мастер. — Император говорил мягко, но дальнейшие возражения были уже невозможны. — Просто поверьте, так будет лучше. Для вас обоих. И намного безопаснее для леди Даллет. Иногда дома бывает... не слишком уютно и очень беспокойно. Повторяю: вы мне нужны живыми. Оба.

Едва вернувшись в Академию, Тайри учинила допрос любимому наставнику.

— Что ты творишь, Гай?! Император, по-твоему, слепой?! Ничего не замечает? С чего ты решил, что меня надо оставить дома? Ах, боишься, что меня там слопают неведомые древние чудовища... А я здесь, по-твоему, с ума должна сходить от беспокойства. Не говоря уж о том, что это просто обидно, когда тебя норовят оставить дома, точно несмышленьша, чтоб не пугалась под ногами... И убери руки... и губы... и вообще, нечего смотреть на меня такими глазами, ты меня не разжалобишь. Я желаю немедленно удалиться под кроны вечного леса и размышлять о твоём коварстве. Одна.

— Тайри, милая...

— Тайри не милая, а очень даже злая и обиженная. Нет-нет, даже не мечтай, Даллеты очень долго хранят обиды на подобные вещи. Минуты три, а это почти целая вечность.

Спустя какое-то время, когда оба немного отдышались от слишком крепких объятий и поцелуев, ваюмн спросил виновато:

— Опять я получаюсь дурак? И старый перестраховщик?

— Ну, что ж теперь поделаешь... Видно, судьба у меня такая — любить старых перестраховщиков, — улыбнулась Тайри, — а чтобы ты осознал как следует, что мог натворить, я скажу тебе кое-что интересное. Эта вылазка неизвестно сколько продлится. И все это время мы будем вместе: день, неделю — не важно. Вот этого ты собирался нас лишить? А еще говорил, что сожалеешь о каждом мгновении, проведенном порознь...

— О, Творец, — сокрушенно выдохнул мастер, — я и не подумал посмотреть на поручение его величества с этой точки зрения. Говорю же — старый дурак. Интересно, что государь имел в виду, говоря об опасности, грозящей тебе дома?

— Хороший вопрос! Что держал в голове государь, я даже гадать не возьмусь. Могу только предположить, что одной из причин является Большое Посольство лесного народа. Его ожидают со дня на день, и оно будет очень многочисленным. Жрицы, маги, двое сыновей князя Уккабы... Я абсолютно уверена, что на первом же приеме в их честь будет моя матушка. Если я останусь здесь, мне тоже придется там торчать, демонстрируя всем "искренние родственные чувства". А у матушки в голове последнее время бродят исключительно опасные планы. Она одержима мыслью выдать меня замуж и как можно скорее нянчить внуков. Спасает от бесконечных разговоров об этом только одно: я каждый раз говорю ей, что Лиола ор Даллет слишком молода и красива для роли бабушки.

— Но ведь это рано или поздно произойдет, — потухшим голосом произнес наставник.

— Гай, умоляю, хоть ты-то не начинай! Я не вижу рядом с собой никого, кроме тебя. Пытаюсь представить, что ко мне прикасается кто-то другой, и меня буквально скручивает от отвращения. Я ощущаю только одно желание — залепить в такого человека боевым заклятием. Как и в любого, кто касается этой темы.

Мастер Гайдиар молча поднял обе руки. Он знал, что его любимая вполне способна сделать то, что сказала.

**** *
**** *
**** *

Гронн. Остров, на котором, по легенде, обучали Блюстителей Границы. Когда-то на три четверти покрытый льдами, перечеркнутый пополам острыми зубцами неприступных гор, остров находился прямо напротив пролива, соединявшего теплое Внутреннее море с

океаном — точно пробка над бутылочным горлышком. Населяли его угрюмые молчаливые люди — лучшие в мире мореходы, охотники и далеко не последние воины. Здесь разводили лохматых золотистых овец с удивительно тонким руном и белоснежных крупных псов. Гроннская порода отличалась сообразительностью, выносливостью и необыкновенной преданностью хозяину. На острове были лучшие в мире корабельные леса, и, соответственно, строились некогда самые величественные и надежные корабли. Именно на Гронне добывались самые роскошные меха.

Вагронны были единственным народом в мире, не имевшим своих магов. При этом чужая магия на них действовала так же, как и на других. Высокие, светловолосые, очень сильные и выносливые, жители Гронна и без магии жили достаточно долго. Раны на них заживали поразительно быстро, а болезни, за редким исключением, приходили только в старости. Они считали, что тяжкими недугами творец наказывает тех, кто долго таит злобу, завидует другим или же совершил дурной поступок и не искупил его. Женщины Гронна мало чем уступают мужчинам, хотя и далеко не так свободны, как их товарки на материках. Многие из них умеют сражаться, строить, управлять кораблем. К старшей женщине в клане прислушивались с особым вниманием и почтением, а если тан по какой-то причине отсутствовал или, упаси Творец, погибал, его место часто занимала жена — особенно при малолетних детях. Но, как правило, здешним женщинам власть была без надобности — хватало дел и поважнее.

На Гронне после Катастрофы во множестве вышли из-под земли горячие источники, чему вагронны были очень рады, приспособив их для собственных нужд. Соседство с Запретным континентом они не считали чем-то опасным, но и далеко от берега не забирались. Временами смельчакам удавалось даже добывать кое-какие трофеи: старинные украшения, утварь, даже книги.

То, что где-то на острове прячется Крепость Блюстителей, жители Гронна считали старой красивой сказкой. Время от времени какой-нибудь романтичный юноша собирал друзей и отправлялся на поиски. Благополучно вернувшись домой, каждый считал своим долгом сказать, что видел издали шпили или стены небесно-голубого цвета, но непроходимые горы и ураганный ветер преградили ему путь. Вагронны никого и ничего не боялись, однако удивительно четко понимали, что Тьма смотрит на их мир и на них самих, как голодный волк на козленка: того и гляди слопают. Именно поэтому всегда нужны сильные воины, зоркие следопыты и мудрые помнящие, которые ведут записи чуть ли не с начала времен. Творец далеко, он очень занят и ему недосуг присматривать за миром — этим займутся они, вагронны, как занимались их предки. И совершенно не обязательно для этого уметь колдовать, достаточно знать Закон, никогда не преступать его рамки и уметь Различать. А кому еще различать, как не им, лишенным магии, ведь могущество часто застилает глаза?

К магам островитяне относились с должным уважением, но без малейшего страха и подобострастия, видя без всяких ухищрений их человеческую сущность и мгновенно оценивая, "можно ли с таким плыть в одной лодке". Если человек оказывался "с гнильцой", будь он хоть сто раз магом, места ему на острове не было. В остальном же вагронны оставались отзывчивыми и гостеприимными хозяевами, а также самыми большими охотниками до различных историй, будь то обычные светские новости из чужих стран или же рассказы о твоих личных путешествиях и делах. Творец создал их лучшими в мире слушателями.

Все это мастер Гайдиар рассказал своей ученице, не раскрывая папки с императорскими архивами. За свою долгую жизнь он не раз бывал на Гронне, а кое-кого из тамошних обитателей смело мог назвать своим другом.

Тайри все это внимательно выслушала и вернулась к созерцанию видов утерянной цитадели Льоффов.

— Что тебя так увлекло? — заглядывая через ее плечо, поинтересовался ваюмн.

— Гарраят. Совершенно не представляю себе, как там можно что-то найти, даже зная здание. — Тайри указала на один из рисунков, где красовалось массивное четырехэтажное здание с длинной колоннадой и плоской крышей. Легкие переходы на ажурных опорах вели от него к левому крылу огромного дворца. — Там же, наверное, несколько подземных этажей. Те четыре, что мы видим — только часть целого.

— Как скажут вагронны — вершина айсберга, — кивнул наставник, — Именно для того, чтобы отыскать диск быстро, его величеству и нужен маг-артефактор. Такие люди даже среди совершенно взбесившихся потоков почувствуют упорядоченную Силу, свернутую в тугий клубок, то есть, рукотворный артефакт. А если этот маг еще и "познакомится" с образцом, то, скорее всего, выведет нас на его двойника, точно собака-ищейка. Но не скажу, что магу даже с таким уникальным чутьем будет легко на Запретном континенте. Слишком уж давно там хозяйничает совершенно необузданная стихия.

— Строго говоря, мы понятия не имеем, что или кто там хозяйничает. А вот еще один вопрос: зачем императору Видящая? Заглядывать в такую глубину под силу только верховным жрицам.

— Спроси что-нибудь полегче. Хотя, если вспомнить, что он говорил... Ему нужно, чтобы мы успевали узнавать хоть что-то на шаг раньше.

— Или же он хочет знать, есть ли у нас запас времени, — нахмурилась юная леди, — а зачем ему в этой экспедиции мы, если Короткие переходы на Запретный континент не построить?

— Какой ответ тебя устроит? Тот, что уже сама придумала: чтобы быть вместе? Или тот, что придумал государь: из соображений безопасности? Хотя, у меня есть, возможно, более рациональный вариант, — мягко улыбнулся мастер, — в твоём лице он получает сразу двух магов: мастера Тропы и хорошего целителя, крайне необходимого в подобном походе. В моем лице... ну, пускай, опыт. А вдвоем мы, в случае крайней необходимости, сумеем вытащить всех остальных. Как? Очень просто... Когда я говорил, что выход на Тропу можно построить где угодно, это означало именно "где угодно". Для выхода на Тропу стабильность потоков не важна.

— Что-то мне тревожно, Гай. Сможем ли?

— Не сомневаюсь, — ваюмн постарался свою тревогу спрятать, чтобы ученица не заметила. Хватит ей и своей собственной... — Его величество не сомневается, ведь так? И нам не положено.

Через три дня их известили, что миссия леди Орнери закончилась удачно, но "близнец не наш". Князя Гьятты ждет радость, а их — дальняя дорога. И стоит вспомнить, что на Гронне сейчас зима...

**** *
**** *
**** *

Тайри и мастер Гайдиар, с увесистыми дорожными мешками, набитыми зимней экипировкой, появились в загородном поместье милорда Варго точно в назначенное время. Именно там его величество почему-то решил собрать весь свой маленький отряд. В первые

же минуты выяснилось, что если государь чего-то хочет, он обязательно это получит. Большой мрачноватый зал со странными реликвиями в стеклянных шкафах мерил медленными шагами ни кто иной, как лорд Тром Альге-младший. А в углу сидела, уткнувшись в какую-то старую книгу, худенькая девушка в коричневой ученической рясе с вышитой серебром руной "нефез". Несмотря на облачение, делавшее всех послушников храма Времени Всемогущего практически безликими, коротко остриженные волосы и ввалившиеся щеки, Тайри узнала её — бывшую свою однокурсницу Кеми ор Оклен. Почему-то сразу захотелось размазать храм Времени в лепешку вместе со всеми жрецами и наставниками. Как можно превратить веселую, пышущую здоровьем девушку в измотанную бледную тень? Это как же надо издеваться над послушниками?! Бедная Кеми, она ведь своей волей пошла к этим извергам!

Тром, чуть не лбом столкнувшись с подругой детства, минуты три усиленно моргал и пытался поставить на место отвисшую челюсть. Потом, кое-как совладав со своим удивлением и примирившись с действительностью, проговорил чужим, скрипучим голосом:

— Ты... как... здесь?

— Оказалась? Коротким переходом, разумеется, — с трудом сдерживая улыбку, ответила Тайри, — а что тебя так удивило?

— Ну... меня пригласили. Значит, и тебя тоже?

Леди Даллет тактично не стала говорить, кто посоветовал государю обратить внимание на самого Трома. Если уж ему сразу никто не сказал...

— Ну, почти. Пригласили моего наставника, а он счел необходимым взять с собой меня. Если ты помнишь, я ведь еще и немного целитель.

— А... ну, если только так. Я уж подумал, чего тебе такого наобещали, что ты забыла об отношениях вашей семьи с Льоффами...

— Это не должно тревожить тебя, Тром. Всё улажено, родители в курсе, — безмятежно соврала юная герцогиня. Отец, может быть, и знал, куда направляется его дочь. Во всяком случае, его величество обещал лично известить лорда Даллета о новом исследовании островов Малой Южной Цепи. Гронн ведь главное ее украшение. Ладно, продолжим артистически подыгрывать, подумала Тайри и спросила:

— А ты как сюда угодил? Я думала, студентов, не получивших еще и бакалавра, не вовлекают в подобные экспедиции.

— Понятия не имею. Кто-то надоумил милорда Варго, что я хорошо разбираюсь в артефактах прошлого. Он даже пригласил меня вот в это поместье пожить, чтобы составить подробное описание трех невообразимо древних шкурок. Одна оказалась просто красивой безделушкой, вторая кое-чего стоила, но силы в ней почти не осталось. А вот диск... Это да! Читала про Нардона? Его работа. Жуткая вещь, но до чего же мощная! такие силы скручены... впрочем, это тебе вряд ли интересно, — Тром чуть не лопался от гордости, — а что интересно, по пути наши спутники расскажут. Милорд Адалер — очень образованный молодой человек, его слушать одно удовольствие...

«Ага», — про себя подумала Тайри, «молодой. Всего-то вдвое постарше меня. Интересно, откуда у скромняги Трома взялся этот надменный тон? С чего бы он так вознесся? Кому и что пытается доказать? Хорошо, если только ей, с этим она как-нибудь управится, хоть такой Тром совершенно ей не нравится. Ни дед, ни мать не были надменными и не смотрели ни на кого свысока. Адмирала, при всей его строгости, на корабле обожали все до последнего юнга. А вот его величество в очередной раз показал свое

хитроумие и очень здорово придумал поселить внука адмирала Альге на глазах у опытного наставника. И экспертиза — удачное изобретение. Сразу и знания можно оценить, и человек как на ладони...»

— Я смотрю, ты нашел время сходить к целителям и распрощаться с очками.

— Надоели. Думал, очки добавляют мне солидности, а они только мешали.

— И то верно. На мой взгляд, тебе так намного лучше.

— Спасибо. — Тром скупно улыбнулся. — Кстати, не знаешь, кто это там, в углу? И зачем нам в экспедиции Видящая?

— Зачем — это к его величеству. В его замыслах я ни за что не разберусь. А девушку я знаю, учились вместе.

Полыхнула льдисто-голубая арка Короткого перехода, и в зале появились лорд Адалер и леди ор Лоуке, которая и в дорожном мужском костюме была чудо как хороша.

— О, все в сборе! — бодро воскликнул брат его величества, — осталось только дожждаться государя с последними инструкциями.

— Или меня, — прозвучал бас мастера Варго. Старик вплыл в зал, сидя в своем кресле, — государь будет чуть позже, а у меня есть персональный совет для каждого из вас. Подойдите-ка ко мне, леди ор Оклен, не прячьтесь там в уголке.

Девушка вздрогнула, услышав свое имя, отложила книгу и подошла. Увидев Тайри, робко улыбнулась ей.

— Здравствуйте. — Это было адресовано всем, но смотрела растерянная и грустная Кеми только на свою сокурсницу — так, точно искала поддержки.

Леди Даллет протянула обе руки:

— Рада видеть тебя, Кеми. И вдвойне рада, что ты с нами.

— Я тоже очень рад, что ваше начальство пошло мне навстречу, — лорд Варго сухо засмеялся, — всего-то пара древних безделок перешли из одних рук в другие, хе-хе.

— Мне жаль, что вам пришлось пожертвовать ценными артефактами, милорд. Мои умения вряд ли этого стоят, — послушница виновато опустила взгляд, — в храме говорят, что от меня никакого толку.

— Чушь они говорят, деточка, уж прости старика за резкость. Чушь и вредную напраслину. Зажрались они там, вот что я тебе скажу. Мозги у них заржавели и пылью веков покрылись. Лично я и без всяких ухищрений вижу, что ты из себя представляешь. А если кое-кто жемчужину среди мусора не увидел, то так ему и надо. Моя будет.

— Но я же бесталанная, ни глубины, ни проработки. Главное не ухватываю, не могу распознать, что требуют. И дар нестабилен, сам по себе приходит, очень редко я могу его призвать... одни детали и помню.

— Вот! Вот это самое главное, девочка! Создатель любит детали, иначе был бы наш мир скучен, однообразен и лишен чудес. Имеющий мозги поймет, что без деталей все размывается. Так что выкинь всё, что тебе наговорили, из своей прелестной головы и послушай старика. Эта экспедиция опасна для всех именно своей полнейшей непредсказуемостью. Поэтому слушай себя, слушай свой дар! И всё, что увидишь, рассказывай остальным, возможно, так ты спасешь им жизнь. И еще, ты ведь можешь понять, прошлое ты видишь или будущее?

— Почти всегда, милорд.

— Вот и постарайся запомнить, чего больше ты видишь и при каких обстоятельствах. Потом сама поймешь, что с этим делать. И, будь добра, больше не смей говорить о себе

плохо. Согласна?

— Согласна, милорд, — Кеми смущенно улыбнулась. Глаза у нее были совершенно счастливые. Конечно, в храме-то, наверное, слова доброго ей ни разу не сказали.

Рядом кто-то восхищенно вздохнул. Тайри осторожно повернула голову. Тром ор Альге смотрел на послушницу из храма Времени сияющими, полными тепла глазами. Ей знаком был этот взгляд, ведь точно также смотрел на нее мастер. Ну вот, теперь я ему и не нужна уже, — без грусти подумала леди Даллет, — а если, даст Создатель, все у них сладится, вытащит Тром бедняжку Кеми из мрачного ордена. И появятся у нашего императора еще два особенных мага, которые вместе смогут делать гораздо больше, чем поодиночке.

— Милорд ор Альге, теперь мое слово к вам. Вы очень внимательно изучили диск Нардона. Я читал ваш отчет, он безупречен. Уверен, что вы сможете почувствовать присутствие близнеца этого диска даже в самых сложных условиях. Это и будет вашей главной задачей: найти и привезти его величеству, прежде всего, парный артефакт, а потом уж всё остальное. Если сможете найти и привезти больше, если будете уверены, что справитесь с другими созданиями древних мастеров, мы будем только рады. Кроме того, вам же с ними и придется работать уже дома.

— Вы полагаете, что на Гронне припрятаны и другие произведения Нардона?

— Его величество очень на это надеется. На Гронне, или чуть дальше... Вас это не смущает?

— Ни капли. Я сделаю все возможное и привезу артефакты. Разве что какая-нибудь зачарованная штуковина не дастся мне в руки... — пожал плечами Тром.

— А вот для этого у вас есть милорд Адалер ор Изар. Ему не впервой справляться с непокорными вещицами, как и вести за собой людей. Он много где побывал... Для вашей же безопасности очень советую слушаться его во всё. Его и леди Орнелию. Ее знания и умения редки среди жителей Империи, но крайне необходимы в вашем походе. Вместе с милордом Адалером они ни разу не потерпели неудачу.

— Вы так нас, чего доброго, захвалите, мастер, и мы возгордимся, — довольно улыбнулся "снежный принц", а леди-птица просто кивнула, — наша задача не только артефакты привезти. Главное, никого не потерять в этом походе.

— У вас есть помощники, милорд Адалер. Леди Даллет — вполне опытный целитель Мастер Гайдияр, я плохо представляю себе Тропу, но в нужный момент вы, наверняка, будете знать, что делать, и приведете их всех домой.

Гай молча кивнул, подтверждая и слова мастера Варго, и свои собственные догадки.

— Есть еще один очень важный момент, дети мои, — продолжил старец, обведя всех очень внимательным взглядом, — если у кого-то есть возражения, сомнения, что-то недоброе по отношению друг к другу — выскажите это сейчас или сразу откажитесь от участия в экспедиции. Причин можете не объяснять. В походе нет места выяснению отношений, распрям и ссорам. Там вы — единое целое, иначе пропадете.

— Вот-вот, — сказал невесть откуда появившийся император, — между вами не должно быть ничего, притягивающего Тьму. Любая зависть, обида, ненависть — лакомая пища для нее. Стоит этому начаться — можете писать себе некрологи. А я желаю с вами снова увидеться. Со всеми, лорды и леди, со всеми! Вас что-то беспокоит, лорд Альге?

— Да... Я немного сомневаюсь, выдержат ли леди походные условия, там же холод собачий и ветра.

— В вашем маленьком отряде нет слабых ни духом, ни телом. Я уверен в каждой из них,

как и в том, что успех наиболее вероятен лишь когда вас шестеро. В противном случае лучше вообще туда не соваться. Так что закончим с обсуждением состава, господа. Мастер Гайдиар, вам придется построить переход на Гронн и, скорее всего, провести там какое-то время, пока найдется подходящий корабль.

— Не беспокойтесь, ваше величество. Там есть надежные друзья, они помогут, — ответил ваюмн.

Вот как, подумала Тайри, у нас, оказывается, и на Гронне друзья... Интересно, где Гай не был? Надо будет спросить, если останется время.

Но нет, его величество не любил долгих прощаний. Он вообще никаких прощаний не любил, но об этом мало кто догадывался.

— Прошу вас, мастер. Дальнейшие разговоры только во вред...

Наставник леди Даллет мгновенно создал портал, мужчины подхватили сумки с экипировкой и оружием. Несколько секунд — и в обширном мрачноватом зале остались только император и мастер Варго.

— Быстро они, — озадаченно произнес государь.

— Они подчинились, как и должны были. Кроме того, разве вы не этого хотели, мой государь? — старец строго посмотрел на монарха, все еще напряженно вглядывающегося в затухающее сияние арки Короткого перехода, — вот уж не ожидал от вас таких переживаний. Повторю еще раз: не заражайте душу сомнениями, и они обязательно вернуться.

— Да знаю я, мастер... Еще скажите, что не императорское это дело — переживать за исполнителей монаршей воли. Пытаться самому закрывать все бреши в обороне — тоже не дело, для этого у императора есть подданные. А вот к стыду своему, бестрепетно посылать людей в пекло я так и не научился. Столько лет на троне, и всё ещё сентиментальный хлюпик. Вы это хотите сказать?

— Столько лет на троне, и всё ещё человек. С живой совестью и сердцем, заметьте. Не порядок это, ох, не порядок... Позор мне, старику, за столько лет ничему не выучил... — преувеличенно тяжело вздыхая, дрожащим, совсем старческим голосом изрек мастер Варго. Его величество не сдержался и рассмеялся, и наставник вместе с ним.

— А если серьезно, мой государь, есть ли вообще повод для волнений? Ваши расчеты убедят кого угодно.

— Да уж, старался найти тех, кто не сложит голову ни при каких обстоятельствах, потому что "на роду не написано". Гая за Грань долг не пустит, у его ученицы судьба голову сложить вообще не в нашем мире. Далю сама листающая Судьбы предсказала, что умрет он не раньше, чем выдаст замуж дочь и возьмет на руки новорожденного сына, причем именно в таком порядке. Леди-птица свято уверена, что ей, как последней в роду, досталось время бесславно погибших предков и родственников, и ни за что не умрет, пока не совершит нечто великое. На счет новеньких... Лорд Альге, кроме всего прочего, чрезвычайно осторожен, а Видящая в любом случае углядит опасность для жизни. В остальном же, всё как вы и сказали: полез бы сам, если бы мог. Теперь вот буду думать Создатель знает сколько...

— Не будете, мой государь. У вас куча других дел. Через час министры с докладом. Через два — мастера гильдий с отчетами. Вечером назначено гьяттскому послу. А через три дня — Большое посольство из Уккабы, — напомнил наставник.

— Да уж. Дышать-то некогда, не то что переживать попусту...

**** *
**** *
**** *

Гронн встретил маленький отряд ледяным пронизывающим ветром и снегом, летящим, казалось, отовсюду. Путешественники закутались в подбитые мехом плащи, сбились в тесную кучку. Некоторые явственно постукивали зубами. Тайри, недолго думая, накрыла всех куполом, защищающим от ветра и снега. Мастер Гайдияр осмотрелся и повел всех к массивному двухэтажному зданию с напрочь залепленной снегом вывеской.

Хозяин постоялого двора посмотрел на них понимающе и даже снизошел до разговора.

— О, никак гости из теплых мест пожаловали, да еще и чародейским путем! Милости прошу.

— Как догадались? — мрачно осведомился лорд Адалер.

— Так не первый год встречаю... Если бы вы из гавани добирались, были бы все в снегу, сапоги ваши, уж простите, промокли бы насквозь, и магия не помогла бы. Не годятся такие для нашей зимы. Проходите на второй этаж, все правое крыло свободно. И позвольте полюбопытствовать, что ж вы в самый лютый холод нашими красотами любоваться решили? Перепутали что? Или вы по делу?

— По делу, любезнейший, — ответил ваюмн, доставая из кармана увесистый кошелек с монетами, — кстати, не подскажите, тан Ларс, случайно, не в городе?

— Так вы к нему? Тогда понятно! То-то я смотрю, лицо знакомое... Дома он. Послать к нему мальчика с весточкой?

— Будьте добры. А мы пока обустроимся.

Через полчаса, когда все участники экспедиции стали собираться в обеденной зале за облюбованным большим столом, в теплое, хорошо протопленное помещение ворвался вместе с морозным ветром и порцией снега высоченный широкоплечий мужчина. Оглядел зал серыми, как здешние скалы, глазами и направился к вставшему ему навстречу мастеру Тропы. Тайри стало немного страшно, когда этот великан сжал в медвежьих объятиях ее любимого наставника.

— Ты даже не представляешь, как я рад тебя видеть, Гай! Совсем забыл старого друга! С твоими-то возможностями ни разув гости не заглянуть — это, по-твоему, правильно?

— Прости меня, Ларс, — искренне повинулся мастер, — Я виноват. Так случилось, что мой император снова придумал для меня дело. Зато оно привело меня на Гронн, разве это не прекрасно?

— Вот хитрец, выкрутился! Ну да ладно, я никогда не портил радость упреками. Эй, хозяин, всего самого лучшего на стол, да побольше. Я угощаю друзей. И вот еще что, Гай. Сегодня уж ночуйте здесь, не буду вас вытаскивать, а завтра перебирайтесь ко мне. Места всем хватит, ну а дамы, я думаю, будут совсем не против горячей купальни. Тогда и поговорим о делах, а пока отпразднуем встречу.

Обед получился веселым, даже немного слишком — на взгляд Тайри, точно все пытались спрятать тревогу за беззаботной болтовней и шутками. Ларс смеялся не меньше остальных, но леди Даллет была уверена, что это не мешает ему внимательно присматриваться к сотрапезникам и делать какие-то выводы, которые хитрый вагронн держал при себе, но уже действовал сообразно им. Он несколько настороженно отнесся к Тромю: задал всего пару вопросов и больше к нему не обращался. К лорду Адалеру тан испытывал явное почтение, распознав в нем равного если не по положению, то по опыту. Леди-птица совершенно определенно поставила его в тупик. Чародейства на Гронне не знали, да и женщины, при всем уважении к ним, были здесь не так свободны, как в Империи. А Орнери вела себя независимо, кроме того, прекрасно разбиралась во многих "мужских"

вопросах, в том числе — и в оружии. Она спокойно рассказывала о морских походах и путешествиях в такие места, где многоопытный тан даже в мечтах не был. Скромницу Кеми вагронн принял за чью-то ученицу, сопровождающую своего наставника, а вот насчет Тайри, видимо, все еще гадал. Юная леди держалась в тени, мало говорила и много слушала. Однако трое из шести были знакомы с ней лучше, чем с остальными и друг с другом. Юноша поглядывал на нее с недоумением и даже с осуждением, худенькая стриженная девушка — точно постоянно ища поддержки и одобрения, а третий... Третий волновал тана Ларса более всех остальных, потому что он был его другом. Гай, так чудесно изменившийся за время, что они не виделись, посматривал на юную леди с трудно скрываемой нежностью, что не укрылось от внимательного вагронна.

На следующий день Ларс, как и обещал, прислал за своими новыми знакомыми два своеобразных экипажа на полозьях, запряженных мохнатыми крепкими лошадами. Гости разместились в них комфортно вместе со всем своим скарбом, не помешали даже две огромные сумки лорда Адалера. И что он туда напихал?

Дом Ларса был похож на своего хозяина — массивный, высокий, внушительный и по своему красивый. Отделанные резным деревом окна сверкали под зимним солнышком чисто вымытыми стеклами. Тяжелые ставни и высокую, окованную медью, дверь украшала рунная вязь. Голубовато-серые каменные плиты стен были идеально подогнаны без малейшего намека на щели, крыша щеголяла яркой оранжевой черепицей. Внутри же оказалось тепло, сухо и очень чисто. Топился в обширном холле большой камин, стояли у стен на специальных подставках боевые топоры, секиры, копья и прочее оружие на длинных древках. Видимо, хозяин давно и со знанием дела собирал свою коллекцию. Тайри заметила и копье с широким листовидным наконечником — оружие маленьких воинов жаркого Сворна, и причудливые парные секиры родом из Старых Земель, и гьяттский легкий топорик, похоже, произошедший от пастушьей чупаги, и боевой посох с Орта.

На широких деревянных скамьях лежали мягкие лохматые шкуры, стол покрывала вышитая красная скатерть. Двое расторопных слуг кинулись к сгруженной в углу поклаже, чтобы отнести ее в комнаты. Только вот больше никто не вышел встречать Ларса и его гостей: ни жена, ни дети. Мастер Гайдиар вопросительно взглянул на друга: что случилось, что изменилось?

— Проходите, уважаемые, устраивайтесь пока. Ульса покажет вам комнаты, а я распоряжусь на счет ужина.

Заинтригованные гости потянулись на второй этаж вслед за степенной светлосой Ульсой. Тайри же осторожно придержала за рукав наставника:

— Гай, у хозяина, похоже, беда, я чувствую. Кто-то серьезно болен...

Мастер ответил ей едва заметным кивком, подошел к тяжело опустившемуся на скамью Ларсу и спросил так, чтобы остальные не слышали:

— Что с Энид, дружище? И где дети?

— Учужал, маг? Раньше за тобой такого не водилось... Энид больна, дочь за ней ухаживает. Она в своей любимой комнате, под крышей. Никого к себе не пускает, видимо, не хочет, чтобы её такой мы с мальчиками видели. Сыновья с горя на другой конец острова отправились — там, говорят, хорошая травница есть. Неделю как уехали.

— Может, я чем помогу? — спросила Тайри.

— Да чем же, простите уж меня великодушно?! Вы совсем молодая, таких проблем и в глаза-то не видели, детей, поди, не рожали.

— Так у тебя еще один ребенок родился? — удивился Гай.

— Нет, — глухо ответил Ларс, — должен вот-вот, но... Энид уже два месяца хворает, и мы не знаем, выживут ли они оба. Здешний лекарь только руками разводит... Если ребята сегодня-завтра вернутся с той травницей, может, хоть одного из них выходим.

— Нельзя ждать, — медленно и отдельно произнесла леди Даллет. Ваюмн знал этот ее тон. Его ученица сейчас задействовала, наверное, весь арсенал доступных ей заклятий познания, все, что позволяло понять происходящее, не приближаясь к больной, — у нее жар, и, насколько я понимаю, она почти не пьет воду. Это очень, очень плохо. Пустите меня к ней, я помогу.

— Откуда... — задохнулся Ларс.

— Тайри не просто моя ученица, — быстро пояснил ваюмн, — она — целитель. Маг-целитель.

— Так что ж ты молчал-то!

— Некогда препираться, тан, ведите, — Тайри вытащила из своего мешка специальную сумку со снадобьями, — и побыстрее.

Она первая побежала вверх по лестнице, хозяин припустил следом, перепрыгивая через две ступеньки.

Мастер Гайдиар только головой покачал и уселся на место, где только что сидел Ларс. Дождаться вестей — он не сомневался, что добрых. Конечно, его величество велел беречь силы и не колдовать по любому поводу, но две человеческие жизни — далеко не пустячный повод, а потраченные на доброе дело силы целителя вернутся сторицей.

Принесли ужин, сменили свечи в шандалах. Гости, явно повеселевшие после горячих купален, пошумели и разошлись, а ваюмн, устроившись в глубоком кресле у огня, остался. Когда за окошком забрезжил серый мутный рассвет, в холл спустился совершенно ошалевший Ларс в сопровождении старшей дочери, красавицы Асты.

— Дай Создатель тебе и твоей ученице всяческого добра, — выдохнул он, — как же вовремя вы здесь оказались! Теперь моей жене и ребенку ничто не угрожает.

Мастер Гайдиар рассеянно улыбался другу, пока не увидел, как по лестнице медленно, крепко держась за перила, спускается леди Даллет. Он резко вскочил и, преодолевая мгновенно возникшее головокружение, бросился к ней. Теперь он прекрасно ощущал, сколько сил она отдала — связь наставника и ученицы была как никогда крепкой. Подхватив ее бережно и нежно, точно хрустальную, ваюмн усадил ее в кресло-качалку. Ларс уже нес теплый плед, а его дочь грела в маленьком пузатом чайнике вино с медом и специями.

— Не волнуйтесь, я просто немного устала, — ну надо же, а голос звучит совсем уверенно, — с вашими близкими все в порядке.

— Тайри, что ж ты делаешь, милая. Так у тебя сил до кровати доползти не останется, — укорил ее наставник.

— Простите великодушно, я по-другому не умею, — вяло усмехнулась леди Даллет, — тут нужно было лечить, и немедленно. Да еще удавить кворгов, которые из матери и нерожденного младенца силы тянули. Разжирели, что твои свиньи...

— А кто это? — оторопело поинтересовался Ларс, — и откуда они у меня в доме?

— Нечисть, — пожала плечами Тайри, — очень давно живущая рядом с человеком. Твари мелкие, но поганые до невозможности. Пока человек силен и здоров, они сидят тише воды, а то и вовсе его жилище покидают, поживиться-то им нечем. А стоит кому заболеть, они тут как тут. Младенцам кворги тоже опасны, и еще детишкам лет до трех. Не

переживайте, тан, эти вас больше не потревожат, а от новых я вам амулет сделаю. Только вот отдохну... — девушка приняла из рук дочери хозяина глиняную кружку и уткнулась в нее носом, вдыхая аромат корицы и гвоздики. Спустя пару глотков и несколько минут она уже спала. Мастер Гайдияр смотрел на усталое лицо своей ученицы, размышляя, не стоит ли отнести ее в комнату.

Хозяин усмехнулся в усы, подхватил под руку дочь и тихонько удалился, гадая, давно ли его друг подарил свое сердце.

У Ларса маги провели еще три дня. Понадобилось немало времени для того, чтобы найти судно, которое доставит их через пролив. Также нужен был проводник, да и без правильной экипировки, как оказалось, не обойтись. Тан, осмотрев "зимние" вещи гостей, сказал, что они никуда не годятся: ни тепла, ни прочности — разве в таких снег месить и по горам лазить? В городе, и то замерзнешь, и магия не поможет. А на магию лучше не полагаться, на Запретном континенте даже обычные слова следует произносить с осторожностью, не то что формулы чар. Много магов через Гронн прошло, да мало назад вернулось. Гости возражать не стали, с удовольствием облачились в теплые удобные одежды, а высокие сапоги на меху пришлось как нельзя кстати — за последние сутки снегу нападало столько, что дверь на улицу еле открыли.

— Раньше завтрашнего утра никто в море не выйдет, — сказал лорд Адалер, вернувшись из города вместе с хозяином дома, — а время-то идет...

— Ничего страшного, — откликнулась Кеми, — за проливом наверхстаем. Должны быть три очень спокойных дня и удобная дорога...

Маги переглянулись, во взглядах сквозило явное облегчение. Никому не хотелось оказаться в море в такую погоду, а ветер обещал близкий шторм.

Тайри с улыбкой протянула Ларсу два простых кусочка янтаря, оправленных в серебро.

— Это вашей жене и малышу. Эти амулеты прослужат долго, ни мелкая нечисть, ни чужая зависть к ним не прилипнут.

— А вот это над дверью входной повесьте, — Тром выложил на стол маленькую медную подкову с подвешенным к ее середине глазковым агатом, — это мы все вместе творили, надеемся, что получилось хорошо. Чтобы дом ваш беды и болезни десятой дорогой обходили.

Тан только руками развел:

— Спасибо вам, уважаемые. Я и так перед вами в неоплатном долгу...

— Не перед нами, — отрицательно покачала головой леди Орнери, — перед ней, — она указала на Тайри, — мы десятый сон видели, а юная леди действовала.

— Да какие долги, Создатель с вами... Вы так говорите, будто я подвиг какой совершила. — Тайри смущенно опустила глаза. — Грош мне цена, как целителю, если бы я ничем не помогла.

— Ох, миледи, если бы все такими были, — вздохнул с горечью гостеприимный хозяин, — вон, сыновья мои ни с чем вернулись. Отказалась травница ехать с ними, сказала — далеко, пока доедем, все одно помрет. А вы наоборот...

— Я рядом была, тан Ларс, и имела все возможности хотя бы попытаться.

— Хорошая вышла попытка, — чуть ли не с гордостью сказал сводный брат государя, — если бы все наши попытки так заканчивались.

— Хорошее начало полдела откачало, так, кажется, говорил мой дед, а он много чего в жизни понимал, — ответил тан, — дай вам Создатель успеха во всем! Эх, миледи, родилась

бы дочка, я б ее вашим именем назвал, так ведь третий мальчишка...

— Назовите его в честь моего отца. Будет у меня названный братец, — солнечно улыбнулась леди Даллет. Все то время, что они жили в доме Ларса, юная волшебница любую свободную минуту проводила с выздоравливающей женой хозяина и его крохой. — Пусть будет Торвик.

— О, хорошее имя, звучит по-нашему, — обрадовался вагронн, — в моем роду такого не было, так теперь будет. Думаю, и Энид меня поддержит. Когда вернетесь с вашего задания, пир закатим в честь наречения.

Мастер Гайдиар согласно кивнул: обязательно закатим. Он понятия не имел, когда они вернутся и вернутся ли вообще, но друг сказал не "если", а "когда", и это внушало уверенность.

На следующий день, ближе к полудню, от пристани отчалило небольшое судно, на котором, кроме магов и команды, присутствовал проводник — молчаливый седой дядька — и три его белоснежных пса. Он коротко поздоровался со всеми, уселся на какой-то бочонок и погрузился в раздумья, вперив взгляд в тяжелые серые волны. Псы невозмутимо лежали рядом, прижимаясь друг к дружке боками.

Как ни странно, после шторма ветер был попутный, ровный и сильный. Моряки радовались, а капитан сказал пассажирам, что материка они достигнут к утру. Так и вышло. Едва поднялось солнце, высыпавшие на палубу путешественники увидели рваную полосу гор и кружащих над отмелями птиц.

— Я провожу вас только до прохода в горах, — сказал проводник, — дальше никто из наших не ходит. Да и какой смысл соваться? По ту сторону, говорят, демоны знают что творится. А уж ветры бешеные и по эту сторону, бывает, случаются. Тогда в пролив лучше не выходить, погибнешь ни за грош.

На берегу ничего примечательного не обнаружилось: галька, камни да чахлая растительность. Пучки жесткой травы и облетевший по осени кустарник тянулись вдоль едва заметной тропы, до самых скал.

Леди ор Лоуке, сделав пару шагов, замерла с закрытыми глазами, потом сказала мрачно: — Это что же надо было наворотить, чтобы так изменить характер и течение подземных огненных потоков? Никогда не видела их так близко к поверхности, и таких непостоянных, пульсирующих. Теперь я понимаю, почему здесь никто не живет.

— Почему же, миледи, живут... Только нормальным людям с ними лучше не встречаться, а уж если так получилось, то бежать без оглядки. На берегу-то их нет, эти несчастные все больше вокруг Внутреннего моря селятся, в старых городах.

— Это люди? — спросил лорд Адалер.

— Говорят, они были ими когда-то, но магия их изменила. Думаю, вам объяснять не надо, что по ту сторону гор Сила — плохой помощник. За последние пять лет я с десятков ваших сюда привез, а вернулся живым только один. Он мне все уши прожужжал про какой-то артефакт, который сделает его сильнее всех магов в Империи. Своих-то силенок у него было курам на смех...

— И как, нашел он, что искал?

— Какое там, хорошо, что ноги унес. Так что и вы там поосторожнее. Лично я думаю, что Творец недаром поселил нас, к магии неспособных, на Гронне. Нам все это безобразие не страшно.

Можно было бы, конечно, объяснить разговарившемуся проводнику, что остров и его

жители существовали задолго до Катастрофы, но сейчас это было не важно. А вот к советам его прислушаться стоило.

До прохода в скалах путешественники добрались уже под вечер, когда темно-красное солнце, окутанное серой дымкой, уже собиралось нырнуть в море. Проводник посоветовал им заночевать по эту сторону Барьера, как он называл скалы на побережье, чтобы избежать неожиданностей. Сам он, несмотря на сумерки, отправился назад, к кораблю. Маги пожелали ему доброго пути и занялись устройством ночлега. Хвороста, хвала Создателю, кругом было достаточно, сухого и звонкого, как любит пламя. Есть, как ни странно, никому не хотелось, видимо, сказывалось лихорадочное возбуждение перед неизвестностью, затаившейся здесь повсюду. Поужинали сухим печеньем и горячим травяным отваром. Мужчины, посоветовавшись, решили, что кто-то должен охранять покой лагеря ночью, и этот кто-то — они. Дамы немедленно возразили, что двое из троих отважных хранителей покоя — не боевые маги, а вот леди как раз могут постоять не только за себя. Орнери имела степень магистра боевой магии, а Тайри и Кеми прошли весьма внушительный курс обучения. Немного поспорив, договорились нести стражу по очереди, и первое дежурство досталось Трому. Остальные с чистой совестью отправились по палаткам. Ваюмн проводил Тайри печальным взглядом и мысленно попросил у Творца, чтобы эта ночь прошла спокойно. Его ученице выпало дежурить перед рассветом. Общеизвестно, что именно в эти часы, чувствуя человеческую слабость, выползает самое мерзкое и хищное. Никого и не удивило, когда у костра осталась юная Кеми. Им с внуком адмирала Альге было о чем поговорить.

Леди Даллет, несмотря на поселившуюся внутри тревогу, уснула мгновенно и с трудом проснулась лишь тогда, когда ее тронула за плечо большая рыжая птица... Ерунда какая, примерещится же спрpsonья, подумала она. Вообразить Орнери в облике! Ваорты были когда-то птицами, но давно потеряли способность обращаться... Пока она протирала глаза и вылезала из палатки в утренний зябкий туман, всё стало обычным. Просто рыжая леди, которая, к тому же, сладко спала. Пора было на дежурство.

Не прошло и получаса, как к костру выполз взъерошенный и мрачный брат его величества, тут же принявшийся с удвоенным старанием подбрасывать пищу огню.

— Доброе утро, милорд, — негромко поприветствовала его Тайри, — если, конечно, это можно назвать утром.

— Да уж... — вздохнул в ответ он, — эту кашу из тумана и сумрака утром можно назвать лишь условно. Да и ночь так себе, замерз, как собака...

Тайри удивленно подняла брови. В голове не укладывалось: снежный Льофф, как бы его ни звали, и вдруг мерзнет.

— Сочувствую. Согреть вам чего-нибудь покрепче, милорд Адалер?

— Спасибо, я сам. И заканчивайте вы эти придворные церемонии, честное слово. Мы в походе, а не у моего дорогого брата на приеме. По именам, и без всяких там "милордов". Иногда, знаете ли, лишний официоз опасен для жизни. Так что зовите меня Даль, и на "ты" — граф Изар протянул руку.

— Тайри, — ответила на рукопожатие юная герцогиня, мимолетно подумав, как бы поступил в подобной ситуации сам монарх.

— Меня вполне устроит имя Гай, — осипшим после сна голосом произнесли сзади, — хотел бы я знать, какая темная тварь сожрала всё тепло в палатке? Артефакт рассыпался в пыль.

— Уж поверь, не я, — криво усмехнулся "снежный принц", — как видишь, замерз не меньше твоего. Тайри, а у вас холодно не было?

— Ни капли. Наружу из тепла вылезать не хотелось. Снилась, правда, всякая ерунда...

— Так, на счет ерунды поподробнее, — заинтересовался наставник.

— Ерунда как ерунда, ничего особенного. Приснилось, что большая и сердитая рыжая птица пытается меня разбудить.

Даль настороженно посмотрел на девушку, но ничего не сказал.

— Это еще ничего, я вот по Тропе на ощупь шел... — Мастер зябко кутался в куртку. — Не то чтобы мне глаза завязали... Просто нес на руках кого-то, и это мешало смотреть. Не скажу, что мне очень понравилось. Хорошо в этом сне было лишь то, что кто-то впереди знал дорогу и вел нас за собой.

— А мне этот холод даже снился, — глядя в костер, заявил Даль.

Ваюмн понимающе кивнул, залпом выпил горячий отвар с медом и отправился обходить лагерь. его явно беспокоили подвижные тени на краю поляны, у двух крупных валунов. Его место у огня занял мрачный, неразговорчивый и, разумеется, замерзший Тром. После третьей чашки горячего напитка он произнес, виновато отводя глаза:

— Это я идиот, милорды. Я заставил всех мерзнуть.

— Интересно, как? Ты умеешь опустошать тщательно зачарованные артефакты за один вздох? — дружелюбно усмехнулся Даль.

— Нет, но я умею распознавать свойства камней, растений... и еще, я совсем забыл, что мы не дома, и даже не на Гронне. Это не обычная земля. Сами же говорили, после всего, что здесь случилось, тут что ни возьми — артефакт, наделенный непонятными свойствами. Столько веков провести среди искаженных и спутанных Потоков!

— Так в чем дело-то?

— Камень, которым мы прижали левое полотнище палатки. Я почувствовал, что он какой-то странный, но решил, что накручиваю себя и с непривычки шарахаюсь даже от простого булыжника.

— И промолчал, — закончил за него брат императора, — оно и понятно, побоялся показаться перестраховщиком. Или что засмеют. Значит, так... — Даль встал, — говорю громко, особенно для тех, кто еще в палатке и носа не кажет. Любые — я подчеркиваю! — любые подозрения, предчувствия, сны, зуд в левой пятке и мелькания на грани видимости — обязательно озвучиваются! Это важно для всех и обязательно для каждого. Отныне нет бредней, страхов и прочего. Есть отряд магов с достаточно развитой интуицией на опасной чужой земле, о которой никто ничего не знает. Мы должны прислушиваться ко всему и обдумывать любые сведения. Не забывайте, каждый из нас уникален и ощущает связь с Миром несколько иначе, чем остальные. Надеюсь, вы все приняли это к сведению? А теперь не позавтракавшим — приступить немедленно, а остальным собираться в дорогу. Я не хочу оказаться ночью в скальном коридоре. Мы же не знаем, как далеко он тянется.

**** *
**** *
**** *

Узкая дорога между почти отвесных стен оказалась не слишком удобной. Мало того, что она то шла в гору, то ныряла во впадины, на ней громоздились кучи камней, которые не всегда можно было обойти и приходилось разбирать. Нависающие по обе стороны мрачные серые скалы заставляли постоянно тревожно высматривать угрозу, притаившуюся где-то наверху. Завывавший где-то высоко ветер притащил с собой снег, пришлось двигаться гораздо медленнее. В завершение всех предыдущих "прелестей" путь поворачивал

практически под прямым углом, стена закрывала обзор, вызывая законное беспокойство о том, есть ли тут вообще выход. Возглавляемые Адалером маги упрямо шли вперед, мысль о привале возникла и тут же испарилась. Отдыхать здесь? Увольте... Когда дорогу преградил здоровенный кусок скалы, сил у магов хватало только на глухое рычание. Можно было бы, конечно, попытаться разнести этот камень в пыль, но кто знает, как отзовется подобное волшебство на самих волшебниках?

— Идите сюда! — позвала их Орнери, пытавшаяся понять, нельзя ли как-то иначе перебраться на другую сторону.

Все в ужасе уставились на ее находку. Из-под камня торчала нога в добротном сапоге, а чуть выше — иссохшая кисть руки, сжатая в кулак.

— Полгода, — мертвым голосом произнесла Кеми, — он лежит здесь полгода. И его никто не убивал. Это случайная смерть, и очень злая...

— Интересно, он шел туда или оттуда? — задумчиво спросил Даль.

— Он возвращался, нес что-то важное для него.

Тром потянул за обрывок простой стальной цепочки, свисавший из кулака погибшего. Мертвые пальцы сами собой разжались, открывая мутно-зеленый, слегка светящийся шарик. Молодой Альге повел над ним рукой:

— Очень простой амулет, его обычно используют матери, оставляя дома детишек. Он помнит голос и, если его разбудить, может воспроизвести, скажем, колыбельную. Или несколько фраз.

— Послушаем? — предложила Орнери.

— А если это личное? — засомневался Тром.

— Ему теперь уже все равно. А мы, возможно, пойдем и доставим послание по адресу, — сказала Кеми. Тром послушно постучал пальцем по шарiku.

"Я — Хелег ор Див, родом из Дивена-на-Йонне, что в Империи. Искал и нашел эликсир который должен поставить на ноги мою дочь. Если со мной случится несчастье, доставьте его моей жене. Я слишком давно путешествую, пусть хоть так я выполню данное мной обещание. Как жаль, что столько знаний потеряно..."

— Вот так, — печально вздохнул мастер Гайдиар, — мы слышали его последнюю волю, а сможем ли исполнить... Эликсир-то, небось, под глыбой.

— Но мы хотя бы сможем рассказать о нем семье, если... когда вернемся, — ответила Тайри, — а пока надо искать дорогу на ту сторону.

— Кто-то ее уже нашел, — пристально разглядывая противоположную стену, проговорил Даль, — посмотрите, тут что-то вроде ступеней.

Медленно, с величайшей осторожностью, маги перебрались через препятствие. По ту сторону глыбы обнаружилась прочная кожаная сумка с позеленевшей пряжкой-гербом, а в ней — старинный серебряный флакон величиной с небольшое яблоко.

— Осторожно! — предупредила Тайри, — не пытайтесь открывать, на пробке защитные чары, очень мощные. Наверное, это и есть тот самый эликсир.

Адалер без лишних разговоров сунул находку в свой мешок, как и говорящий амулет. По крайней мере, семья несчастного получит помощь... если они вернутся домой.

После этого дорога будто перестала упрямяться, сделавшись широкой и чистой. Через час путешественники оказались на пустой, засыпанной снегом равнине. К всеобщей радости, ветер стих, и можно было спокойно поискать удобное место для лагеря. Кустарники и странные низкорослые деревца, которые, судя по мягкой хвое, были родственны елям,

вполне годились для костра. Тром на этот раз очень внимательно обследовал саму площадку, где собирались поставить палатки, но ничего подозрительного не обнаружил. Все настолько вымотались в дороге, что ужин прошел в полнейшем молчании. Ложась спать, путешественники ожидали очередных кошмаров, однако, их сны утонули в сером тумане. Утро не принесло ничего нового: все та же унылая равнина, смешанная с мокрым снегом грязь и пронизывающий ветер в лицо.

На третий день пути привал вынужденно сделали раньше: Кеми еле передвигала ноги, щеки ее лихорадочно пылали, и она постоянно надрывно кашляла. Тайри уложила ее под ворох одеял, напоила каким-то настоем пополам с крепчайшим ромом из командирской фляги и погрузила в глубокий сон.

— Ничего, проснется здоровее, чем была дома, — сказала она, — ее дежурство пусть будет моим. Кто стоит на часах, отдает ей свое одеяло. Кеми нужно сохранять тепло.

Мастер, естественно, задержался у костра. Пока все спят, есть капля времени для двоих. Хрупкая и быстротечная возможность посидеть рядом — обнявшись, согревая поцелуями тонкие пальцы, слушая голос или просто дыхание, глядя на нее... Или просто первым оказаться рядом в случае опасности. А выспаться можно и за пару часов.

Каждый вечер они извлекали из футляров карты, какое-то время пытались сопоставить их с действительностью и с огромным сожалением убрали обратно. Слишком все изменилось, слишком много времени прошло. Единственное, что им помогало в пути — это заметки какого-то древнего путешественника, который в своих передвижения по суше опирался не на обычные ориентиры, а, как моряк, на звезды. Рисунок созвездий изменился мало. Чтобы добраться, хоть приблизительно, к нужному месту, нужно держать путь на Око Циклопа, оставляя по левую руку Большую Чайку. Чем больше маленький отряд продвигался вглубь континента, тем тяжелее становилось идти. Кругом заметно потеплело. Бесконечная снежная жижа, хлюпающая под ногами, делала сапоги неподъемно тяжелыми. Ноги постоянно проваливались в скользкие ямы. К концу дня маги еле ползли, тюки с палатками, которые несли по очереди все, кроме хрупкой Кеми, виделись просто наказанием Создателевым для особо самоуверенных. Всё сложнее становилось найти место для ночлега: не в воду же палатки ставить? Топливо для костра собирали, где могли, и тащили с собой, оберегая, словно драгоценность. Конечно же, маги страшно сожалели о запрете на применение чар без крайней на то нужды. Даже мудрая и опытная Орнери иногда вслух выражала желание послать всё к демонам и запустить впереди жар-камень, чтобы идти по сухой и твердой тропе вместо того безобразия, что так и норовит залиться тебе за голенище. В конце концов, видя полную безысходность ситуации, Адалер разрешил ей высушить площадку для лагеря, а также поколдовать над их промокшей одеждой и обувью. Отряд целый день шел под косым ледяным ливнем, перемежающимся мокрым снегом.

Ночью стало понятно, что правы были те, кто говорил об опасности любого колдовства на этой земле. Возле лагеря началось странное движение, будто большие, но совершенно бесшумные существа бродили вокруг освещенного ровным магическим пламенем пятка, стараясь не попадаться на глаза людям. Им это почти удалось, пока привычная улавливать видения на самой границе сна и яви Кеми не заметила длинное полупрозрачное нечто, похожее на плотную струю дыма. Оно быстро метнулось от одного валуна к другому и затаилось, а на смену ему из темноты шагнул кто-то высокий и более материальный. Под его ногами слегка захрустел тонкий ночной лед. Чувствовалось, что "гости" не особенно скрываются, да и нападать не собираются тоже. Во всяком случае, поднятые по тревоге Даль

и Тайри никакой опасности от них не учуяли. Странные создания больше не прятались, маячили в пределах видимости. Ближе к рассвету "длинный" перетек к палаткам, прижавшись дымным боком к полотну. "Высокий" так и стоял, никуда не двигаясь, и внимательно рассматривал каждого, кто появлялся у костра. Поднявшееся над горизонтом солнце позволило хорошенько разглядеть чудного посетителя: длинное треугольное тело, овальное "лицо", будто проступающее сквозь туман, непонятная острозубая ухмылка, темное пятно носа и — большие печальные глаза. Не человеческие, нет, но эмоции в них читались ясно. Существо смотрело на магов, маги — на него, а где-то рядом совсем по-лошадиному вздыхал и фыркал "длинный".

— Ох, ну как же его жалко, — неожиданно всхлипнула Кеми.

— Кого? — удивился Тром, — этого страхолюда? Или того, другого, который вздыхает?

— Обоих.

— Как можно жалеть тварей Тьмы?

— С чего ты решил, что это твари Тьмы, парень? Разве тебя не учили отличать белое от черного? — вскинулась Орнери, — Да если бы...

— Не сердитесь на него, миледи, — автоматически перейдя на привычный в столице язык, вступилась Тайри, — Тром по большей части имеет дело с предметами, а не с живыми существами. С артефактами, как правило, все более прозрачно.

— Ладно, спишем на молодость и отсутствие опыта, — как-то сразу согласилась леди-птица, — вот меня не покидает странное впечатление, будто они что-то хотят сообщить, и не могут.

— Или куда-то зовут, — леди Даллет очень осторожно потянулась к "Высокому" чарами познания. Что ж поделать, если никак их больше не понять...

Кому-то нужна была помощь. не этим существам, другим — более понятным и привычным. А эти двое — только вестники, просто других не оказалось рядом...

Тайри, не задумываясь, полезла через кусты, позабыв о скрытых снегом ямах, старых магических ловушках и прочих прелестях здешнего бытия. За ней бросился наставник, ругаясь шепотом на трех языках сразу. Ну куда эту сумасшедшую понесло?!!

Несколько десятков шагов, пара прыжков через казавшиеся опасными промоины, и в ноги запыхавшейся и безмерно удивленной целительнице тыкается скулящая собачья морда. Несчастный гроннский пёс был едва жив, и видимо, последнее время даже не шел — полз, упорно цепляясь распухшими, изрезанными в кровь лапами. Белоснежная когда-то шерсть была в колтунах, намерзших ледышках и засохшей крови. Бока ввалились, а слезящиеся глаза смотрели с такой мольбой, что бросить бедолагу там, где лежал, казалось кощунством. "Высокий" мгновенно оказался рядом, убедился, что пса не оставят, и, издав что-то вроде одобрительного ворчания, растворился в воздухе. Неся на руках счастливо сопящего пациента обратно в лагерь, леди Даллет думала, что собак ей приходилось лечить полтора раза за всю практику.

Немудрено, что в этот день они не продвинулись сколько-нибудь далеко. То и дело приходилось останавливаться, чтобы напоить или покормить стремительно выздоравливающего найденыша. Его отогрели, а потом и отмыли в удачно подвернувшемся горячем источнике. Вода в крошечном озерце шипела, точно игристое вино, и подозрительно пахивала, но пса это ничуть не смутило. Он не только не сопротивлялся — еще и вылезать не хотел. Тайри решила не ждать, пока его раны сами затянутся, и заростила их с помощью магии. Излечившийся собачий сын оказался прекрасен, решителен и безмерно

благодарен всем без исключения, почему-то особо выделяя не вылечившую его леда, а мастера Гайдиара. Ваюмн неожиданно легко нашел с ним общий язык, а пёс позволил именно ему приводить в порядок свою изрядно пострадавшую, но все еще густую и длинную шерсть. Как раз вовремя этой процедуры Гай и обнаружил аккуратно вплетенный в особую косичку нитяной шнурок-возвратник. Вещичка была простенькая, самодельная, и магической, в полном смысле этого слова, не считалась. Она всего лишь показывала заблудившемуся животному дорогу обратно к хозяину — где бы он ни был. На Гронне подобное не практиковалось, а вот на материке и особенно в Старых землях — сплошь и рядом. Такие шнурки плели из цветных ниток, выдернутых из хозяйской одежды, повязывали на шею кошкам и собакам, вплетали в лошадиные гривы и привязывали к лапам ловчих птиц. Опять-таки, сам по себе белый пёс на запретной земле появиться не мог, значит, и хозяин обретается где-то поблизости... или обретался. Ведь не известно, сколько времени лохматый блуждал в поисках помощи. Скорее всего, именно поэтому найденыш, едва выздоровев, так рвется куда-то бежать. Маги посоветались и решили, что пойти и посмотреть, куда приведет пёс, всё-таки стоит. Если его хозяин жив — помочь, если умер — похоронить по-человечески. Кто знает, может, этот скиталец укажет им короткий путь к древней твердыне Льоффов или к теплomu Внутреннему морю. Даль, безусловно, понимал, что они рискуют. Тайри разумно предложила сначала посмотреть на незнакомца издали, не обнаруживая себя, и только тогда принимать окончательное решение. Она ведь вполне могла усыпить человека, не прикасаясь к нему и не оставив возможности кого-либо разглядеть.

Творец, видимо, решил отблагодарить путешественников за благородный порыв несколько быстрее, чем принято ожидать. Следуя за четвероногим проводником, маги вышли на старую, но вполне сохранившуюся дорогу, у которой даже обнаружился указатель. Высокая каменная плита с надписями на древнем языке и вполне понятными стрелками направлений выглядела так, будто её поставили только вчера. Адалер сказал, что в этой шпуковине живет вполне себе действенная магия, потому она и осталась новой. Орнери добавила, что многие маги Камня без раздумий отдали бы правую руку, чтобы научиться творить подобные чары. Если таким образом заколдовать, скажем, укрепления в шахте, она никогда не обрушится. А тут всего лишь дорожный камень! Умели же предки!

Пока разбирались с надписями, пёс нетерпеливо повизгивал и тянул за рукав то одного, то другого. Наконец Даль нашел знакомое название и очень обрадовался, что им с псом по пути. Уже в сумерках по обеим сторонам дороги появились первые признаки некогда обитаемых мест. Разрушенные стены, пустые коробки домов, рассыпающиеся башни. Целый квартал представлял из себя одни только фундаменты, внутри которых были сложены аккуратные курганы из обломков. Кто, когда и зачем это сделал?

Как ни странно, дальше попадалось все больше неплохо сохранившихся зданий. К одному из них — длинному одноэтажному дому, больше смахивающему на конюшню, и привел их собачий сын. Он с громким лаем понесся через анфиладу комнат, а маги остановились у дверей, напряженно прислушиваясь и осторожно заглядывая вперед при помощи чар.

— Две собаки. Очень слабые, — прошептал Даль.

— И человек без сознания, — добавила Тайри, — он болен, и давно. Но вылечить можно.

— И можно не бояться, что он нас увидит. — Кеми нетерпеливо переступила с ноги на ногу. — Может, не стоит мешкать?

— Я пойду вперед одна, — леди Даллет передала свой мешок Трому, оставив только сумку со снадобьями, — посмотрю и позову вас. Кто знает, что у него за болезнь? Вам лучше поберечься.

В самой дальней от входа комнате, на куче лохматых хвойных веток, под грязным меховым плащом лежал неподвижно изможденный человек. Тонкие губы потрескались, впалые щеки заросли пегой щетиной. Воспаленные веки были крепко сомкнуты. По бокам, прижимаясь к хозяину тощими боками, лежали собаки. Одна — такой же гроннской породы, как и подобранный магами пёс, вторая — крупная, черная, с мрачным недоверчивым взглядом, острыми стоячими ушами и очень внушительным набором зубов. Несмотря на то, что собака была слаба и вряд ли смогла бы подняться и защитить своего человека, она негромко, но очень грозно зарычала. Белый найденыш демонстративно лизнул руку Тайри и подтолкнул ее носом к лежащему человеку. девушка не стала рисковать, пустив в ход весь свой магический арсенал. Жар, как следствие воспаления, пожирающего легкие. Излечимо. Царапины, ссадины — ерунда. Два треснувших ребра и огромный кровоподтек... Откуда же он падал? Ну и истощение, конечно. Сколько же дней этот несчастный не видел нормальной пищи? Хорошо хоть, что пил — вон, старинная чаша с водой, а рядом его кружка. Лежит так, чтобы можно было дотянуться, даже не глядя.

Тайри зажгла "светляка", подавая знак своим, и принялась за дело. Верные сторожа больше не рычали и не скалились — почтительно отползли в сторонку. А вот их везучий товарищ куда-то пропал, ну да не до него сейчас... Провозившись с больным несколько часов, леди Даллет погрузила его в длительный крепкий сон и только тогда разрешила Далю и Орнери его осмотреть.

— Он из Старых Земель. Посмотрите, такие медальоны с фамильными гербами носят только там. Никогда не понимал смысла этих тяжелых побрякушек... Если не ошибаюсь, княжество Карвенти, — произнес сводный брат императора, указывая на массивный, литого золота, медальон, висевший на шее спящего, — Интересно, что заставило его сюда приехать? Насколько я помню, жители старых княжеств считают Запретный континент обиталищем Отступника и всех его воинств.

— И ведь не миновал Гронн, судя по собакам, — покачал головой мастер Гайдиар, — эх, нашего проводника бы сюда, он бы его сразу опознал.

— В сущности, какая нам разница? — пожалала плечами Орнери. — Тайри, как долго тебе нужно его лечить?

— Сейчас я должна отдохнуть, потом еще пару часов — и всё. Дальше он справится сам. Будете его расспрашивать, или обойдемся?

— Хотелось бы, но как? Староземельских наречий никто не изучал, — развел руками Даль.

— Ну почему ж никто, — с легким превосходством улыбнулся ваюмн, — я в тех местах лет двадцать прожил, неплохо помню четыре из восьми. У карвентийцев речь очень мелодичная, не то, что у онгеров.

— Да ты настоящее сокровище, Гай. Теперь я понимаю, почему брат так настаивал на твоём участии в нашей экспедиции.

Что-то зашуршало сзади, все оглянулись, хватаясь за оружие. Но это был всего лишь спасенный ими гроннский пёс, притаивший добычу — вполне упитанного кабанчика. На материке он вполне сошел бы за не слишком большого поросенка, но о здешней мелкой породе диких свиней путешественники знали. Гордый собой добытчик положил трофей у

ног хозяина, громко гавкнул и снова убежал — наверное, за следующим. Одной дикой хрюшки на такую компанию было явно мало.

— Ого, а здесь появилась вполне съедобная живность, — одобрительно хмыкнула леди-птица, — пойду-ка я присоединюсь к нашему кормильцу. Может, тоже кого поймаю. А то сушеное мясо уже не лезет...

— Спать не хочешь? — поинтересовался Адалер.

— Свежепожаренного мяса я хочу сильнее, — Орнери достала из вещевого мешка тщательно упакованный маленький арбалет, — пожелайте мне удачной охоты.

Маги, конечно, пожелали, несмотря на ироничный взгляд, которым проводил рыжую леди брат императора. Зря он сомневался: ей посчастливилось добыть еще двух поросят и столь же некрупную лань со смешными маленькими рожками. Так что Тайри разбудил манящий запах свежего жаркого, что было весьма кстати. Она ведь умудрилась заснуть, не дождавшись даже кружки подогретого вина.

На следующее утро юная целительница сказала, что всё от нее зависящее сделано, и пациента можно будить. Тем более, что для него был сварен целый котелок бульона и отложены самые мягкие куски дичи. Мастер Гайдиар, побродив по округе, принес полную кружку темно-красных ягод и какие-то листики, сказал — получится очень полезное питье. Даль в очередной раз удивился разносторонним знаниям ваюмна, по обыкновению забывая, что за такую длинную жизнь можно научиться чему угодно. Конечно, если захотеть.

**** *
**** *
**** *

Много от хозяина собак узнать не удалось. Проснувшись, он испугался, а не обрадовался и не удивился, хотя хорошо помнил, что засыпал больным. Ни пища, ни родная речь, на которой к нему обратился ваюмн, не сделали его более разговорчивым. Видимо, присутствие рядом троих хорошо вооруженных людей совсем лишило бедолагу уверенности в благополучном исходе его путешествия. Особенно сильно он взволновался, когда в комнату заглянул Даль — спросить, не нужно ли чем помочь целительнице. Его на какое-то время оставили в покое, а когда Тайри вернулась с порцией целебного отвара, карвентиец немного успокоился. Мастер Гайдиар пояснил угрюмому, забившемуся в угол мужчине, что именно эта леди и есть его спасительница. И вообще, стоило ли его лечить, если он собирается умереть от голода, не принимая приготовленную для него пищу?

— Пожалуйста, переведи ему, что если мы вызываем у него такую неприязнь, то легко можем оставить его наедине с собаками. Он вполне здоров, выберется сам. не хочет говорить — не надо. И еде мы тоже найдем применение, — попросила юная леди своего наставника. А потом, выбрав кусок покрупнее, скормила его белому псу. Его хозяин с ужасом ждал, что лохматый начнет корчиться в муках, но тот явно не собирался помирать и бессовестно просил добавки. Второй кусок достался черной собаке, которая виляя хвостом, взяла свою долю с ладони девушки. Третий исчез в пасти ее белоснежной подружки. Выздоровливающий нервно сглотнул и сказал, опустив глаза:

— Простите меня, я разучился доверять людям.

— А не надо нам доверять. Если бы не ваш пёс и парочка странных существ, мы бы ничего о вас не узнали, — сказал Гай, — вы пока кушайте, пейте горячее, вам полезно. А доверять будете потом.

Карвентиец окончательно смутился и счел за лучшее заняться ужином. Время от времени он бросал неуверенные взгляды на Тайри — видимо, хотел что-то спросить и не решался. Юной леди Даллет было одновременно смешно и неловко, пусть бы уже спросил и

успокоился, а то вон даже собаки волнуются.

— А что делать целитель молодой девушка на этот проклятый место? — набравшись смелости, изрек на страшно ломаном имперском выздоравливающий, — простить мой любопытство.

— Ищу, кого бы вылечить, разумеется, — лучезарно улыбнулась в ответ "молодой девушка", а наставник немедленно перевел с крайне серьезной миной.

Карвентиец снова приуныл, потом проговорил, глядя в тарелку:

— Я поставлю глупый вопрос, да? Или вы смеяться надо мной?

— Ни в коем случае. Она ищет, кого бы полечить, а вы здесь... ну, допустим, выгуливали собак. И немного заблудились. Это я к тому, что нам совершенно неинтересно, как вы сюда попали и зачем. Даже имя можете не называть.

— Тогда почему вы задавали столько вопросов, когда я проснулся? — перешел на родной язык мужчина.

— Припомните, каких именно вопросов. Исключительно тех, что касаются вашего пути: что вы видели, что творится у Теплового моря, куда ведет эта дорога... — напомнил ваюмн, — о целях ваших мы не спрашивали.

— А если я спрошу, как добраться до берега?

— Расскажем и даже снабдим свежесоставленной картой и рекомендациями. Можем указать день, когда к берегу подойдет корабль с Гронна, который собирался нас дожидаться.

— С чего такая щедрость?

— Если я скажу, что нам никакой пользы от того, что вы здесь заблудитесь и умрете, вы все равно не поверите. Поэтому считайте, что это всего лишь чей-нибудь каприз. Например, нашего командира. Или судьбы, если вы в нее верите.

— Перестаньте издеваться... — устало вздохнул карвентиец, — неужели вы думаете, что на этот проклятый Творцом континент люди лезут от хорошей жизни?

— Вот именно. И нам, как вы видите, этого знания довольно. Мы тоже сюда не от хорошей жизни и не своей волей полезли. Поэтому нам важны знания о том, что нас может ждать в пути.

— Ну хорошо. — Мужчина с сожалением посмотрел в опустевшую кружку. Мастер Гайдиар немедленно долил ему из стоявшего на углях котелка. — В конце концов, благодарность еще никто не отменял. Я путешествую третий месяц и, должен сказать, тут... странно. Не страшно, как я думал раньше, а именно — странно. Полно старых ловушек, созданных непонятно кем и для кого. Полно существ — не враждебных, но до того навязчивых, что не знаешь, куда от них деваться. Как ни странно, попадают люди. Эти, завидев тебя, стараются убраться как можно дальше. Откровенно меченые Тьмой тоже попадают, от них я сам бегал, сломя голову. Зверье здесь тоже странное. Много обычного, какого и у нас встретишь в любом лесу. А есть такое, что лучше бы не видеть никогда. Волки, медведи и хищные горные кошки очень опасны. Что измененные, что нет. Хотя попадают среди них такие, что чуть ли не человеческими глазами на тебя смотрят, не нападают. Как будто что сказать хотят, да не могут.

— Это все понятно, уважаемый. А далеко ли отсюда до Теплового моря?

— Неделя... Если по этой дороге идти, дальше будет большой город. Он будто целиком в землю ушел, одни верхние этажи домов, крыши да шпили башен. Обгоревшие, местами сильно, но странно сохранившиеся. Вот там — действительно страшно... Останавливаться там не советую. Вроде и нет никого, даже мух или там птиц каких-нибудь, а шепчет кто-то...

Дальше выберете на развилке юго-восточный тракт. Он доведет вас до самого побережья. Не могу сказать, что мне там понравилось. Вроде, и море чистое, и зелень кругом пышная, но... такое впечатление, что на тебя все время смотрят, недобро так. В море тоже с осторожностью надо, там такие отвратительные твари плавают! Похожи на зонтики со щупальцами, здоровенные, что твое праздничное блюдо. Есть яркие, заметные, но хуже всех те, что прозрачны. От их укусов мой спутник умер.

— Очень интересно. А других городов тебе не попадалось по дороге?

— Полез я в один... Огромный, стены кольцом, а сам будто в воронке построен. В середине озеро чистое. Мне показалось, что оно раньше было не таким большим, яруса три домов в воде просматриваются. Но к самой воде я не спускался, там огни какие-то бродят, тени живые на стенах пляшут. В дома заходил. А там то льдом все заросло, то жара такая, что из кожи выпрыгнуть хочется.

— И далеко отсюда этот город?

— Пару дней пути по дороге и еще столько же на восток, если я правильно посчитал. Именно там я эту болячку заработал — трое суток по какому-то отвратительному заледеневшему дворцу ползал, потом там же и заснул на полу... Если б не собаки, замерз бы насмерть. Понятное дело, дальше я топал то в лихорадке, то черепашиим темпом, то вообще не помню как. Мог потратить и меньше времени, если бы был здоров.

— Мы учтем. Спасибо, тебе, уважаемый, — кивнул ваюмн, — твои сведения очень помогут нам.

— Боннаре. Меня зовут Боннаре...

— Спасибо, Боннаре. Я — Гай, а целительницу нашу зовут Тайри.

— Имперцы... Впрочем, кто ж еще может собрать столько желающих соваться в лапы Отступнику. Станные вы люди... Хоть командира вашего взять: не человек, а кусок льда. Вагронны и то... теплее, что ли. Девочка ваша не из простых, по глазам видно. А остальные? По голосам я точно не скажу, но вас больше, чем трое.

— Познакомить? — Гай улыбался, но вопрос прозвучал немного угрожающе.

— Нет уж, спасибо. У нас говорят: меньше знаешь — дольше живешь. Как-нибудь потом, если Творец сведет.

— Хорошо, как пожелаешь.

— Вы скоро уходите? — Странно, но в голосе карвентийца звучала неуверенность и даже сожаление. Он, похоже, не очень-то хотел оставаться один. Собаки собаками, но опытные дружелюбные спутники всяко лучше.

— Как только наша целительница решит, что мы тебе не нужны.

— Понятно...

— Не беспокойся, мы постараемся, чтобы тебе не пришлось думать о пище еще пару дней. Хотя... твои охотники, пожалуй, ничуть не хуже наших. — Гай положил руку на голову усевшегося рядом пса.

— Только гронские собаки. Моя Негрита сторож, а не охотник. Зато никакую дрянь ко мне не подпустит.

— Вот и прекрасно. Тайри собиралась тебя завтра утром осмотреть, так что спи спокойно. — Ваюмн уже совсем собрался уходить, но заметил любопытство, едва сдерживаемое собеседником. — Тебе чего-нибудь принести?

— Нет, спасибо. А... сколько вас?

— А как же "меньше знаешь — дольше..." чего там?

— А как же "мы не для того тебя лечили, чтобы..." как там дальше? — парировал собеседник, в точности скопировав интонацию Гая.

— Больше, чем ты видел. Раза в два, как минимум. — Пусть думает, что хочет. В конце концов, Даль и Орнери вполне стоили троих.

— Это... очень разумно, как говорит мой опыт.

— Ты кого-то боишься? С такими-то сторожами?

— Они ничего не могут против магии. И против призрачных тварей они бессильны, увы.

— Зато они учуют любую опасность издали и предупредят тебя. А об остальном мы подумаем завтра. Спи.

Гай вышел от карвентийца, плотно притворив за собой дверь, и вопросительно взглянул на Даля, сидевшего с блокнотом в руках.

— Все записал?

— Всё, необходимое нам. Даже "длинные уши" не пришлось колдовать.

— А говорил, что из староземельских языков владеешь только десятком выражений, годных для портового кабака, — едко усмехнулся мастер.

— Ну... не только, но не столь виртуозно умею плести слова, как некоторые из нас. Спасибо, Гай, что разговорил его. Тебя что-то смущает?

— Странно как-то чувствуешь себя рядом с человеком, которого раздирают на части страх и любопытство. Тем более, что из самого пекла он вылез, тут-то чего бояться.

— Это ты знаешь, что бояться нечего, и до берега не так уж и далеко. А он боится, что станет только хуже. Хотел бы я знать, какого демона он сюда полез, не будучи ни разу магом. Это же смертный приговор...

— Вариантов море, Даль. Начиная с того, что его наняли более осведомленные люди, и заканчивая тем, что он — младший сын какого-нибудь древнего и гордого, но совсем обедневшего рода. Поехал искать сокровища и славу, чтобы поднять свое доброе имя из нищеты и забвения. Да мало ли... Кстати, то, что он до сих пор жив, вполне может оказаться следствием непричастности к Силе. Все мы рано или поздно в опасных ситуациях начинаем применять чары, а вот отклик на них на этой земле совсем неоднозначен.

— Нет смысла гадать, — устало махнул рукой "снежный" Льофф, — надо собираться. Завтра отправляемся дальше.

Они ушли на следующее утро, оставив Боннаре запас жареного мяса, достаточно сильный защитный амулет и один из арбалетов. Карвентиец не соврал, после полудня они увидели тот самый город: шпиль и крыши ушедших в землю башен. Зловещее это было место и неприятное. Ни птиц, ни иной живности не стало, даже насекомых. Тишина ощутимо давила, и голоса путешественников звучали в этом странном месте как нечто чужеродное, нарушающее вековой порядок. Орнери сказала, что у нее вся кожа чешется от остатков чужой мощной и грубой магии, завязанных такими узлами, что развязать их и думать нечего.

— Интересно, кто это все устроил? — спросил Тром.

— Откуда мне знать... Очевидно, те, кто овладел Огненным искусством, но не чувствовал его всем своим существом. Следовательно, природными магами этой стихии они не были, — ответила леди-птица, — если я хоть что-нибудь понимаю, здесь допущена глупая ученическая ошибка. Люди потревожили огненные Потоки, не посмотрев, что у них под ногами и не оглянувшись вокруг. А недалеко существовали вулканы, кругом — горячие источники. Земля этих горе-колдунов была еще молода и подвижна, а огненные реки слишком близки к поверхности. Ни один прирожденный маг не станет применять чары

такой силы в подобном месте. Разве что те, что успокаивают и умирляют магму.

Тайри вспомнила разговор с императором. Это его далекие предки попытались подчинить чужую стихию, и... вот, что из этого вышло.

Между тем они вышли на площадь. Вернее, это было площадью — когда-то. Над землей виднелись обгоревшие двускатные крыши и неплохо сохранившаяся верхушка башни с высоким овальным окном.

— А если спуститься, ну... к примеру, внутрь той башенки, — у Трома, наверное, проснулся профессиональный зуд: столько кругом древнего, броди не хочу. Беда была в том, что остальные действительно не хотели.

— Ничего хорошего мы здесь не найдем. Этот город испугал карвентийца, и, наверное, не зря, — нахмурился Адалер.

— Брось, Даль, я пока не ощущаю здесь нечисти, — отмахнулась Орнери, — и с удовольствием составлю мальчику компанию. Мы ведь недолго? — Она вопросительно взглянула на Трома и тот, как ни странно, кивнул.

— Тайри, что думаешь? У тебя хорошее чутье на опасность, — спросил снежный Льюфф.

Леди Даллет на минуту задумалась, изучая указанную башенку и окрестные дома, потом зажмурилась и затрясла головой, точно сбрасывая сон.

— Здесь все сопротивляется и прячется от меня... Нечисти я тоже не увидела. А ты знаешь, Тром, что эта башня уходит этажей на пять вниз? Вот и подумай, сколько займет твое "недолго".

— Это пустяки... Мне не нужно спускаться на самое дно, чтобы понять, есть ли там нечто интересное. — Юный маг усиленно строил из себя всезнайку.

— А если это самое "интересное" подмигнет тебе с нижнего этажа, а потом слопают и не подавятся? Мы не на прогулке, Тром...

Альге-младший надулся, что твоя обиженная лягушка.

— Ладно, — решил Адалер. — идите. Орнери, в случае чего...

— Да знаю я, командир, — леди-птица быстро проверила снаряжение и оружие, подтолкнула вперед Трома, — пошли, изыскатель.

Это был первый за весь прошедший поход случай, когда никто не обрадовался привалу. Всем было как-то тревожно. Костер, конечно, разожгли — благо, пищи для огня кругом валялось достаточно, но и он получился какой-то хилый. Пламя долго не хотело разгораться, да и потом едва не стелилось по земле. По прошествии пары часов кое-кто начал нервничать сильнее остальных, и это была вовсе не кроткая леди ор Оклен. Брат императора, сжимая и разжимая кулаки, бродил вокруг костра, поминутно бросая мрачные взгляды на башенку. Тайри давно поняла, что Даль неравнодушен к экзотической красавице с острова Орт, и чем дальше, тем меньше он это скрывает. Интересно, его величество в курсе? Или он специально так подобрал состав экспедиции?

Показавшиеся из разбитого окна, усыпанные красноватой пылью, Орнери и Тром шумно отряхивались, громогласно чихали и смеялись так, что дрожали все окрестные крыши. Потом они, таща за собой мешок с чем-то тяжелым и угловатым, подошли к костру.

— Орни, ну как так можно, — тихо и очень укоризненно произнес Адалер, — я чуть не рехнулся от беспокойства.

— И зря. Мы много комнат облазили, нашли только пару крысиных остовов и кучу паучьих гнезд, как ни странно — пустых. Вот, каких-то книг принесли, там рассматривать

было трудно — пыльно и темно. А потом сработала совсем смешная ловушка, лестница сложилась в крутой пандус и мы съехали вниз, как в детстве... на пятой точке. И как только штаны не задымились? Потом пришлось выбираться по боковой лестнице, а там узко и грязно. Гай, пожалуйста, положи мне чего-нибудь горячего, а то я от голода вот-вот кусаться начну.

— А чего смеялись-то? — поинтересовался ваюмн, передавая леди ор Лоуке миску, исходящую ароматным паром.

— Мы, когда съехали вниз, шлепнулись со всего размаху в огромную кучу этой вот дурацкой пыли. Проморгавшись, обнаружили, что распугали странных существ, которых даже живыми-то назвать нельзя. Они подняли писк, а мы ретировались весьма... э... поспешно. А потом, этажей через пять, рассказали друг другу, как при этом выглядели.

Естественно, всех заинтересовали принесенные из башни трофеи. Книги Адалер одну за другой откладывал в сторону, поясняя, что эти вот, черные — всего лишь бухгалтерские ведомости; а вот эти, с текстом на желтоватой тонкой шуршащей бумаге — просто читиво, романы. Зато нетолстый, хорошо сохранившийся географический справочник того времени очень его обрадовал. Следующим был толстенький альбом с великолепными яркими акварелями и городскими пейзажами. Жаль только, что обложка потерялась. Даль бережно упрятал его в свой мешок. Тром покопался в кучке ставшегося и вытащил две небольших гравюры в рамках. На одной из них уходил в море причудливый парусник, а на другой художник изобразил городскую площадь, похоже, ту самую, на которой они сейчас и находились. По верху вилась каллиграфическая надпись.

— Саттар весной, — прочел Адалер.

— Государю должно понравиться. — Тром оторвался от изучения картинки и нарвался на полный ужаса взгляд ваюмна. Точно также смотрел совершенно "заледеневший" командир. Они оба поняли что-то важное, но что?

— Собираемся. Бегом. Ничего отсюда мы брать не будем! Никаких трофеев! Орни, Тром — услышали? Никаких! Все объяснения потом.

Потом они бежали через мрачный, мгновенно ставший враждебным город. Бежали и дальше, по старой разбитой дороге, остановившись, только когда силы совершенно иссякли. Здесь костер горел бодрее, протягивая к звездному небу яркие языки пламени. Пара кружек бодрящего напитка немного успокоила магов, и Тром решил-таки расспросить командира о причинах их поспешного бегства.

— Надо было прислушаться к карвентийцу. Он, хоть и не маг, но чутье у него превосходное. А мы оказались слишком самоуверенны, и, если бы не та картинка... — командир зажмурился и прикрыл лицо руками, — кто знает, может, ничего еще и не кончилось.

— Чего не кончилось-то?

— А, ну да, эту легенду помнят, наверное, только Льоффы и немногие водные кланы. И касается она именно этого города, и никакого другого. Видимо, как и многое в нашем мире, вовсе это не легенда, а чистая правда. Мне ее рассказал брат, когда мне было лет десять... До сих пор помню.

— Я тоже, — кивнул мастер Гайдиар, — его величество как-то раз показывал мне сохранившиеся записи. Такое впечатление, что начало писал один человек, и в счастливое время. А конец — другой. Который чудом выжил и пытался вернуться.

— Ну так расскажите уже, не томите, — Орнери мрачно сдвинула брови, — мне-то

никто ее не рассказывал. Хотя мог бы.

— Прости, — вздохнул Даль, — кто ж знал, что демоны нас занесут именно сюда. Вот, послушайте...

"Все легенды друг другу вторят:

Ни провинция, ни столица,

Был Саттар — просто город, как город,

Но такой, что нельзя не влюбиться.

Основали, как водится, маги.

Красоту создавали — люди,

Воплощая эскиз на бумаге

В то, что за душу брать всех будет.

Были парки там, были храмы,

Здесьней знати и магов чертоги,

И чудесные панорамы

Открывались с башен высоких.

Маг верховный хранить поклялся

Город свой от бед и несчастий.

Расцветал Саттар и смеялся,

Даже времени неподвластный.

Но однажды маг заигрался,

Разбудил безоглядно стихию.

Он бежал, а город — остался.

Пусть его спасают другие...

А город надеялся, город молил,

Все глубже тонул он в объятьях земли.

Там твердь стала жидкой, а воздух — огнем,

К закату уж не было выживших в нем.

Все люди погибли, но ужас их жив.

Там крик их предсмертный, как ветер, кружит.

Туда сама Смерть заглянуть побоится.

Ничто там живое давно не плодится.

И ты, человек, туда не ходи.

Придешь — твое сердце замерзнет в груди".

После страшной легенды разговоры не клеились, а вот усталость брала своё. Палатки ставить не стали, улеглись, завернувшись в плащи, сократив время караулов до часа, чтобы менять друг друга как можно чаще. Первую стражу взяли на себя самые молодые.

Тайри проснулась от того, что ее кто-то изо всех сил тряс за плечи. С трудом прогнав сон и, наконец, разглядев испуганное и бледное, даже в свете костра, лицо Кеми, она резко села.

— Что случилось?

— Не знаю. Что-то начинается... Будто воронка вокруг нас. И... нам не уйти...

— Перестань паниковать! — строго сказала Тайри, — где Тром?

— Уснул, я не стала будить.

— Тоже мне, часовой! Я посмотрю, что тут творится, а ты быстро буди всех. В другой раз отоспимся.

За границей теплого освещенного круга тьма подрагивала, текла слоями, то редела до бледно-синих сумеречных оттенков, то сгущалась в непроглядную смоляную массу. Гуща эта расползалась по земле, подползала медленными ручейками со всех сторон, но достигнув некой границ, судорожно отдергивалась. Соваться со своими заклятиями познания в этот кошмар Тайри не хотелось, но времени на раздумья не было. Потoki силы всех четырех стихий, впитавшие в себя нечто знакомое, тягостное, перехватывающее горло и вымораживающее сердце, кружили, будто стая хищников, над шестеркой отчаянных смельчаков...или сумасшедших, это как посмотреть. Что привлекло сюда эту тьму? Или... кто? Тайри с ужасающей ясностью вспомнила свою беседу с императором и его слова о том, что виновниками всех катаклизмов на Запретном континенте были, в том числе, и далекие предки Льюффов. Неужели тот маг-клятвопреступник из легенды — тоже Льюфф? И ужас брошенного на произвол судьбы Саттара узнал Льюффа в одном из них?!

— Вот ведь дрянь... — услышала леди Даллет хриплый спросонья голос Орнери, — кто ж такое сотворил-то... Смертью разит. Старой смертью, страшной, мученической... Кто-то, видимо, пытался кого-то спасти, но не сумел, а получилось у него вот это...

— И что нам делать?

— Для начала понять, как они умерли, — напряженным голосом ответил Адалер, — Кеми, сможешь посмотреть?

— Они... горели...задохались...тонули в липком и огненном...и звали, звали. Это люди, все люди из того города, где мы были.

— О Творец... — Даль, кажется, тоже догадался, почему древний ужас пришел за ними даже сюда, оставив позади городские стены. Но "снежный принц" не был бы самим собой, если бы позволил панике овладеть сознанием. — А теперь подумаем, что бы мы сделали для них, если бы оказались в том времени.

Брат императора, видимо, уже принял решение. Глаза тускло засветились снежно-голубым, как и ладони. Лицо резко заострилось, прорезались морщины, выдавая истинный возраст мага.

— Лично я бы пробил им дорогу прочь из города и, по возможности, прикрыл ее щитами. Орнери, притуши свой огонь. Тайри, Гай, помогайте.

Адалер подошел к судорожно подрагивающей вязкой тьме, поднял обе руки. Ледяной ветер ударил в живую стену, метнулся вдоль нее, нашел лазейку и выскользнул из круга. Маг опустился на одно колено и положил ладони на землю. Узкая тропа промерзшей твердой земли побежала от костра вдаль, за холмы. Над ней невесомой сетью повисли созданные Тайри и Гаем магические щиты. То, что окружало магов, весь этот мрак и ужас, предсмертные крики и проклятия, безнадежность и отчаяние, хлынули в узкий коридор так быстро, как будто на другом его конце все погибшие тысячи лет назад снова обрели бы жизнь.

Через бесчисленное количество минут над потухшим костром в розовом рассветном небе гасли последние звезды. Тихо плакала Кеми — так, как плачут от облегчения, уткнувшись в грудь обнявшего ее Трома. Лежал без движения "снежный принц", на его губах слабо пузырилась кровавая пена. Из последних сил удерживала его жизнь целительница, погрузившись целиком в творимое волшебство.

— Держи его за руку, Орни, — тихо сказал ваюмн онемевшей от горя женщине, — ты же птица. Расправь крылья и тяни его сюда, к жизни, к любви, к себе. Он у нас, конечно, ледяной, но сердце-то у него горячее. Такое же, как у тебя.

— А он слишком много отдал холоду... — всхлипнула леди ор Лоуке, опустилась на колени, сжала обеими руками безжизненную ладонь Даля, прижалась горячими губами к пальцам.

Тайри разлепила спекшиеся губы:

— Гай, черный каменный флакон из моей сумки. Три капли, и пусть проглотит. Если не поможет...

— Не поможет, — пророкотал рядом знакомый голос, — а вот я попробую...

Скайяр всмотрелся в лицо мага, ставшее восковым и отрешенно-холодным, стер пену с его губ, склонился, прислушиваясь.

— Плохо дело, — дракон легко поднял бесчувственное тело Даля, повернулся к Орнери, — сядь удобнее, тебе следует его обнять и держать так... пока все не закончится. Согревай его, птица, согревай и держи всей силой своей огненной души, всем постоянством своей любви. Запомни, это очень важно, **ОЧЕНЬ!**

Тайри тихо попросила:

— Приведи его назад, Скай, пожалуйста...

— Продержись, девочка, пока мы не вернемся. Ты — наша дорога и наша дверь.

Синеглазый распахнул перед собой странный, светящийся мутно-серым, портал. По ту сторону просматривалась неширокая дорога, по обе стороны её высились горы. Секунда — и над ней, мощно взмахивая крыльями, взлетел синий дракон. Он быстро удалялся и скоро совсем исчез из виду.

Закончился тяжкий сон, где она раз за разом бежала по глубокому снегу в бальном платье и легких атласных туфельках, пытаясь догнать кого-то важного и нужного. Проваливалась, падала, поднималась и бежала дальше... А потом, поняв тщетность всех усилий, просто ложилась лицом в колючий снег, содрогаясь от беззвучных рыданий. Не догнать, не вернуть, все потеряно, и жить с этим невозможно... Но всему приходит конец, и, в очередной раз обжегшись холодом, она вскрикнула и открыла глаза.

Чья-то горячая ладонь коснулась щеки, и Тайри окутала волна родного тепла, прогоняя прочь все кошмары и вселяя уверенность. Теперь все будет хорошо. Обязательно будет...

— Гай...

— Слава Творцу, ты проснулась, — мастер улыбался, но глаза у него были измученные.

— Я слишком долго спала?

— Можно сказать и так. Скай сказал — тебя слишком сильно затянула дорога чужой смерти, по которой ты пошла.

— Что с Далем?!!

— Жив и уже вполне себе деятелен. Вы с драконом притащили его от самой Черты. Как только мы поняли, что Даль вне опасности, ты... уснула. Во всяком случае, больше всего это было похоже на сон. Никто не смог тебя разбудить, дыхание становилось все слабее, а у Ская уже не было сил. Он ругался, как сотня матросов, рычал и плевался бы огнем, будь он в истинном обличье. Клял себя, всех нас и обстоятельства, говорил, что никогда себя не простит, что спасать он обещал тебя, а не кого-то другого, и что, скорее всего, сама ты уже не вернешься, а лететь он не может. Только Кеми как-то удалось его успокоить. О чем уж они шептались, не знаю, но после этого твой синеглазый друг перестал рычать, поколдовал еще над Далем и исчез.

— Бедняга. Решил, наверное, что меня не уберег, — вздохнула юная леди, — сколько я провалялась?

— Весь день, но мы ожидали худшего. Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо, но если чего-нибудь съем и запью горячим, будет вообще отлично.

Ваюмн облегченно рассмеялся, протягивая ученице кружку с подогретым вином.

Как-то так получилось, что после этой ужасной ночи они все перестали таиться друг перед другом. Что плохого было в том, что Орнери давно и безоглядно любит Даля? Хотя ее родственники с острова Орт сказали бы иначе. В старых аристократических семьях крайне не одобряли отношений с иноплеменниками, а браки и вовсе были под запретом. Брат императора, пусть и сводный, тоже не волен был выбирать, однако выбрал, и раз за разом отстаивал свое счастье. Про Кеми и Трома и говорить было нечего. Уже прошедшая первую ступень посвящения послушница переступила через один из главных запретов своего ордена, а это просто так не проходит. Ну и они с наставником оказались ничуть не лучше остальных нарушителей разнообразных правил и законов, но не раскаивались и отступать не собирались. Пережитый ужас тоже сближает... Каждый заметил, что от него к остальным членам маленького отряда будто протянулись невидимые, но крепкие нити. Теперь, чтобы понять друг друга, достаточно было не то что полуслова — полувзгляда. Стало заметно легче идти, тем более что плавные склоны кальдеры, увенчанные белой короной городских укреплений, уже показались на горизонте. Казалось, цель похода совсем близко, но дорога к древнему городу таила в себе новые опасности.

Легко и просто было идти по старому, но вполне сохранившемуся тракту. Сойдя с него, маги убедились, что путешествие стало вовсе не таким удобным. Снег почти исчез, стало сухо и довольно тепло, но приходилось продирааться через плотный низкорослый и очень колючий кустарник. Взойдя на небольшой холм, путешественники увидели маленькое соляное озеро, приютившееся в аккуратной впадине. Картина была волшебной: над поверхностью озера время от времени взлетали струи воды, весь берег зарос мохнатым сказочным инеем, крупные кристаллы играли на солнце голубым и лиловым. Никаких странностей, вроде бы, не наблюдалось, но Орнери решительно остановила своих соратников:

— Дальше нельзя! Земля слишком горячая. Сойдем с холма, и провалимся, как тот город. Под коркой я чувствую целое озеро кипятка. То, что в середине — лишь малая его часть.

— Ты уверена? — Даль напряженно всматривался в усыпанную кристаллами полосу берега и серую землю вокруг нее.

— Как никогда. Если не хотим свариться заживо, придется сделать крюк, чтобы под ногами всегда был надежный камень.

— Камень... — Гай задумчиво огляделся по сторонам, выбрал увесистый булыжник и, сопроводив его простеньким заклинанием, с силой бросил вперед. Камень пролетел несколько дальше, чем ему положено, и с высоты человеческого роста упал на землю, пробил тонкий слой "корки" и исчез с каким-то невнятным бульканьем. Взлетело облако пара, и на этом все закончилось.

Маги без разговоров развернулись и последовали за Орнери. Пришлось отклониться в сторону от такого естественного прямого пути, постоянно влезать на выпирающие там и тут глыбы гранита, обходить безопасные с виду ровные участки земли, но никто и не подумал жаловаться. В конце концов, они были вознаграждены.

Гарраят выглядел прекрасным и величественным даже сейчас, со множеством минувших веков за плечами. Вышедшее из-за облаков солнце ярко осветило увитые

ползучими растениями стены и высокие стройные башни. До мощной надвратной магам пришлось добираться довольно долго. Ее наружная стена частично разрушилась, в глубине открывалась удобная каменная лестница, ведущая на самый верх. Разумеется, они не могли упустить случай взглянуть на древний город с высоты. Кто знает, может быть, им повезет, и здание лаборатории, знакомое по старым планам и рисункам, найдется сразу?

**** *
**** *
**** *

Древний оплот Льоффов впечатлял. Его построили с размахом: просторные здания с высокими оконными проемами, изящными балконами и плоскими крышами. Легкие кружевные арки мостов и переходов между уровнями. Парки, фонтаны, площади в окружении стройных, будто парящих в воздухе колоннад. Великолепные дворцы, окруженные висячими садами. Высокая башня обсерватории с треснувшим куполом. Громада Цитадели, мрачная, совершенно иной, тяжеловесной архитектуры, разрезающая стройные концентрические круги улиц, точно нос корабля — волны. И озеро в центре, прозрачное у берегов и непроглядно-темное посередине. К нему террасами сбегал по склонам город, потеряв, по предположениям, после катаклизма три красивейших уровня: набережную, кольцо храмов и первую линию особняков. Еще чуть-чуть, и вода поглотила бы чудесную королевскую резиденцию. Но пока высокие круглые здания с арками и куполами, каскады водопадов и летящие над всем этим мостики были целы. Казалось, здесь ничего не произошло, просто по непонятным причинам город оставили люди. И только со второго взгляда, припомнив старинные гравюры, путешественники заметили, что многих башен, возвышавшихся посреди парков или на площадях, не видно. Нет даже намека на удивительную канатную дорогу, самые высокие здания исполосованы трещинами, а шпили и колоннады верхних этажей обрушены. Дворцы, храмы и торговые ряды плотно опутала зелень, парки превратились в рощи, а деревья растут, где им вздумается. Широкие улицы где-то засыпаны обломками, где-то трава и корни совершенно разрушили брусчатку и выворотили когда-то ровные плиты. Кое-где радиальные лестничные спуски превратились в водопады, или на их месте зияли глубокие разломы. Одно крыло королевской резиденции начисто выгорело и стало черным. Вместо висячего сада и мостиков торчало нечто, больше всего напоминающее обугленный скелет диковинного насекомого. Стена Цитадели, по легенде, созданная магами из огромного гранитного монолита, треснула по вертикали сверху до низу. Одна ее половина просела и накренилась наружу.

— Умели же строить в старину! — восхищенно выдохнул Тром.

— Да уж, — без восторга отозвался Даль, — вольно ж им было построить город в котловине! Они-то должны были понимать, насколько это опасно. Ты видишь лабораторию?

— Нет, ее заслоняют вон те высокие здания... — насупился внук адмирала. Ему, видимо, казалось, что все просто обязаны разделять его восторг исследователя древностей.

— Скорее всего, нам придется добраться до ближайшей радиальной лестницы и спускаться к пятому ярусу, — всматриваясь в пейзаж, произнесла леди ор Лоуке.

— Но королевская резиденция и лаборатории на четвертом!

— Вот именно. А он полузатоплен, и соваться туда с разбегу не стоит. Мало ли что там поселилось... Нужно поискать наиболее безопасные пути. Если они вообще существуют.

— Поживем-увидим, — пожал плечами Адалер, — не стоит раньше времени делать выводы.

— Береженого Творец бережет, — мрачно ответил ваюмн. Он хорошо запомнил рассказ странного карвентийца. Если ему верить, ничего хорошего этот город им не обещал.

Прямо у них на глазах стена древней Цитадели покрылась густой сетью фиолетовых молний, из трещин вырвалось бледно-серое облако, тут же в клочья порванное ветром. По озеру кольцами разбежались волны, будто кто-то бросил в него невидимый камень.

— Вы заметили, как здесь тихо? — спросила Тайри, — и живность, вроде, всякая есть, и птиц видела, а вот звуков нет. Ни шороха в траве, ни щебета... Это очень настораживает.

— Хорошо бы это стало единственной нашей заботой, — поморщился Даль, забрасывая за спину свой мешок, — а пока спускаемся и ищем пригодную лестницу.

С первых шагов на радиальном спуске все почувствовали, что легкий путь закончился. Маги, они кожей ощущали измененные Потоки силы, за многие века "перебродившие" в замкнутом пространстве кальдеры, ставшие чем-то новым, враждебным, холодным и липким. Омерзительным. Уродливым.

— Что за дрянь здесь творится, — глухо прорычал Адалер. Его трясло, он ощущал себя почти больным, — такое впечатление, что я сейчас слабее ребенка. И... я почти не чувствую стихию.

— Не мудрено, с такими-то потоками. Огонь — не огонь, вода-не вода... Один воздух еще на себя похож, и то... Если этому карвентийцу здесь было так плохо, что уж говорить о нас, — дернула плечом Орнери, — мы либо привыкнем, либо... — она пошатнулась, и Даль с готовностью подхватил ее.

— Мне тоже не по себе, но... — Тайри удивленно взглянула на соратников, — у меня одной щиты работают? Заслониться от внешнего воздействия мне одной в голову пришло?

— Сказано же было: колдовать здесь опасно, а щиты — совсем не пустячная магия, — проныл Тром. Выглядел он хуже некуда, — кроме того, это очень сложно...

— Та-а-ак, понятно, — оборвал его Даль, — а тебя ведь с самого детства должны были этому учить, как и всех нас. Так в чем проблема?

— Мне они не давались. Никогда, — глядя в землю, зло ответил внук адмирала Альге, — ровно настолько, насколько хорошо потом получалось с артефактами. Это, чтоб её, наследственность. Дед сказал, у всех мужчин в нашем роду так. У него самого великолепно получалось усмирять шторма, но обыкновенное бытовое волшебство было настоящей мукой. Не мог согреть себе кружку воды... или вина.

— Прости, не знал, что так бывает, — смутился Адалер, — Гай, Кеми, что вы чувствуете?

— Я пока не ощущаю ничего, кроме тяжести прошлого этого места, — ответила Кеми, — Это не удивительно, я все-таки прошла первую ступень посвящения. Время каким-то образом оберегает своих адептов.

— Уже хорошо. Один человек с ясным взглядом у нас есть.

Девушка печально улыбнулась:

— Если бы еще и понимать, что видишь. Мой опыт, увы, небогат, я могу просто не обратить внимания на что-то важное.

— Меня здешние искажения тоже почти не затрагивают, — разглядывая стекающий по уступам ручей, сказал ваюмн, — только воспринимаю все окружающее как-то странно. Кажется, что кое-где сквозь одни очертания предметов проступают другие. Будто плохо сотворенная иллюзия. Наверное, сказывается, что я чужак.

— И прекрасно. Видеть сквозь искажения — дорогого стоит, — ободряюще улыбнулась ему Орнери, — если подумать, тебе же цены нет. Тайри, спасибо. Со щитами намного легче. Даль, ты-то чего тянешь?

— Не могу... — ошарашено развел руками "снежный принц", — все мои щиты построены на моей стихии, а я ее не чувствую. Как только удастся поймать нужные Потоки... — он тяжело вздохнул и печально посмотрел на рыжую леди, — никогда не думал, что стану обузой в отряде.

— Чушь, — отмахнулась Тайри, — никакая ты не обуза. Орни, прикройешь нашего предводителя, или тебе оставить Трома?

— Прикрою, конечно. А потом буду страшно гордиться этим и хвастать на каждом углу.

Первая подвернувшаяся им лестница между уровнями города сохранилась достаточно хорошо: ни глубоких трещин, ни провалов, только давным-давно разбившиеся скульптуры на площадках. Следующий ярус выглядел, напротив, очень настораживающе. С одной стороны от ступеней дома остались почти целыми, хоть заросли основательно и смотрели на окружающий мир слепыми провалами окон. С противоположной стороны все было иначе: сплошные развалины, груды обломков, кое-где виднелась стена или угол дома. На месте маленькой площади зиял глубокий провал, а вот деревья точно вымерли, даже остовов было мало. Улицу будто выжгли когда-то ядовитым зельем, лишив ее даже травы.

Решено было идти дальше, и уже по третьему от стены ярусу подбираться к Лабораториям. Далю показалось слишком опасным путешествовать среди руин. Ступенька за ступенькой, пролет за пролетом. Впереди Гай и Тайри, в середине командир и Тром, Орни и кроткая Кеми — замыкающими. Останавливаясь через каждый десяток шагов, внимательно изучая камень под ногами и небо над головой, пытаюсь избежать внимания хищников — их уже видели, и назойливого взгляда не известно кого, что тащился за ними по пятам.

— Стойте! — крикнула леди-птица, — замрите!

Они застыли на ступеньках, ведь Орнери ни с того ни с сего тревогу поднимать не будет. Через пару вдохов лестница под ногами дернулась, а площадку, к которой они шли, пересек разрыв. Из него вырвался тяжелый, пахнувший серой дым, а потом к краям подступила тускло-красная лава.

— Кто-то тащил за нами огненную жилу, — хрипло произнесла леди ор Лоуке, — изначально ее здесь и близко не было. Нас не хотят пускать?

— Скорее забавляются, — предположил Даль, — не хотели бы — не пустили. Как думаешь, мы эту щель перепрыгнем?

— Конечно. Но ведь этот пакостник еще что-нибудь придумает, и мы будем вечно с его сюрпризами разбираться.

— У нас есть выбор, Орни?

Леди-птица оказалась права: едва маги преодолели трещину, гулкий удар из-под земли разрушил несколько пролетов лестницы, ведущей вниз. Их загоняли на улицу, к заросшим лианами и плющом домам.

— Идем цепью, дистанция три шага, Тайри впереди, — скомандовал Даль, — ищем дорогу вниз на следующий ярус.

Снаружи сиял яркий день, а здесь, под сросшимися ветвями деревьев, царили душные зеленые сумерки, наполненные влагой и непривычными резкими запахами. Дышать было тяжело, идти достаточно быстро — тоже. Дорога представляла собой сплошное переплетение корней, стеблей и Творец знает, чего еще. То приходилось выбирать из ям, заросших по верху цепляющейся чуть ли не за воздух травяной сетью, то взбираться на поваленные толстенные стволы. Через некоторое время у всех болели ноги, ныли спины и

расцарапанные ладони. И если Орнери чувствовала себя в подобной обстановке почти нормально (ваорты, едва научившись ходить, с удовольствием лазают по горам, малопроезжимым лесам и грязевым болотам своего острова), то хрупкую горожанку Кеми буквально приходилось тащить на себе всем мужчинам по очереди.

Когда дорогу преградила сложенная из грубых гранитных блоков стена, не все сдержали ругательства.

— Дранный демонами тупик... снова лезть куда-то по этим корягам... — простонала леди-птица.

— Не бывает просто так стен посреди улицы, хоть и бывшей, моя леди, — удивительно спокойно заметил Тром, — нужно просто поискать, где открывается калитка.

— Ты еще подойди к ней, герой, — фыркнула Орнери, — там такое месиво корней, что даже я ноги поломаю.

— Это единственная проблема? — скривился внук адмирала, — так мы ее ликвидируем...

Он вытащил из кармана невзрачный черный камушек и с силой бросил его в самую гущу растительного ковра. Вспыхнуло и опало пламя, на месте препятствия остался только пепел.

— И много у тебя таких...э... сюрпризов? — откашлявшись, осведомился Адалер.

— Нам хватит. Я готовился, как-никак, — гордо заявил Тром и направился к стене. Юный маг довольно долго ощупывал то один блок, то другой, ползал, пачкаясь в пепле, на коленях, и, ко всеобщему ликованию, нашел, что искал. Надавил одному ему видимый выступ, что есть силы пнул слегка утопленный блок в нижнем ряду, и три соседних глыбы плавно ушли вниз, открывая узкий проход.

— Талантище! — воскликнула Кеми, — а говорил, что только с артефактами получается.

— Ну, столько лет ползать по катакомбам и не обратить внимания на всякие потайные двери было бы нелепо, — улыбнулся Тром, — мне просто повезло встретить знакомое устройство. Пойдемте быстрее. Такие ходы открываются ненадолго и потом закрываются намертво.

Путешественники быстро подхватили мешки и бегом отправились к открывшемуся ходу. Тайри в тайне надеялась, что загнавший их сюда невидимка за стену проникнуть не успеет и оставит их в покое. Узким темным коридором, через едва освещенные сквозь отверстия в потолке залы с каменными возвышениями у стен, более всего напоминающими надгробия, маги выбрались на залитую солнцем террасу. В окружении двойного ряда изящных колонн на таком же возвышении стояли невероятно красивые скульптуры: два крылатых воина склонились печально над лежащей ничком девушкой в короне.

— Это мы, что ли, через усыпальницу шли? — шепотом осведомился Тром.

— Через королевскую усыпальницу, — кивая на скульптуру, ответил брат императора, — и лучше бы нам отсюда побыстрее уйти. Мертвых лучше не тревожить.

— Здесь ступеньки, правда, изрядно пострадавшие, — сказала Тайри, выглядывая за колоннаду, — но другого пути нет. С той стороны провал...

Спуск привел их к опустевшему давным-давно бассейну, странным ступенчатым цветникам с неприятными черно-желтыми мясистыми цветами и подвесному мостику через расщелину, в глубине которой шумела вода.

— Мостик-то не такой уж старый, — ощупав веревки, заявил со знанием дела Даль, — как думаете, можно ему довериться? Это не ловушка? Во всяком случае, я такого не чую.

— Я тоже, — через минуту подтвердила леди Даллет, — это просто мост, хоть и не очень надежный. А вот на той стороне... У меня даже слов нет описать, что там творится. Как будто все нити силы оборваны, перемешаны и насильно связаны не так, как надо. Здесь плохо, но там — невысказано.

— А ведь придется туда идти. Я чувствую тот, второй диск Нардона. Он далеко, но след уже есть, — очень серьезно и почему-то грустно проговорил внук адмирала. И также грустно смотрел на свою ученицу не обронивший ни слова мастер Гайдиар.

— Солнце садится, — ни на кого не глядя, мрачно проговорила Орни, — нужно двигаться дальше, нужно найти хотя бы условно безопасное место для ночлега, но... Творец, как же не хочется на ту сторону! Лучше в любое болото, чем туда...

— Кеми, милая, ты можешь заглянуть немного вперед? Ну хоть в завтрашнее утро? — нежно, будто сестру или ребенка, попросил Адалер.

Кроткая леди ор Оклен медленно кивнула и уселась, скрестив ноги, прямо на землю. Какое-то время все ждали в полном молчании, когда она откроет глаза и выйдет из глубокого сосредоточения.

— Мы живы, — наконец произнесла бывшая послушница ордена Времени Всемогущего, — мы вместе. Но смерть стоит рядом и ждет. Если мы разделимся, растеряемся — живым не вернется никто.

— Спасибо, — искренне поблагодарил ее брат государя, — теперь я точно знаю, что надо делать.

Вскоре путешественники, связанные между собой тонким, но прочным тросом, точно скалолазы, вступили на шаткий мостик, показавшийся им очень длинным. Но все заканчивается, и тонкие подвижные досочки закончились, уступив место влажным камням. Прямо от обрыва начинался плотный теплый туман, а под ногами захлюпала вода. В двух шагах не было возможно ничего различить, одежда быстро намочила и стала тяжелой.

— Тьфу ты, как в илатских термах, честное слово, — смахивая со лба пот, прошипел ваюмн, — хорошо хоть, мешки непромокаемые.

— Меня гораздо больше беспокоит, что мы здесь точно слепые котята, — вздохнул Даль, — и магия ни демона не слушается.

— Даже не пробуй, тут все перемешано, — предостерегла его Тайри, — потянешься к воде — откликнется огонь, а в итоге получим катастрофу.

— Я пойду впереди, нас учили ориентироваться без магии в подобных условиях, — сказала решительно леди-птица, — доверяете?

— Тебе — всегда, — хором откликнулись остальные.

Казалось, здесь не было времени. Солнце зависло в одной точке, зацепившись за край котловины. Через три сотни шагов, которые они прошли, точно слепые за поводырем, положив руку на плечо впереди идущему, туман слегка рассеялся. Зато с ума сошли звуки. Можно было кричать соседу в ухо — он тебя не слышал, а потом твой голос обрушивался на кого-то другого спустя некоторое время. Орни придумала писать в блокноте, но бумага расплзлась прямо в руках. Знаки и жесты невозможно было точно распознать, туман и тяжелый теплый воздух их искажали. Но как идущий впереди предупредит остальных об опасности? Как те, кто позади, остановят других?

— Восемь, — услышала Орни над своим ухом голос Тайри, которая шла замыкающей, — голос улетает на восемь шагов вперед. Я тут попробую кое-что сделать, а ты просто запомни...

Леди Даллет очень осторожно, как умеют только целители, потянулась к перепутанным нитям Силы. Кто-то, видимо, страдая от чудовищной скуки, или же будучи безнадежно безумен, даже не связал — срастил их неправильно. Именно так, зачастую, целитель видит картину болезни: перепутаны пути жизненных сил, линии Источников воздействуют неправильно и не на то, нити Сил внутри тела оборваны... Если не восстановить все, как надо, победит недуг. Поэтому и здесь нужно попробовать рассечь и срастить всё правильно, сообразно природе. Пусть не все, далеко не все, но хотя бы малую часть. Сначала — то, что дается в руки легче всего, родной Воздух. Он ведь сам стремится помочь и подчиняется с радостью. Вот так, всего лишь рядом с друзьями и чуть впереди... Теперь Огонь, его меньше, и он так и льнет к рукам. Вода... ну пожалуйста, не даром же лучший из Льоффов показывал мне заклинание. Оставшиеся половинки нитей Земли воссоединились сами, точно этого и ждали.

Гай почувствовал, что рука ученицы, до того крепко сжимавшая его плечо, соскользнула вниз. Не отпуская шагающего впереди Трома, он обернулся и успел удержать ее от падения. Налетел резкий холодный ветер и утащил за собой остатки тумана.

— Что случилось? — крикнула Орнери, и ее голос никуда не делся.

— Тайри, что ты натворила? — мастера невозможно было обмануть.

— Ничего, — тихо ответила она. Голова кружилась, ноги стали ватными, от слабости противно подташнивало, — просто я всегда лечила людей, а не...то, что их окружает. Оказывается, и так можно.

— Ты с ума сошла...

— Все, привал, — скомандовал Даль, бросая на землю тяжелый мешок, — теперь здесь безопасно. Тайри. Я запрещаю тебе рисковать. Вспомни, что говорила Кеми.

— Хорошо, я больше не буду, — устало вздохнула юная леди, устраиваясь поудобнее рядом с наставником. Тот посмотрел на нее укоризненно: ведь будет, и попробуй ее останови...

Соратники мирно посапывали, завернувшись в свои плащи, а вот ваюмну не спалось. Он вообще плохо спал с той страшной ночи. Сегодня Гай даже толком не успел испугаться за свою ученицу, да сегодня и были-то сущие пустяки — так, обычная усталость после хорошей работы. Не то, что тогда, когда они все вместе пытались спасти Даля. Остальные, видимо, позабыли, а он и не стал напоминать о прочной связи наставника с ученицей, что он все чувствует почти также сильно. Поэтому и сидел тогда, словно окаменевший, воспринимая все события точно издалека. А друзья думали, наверное, что мастер очень хорошо владеет собой и абсолютно уверен в благополучном исходе дела. Конечно, все было далеко не так радужно. Отчаяние, лишившее разом и сил, и голоса. Ощущение того, что и твоя жизнь уходит вслед за жизнью Тайри по дороге пепла. Лихорадочный поиск решения, пусть даже он сам не сможет ничего сделать, пусть другие... И, где-то глубоко, изнутри, из самого тайного уголка сердца тихий плач-молитва: пожалуйста, Всеблагой, не дай ей уйти! Возьми что хочешь, возьми мою бестолковую жизнь, но позволь ей вернуться! Видимо, его тогда услышали. А может, Тайри сама выкарабкалась... Он не знает, не готов узнать — слишком страшно всё это вспоминать, слишком больно и слишком стыдно от собственного бессилия. И от бешеного облегчения, когда он понял, что Тайри жива и умирать не собирается. И пусть Орнери говорила ему потом, что без его чувств, без его воли Тайри было не спасти, как без нее самой не вытащили бы Даля, ваюмн каждый раз внутренне содрогался, вспоминая собственную бесполезность. Наставник, что он тогда мог для своей ученицы? Да и сейчас на что он ей нужен? Всему, что умел сам, он уже научил её, остались ничего не значащие крохи.

— Гай, раз ты не спишь, иди к костру. Ты же не ужинал, — позвала его леди-птица.

Мастер не стал отказываться, уселся рядом с рыжей леди, в свете пламени еще больше похожей на сказочную Огнептицу из легенд его родного мира. Мать помнила великое множество древних преданий, легенд и сказок, и каждый вечер рассказывала ему новую. Но были истории, которые он любил больше остальных и готов был слушать бесконечно: о смелом воине, переплывшем океан; о кошке с глазами, полными звезд; о враге, который оказался честнее друга. Самая любимая — о трех Огнептицах, дочерях Солнца и Ветра, у которых так по-разному сложились судьбы. Гай припомнил, что одна полюбила простого кузнеца, превратилась ради него в обычную женщину и родила ему кучу сыновей. Вторая никак не могла выбрать, кого любит больше: певца, скульптора, художника или мага. Она так и не свила гнезда и все еще летает в поисках своего единственного. А третья отдала сердце воину, он ушел защищать родную землю и погиб. Она отправилась за ним — своими тайными путями, чтобы увидеть его за Чертой, да так и не вернулась к людям. Но и по ту сторону ее никто не видел. Говорят, кто повстречает ее, узнает самую верную любовь, какая только может быть на свете. Может быть, именно она досталась Адалеру?

— Гай, очнись, еда стынет. Ты сам не свой после той ночи... — голос у Орнери был тихим и теплым, успокаивающим, — не прячь глаза, я-то тебя прекрасно понимаю. Я тоже всё время возвращаюсь мыслями туда и каждый раз убеждаюсь, что бесполезнее меня никого не было. Даль умирал, а я ничего не могла сделать! Зачем я тогда буду жить — без него? А потом появился этот странный синеглазый человек и сказал: держи его, птица! И я держала. Перед тем, как исчезнуть, он добавил, что те, кто искренне любит — путеводная звезда, где

бы ни был любимым. Только на ее свет и можно идти. Из любого самого страшного места можно найти дорогу домой, если тебя любят. Прости, Гай, но я же вижу, что ты постоянно коришь себя за бессилие. Брось ты это дело. Твоя целительница выбралась чуть не из-за Черты сама, но маяком для нее был ты. Тебе она верит, за тобой ползет в любое пекло. И вернулась она ради тебя. Ты понимаешь, о чем я?

Ваюмн задумчиво кивнул и занялся изрядно остывшей едой. Какое-то время Орнери молчала, а потом спросила осторожно:

— Ты не можешь мне объяснить, откуда взялся этот синеглазый целитель? И куда исчез, когда понял, что с Тайри все будет хорошо? Нам с Далем не говорили, что в походе с нами будет седьмой. Государь знал о нем и не предупредил?

— Ох, сколько вопросов, Орни... Не знаю, имею ли право на них отвечать, но раз уж он сам вмешался, — мастер вздохнул тяжело и продолжил, — да, я его знаю. Несколько раз встречались. Однажды он спас мне жизнь. Нам не стоит его бояться, но и особенно рассчитывать на него не советую. В большинстве случаев он не считает нужным вмешиваться в происходящее.

— Да кто он такой, скажешь ты мне или нет?! Силища совершенно непомерная, чем-то наших старших магов с Орта напоминает, и, готова руку дать на отсечение, он — оборотень. Мы таких чуем!

— Все правильно, Орни. Это не человек, это дракон. Об остальном спросишь у Тайри, когда она проснется. Она знает его куда лучше.

— Брось, Гай, это же сказки!

— То, что мы видели здесь, то, за чем мы идем, тоже сказки, моя леди. В одном мире драконов считали выдумкой, и очень зря. Боюсь, что во всех этих походах я очень скоро перестану верить в сказки. Потому что их нет, есть только хитро спрятанная за словами память.

**** *
**** *
**** *

Всё предыдущее путешествие через некоторое время показалось магам легкой прогулкой. Пришлось преодолевать завалы, прыгать, точно обезьяны с теплых островов, по разрушенным чашам фонтанов, обломкам мраморных плит, покосившимся стенам домов, спускаться вниз по стволам и лианам, наплевав на малоприятное соседство гигантских слизняков и пестрых полусонных змей. Больше всего их раздражало, что приходилось петлять, теряя время. За полдня удалось добраться до последнего незатопленного уровня. Путь к Лабораториям лежал через огромный мрачный особняк, почерневший от копоти до самой крыши. От разросшихся деревьев его отделяла широкая полоса, выстланная ровным толстым слоем жирного пепла. Ветер, время от времени налетавший со стороны озера, поднимал в воздух почти невидимые серые частички, отчего становилось трудно дышать. Мастер припомнил Тропу с ее вечной пылью, и в ход пошли пропитанные водой повязки. Далю надоело сидеть без дела, разглядывая окружающий пейзаж, он спокойно шагнул на ровную с виду, покрытую пеплом поверхность и тут же провалился в воду по колено. Все пространство от деревьев до стены было рвом, заполненным стоячей водой, а пепел лежал на листьях водяных звезд, устилающих листьями все вокруг. Хорошая такая ловушка для охотников за чужими тайнами. Тайри и Орни немедленно отправились посмотреть, где заканчивается этот хитрый ров, и нет ли иной возможности попасть в здание. Стена особняка все тянулась и тянулась, перечеркивая уровень и уходя вниз, на третий полузатопленный жилой ярус, как и ров. Окна в ней находились под самой крышей,

традиционно плоской и огороженной невысоким парапетом. Видимо, там когда-то прогуливались хозяева, любясь видом на озеро. От сонной воды тянуло сладковатым запахом гнили. Орни, порядком разозленная отсутствием хоть какого-то решения, подняла камень и швырнула его в самую гущу плоских листьев и нежно-розовых головок лотоса. В ответ поверхность вспучилась, выстрелив вверх то ли ростком, то ли щупальцем — тонким и длинным, серым с красными прожилками.

— Ничего себе здесь живность, — леди-птица зябко передернула плечами, — и как только эта дрянь Даля не уцепила.

— Теперь я понимаю, что мне здесь покоя не давало, — Тайри из щепки, пары листьев и короткого заклинания смастерила нечто, похожее на очень большую стрекозу и запустила в полет, — тут же тихо и пусто, ни птиц, ни... смотри!!!

В нескольких шагах от берега "стрекозу" сцапали сразу несколько более тонких "щупалец", оплели и утащили под воду. В тихой воде, как известно, самые резвые демоны, и этот ров вполне подтверждал старую поговорку. Нужно было возвращаться и искать какое-то решение. Все чувствовали: время, отведенное на экспедицию, безнадежно тает, а опоздание, скорее всего, будет стоить слишком дорого...

Тревожить участок, засыпанный пеплом, почему-то никто не решился. Становилось ясно, что не так давно кто-то очень сильный пытался выжечь обитателя сонной воды мощными огненными чарами. Отсюда и закопченная по самую крышу стена здания. Что стало дальше с огненным магом, можно было только предполагать. Скорее всего, он пошел в обход, а вот дошел ли... Но маленькому отряду обходить стену не хотелось: сразу за этим, будь он неладен, особняком находился прямой спуск к Лабораториям. Во всяком случае, так говорил древний план города. Даль несколько минут размышлял, потом, закрепив на спине маленький, но мощный арбалет, точно кошка полез на растущее у самой воды дерево.

— Что он задумал? — Тром удивленно воззрился на ловко поднимающегося по веткам командира.

— Сейчас увидишь, — подмигнула ему Орнери, — этот трюк не раз нас выручал.

Вскоре болт, вытягивающий за собой тонкий трос, упал за парапетом на крыше.

— Он ведь не удержится, это ведь даже не "кошка", — разочарованно скривился внук адмирала.

— Думаешь, Даль глупее тебя? — сверкнула глазами леди ор Лоуке, — болт, разумеется, не простой. Он уже изменился и врос в камень, прикрепив трос намертво. Надеюсь, эта пакость не умеет отращивать такие длинные щупальца и до нашей переправы не достанет. А вот палатки и все лишнее придется бросить, трос на большие грузы не рассчитан.

В пять минут дорожные мешки были перебраны, уложены заново и крепко-накрепко увязаны. Все остальное благоразумно сложили в удобную яму и засыпали листьями.

— Все могут подняться, или кому-нибудь спустить веревку? — крикнул сверху Даль.

Летать, разумеется, никто не умел, а по деревьям все лазили с детства, даже хрупкая Кеми. Вот уж кто удивил друзей совершенно беличьей ловкостью. План командира был ясен, и первой, даже не спрашивая разрешения, на другой берег коварного водоема отправилась Орнери. Следом заскользила легкая Кеми и, по настоянию Тайри, сам командир. За ним по канату пополз Тром. Именно пополз, двигался он неуклюже, медленно и крайне неуверенно, да еще и мешал небрежно закрепленный вещевой мешок. Самоуверенность вышла боком старинному другу леди Даллет, и это видела не только она. В итоге Гай, ожидая своей

очереди, шипел; Орни на крыше особняка ругалась, не стесняясь в выражениях, а изрядно подрастерявший свою спесь мальчишка еле-еле продвигался к цели. Когда половина столь сложного для него пути была пройдена, какой-то увесистый сверток, кое-как привязанный поверх вещевого мешка, оторвался и ухнул в воду. Все смотрели на Трома, поэтому никто не заметил, как пошла медленными тягучими волнами поверхность водоема, как точно под незадачливым медлительным магом приподнялся, раздвигая пепел и круглые листья лотоса, облепленный тиной и пеплом, бугор.

Терпение у Даля закончилось, он мастерски бросил заговоренную веревку с крюком и подтянул адмиральского внука на крышу. Тайри порадовалась, что не слышит и не видит, как командир отчитывает чуть не испортившего всё Трома, проверила трос и быстро заскользила вперед. Последним шел Гай, и это ее волновало сейчас больше всего. Таков был приказ Даля, он не обсуждался, но по мнению леди Даллет, замыкающим всегда должен идти воин.

Добравшись без приключений, хотя ей, как более опытной, пришлось тащить большую часть их с Гаем груза, целительница внимательно следила, как перебирается через опасный водоем наставник. Делал он это куда более ловко, нежели Тром. Было за что порадоваться. Он продвинулся чуть дальше середины пути, когда снизу взметнулось множество тонких красно-серых отростков, которым не хватило совсем чуть-чуть, чтобы дотянуться до жертвы. Почти не думая, Тайри собрала в ладонях жар Огненной плети. Вот только бы он продвинулся чуть дальше, и можно...

Необычно толстое "щупальце" раскрылось на конце не то уродливым цветком, не то маленькой пастью, выплюнув вверх струю ядовито-лиловой жидкости. Сильно запахло едким и кислым, жидкость едва коснулась троса, и тот начал расползаться, будто старая гнилая веревка. Гай закричал — видимо, едкая гадость попала и ему на руки, но не разжал ладони, продолжая ползти дальше. Еще минута — и трос лопнет, отправив ваюмна прямо в объятия водяной твари!

Первое, что пришло в голову его ученице — ветром прижать, согнуть радостно оживившиеся отростки. Но это заклинание требовало расчета и времени, а его нет, совсем нет! Одновременно со слабым щелчком разорвавшегося троса, с крыши вниз рванулась большая рыжая, похожая на гигантского сокола, птица. На развороте вцепилась мощными когтями в плечи уже летящего вниз Гая, забросила его на крышу и скрылась за ближайшей надстройкой. Даль подхватил плащ, мешок с вещами Орни и бросился туда же.

Леди Даллет не отказала себе в удовольствии создать маленький, но сильный смерч, накрутить на него отвратную тварь из водоема и как следует прожарить ее боевым огненным заклятием. Гай с кривой улыбкой вертел в обожженных пальцах кусок "щупальца", прицепившийся к одежде. Тот быстро усыхал и съеживался.

— Самое смешное, Тайри, что это — растение, — сказал он, — просто огромное и ненасытное. Слупало давным-давно всех глупых вокруг, умные сюда больше не суются, вот оно и ждет таких, как мы... Охотничий лотос, что растет и у нас на юге, и на островах Южной Цепи. Там он, конечно, гораздо меньше, но я видел, как это очаровательное создание ловит стрекоз.

Его ученица, с огромным трудом отрешившись от боевого настроения, молча лечила ожоги на его руках.

— Спасибо. — Гай поймал ее ладони и поцеловал, как он делал всегда.

— Иди и скажи это Орни, — глухо ответила целительница, — она тебя вытасила. Что

ты на меня так смотришь? Забыл, кем были ваорты?

— О Творец... А некоторые и остались, — осознав полностью все произошедшее, ошарашено кивнул ваюмн и направился к рыжей леди.

Орнери выслушала его сбивчивые благодарности, а потом сказала с улыбкой:

— Да ничего особенного я не сделала. Мои далекие предки летали над океаном и в горах, чтобы спасти незащищенных перед стихией людей. Я всего лишь их слабое подобие.

— Я не знаю, какими были твои великолепные предки, Орни, но одна рыжая птица только что спасла мне жизнь, — тихо ответил Гай, — а если быть честным, то не только мне.

— Ну, хоть какая-то от меня польза, — леди-птица не желала воспринимать всерьез свой поступок и ни за что не призналась бы даже самой себе, что возвратила свой долг целительнице. Она до дрожи не любила быть перед кем-то в долгу, но раз уж так случилось...

Если что-то пошло не так, то никто не скажет тебе, когда это "не так" закончится. Именно эта мысль вертелась у Даля в голове, когда его маленький отряд с трудом пробирался среди ловушек и сюрпризов дома. Теперь брату императора казалось, что самым разумным его поступком с момента переправы была ночевка на мирной и безопасной крыше. Опыт и логика не позволили ему рисковать измотанными и взбудораженными соратниками и разрешить им немедленно нырнуть в недра особняка. А теперь еще надо постоянно держать в поле зрения мальчишку, виртуозно обращающегося с артефактами, но во всем остальном, увы, так и не переросшего глупый подростковый период. Не то время и не то место он выбрал, чтобы распускать павлиний хвост перед девушкой и строить из себя всезнайку... Безусловно, в катакомбах Хеты или Оликума он ориентируется прекрасно, но здесь-то совсем иной случай!

Спуск по узкой лестнице начался с сюрпризов, придуманных когда-то хозяевами здания. Путешественники все шли и шли, а лестничный пролет не заканчивался: ни площадки, ни намек на жилые помещения, ничего. К счастью, Даль сумел понять, где спрятан морочащий их артефакт и, после некоторого размышления, заморозил его. А что еще прикажете делать с маленьким аквариумом и плавающей в нем черной медузой? Если артефакт живой, то его уничтожение может оказаться смертельно опасным, особенно если нет времени изучать вложенные в него чары. А вот если он просто впадет в спячку на неопределенное время... Решение оказалось правильным — сразу нашлась и нужная площадка, и широкая удобная лестница на нижние этажи, покрытая истлевшим за века ковром. В стенах там и тут были вмурованы аквариумы. Какие-то из них были пусты, иные подсвечены магическими светильниками. В одних жили только водоросли, в других — странные рыбы, моллюски или вовсе уж непонятные создания. Похоже, хозяин когда-то экспериментировал с морской живностью. У многих возник большой соблазн исследовать все доступные комнаты, залы и прочие кладовые, но Даль очень убедительно попросил с пути не сворачивать и не отвлекаться. Жизнь давно научила его не будить древние ловушки. Лестница оборвалась на втором этаже, в обширном холле без окон, освещенном ярким магическим пламенем факелов. Нижние пролеты были полностью разрушены, как и часть пола. По стенам разбегались трещины, нарушая замысловатые орнаменты и перечеркивая фрески. Орнери долго разглядывала что-то внизу, потом сказала негромко:

— Можно, конечно, быстренько спуститься туда на веревке, но я бы не советовала. Не нравится мне крысиная возня среди обломков. Там темно, толком не видно, кто там так

резво ползает, а рисковать или не рисковать — решайте сами. лично я бы поискала боковую лестницу или что-то в этом роде.

Даль мрачно кивнул:

— Поищем. Хватит с нас приключений.

Увы, судьба имела на этот счет иное мнение.

Коридор оказался очень длинным, и, если где и был выход на черную лестницу для слуг, то в самом его конце. Большинство выходящих в него дверей были закрыты, некоторые намертво забиты широкими металлическими полосами. Звуки, доносящиеся из-за них, ничего хорошего не предвещали. Тром одну за другой обезвредил несколько ловушек, аккуратно закольцевал защитное заклинание, преграждавшее путь к цели. Пол за медленно угасающей голубой линией зиял проплешинами, мраморные плиты обожжены, а кое-где и расколоты. Один из дверных проемов отсутствовал, вместо него в коридор смотрела похожая на пасть чудовища дыра с зубами-осколками, а стены вокруг нее покрылись копотью. Маги прокрались мимо, стараясь быть как можно тише и незаметнее. В давно взорванной лаборатории кто-то спал — ворочаясь, всхрапывая и вздыхая. Пахло оттуда, как ни странно, водорослями, рыбой и пещерной сыростью.

Выход на искомую лестницу они увидели через несколько шагов, и, наверное, от радости, прозевали магическую паутину, натянутую на высоте среднего человеческого роста. Поэтому высокие Даль и Тром сразу задели ее головами. Квадраты каменного пола медленно приподнялись и стали вращаться. Из открывшихся отверстий вдоль стен потекла густая маслянистая жидкость. Запахло чем-то резким и кислым, а еще — нагретым железом.

Командиру не понадобились слова, все и так, что есть сил, припустили к черной лестнице. Кеми поскользнулась, и Гай подхватил ее на руки. Они едва успели закрыть за собой тяжеленную дверь и запечатать ее чарами. За ней зашипело, а потом громыхнуло так, что дрогнули стены, а с потолка посыпались остатки лепнины. Вниз путешественники буквально скатились — по перилам, потому что далеко не все ступени были целы. Нижняя, наиболее сохранившаяся часть лестницы уводила на подземные уровни. Здесь пахло сыростью, плесенью и кровью, по крайней мере, так показалось Орнери. А еще Тром впервые четко и сильно ощутил "зов" артефакта. Он снова сделался похож на молодого охотничьего пса, взявшего след и чуть не повизгивающего от нетерпения. Внук адмирала преобразался прямо на глазах. Куда-то подевались спесь и самодовольство, нытье и мрачные взгляды, то и дело бросаемые на более выносливых и терпеливых друзей. Молодой маг снова был нужен, снова при деле. Теперь именно Тром вел вперед маленький отряд.

Темные душные комнаты и коридоры, где стены заросли светящимися лиловыми грибами, сменились длинными залами без окон, освещенные серым магическим светом. Ни у кого не возникло желания заглянуть в огромные шкафы или покопаться в здоровенных распахнутых настежь сундуках, попадавших по дороге. Кеми в первом же зале остановила любопытного Даля:

— Это ловушки! И здесь есть сторожа. Пока мы не трогаем их добро, им нет дела до нас.

Этажом ниже царила роскошь, какую не встретишь и в императорском дворце. Вызолоченная мебель, инкрустированные перламутром и бирюзой столы, золотая и серебряная утварь, усыпанная драгоценными камнями, хрусталь резных светильников... Каждый новый зал был пышнее и богаче предыдущего, демонстрируя груды драгоценностей. И с каждым шагом становилось труднее дышать передвигающимся почти бегом магам.

— Странно, — вытирая пот с лица, сказал Гай, — душно, как в купальнях на Гронне, а на мебели и колоннах ни капли влаги не видно.

— Как ты сказал? В купальнях? — Задумчиво спросил Даль, — а ведь точно! Жарко и влажно, мы все мокрые, точно мыши, а на колоннах и мебели нет ни следа осевшей влаги.

— Это иллюзия, — сделала вывод Орни, — правда, понятия не имею, зачем она здесь и каким образом столько времени держится. Это ж сколько сил надо было вбухать...

— Наверное, хозяева пытались скрыть что-то неприглядное, может, плесень на стенах вывести не смогли, — Тром говорил, чуть нес головой зарывшись в свой вещевой мешок, — да где же он... А, вот.

Внук адмирала держал в руках прямоугольный кусок самого обыкновенного на вид стекла, оправленного в простую свинцовую рамку.

— Это очень полезный артефакт, дамы и господа, — с видом профессора, вещающего с кафедры, продолжил он, — и позволяет посмотреть, что скрывает иллюзия, не прибегая к дополнительным чарам и не развеивая ее. Найден в катакомбах Хеты...

Тайри осторожно забрала невзрачное стеклышко из пальцев друга и посмотрела сквозь него на ближайшее великолепие: украшенный перламутром, жемчугом и сапфирами фонтан, стол с полным драгоценностей ларцом, укрытые парчой и бархатом диваны...

— Тьфу, мерзость какая. Зачем им было это нужно, Даль? Твоим предкам? Ты видишь то же, что и я?

Брат императора смотрел в артефакт через ее плечо, и лицо его казалось каменным. В глазах стыл лед, а губы кривились от отвращения. Картина и правда не вызывала иных эмоций. Вместо ковров, золота и камней чуть дальше колонн зияла огромная яма с утыканным острыми кольями дном. За ними были видны низкие клетки, рядом — орудия пыток. И повсюду скелеты... или отдельные их части. Больше всего человеческих останков было у самого края.

— В наших архивах нет сведений ни о чем подобном, — глухо произнес Адалер.

— Да что же здесь попрятали-то?! — нетерпеливо дернула плечом леди-птица, забрала рамку и долго разглядывала окружающее, шипя, точно кошка.

— Это не предки Даля, — тихо и печально проговорила Кеми. Лицо ее сделалось отрешенным, а глаза смотрели сквозь собеседников. — Все это сделали позже, много позже того, как великий Гарраят опустел. Эти люди лелеяли темные замыслы, думали, что здесь им никто не помешает. Они покупали годы для себя человеческими жизнями, кормили призванного ими демона... И последние из них еще живы и ждут новых жертв, заманивая путешественников роскошью.

— А демон? Он тоже здесь?

— Демон и его марионетка давно покинули это место. Исчадию тьмы стало скучно... Здесь только те, кто был когда-то людьми.

— Готов поспорить, в этом месте сложили головы многие, о ком говорил наш проводник, — мрачно усмехнулся Гай, — надо идти дальше. На нас эти... бывшие люди вряд ли решатся напасть.

— Скорее всего. Гибли-то те, кто совался за сокровищами, а нам они без надобности. Мы с прямого пути сходить не собираемся, — ответил Тром, — посмотрите, впереди никаких скелетов и иссохших трупов нет.

— Веди нас, о разумный отрок, — патетически воздев руки, молвила леди-птица, — веди нас к цели!

Внук адмирала отвесил столь же театральный поклон, забросил за спину мешок и, держа перед глазами полезное "стеклышко", зашагал к видневшейся впереди арке.

Спуск еще на один этаж объяснил духоту и влажность на предыдущем. Там повсюду стояла вода — по колено, не меньше. Орни присела на ступеньку, опустила в воду сначала пальцы, потом руку по локоть.

— Теплая. Даже очень.

— И чистая, хоть пей, хоть купайся, — подтвердил Даль, — а вот на счет рыбалки — увы. Никакой живности я в ней не вижу. Возможно, рыбам слишком горячо?

— Создатель с ней, с рыбалкой. Не водятся ли здесь другие создания... Змеи, например, тепло любят, — хмуро разглядывая мелкую рябь на воде в свете мощного магического факела, сказал Гай.

— Я не чувствую здесь даже водорослей, — ответила Тайри, — мои чары ничего в этой воде не нашли.

— Мои тоже, — кивнула рыжая леди, — и это прекрасно. Это значит, что можно сделать вот так... — она уселась поудобнее, с удовольствием стянула сапоги и закатала до колен замшевые штаны, — красота...

Путешественники со смехом и шутками последовали ее примеру. Дальше шли по колено в воде, приторочив сапоги к дорожным мешкам. Часть анфилады они преодолели очень быстро и без приключений, но оптимизма это не прибавило. Тром объявил, что придется спуститься еще ниже, именно там лежала, по его словам, прямая дорога к диску Нардона. Его не останавливал даже риск преодолевать оставшийся путь вплавь.

Шедшая замыкающей Тайри резко остановилась, прислушиваясь.

— Нас догоняют. Понятия не имею, откуда они взялись, но могу сказать, что твари достаточно крупные и... их две.

— Всем бежать вперед, как можно быстрее. Орни, прощупывай дно и пространство вокруг, у вас нет шанса на ошибку. Огненные чары при таком количестве воды почти бесполезны. Остаются воздух и лед.

— Ты с ума сошел, Даль! Вода слишком теплая, ты угробишь себя!

— Не волнуйся, Орнери, мы что-нибудь придумаем вместе, — леди Даллет, казалось, не испытывала по этому поводу ни малейших сомнений, — бегите и берегите себя. Мы вас догоним.

Ваюмн быстро обнял свою ученицу, прошептал в самое ухо "не вздумай оставить меня одного" и, выполняя приказ, побежал вслед за Тромом.

— Тайри, сможешь поднять волну? В идеале — до потолка? — спросил Адалер, застегивая на запястьях простецкого вида медные браслеты в потеках патины, — И вот еще что. Залезай вон туда и обуйся. Будет холодно.

Леди Даллет послушно забралась на возвышение возле одной из колонн и натянула сапоги. Она приблизительно представляла, что придумал командир. Ее дело — сотворить ветер, который пригонит воду и поднимет высокую волну, а Даль ее заморозит, перекрывая здешним чудовищам дорогу. Если это просто змеи или земноводные, привыкшие к теплой воде, они замедлятся, а возможно, и заснут. Правда, никто не обещал, что твари не окажутся теплокровными... Что ж, приступим.

— Даль, в сторону и повыше! Сейчас я погоню воду.

Как ни странно, родная стихия откликнулась охотно, нужные Потоки нашлись быстро и не думали вырваться из цепких связующих чар. Тайри четко, как на уроке, развернула

воздушные струи в нужном направлении. Пол обнажился вплоть до дальней стены, а перед двумя магами встала водяная завеса почти до потолка.

— Все, выше не получится.

— Отлично, — кивнул брат императора.

И, слава Создателю, вовремя, подумала про себя Тайри, глядя, как извиваются за совсем нетолстой водной преградой два длинных ловких тела с заостренными головами и неизвестным количеством лап.

— Пожелай мне удачи, дочь Воздуха, — в глазах Адалера мерцал голубой огонь, лицо стало снежно-белым, — она мне понадобится.

— Удачи, — неожиданно дрогнувшим голосом ответила леди Даллет.

Командир соединил ладони, а потом резко распахнул руки, точно желая обнять волну. В воздухе закружились снежинки. Оставшиеся на полу лужицы промерзли до дна. Волна на всем протяжении превратилась в лед, а Даль все вливал и вливал в нее чары. Из-под браслетов на пол частым дождиком капала кровь, вздулись вены на руках и на шее. Волосы мага покрылись густым инеем, как и одежда, а дыхание стало едва заметным.

Твари давно перестали двигаться, видимо, вмерзли в лед. Брат императора опустил руки и сделал неуверенный шаг назад. Тайри подставила ему плечо и со всей возможной скоростью потащила к выходу, попутно пытаясь вернуть командиру силы. Хоть по капле, по глотку, но вернуть. На ходу это было сложно, зато хорошо помогал телесный контакт. Даль так вцепился ледяными пальцами в ее руку, что было бы глупо не использовать этот короткий и действенный канал перекачки сил.

— С ума сошла? — едва раздвигая сведенные холодом челюсти, прошипел Даль. — Не смей столько отдавать...

— Успокойся, целителей учат подобным вещам, — девушка ни на секунду не останавливалась, понимая, что усталость подкосит обоих, как только они дадут себе поблажку. И тогда уже их сам Создатель с места не сдвинет.

— Направо. Следы видишь? Это наши.

Свернув за массивную квадратную колонну, Тайри и Даль прошли, согнувшись, коротким тоннелем и обнаружили соратников у очередного спуска, ведущего еще глубже под землю. Лестница выглядела, мягко говоря, подозрительно. Решетчатая металлическая конструкция изрядно проржавела, ступени зияли дырами, перила местами вовсе развалились.

— А... другой лестницы тут нет? — глядя на безрадостную картину, спросил Даль.

— Можно поискать, но, боюсь, у нас нет времени, — мрачно ответил Гай, — точнее, оно ограничено действием твоих чар.

— Тогда — вперед, точнее вниз, — командир с огромным трудом разжал пальцы, отпуская ладонь целительницы. Первым на лестницу рванулся Тром. Опыт прошлых ошибок сделал его осторожнее, но Тайри крайне не понравился взгляд старого друга: тот казался околдованным, или, хуже того — одержимым. Неужели это древний артефакт так на него действует? Внук адмирала явно пробирался по опасной лестнице, полагаясь на чутье, а не на зрение и осязание. Надо признать, пока это чутье его не подводило, да и остальным шло на пользу. Даль и Орни смело шли по его следам, и они с Гаем последовали их примеру. Последний пролет Тром преодолел, прижимаясь к самой стене, хотя ступени выглядели целыми и даже новыми. Никому не захотелось проверять, достаточно ли они прочны. Внизу оказалось жарко и темно. Командир не стал ждать, пока глаза привыкнут, и разбудил

кристалл-светильник, рассеявший мрак даже в дальних уголках небольшого зала. Стены его, покрытые разной глубины трещинами, вызывали еще большее беспокойство, чем оставшаяся позади лестница. Орнери долго изучала их, трогала раскрошившийся камень длинными пальцами, чуть ли не обнюхивала. В одном месте, где трещина была особенно глубокой, рыжая леди прижалась к камню ухом, слушая что-то одной ей понятное.

— Странно, — наконец сказала она, — ведь там, наверху, все целое, а здесь... По всем признакам, трясло не больше недели назад. И огненная река очень близко проходит, беспокойная и горячая, словно ей не нравится здесь.

— Не удивительно, когда рядом столько воды, — пожал плевами Тром.

— Вот именно, воды тут слишком много, естественные источники. А пути огня лежат... должны лежать много ниже. Я уверена, что эту реку притянули сюда специально.

— Это и вызвало сотрясение?

— Может быть, а может и нет. Но причиной новых судорог земли эта огненная река обязательно станет, а вот как скоро...

— Мне все ясно, — кивнул внимательно слушавший подругу Даль, — нам лучше убраться, и побыстрее. Тром, ты по-прежнему слышишь артефакт?

— Еще как! Он буквально поёт в моей голове. Очень трудно не позабыть все на свете и не броситься туда, где он... ждет... — Тром снова стал похож на одержимого. Тайри накрыла молодого мага щитом, попытавшись хотя бы частично приглушить влияние Нардонова творения. Совсем убирать его было нельзя — Тром потерял бы ориентир.

— Спасибо, Тайри, — внук адмирала с силой потер ладонями лицо, — а то я совсем утонул в его песнях. Слишком уж они заманчивые. Слава Создателю, что вы не чувствительны к ним. И понимаю ведь, что потихоньку с ума схожу, а поделать ничего не могу. Так что, если я совсем... того... голову потеряю, вы уж как-нибудь...

— Не волнуйся, мы постараемся не дать твоей голове потеряться, — Орнери дружески хлопнула его по плечу, — а если не получится, то я по этой голове стукну. Не сильно, не волнуйся, просто не дам тебе глупостей наделать. Хорошо?

— Конечно, Орни. Но лучше бы обойтись без ударов по темечку, — Тром, похоже, ничуть не обиделся. Чудеса, да и только. — Пойдемте уже, мне в пути легче. Кстати, этот подземный ход, если я понимаю правильно, как раз ведет в лабораторный корпус...

Земля дрогнула под ногами, когда позади осталась половина пути. Грозный гул, доводящий почти мгновенно до животного ужаса, накатил волной и уполз куда-то вглубь переходов, затихая. А потом в оглушающей тишине четко прозвучал хруст трескающегося камня. Откуда только у них взялись силы! Маленький отряд, ведомый Тромом, несся по темным, полутемным и ярко освещенным коридорам, не замечая дороги. Любой мог сказать, что он в жизни так быстро не бегал, точнее — не убегал. Часто, едва они успевали проскочить какую-нибудь развилку или свернуть за угол, в шаге от них рушился потолок или проваливался пол. Толчки продолжались, где-то в глубине гудело уже непрерывно. В один далеко не прекрасный момент стихия догнала магов, нарушивших давно заведенный порядок. Пол перед ними рассекла широкая и глубокая трещина, из которой медленно выплеснулась лава. Леди-птица крикнула:

— Не останавливайтесь! Я успокою огненную жилу.

Разумеется, остальные отошли подальше, но оставлять Орни одну никто и не подумал. Рыжая леди что-то негромко запела на родном гортанном языке. Руки плели волшебный узор, ноги ритмично притоптывали, связанные в "хвост" волосы метались, точно пламя под

ветром. Лавовый язык сначала остановился, потом потемнел и стал быстро покрываться пористой коркой. Орнери наклонилась, погладила шершавый горячий бугор, потом отхватила кинжалом длинную прядь волос и положила на землю, точно обозначая границу.

— Все, эта жила за нами не ползет. За остальные не ручаюсь.

— Бежим отсюда, — почти простонал Тром, — осталось совсем чуть-чуть, диск рядом...

Он был прав. Следующий коридор оказался широким, ярко освещенным и выложенным разноцветным мрамором. По обеим сторонам — двери, как правило, обманчиво гостеприимно распахнутые. Вот здесь-то внук адмирала Альге показал все, на что был способен, а заодно и накомандовался властью. Маги прислушивались к каждому его слову, без малейших возражений двигались или замирали на месте по его знаку. Тром был великолепен, да и нравилось ему быть главным. Даль украдкой посмеивался, а вот Тайри и Гай с тревогой наблюдали в глазах юноши отражение совершенно неуместного здесь удовольствия. В остальном же Тром оказался просто незаменим: вовремя угадывал расположение магических и механических ловушек и ни разу не ошибся, их обезвреживая. Перед нужной дверью он долго прислушивался, закрыв глаза и покачиваясь с носка на пятку. Потом удивленно поднял брови и повернулся к соратникам:

— Вход не зачарован. Ловушек нет. Наверное, в те времена само имя Нардона служило великолепной защитой.

— Да уж, хроники сообщают, что нрав у знаменитого мага был крутой и непредсказуемый. Мог из незадачливого посетителя чучело сделать, не особо напрягаясь. Или, скажем, в камень превратить, — ответил Даль.

— Думаешь, можно войти? — с сомнением произнесла Одри.

— А у нас есть выбор? — сощурился Тром. — То, за чем нас послали — там. Я буквально глохну от его чар. Он ведь свободен, ни к чему не привязан, а его близнец далеко. Артефакт... будь он человеком, я бы сказал, что он мается от безделья и все время ищет применения своим силам.

Внук адмирала первым шагнул в комнату, встал у массивного, заваленного бумагами, книгами и, Создатель знает, чем еще, стола, выискивая взглядом нужный предмет. Наконец, прошел к противоположной стене, сбросил с длинной полки истлевшую от времени карту.

— Даль, твоя очередь. Не мне его усмирять...

Близнец того диска, что хранился у императора, лежал на простой деревянной подставке. Вплавленный в его центр камень ярко вспыхивал всеми цветами радуги по очереди. Сводный брат его величества пробормотал что-то похожее на: "ну-ну, не волнуйся, дружок, сейчас поедem к братику...", вытащил откуда-то старую потертую сумку из шкуры неизвестного морского зверя — на ней кое-где еще поблескивала чешуя, аккуратно накрыл ею артефакт и, не касаясь руками, засунул в нее диск.

— Вот и отлично, — с облегчением выдохнул Тром, — в такой хитрой упаковке Нардоново творение никому уже голову не задурит. Совсем он меня замучил...

— Осталось понять, как отсюда выбраться, — с наигранной небрежностью промурлыкала Орнери.

— И как можно быстрее. Это место скоро исчезнет в огне.

— Тром, есть тут что-то ценное? — спросил командир, пристраивая сумку через плечо.

Молодой маг, точно слепой, шарил руками по стене, потом ударил кулаком по едва заметному выступу, и целый участок ушел в сторону. На открывшихся полках стояли

аккуратные ящички светлого дерева, каждый был снабжен руной.

— В этом огненные шпуквины, — указал на один из них Тром, — а вот в этом — накопители силы. Тут, если я правильно понял, водяные...

— А тут? — Тайри указала на длинную узкую коробку.

— Всякие, вперемешку. То ли у мастера руки не дошли разложить, то ли с ними что-то не так было. Сразу не разберешь. Как-то все слишком просто открылось. Воздушные в ящичке с синей полосой. Но, честно говоря, я бы не стал это трогать. Есть здесь какой-то подвох, — он обернулся к столу, отодвинул толстую книгу, вытащил потрепанную тетрадь в выцветшей кожаной обложке, — а вот это я бы забрал.

Адалер глянул с интересом:

— Заметки Нардона! Этому цены нет. А вон там что? — Он указал на полускрытый ворохом каких-то лохмотьев кристалл.

— Когда-то это было бархатом... — внук адмирала дунул, и невесомые клочки древней ткани разлетелись, — только так хранили запоминающие кристаллы. Кто бы еще сказал, как из них выудить то, что они помнят. Эти знания были утеряны еще до эпохи Хетья.

— Забирай их, и пошли. Надо искать дорогу наверх.

Молодой маг сгреб длинные бледно-фиолетовые кристаллы в сумку, туда же последовала и тетрадь.

— Тайри, посмотри, мне кажется, тебе, как целителю, должно пригодиться, — робко проговорила леди ор Оклен, указывая на стеллаж в углу. Там в беспорядке были свалены необработанные камни, морские раковины, веточки кораллов.

— Видимо, Нардон не слишком уважал целителей и собирался жить вечно, — ответила леди Даллет, выбирая из кучи синие с белыми прожилками каплевидные камни и ярко-красные шершавые веточки, оправленные в серебро, — так небрежно побросал полезные вещи. Которые могут очень пригодиться....

Маленький отряд плутал по коридорам и залам не первый час, а пути наверх все не было. Маги, как могли, скрывали беспокойство. Тром, выполнив свою главную задачу, стал похож на снятую с тростей куклу, сделался вялым, еле переставлял ноги и не с первого раза слышал обращенные к нему слова. Тайри не выдержала и напоила его бодрящим эликсиром. Это частично помогло. Ее старый друг перестал плестись, точно старик, стал внимательнее, но, увы, начал ныть по любому поводу. Кеми, как могла, пыталась его успокоить, но получалось плохо. Тром так бы и ныл дальше, не начнись по его вине потоп. В очередной раз цветисто объясняя командиру, как ему тяжело, как ноет уставшая голова и болят ноги, внук адмирала задел какой-то предмет, валявшийся на полу, споткнулся и всем весом обрушился на невзрачный столик у стены. Что-то громко щелкнуло, заскрежетали спрятанные механизмы — и из открывшихся в потолке квадратных отверстий хлынула вода. Путешественники выскочили из зала, запечатав дверь заклиниванием, но никто не знал, как долго оно продержится. Гай полагал, что несколько минут, и оказался прав. Вода выдавила дверь и ринулась дальше. Пришлось забраться на галерею при помощи веревок и смотреть, как с бешеной скоростью зал превращается в аквариум. Даль прислонился к стене и провалился в замаскированный ход, проломив державшуюся на честном слове панель. Узкий и низкий — только-только пройти согнувшись — лаз довольно резко уходил вверх, и это всех обрадовало. Друзья решили, что это и есть долгожданный выход на поверхность.

Время точно остановилось. Серые стены, казалось, сходились все уже, а потолок опускался все ниже. Идти было тяжело, но и этот лаз закончился — разрушенным дверным

проемом, выходящим на неширокую плиту, бывшую когда-то балконом. На верхнем этаже трёхэтажного дома, два из которых были затоплены. Вся улица вокруг представляла собой реку, где из воды торчали унылые черные остовы деревьев.

— М-да... — мрачно протянул Даль, оглядывая открывшийся пейзаж. — С этой стороны ничуть не лучше.

— Ну почему же? — криво усмехнулся Гай, — свежий воздух, небо над головой, и не надо протискиваться, согнувшись в три погибели. Жизнь прекрасна.

— Интересно, ты собрался жить вечно на этом насесте? — пробурчал Тром. — Лично я хочу домой.

— Мы все хотим, — командир уже разглядывал стену, — жаль, места мало, не разглядеть, что там на крыше. Придется лезть так.

— Зачем?

— Чтобы понять, как быть дальше.

— Может, проще подняться по внутренней лестнице? Если это балкон, то где-то должна быть дверь, из которой на него выходили, — Тром уселся прямо на камень, положив рядом сумку с драгоценной добычей, — или, на худой конец, окно...

Окно-таки нашлось — за углом, и лестница на крышу тоже, как и почти целый ажурный мостик к соседнему зданию, куда более высокому. С его крыши открывался чудесный вид на затопленный третий ярус, ушедшие под воду здания первого и частично второго, и темную глубину озера. Глухой гул был слышен и здесь, а через некоторое время угол столь вовремя оставленного лабораторного корпуса точно взорвался. Лава и вода встретились, взлетел огромный клуб удушливого пара.

— Еще немного, и оно доберется до нас... — В голосе Альге-младшего зазвучали откровенно истеричные нотки. — Мы в западне!

— Демона лысого мы в западне, — рыкнул командир, — прекратить панику! Выбрались из подземелий, и сейчас выберемся!

И это почти удалось. Когда они достигли заросших лесом развалин уровнем выше, там загорелась трава, а потом и все вокруг. Кроме того, треск, гул и дрожащая под ногами земля ничего хорошего не предвещали. В дыму стало невозможно дышать, и через некоторое время маленькому отряду пришлось остановиться. Они потеряли дорогу. Тайри накрыла тесно сбившихся вокруг нее соратников самым мощным куполом, на который была способна. Кеми тихо всхлипывала и прятала обожженную руку. Даль шепотом ругался и спешно проверял фляги. Тром вообще плохо понимал, что происходит, затравленно озирался, хорошо хоть молчал. Гай грустно посмотрел на свою ученицу:

— Везет нам с тобой на пожары... Ты как?

— Живая и даже на кое-что способная. А ты?

— Тоже. Но у меня плохое предчувствие. Мы можем не успеть.

— Домой?

— И туда тоже. Но скорее всего, дым нас задушит...

— Так может, попытаться вывести всех прямо сейчас? Я, правда, думала попробовать одну вещь с поиском дороги... Купол я еще продержу, не волнуйся.

В двух шагах от них земля провалилась, из дыры пахнуло жаром. Орнери, бросив тревожный взгляд на Даля, подошла к самому краю, опустилась на колени и, шепча какие-то слова, полоснула по ладони маленьким кривым ножом. Кровь из пореза выплеснулась толчком, потом еще и еще. Когда чары были наложены, Орни пошатывало.

— Надо идти. Быстро. Мало времени... — Пересохшее горло с трудом пропускало слова.

Тайри, доставшая уже склянку с эликсиром и порошок для раны, замерла, вглядываясь в дымную завесу.

— Зря ты пустила в ход магию крови.

— Это самый надежный способ обеспечить нам время. Лава нас не тронет, — вскинулась леди-птица. Она сама не понимала, откуда вдруг взялись злость и раздражение. Что себе позволяет эта девчонка?! Всех достоинств, что кровь древних в жилах намешана, еще даже не магистр, а судить берется...

— Прости, я не хотела тебя обидеть. Разве ты не чувствуешь?

— Чувствую, что если ты немедленно не дашь мне эликсир, то я растеряю остатки силы, — прошипела рыжая леди, — ну же! Взялась лечить, так не стой столбом!!!

— Держи. Твоя кровь особенная, она просто деликатес для темных тварей. Их всегда полно в мертвых городах. Они могут ждать веками свою чрезмерно беспечную или забывчивую жертву. Твоя магия не только их разбудила, она дала им безошибочный ориентир, Орни. Теперь твари не отвяжутся, пока не удовлетворят свой голод.

— Ты испугалась такой ерунды, деточка? — надменно скривила губы леди-птица, — и чему тебя только в Академии учили. Спасовать перед примитивной нечистью... Фи. У нас дети с рахуггами справляются шутя.

— Не знаю, рахугги ли это, зато прекрасно ощущаю их голод, и...

— Не смеши меня, — Орни беззаботно подошла к самой границе купола, — хочешь, покажу, как поступают настоящие маги?

— Орнери, стой! Опомнись!

Даль обошелся без слов. Просто прыгнул вперед, сгреб женщину в объятия и закрутил вокруг маленький смерч из снега и колких ледяных кристаллов.

— Что это с ней? — удивленно прошептала Кеми.

— Темные твари унюхали кровь. Кто-то из них, пока Орни не восстановила силы, успел не только наесться, но и подчинить частично нашу птичку, — также тихо ответил мастер Гайдиар, — отсюда и ее выходки. Помнишь, что говорил император? В походе нет места вражде и злости, это маяк для тьмы.

— Что же теперь делать?

— Что и собирались. Жаль только, потеряли с таким трудом выигранное время.

Орнери, конечно же, опомнилась и извинилась, но добытый ею шанс таял на глазах, вместе с корочкой на застывшей было лаве. Твари уже не таились, пятались из дымной темноты красными буркалами. Жертвы окружены, деться им некуда... А терпения этим созданиям не занимать.

— А, Тьма задери этот город, — Тром был на грани срыва, и, похоже, сам это понимал, — все зря, зря... Приложить столько усилий, чтобы всего лишь сдохнуть среди древнего хлама...

— Замолчи, — оборвала его стенания Тайри, — не учи судьбу плохому.

— Даль, возьми вот это, — она протянула командиру один из позаимствованных в лаборатории оберегов, — и Орни на шею надень, — второй перекочевал в ладонь "снежного принца", — Тром, Кеми, не стойте столбами! А это тебе, Гай. Как только они подействуют, попытайтесь запечатать все внешние каналы силы. Это необходимо. Когда я открою портал, держитесь рядом. И ни в коем случае не останавливайтесь.

— Ты решилась? — спокойно спросил ваюмн.

— Мы должны...

— Значит, сделаем. Нас с тобой вполне хватит, чтобы прикрыть четырех неподготовленных. Все готовы? — обратился он к остальным, — Дайте-ка я проверю... Ох, Орни, Орни... тут уж ничего не поделаешь, для тебя это бегство ничуть не менее опасно, чем голодные твари. Ничего, справимся. Господа маги, никаких вопросов, все потом, когда будем далеко и в безопасности.

Тропа приняла их на редкость равнодушно, словно не были ей интересны шестеро измотанных путников. Гай знал, что это обман. Стоит только успокоиться и ослабить бдительность — и ты уже стал десертом. Тайри уверенно шла впереди, и ваюмн почти поверил, что она знает дорогу. Тром и Кеми умудрялись держаться за руки и идти рядом, едва не задевая плечами туманные "стены". Держатся, и хорошо — целее будут. Чувство времени на Тропе у путников вырабатывалось только с опытом. Поэтому один мастер и понимал, почему спутники сбавили шаг и начали спотыкаться, почему заплечные мешки резко потяжелели, а ноги стали точно ватные. Маленький отряд шел уже очень долго, останавливаться было нельзя, а пригодного даже для короткого отдыха выхода и не предвиделось. Кроме того, Тропе надоело притворяться, и она ударила в самое уязвимое место. Орнери пошатнулась и чуть не упала, Гай немедленно подставил ей плечо и крикнул идущей впереди Тайри:

— Ищи любой выход! Еще немного, и Тропа прикончит нашу птичку!

Леди Даллет ничего не ответила. Она была предельно сосредоточена, и, раз выхода с Тропы видно не было, оставалось только идти, прикрывая друзей — пока хватит сил, молить Создателя о приюте и... Приют! Таверна! Вот где можно передохнуть и набраться сил, не опасаясь... Каждый шаг, точно удар метронома, отдавался в голове. Тайри ухватила за этот ритм, как за спасительную нить, ведущую к цели. А вместе с ритмом появились и слова, словно кто их нашептывал на самом пределе слышимости. Когда все они сложились, получился незамысловатый рифмованный заговор, какие часто произносила Одри. Как там говорила деревенская колдунья? Когда надо, сама поймешь, что говорить и как. Сейчас — не говорить, а тихонечко напевать, убаюкивать Тропу, слишком уж она в них вцепилась. Позвать Таверну — пусть скорее появится. Тьму и страх отгонять.

«Спи-усни, Тропа седая. От беды друзей спасая, ни пылинки не заденем, проскользнем мы, точно тени. Путь прямой под ноги ляжет, коль Создатель нам подскажет, к дому с крышей крутобокой, под луной чужой, высокой. К очагу, к теплу, к опоре, к островку в безумном море. Три развилки за спиной... Спи, Тропа, глаза закрой. Мы неслышными шагами не нарушим твой покой. На заветном перекрестке надпись нужную прочтем, как положено, с поклоном, в дверь открытую войдем. Спи, Тропа, засыпай. Тьму за нами не пускай...»

Они проскочили очередную развилку, и Тайри, уже зная, что помощь совсем близко, весь остаток сил бросила на то, чтобы как можно лучше закрыть самых слабых. Да, ей пришлось отказаться от собственной защиты, так ведь это из всех зол наименьшее. Теперь Тропа сосредоточится на ней одной, и остальным станет легче. А в Таверне силы вернуться...

Коновязь и столб с указателями оказались за ближайшим поворотом, а от них десять шагов до тепла и безопасности. Хозяин стоял на пороге и укоризненно качал головой: что ж ты, девочка, творишь, нельзя так неосторожно на Тропе, но когда разглядел, что Тайри не одна — бросился помогать. Втащил на себе уже ничего не понимающего Трома. Усадил у

самого очага, прямо на пол, Даля и Кеми. Забрал у Гая его ношу — потерявшую сознание Орнери и, буркнув что-то вроде "обниматься потом будем", шагнул с леди-птицей на руках прямо в пламя. Командир хотел было возразить, но сил не осталось, изменил даже голос. Пришлось молча смотреть, как странный человек, от которого веяло древностью и незнакомой магией, растворяется среди пляшущих языков огня. Кеми заморожено рассматривала то очаг, то тихий в этот час зал, то пейзаж в окне с вечной лиловой луной. Тром свернулся калачиком в кресле, и сейчас его укутывал меховым одеялом деловитый и молчаливый помощник Хозяина. Все шло, как положено, спутникам, по разным причинам, было не до них с Гаем, и Тайри этому тихо радовалась.

— Ты у меня молодец, — с гордостью шепнул любимый наставник, — теперь я за тебя не боюсь. На защите ты точно справишься.

Она тихо рассмеялась и прижалась щекой к его плечу.

— Устал?

— Не так, как ты, — ваюмн обнял ее крепко, точно боялся, что его ученица сейчас исчезнет, — очень вовремя нам Таверна попалась. Еще чуть-чуть, и мы потеряли бы Орни. Ваорты совершенно не умеют закрываться. Зато огонь пойдет ей на пользу, как никому другому.

— Не слишком они долго? — сонно спросила Тайри.

— Дольше, чем положено, не пробудут...

Кьялар шагнул через ограждающие очаг камни, кликнул помощников, передал спящую Орнери с рук на руки Дालю и отправил их наверх, в комнаты.

— Когда проснется — здоровее прежнего будет, — улыбнулся он старым знакомым, — и куда осторожнее. Ну что, теперь и обниматься можно, и за стол... Прочих накормим, когда отоспятся, а вам сейчас нужно. И ты, красавица, иди к нам, не бойся, — протянул он руку застеснявшейся Кеми, — кого я в дом пустил, считай, родными стали.

Как и в прошлый раз, блюда были необычными и очень вкусными, а вино оказалось легким, сладковатым и немного шипучим.

— Должен тебя поздравить, Гайдиар. Ты очень хороший наставник, и ученица у тебя умничка, — подняв бокал, произнес Кьялар, — давно ты ей про ключ шагов рассказал?

— Начнем с того, что я сам впервые сейчас о нем услышал, — смутился мастер.

— То есть... ты не по ключу к Таверне выходил?

— По чутью я к ней выходил и по везению.

— И никаких слов, стихов там, или песни?

— Нет.

— Тогда я вообще в полнейшем восторге, друг мой. Без малейшей подсказки нащупать заговор ключа — это дорогого стоит. Да еще и запретить всяким, не к столу сказать, темным тварям за вами тащиться.

Ваюмн с крайним изумлением переводил взгляд то на свою ученицу, то на Кьялара.

— Мне кто-нибудь объяснит, что произошло? Или подождете, пока я голову сломаю, пытаюсь понять?

— Все просто, друг мой. Первое время в Таверну попадали все. То есть — без исключения. И происходило здесь то же самое, что и в любой придорожной забегаловке: поножовщина, драки, разбой... Одни подкарауливали других, третьи охотились за всеми, кто не был похож на них самих, да еще и на меня косились. Мне надоело, и я сделал так, что в Таверну каждый встречный-поперечный попасть не может. Нужно либо чувствовать, как ты,

либо услышать правильный ритм и придумать заговор, открывающий кратчайший путь. Он, как ты понимаешь, для каждого свой, каждый свою самую большую тревогу, самое большое желание туда вкладывает. Даже если это желание поест и выспаться в тепле. Отсеивается только темное: месть, зависть, убийство... Вот так, — пожал плечами Хозяин, — ничего сложного.

— А... да-да, сущие пустяки. Теперь я каждый раз буду сомневаться, найду я твое благословенное заведение или нет.

— Перестань сомневаться в себе, Гай. Ты всегда найдешь дорогу, как и твоя девочка, если не разучится слушать себя и магию вокруг. Ешьте, дорогие мои, пейте и идите отдыхать. А потом посмотрим, чем вам еще смогу пособить...

Когда Кеми и Тайри отправились спать, Хозяин спросил оставшегося за столом ваюмна:

— Что тебя гложет, Гай?

— Будущее, Кьялар. Я его... боюсь.

— Бессмысленно, друг. Его не изменишь, поэтому живи сейчас. Будь со своей любимой, пока можешь.

— Вот именно, пока могу. Я уже чувствую себя вдвойне предателем. И часто думаю о том, что я могу сделать для нее — пока я еще с ней.

— А что тут думать? Делай ее счастливой — каждую минуту. Как ни странно, время — одна из величайших драгоценностей, которую мы можем дарить другим. Даже если его у тебя в запасе прорва, как у меня, у кого-то близкого его может оставаться всего ничего. Плюнь на условности, придумай тысячу причин, и будь с ней. Поверь, вы оба станете только сильнее. Вам ведь еще целую жизнь строить порознь... М-да, похоже, моя саламандра в кои-то веки ошиблась, предсказывая будущее. Ты не успокоишься и не забудешь, и я не знаю, хорошо это или плохо.

— Это очень хорошо, друг мой Кьялар, — мастер как-то сразу успокоился и даже повеселел, — потому что забыть ее я не хочу, наверное, так же сильно, как и расстаться с ней.

— Значит, и не забудешь. Судьба иногда уступает в малом, чтобы не ломать большое.

Пламя в очаге взметнулось к потолку, загудело встревожено. Хозяин обвел зал цепким взглядом, остановился на спящем Троме и долго на него смотрел. Нехорошо так смотрел, недобро и осуждающе.

— Ты знаешь, что этот мальчишка с собой притащил? — повернулся он к мастеру Гайдиару.

— Мы все тащим с собой определенное количество старых штуковин, многие с Запретного континента. Этот обормот прихватил там что-то опасное? Мальчик, вообще-то прирожденный мастер артефактов...

— Тем хуже для него. Значит, прекрасно понимал, что берет в руки. У него в кармане вещь, многократно увеличивающая силу и способности владельца, но с какой стороны она тянет дополнительную силу! И дает она ее не насовсем, а займы и под проценты. Когда-то отдавать придется. Хорошо, если он просто однажды пустышкой проснется. Доподлинно знаю, что некоторых подобные артефакты в одночасье изменяли, и под личиной человека продолжала жить насквозь темная тварь.

— Что ж, проснется Даль, разбудим Трома и поговорим...

— Некогда мне ждать твоего командира, Гай. Эта пакость Таверне навредить может. Да и не церемонюсь я обычно с господами, что всякую дрянь за мой порог проносят, — Хозяин

от души плеснул водой из кувшина в лицо Трому. Тот закричал, заворочался и попытался натянуть на голову одеяло. Тогда Кьялар немилосердно тряхнул его за плечо.

— Что случилось, — протирая глаза, пробурчал внук адмирала, — нельзя ли повежливее?

— Я крайне невежлив с теми, кто тащит в мой дом куски Тьмы, парень. Соблазнился на дармовое могущество?

— Что за чушь вы тут несете! Кто вам дал право... — Тром выпрямился в кресле и гордо задрал подбородок.

— Я здесь Право и я здесь Закон! — загремел Хозяин. Пламя в очаге задрожало и прижалось к полу, кажется, даже потолок стал ниже, а свет — тусклее, — и я здесь решаю, что можно, а что нет. Что еще тебе не понятно?

Тром ошалело потряс головой.

— Ну-ка вынимай! — Кьялар ткнул длинным узловатым пальцем в левый нагрудный карман Тромовой куртки, — а заодно скажи, что мне теперь с тобой сделать. Любого другого я бы уже вышвырнул за порог, причем без артефакта. А с тобой вот сижу и разговариваю. Пока.

— И что? Выбрался бы как-нибудь. Вон, Тайри может, и у меня все получилось бы.

Хозяин Таверны расхохотался.

— Ну иди, смоги, герой. Я потом посмотрю, на какой развилке будут валяться твои кости. Тропа, чтоб ты знал на будущее, существо живое и хищное. Такого, как ты, слопает и добавки попросит.

— Ну нас же не слопала, хоть мы и шли очень долго, — скривился Тром.

— Не потому, что ты весь из себя такой самоуверенный и замечательный! Тропе твой артефакт на один зуб положить, чужая сила и магия — ее любимое лакомство, и ей без разницы, в темном фантике или светлом. А дошли вы сюда только благодаря Тайри и ее наставнику. Они вас собой прикрывали, они особым чутьем безопасный путь выбирали. Так что умерь свой пыл, сынок, и отдай-ка мне эту дурную вещицу.

Внук адмирала сложил на груди руки и замер, всем своим видом показывая, что ни разговаривать, ни что-либо отдавать он не намерен.

Из оранжевых сполохов шагнула прекрасная саламандра, протянула раскрытую ладонь, заглянула в глаза молодому магу:

— Просто положи это сюда, мальчик. Дальше не твоя забота, глупенький...

Тром поставил на место отвисшую челюсть, медленно достал из кармана золотую, с кровавыми каплями шпинели, звездочку, и положил ее на ладонь огненной девы. Та мгновенно отшагнула назад, в очаг, и исчезла.

— Я и не думал, что Шапки помогать возьмется, — с облегчением выдохнул Кьялар, — не любит она эти штуки, хотя где и жечь их, как не в Пламени Изначальном.

— Это настоящая саламандра? — просипел Тром.

— Какая ж еще? Одна из первых Сотворенных, — кивнул Хозяин, — так что не шали тут, нор у нее, сам понимаешь, огненный.

— Красивая у вас жена, — молодой маг смущенно потупился.

— Тоже удумал — жена... Вот ведь... Шапки здесь живет, потому что ей нравится. Просто так. А в мужья я ей не гожусь — породой не вышел. Тут нужен такой же огненный дух, ну, может, дракон еще подойдет, да не какой попало. Ты вот лучше поведай нам, где эту штуковину подобрал.

— В лабиринтах Гарраята, где ж еще.

— Врешь, она появилась раньше, — сощурился Кьялар, — вопрос, когда?

— Не тогда ли вы с Орни лазили в ушедшую под землю башенку? — постукивая пальцами по столу, спросил Гай.

— Похоже на то, — кивнул Хозяин, — вон как глаза забегали. Ну и зачем, скажи мне?

— А поставьте себя на мое место! Любой в нашей команде на порядок сильнее меня. Все такие могущественные... до тошноты. Мне хотелось стать равным, а не оставаться котенком среди тигров. Сначала я собирался ее выбросить, но после того, как чуть не свалился в ров с каким-то плотоядным растением, а перед этим болтался, беспомощный, на дурацком тресе...

— Это я по твоей милости чуть не свалился в ров, и, если бы не Орни... — взвился ваюмн.

— Высокомерная нелюдь, — ощерился внук адмирала, — смотрела на меня, точно на животное, хотя сама-то недалеко от курицы упрыгала...

Кьялар молча, без замаха, отвесил Трому пощечину. Голова парня мотнулась из стороны в сторону.

— Все с тобой ясно, дитяtko. И когда ты свою зависть так раскормил? А мне по началу казалось, что ты достойный человек... Иди-ка сюда, — он бесцеремонно вытащил Трома из кресла и толкнул к очагу, — надо из тебя эту пакость повыжечь. Твой артефакт, будь он неладен, уже прорастил в тебе темные семена. Его, в общем-то, для этого и сотворили: соблазнять, обещать, превозносить, а потом подарить хозяина Тьме. Иди-иди, нечего трусить. Звездочку свою взять не испугался, от остальных ее утаить не испугался, и тут смелости хватит.

— Не испугался! У меня выбора не осталось! Эта островитянка запросто справлялась с лавой, а я бы на ее месте просто сгорел, — Тром всхлипнул и умолк, с ужасом глядя на вытянувшееся почти до потолка пламя.

— В кого ж ты такой глупый-то, — вздохнул ваюмн, — не имею чести быть знакомым с твоей матушкой, а с дедом вот общался несколько раз. Вроде и не в кого... Тебе Создатель редчайший талант даровал — понимать и укрощать артефакты, разгадывать чужие загадки, разбираться в тончайших связях. А ты за силой погнался. Подумал бы лучше, что никто из нас, при всем нашем могуществе, не привел бы отряд прямиком к диску Нардона. Мы бы искали его много дольше, и, скорее всего, не успели бы к сроку. А ты справился. Заметь, твой темный амулет тут ни при чем, не ему добрым делам способствовать.

— Да я в этих подземельях чуть не рехнулся. Земля дрожит, и лава... Сгореть заживо... — юноша стал белее снега.

— Так вот оно что, — протянул Кьялар понимающе, — зависть завистью, а погонял всё страх. Тут я, конечно, не оправдываю, но понять могу. Страх многих превращает в послушных Тьме исполнителей. Так что ты, парень, еще легко отделался. Пойдем. В этом огне ты точно не соришь, а вот ростки Тьмы его не выдерживают. Может, и что хорошее прибавится. То одному Творцу известно.

— Прибавится? — внук адмирала с робкой надеждой взглянул на собеседника и сразу стал похож на маленького мальчика, которому пообещали чудесную сказку на Новый год.

— Обязательно, — ухмыльнулся Кьялар, — уж я-то знаю. Скольких сам на руках сквозь огонь пронес, тебе и не снилось.

Тром зажмурился и шагнул в пламя. Через несколько минут он вернулся живой,

невредимый и будто повзрослевший на несколько лет. Он сбивчиво поблагодарил Хозяина и вслед за расторопным слугой убрел, в глубокой задумчивости, к себе в комнату.

— Я смотрю, ему стало лучше, — глядя вслед, произнес мастер.

— Надеюсь, только вот надолго ли? — Кьялар уже грел в ладони бокал с чем-то крепким, — раны телесные залечиваются навсегда, а вот за душевные увечья не поручусь... Тут все от человека зависит.

**** *
**** *
**** *

Оказывается, Кьялар мог только захотеть — и его замечательное заведение появлялось в любом знакомом ему месте. В Столице империи он, как выяснилось, бывал. Отдохнувшие, полные сил, точно никакой Тропы не было и в помине, путешественники вышли из дверей Таверны в ясный прохладный вечер, под родное небо, расцветенное бело-синими фейерверками. Откуда-то доносилась веселая танцевальная музыка, мимо пробежали, смеясь, люди в праздничных одеждах и золотых масках.

— Ничего себе мы прогулялись... до конца сентября, — Адалер жмурился, точно довольный кот.

Тайри рядом с ним осматривалась, пытаясь понять, в каком месте Столицы они очутились. Слева сияли украшенные многочисленными огнями купола и шпили императорского дворца, справа, за домами, высилась мрачная громада старого храма Времени — значит, эта маленькая площадь в одном из Золотых кварталов, скорее всего, Ювелирного. Да вон и лавка, витрина у нее — точно леденцовый домик из сказки, вся играет самоцветами.

— Праздник Даров! Это добрый знак! — кивнула Кеми ор Оклен, — и мы не с пустыми руками вернулись.

— Мне не терпится увидеть твоего брата, — сказала Орни Адалеру и принялась, — мы еще можем успеть к праздничному ужину и представлению. Я так соскучилась по настоящим праздникам...

— Что, вот так и заявимся в дорожной одежде, с нашими мешками и при оружии? — спросил Тром уныло.

— Тром, солнышко, мы уже дома, не забыл? — Тайри ласково погладила его по голове, точно маленького, — здесь работают Короткие переходы. Мы в пять минут попадем, куда надо, переоденемся и запасемся масками. Вот будет сюрприз его величеству!

— Вряд ли, — пожал плечами Даль, — в смысле, сюрприз получится вряд ли. Вода есть везде, да и моими глазами он часто смотрел... Так что уже в курсе. И как он живет с эдаким-то любопытством...

— Милый, не порти нам триумф, — шутливо погрозила ему леди-птица. — Тайри, веди, куда надо. Кстати, а куда?

— Вещи оставим у меня, маски и наряды ждут вас там же. Уверяю, дамы не уйдут опечаленными, — улыбнулась леди Даллет.

— А милордов провожу я, — Гай почему-то был печален и серьезен, — встретимся у тебя или сразу на Коронной площади? Его величество, скорее всего, будет там.

— У меня, там просто удобнее. Ну и маски для вас тоже найдутся.

Так и сделали. Через некоторое время прекрасные леди в ярких платьях и элегантные кавалеры в парадных камзолах, спрятавшие лица за серебряными масками, влились в пеструю толпу на главной площади Столицы. Охрану императорского помоста они миновали легко — Даль просто назвал пароль, а вот дальше стало сложнее. Мастера щитов

постарались на славу, оберегая смеющихся, танцующих, флиртующих с дамами людей в синих с серебряным шитьем нарядах и жемчужно-белых масках. Императорскую семью.

— Хотел бы я знать, кого и от чего охраняют наши доблестные коллеги, — негромко проворчал Адалер, — от половины этого серпентария просто необходимо охранять народ.

— Любишь ты их, как я погляжу, — Тайри уже с азартом прикидывала, куда построить переход, чтобы обойти щиты.

— Некоторых — так просто до смерти, — хищно оскалился сводный брат императора, — честно говоря, я бы предпочел вообще на помост не соваться. Братцы мои по отцу — те еще гиены, но и Силой их Творец не обидел. Могут запросто почуять наш подарочек.

— Тогда позови его величество, — пожалала плечами Орни, — тут и думать нечего.

— Как? Попрыгать, размахивая руками, с воплями "Твое величество, мы приехали!!!!!"?

Леди-птица посмотрела на своего любимого командира удивленно-осуждающе.

— Не прибедняйся. Ты Льофф или кто? Ни за что не поверю, что у вас с братом нет способов дозваться друг друга персонально. Небось, еще в детстве придумали подобный фокус.

— Не знаю, сработает ли. — "Снежный принц" взял с подноса пробежавшего мимо слуги кубок, выплеснул из него вино и зачерпнул воды из ближайшего фонтана. Бросил туда тонкое серебряное кольцо с крошечным квадратным рубином и через минуту пригубил, пробуя.

— Ага, была простая, стала морская. Значит, услышал.

— Ну разумеется услышал, брат, — голос был знакомый, а вот узнать его величество в форме гвардейского капитана было непросто, — я чуть не каждую минуту прислушивался, уж дней десять как. Вы же пропали куда-то, канули в неизвестность, и никакие силы не могли вас найти, даже вода. Я тут чуть с ума не сошел... Идем отсюда, поговорим спокойно.

Каким чудом императору удалось мгновенно переместить всех в тот самый кабинет с кораблями и картами, Тайри гадала еще долго. А Рикарт ор Льофф, послав к демонам все этикетки и церемонии, принялся со всеми обниматься, не скрывая радости.

— Видит Создатель, я, конечно, очень доволен, что вы добыли диск Нардона, но самая большая радость — это увидеть вас всех живыми и невредимыми. Знали бы вы, как я клял тут себя, когда кто-то из вас оказывался в опасности. Сидеть во дворце и не иметь ни малейшей возможности помочь...

— Надеюсь, теперь ты спокоен, брат? — Адалер сиял не хуже венценосного родственника.

— Почти. Потому что кое-кого из вас мне придется отправить в следующее путешествие, слава Творцу, короткое, мы даже портал закрывать не будем. Проблема в том, что время кончилось еще пару недель назад, и я понятия не имею, как остров Глид еще не сгинул... — Его величество поставил на стол тяжелый деревянный ларец и открыл его. В одном выложенном бархатом гнезде лежал диск Нардона, во второе Даль с величайшей осторожностью водрузил его близнеца. Монарх повернулся к Тайри и ваюмну:

— Дорогу вы знаете. На берегу вас с нетерпением ждут, а мы подождем здесь. Мастер, прошу вас, закрепите портал.

На теплом песчаном берегу идиллически теплого острова их, действительно, ждали: сама невероятная хозяйка и большой отряд смуглых воинов. Тайри протянула Глите ларец с парными дисками, древняя благодарно улыбнулась сквозь слезы и сразу же устремилась по

тропинке в лес. Воины сомкнули ряды и последовали за ней. Какое-то время посланники императора молча провожали их взглядами, а потом вернулись в уютный кабинет.

— Надеюсь, она успеет, и мы не зря мотались на этот Творцом проклятый континент, — мрачно произнес ваюмн.

— Безусловно, не зря, мастер. Не знаю, как удалось продержаться им, и, тем более, не в силах догадаться, как удалось так быстро вернуться вам, но мы успели. Глита восстановит защиту в первоизданном виде, и тварь Тьмы останется в своей тюрьме. Таким образом, равновесие сохранится еще на какое-то время, — его величество с облегчением вздохнул, — обо всем остальном мы можем поговорить и потом, но, сразу предупреждаю, я могу умереть от любопытства раньше.

— Нет уж, братец! Не для того мы совались в тамошнее пекло, чтобы ты тут помер, ничего не узнав. Теперь слушай, пока не надоест, — изрек Адалер с самой мстительной миной, на которую был способен, — ну, с чего начать?

— С Гронна, конечно. Никак туда не соберусь...

— А на празднике вас не хватятся? — поинтересовалась Тайри. — Тут ведь рассказов не на один час.

— Вот еще, — отмахнулся монарх, — я маг или кто? И потом, у каждого уважающего себя правителя должен быть хотя бы один двойник. Пусть пляшет там, свои деньги отрабатывает...

Разговор плавно переходил от одних превратностей путешествия к другим. Тайри, внимательно наблюдавшая за другом детства, заметила, что Тром сидит, словно на углях и буквально закипает от злости. Да что с ним творится?! Когда рассказ дошел до подземелий Гарраята, Адалер, как и ожидалось, передал слово внуку адмирала — ведь именно он вел отряд к артефакту. Тот со всей силы ударил кулаком по столу, аж подскочили тяжелые письменные приборы.

— Не стану я ничего рассказывать! Чего ради мы лезли демону в пасть, если вы так запросто отдаете величайшее творение магов каким-то дикарям?! Они, поди, понятия не имеют, какое сокровище получили. Я так надеялся, что смогу изучить его здесь...

— Тром, последний разум потерял? — рыкнул на него командир. — Ты забыл, с кем разговариваешь?!

— Спокойно, Даль, — император, кажется, совсем не удивился подобному поведению, — это бывает, особенно, у тех, кто первый раз ввязался в серьезное дело. Или начал серьезное служение. Трудно оставить личные амбиции позади и понять, что есть вещи куда важнее, — он повернулся к Трому. Его голос стал тише и еще спокойнее, — я не стану читать вам нотации, милорд ор Альге. Лучше предоставлю возможность самому осознать важность сделанного нами. Я ведь не для собственной силы и славы погнал вас на Запретный континент.

Его величество снова открыл Короткий переход на остров Глид.

— Тайри, прошу вас, покажите юноше суть проблемы. Думаю, Глита не станет возражать, если вы не задержите ее надолго, — Рикарт ор Льофф взглянул на провинившегося строго и произнес почти шепотом, но от этого шепота всех присутствующих встряхнуло не хуже, чем от монаршего гневного рыка, — слушайте во всем леди Даллет, милорд. И упаси вас Творец хоть в чем-то ей возразить. Отправляясь за артефактом, вы присягали на верность лично мне, и я душу из вас вытрясу, буде вы попытаетесь нарушить приказ.

Тайри схватила Альге-младшего за руку и потащила за собой в портал. Лесная тропа будто сама стремилась как можно быстрее довести их до места — ни корней, ни кочек. Вот и чудесный занавес из цветущих лиан, пустая сейчас поляна-храм, а за ней — целая стена мертвых иссохших деревьев. Тварь времени зря не теряла... Дальше — уже знакомая дорога через опасный колючий кустарник и шаг с обрыва в следующий портал.

Они все были здесь, все до единого: воины, жрецы, старики, дети... Стояли плотно, плечом к плечу, окружив свою живую богиню. Глита обернулась, прижимая к груди драгоценный ларец. Тром дернулся, но Тайри не дала ему сделать ни шага.

— Император передумал? — с отчаянием в голосе спросила древняя.

— Ни в коем случае. Просто кое- кому необходимо на собственной шкуре понять, почему диски Нардона должны быть здесь, а не где-то еще, — ответила леди Даллет.

Хозяйка острова понимающе улыбнулась и сделала шаг в сторону, а ее подданные расступились, освобождая проход к "пузырю". За прошедшее время защита еще более истончилась, а тварь выросла. Леди Даллет приготовилась прикрывать щитами себя и спутника. Тром замер перед преградой, уставившись на мерзко подергивающееся щупальце, затем перевел взгляд выше, на безобразную тушу. Он наблюдал, и выражение его лица менялось от огромного удивления до отвращения и страха. Между тем, почувствовав взгляд, огромный "паук" зашевелился, шипастые ноги согнулись, опуская тело на один уровень с замершими у барьера людьми. Спереди вспухло несколько пузырей, соединившихся в один. Оболочка лопнула с отвратительным хлюпающим звуком, и маги увидели лицо — не слишком точную, но вполне узнаваемую несколько увеличенную копию физиономии Трома. Распахнулись наполненные темным пламенем глаза, губы дернулись, складываясь в злую и надменную ухмылку.

— Чего ты хочешь?.. — шепот возник где-то под черепом и был едва слышен, но Тайри мгновенно подняла щиты и, что было сил, швырнула друга в портал.

Его величество с минуту разглядывал совершенно ошалевшего Альге-младшего, а потом спросил:

— Убедились? Еще вопросы будут?

— Н..нет... — выдавил из себя Тром.

— Вот и прекрасно. Но не думайте, милорд, что ваша служба закончена. Для мага-артефактора у меня есть много чего интересного, — император повернулся к остальным, — для вас, кстати, тоже. Но это — на будущее, а сейчас — всем отдыхать. Для начала мы поужинаем, а дальше уж сами решите...

Где-то звякнул колокольчик, и в кабинет один за другим вошли слуги с подносами. Стол быстро заполнялся самыми роскошными яствами и вином. Зазвенели хрустальные кубки. Кто-то произнес: "За удачное завершение!", кто-то подхватил: "И пусть так будет всегда!". Разговор вернулся к дороге через Гарраят, Тром рассказывал весьма увлекательно и точно, но чувствовалось, что императору не терпится узнать о том, чего он не мог "подсмотреть". О пожаре, Тропе и Таверне каждый рассказывал по-своему, монарх же только поощрял своих разведчиков и просил как можно больше деталей. Лишенный возможности увидеть все своими глазами, он чрезвычайно ценил различные точки зрения на интересующие его места и события. Внук адмирала то и дело бросал тревожные взгляды на мастера Гайдиара, но мастер Тропы почему-то не стал рассказывать о том, что произошло с Тромом во владениях Кьялара. Юноша понимал, что Хозяин поступил с ним правильно, да еще и пожалел, но вот с потерей злополучного артефакта почему-то не мог смириться. Знал, что подобными

мыслями "открывает дверь Отступнику", но успокоиться никак не мог. Вряд ли он понимал, что в этом снова виноват страх. Повод был существенный: Гай все о нем знал, а значит, был опасен. Оставалось надеяться на то, что он скоро уйдет, ведь все ваюмны уходят...

Тем временем, его величество, дослушав последнего рассказчика, разлил по кубкам вино и сказал:

— Вот теперь можно считать, что моя смерть от любопытства миновала. Придется наградить всех вас за спасение монарха...

Давно они так беззаботно не смеялись, давно не праздновали с такой легкой душой. Теперь можно забыть обо всех заботах и тревогах — пусть и ненадолго. Можно было даже расслабиться, снять почти все щиты, наслаждаясь доверием и безопасностью в кругу самых надежных в мире людей.

Император азартно спорил с братом о пользе старинных документов и карт, Орнери напевала какую-то залихватскую песенку, явно подслушанную у моряков, и Тром, позабыв про свои тревоги, с удовольствием ей подпевал. Тайри и Гай взирали на все это веселое безобразие молча, чинно держась на расстоянии, понимая, что экспедиция закончилась, и вольности вместе с нею. Зная непредсказуемый характер государя, они предпочитали его не раздражать нарушением правил и попранием устоев. Через некоторое время леди ор Лоуке утащила Даля на площадь — танцевать, а он упросил и наставника с ученицей — за компанию. Тром, сидя в удобном кресле, задремал, а император замер в задумчивости над картой.

— Ваше величество, — осторожно обратилась к нему леди ор Оклен.

— Что угодно моей лучшей видящей? — государь с готовностью оторвался от изучения береговой линии Запретного континента и улыбнулся девушке, — только не просите вернуть вас обратно в храм. Я не готов смириться с такой потерей.

— Меня теперь и на порог не пустят...

— И слава Творцу. У меня на вас огромные планы.

— Я тоже рада, что не придется возвращаться в Орден, — девушка смущенно покраснела, — но я хотела говорить не о себе. Мастер Гайдиар и Тайри... их нельзя разлучать.

— Так. — Его величество мгновенно подобрался, вся беззаботность и расслабленность испарилась — будто и не была. Кеми тут же испугалась, что начала этот разговор. — А они разве должны расстаться? Безусловно, мастер, как и все ваюмны, вернется к своему народу, но...

— Я вижу совсем недалеко, мой государь. Им нельзя разлучаться сейчас, в ближайшие дни. Вместе они избегнут опасности, порознь могут погибнуть. Вы же знаете, достаточно убить одного из них, а второй...

— Второй его не переживет. Ну и что мне с ними делать? Запереть во дворце?

— Отправить подальше. Помните, Даль рассказывал о погибшем путешественнике, которого мы нашли в самом начале нашего пути? Тогда мы сами себе пообещали доставить его семье послание и трофей. Почему бы мастеру и ученице не исполнить задуманное?

— Очень хорошая мысль, миледи, просто прекрасная. А для надежности я отправлю с ними Даля. Вы сами не хотите поехать?

— Я нужна ему. — Кеми кивнула на спящего Трома, — Один он может наделать глупостей. Понимаете, ему просто необходимо чувствовать себя полезным, знать, что без него невозможно обойтись...

— Вот как? Значит, работа в особом хранилище артефактов пойдет ему на пользу. Пусть знает, что необходим короне. Кроме всего прочего, мне просто интересно, как он справится с целой горой малопонятных древних шукувин.

Тайри быстро устала от шума толпы, громкой музыки и треска фейерверков. Орни и Даль потерялись где-то среди танцующих, а наставник и ученица нырнули в тихие в этот час аллеи парка.

— Проводить тебя домой? — грустно спросил ваюмн. Столько времени он имел возможность днем и ночью быть рядом с любимой, но все хорошее имеет свойство заканчиваться...

— Не надо. Тем более, что я туда пока не собираюсь. Сказала своим, что иду праздновать, и когда вернусь — не знаю. Представляешь, они даже не возражали! Увидели меня живой-здоровой, значит, все в порядке, и волноваться не о чем.

Мастер чуть было не пригласил Тайри к себе, но вовремя спохватился, испугавшись, что леди его неправильно поймет. Или правильно, это как посмотреть. В любом случае, ваюмну не хотелось сейчас все испортить.

— Есть какие-нибудь идеи?

— Никаких, я просто не успела об этом как следует задуматься. В последние сутки все так быстро происходит...

— А "Улитка"? — хитро улыбнулся мастер.

— Ты смеешься или издеваешься? "Улитка" после ужина у его величества? — Тайри укоризненно посмотрела на наставника, — В меня столько не влезет.

— Уверена? Терпкое вино и сырное печенье...

— Точно, издеваешься. Какое, к демонам, печенье... Мне очень тревожно с самого Гарраята, Гай, и совершенно не хочется оставлять тебя одного. Думала, что все это пройдет, как только мы вернемся домой, но нет, стало только хуже.

— Что с нами может случиться дома, родная? Ни-че-го! — Мастер подхватил юную леди на руки и закружил, почувствовав себя мальчишкой. — Выбрось все из головы. Знаешь что, пойдём кататься на лодке. Пока еще погода позволяет, а рассветы на реке просто великолепные...

— Поставь, где взял, — Тайри пыталась остаться серьезной, но разве это возможно, когда тебя носят на руках и смотрят такими глазами? — Где ты лодку возьмешь — сейчас-то?

— У меня один знакомый живет прямо на пристани, у него в любое время суток можно лодку найти. А рядом Серебряный мост, с него видно всю праздничную набережную. Ты же любишь смотреть на огни.

Они еще успели полюбоваться разноцветными гирляндами и фонарями с моста, а вот встретить рассвет на реке уже не удалось. Их нашел посыльный в ливрее императорского дома и передал послание, как оказалось — не от императора. В записке значилось: "Уже соскучился. Приходите, когда сможете. Даль".

— Командир в своем репертуаре, — вздохнула леди Даллет, — или это его брат что-то придумал на наши головы?

— Если угодно, экипаж в вашем распоряжении, — слуга указал на изящную повозку, запряженную парой породистых лошадок, — граф Изар ждет вас у себя.

— Едем? — сонно спросила Тайри.

— Глупо отказываться, да и не хочется, — Гай понял, что рад очередному

приключению, ведь ему не надо расставаться с ученицей. Неужели судьба сегодня раздает подарки в честь праздника?

Дом сводного брата его величества был отражением самого Адалера: элегантный, строгий и холодный снаружи, но очень теплый и уютный изнутри.

— Хозяин уже спит, вас очень долго искали, — шепотом сообщил пожилой камердинер, — разрешите, я провожу вас...

**** **

Косые солнечные лучи, заставившие Гая проснуться, давали понять, что день давно перевалил за половину. Мастер с наслаждением потянулся, умылся ледяной водой (а у "снежного Льоффа" другая в доме бывает?) облачился в заботливо вычищенную и выглаженную одежду. Ну надо же, о гребне тоже не забыли, с благодарностью подумал он, расчесывая отросшие за время экспедиции волосы. В окно ворвался по-летнему теплый ветерок, взмахнул легкими занавесками, позвенел хрустальными подвесками на люстре и умчался обратно в сад. Гай вышел на неширокую крытую веранду, тянущуюся вдоль всего внутреннего дворика. Первое, что он увидел, заставило его смутиться, покраснеть и замереть, затаив дыхание. Потому что отказать себе в подобном зрелище он оказался не в силах.

Тайри полулежала в большом плетеном кресле с книгой в руках и водрузив стройные ноги на перила веранды. Шелковая ночная рубашка, вверху весьма целомудренная, сползла, открывая ноги юной леди выше... гм, много выше колен. Рядом на полу валялся плед, который, видимо, обладательница стройных ног посчитала лишним. Мастеру хотелось, чтобы ученица как можно дольше не замечала его присутствия, но желанию не суждено было осуществиться.

— Доброе утро, наставник, — промурлыкала девушка, не отрываясь от чтения.

— И вам тоже, леди, — Гай честно попытался смотреть на что-нибудь другое, но даже роскошные поздние розы не смогли соперничать с изящными линиями груди и шеи, подсвеченными солнечными лучами.

— Гай, не надо так на меня смотреть, а то я скоро дымиться начну.

— Я хотел бы, но не могу, — честно признался ваюмн.

— Можно подумать, ты женщин никогда не видел.

— Видел, признаю, и довольно близко, но вот конкретно эту женщину... Тайри, у тебя совесть есть?! Я не каменный!

Юная леди встала и, с блаженной улыбкой, совершенно по-кошачьи потянулась. Голубой шелк рубашки, разумеется, тут же окутал хозяйку до самых пят, но он был слишком тонким, чтобы хоть что-то скрыть по-настоящему. Да еще совершенно бесстыжий ветер так его прижал, обрисовывая все линии тела с беспощадной для мастера точностью.

— Ну надо же, какое совпадение, — протянула Тайри, — я тоже. И долго мы будем вот так?..

— Тайр-р-ри... — у Гая вырвался почти звериный грудной рык, — пр-р-р-рекрати, пожалуйста.

Вежливое покашливание, раздавшееся из комнаты, заставило ваюмна обернуться. Тайри с невозмутимым видом подхватила плед, набросила его на плечи и удалилась к себе.

— Прости, Гай, я думал, ты один, — вместо приветствия смущенно пробормотал Адалер.

— Я и есть один, — вздохнул ваюмн, не зная, радоваться ему или огорчаться, — вышел

вот прогуляться, тоже думал, что никому не помешаю...

— А я тебе все испортил, — хозяин дома выглядел совсем уж виноватым.

— Перестань, Даль, что тут можно испортить...

— Ладно, молчу. Ты завтракать идешь? Мы с Орни заждались уже вас, засонь.

— Идем, разумеется, — с веранды зашла Тайри, и мастер снова залюбовался ею. Платье было строгим, но темно-золотистый бархат заставлял кожу сиять, а фасон делал ее хрупкой и очень нежной. И действовало это ничуть не хуже невесомой ночной рубашки. Гай осторожно выдохнул, пытаясь перестать думать о том, что если убрать упрямую медовую прядь и коснуться губами вот тут, чуть ниже уха с маленькой янтарной сережкой...

— Гай, ты теперь все время будешь от меня прятаться и обжигать взглядами на расстоянии?

— Миледи, мы в столице, здесь слишком много глаз и ушей... — попытался образумить ученицу мастер.

— Не у меня в доме, — лучезарно улыбнулся Даль и ускорил шаг, намеренно оставляя их вдвоем.

— Тайри, ты все еще моя ученица...

— Да. И меня удивляет, что ты не чувствуешь...

— Чего?

— Времени, Гай. Его не хватает, точно воздуха, я это поняла еще там, на Запретном континенте. Как будто чья-то рука перевернула невидимые песочные часы, и наших с тобой песчинок остается все меньше.

Ваюмн вздрогнул и отвернулся, чтобы не выдать отчаяние. Он надеялся, что ощущение пропасти под ногами и странные мучительные сны, что появились еще до Гарраята — всего лишь плод его постоянных раздумий над неизбежным будущим. Но когда в его сны вошла дочь — точно тихий и незаметный зритель спектакля, надежда начала таять. Гай не видел ее четко: размытой тенью, тонким силуэтом, сияющим контуром на фоне неба. Пока она молчала, Гай еще мог думать, что ошибается. Но голос юной копии Ноа, ее смех с налетом издевки не оставил ни малейших сомнений. В последние несколько суток мастер спал очень мало, урывками, и поэтому, наверное, почти забыл о своей тревоге.

— Что нам делать, моя леди? — с болью в голосе тихо произнес он, — Видит Создатель, если бы я мог все изменить...

— Жить, Гай, просто жить. Я думаю, это единственное, что нам оставили.

К столу они пришли невеселыми, но спокойными. За десертом Адалер напомнил им историю о погибшем в скалах смельчаке.

— Не хотите составить нам с Орни компанию и отвезти его семье трофей и амулет?

— Хотим, — за двоих ответила леди Даллет, — тем более это почти мои родовые владения.

Сборы не были долгими. Наставник и его ученица сами себе боялись признаться, насколько они рады новому шансу еще какое-то время не разлучаться.

**** *
**** *
**** *

Дивен-на-Йонне, в котором жила семья погибшего на Запретном континенте дворянина, был тихим, чистеньким и очень небольшим. Оставив вещи в понравившейся гостинице, такой же чистенькой и небольшой, как сам город, а также задав несколько вопросов хозяину, сопроводив их звонкой монетой, друзья получили исчерпывающие сведения, где и как живет вдова путешественника.

Особняк ор Дивов, безусловно, раньше был красив, но сейчас выглядел мрачным и обветшалым. Светлая штукатурка потемнела и покрылась пятнами плесени, яркая когда-то мозаика потускнела и местами осыпалась, от лепнины на фронте остались одни воспоминания. Давно запущенный сад зарос сорными кустарниками, дорожки почти поглотила трава. На этом унылом фоне маленьким чудом выглядел ухоженный цветник в форме подковы и сияющий белоснежным мрамором маленький фонтан-чаша в его центре. Очевидно, что люди, обитающие здесь, тоже знавали лучшие времена.

Даль постучал в добротную, но давно облупившуюся дверь. Звякнула цепочка. Им открыла хозяйка — нестарая, но совершенно седая женщина в строгом темном платье.

— Господа, вы на счет долгов? Я ведь уже просила отсрочки, хотя бы до конца года. Найти желающих купить этот дом совсем непросто...

— Вы — леди Лора ор Див? — осведомился безупречно вежливо граф Изар.

— Да, это я. Поймите, моя старшая дочь больна, это требует...

— Миледи, мы здесь вовсе не для того, чтобы требовать с вас долги. Дело в том, что мы... нашли вашего мужа. К сожалению...

— Погибшим, — голос хозяйки дрогнул, но она выдержала, — я знала... Он так хотел вылечить нашу девочку, вот и хватался за невозможное. А теперь его не вернешь... Знаете, нам на свадьбу знакомый маг подарил парные талисманы, которые всегда верно показывали, что происходит с нами. Белый огонек — все в порядке, красный — болезнь, зеленый — опасность... В тот день его талисман стал черным. Что ж, значит, буду что-то придумывать сама...

— Мам, кто там? — раздался сверху ломкий мальчишеский голос. — Если кредиторы — гони их в шею...

— Это Эдвин, мой младший, — быстро зашептала женщина, — не говорите ему, он все еще надеется...

По лестнице спустился подросток — угловатый, нескладный, худой, с узким некрасивым лицом и темными волосами, торчащими в разные стороны.

— Мама, зачем ты им открыла?!

— Милорд Эдвин ор Див, я полагаю? Мы прибыли, чтобы передать вам весточку от вашего отца. Мы случайно познакомились с ним на острове Гронн, остановились в одной таверне, — конечно, Далю пришлось сочинять прямо на ходу, но как было поступить иначе?

— Да? И как он? Это было давно? — из парня вопросы посыпались, как горох из дырявого мешка.

— Чуть больше полугода назад, — ответила Тайри, — он был здоров, бодр и собирался снова отправиться туда, где побывал до этого. Хотел добыть побольше интересных старинных вещей, которые здесь пользуются немалым спросом. Он просил передать вот это лично вам, — леди Даллет сняла с шеи коралловый амулет-веточку, — и еще вот это, — в руки мальчика лег кошелек гроннской работы из кожи тюленя, туго набитый монетами.

Сын погибшего путешественника заглянул внутрь — не удержался.

— Мам, тут золото! Теперь мы наверняка расплатимся со всеми долгами! — радостно воскликнул Эдвин и тут же сник, — жаль, что он для Ливи ничего не передал.

— Ну почему же... Ливи — ваша сестра?

— Да, только она болеет...давно уже.

— Ваш батюшка рассказывал. Для нее он передал вот это, сказал, что должно обязательно помочь, — Адалер достал из сумки каменный флакон, — только не открывайте

прямо сейчас. Он магически запечатан. Нужно разрезать красные нити так, чтобы на них падал прямой солнечный свет.

— Если вы позволите, я бы взглянула на вашу дочь поближе, — обратилась Тайри к хозяйке дома.

— Не волнуйтесь, леди Даллет — опытный целитель. Лично я обязан ей жизнью, — добавил лорд Изар.

— Эдвин, проводи миледи...

Когда шаги мальчика и Тайри затихли в глубине дома, брат императора протянул вдове путешественника хрустальный шарик на цепочке.

— Это же... Это детский амулет Ливи, он брал его с собой...

— Это его последнее послание, миледи. Он ведь почти дошел до безопасных мест.

— Как он погиб? — прошептала женщина.

— Случайно. Попал под камнепад в очень узком горном проходе.

— О Создатель... — хозяйка на минуту закрыла руками лицо, — спасибо вам. Он ведь не напрасно поехал, я теперь знаю, но лучше бы... — она вдруг спохватилась. — Простите, господа, что ж мы тут-то стоим. Проходите в гостиную, присаживайтесь...

— Дождитесь меня, хорошо? — Гай тоже что-то вспомнил, подмигнул Орни, хлопнул по плечу Даля, сотворил Короткий переход и исчез.

— Так вы маги! — восхищенно выдохнули с лестницы.

— Эдвин, почему ты оставил гостью одну? — строго спросила его мать.

— Госпожа целительница очень просила ей не мешать.

— А ты, как водится, задавал слишком много вопросов?

— Ну... — мальчишка потупился.

— Будьте смелее, молодой человек, задайте их нам, — подзадорила его Орнери, — так ждать будет веселее. Не стесняйтесь.

Эдвин и не думал стесняться.

— А чего это такое сотворил ваш друг? И куда он подался?

— Куда подался, увы, мы знать не можем, — усмехнулся брат его величества, — а сотворил он портал, называемый Коротким переходом. По такому переходу можно попасть почти в любую точку нашего мира. Нужно только, чтобы в месте назначения была твердая почва под ногами, ну и точно знать ряд вещей, которые мы, маги, называем ориентирами привязки.

— А научите?

— Это не ко мне, молодой человек. Это вам мастера Гайдиара надо просить, или хоть нашу целительницу — она тоже умеет. Скажу вам по секрету, порталы строить далеко не каждый может научиться. Меня вот сколько учили, а до сих пор ничего не получается.

Эдвин огорченно вздохнул.

— Значит, не судьба...

— Снова ерунду говорите, юноша, — строго сказала Орни, — вас кто-нибудь проверял? Учил азам магии?

— У нас не было денег, чтобы заплатить здешним магам, — тут же нахмурился мальчишка, — а сам я откуда могу знать?

— Ну вот к примеру... — леди-птица задумалась, — огонь кажется вам опасным, или наоборот, дружелюбным? Вы можете отличить на вкус и запах воду из различных источников? Снятся ли вам яркие, но совершенно непонятные сны? Вы видели когда-нибудь

существ, которых не можете описать, или же встречали их только в книжках?

— Воду могу, да. И плаваю, как рыба, даже в холодной воде осенью. А в нашем фонтане живет такая... тоненькая, с синими волосами. Руки все в чешуе, волосы до пят, а на шею ожерелье с жемчужиной.

— Эд, что за глупости ты говоришь!

— Мам, я видел ее! Она смотрит на дом и плачет! Меня она не боится, а от тебя прячется на дне!

— Так-так... А ну-ка положите на ладонь, молодой человек, посмотрим, что камень скажет, — Даль снял с пальца невзрачный с виду перстень с мутно-белым камнем, — очень интересно...

Камень на ладони у мальчика стал прозрачным, а потом покрылся тонкими синими линиями.

— Миледи, я могу с полной уверенностью сказать, что ваш сын — прирожденный маг водной стихии. Люди иногда ошибаются, но древние талисманы — никогда. Ему нужно учиться.

— Милорд, мы не в том положении, чтобы нанимать учителей...

— Не беспокойтесь, леди Лора. Это решается проще, чем вам кажется. Возможно, вы не знали, но его величество создал специальную школу для таких, как Эдвин. Обучение и полный пансион за счет короны, — улыбнулся Адалер.

В комнату вошла Тайри, судя по всему, вполне удовлетворенная сделанным.

— Не знаю, кто вас консультировал, миледи, но случай вполне излечимый. С эликсиром, что добыл ваш супруг, безусловно, дело пойдет намного быстрее и практически совсем без последствий. По одной капле в питье каждый день, и через месяц ваша дочь забудет, что вообще была больна. Друзья мои, а куда вы подевали Гая?

— Сами бы хотели это знать, — пожала плечами леди-птица, — он что-то вспомнил и сбежал Коротким переходом. Как раз тебя хотели спросить, что это ему в голову взбрело.

— А то, что мы все упустили, — ваюмн шагнул из портала с двумя объемистыми корзинами, — ходить в гости с пустыми руками — дурной тон. Подарки от милорда ор Дива мы передали, но оказались настолько невежливы, что позабыли о своих. Вот, распаковывайте...

— Судя по запахам, мастер, вы все это притащили из "Улитки", — с уверенностью заявила Тайри, — так что смело ставьте содержимое корзин на стол, молодой человек, и вы, леди. Там готовят очень вкусно. Ручаюсь.

— Ого, да у нас сегодня праздник? — округлил глаза сын путешественника.

— Для праздника пока нет повода. Просто дружеский обед, — смущенно ответил Даль.

— А про эту... школу для магов вы правду сказали? Меня туда точно возьмут?

— Истинную правду. К началу нынешнего учебного года мы уже опоздали, но это как раз к лучшему. Твоей матушке и сестре пока еще нужна твоя помощь, а за оставшееся время я сам кое-чему тебя научу. Леди Даллет, поможете мне с порталами?

— В любой момент, только позовите, лорд Изар.

**** *
**** *
**** *

— Ты хорошо придумала с гроннским кошельком, — сказал Даль, когда они вернулись в гостиницу.

— А что еще я могла сделать? — пожала плечами Тайри, — Им ведь надо как-то жить. Народ здесь гордый, просто так они помощи не приняли бы. Вдова, разумеется, все поняла,

но признать это при мальчишке... Она же сама попросила нас не говорить ему правды.

— Мы возвращаемся домой или путешествуем дальше? — спросила Орнери, явно рассчитывая на последнее.

— Насколько я помню географию, — хитро улыбнулся мастер, — где-то рядом расположен Даллет-Нест, а Тайри обещала показать нам свое родовое имение.

— Самое старинное и, соответственно, самое любимое, — кивнула леди Даллет, — только я там не была давненько.

Старинный маленький замок стоял на холме у впадения неширокой быстрой речки в красивое озеро. Укреплений вокруг него не было, если не считать древнюю стену, сплошь заросшую девичьим виноградом. Само место было удивительно мирным, здесь хотелось остаться если не навсегда, то, по крайней мере, надолго.

— Река — это известный вам Йонн, впадает он в Зеркало Семи Королев, — пояснила Тайри, — ну а поместье вы сами видите. Мы сохраняем его тщательно, с большой любовью и почтением. Так повелось, что старшие в роду проводят здесь не менее трех месяцев в году. Мы с отцом любим бывать осенью, ведь такую красоту почти нигде не встретишь.

— А куда ведет вон та дорога? — поинтересовался Даль.

— За холмами лежит Авлинг — торговый город, известный чуть ли не на всю империю своими ярмарками. Осенняя, наверное, еще не закончилась.

— Гай, как ты там говорил на счет походов в гости с пустыми руками? Не рискуем ли мы вторично наступить на те же грабли? И нет ли в упомянутом Авлинге, кроме ярмарки, еще чего-нибудь интересного?

— Если не ошибаюсь, в Авлинге сохранился очень древний храм на берегу озера, посвященный водной стихии и ее хозяевам, — ответил ваюмн.

— А еще там лучшие в округе пекарни, — припомнила Тайри.

— Я — за пироги! — тут же подхватила идею Орнери.

— А я хочу увидеть храм, — Даль тоже был не против прогуляться.

Самой же леди Даллет в торговый город совершенно не хотелось. Предчувствие, и без того ноющей иглой засевшее в сердце, сейчас ворочалось и выпускало шипы.

— Господа маги, а завтра в Авлинг никак нельзя съездить? Вам не терпится именно сегодня? Как хотите, а у меня совершенно не лежит душа туда идти.

— Тебя все еще не отпустил Запретный континент, опасности на пустом месте мерещатся? — отмахнулся обычно осторожный Даль, — перестань, с нами тебе ничего не грозит...

Открывая портал, Тайри думала, какие демоны ее дернули рассказать про Авлинг с его торговыми рядами, чудесными пекарнями и прочими достопримечательностями именно сейчас. А еще она напрочь забыла, насколько многолюдны здешние ярмарки, какими пестрыми становятся абсолютно все здешние улицы и сколько звуков, запахов и красок обрушивается на тебя одновременно, стоит тебе попасть в ярмарочный круговорот. Можно просто засмотреться, растеряться, потерять бдительность или друг друга...

Несмотря на все это, город совершенно чаровал новых гостей своей особой мирной и светлой атмосферой. Несмотря на повсеместную торговлю, кричащих зазывал и обилие народа, на улицах и площадях царил порядок и чистота. Поражало количество осенних цветов — видимо, горожане очень любили их и умели выращивать. Изящное здание ратуши, голубые с золотом шпили храма Создателя Милосердного, трехэтажные особняки за красивыми коваными оградами — все, как везде, и все особенное. А посреди этого всего —

огромная площадь с торговыми рядами, впрочем, и на прилегающих к ней улицах и переулках, и даже в городском парке — сплошь стояли палатки, телеги или просто столы с товаром. На импровизированных подмостках шли представления, а по натянутым прямо над площадью канатам двигались жонглирующие яркими цветными шарами и горящими булавами циркачи. В галдящей, жующей, празднично одетой толпе — только улыбающиеся лица, а музыка, звучащая то там, то здесь вполне приятна слуху. Даже зазывалы и лоточники не слишком навязчивы. Все, окружавшее магов будто говорило: здесь жизнь течет, как ей и положено, здесь весело и безопасно, здесь праздник, а поэтому — забудьте о проблемах и радуйтесь! В самом деле, почему бы не окунуться в это веселье, хоть на час? Они так и поступили, назначив местом встречи портик храма — самое тихое место на площади.

Орнери тут же направилась к оружейным рядам, Даль нашел себе проводника и убрел к тому самому древнему храму родной стихии, а Тайри и Гай просто бродили среди многочисленных лавочек и палаток, пока им не пришла мысль заглянуть в ту самую знаменитую пекарню и не купить к вечерней трапезе пирогов. Путь туда лежал через Самоцветный ряд, где от творений ювелиров просто рябило в глазах. Тайри на минуту отвлеклась, заглядевшись на яркие гранаты в серебре. Именно такой подарок она давно искала для Одри. Гай тоже увидел что-то привлекательное, шепнул ей:

— Я быстро, ты не волнуйся, иди в пекарню. Я догоню, — и нырнул в соседнюю лавочку, куда более дорогую.

«Все понятно», — подумала леди Даллет, расплатилась за гранатовый кулон и серьги и отправилась дальше. Вскоре ее руку оттягивала корзина с пирогами, а наставник так и не появился. Тайри подождала с четверть часа, на большее ее не хватило. Она почти бегом вернулась в Самоцветный ряд, заглянула в ту самую лавочку, надеясь найти ваюмна. Возможно, он просто никак не может выбрать? Но мастера там не оказалось. Хозяин заведения в ответ на вопрос обеспокоенной леди сказал:

— Да он уж выбрал, ему купить не дали. Думаете, мне очень нравится, когда покупателей так по-свински прямо от прилавка уводят?! Заявился какой-то человечек в мегринской чалме, в этой их джохе, по самый нос намотанной... Подошел к вашему другу, нашептал ему что-то, и тот пошел за ним, как овечка на привязи. Даже на серьги не взглянул...

Это было плохо, очень плохо. Полбеда, если человечек — просто конкурент, и Гая затащили смотреть знаменитое мегринское золото, имевшее нежно-розовый оттенок. А если нет? Наряд — сплошная обманка, ведь все вокруг запомнят яркую чалму и полосатую накидку-джоху. Скинет он их — и нет никакого мегринца, растворился, а обычного местного жителя или даже столичного гостя никто и не различит в толпе. Тайри обежала все мегринские лавки, но там никто не видел худого милорда с хитрым узором на лбу. Леди Даллет бросилась на площадь, к месту встречи: а вдруг Гай, задержавшись где-то, сразу пошел туда? Орнери и Даль уже ждали, сидя на ступенях храма.

— Что-то вы долго, — произнес почти недовольно брат императора, — да еще и порознь... Где ты потеряла наставника?

— Он заглянул в ювелирную лавку, там к нему подошел кто-то, и Гай последовал за этим человеком как привязанный. Я, к сожалению, была в другом месте. Надеюсь, еще не поздно его искать.

— О Творец... Кеми еще во дворце, сказала брату, что вам нельзя разлучаться! — схватился за голову Адалер, — поодиночке вам грозит опасность. Орни, стой здесь и жди

нас, а мы пойдём искать. Никаких возражений! Тайри, ты же чувствуешь наставника, да? Значит, сможешь указать направление.

Юная леди сосредоточилась, выделяя из всех ощущений нужные, а потом сорвалась с места. Даль едва за ней поспевал. Обойдя по периметру площадь, они миновали одну улицу, свернули на вторую, потом, умерив скорость, осторожно подошли к узкому полутемному переулку. Несколько палаток, что ютились тут, были уже закрыты. В самом конце одинокий фонарь слабо обрисовывал две фигуры: знакомую изящную — мужскую, и статную, тяжеловатую — женскую. Тайри и Даль, скрываясь в глубокой тени, подкрались ближе. "Чуткое ухо" творить не пришлось: дама говорила не таясь, низким и властным голосом.

— Ты — мерзкий предатель и сын предателя! Поклоняющийся предателю еще более отвратительному! Как ты посмел променять преданность богине и свой долг перед народом на какую-то местную девку! Впрочем, чего ожидать, если даже твой Предстоящий — ни на что не способный трус!

— Заткнись, Мола!!! Не тебе судить моих родителей и, тем более, моего Предстоящего! Дитя вашего покровителя нашлось — вот и будь этим довольна! А мои долги — не твоя забота, и не тебе их с меня спрашивать! — Мастер Гайдиар еще сдерживался, но гнев уже звенел в его голосе.

— Не смей так со мной разговаривать, предатель! Тот, кто спутался с грязной примитивной тварью, не достоин не только служения детям Предстоящих, он не достоин называться человеком!

— Можешь плевать ругательствами сколько угодно, только без меня. Я занят. И не смей оскорблять мою ученицу, Мола. Предупреждаю тебя первый и последний раз.

— А то что? Убьешь меня? — глумливо расхохоталась женщина.

— Кстати, неплохая мысль. Ты ведь меня уже приговорила, не так ли?

— Не я! Все те, кто ждет! — пафосно воскликнула дама, — я лишь их орудие, не знающее промаха!

Она замахнулась, в поднятой руке тускло блеснул странный — широкий и короткий, с неровными краями кинжал. Каменный?

Даль бросил какое-то заклятье, и женщина застыла, точно замороженная.

— Быстрее! Оно долго ее не продержит! — крикнул "снежный Льюфф".

Тайри сразу поняла, кто эта мстительница и откуда. А еще она была уверена, что удар этим кинжалом оказался бы для Гая смертельным, никакие целители не спасли бы.

Возможно, ее решение было неправильным, жестоким, каким угодно, но юная леди не раздумывала. Открыв выход на Тропу, она вышвырнула туда уже почти "оттаявшую" даму, предварительно выбив кинжал из ее руки.

— Дай сюда, — Адалер раскрыл уже испытанную на Запретном континенте невзрачную сумку, — вот так, теперь он никому не повредит. Слава Творцу, успели...

Тайри ничего не сказала, просто крепко обняла напряженного, совсем незнакомого и как-то враз постаревшего наставника, взяла его за руку и потащила за собой.

С площади в Даллет-Нест они ушли порталом. В родовом гнезде гостей, конечно, не ждали, но обрадовались искренне. Камин в гостиной горел, вина из погребов принесли мгновенно, а пироги и прочее съестное разогрели и немедленно подали к столу. Гай виновато молчал, остальные пытались хоть как-то развеять мрачную атмосферу этого вечера. То ли Адалер нашел нужные слова, то ли молодое здешнее вино подействовало, но постепенно даже ваюмн разговорился и рассказал пару забавных случаев из своей долгой

практики. На четвертом или пятом шутиливом тосте Даль поперхнулся и тихо выругался.

— Что случилось? — удивленно подняла брови Орнери, — в этой бутылке точно не уксус.

— Не в бутылке, в бокале, — скривился командир, — Не уксус, конечно, но тоже не то, что ожидалось. Нет, ну вот почему всегда так?! — обращаясь, очевидно, к небесам, с чувством произнес брат императора.

— О, мне все ясно, — леди-птица пригубила содержимое его бокала, — нас зовет домой его величество.

— Морская вода? — уточнила Тайри.

— Она самая. Эх, только собрались отдохнуть...

— Дома отдохнем, — устало махнул рукой граф Изар, — может быть. Наверное. Если повезет. Постройшь Короткий переход? — спросил он ваюмна.

— Куда изволите? — с готовностью откликнулся мастер.

— Во дворец, конечно. Если мой венценосный брат воспользовался именно этим способом связи, значит, я ему нужен срочно, — печально сообщил Даль, — на счет остальных не знаю.

Собственно, так и оказалось. Очень обеспокоенный чем-то и непривычно хмурый император увел с собой брата, попросив леди-птицу оставаться во дворце, а Тайри и мастера отпустил домой. Видимо, те же самые демоны, что нашептали про Авлинг и пироги, на этот раз дернули их обоих напрочь забыть о порталах и преспокойно отправиться через город пешком. Юная леди шла рядом с наставником, как в тумане, пытаясь выбросить из мыслей пережитый ужас и желание оказаться вместе с Гаем в какой-нибудь неприступной крепости. Или на никому не известном острове, чтобы ни одна фанатичная тварь...

— Тайри, что ты делаешь? Леди не должна провожать мужчину до дверей дома, если только ему не пять лет, и она не его нянька.

А она и не заметила, что оказалась рядом с домом мастера. Это надо же было так задуматься...

— Сейчас верну тебя домой, я пока еще не научился строить Короткие переходы.

— Я тоже. Но, убедившись, что ты дома, я хотя бы буду спокойна.

— В Столице ничего...

— Одно "ничего не случится" я сегодня еле пережила, да и ты тоже.

— Ох... Ты и сейчас спокойна не будешь, а это никуда не годится. Я слишком хорошо тебя знаю.

— Мне придется, Гай. Придется уйти и успокоиться... Честное слово, идти по Тропе после Гарраята было легче, чем это сделать, — вздохнула леди Даллет.

— Останься, — голос наставника дрогнул, это была почти мольба, — прошу тебя.

— Тебе тоже кажется, что сейчас это единственно правильное решение?

— Мне не кажется. Я уверен. Тайри, я не хочу тебя отпускать, и вовсе не потому, что в одиночестве мне грозит что-то... Да, я знаю, что не имею права, но... — Гай говорил тихо, а Тайри казалось, что он почти кричит — наверное, потому, что сейчас все эмоции любимого наставника ощущались, как свои собственные.

Леди молча поднялась по ступенькам к двери.

— Откроешь?

— А вдруг там кошмарное логово древнего чудовища?

— Не кошмарнее твоего кабинета в Академии, я полагаю. А чудовище вполне себе

милое. Жизнь доказала, что древние чудовища — совершенно очаровательные существа. Некоторые из них обладают умом и сообразительностью.

— Откуда такие сведения? — мастер приложил ладонь, и дверь распахнулась.

— Книги, рассказы очевидцев, наблюдения.

— Наблюдения, значит... Шутить изволите, миледи? — он потянулся к шандалу со свечами, но Тайри остановила его.

— Не надо, не зажигай.

Нет так нет — в темноте оба видели вполне сносно. Гай притянул девушку к себе, привычно зарылся носом в пахнущие жасмином и горькими травами волосы.

— погоди, — шепнула она, — я никому не позволю нас потревожить.

Тайри творила защиту. Точно многослойная броня, маленький дом в старинном квартале укрывали чары молчания, чары, отводящие глаза, защитные чары, способные выдержать серьезное физическое и магическое нападение... Нити волшебства вплетались в перекрытия, стены, фундамент; вращались в пол и крышу, пронизывали все вокруг, превращая скромное жилище ваюмна в маленькую неприступную крепость.

— Боюсь, ты переполошила сейчас все императорские службы, — восхищенно улыбнулся наставник, когда Тайри завершила задуманное.

— Вот уж о чем я меньше всего беспокоюсь.

— Что же волнует тебя на самом деле?

— Ты.

— Я?! Тоже мне повод...

— Тебя сегодня чуть не убили, — голос в очередной раз ее подвел и выдал больше, чем хотелось бы, да и Создатель с ним. Не время и не место скрывать свои чувства, откладывать на потом разговоры о важном. Можно и не успеть, — у меня до сих пор сердце останавливается, стоит только вспомнить...

— Не надо, родная, не вспоминай, — попросил Гай, прижимая к щеке ее ладонь, — все в прошлом и все обошлось.

— Я попытаюсь. Не хочу думать и помнить ни о ком, кроме тебя. Хотя бы здесь и сейчас, — Тайри решительно обняла мастера, спрятав лицо у него на груди.

— Милая, я не каменный, — хрипло прошептал он, когда ловкие пальчики юной леди разобрались с застежкой его куртки.

— И слава Творцу.

— Ты сводишь меня с ума...

— Не похоже.

— Ах, не похоже!!!

Он знал ее разной: безудержно веселой, беспечной, сосредоточенной, деятельной, дерзкой, разгневанной, печальной, растерянной... Но никогда — такой. Беззаветно доверившейся и отчаянно, бесконечно нежной, трепетной, а еще — горячее. Горячими были руки, горячими были губы, каждое прикосновение которых будило в нем ответный огонь. Тот самый, что с легкостью сжигает все ненужное, наносное, оставляя лишь его — настоящего. Он позабыл все слова, только шептал, как молитву, ее имя — если огонь не перехватывал дыхание. А потом он сам стал огнем, исчез, растворился, отдал себя без остатка и мечтал только об одном — никогда не возвращаться туда, где его ждала разлука с любимой. Лучше уж стать невесомым горьким пеплом, чем увидеть когда-нибудь ее слезы.

В самый темный предрассветный час из осеннего тумана соткалась тонкая девичья фигурка. Никаких деталей, лишь силуэт, чуть более яркий, чем тьма вокруг. Она подошла к одному из домов и, запрокинув голову, долго смотрела на окно невысокого второго этажа.

— Спице... — едва слышно прошептала она. — Это хорошо. Никто не удивится, если кое-кто не проснется. Тот, кто мешает, должен уйти...

Блеклые искры слетели с ее ладоней, но, встретив невидимое препятствие, истаяли, так и не достигнув цели.

— Не вышло и не выйдет, дитя, — произнесла темнота уверенным баритоном, — ты все еще не поняла? Это не твой мир, и, тем более, не твое время. Возвращайся, откуда пришла, и жди своего часа.

Силуэт задрожал и растаял, а вместо него появилась совсем иная фигура: высокая, широкоплечая — мужская, закутанная с головы до ног в плащ цвета песка. Лицо тонуло в капюшоне, из кармана свисали длинные жемчужные четки, слегка светившиеся в темноте. Новый наблюдатель неуловимым движением руки сотворил из тумана ступеньки, легко поднялся к окну на втором этаже и замер, задумавшись.

— Не трогай их, пожалуйста, — прозвенело чистой капелью откуда-то снизу.

— И не собирался, — с доброй усмешкой ответил высокий, — засмотрелся просто, как много всего у некоторых случится. Не хочешь ли сама взглянуть, Хрустальный голосок?

Невысокая хрупкая девушка в серебристом наряде осторожно ступила на призрачную лестницу.

— Не бойся, она не рассыплется.

— Что тебя привлекло? Любовь тут случилась, и я ни за что не поверю, что ты пришел сюда смотреть на влюбленных. Ты их видел...

— Видел от рождения мира множество и, надеюсь, увижу еще не раз до его гибели, — высокий примирительно поднял руки, — ты зря подумала дурное, Хрустальный голосок. Лучше представь, что каждый отпущенный им день жизни — это крохотная бусинка в ожерелье. А теперь взгляни сама...

В едва освещенной слабым уличным фонарем комнате спали двое: счастливо улыбающийся своим грезам мужчина и обнявшая его юная женщина. Вот на нежной шее женщины проявилась одна нитка бус, за ней другая — длиннее, третья... У мужчины тоже появилось ожерелье, короче и проще.

— Видишь те, что сияют золотом у обоих? — спросил высокий, — Это их счастье. А за ними — багровые — это дни перед расставанием. Про черные сама догадаешься? Молодец, Хрустальный голосок.

— А дальше? Почему у него все бусины одинаковые?

— Одинаковые, но особенные. Серые с золотым налетом воспоминаний. Это единственное, что ему останется. Недолгая жизнь и такая же надежда. Если он не сделает нечто, способное изменить всё. Иногда такое возможно. А вот ей... Ей обещано многое, хоть и не даром. Видишь, тут совсем темно, а за этим идут ярко-алые — очередная победа над чьей-то смертью. Вон там ровные голубоватые: она успокоится и перестанет себя терзать. А вот светлое серебро: радость долгожданной встречи, обретение потерянного.

— Смотри, там, в середине четвертой нити снова сияет золото! Только...

— Да, очень нескоро и после тяжелых испытаний. Некоторым нужно потрясение, чтобы снова начать жить. Видишь, среди золота одна бусина сверкает алмазом? Это называется исполненное предназначение. Увы, наша леди — судьба совсем другого... мужчины.

— Что означают мутно-зеленые бусины? Я вижу их довольно много.

— У тебя зоркие глаза, Хрустальный голосок. Это разочарования, боль, обиды. Что еще ты видишь?

— Кое-где между бусинами есть промежутки, а одна нитка почти пустая...

— Да. Несколько раз она будет на пороге смерти. А пустая нитка... Эта девочка отдаст всё свое оставшееся время, чтобы жил кто-то другой. Иногда ведь достаточно произнести пару слов, чтобы тебя услышали.

— Это, наверное, очень страшно — умирать осознанно.

— Ей не будет страшно, поверь. Все свои страхи она оставит в прошлом.

— А он?

— Он вряд ли ее переживет, и, возможно, даже догадается, что любимой больше нет... И, скорее всего, встретится с ней — за Гранью. Тот, кто держит нашу Вселенную на ладони, почему-то любит самых слабых, ставших сильнее сильных, сумевших пронести через все испытания каплю его огня...

— Ты, получается, смертных не любишь?

— Я беспристрастен... в каждый конкретный момент. Если ты помнишь, эта девочка должна была стать одной из моих служительниц. Ее ждала удивительная судьба, но она выбрала его.

— И теперь ты мстишь?

Высокий рассмеялся легко и искренне, совсем по-человечески.

— Зачем? Все устроилось к лучшему. Не зря же смертным дано право самим решать очень многое, и выбор этот неприкосновенен. Тем более, что она мне ничего не должна, а вот я, похоже, еще буду ей должен. У нее долгая дорога впереди, так зачем мне мешать? Досмотреть до конца намного интереснее.

— Спасибо за откровенность. Теперь я и мои сородичи будем спокойны.

— Эти двое вам зачем-то нужны? Вы все еще ищете храм?

— Мы надеемся, что эти двое найдут его там, куда нам не попасть.

— Разумно, разумно... Особенно, если учесть, что соотечественники нашего счастливого влюбленного крупно задолжали твоему миру, Хрустальный голосок. И весы склонятся на вашу сторону. Я могу чем-то помочь?

— Ты правда хочешь это сделать или спрашиваешь из вежливости?

— А я часто предлагал помощь?

— Прости, но мы должны быть уверены, — строго и печально произнесла девушка, — сейчас это стало важным не только для нас — для мира. А помощь нам нужна любая. Ты ведь... не только здесь, ты — везде, не привязан ни к какому миру, а значит, видишь их все?

— Почти — лишь за редким исключением. Ты хочешь знать, не видел ли я...

— Да. Если видел — дай им знать, не мучай долгими поисками.

— Что ж, сам пообещал... Я подтолкну их в нужную сторону, Хрустальный голосок. А если я загляну к вам на остров, споете для меня?

— С удовольствием. Ты прекрасный слушатель, Неумолимый.

— И всегда немного отодвигаю закат, не так ли?

Эти двое так и ушли, вспоминая прошлые встречи и смеясь, в ленивые предзвездные

сумерки.

Гай на минуту открыл глаза, притянул к себе свернувшуюся калачиком любимую и снова погрузился в мир счастливых грез. Он хотел только одного: чтобы эта ночь никогда не закончилась.

Тайри проснулась, когда совсем рассвело. Осторожно вынырнув из-под руки Гая, она неслышно прошла по спальне, собирая брошенную вчера куда попало одежду. Тихонько спустилась по узкой лестнице на первый этаж и долго нежилась в маленькой, но очень уютной купальне. Одевшись и наскоро причесав волосы, леди обследовала столь же небольшую, сверкающую чистотой кухню, к сожалению, страдающую полным отсутствием запасов. Ну да, хозяин столько времени не был дома, любая еда испортится... Но проснется-то он голодным, и что прикажете делать? Тайри посмотрелась в зеркало, состроила сама себе грустную рожицу. Хорошо, что плащ на месте, а уж куда идти за вкусным завтраком, она точно знает. Только вот... Юная леди сняла с шеи шнурок со странным амулетом. Поднявшись в спальню (глушащее шаги заклинание летело впереди), она осторожно вложила амулет в ладонь спящего ваюмна, легко поцеловала его в щеку, открыла портал и исчезла.

На этот раз сон и сам не хотел отпускать мастера. Некоторое время он лежал, пытаясь понять, что вообще произошло и что случилось вчера, а вспомнив, огляделся в поисках любимой... Его взгляд наткнулся на ониксовый диск с серебряным зеркальцем в середине.

— Тайри! Тайри!!!

Насмешливая тишина была ответом, и Гай с горестным стоном закрыл лицо руками. Что он натворил?! Нельзя, нельзя было вчера терять голову, нельзя было себе позволять... Наверное, он чем-то обидел ее, и она тихо ушла, даже амулет свой искать не стала. Не хотела лишних разговоров... Самое ужасное было в том, что он не помнил, как сорвал этот обсидиановый диск с ее шеи, наверное, шнурок сам развязался. А что он вообще помнит? Платье помнит, и нижнюю рубашку из ее любимого шелка. Как это было чудесно: прохладная, льнущая к коже ткань и горячие прикосновения. Настолько чудесно, что при всех безумно обострившихся чувствах, Гай хотел, чтобы эти объятия и этот поцелуй длился вечно. Но Тайри как-то так извернулась и выскользнула рыбкой из его рук... и из рубашки. Что и стало последней каплей перед падением в сладостное пламя, после которого вспоминаются лишь чувства и ощущения, а слова тихо отходят на второй план.

Но что ему делать — теперь? Как ее вернуть? В голове почему-то выстраивались картины одна ужасней другой. Возможно, они как-то себя выдали, или их выследили, и Тайри, покинувшую так неосторожно их маленькую крепость, уже бросили в камеру Старой Башни... Или все еще хуже: она, сама не своя от обиды, бросилась ночью на улицу, на нее напали... Из бездны отчаянья его вырвали звуки. Кто-то поднимался по лестнице, напевая веселый мотивчик.

— Гай, милый, чего ты себе напридумывал? У меня чуть сердце не остановилось, — Тайри водрузила на тумбочку у кровати поднос. На нем красовался пузатый кувшин с горячим шоколадом, пара больших кружек и две корзинки — с печеньем и булочками.

— Начнешь тут думать, не обнаружив рядом любимой женщины... Пытался понять, чем обидел тебя и что случилось потом.

— Бедный мой... Выбрось все это из головы.

— Извини, не могу. Голову я потерял еще вчера вечером, — ваюмн вымученно улыбнулся, — я даже не помню, как сорвал с тебя вот это и зачем, — он протянул ей амулет.

— Конечно, не помнишь, потому что ты этого не делал. Это я, уходя, вложила тебе в

ладонь.

— Зачем?

— А зачем нужны обереги? Ты был таким незащищенным... когда спал.

— А сама, значит, пошла, одевшись в броню, — фыркнул наставник, — и как я проморгал-то...

Леди молча показала ему сапфир, с которым не расставалась уже давно.

— О, я и забыл, у тебя ведь есть собственный дракон!

— Не ёрничай. Мы с тобой, похоже, его напугали. Он где-то рядом, но в кристалле его нет, я утром обнаружила.

— Он просто деликатный и хорошо воспитанный. Я им горжусь.

— Ты снова...

— И не думал даже. Я вообще не могу думать почти ни о чем, когда ты рядом.

— А о чем можешь?

— Миледи, ваше лукавство не знает границ, — шутливо возмутился мастер, — мне рассказать или показать? Ну, например, об этом, — Гай потянул ее за руку, Тайри села рядом с ним на кровать, и он немедленно улегся, устроив голову у нее на коленях.

Юная леди смотрела на него с такой нежностью и теплотой, с которой никто и никогда на него не смотрел.

— Как же я рада видеть тебя таким...

— Каким?

— Сияющим. Уверенным. Радостным. Спокойным. Не обремененным тяжкими думами и заботами. Ты весь светишься, и все вокруг светится тебе в ответ. Прошу, не надо говорить, что все это ненадолго и что нельзя вечно светиться и радоваться. Просто будь — таким. Сейчас. Со мной.

— Я буду, — Гай улыбнулся ей в ответ, ловя себя на мысли, что впервые за всю свою жизнь он хочет остаться с кем-то навсегда. Чтобы свадьба, дом, дети, шумные праздники и тихие вечера, чтобы надежный тыл и сокровище, которое будешь защищать до последнего вздоха... Творец все милостивый, да он бы отдал что угодно даже за одну возможность остаться в этом мире, даже за робкую надежду вернуться сюда! Но подлая судьба обещала лишь скорую разлуку, худшую, чем смерть.

— Ну вот, ты снова задумался о грустном. Оно, к сожалению, никуда от нас не денется, да и демоны с ним, — Тайри запустила нежные пальцы в его шевелюру, и мрачные мысли улетучились сами собой, — давай-ка позавтракаем. Шоколад стынет.

**** *
**** *
**** *

С этого утра время будто сорвалось с цепи. Да и как ему не сорваться, если двое за несколько отведенных им судьбою месяцев пытаются прожить всю жизнь, которая могла бы у них быть?

Его величество пока берег своих разведчиков и новых заданий для них не придумывал, но защита магистерской диссертации никуда из планов не исчезла. Поэтому дни юной леди заполнялись либо работой в библиотеке ("Детка, отнесись к этому серьезно, научный труд сам себя не напишет!" — слышала она каждый день от отца), либо тренировками на Тропе. Чтобы привыкнуть постоянно защищать неподготовленных и неопытных спутников, они с мастером брали с собой Одри и Габриэля, а когда получалось, то и Даля. Орнери ваюмн строго-настрого запретил соваться на Тропу. Рыжая леди была далеко не в восторге, но все понимала и оставалась "ждать на берегу".

В один из таких походов Тропа преподнесла им странный сюрприз. Сначала туманные стены посветлели и стали почти прозрачными, показав глубокую синеву и россыпи ярких чужих звезд. А потом под ногами оказалась не привычная пружинящая "шкура", а гладкий и звонкий белый камень. Больше всех, как ни странно, удивился мастер Гайдиар. Удивился, но не обрадовался.

— Хотел бы я знать, зачем она нас сюда привела... — мрачно проговорил он, оглядываясь, — сколько себя помню, никогда просто так люди сюда не попадали, а тут вам сразу Белый Мост под ноги. Запоминайте, друзья, еще несколько десятков шагов, и мы окажемся в одном из удивительнейших мест. Мои соотечественники называют его Город-над-Морем. Хотя я бы назвал его Город-над-Миром. Остальное увидите сами. Если нас пустят, конечно.

Их пустили. Воины в странных кожаных доспехах, охраняющие некую границу, обозначенную изящной башенкой заставы, выдали им медальоны с каким-то знаком и велели их не терять. В противном случае городская стража примет их за вражеских лазутчиков и будет действовать, как полагается. Дальше по мосту путешественники прошли беспрепятственно, любуясь ярким синим небом и грохочущим океаном далеко внизу.

Город правда обыкновенным не был, во всяком случае, Тайри ничего подобного раньше не встречала. Узкие улочки, вовсе не казавшиеся тесными. Дома-башенки, окруженные маленькими садиками в несколько деревьев, с обязательными яркими цветниками. Причудливая роспись или мозаика на стенах зданий, на каждой улице — своя. Небольшие, полные воздуха и света площади. Каналы и фонтаны с кристально чистой водой, окруженные яркой пышной зеленью. И это все в городе, который прилепился к скалам, точно гнездо ласточки, и ступенями спускался к гавани, где стояли корабли: пузатые "торговцы", легкокрылые изящные парусники и чудные длинные многовесельные суда с косым ярким парусом на единственной мачте. Народ на улицах был тоже самый разный: многих не отличить от жителей Столицы или провинций Империи, мелькали высокие смуглые воины в багровых одеждах и белых тюрбанах. Прошли мимо светловолосые зеленоглазые, спокойные и улыбочивые люди в свободных льняных одеждах, сопровождая три небольших повозки, запряженные рыжими приземистыми лошадками. У какой-то таверны оживленно общались на своем непонятном языке очень высокие бронзовокожие моряки, выставляя на всеобщее обозрение переливчатые татуировки на руках и абсолютно лысых головах.

— Нам не следует долго задерживаться, потому что время здесь идет несколько иначе, чем дома. Медленнее, — сказал мастер, уверенно ведя своих спутников по лабиринту забирающихся в гору улочек, — поэтому посмотрим самое интересное. Заглянем на рыночную площадь, пройдемся вдоль каналов, а еще поднимемся на самый верх. Там королевский дворец, дом Мудрых — так называют здешних магов, главный храм и, конечно же, Тоннели.

— Тут тоже маги есть? — Одри состроила унылую рожицу. — Эка невидаль...

— В отличие от наших, здешних можно по пальцам пересчитать, они рождаются очень редко. Не больше десятка в поколение. Потому и имеют очень большое влияние в Городе.

— К ним, поди, сам король прислушивается?

— Короля здесь, как это ни странно, нет. Говорят, несколько сотен лет назад случилась одна загадочная история, тогдашний монарх покинул Город на корабле и больше не вернулся. С тех пор здесь правит совет Золотых поясов — самых богатых купцов,

гильдейских старшин и просто влиятельных людей.

— Не удивительно. В морских городах рано или поздно так случается, так было и в нашей истории, в Фарраме, например...

— Мы будем болтать, или все-таки пойдем? — поинтересовался мастер. — Лучше сразу подняться наверх, все меньше устанем.

— Я смотрю, вы здесь уже все знаете, вам, наверное, неинтересно, — вздохнул лейтенант де Рейвен.

— Бывал несколько раз, однажды даже прожил пару недель, — пожал плечами мастер, — а интересно здесь всегда. Это непростой город, и вы сами в этом скоро убедитесь.

Тайри поняла, что Гай искал свою дочь и в этом мире, но, как в иных местах — безрезультатно. Отсюда все его знания.

— Чудесный город, — вздохнула Одри, — а вам никогда не хотелось здесь остаться?

— Никогда, — Гай грустно посмотрел на Тайри. Теперь он точно знал, где хочет остаться.

Главная площадь Города показалась путешественникам странной. С одной стороны ее охватывал зданиями-крыльями королевский дворец — величественный, окруженный красивым парком. По правую сторону от него тянул к яркому небу белоснежные шпили храм. Интересно, в кого же здесь веруют, кому возносят молитвы? Слева квадратная башня с часами — наверное, ратуша. Напротив дворца, через площадь, в отвесной скале находились выходы из Тоннелей. Огромные арки каменных ворот, створки — чудо камнерезного искусства, которые можно, наверное, рассматривать часами. По крайней мере, от тех, что были сейчас закрыты наглухо, невозможно оторвать взгляд. Искусный художник изобразил на них сцены из жизни какого-то народа. Вот жрецы, ученые, летописцы, короли, воины... Видимо, процветание, сцены которого выложены позолотой, закончилось вселенской катастрофой. Окрашенные серым и черным барельефы отражали войны, смерчи, мор и гибель людей. С последнего, на самом верху, на людей взирала женщина, половина лица которой была скрыта волосами, а другая отражала лишь гнев и скорбь.

Рядом с закрытыми воротами прижался к скале совсем небольшой двухэтажный дом. Белоснежные стены, три ступени крыльца, недлинная мощеная морской галькой дорожка от калитки. В саду — несколько яблонь, кусты роз — ничего необычного. Таких полно и в городе, что это скромное жилище делает рядом с королевским дворцом?

— Вот здесь и обитают маги, которых горожане называют орденом Мудрых. Насколько я помню, у каждого из них есть собственная башенка, но живут они, чаще всего, именно в этом доме, — пояснил Гай.

Полюбовавшись на выходящий из тоннеля пестрый караван, мастер и его спутники отправились на рыночную площадь. Ваюмн утверждал, что там можно купить все, что угодно — самое удивительное оружие, самые редкие снадобья и ингредиенты для лекарств, не говоря уж о тканях, специях и всем прочем. Вот уж где глаза разбегались, буквально приходилось разрываться, чтобы посмотреть все интересное. Габриэль, и, как ни странно, Тайри, надолго застряли под навесом, где торговали своим товаром оружейники. Одри нырнула в лавку травника, мастер ее сопровождал, вполне справедливо полагая, что Габриэль — надежная защита для его ученицы. Хотя, это как посмотреть, кто кому защита... Лейтенант де Рейвен долго присматривался к парным чуть изогнутым саблям, а юная леди примеривала к руке легкий прямой меч.

— Выбрал что-нибудь? — спросила Тайри, заметив, что воин отложил очередную пару

сабель с явным сожалением.

— Выбрал, только не про меня товар. Слишком дорого. Обойдусь своими.

— Ерунда. Хозяин, сколько хотите за эту пару? Будет тебе подарок. Могу же я...

— Тайри, не вгоняй меня в краску. Юная леди не должна делать подарки мужчине, тем более такие.

— Какие такие? Одри я вон постоянно что-то дарю, почему не могу тебе? И вообще, я обожаю кое-что делать не по правилам, должен бы уже запомнить... Тем более, никто же не узнает.

— Я буду знать, этого достаточно, — упрямо набычился Габриэль.

— Ох уж эти горские обычаи... Ну хорошо, мой правильный рыцарь. А если я найду достойный повод?

— Миледи...

— Ты еще титул мой припомни. Вот лучше скажи, кто меня фехтовать учит? Кто каждый день пытается из меня что-то толковое сделать, а?

— Я учу. И буду учить, пока это толковое не сделаю. Тебе еще расти и расти.

— Во-о-от! Значит, это будет в счет платы за уроки. Так тебя устроит?

— Не придерешься. Умеешь ты уговаривать...

Лейтенант, получив понравившееся оружие, сиял, как новенький золотой. Тем более, что юная леди не забыла о хороших ножнах, что крепились, как он любил — на спине. Узкий меч из удивительной синей стали тоже удобно устроился за плечом у Тайри.

— Возьмите к нему в пару дагу, госпожа, — загадочным полупшепотом предложил продавец, — отдам почти даром. Редкая работа!

Безусловно, клинок оказался хорош, но было в нем что-то неправильное. Тайри даже в руки брать его не захотела. Да и Габриэль смотрел на длинный кинжал с красивой костяной рукояткой, точно на змею, свернувшуюся на его любимой подушке.

— Спасибо, уважаемый, дага у меня уже есть, — очень холодно поблагодарила леди и немедленно покинула палатку.

— Станный какой-то продавец, — сказала она Габриэлю уже на улице, — твои сабли честным мастером скованы, на моем мече руны Света и заговоренное от нечисти серебро. А кинжал подсунул настолько мерзкий, что аж внутри все заледенело. И никакая красота с изяществом не помогли. Тьмой от него на милую несет.

— У нас в горах рассказывают мрачную легенду о человеке, который саблю себе сковал из осколков старого оружия. Собрал он их на месте древнего жестокого побоища, такого кровопролитного, что, говорят, реки текли с гор красные. Сабля имела гадкий характер, убивала даже помимо желания хозяина, да и его самого чуть не прикончила. Слишком много жизней выпила древняя сталь, слишком много проклятий было ей адресовано...

— И что стало с этим человеком?

— Жив остался, хоть и с трудом. А саблю бросил в бездонное ущелье: из Тьмы вышло, к ней и вернулось. Думаю, этот кинжал такой же. Он крови требовал.

— Скорее всего, так и есть. Пойдем отсюда скорее. Мне кажется, я вижу впереди Гая.

Но то ли Город их морочил, то ли им просто попался кто-то в похожем плаще, а догонять они бросились не того — и заблудились. Улицы изгибались змеями, ныряли под гору, оборачивались лестницами, стены и заборы появлялись там, где их быть не должно. После часа бесполезной беготни и бесплодных поисков, Тайри решила, что Городу виднее и нужно идти, куда ведут. Узкий переулочек с одинаковыми серо-голубыми домишками влился в

довольно широкую чистую улицу, идущую резко под уклон, к порту. Дома вдоль нее стояли старые, двухэтажные, и, скорее всего, давно заброшенные. У многих из них окна закрывали деревянные щиты, а двери были заколочены досками крест-накрест. Сверху, прямо на них, бежал, не разбирая дороги, высокий юноша. Дорогая куртка из светлой кожи в нескольких местах висела лохмотьями, на лбу — глубокая кровоточащая царапина, левая рука прижата к боку, а рубашка под ней вся пропиталась кровью. Светло-золотистые, как пшеница, волосы слиплись от пота, губы кривятся от боли. Незнакомец пролетел мимо Тайри и Габриэля, едва не задев их плечом, споткнулся и нырнул в какую-то нишу в доме напротив. Через пару минут из-за угла вывернулись солдаты в синих коротких плащах и легких шлемах. Городская стража.

— Эй, вы! — окликнули они леди и ее спутника, идущих по улице намеренно медленно, — тут никто не пробегал?

— Высокий парень в светлой куртке? Светловолосый такой? — осведомился с самым дружелюбным видом лейтенант.

— Точно, он. Куда побежал?

— Вниз по улице, свернул куда-то направо, нам почти уже не видно было, — промурлыкала Тайри, глядя на стражников ну очень честными глазами, — еще спотыкался все время.

— Далеко не убежит, — хмуро усмехнулся старший из воинов, — спасибо за помощь, любезные.

Когда люди в синих плащах скрылись из виду, Габриэль тихонько спросил:

— Ну и зачем ты их спровадила? Вдруг он вор или убийца какой?

— Не говори глупости, Габриэль, ты же видел, он ранен. А я, если ты еще помнишь, целитель, и вижу угрозу его жизни. Он не опасен ни нам, ни кому-либо еще.

— А если он темный колдун?

— Прошу тебя, перестань тут разыгрывать примитивного суеверного горца, лейтенант. Даже если бы он им был, то больше одного заклинания ему не осилить. Помнишь, Гай говорил, что здесь любая магия для чужаков стоит чрезвычайно дорого и отнимает почти все силы? Ну и еще кое-что. Парень, разумеется, маг — он весь светится, аж глазам больно. Если моя сила — огонек свечи, то он таскает в себе... даже не знаю. Лесной пожар. Живой вулкан... нет, слабовато сравнение... маленькое солнце. И не слишком хорошо понимает, чем одарил его Создатель, иначе давно бы излечился сам.

— Откуда ты знаешь?

— Вижу, как увидел бы любой маг, — пожалала плечами леди, — пойдём быстрее, ему помощь нужна. Он слабеет.

Дверь в подвал была заперта на засов. Изнутри. Вполне понятно: беглец защищался, как умел. Габриэль аккуратно просунул в щель кинжал, поддел неплотно сидящий в скобах кусок железа, и они вошли. Вниз вело с десятков стертых ступеней, просторное прямоугольное помещение, едва освещаемое через крохотные окошки под потолком вечерним солнцем, казалось совершенно пустым. Тайри присмотрелась — одна из теней в дальнем углу выглядела гораздо плотнее остальных.

— Не бойтесь, мы не причиним вам зла. Мы хотим помочь, — тихо обратилась она к незнакомцу.

— Я... не... боюсь, — он произносил слова медленно, с большими паузами, видимо, переживая боль. По голосу не скажешь с уверенностью, но целительское чутье

подсказывало, что именно так и есть, — я приму помощь с благодарностью. Один не справлюсь.

Леди Даллет с удовольствием зажгла бы магического "светляка" или хоть обычный факел, но свет из подвальных окошек давно нежилого здания вызвал бы подозрения. Пришлось полагаться на свое ночное зрение и интуицию. Тайри привычно потянулась к Потокам, срачивая порванные нити силы, заставляя восстанавливаться рассеченные мышцы и сосуды. Раны в живот всегда тяжело лечатся, но тут, вроде, обошлось. Каким-то чудом ничего важного не задела, крови многовато потерял, ну да это дело наживное. Целительница наложила обезболивающие чары и устало опустилась на какой-то ящик рядом с подпирающим стену де Рейвеном.

— Ваша жизнь вне опасности, уважаемый. Но слабость еще какое-то время будет вас беспокоить из-за недавней кровопотери.

— Пустяки. Как вам это удалось?

— Как обычно, — пожала плечами леди, — я же все-таки целитель.

— Это магия, госпожа моя. А в этом городе магия, творимая чужаками, лишает сил.

— С чего вы взяли, что я не...

— Вижу. Как и медальон-метку на вашей шее. Никто из местных не стал бы мне помогать.

— Возможно, именно из-за медальона все и прошло так удачно?

— Вряд ли. Скорее всего, здешние силы почему-то благоволят к вам лично.

— А не все ли равно? Главное, что рана больше вас не беспокоит, — Тайри вслушивалась в его речь, пытаясь понять, что же ее настораживает. Тот неуловимый акцент, который она уже где-то слышала? Звонкое "р" и манера чуть растягивать ударные гласные? Обертоны, прорывающиеся сквозь спокойствие вместе с тщательно сдерживаемыми эмоциями? Или нечто иное, краем зацепившее её чары познания, но так и не давшееся в руки?

— И правда. Стыд мне и позор, госпожа. Чем я могу вас отблагодарить?

— Живите. А еще выбирайтесь из этого города. Без медальона вы долго здесь не протянете.

— Постараюсь, — смущенно улыбнулся пациент, — я бы ушел тем же путем, каким попал сюда, но увы... Это была глупейшая ошибка в расчетах, и теперь я понятия не имею, как отыскать дорогу домой. Боюсь, меня занесло слишком далеко. А вот вас, наверное, ждут...

— Да уж, — недовольно пробормотал Габриэль, — наставник ваш, поди, уже с ума сходит, куда вы, миледи, подевались.

— Сходит-сходит, — раздался от двери родной голос. Мастер говорил тихо, но такую тревогу не спрячешь даже за молчанием. — Во что ты опять ввязалась, Тайри? Если бы не наша связь, которая никуда не делась даже здесь, я бы не нашел тебя так быстро. Ты хочешь моей смерти?

— Упаси Создатель. Простите меня, наставник, я не имела права своевольничать. Но иначе поступить я тоже не могла. Человек, что сидит в углу, был серьезно ранен.

— Это правда, Габриэль?

— Истинная, мастер. Леди Даллет его исцелила.

— Ну и что нам теперь делать? Вы хоть подумали, моя леди, что дома пошли вторые сутки нашего отсутствия?

— То, что и собирались, — прозвенел в темноте голосок Одри, — возвращаться домой. И не тянуть с этим. Сколько еще по городу до Моста топать, сколько еще по Тропе...

— Вы сказали: по Тропе?! — напряженно повторил незнакомец. — Вы пришли не по Мосту?

— К Мосту нас привела Тропа, — неохотно ответил мастер, — вам-то до этого какое дело?

— Не сердитесь, наставник, — мягко попросила Тайри, — если я все правильно поняла, наш собеседник попал сюда именно с Тропы. Сразу в город, поэтому он и без медальона.

— Вот как. Ну так что мешает ему прямо отсюда открыть дверь на Тропу и благополучно вернуться домой?

— Многое, господин. Если я попробую создать выход, всплеск магии заметят и найдут меня. Потому что я никуда не уйду, а буду валяться без сил возле открытого портала. Чужаки не могут безболезненно колдовать в городе. Кроме того, даже если этого не случится, у меня не хватит сил долго блуждать в поисках правильной дороги. Мой мир далеко, я должен был попасть в совершенно иное место, но... чрезмерно увлекся. Рана, хоть и залеченная, не даст мне действовать в полную силу и заставить Тропу привести меня домой.

— Ну не бросать же вас одного, — вздохнула сердобольная Одри, — мастер, а давайте его с собой возьмем?

— Такого измотанного потащим на Тропу? На верную смерть?! Тайри, ты разве не видишь, что твой пациент теряет силы?

— Вижу, наставник, и совершенно ничего понять не могу. Физически он здоров, все потоки были уравновешены, все нити связаны.

— Я наделал много глупостей... — печально покаялся незнакомец, — вот прямо сейчас по городу где-то болтается мой фантом. Он, разумеется, скоро исчезнет, а пока исправно жрет мои силы. Развезать его я не могу, потому что тогда нас всех найдут.

— Когда вы только успели! — леди Даллет и сама не смогла бы сказать, чего в ее голосе было больше: возмущения или восхищения.

— Когда вы предложили помощь. Я не имел права подвергать вас опасности. Исцелять себя я тоже пока не научился.

— Сумасшедший... — схватился за голову Гай, — и что мне с вами делать?

— Поскольку стража бегаёт за шустрым фантомом, нам надо просто идти к Мосту, а оттуда домой, — устало предложила целительница, — вы же сами говорили, что на выходе они никого не проверяют.

— Можно попытаться. Ладно, пойдете с нами, уважаемый. Одного слабого мы уж как-нибудь дотащим.

— Увидите, не настолько уж я слаб, — усмехнулся исцеленный, — в любом случае, примите мою искреннюю благодарность, мастер. И вы, леди, тоже. Тайри, если не ошибаюсь?

— Это для своих, — неожиданно сухо ответил ваюмн, — а для прочих леди Даллет. Вам, кстати, тоже недурно было бы представиться.

— Даррен. Для своих и для чужих, без исключения, — с улыбкой ответил юноша, и Тайри наконец поняла, где слышала похожий акцент и похожие интонации. Такое часто проскальзывало в речи Ская. Между тем, ее пациент поднялся и подошел ближе, — я готов, господа.

Создатель ли был к ним милостив, фантом ли сыграл свою роль, но никто по дороге им

не встретился. Только Город вывел их не к мосту, а на главную площадь, к дому Мудрых.

— Ну вот, все зря. Можно сказать, пришли... — мрачно проворчал Габриэль.

— Ты так уверен? — леди Даллет отодвинула его плечом и отворила калитку в сад, — может быть, нужно всего лишь спросить разрешения?

Они осторожно вошли и замерли в изумлении. Там, за низеньким забором, царилась ночь, а здесь, под сенью Творец знает откуда взявшихся золотых и краснолистных кленов, был ясный день. В полном безветрии падали редкие листья, журчала в небольшом бассейне вода, пылало в плоской чаше на возвышении удивительное зеленое пламя. Тайри заглянула в воду, точно в зеркало. Там отражалось шесть человек — не пять, как было на самом деле. А еще какой-то крупный зверь заглядывал Габриэлю через плечо. Секунда — и видение исчезло, стертое порывом вернувшегося ветра. Вокруг снова был сад с яблонями и ночное небо над головой. У крыльца ярко горели магические светильники, на ступенях стояли двое в длинных синих плащах с капюшонами. Тот, у которого на шее была тяжелая золотая цепь с каким-то камнем, спокойно открыл лицо — немолодое, усталое, исхудавшее. Второй не стал этого делать, только удобнее перехватил посох с навершием-шаром.

— Что ты о них скажешь, Смотрящий-сквозь-Время? — спросил пожилой, внимательно вглядываясь в лица стоявших перед ним людей, — это те самые?

— Вне всяких сомнений, командор. С ними нет главного, которого мы ждем и о ком говорит пророчество, но это и понятно. Не все установления изменились, и Город пока еще вне опасности. Раньше, чем предсказано, мы его не увидим, а увидев — не поверим.

— Тогда почему среди них двое, способных укротить пути между мирами?

— Один, командор, всего лишь один. И это Лоцман. Второй — опытный странник, не более. Но он привел к нам будущую Хранительницу, а это важнее всего. Остальные — лишь спутники, но я вижу, что именно те, из пророчества. Их дорога лежит кольцом на много лет, и они еще вернутся сюда, когда Город будет в шаге от гибели.

— Ты уверен? В неизбежности войны мы убедились, но должна быть и надежда.

— Это закон Равновесия, командор. Тьма наполнила свою чашу весов, значит, заполнится и наша.

— Но почему они появились раньше времени? Не говорит ли это...

— Это говорит лишь о том, что судьба и Город уже знают, кого призовут. Я счастлив, что увидел их и убедился в правдивости пророчества. Скажите, уважаемые, — обратился он к посетителям, — что вы увидели в отражении?

— Нас было больше, — ответил Габриэль, — на одного. Я видел еще какого-то мальчишку, темноволосого, кажется, с золотым обручем на голове.

— Вы слышали, командор! — в голосе Смотрящего-сквозь-Время сквозило ликование, — разве это не подтверждение? Разве это не надежда?

— Пусть так, — ответил тот, но сомнение так и не покинуло его взгляд.

— Какие вам еще нужны доказательства?

— Сейчас — никакие. Если все случится так, как ты предсказываешь, я буду знать наверняка. Но лучше бы ничего не случилось, — он повернулся к стоящим в молчании посетителям:

— Идите с миром. Вас пропустят.

Усталые путешественники молча поклонились в знак благодарности и сочли за благо как можно скорее покинуть обиталище Мудрых.

— Как же ему тяжело... — прошептал, глядя вслед уходящему последним ваюмну,

командор.

— Кому? — спросил тот, что держал посох.

— Страннику. Он ведь увидел свою судьбу.

— Не судьбу. Будущее. Его, в отличие от судьбы, можно изменить. Но он не будет даже пытаться, потому что уверен, что все давно предрешено.

— А он мог бы?

— Не мне вам рассказывать, командор, как много иногда зависит от воли и желания человека.

— О да, я помню вашу любимую поговорку: "Тому, кто сильно чего-то желает, сам Вседержитель помогает". Полагаете, Странник не пожелает изменить...

— Нужно не только желать, но и действовать. Впрочем, нам это должно быть безразлично. То, что нужно Городу, он уже сделал. Кроме того, у него вряд ли бы получилось... Человек создан не более, чем для одной миссии, и у него она давно предопределена. При всем желании, он не смог бы занять место Лоцмана.

— Но ведь он нашел дорогу сюда.

— Не он. Это Город притянул их всех. Как и полторы тысячи лет назад, когда восемь рыцарей чудом спаслись после кораблекрушения на этом берегу. Как и тогда, когда мы потеряли короля, чтобы династия не погибла.

Командор тяжело вздохнул.

— Надеюсь, Вседержитель и все Светлые силы слышат тебя, Герт. Надеюсь, что ты прав...

Всю дорогу до Белого Моста никто не тревожил путешественников. Разве что Город перестал быть равнодушным и теперь, точно желая понравиться и запомниться, показывал гостям чудесные места, особенно красивые ночью. Он вел их аллеями, где светили магические фонари, хитро расположенные в ветвях каштанов. Свет, проходящий сквозь листву, образовывал танцующие узоры на серебристой мостовой. За ними открывался парк, где кружились стаи маленьких и больших светящихся бабочек. В длинном канале показывали яркой луне сверкающие бока разноцветные любопытные рыбы. Жилые дома тонули в темноте, лишь в какой-то башенке горело единственное окно, ветер шевелил легкие занавески. Там, внутри, кто-то дивно пел на два голоса под аккомпанемент струн и флейты. Мотив, как любил говорить мастер, ложился на сердце и не отпускал слух.

Габриэль и Одри тихо восхищались увиденным, золотоволосый незнакомец тоже смотрел во все глаза, только ваюмна не трогали дивные пейзажи ночного Города. Он шел рядом с Тайри, молчаливый и мрачный. Услышав песню, он какое-то время прислушивался к словам, но лишь плотнее сжал губы. Ученица прекрасно чувствовала его состояние, но понять, откуда взялась эта тоска и боль, не могла. Ведь все же обошлось! Тайри осторожно взяла его за руку — пальцы были ледяными.

— Гай, что с тобой творится? Пожалуйста, не пугай меня.

— Прости, я не должен был давать волю эмоциям. Эти двое в синих плащах совершенно выбили меня из колеи. Их сила впечатляет...

— Радость моя, ты лукавишь, причем очень неумело, — тихо и ласково произнесла юная леди, с укором глядя на любимого наставника, — но я не буду допытываться. Я только прошу тебя выйти на Тропу спокойным. Боюсь, меня одной не хватит, чтобы довести до дома всех. Потому что я буду сосредоточена только на тебе.

— Не волнуйся, я справлюсь, — горько усмехнулся Гай. Сейчас его уговаривали, точно

неопытного ученика. Дожил...

— Я всегда буду волноваться, когда тебе плохо, Гай. Особенно, когда не смогу понять, чем тебе помочь.

— Мы почти пришли, Тайри. Поговорим дома.

**** *
**** *
**** *

Мост, конечно, появился очень вовремя — для того, чтобы прекратить болезненный разговор. Но мастер не был бы мастером, если бы не справился с собственными мыслями. На Тропе он стал прежним — сильным, внимательным, решительным. Никаких посторонних эмоций. Они с Тайри хорошо отработанным приемом прикрыли беззащитных спутников от голода Тропы, хоть Даррен и утверждал, что тратить на него силы вовсе не нужно. Всю дорогу Тайри приглядывала за чужаком: все-таки недавнее ранение было достаточно опасным и могло послужить причиной проблем. Но тот, несмотря на все ее опасения, шел уверенно и ни на что не жаловался. Более того, он умудрялся как-то договариваться с Тропой, делая их путь прямее и короче. Юная леди думала, что наставник, как всегда, выведет их с Тропы в парке Академии, но дверь открылась перед особняком Даллетов.

— Ну, наконец-то! — раздался откуда-то сверху голос Адалера, — мы тут уже не знали, что и думать. Где вас носило? И почему так долго?

— Как долго? — уныло уточнил мастер.

— Четвертые сутки заканчиваются, Гай! Брат извелся весь.

— Теперь можно его успокоить, Даль. Просто там, где мы были, время течет медленнее, — сказала Тайри.

— А еще спускайтесь к нам, граф Изар. Крайне неудобно беседовать с вами, задрав голову. Я понимаю, на балконе, конечно, уютнее... — с несвойственным ему ехидством произнес ваюмн, — я же, с вашего позволения, откланяюсь. Леди Даллет, увидимся завтра в Академии. Не опаздывайте, — открыл портал и исчез.

— Тайри, с чего это он? Кто его укусил? — поинтересовался совершенно ошарашенный Даль.

— Может, это с нами что-то не так? — осторожно спросил Даррен.

— Честно говоря, понятия не имею. Он еще в Городе был на себя не похож, — пожалала плечами Тайри.

— Ничего, миледи, — Габриэль был само спокойствие, — это он переволновался. Отдохнет и станет прежним... А вы, молодой человек... да что ж с вами творится! — он едва успел подставить плечо побледневшему Даррену.

— Габриэль, проводите его в комнату рядом с вашей, она свободна. Я только за снадобьями сбегая... — попросила леди Даллет.

— Не стоит, госпожа. Боюсь, это не лечится травами. Я слишком много отдал Тропе и Городу, а если вспомнить, каких глупостей наворотил до этого... — голос чужака стал совсем тихим, да и дышал он с трудом.

Тайри бросила на землю свой плащ.

— Ложитесь, Даррен, и не сопротивляйтесь. Я посмотрю, что можно сделать. Что ж вы молчали-то...

— Не... хотел... быть... обузой.

Юная герцогиня чуть не зарычала в ответ. Не хотел он! А теперь вот думай, чем ему помочь, когда он вот-вот умрет прямо у нее на руках... И без дополнительных чар видно, что чужак слаб, как младенец. Его Огонь, так поразивший Тайри при встрече, теперь едва

теплился. Леди привычно положила обе ладони на грудь незнакомца, чтобы помочь ему восстановить силы, сосредоточилась и... провалилась. Ей показалось, что она падает — кругом было только бесконечное синее небо с редкими облаками, но падает не камнем, а легким осенним листом или птичьим перышком. Страх так и не появился, одно только немое бесконечное удивление владело ею — до тех пор, пока не стало трудно дышать.

— Давайте-ка я помогу, моя леди, — пророкотал рядом знакомый голос, по которому Тайри уже успела соскучиться, и две жестких мужских ладони легли поверх ее пальцев.

— Спасибо, Скайяр. Я уж подумала, что разучилась лечить.

— Это вам пациент такой попался... необычный. Боюсь, что за один раз ему не восстановиться полностью, — синий дракон был серьезен, как никогда раньше. По его пальцам пробегали колючие крупные искры, а на лбу выступила испарина, — но мы-то постараемся, правда?

— Разумеется. Ты уже с такими сталкивался?

— Было дело, хоть и давненько. С этой породой вообще все сложно, — Скай явно знал больше, но делиться не хотел... или не мог, — понимаете, моя леди, они уникальны. Все-то у них не как у людей! Вот, пожалуй, и хватит пока. До кровати сами дойдете, господин, или помочь?

Даррен открыл глаза и сел, Скайяр протянул ему руку.

— Спасибо, уважаемый, — ответил золотоволосый чужак, вставая с помощью нежданного лекаря, — скажите, мы не могли видеться с вами раньше? Мне кажется знакомым ваше лицо, да и голос...

— Вряд ли. Чего только не померещится от упадка сил, — ухмыльнулся синеглазый, — выздоравливайте, милорд!

Скай, следуя своей привычке, исчез, как и не было, и Даррену пришлось отправиться в отведенные покои под присмотром Тайри и Одри.

— Красивый какой! И фигурой, и лицом — всем вышел. Точно принц из сказки, — восхищенно вздохнула деревенская колдунья на обратном пути.

— Правда? — рассеянно отозвалась Тайри, — я как-то не заметила.

— И не мудрено. Тебе глаза твой Гай застит. А еще ты на Даррена сразу же как целитель смотришь, а этой братии красота не видна, они глубже зрят, — рассмеялась Одри.

— Ну так не теряйся, раз рядом завелся совершенно свободный принц, — подначила ее молодая герцогиня.

— Не для меня он, — покачала головой ее подруга, — мы, деревенские, это сразу чуем. Этот красавец даже смотреть в мою сторону не будет, ему одна-единственная на роду написана. Рядом да вокруг, может, и будут разные, а в сердце — она одна.

— С чего решила, что это не ты? — подмигнула Тайри и убежала вперед, завидев у главного входа карету отца.

— С того, что это ты, Тайри, — в след ей сказала колдунья, — я такие вещи ясно вижу. И мастер тут твой ни при чем, и ты сама ничего поделывать не сможешь. Против предначертанного ни у кого идти не получалось.

В золотоволосого и зеленоглазого пациента юной герцогини моментально влюбились все женщины дома — до последней прачки. Даже леди Лиола бросала на гостя долгие задумчивые взгляды. И только Тайри смотрела на него исключительно как на вызов своему целительскому искусству. Днем она пыталась лечить Даррена, изобретая все новые способы, а вечерами неизменно исчезала из дома под предлогом подготовки к защите. Теоретический

труд был давно готов, приемы прикрытия на Тропе отработаны до полного автоматизма, но ведь всегда найдутся какие-нибудь нюансы, придумывать которые мастер Гайдиар умел не хуже, чем преподавать.

С Гаем творилось что-то неладное. Обычно уравновешенный, он вспыхивал от любого пустяка, с трудом сдерживал гнев, а потом столь же глубоко раскаивался и просил прощения. Тайри не обижалась, только переживала за любимого все сильнее. Сегодняшняя встреча стала какой-то особенной, отчаянно-нежной, пламенной и страстной. Тайри и Гай долго не могли оторваться друг от друга, точно боялись: если не держать любимого в объятьях, ели хотя бы не соприкоснуться кончиками пальцев — все закончится безвозвратно, не будет даже оставшихся им дней, лишь тьма и холод...

— Ты знаешь, что мы совсем другие — там, за гранью, — спросил Гай, нежно перебирая густые локоны любимой, — не за той, которая Смерть, а... за той, где обитают истинные обличья всего. Там, где существуют Серые Зеркала, показывающие суть слов и явлений.

— О местах таких слышала, о Серых Зеркалах краем глаза читала, но вот о наших обликах — никогда.

— Люди остаются неизменными, а вот маги по-разному... Я видел тебя во сне большой серебристо — синей птицей.

Он не решился сказать, что в небе его сна рядом с ней летели драконы. Золотые, как солнце.

— А ты какая птица? — проворковала Тайри, ловя его руку и переплетая пальцы.

— Я не птица, — вздохнул ваюмн печально, — но тоже вполне ничего, хоть в небе мне и не летать, как некоторым. Наше дело маленькое: дороги и Тропы. Я больше похож на волка, хоть и странного. Мы все там немного странные. Кроме твоих древних друзей — они там прекрасны.

— Ничего, мы как-нибудь обойдемся человеческим обликом, — целительница на минутазадумалась, глядя на него тепло и чуть насмешливо, — птицы там или не птицы, а меня и так все устраивает.

— Как твой пациент? — поинтересовался ваюмн слишком уж равнодушно.

— Не настолько хорошо, как мне бы хотелось. Что-то с ним на Тропе произошло... Силы море, но он может пользоваться только ничтожным ручейком. Многие его способности и умения заблокированы, и как это исправить, я не знаю. Целительница, называется...

Ну вот, демоны его дернули спросить. Тайри сразу стала грустной, а кого, скажите, обрадуют собственные неудачи?

— Что по этому поводу говорит твоя матушка?

— Она говорит, что нужно время. А Одри посоветовала ему тренировать то, что не потерялось. Поэтому мы, по возможности, фехтуем, вспоминаем, читаем книги, осваиваем потихоньку азы целительства и даже, представь себе, рисуем. Углем и акварелью... Габриэль от него в полнейшем восторге, говорит, у парня великолепная реакция, крепкая рука и отличная школа в придачу.

— Стало быть, твой Даррен всех очаровал?

— С какой это стати он мой? Не выдумывай, Гай. Я всего лишь пытаюсь его вылечить.

— Прости. Не могу понять, почему даже мысли о нем меня бесят.

— Потому что ты даешь им волю. А еще потому, что ты вечно сравниваешь... а это

вредно. Мне еще Одри пеняла, что я смотрю на Даррена только как на пациента. Да, я вижу только одно — проблему, болезнь, назови, как угодно. Зато все моё окружение видит в нем прекрасного принца из сказки и идеал мужской красоты. Все уши мне прожужжали, — юная леди улыбнулась и встала, тут же набросив на плечи пушистый плед, — ненавижу холода, бр-р-р-р...

— Давай сбежим, а? Пару дней твой пациент ведь может без тебя обойтись? Хоть в Илат, хоть на остров Глид. Там тепло, вкусные фрукты и океан, — Гай лежал, закинув руки за голову и смотрел на нее совершенно несчастными глазами. Он знал, что Тайри должна вернуться домой, и отчаянно не хотел этого.

— А как же защита? У нас осталось меньше месяца.

— Ты еще скажи, что не готова, — фыркнул любимый наставник, — хотя... Если не готова, я придумаю какие-нибудь занятия. Чтобы минуты свободной не было. А то отвлекают тут всякие!

**** *
**** *
**** *

На следующий день в Столице только и разговоров было, что о легком валлирском корабле, ошвартовавшемся утром у пристани. Очевидцы рассказывали про невиданно большую делегацию: на берег сошли восемь светловолосых жителей Хрустального острова и трое в дымно-сером. Из порта они проследовали во дворец, что было вообще неслыханно. Любопытный Даррен засыпал всех попавшихся под руку вопросами о валлирах и упросил Тайри взять его с собой на концерт, буде такой состоится. Мастер, узнав об этом, дважды изменился в лице, а успокоившись, сказал, что тоже пойдет. Не доверять же самое дорогое каким-то недолеченным юнцам.

Если его величество и был удивлен внезапным визитом хрустальных певцов, то по его лицу это заметно не было. Он ожидал их в малой оранжерее, помня нелюбовь жителей загадочного острова к мрачным комнатам и давящим стенам. "Чудесная шкатулка" оранжереи с её прозрачными стенами и потолком из зачарованного хрусталя, поддерживаемым невесомыми изящными арками, должна была гостям понравиться. Здесь, несмотря на зиму, пели птицы, зеленела трава и цвели розы. Гости вошли неслышно и склонились перед монархом.

— Рад видеть вас, уважаемые. Ваши визиты — всегда огромная радость для меня. Скажите, я чем-то могу быть вам полезен? — император внимательно изучал лица прибывших, пытаясь вспомнить, не с этими ли он беседовал после концерта год назад. Увы, валлиры были другими, а тиншельты... о них вообще трудно было что-то сказать. Попробуйте узнать, этот ли туман вы видели прошлой осенью, или это уже новый?

— На этот раз, государь, мы действительно пришли с просьбой, и просим милостиво нас выслушать, — серебряное сопрано одной из волшебных посетительниц прозвучало так печально, что император, против воли, вздрогнул.

— Разумеется, уважаемые. Если я буду в силах...

— Мы очень надеемся на это, — голос второго тиншеля оказался, несомненно, мужским, хоть и довольно высоким. Гость выпрямился и легким движением руки убрал капюшон. Он был бы самым обыкновенным человеком — немолодым, незапоминающимся, исхудавшим и усталым, если бы не глаза — два колодца теплого золотистого света. К этому свету тянулось все живое, в нем было хорошо и уютно, точно на весеннем солнышке.

— Мы пришли к вам не как к властителю крупнейшей империи, но как к Стражу, — молвил тиншельт, — а еще нам стало известно, что среди ваших подданных есть люди,

способные нам помочь. Но начать придется с предыстории нашей беды, с самого начала. И с вопросов, которые вы, ваше величество, наверняка многократно задавали в детстве — наставникам, позднее — книгам или самому себе. Я ведь не ошибусь, если скажу, что вам до сих пор интересно, почему никто и никогда не мог попасть на Ллир? Для чего путешествуют по миру валлиры и тиншельты, и зачем мы вообще нужны?

— Интересно — это слабо сказано, уважаемые. Насколько я помню, даже в самых старых хрониках Стражей о вашем острове нет ничего, кроме рассказа о прекрасном городе, построенном там в незапамятные времена. В хрониках Льюффов упоминалось, что Катастрофа не затронула Ллир, хотя другие острова, расположенные неподалеку, полностью ушли под воду. О путешествиях хрустальных певцов хронисты начали упоминать лет через двести после катаклизма. Это все, что мне удалось узнать, не считая собственных впечатлений от ваших концертов и от общения с вашими соотечественниками. То, что Ллир существовал, судя по всему, еще до первого вторжения и сохранился неизменным, наводит на мысли о том, что ваш остров — изначально созданный магический узел. Или же он находится под защитой, как, например, Глид. Если я правильно сделал вывод из своих наблюдений, Ллир — одна из ключевых точек равновесия. Изменение или разрушение острова приведет к тому, что мир покатится во Тьму куда быстрее, чем мы можем предположить. Возможно, именно поэтому вы туда никого не пускаете, даже Стражей. Сейчас равновесие стало очень шатким во всех опорных точках без исключения, а кое-где пришлось удерживать его самим, в меру наших скромных сил... Это затронуло и Хрустальный Ллир?

Тиншельт кивнул, не скрывая горькой улыбки.

— Ваше величество, позвольте выразить вам мое восхищение. Практически все ваши выводы верны. Мне остается пояснить кое-какие детали. Ллир, как вы и сказали, место силы, и оно находилось под защитой великой древней сущности — одной из призванных когда-то Творцом. Мы не знаем, какая из причин побудила ее остаться в молодом, еще неустойчивом и очень простом мире. Возможно то, что он тогда еще не ведал зла, был тих и спокоен. Самые старшие из нас, кто ее помнит, утверждают одно: наша богиня искала тишины и умиротворения. Она знала и другие миры, где была почитаема под разными именами. Кто-то почитал ее Милостивой, но там, где души живущих потянулись во Тьму, она становилась Карающей. Каждая подобная миссия причиняла ей невыносимую боль, ведь приходилось разрушать то, что она своими руками взращивала и охраняла. Выбрав юный мир, она мечтала никогда больше не становиться Мечом, Огнем и Мором, а быть лишь Крылом, Покровом и Песней. Долгое время ей это удавалось, но ненасытность Отступника добралась и сюда. Вторжение еще только готовилось, а наша Госпожа уже пыталась как-то обезопасить мир. Она создала непроницаемую защиту вокруг острова. Она породила нас, тиншельтов, чтобы оберегать тех, кто слабее. Наша цель — очищать души от тьмы, возвращать веру, раскрывать способности, делать мысли и чувства чище, если надо — выявлять предательство, выводить врагов на чистую воду. Если появлялись тиншельты, Тьма бежала, поджав хвост... И еще какое-то время места, где побывали мои собратья, оставались чистыми, и приспешникам Отступника не было в них хода. Изначально нас было много, и жили мы не только на Ллире. Во всех крупных городах, и в отдаленных долинах, в Старых землях, которые тогда еще так не назывались, и на родине ваших предков. Богиня давала нам силы, и наша задача не казалась нам тяжелой. Мы даже подумать не могли, что так будет не всегда. Тьма вливалась в наш мир постепенно, не один день и не один год. Чаши весов

смещались... Возможно, мы сами были тому виной, пусть и косвенно. Вы же знаете, как это происходит?

— Свет сделал свой ход, и Отступник получил право на ответ, — сказал его величество, — закон Весов непреложен, как воля Творца, но ведь известно, что Отступник играет не по правилам.

— Тогда он еще не решался на подобное. Да и сейчас он только думает, что диктует условия. Нет у него силы перекраивать законы, созданные Творцом, — пояснил тиншельт. — К нашему всеобщему несчастью, бывший Подмастерье еще и хитер. Для начала он выжидал — довольно долго. Мы делали свое дело, отравлялись чужим злом, Госпожа нас исцеляла, а чаша Весов постепенно склонялась в темную сторону. Слишком много добра и света, слишком тесно все увязано. Пока наша богиня была с нами, мы полагали, что бессмертны. Кроме того, в мир приходили и новые тиншельты. Темный дождался момента, когда бдительность мудрых и знающих успокоилась и притупилась, когда и Стражи, и Хранитель, и оставшиеся здесь Призванные решили, что вторжения не случится — и ударил. Сначала он отвлек все силы нападением на Три твердыни, что были некогда в пустынях Старых Земель. Они держали под контролем древние города и племена, тяготеющие к поклонению злу. Обитатели приверженцев Отступника. Все силы мира были стянуты туда, и лишь Госпожа осталась на Ллире. Она предчувствовала... Основной и самый страшный удар пришелся именно на остров, и помощь опоздала. Все, что можно было сделать для спасения мира и тех, кто непосредственно оказался в темном очаге, сделала наша богиня. Из ее храма, единственного на острове, других ей не нужно было, вышли последние наши братья. Увы — слабые, беззащитные и несмышленные, как ваши дети. Вслед за этим она стянула всю вторгшуюся Тьму на себя. Невиданный смерч завис над храмом, вцепился в обитель богини, а потом... остров содрогнулся до самых основ, земля кричала от боли, а храм исчез. Его просто вырвало и унесло, как ураган вырывает с корнями дерево и уносит прочь. Как и куда — никто тогда не понял, да и сейчас мы только предполагаем. На месте самого чудесного здания в нашем городе зияла безобразная дыра, подобная язве на теле мира. А тиншельты и люди, что изначально жили на Ллире, поняли одно — мы беззащитны. И ущербны... Как могли, мы восстановили барьер, созданный Госпожой, и решили, что больше никто и никогда не увидит изуродованного Тьмой Ллира. Шли века, тиншельты выполняли возложенную на них задачу и.... гибли! Самые одаренные из валлиров стали нашими помощниками, сила нашей Госпожи жила и в них, но это было совсем не то, и этого было ничтожно мало. А Тьма все вливалась и вливалась, все сложнее становилось жить, в некоторые города мы уже не могли войти. И мы стали искать нашу богиню. Многие столетия мы искали ее по всему миру, но...

— Не нашли?

— Не нашли. За последние три столетия самые отчаянные из валлиров проникли даже туда, куда и дракон-то соваться не станет при всей его силе — черные колодцы Тшета, запретные долины Хинката, забытые острова, погребенные в пустыне города... На остров вернулись далеко не все, тиншельты продолжали умирать, отравляясь чужой Тьмой. Сейчас нас осталось совсем мало, государь. Если говорить начистоту, потеря еще сотни разрушит и защиту острова, и равновесие мира. Но мы не можем запереться на Ллире, ведь, если мы откажемся от наших песен и предадим заветы Госпожи, мир рухнет еще быстрее. Увы, на Стражей почти нет надежды. Вы один из немногих, кто верен Клятве предков. Остальные забыли или отреклись. В сущности, настоящих Стражей, способных как-то поддержать

равновесие, всего пятеро. Это безнадежно мало, государь.

— Насколько я знаю, мир берегут не только Стражи, и ваша богиня — не единственная Призванная, — возразил император.

— Глита навеки прикована к месту гибели супруга, также как Аэгвир к развоплотившейся в ледяных водах дочери. Они держатся, но силы далеко не прежние.

— А как же драконы? У нас, магов, принято считать, что пока драконы-Хранители живы, мир не рухнет в бездну.

— Госпожа тоже полагала их великим благом для мира. Она была уверена, что среди Крылатого племени нет, и не было ни одного, склонившего голову перед Отступником. Но... То ли они нас почему-то избегают, то ли мы не умеем их видеть. В любом случае, драконы нам не помощники, ибо они тоже прикованы к миру, как и мы с вами. Нам нужны люди, государь. Ваши люди.

Император молча смотрел на собеседников, потому что догадался, кто из его подданных нужен Ллиру. Догадка тянула за собой предчувствие, отдающее чужой болью и полынной горечью скорой потери.

— Нам нужен мастер Троп и его ученица, — четко произнесла леди-тиншельт своим дивным хрустальным голоском, и слова эти оказались тяжелее камня.

— Вы полагаете, они смогут найти ваш храм в иных мирах?

— Они могут хотя бы попытаться. Мы чего-то не видим, что-то не способны понять, мы прикованы предназначением и никогда не шагнем за очерченные границы. Возможно, наша Госпожа где-то рядом, а мы в слепоте своей проходим мимо.

— Они нужны вам немедленно?

— Вовсе нет, государь. Дни и даже недели не имеют значения. Мы знаем, что его ученицу ждет испытание, которое завершает этап обучения мага. Вряд ли перед этим они смогут полностью сосредоточиться на решении нашей задачи, — грустно улыбнулся тиншельт. — Мы будем ждать их в первом месяце нового года.

— Хорошо, уважаемый. Будут вам мастера Тропы, — ответил государь, и прозвучало это как-то обреченно.

— Спасибо, ваше величество. Мы понимаем, что таких людей больше нет, поэтому, если вы сочтете нужным прислать с ними кого-то еще, для сопровождения и охраны, вряд ли наши Старшие будут возражать.

— Я учту это. Могу ли помочь вам в чем-то еще?

— Спасибо, государь, но теперь уже наша очередь. Сегодня мы будем петь для вас, а завтра — для всех.

— Так в парке же холодно, и снегу по колени. Раньше вы никогда не приезжали зимой.

— Не стоит беспокоиться. Наши силы убывают, но их вполне достаточно, чтобы на один вечер защитить слушателей... и не только от зимы. А пока позвольте нам подготовиться. Для вас мы написали особую музыку.

Валлиры своё слово сдержали. В императорском парке на один вечер промозглая зимняя погода взяла выходной. Не то чтобы весна вернулась, но толстый слой снега еще с утра куда-то исчез, ветер обходил стороной природный амфитеатр, зато полностью разогнал тучи над городом. Как всегда, множество людей всех сословий пришли послушать хрустальных певцов, и всем хватило места. Гай, Тайри, Даррен, Орнери и Адалер стояли недалеко от сцены. Граф Изар кого-то все время высматривал, то и дело оглядывался и даже несколько раз спрашивал о чем-то своих знакомых, попадавших в толпе.

— Тайри, ты случайно не заешь, Тром не собирался на концерт?

— Во всяком случае, мне он об этом ничего не говорил. Лично я его ждать бы не стала. Он и раньше валлиров слушать не ходил, вряд ли сейчас иначе поступит. Говорил, что не переносит большого скопления людей, но я думаю, тут дело в чем-то другом.

— Значит, не придет. Жаль... — Даль нахмурился, — а ведь брат так и думал.

Тайри удивленно посмотрела сначала на "снежного Льюффа", потом на наставника — может, Гай хоть что-нибудь понимает? Гай, судя по мрачному выражению лица и плотно сжатым губам, очень даже понимал, но делиться не собирался.

Прозвучал первый аккорд, и все разговоры были отложены или забыты. Эта музыка и эти дивные голоса снова творили чудо. Сейчас они несли радость, мир и спокойствие, возвращали силы и уверенность, смывали прочь шелуху ненужных тревог, затянувшихся горестей, тянущихся из прошлого обид и неудач. Каждый ощущал себя под защитой и понимал, что сам способен защитить других. Уходила душевная и физическая боль, выравнивалось дыхание и разглаживались на лицах скорбные морщины.

Тайри посмотрела на стоявшего рядом ваюмна. На него тоже снизошло спокойствие — спокойствие человека, принявшего неизбежное. Гай, почувствовав ее взгляд, обернулся и улыбнулся так грустно, что все умиротворение юной леди затрещало по швам. Мастер чуть теснее прижался плечом, осторожно коснулся пальцев. Ученица не успела ни ответить, ни убрать руку. Следующая песня застала их врасплох, соединила и позволила во всей полноте увидеть чувства друг друга. Гай осознал, что ему не о чем беспокоиться и не к кому ревновать, потому что все цветы и птицы, все солнце и нежность, что жили у нее в сердце — только для него. Все его тревоги и беды — это ее боль, куда более сильная, чем собственная. Ему стало стыдно, ведь он, старый дурак, еще позволял себе в чем-то сомневаться...

Следующая песня, яркая, решительная, пробуждающая в душе что-то отчаянно смелое, почти их не взволновала. Возможно, потому что все это у наставника и ученицы уже было? А вот Даррен, похоже, понял и принял ее всем сердцем. Его лицо, обычно рассеянно-задумчивое, стало жестче и старше, зеленые глаза потемнели, а улыбка пропала. Далю, наблюдавшему за ним, даже померещились крылья у чужака за спиной: золотые с прозеленью, сверкающие яркой чешуёй...

Каждый унес с этого не слишком обычного концерта какое-то знание, и хорошо было бы понять, что теперь с ним делать. Гай, уверившись, что связь между ними так никогда не разрушится до конца, хоть и превратится в невообразимо хрупкую ниточку, радовался и ликовал. Ни позвать, ни поддержать будет не возможно, да и прислушиваться придется только ему, так что ж с того? У него станется память, которую никто не отнимет. Тайри убедилась, что ни один человек в ее жизни не появился случайно, судьба связала с зеленоглазым чужаком надолго, если не навсегда, только зачем ей все это? Ее сердце и мысли рвались к другому, бесконечно любимому человеку, а замыслы неведомых сил, сталкивающих и разлучающих людей, вызывали, попросту говоря, бешенство, о которого юная леди только что не рычала. Зачем ей нужен кто-то еще, зачем их тащат в разные стороны, зачем ей подсунули эти объяснения, лучше бы подсказали, как отвоевать Гая из лап его старых ошибок и долга! О чем узнал и что по этому поводу думал зеленоглазый Даррен, никто не знал. Сам он не рассказывал, а гадать — дело пустое. Глубокие раздумья бредущей по аллее парка троицы нарушил догнавший их Даль.

— Простите, до того заслушался, что просьба брата вылетела из головы. Он хотел вас видеть. Всех троих.

— Я, разумеется, весьма польщен, — улыбнулся Даррен, — но зачем его величеству понадобился чужак, который...

— Который, во-первых, видел то, чего не может увидеть император, а во-вторых, умеет ходить по Тропе, а значит, может рассказать еще больше, — ответил граф Изар. Понятнее Даррену не стало, и он, ожидая пояснений, повернулся к Тайри.

— Ты просто мало слышал о нашем императоре. Те, кто знаком с его величеством достаточно близко, знают, насколько он любопытен и как сильно его интересуют иные миры. В силу неких непреодолимых причин государь не имеет возможности совершать подобные путешествия. Поэтому пользуется любой возможностью узнать, что творится вне границ его родного мира.

— О, тогда я очень хорошо его понимаю. У нас тоже крайне редки люди, способные путешествовать тонкими путями, даже не выходя за границы... А узнать, что там и как, хотят почти все.

— В таком случае, вам совсем не трудно будет ответить на вопросы государя.

— Когда его величество пожелал нас увидеть?

— Послезавтра малый прием, на котором ждут всех нас. Кстати, истинную цель мой брат явно умолчал, видимо, замыслил нечто грандиозное. — "Снежный Льофф" только что руки не потирал в предвкушении.

— Боюсь, не в этот раз, Даль, — искренне огорчилась Тайри, — придется ему посылать других разведчиков, или обходиться без нас. У меня скоро защита.

— На которой брат, кстати, намерен присутствовать. Милорд Ректор нашей замечательной Академии все уши ему прожужжал, что будущие магистры в этом выпуске исключительно достойны пристального монаршего внимания.

— И его величество, разумеется, не упустил удобный случай?

— А когда он поступал иначе? На испытания боевых магов и мастеров защиты он любил посмотреть и раньше. Флотские его волнуют мало — там сразу ясно, пригоден или нет. Целителей ярких давненько не случалось. А теперь появилась ты, да еще и в такой области, за которую никто с роду не брался.

— Ну и слава Создателю, — с явным облегчением выдохнул ваюмн, — в присутствии государя наши воинствующие доброты из Высокого Жюри и прочие оппоненты не позволят себе лишнего.

— Но протокол-то вряд ли изменят.

— Это уже не страшно. Тайри справится.

Малый прием у императора мало походил на что-то скучное и чопорное. Много новых лиц, никаких заросших мхом родовитых старцев и убеленных сединами желчных капризных магов. Из придворной знати — две младших сестры его величества, трое его же племянников возрастом не более 17 лет, несколько никому не известных магов, тоже достаточно молодых. Из гостей — его высочество князь Гьятты в сопровождении троих не то охранников, не то советников, кто их горцев, разберет: двух мужчин и одной дамы. Разумеется, присутствовала вся команда разведчиков: граф Изар со своей рыжей леди, Тром с необыкновенно похорошевшей Кеми ор Оклен. А еще — полтора десятка валлиров, сопровождавших троих тиншельтов — явно не для очередного концерта. За драпировками и ширмами чувствовалось присутствие мастеров защиты. Его величество кого-то сильно опасался? Или старался уберечь гостей?

По началу, пока приглашенные непринужденно болтали ни о чем за бокалом вина и

легкими закусками, леди Даллет старалась как можно лучше разглядеть князя Гьятты и его свиту. Как-никак старый верный друг государя и почти легендарный воин. О нем ходила масса разнообразных слухов, и сколько из них могло оказаться правдой, сказать невозможно. Доподлинно было известно лишь о том, что его высочество до сих пор не женат и официального наследника не имеет, несмотря на добрый выводок бастардов. И еще то, что Эрик де Гьяттар — один из самых сильных магов континента, воспитанный последними мастерами древней школы.

Вблизи князь вполне оправдывал все байки о его внешней привлекательности. Правитель Гьятты просто притягивал взгляды своей необычной, диковатой красотой. Высокий, прекрасно сложенный, гибкий, точно хищные кошки, что живут в лесах его княжества. Он и двигался, и смотрел, точно барс или ягуар — вроде бы плавно и вальяжно, почти сонно, но все это было обманчиво. На умном, с резкими чертами, лице, играла улыбка, но глаза смотрели цепко и настороженно, теплея только в ответ на слова императора. Подобный солнечному свет магических ламп играл на крутых завитках густых иссиня-черных волос, оттеняющих светлую кожу. Он о чем-то смеялся с мужчинами, отпускал изящные комплименты дамам, но не забывал внимательно присматриваться к каждому из гостей. Что-то они с императором задумали, зачем-то нужен был Рикарту ор Льюффу не совсем посторонний, но внимательный и непредвзятый взгляд.

Охранявшие его воины смотрелись точно богатыри из легенд — выше своего господина больше чем на голову, гораздо массивнее и шире в плечах. Оружия при них не было, но они и без него вполне могли справиться с небольшой армией. Тайри отметила, что эти двое не маги, а вот леди... Леди из свиты князя Гьятты была особенной. Такой тип внешности юной герцогине уже встречался. Тонкие хищные черты, темные волосы заплетены в тяжелую косу, раскосые янтарные глаза смотрят мудро и насмешливо, на высоких скулах играет румянец. Дама едва доставала до плеча своему князю, но при всем изяществе казалась куда опаснее рослых витязей. Тайри готова была поспорить, что невысокая воительница принадлежит к тому же племени, что и синеглазый Скайяр.

Валлиров и тиншельтов мало кто видел ближе, чем на сцене. Наверное, именно поэтому все внимание было отдано им. Те же принимали это терпеливо, отвечали на вопросы и находили особые слова для каждого, кто в них нуждался. Вот и к мастеру Гайдиару скользнула невесомая фигурка в дымно-сером плаще.

— Рада, что вы откликнулись на приглашение, мастер, — тонкие руки убрали глубокий капюшон, открывая бледное узкое девичье лицо, слишком правильное, чтобы быть человеческим.

— Кем бы я был, если бы отказался, — улыбнулся собеседнице ваюмн, — какой у вас чудесный голос, миледи. Серебро и хрусталь.

— Спасибо, мастер, — вот как, оказывается, может смеяться солнечный свет. А у тумана, как ни странно, появляется румянец, если он живой и выглядит, как молоденькая девушка, — Его величество еще не говорил вам, зачем собрал всех нас?

— Я, конечно, догадываюсь, что не просто приятно провести время. Государь заинтересовался человеком, которого мы привели с собой по Тропам. Сейчас ему пытаются помочь леди Даллет...

— О да, этот гость, действительно, особенный! Я не вправе сказать, кто он такой...

— Почему? — удивился мастер, которому не терпелось узнать, кого они притащили из Города-над-Морем.

— Потому, что он сам этого не знает. Он должен стать тем, кем рождён, без посторонней помощи. Иначе вреда от этого будет гораздо больше, чем пользы. Помните закон Весов?

— А вам откуда известно, кем он родился?

— Вижу, — пожала плечами леди-тиншельт, — и не я одна. А вот сам он понятия не имеет о большей части сил, ему подвластных. Вы ведь тоже кое-что увидели, не так ли?

— Да, это так, — неохотно признал ваюмн, — я увидел ожившую легенду моего народа. Этот юноша — Лоцман, способный не только путешествовать по Тропам, но и творить их по своему желанию. Правда, у меня сложилось впечатление, что совсем неопытный.

— Верно. Первый за многие века Лоцман, доживший до сознательного возраста. Неопытный, но уже вполне понимающий, что делать. И абсолютно невозможный в том мире и у таких родителей...

— Даррен говорил, что не помнит ни отца, ни матери. Он вырос в обители, среди таких же одаренных сирот, найденных монахами.

— Возможно, так родители попытались его защитить, и вполне успешно, как видим... Заметили, как на вашего Даррена смотрят гости из Гъятты?

— Они тоже что-то разглядели?

— Безусловно. Думаю, его величество именно за этим их и пригласил. Леди из свиты князя много видит.

Разговор на самом интересном месте прервал адъютант императора, пригласив обоих в кабинет го величества. Тайри, Даррен и Даль уже были там. Чуть позже появился и государь — довольный чем-то донельзя и загадочный, как никогда.

— Рад всех вас видеть, господа. Впрочем, я всегда рад вас видеть, но сегодня особенно. Леди Даллет, я вижу, вы услышали мою просьбу...

— Государь, позвольте представить вам Даррена. Так получилось, что во время одного из учебных походов по Тропе мы столкнулись с ним в чужом для нас обоим мире. В тот момент ему нужна была моя помощь, как целителя. К сожалению, сейчас она ему тоже нужна. Боюсь, я пока не смогла найти решение его проблемы.

Чужак весьма изящно изобразил положенный по этикету поклон — именно так, как его научили.

— Милорд Даррен, я уверен, у нас найдутся общие темы для разговора. Вы ведь не против? — когда Рикарт ор Льофф так улыбается, ему никто не способен отказать, — возможно, если я взгляну на вашу проблему со своей стороны, мы с вашей целительницей быстрее отыщем способ помочь вам.

— Благодарю, ваше величество. Это слишком большая честь для меня.

— Перестаньте, — почти отмахнулся монарх, — искать решения сложных задач — одно из немногих удовольствий, позволенных коронованным особам. А благодарить будете, если у нас что-то получится. А теперь вернемся к нашей главной цели... — его величество оглядел собравшихся, сразу став серьезным, — у меня есть новое задание для моих разведчиков. Не менее важное, чем предыдущее. Придумал его не я, но это ничего не меняет. Кроме того, я совершенно не представляю, как можно отказать в помощи таким просителям.

— Не томите, ваше величество. — Далю лишь бы путешествовать, без этого ведь ни одно задание не обходится, и в глазах "снежного Льоффа" уже плясало предвкушение. — Когда вы так витиевато и долго объясняете, я начинаю бояться.

— Ладно, для особо пугливых поясню конкретнее. Наши уважаемые гости с острова

Ллир попросили помощи, в сущности, не у меня, а у вас, мастер, — он слегка поклонился ваюмну, — и у вас, леди, — император повернулся к Тайри, — ну а мы, хитрые и коварные, просто воспользуемся ситуацией и присоединимся к вам под видом абсолютно необходимого моим особо ценным магам эскорта. Простите, но когда мне на золотом блюде просители приносят самую невероятную загадку мира, я не могу отказаться.

Все-таки Льюффф останется Льюфффом, подумала про себя Тайри. Каким бы ни был чудесным, а своего не упустит. Просто у каждого из них своя страсть. У первых — объединение земель, у отца нынешнего — абсолютная власть, а у этого — тайны и загадки.

— Тогда вам скоро совсем скучно жить станет, ваше величество, — протянул Даль, — это ж последняя загадка. Все, до чего смогли дотянуться, вы уже видели.

— Вы сильно преувеличиваете, лорд Изар, — на дерзкое замечание брата император только рассмеялся, — есть еще древние города в пустыне, безымянный остров во льдах, чей-то храм в южных джунглях, о котором столько всего рассказывают, да много чего еще... Но эта загадка — гораздо красивее.

— Эта загадка намного печальнее, — прозвенел хрустальный голос леди-тиншельт, — но понять это можно, только увидев своими глазами и подойдя близко. Вплотную.

— Нам открывает ворота дивный Ллир? И мы побываем в вашем волшебном городе? — сейчас лорд Изар был похож на сводного брата, точно близнец. Видимо, любопытство и исследовательская жилка — это семейное.

— Вам — да, — ответила леди-тиншельт, — а вот остальному миру пока придется подождать. Это, конечно, слишком мало, чтобы считаться благодарностью за помощь...

— Мы чем-то можем помочь? Мы — вам? — Для Тайри это казалось совершенно необъяснимым. Чем люди, хоть и наделенные кое-какими способностями, могут превосходить существ из Тонкого мира?

— Именно, леди. Именно вы и ваш наставник. Тиншельтам нет хода на Тропы. Давным-давно сотворившая нас пропала, приняв на себя основную мощь темного вторжения. Ее храм исчез, оставив вместо себя провал, похожий на язву. Мы искали ее многие сотни лет и не нашли. Возможно, это получится у вас. Мы просим лишь попытаться.

— Но как мы можем узнать...

— Пойдем на месте, — Гай был сосредоточен и очень печален, будто его ожидало не интереснейшее путешествие, а приговор, — как быстро мы должны прибыть на Ллир?

— Государь сказал, что вы будете свободны не раньше нового года. Это нам подходит.

— Так и есть. Думаю, что после праздника Долгой ночи мы с леди Даллет будем в полном вашем распоряжении.

— Значит, вы согласны?

— Разумеется. И моя ученица тоже. Поверьте, если бы мы могли приступить к делу раньше, мы бы это сделали.

— Спасибо, мастер. Я понимаю, вам нелегко было принять решение... — хрустальный голосок еще звучал, а тоненькая девушка уже исчезла.

Оставшиеся в комнате молча переглянулись. Глаза горели у всех, кроме непосредственных виновников будущей экспедиции.

— Что такое с вами, друзья мои? — искренне удивился Даль, — вас не привлекает самая удивительная загадка нашего мира? Или вы боитесь не справиться? Так ведь попытка...

— Не пытка, я знаю, — кивнул Гай, — сейчас трудно объяснить, что меня тревожит. А

пыткой может стать что-то до или после возвращения с острова, — ваюмн говорил тяжело, будто ему не хватало воздуха, — Государь, могу я просить о личной аудиенции?

— В любой день, мастер Гайдиар, — его величество всегда относился к подобным просьбам со вниманием. Знал, что наставник никогда не явится без серьезного на то повода, — я готов вас выслушать хоть сейчас.

— Сейчас вас ждут гости, — покачал головой ваюмн, — если позволите — завтра.

Император кивнул, принимая резонность доводов.

— Что ж, значит, придется к ним вернуться...

За десертом его величество о чем-то оживленно совещался с князем Гьятты, а потом они вдвоем засыпали вопросами Даррена. Впрочем, всем участникам беседы это явно нравилось.

— Тайри, — тихонько сказал мастер сидящей рядом ученице, — освободи пару дней. Для меня. Пожалуйста.

— С удовольствием. Я буду ждать тебя завтра и приготовлю все необходимое, — леди Даллет помнила, что ее любимый наставник давно хотел исчезнуть из зимней холодной столицы. Да и ей хотелось туда, где море и солнце, а не хлюпающий мокрый снег под ногами и вечный пронизывающий до костей ветер. Только вот чего-то ее ненаглядный ваюмн недоговаривал...

**** *
**** *
**** *

Его величество смотрел на своего бывшего наставника внимательно и встревожено. Мастер Гайдиар просил о личной аудиенции всего-то два раза за все годы их знакомства. Помнится, обучая некоего отрока в одном высокородном семействе, ваюмн случайно узнал о готовящемся похищении старшего сына императора. Самое смешное, заговорщики так и не поняли, почему их планы стали известны. Они почитали менторов, равно как и прочих камердинеров и горничных, за мебель, а ваюмна — вдвойне. Что может интересовать инородца? Да и кому он сам интересен? Правда, после этого семейства Гайдиар отказался брать учеников и надолго исчез из столицы, занявшись исключительно своими поисками таинственного "родственника". В коих императору случилось поспособствовать уже на второй личной аудиенции.

Монарх терпеливо ждал нужного момента, а когда появился правильный кандидат в ученики, не поленился попросить мастера сделать исключение и снова стать наставником. Разумеется, его величество получил желаемое... Что могло случиться у мастера сейчас, когда все усилия практически завершены, и завершены успешно? Если ваюмн пришел каяться в грехах, то его величеству ничего не стоит вернуть ему душевное спокойствие. До защиты остались считанные дни, а дальше пусть делают, что хотят, хоть спрячутся где-нибудь на Юме. Заслужили. Правда, интуиция упорно подсказывала, что причина этой встречи далеко не такая радостная. Один взгляд на бывшего наставника подтвердил худшие из предположений. Тот явно не спал ночь, и мысли его одолевали крайне мрачные. Неужели он нашел, что искал, и теперь вынужден уйти, не дождавшись защиты собственной ученицы?

— Рад вас видеть, мастер, — улыбнулся приветливо Рикарт ор Льюфф в ответ на поклон ваюмна, — но сегодня мне за вас еще и тревожно.

— От вас, государь, ничего не скроешь, — вздохнул мастер, — впрочем, я никогда и не пытался.

— Что-то не так с вашей ученицей?

— С леди Даллет все в порядке... если не считать меня, — горько усмехнулся ваюмн.

— В таком случае, что не так с вами? Если, конечно, не считать леди Даллет.

О, его величество всегда очень любил эту игру: "поймать за хвост" нужное чужое слово и потом элегантно вернуть его владельцу. Это помогало прояснить намерения собеседника, зачастую даже без его на то желаний. Но нет, мастер не насторожился и не испугался. Возможно, это уже не важно? Ох, не к добру...

— Государь, вы наверняка помните... Однажды я, как и все мои соотечественники, должен буду уйти по Тропам в место, называемое Убежищем. Но я смогу это сделать, только отыскав... одного человека. Боюсь, теперь я знаю, где лежит единственно правильный путь к цели моих поисков.

— Боитесь? — изогнул красивую бровь монарх.

— Боюсь, ваше величество. Потому что не хочу уходить.

— Так оставайтесь! Отведите этого вашего... родственника к соплеменникам и возвращайтесь.

— Если бы это было возможно, я не стал бы беспокоить вас, ваше величество. Я бы просто так и сделал. Поверьте, в этом случае я стал бы самым счастливым человеком на свете. Но бывают ошибки, за которые приходится платить всю жизнь и очень, очень высокую цену.

— Раньше вы не испытывали желания остаться, мастер.

— Боги любят шутить... Хотя, это мало похоже на шутку, скорее — на очень большую награду. Не знаю, чем я заслужил и что сделал хорошего, но... За последние годы я получил все, о чем можно мечтать. Мир, который открылся мне и стал моим настоящим домом. Людей, которых, как это не странно, считаю своей семьей. Любимую женщину... И государя, которому я оказался нужен. Пусть не как наставник...

— И как наставник тоже, даже не думайте сомневаться, мастер.

— Спасибо, — смущенно улыбнулся ваюмн, — Именно поэтому я, наверное, и пришел к вам — первому. Боюсь, из нашего путешествия на Ллир мне не вернуться. Я понял это, едва увидел тиншельтов среди ваших гостей. Мне ведь удалось побывать везде, кроме Хрустального острова. Я искал и не находил, а путь был рядом.

— Вы уверены?

— К сожалению, да, государь. Возможно, все случится на Тропах или мы обнаружим пристанище моей... родственницы на обратном пути, и я уже не успею...

— Ваша ученица знает?

— Еще нет, но она догадается быстро. Мы слишком хорошо чувствуем настроение друг друга. К тому моменту она уже будет свободна от ученических уз, и переживет легче...

— Это ничего не изменит. Так чем же я смогу быть вам полезен? Я впервые сталкиваюсь с тем, что и моя власть, и моя магия окажутся бессильны. Вы не раз говорили, что возвращение к вашему народу — вопрос не желания, но долга.

— Именно так, ваше величество. А сделать вы можете очень многое. Например, не дать Тай... леди Даллет совершить опасные необратимые поступки. Я почти уверен, что она кинется на Тропы и будет искать меня, искать Убежище... и погибнет. А я хочу, чтобы она жила, понимаете? И слишком хорошо ее знаю, чтобы уповать на то, что девочка будет только сидеть и рыдать. Она соберется с силами и начнет действовать, потому что весь смысл жизни сосредоточится для нее в этих действиях... А вы можете сделать так, что она вынуждена будет сосредоточиться на чем-то другом. Дайте ей сложное задание, завалите работой, свяжите долгом, в конце концов. Это поможет ей избежать бессмысленных

попыток пойти следом за мной и что-то изменить.

— А она действительно не сможет вас вернуть? Вдруг у нее получится? Я был бы очень рад.

— Я и сам что угодно отдал бы за это, но... не я буду в этот раз выбирать Тропу. И, опасаясь, что с моей родственницей Тайри не справиться. Она совсем не человек и слишком похожа на свою мать.

— Вот как? — его величество пытался сдержать любопытство, но оно уже выглядывало из-за плеча и толкало под локоть, — А не расскажете ли мне все с самого начала? Раз уж так получилось? Может быть, мы вместе что-нибудь придумаем?

— Расскажу... Надежда — глупое чувство, но я готов цепляться за любую возможность. Как утопающий за соломинку.

Встревоженная Тайри прождала своего наставника до вечера. Гай влетел в дом, точно за ним гналась свора Отступника, лихо сотворил портал, откуда тут же потянуло теплым морем и тропическими цветами, подхватил загодя приготовленные корзины с провиантом.

— Прости, милая, я немного заболтался с императором... — Ничего себе оправдание! Это же монарх, а не деревенская кумушка... — Зато два следующих дня полностью наши. Уверен, нас не потревожат и не будут искать. Если, конечно, не случится что-то из ряда вон выходящее. Ну, идем?

— Конечно, — Тайри расхотелось расспрашивать мастера. Ей было достаточно того, что она и так чувствовала. И потом, тратить время на слова, которые, увы, ничего не изменят, просто кощунственно. Когда слышишь, как шуршит песок в часах, отмеряющих минуты твоего счастья...

Она не знала и не хотела знать, на какой остров вытащил ее мастер. Главное, что кроме них там были только щебечущие на деревьях птицы, играющие недалеко от берега дельфины да всякая насекомая мелочь. А в остальном — тишина и покой, шелест ветра в кронах и шум моря не в счет. И все было бы хорошо, не точи ее любимого изнутри тщательно скрываемая тоска, не будь в его взгляде, помимо бесконечной любви еще и отчаяние пополам с безнадежностью, не будь его чувства такими острыми, что горло перехватывало не у него — у Тайри.

— Гай, ты не спрячешься за поцелуями, — отстранившись, сказала юная леди, — если думаешь, что я ничего не чувствую, ты ошибаешься. Если ты думаешь, что я ни о чем не догадываюсь, ты снова ошибаешься. Если ты решил, что я останусь к этому безразличной, ты просто...

— Непроходимый болван и старый дурак, я знаю, — без боя признал ваюмн и тут же устроил голову у нее на коленях.

— Не надейся, я не стану тебя жалеть. А за то, что притащил сюда все мрачные мысли и упорствуешь в одном из опаснейших грехов, побью даже лежащего.

— Это в каком таком грехе? Уж не в монастырь ли ты собралась...

— Ага. В мужской, ибо ты тонешь в отчаянии. Смиранные братья в сравнении с тобой куда более оптимистичны.

— Я и забыл, что отчаяние считается...

— Еще как считается. И я не согласна тебя с ним делить. Если уж на то пошло, это мне надо рвать на себе волосы и рыдать, не переставая, день и ночь. Так что изволь собрать все свои темные мысли и выгнать их в три шеи. Немедленно.

— Хорошо, моя мудрая леди. Я постараюсь... Хоть и не очень уверен, что у меня

получится.

«Зато у меня получится, — почти зло подумала Тайри. Я просто не дам тебе возможности думать о том, что однажды сломает нам жизнь. Скоро, но к счастью, не сегодня. Моей любви и моих сил хватит, чтобы ты был счастлив здесь и сейчас, раз уж не получится по-другому — чтобы до последнего вздоха, в горе и в радости. И не дай Создатель кому-нибудь помешать мне или покуситься на это счастье, отравить эту радость... Сожгу и пепел по ветру развею, клянусь честью Даллетов!»

Если бы эти двое знали, как долго воспоминания о времени, проведенном на берегу, будут согревать их сердца, в каких немыслимо тяжелых ситуациях помогут выстоять, сколько света и радости удержат в их душах... Судьба иногда преподносит такие моменты — истинные сокровища. Любые испытания можно вынести и выжить, во многом благодаря запечатленным глубоко в сердце мгновениям жизни, которую только и можно считать настоящей.

В середине второй ночи Тайри проснулась, точно кто-то встряхнул ее. Сработали сразу несколько тревожных "ниточек", которые она протянула от себя к дому и дорогим ей людям. Гай молча любовался, как она ловко и точно выстраивает чары познания, пытаюсь выяснить, что же случилось.

— Кто-то попытался взломать твой дом, — мертвым голосом сообщила Тайри, — еще напали на Одри — безрезультатно, девочка сумела себя защитить. Что-то учинили у меня в особняке, но, кажется, тоже обошлось без жертв, я слышу только мамин гнев. И, если я правильно поняла, к ломились Далю. Что, демоны раздери, творится в Столице? Мы все, разом, кому-то наступили на хвост?!

— Вот сейчас я построю Короткий переход, мы вернемся и во всем разберемся, моя радость. А вообще, у его величества есть прекрасные маги, которые должны... Ого! Похоже, придется нам менять планы, моя леди. За всю свою жизнь я видел такое трижды. Его величество накрыл Столицу колпаком. Короткие переходы не действуют, придется добираться пешком из предместий.

— Значит, эти мерзавцы наследили и во дворце. А государь наш, похоже, разозлился и объявил охоту по всем правилам. Ничего, у нас есть старый дом в городке Анси, это пара часов верхом до столицы.

— Не забывай, там зима, холод и снег.

— Значит, возьмем повозку на полозьях. Не зря же она столько лет стояла в каретном сарае?

Столицу было не узнать. Уже почти погрузившийся в беззаботную подготовку к зимним праздникам город насторожился, замер и затих. По улицам то и дело спешили озабоченные посыльные в форме отдела Особых ситуаций и императорские фельдъегеря, пронеслись запряженные злыми быстроногими жеребцами кареты, укрытые магическими щитами, там и здесь попадались патрули жандармерии, от которых за версту разило боевой магией.

Дом Гая оказался оцеплен, вокруг него бегали трое сыскарей-магов, но внутрь сунуться, видимо, не решались.

— Где вы были, уважаемый?! — накинулся на хозяина худой лейтенант, по глаза замотанный шарфом, — Ваш дом чуть не разнесли, а вы где-то прохладаетесь!

— Где я был, к делу не относится. Есть ли след злоумышленников, милорды? — ничуть не растерялся ваюмн. Стоявшая рядом с ним леди Даллет напоминала сейчас охотничью собаку, пытающуюся разобраться в незнакомых запахах. Вот она тряхнула головой, нахмурилась, над ладонью заплескал белый огонек ключ-заклятья...

— Кстати, мастер, что вы тут понаколдовали?! — возмущенно фыркнул пожилой капитан, — в дом войти невозможно!

— Для того и колдовал, почтеннейший. В дом, как вы видите, не вошли, да и о вторжении я узнал своевременно. Разве противозаконно защищать свое жилище? — миролюбиво осведомился Гай.

— Вы уверены? Может быть, стоит убедиться вместе, зафиксировать в протоколе? Мы который час здесь топчемся...

Мастер понимающе хмыкнул. Господина капитана из отдела Расследований разбирало банальнейшее любопытство посмотреть на хитрую защиту "изнутри". А еще он замерз и проголодался.

— Мастер, так чего же мы стоим? Давайте пригласим уважаемых следователей в дом. Там, по крайней мере, есть камин, и нет этого омерзительного ледяного ветра, — предложила ученица.

— Разумеется. Буду рад, господа, проходите, не стесняйтесь. Камину потребуется некоторое время... — Гай пропустил вперед продрогших сыскарей и вопросительно взглянул на Тайри: уверена ли? Не углядят ли чего лишнего? Та лишь чуть опустила веки в ответ: не волнуйся, пусть смотрят...

После пары кружек сваренного Тайри глинтвейна и разогретого на огне оленьего окорока разговор пошел живее.

— Судя по всему, ваш дом пытались взломать обычные люди, — капитан был доволен, как кот, заполучивший горшок сметаны, а еще ему понравилось уютное кресло у самого огня. — Насколько я понял, защиту пытались преодолить при помощи достаточно примитивных артефактов, потому и не получилось. Уровень не тот. Такой защитой и император бы не побрезговал. У нас на здании управления послабее будет.

— Вы не совсем правы, уважаемый. Среди злоумышленников был маг, и я готова это доказать. Поскольку к защите дома я имела честь приложить и руки, и умение. Я создала особые "колючки", о которых взломщик не знал, и, как зверь, продирающийся сквозь терновник, оставил на них клочки своей магии.

— Интересно, а почему это мы ничего не увидели? Может, вы от волнения

перепутали? — встрепенулся лейтенант, вынырнув из блаженной полудремы. А не такие уж плохие сыскари у его величества! Все ведь слышал, все замечал, хоть и вполне честно клевал носом. — Говорят, такое бывает, когда неожиданно срабатывает сторожевая нить.

— Видит Создатель, я хотела бы ошибиться, милорд, — вздохнула юная леди, — Маг был опытный, скорее всего старой школы, он очень умело маскировался. И... этот человек берет силы у Отступника.

— Темный? В столице?! — капитан чуть не подскочил на месте, хорошо, что кружка у него в руках была уже пуста, — Бред! Впрочем, если покажете эти самые "кочки", то мы легко проверим... Любой маг из Ложи Наблюдателей или Смиранный брат...

— Безусловно. И покажу, и попрошу проверить. Боюсь, что и в других местах отметилась Тьма.

— А вам про другие места откуда известно? — открыл один глаз молчавший до того третий. Глаз был желтый, хитрый и слегка светящийся в полумраке комнаты. Бедолага, подумала Тайри, дня три уже на эликсирах сидит, а это вредно. Нельзя так организм мучить, магическое чутье, конечно, обостряется в разы, но последствия... — Вы же только что прибыли!

— Все те же сторожевые нити, милорд, ничего противозаконного. Я протянула их к дому моих родителей и к дому друзей.

— Ага... а вы, стало быть, молодая леди Даллет.

— Так точно. А вы не из отдела Расследований. Надеюсь, с моими близкими все в порядке?

— Конечно. Иначе бы вы здесь так спокойно не сидели и с нами не беседовали, — пробурчал желтоглазый, — подружку вашу попытались утащить, но она так шуганула похитителей, что мы... э... несколько удивились и даже слегка позавидовали. Просто и действительно. Теперь вот все трое сидят у нас в подвале и нервно икают. Надеюсь, разговорятся...

— Скажите, эти мерзавцы еще где-нибудь наследили? Если это конечно не...

— Это не тайна, миледи, — усмехнулся пожилой капитан, — дом графа Изара, резиденция ваортов, одно из зданий императорской Академии и дворец его величества.

— Надеюсь, никто не пострадал? — спросил Гай взволнованно.

— Точных сведений пока нет... Ваорты, знаете ли, не слишком разговорчивы, когда к ним так беспардонно лезут. Про остальных ничего страшного не слышно, а сведения из дворца нам, мелким сошкам, не докладывают.

Последовало несколько неприятных дней, заполненных визитами магов-экспертов, следователей и даже монахов из ордена Смиранных братьев. Впрочем, беседа с похожими, точно близнецы, крепышами в темно-серых рясах, была весьма приятной и, главное, полезной. Лишнего Братя не спрашивали, понимали все с полуслова и буквально лучились спокойствием, уверенностью и добротой. Рядом с ними все чувствовали себя в полнейшей безопасности. Перед тем как попрощаться один из служителей Создателя благословил дом и его хозяев, а потом молвил степенно:

— Не нравится мне всё происходящее, ох как не нравится. Неспроста прислужники Темного вокруг вас виться начали. Не мне, слабому, прозревать пути Творца, но кое-что предположить я могу. Подумайте, какие из ваших поступков могут помешать планам Отступника? Планам настолько важным, что он счел возможным рискнуть своими пособниками и пожертвовать более мелкими сошками. Будьте осторожны, господа маги.

Трижды приглядывайтесь к тем, с кем говорите, с кем ведете дела. И десять раз подумайте, прежде чем давать какие-либо обещания. Отступник — большой умелец загонять жертву в угол вроде бы невинными просьбами и обещаниями. А еще никаким посулам не верьте и никаких угроз не слушайте, в любом случае все это пустой звук. Будет туго — приходите в любой храм, поможем, чем сможем. И друзьям вашим скажите.

Разумеется, после всего этого мысли о скором исходе мастер отодвинул далеко на второй план. Ему хватало волнений за ученицу, друзей и даже за императора. Перейти дорожку Тьме — слишком хлопотное развлечение. Не так уж трудно было понять, где и как они умудрились это сделать...

Его величество без лишних церемоний попросил всех своих разведчиков держаться вместе, по одиночке не ходить и в расследование не соваться. Достаточно было того, что Тайри "унюхала" темный след, остальные меры пусть принимают те, кто имеет необходимые полномочия, знания и силы. Таковых в Столице достаточно, а разведчиков кот наплакал...

**** **

Так, в заботах и тревогах, подошло время защиты. Накануне назначенного дня мастер волновался и переживал гораздо больше, чем его ученица. Тайри пыталась его убедить, что для беспокойства нет ни малейшей причины, но ее любимый наставник ничего слушать не желал и упорно не находил себе места. Даже то, что "наглотавшись" его эмоций, ученица завтра провалит не только практическую, но и теоретическую часть, и защита превратится в несусветный позор, аргументом сочтено не было. Леди Даллет решила: раз слова понимать не хотят, придется действовать хитростью. В ход пошло успокоительное снадобье без вкуса и запаха. После чего Гай, собиравшийся всю ночь провести над очередным чтением диссертации своей ученицы, неожиданно послушался и ушел спать. Ему снилась Тропа, Белый Мост и яркий свет впереди.

Как и ожидалось, на защиту столь необычной диссертации собрался весь цвет магической гильдии. Его величество занял свое место в закрытой ложе, защищенной от всех возможных воздействий. В первом ряду, по соседству с милордом ректором сидели те, кто был настроен наиболее скептически и даже враждебно. Ну где это видано — представительнице опальной, более того, почти истребленной некогда фамилии позволить получить магистерское звание! Да еще и в новой области, где все темно и неясно! Неслыханно и недопустимо!

Пока Тайри бодро излагала стройные теоретические выкладки по мощности порталов и построению переходов, скепсис и раздражение на лицах слушателей мало-помалу сменился оживленным интересом. Вроде бы предмет всем известен, но глубоко его никто не исследовал и с подобной точки зрения не смотрел. Заодно становилось ясно, почему у многих вовсе не получаются Короткие переходы, или же порталы мгновенно схлопываются. Юную леди засыпали коварными, на их взгляд, вопросами. Ну откуда уважаемым оппонентам было знать, что мастер Гайдиар считал ответы на них азами обучения и преподавал своей ученице в самом начале курса?

О Тропах не могли не вспомнить, и о них вспомнили. Пятеро магов из Высокого Жюри, особо сомневающимися в существовании самого предмета изучения, возжелали лично взглянуть, что же такого удивительного нашли мастер и соискательница на пыльных тропах между миров. А, при возможности, еще и доказать, что оба они — шарлатаны, не достойные внимания и доверия. На вежливую просьбу ваюмна тщательно запечатать все внешние

магические каналы и слушаться во всем проводника, члены Высокого Жюри демонстративно рассмеялись.

— Поверьте, нашей силы хватит, чтобы укротить десяток древних чудовищ. Ваши рекомендации хороши для неопытных учеников и недомагов вроде вас самого, — высокомерно скривился граф Фаррелл, один из сильнейших чародеев империи. Стихией его был Огонь, а призванием — война.

— А может быть, мастер просто желает таким образом обезопасить свою ученицу? Хочет, чтобы мы ничего не поняли, остались магически слепы и глухи, и всему поверили?! — возопил его сосед, древний старикан из тех, кого "слушал еще дед нынешнего императора".

Мастер Гайдиар только усмехнулся:

— Упаси меня Создатель идти против желаний столь опытных и могущественных магов. Делайте, как посчитаете нужным, милорды, но не говорите потом, что я вас не предупреждал. Леди Даллет, вы готовы? — Он дождался кивка сосредоточенной, точно перед боем, Тайри. — Открываем портал.

Его ученица едва заметно улыбнулась, когда созданная ею жемчужно-серая "дверь" стала прозрачной и показала скептикам Тропу. Они просто не могли не почувствовать ее инородность, ее особую силу и магию.

— Прошу вас следовать за мной, милорды. Держитесь как можно ближе друг к другу и ко мне. Отставшего мы можем потерять навсегда, — спокойно произнесла ученица ваюмна и первой шагнула в портал. Притихшие и терзаемые любопытством господ из Высокого Жюри двинулись следом. Зал накрыла тишина, которую можно было резать ножом — столь упругой и осязаемой она была. Никто не высказывал ехидных предположений и неискренних пожеланий мастеру, каковые во множестве произносились на защитах злоязыкими коллегами. Полчаса, час... Мастер Гайдиар взглянул на императорскую ложу. Его величество застыл в кресле, казалось бы, в совершенно расслабленной позе. Но ваюмн знал, насколько быстро эта расслабленность может смениться чем угодно, вплоть до боевого транса или погружения в магическое познание. Вот и сейчас тяжелые веки дрогнули и пальцы чуть заметно сжали подлокотники кресла, стоило распахнуться двери в зал. Испытания на Тропе были закончены. Тайри, как и рассчитывал мастер, отыскала привычный выход в парке Академии. Не один ваюмн заметил, что господ могущественные маги очень устали, а также изрядно подрастеряли свой скепсис и самоуверенность. Кое-кто был бледен и тяжело дышал, кое-кто еле переставлял ноги. Вредного старикана, не желавшего закрываться от Тропы, тащил на себе более молодой коллега. К ним немедленно направился мастер Эйтан со своими снадобьями.

Император некоторое время наблюдал, как вернувшиеся с Тропы мужчины, тяжело плюхнувшись в первые попавшиеся свободные кресла, с трудом приходят в себя, а потом, опомнившись, запускают отработанный годами процесс восстановления Силы. А леди Даллет спокойно на все это смотрит, внешне ничуть не уставшая и абсолютно спокойная.

— Вам понравилась экскурсия, милорды? — иронично осведомился государь, — все ли ваши сомнения развеяны? Все ли гипотезы подтвердились?

Господа из Высокого Жюри нервно переглянулись, и граф Фаррелл ответил:

— Экскурсия была весьма содержательной, но по объективным причинам пришлось ее сократить. Мы готовы признать свои ошибки, ваше величество. Все предупреждения о том, что Тропа хищная и способна пожирать наши силы, оказались чистой правдой. Коллега Ревз

пренебрег просьбой леди Даллет, решил показать всю мощь своей магии... В итоге, как видите, сам чуть не погиб и нас поставил в крайне опасное положение. Если бы не миледи, мы бы вряд ли сейчас с вами разговаривали.

— Ваш вердикт?

— Безусловная магистерская степень. И... я бы посоветовал развивать это направление. Хотя бы с исследовательской целью. Наверняка найдутся маги, способные научиться ходить по Тропам, как леди Даллет. Согласен, их будет немного, но мне кажется, такие проводники нам нужны.

— Я услышал вас, милорд Фаррелл. Вердикт Жюри подтверждаю. Тайонна-Ри оу Даллет, поздравляю вас с успешной защитой. Теперь вы полноправный магистр, и с этого момента имеете право быть наставником в том, чем владеете сами. Подойдите! И вы, наставник Гайдиар, тоже.

Его величество держал на ладони тепло сияющий знак гильдии магов — три золотых языка пламени. Он означал конец обучения, завершение всех взаимных обязательств ученицы и наставника, полную свободу и... да, разрыв той самой связи, из-за которой все остальные отношения были под запретом. Еще несколько мгновений, и никто не посмеет их обвинить... Юная герцогиня низко поклонилась императору, и, как полагалось, преклонила колени перед наставником.

— Я научил тебя всему, чем владею сам, дитя. Моя клятва исполнена, и я отпускаю тебя в Мир. Да будут свидетелями этому все сидящие в зале, мой государь, а также силы видимые и невидимые... — Голос ваюмна к концу стал совсем тихим, а рука, нежно опустившаяся на склоненную голову Тайри, непривычно тяжелой. Далекий звон разрываемой струны слышали все, кроме, казалось, наставника и теперь уже бывшей ученицы. Они смотрели друг на друга с немым удивлением, но их лиц никто не видел кроме императора, который если что и заметил, то виду не подал.

— Встаньте, леди, — без улыбки произнес монарх, и, как только она выполнила его приказ, прикрепил к ее плечу гильдейский знак, — надеюсь, ваши знания и будущие ученики послужат благу мира и империи. Примите мою благодарность, мастер Гайдиар.

Ваюмн, все еще пытаюсь справиться с эмоциями, молча поклонился. В горле стоял ком, а голос отказался слушаться.

— Что ж, нам осталось только поздравить молодых магистров на Балу Наставников. Через неделю вас ждет торжество в серебряном зале Академии. Благодарю Высокое Жюри за мудрое суждение и внимание к работам молодых магов, — император покинул свое кресло и исчез в Коротком переходе. Народ в зале зашевелился и зашумел. Кто-то поздравлял мастера, кто-то обнимал ученицу, многие бросились задавать вопросы тем смельчакам, что прогулялись по Тропе под руководством Тайри. Самые расторопные уже тащили бутылки с игристым вином и высокие бокалы... Как часто получается, после двух-трех тостов самые веселые перебрались в ближайшую таверну, остальные вернулись к своим делам, даже не обратив внимания, куда подевались виновники торжества. Гай и юная леди сбежали на остров Юм — подальше от шума, суеты и любопытных взглядов. Надо было сосредоточиться и понять, что же произошло.

Сначала они просто сидели, обнявшись, на поваленном дереве и смотрели на тихое море. Впрочем, другим оно здесь и не бывало. Так действовали чары соотечественников Гая, небрежно брошенные за ненадобностью в мире, что четыре сотни лет служил им приютом.

— Нить осталась, Гай, — Тайри произнесла это первой и с удивлением обнаружила, что

сей факт вовсе ее не огорчает. Разве это плохо — всегда знать, что происходит с любимым человеком, успеть примчаться на помощь, защитить, уберечь...

— Не такая, как раньше, — ваюмн, похоже, не разделял ее радости.

— Интересно, почему она не исчезла? Возможно, мы нарушили закон, и...

— Вряд ли. Мы далеко не первые и не единственные, радость моя. Остались бы хоть какие-то упоминания, намеки, легенды. Просто мир считает, что я не до конца выполнил свою работу, — мастер грустно улыбнулся, — знать бы еще, чему такому я тебя не доучил.

— Мир решил, мир и подскажет. Разве это так уж страшно, Гай? Мы ведь давно привыкли к этой нити. Вот, сейчас я прекрасно чувствую, что ты, несмотря на все мои усилия и удачную защиту, все мрачнее с каждой минутой.

— Не выдумывай...

— Я не выдумываю, всего лишь сопоставляю кусочки мозаики и вижу полную картину. Твоя дочь где-то на Ллире, так? Раньше он был недоступен, и проверить ты не мог. А теперь отступить нельзя, ведь у нас попросили помощи.

— Не уверен, что она на острове, — не стал отпираться мастер, — но единственно верная тропинка к ней тянется именно оттуда. И мне ее не миновать.

— Что ж... Значит, одним вопросом меньше. И запомни, я не буду тратить время на то, чтобы бесконечно вздыхать, рыдать и бестолково метаться в поисках помощи. И тебе не позволю. Наше время можно прожить гораздо интереснее, — сердито ответила леди Даллет.

Ваюмн покачал головой, с восторгом глядя на свою ученицу. Когда твоя женщина столь прекрасна в гневе, разве можно удержаться от поцелуя? Губы ее горчили, но у правды иного вкуса не бывает. У обреченности тоже, но вот ее он как раз и не чувствовал. Зато мастер теперь словно прозрел, стал внимательнее относиться к мелочам, мимо которых раньше прошел бы и не заметил. Он старался запомнить и сохранить, точно великую драгоценность, каждый миг, проведенный с Тайри, каждое ее слово, прикосновение. Вот когда пригодилось одно из умений, сызмальства практикуемое послушниками в храмах Райдо. Гай умел не только запоминать, но и в нужные моменты оживлять глубоко спрятанные воспоминания.

Пока это возможно, не отпускай меня, милая, — думал мастер, зарывшись лицом в пахнувшие полынью и дымом медовые локоны. Я хочу, чтобы ты навсегда осталась — хотя бы в моей памяти, если уж нельзя иначе. Я унесу с собой каждый взгляд, каждый вздох, все твои улыбки, адресованные мне, ощущение твоих легких пальцев на затылке, тень от ресниц на щеке. Твой горячий шепот и отчаянную нежность — самую невероятную магию, каждый раз поднимающую меня к небесам и превращающую в кого-то другого, более сильного, решительного и смелого... Ты права, милая! Единственное, что сейчас действительно стоит делать — это оставаться вместе, не разлучаясь, не отпуская рук. Скажешь, так не получится? А мы попытаемся...

Как ни странно, им обоим стало легче. Определенность словно добавила сил, открыла второе дыхание. Известен срок, так не сидеть же в ожидании! Тайри пришлось серьезно готовиться к Балу наставников. Гай просил, чтобы его ученица была самой прекрасной, и отказать ему юная леди не решилась. Смешно подумать, год назад она вообще собиралась проигнорировать это, как ей тогда казалось, помпезное и абсолютно бесполезное мероприятие. А теперь пришлось тратить уйму времени на посещение магазинов, портных, ювелиров... Не так-то просто сшить платье мечты, когда у тебя всего неделя!

Наконец-то удалось найти желаемое! Тайри и Одри, довольные и сияющие, покинули торговый дом "Тирз и сыновья", унося с собой два отреза великолепного уккабского шелка и

еще подходящий по цвету кусок атласа — для туфельек. Поскольку покупки почти ничего не весили, юная герцогиня отпустила экипаж и решила пройтись пешком. За купеческим кварталом лежал большой парк, больше похожий на мрачноватый лес. Говорили, что он постарше парка императорского, а уж сколько легенд о нем ходило в Столице, в том числе и недобрых...

— Госпожа моя, может, обойдем эти дебри от греха подальше? — зябко передернув плечами, спросила Одри.

— От тебя ли я это слышу, о моя отважная колдунья? — шутливо удивилась леди Даллет, — что может быть опасного в старом парке, пусть и несколько заброшенном?

— Мне тревожно, госпожа моя. Сны какие-то мутные, точно кто прячет от меня важное, увидеть не дает. Руны вроде ничего плохого не сказали, да только когда рядом выпадают перевернутые "тир" и "од", а с ними вместе голая кость...

— Пустая руна? — Тайри помнила, что означают все эти руны по отдельности, но вместе... Вместе они говорили нечто несусветное. Перевернутая "од" — бездна, Тьма или, как в последнее время все чаще ее толковали, "Отступник". Перевернутая "тир" — перекрытая дорога, невозможность продолжать путь. А "голая кость" — полная неопределенность, отказ что-либо открывать и предсказывать о судьбе вопрошающего. Ибо не положено смертному знать, что там придумали для него высшие силы.

— Это что получается...

— Да ничего путного. Такого расклада у меня с роду не выпадало.

— А если подумать, Одри? Или еще раз спросить руны?

— После того, как выпала "голая кость", ни одна гадалка не возьмется тебе предсказывать раньше, чем через месяц, даже самая сильная. Тут только напортить можно.

— Ладно, забудь. На нас, магов, гадать — только время терять. Непредсказуемые мы, — отмахнулась леди Даллет, — пойдем скорее. Посмотри лучше, как здесь красиво.

Одри рассеянно кивнула, с сожалением оглядываясь на оставшуюся за спиной чугунную вязь ворот и светлую улицу. По зимнему времени парк был пуст и выглядел диковато, хотя дорожки кто-то почистил совсем недавно. Свежий снег не сделал аллеи светлее, под тяжелыми ветвями старых раскидистых елей до поры прятались зимние густые сумерки.

Тайри и сама не рада была, что потащила подругу этой дорогой. По ее расчетам, они должны были уже попасть на улицу, куда выходил задний двор особняка Даллетов, а дорожка среди голых кустов и мохнатых елей все тянулась и тянулась. Стало подозрительно тихо: ни белок в ветвях, ни птиц над головой, даже ветер куда-то подевался и гравий под ногами перестал шуршать.

— Не нравится мне все это, госпожа, — хмуро проговорила Одри. — Темным колдовством пахнет, а еще ловушкой.

— Ну что вы, милая девушка, какие могут быть ловушки в наше-то время? — приторно-ласковым голосом произнес незнакомец. И откуда он взялся-то, точно из-под земли выскочил! Стоит посреди дороги, елейно улыбается тонкими, чересчур яркими губами, сверлит бесцветными своими глазками, чтоб ему пусто было! И Тьмой от него разит так, что аж зубы ноют. Вот вам и перевернутая руна "од"...

— Не разговаривай с ним и в глаза ему не смотри, — быстро зашептала деревенская колдунья на ухо подруге, нашаривая под шубкой заветный медальон на серебряной цепочке.

— А тебе бы лучше помолчать, — прошипел непрошенный собеседник. Его глаза полыхнули алым, а улыбка превратилась в оскал, — я ведь именно поговорить пришел с

твоей госпожой. Пока — только поговорить, — он тряхнул головой, и длинные пегие волосы взлетели, подхваченные несуществующим ветром, — а ты нам все портишь... дура! — как только ладонь Одри коснулась медальона, незнакомец щелкнул пальцами, будто сбивая невидимую пылинку с рукава, и девушку отбросило далеко назад, в сугроб. Из-за кустов вышли две поджарых собаки — дымчато-серых, длинноногих, с узкими костистыми мордами и стоячими ушами. Клыки и когти слабо отсвечивали зеленью, а вместо глаз были темные провалы с плавающей в них алой точкой зрачка.

— Ну вот, — удовлетворенно кивнул мужчина и сощурился, точно сытый кот, — теперь нам не будут мешать всякие... Мне нужно, чтобы вы кое-что сделали, леди Даллет. Сами догадаетесь, или мне объяснить?

Тайри стояла молча, глядя в пространство над плечом неприятного визави. Слова подруги она запомнила и старалась им следовать. Куда, интересно, смотрят маги его величества и монашеские ордена, в чьи прямые обязанности входит искоренять последователей Отступника? Как они проморгали такой экземпляр, по самую макушку накачанный Тьмой? Рядом с ним стоять больно и дышать невозможно, В позвоночник будто раскаленный бур вкручивают. И щиты все уже на пределе, того и гляди рухнут. А ведь он ломится, лезет в мысли, протягивает свои отвратительные магические щупальца к чувствам и воспоминаниям. Что там в монастыре говорили, какая-то есть простенькая формула от всякого зла, вспомнить бы еще...

— Молчите, леди? Выполняете указания какой-то деревенщины? Где же ваша фамильная гордость, а?! Ну и глупо. Легче вам от этого не станет, и не надейтесь. Кроме того, это же просто невежливо! Вы наверняка догадываетесь, что я много старше вас, — он ухмыльнулся криво, на секунду став почти стариком, — и происхождение мое ничуть не ниже вашего, то же касается и титулов... Самое меньшее, меня многие называют Князем, не говоря уж о всяческих Повелителях, Хозяевах и Властелинах. Некоторые даже Отцом величают. А вы в молчанку играть изволите, точно невоспитанная простушка. Право, вам не идет.

Он рассмеялся, довольный собственной тирадой — точно железом по стеклу скрежетнул, потом резко наклонил голову, ловя взгляд собеседницы.

— Ну хорошо же. Я сделаю вид, что я не гордый, и все объясню. Что за времена настали, все приходится делать самому... Если бы эти идиоты, мои эмиссары, хоть раз сработали, как надо! Так нет же, в результате их неуклюжих стараний я вынужден тут распинаться перед какой-то... Вы меня слушаете? Ага, вижу, слушаете. Поверьте, леди, это в ваших же интересах: внимательно выслушать и сделать, что просят. Лично я против вас ничего не имею. Пока. На Тропу выбрались — и на здоровье. Охота вам с инородцами романы крутить — да сколько угодно. По всяким опасным местам лазить изволите — ваше дело, если головы не жаль. Но не становитесь у меня на пути! — змеиный шепот перешел в неприятный, режущий слух фальцет, — ваш император и так словно кость в горле! И все эти тиншельты с валлирами, которые никак не передохнут, вечно лезут, куда не просили. А тут еще вы с вашим умением! Думаете, мне мало забот?!! — темный сделал еще пару шагов и оказался лицом к лицу с Тайри. Ее сковало мертвенным холодом, ноги моментально стали ватными, а сердце слабо трепыхалось, пропуская удары. Слава Создателю, колени пока не дрожат и зубы барабанную дробь не выбивают... Только руки еще каким-то чудом двигаются, можно перебирать монетки в кармане, они будто теплые, хотя как такое может быть? Серебряные монетки — и теплые. Се-реб-ря-ны-е...

— Для всех будет лучше, если вы под любым предлогом откажетесь от экспедиции на Ллир, леди. Обещаю вам забыть все те неудобства, что вы уже мне доставили. В противном же случае я сумею очень серьезно осложнить сначала жизнь ваших близких, потом вашу. И никто вам уже не поможет. Ну как, согласны?

— Нет, — будто со стороны услышала юная леди свой голос, удивилась мимоходом — даже не дрогнула! — и бросила в лицо красноглазому пригоршню серебра. Она почти не надеялась, но светлый металл буквально прожигал бледную кожу, и плащ незнакомца дымился там, где в него угодили монетки. Темный взвизгнул, точно увидевшая крысу девица, схватился за лицо и исчез, будто и не был. Юная герцогиня перевела дыхание, а к ней уже спешила, прихрамывая, Одри.

— Молодец, моя леди, выстояла, — деревенская колдунья обняла подругу, прижалась щекой к щеке, — ну, теперь-то чего дрожать? Ты победила, не он. Все хорошо, только нам бы теперь в храм зайти, Создателю спасибо сказать, что не оставил нас, грешных, на растерзание...

Через несколько минут они вышли на улицу, а вокруг по-прежнему был яркий зимний день, и парк, оставшийся за спиной, больше не казался ни мрачным, ни опасным. В паре шагов от калитки девушки столкнулись с Дарреном.

— Слава Создателю, вы вернулись! Я места себе не находил, мне показалось, вы были в очень большой опасности. Я ведь прав?

— Прав, конечно, но все уже позади, — попыталась успокоить его Тайри, но голос срывался, а руки дрожали.

А с другой стороны, не замечая дорожек, бежал, задыхаясь, Гай. О существовании порталов мастер, похоже, напрочь забыл.

— Живая... — выдохнул он, увидев беседующую с Дарреном ученицу.

— Забирайте ее, мастер Гай, и не отпускайте от себя ни на шаг, — тихонько сказала ему Одри, — а в храм я и сама схожу. Боюсь, без Смиренных братьев нам не обойтись. Не смотрите на меня так, Тайри вам все расскажет.

Она, конечно, рассказала всё и без утайки, сидя перед жарко пылающим камином с кружкой горячего вина в руках. Говорила тихо и монотонно, стараясь не думать о том, что поза и лицо скажут внимательному человеку много больше, чем слова, что вместе с остальными ее слушает отец и замерший у его кресла Габриэль. Оставалось только возблагодарить Творца за то, что матушка отправилась в гости к жене уккабского посла.

— И что нам всем теперь делать, о моя мудрая дочь? — спросил без тени иронии герцог Даллет, когда рассказ был окончен.

Неловкое молчание повисло в комнате. Рецептов, если, честно, не существовало. Можно, конечно, предположить, что если переселиться всей семьей в самый неприступный и древний монастырь, где монахи силой молитвы исцеляют безнадежно больных...

У дверей полыхнул снежно-белым портал, и из него буквально выпал взъерошенный и крайне недовольный жизнью Даль.

— ...Да чтоб твоего демона через храмовый порог коромыслом... Сроду у меня эти фокусы не получались, и вот опять! — граф Изар огляделся, заметил, что в зале полно народу и тут же перестроился, нимало не смутившись, а попутно еще и заметив мрачные лица мужчин и растерянные — женщин.

— Рад вас видеть, милорды и миледи! Похоже, и спрашивать ни о чем не нужно. Тайри, с тобой тоже... поговорили?

Та просто кивнула в ответ.

— Значит, не только нам испортили утро... Эти мерзавцы даже к брату просочились.

— Что по этому поводу сказал государь?

— Как только перестал ругаться последними словами, велел успокоиться и не паниковать, — горько вздохнул сводный брат императора, — Ничего они нам не сделают. Пока мы с места не тронулись, Весы на нашей стороне. А после праздника Длинной ночи вернутся тиншельты, и тёмные вообще не смогут близко к городу подойти. Нет у них такой силы, у всех марионеток ниточки порвутся.

— Мне бы твою уверенность, Даль, — мрачно сдвинула брови юная герцогиня, — тот, что с нами говорил, марионеткой не был. Слишком живой, и в нем слишком много силы.

— Брат сказал, что эти — тоже куклы, только перчаточные. Люди-сосуды, временные вместилища хозяйской воли. Отступник воспользовался ими, а потом, скорее всего, выкинул, как грязные перчатки, за ненадобностью. Слава Создателю, их господину пока нет прямого доступа в наш мир, вот и приходится пользоваться... орудиями. Так что будем жить дальше.

— Боюсь, что у нас уже не получится, как раньше, — покачала головой Одри.

— Придется постараться, — веско произнес граф Изар и сделался, как никогда, похож на своего венценосного брата. Даже интонации были те же, — они ведь никого из нас не запугали, и договориться ни с кем не смогли, ушли не солоно хлебавши. Даже если мы все сейчас немного... — он задумался, подыскивая правильное слово, — растеряны, они не должны об этом догадаться. В нашей жизни ни-че-го не изменилось.

— Вот сейчас я точно услышала его величество, — бледно улыбнулась Тайри, — и именно так я и сделаю.

— Да я и старался передать его слова как можно точнее, — смущенно потупился Даль, — еще боялся, что не сумею.

— Сумели, милорд. Так государю и передайте, — откликнулся герцог Даллет со своего места. Видимо, его тоже впечатлила речь Адалера. — А пока не согласитесь ли с нами поужинать?

— Если не обременю...

— Честное слово, граф, вы меня удивляете. Я всегда рад друзьям моей дочери.

— Ну, тогда я немножко обнаглю, — совершенно лучезарно расплылся в ответной улыбке Даль, — кто мне поможет построить Короткий переход и забрать Орнери из дома? Не хочу оставлять ее одну.

Сидя за одним столом с друзьями дочери, герцог Даллет гадал, на кого они сейчас больше похожи: на заговорщиков или на армейский штаб перед боем. Молодые тактики и стратеги, на плечи которых хитроумный Рикарт ор Льюфф переложил часть своей ноши. Теперь и они, как умели, не давали миру рухнуть в бездну. Вполне достойное занятие для любого мага, если подумать. Все лучше, чем отплясывать на балах и проводить время, пересказывая светские сплетни. К графу Изару старший Даллет относился с симпатией и уважением давно, его подругой-птицей просто восхищался (не так-то просто пойти против традиций и воли ну очень влиятельной родни!), да и с наставником дочери всегда был рад увидеться. Герцог никогда бы не подумал, что сердце затворника, коим мастер Гайдиар был многие годы, дрогнет и откроется Тайри. Многие и многие несчастные, пытавшиеся строить в разные времена отношения с ваюмнами, утверждали, что эти чужаки вообще не способны любить. А тут — такое чудо... Печально в этой истории только одно: им предстоит расстаться. Как переживет это его дочь, герцог даже думать боялся. Он попробовал

представить, что навсегда может потерять леди Лиолу. Не похоронить, а расстаться и больше никогда не увидеть. Ему стало больно, но не смертельно. Ведь иногда достаточно просто знать, что любимый человек жив. Вот именно, что иногда! А иногда — совершенно недостаточно и вовсе непереносимо, потому что некого обнять, невозможно услышать голос, нельзя заглянуть в глаза, и пустота на пару с ледяной тоской пожирают тебя изнутри.

Он прекрасно помнил, как мучился, когда Лиола — тогда еще его невеста, на несколько месяцев вынужденно вернулась в свои леса. Ее ждали какие-то длительные, чрезвычайно важные ритуалы и назначение преемницы в ордене Гарды, а его — сколько-то недель одиночества. Герцог умом понимал, что лесная колдунья его любит, верна и жива-здоровая, и все равно изводился от беспокойства. Вдруг с ней что-то случится, а его не будет рядом? Именно тогда он впервые попытался создавать порталы, а когда ничего не вышло, стал по крупицам собирать сведения и учиться, у кого возможно. Ах, если бы тогда ему попался мастер Гай... Теперь же Даллет-старший искренне радовался за дочь, ведь у нее получилось сделать то, чего он в свое время или побоялся, или забросил, или пожалел времени и сил. Кто бы мог подумать, что его девочка будет спокойно ходить по Тропам и увидит иные миры? После блестящей защиты все бывшие коллеги из Академии и немногочисленные оставшиеся друзья уши ему прожужжали: почему они знать не знали о такой интересной теме, и как это вообще пришло в голову юной леди. Не иначе многоопытный отец подсказал... Ну и, конечно же, теперь нет отбоя от желающих свести знакомство поближе — многие уже потирают руки от воображаемых выгод, что может дать Тропа. Безумцы... Некоторые уже который раз присылают приглашение на очередной бал и призывают как можно крепче дружить домами. А ведь дочери сейчас совсем не до светской жизни. Самое опасное, как и самое интересное, с обретением звания магистра вовсе не закончилось — оно только начинается, и ей понадобятся все силы, чтобы не утонуть в водовороте чужих интересов, интриг и противостояний. Если раньше герцог планировал для дочери вполне понятное будущее, то теперь он хотел только одного: чтобы Тайри жила и была, по возможности, счастлива. Например, как сейчас — несмотря на пережитый ужас, под нависшим над ней мечом неизбежного расставания с любимым человеком, с глубоко спрятанным внутри беспокойством за родных и близких, чувством вины перед матерью и так и не выполненным обещанием найти брата... Тайри счастлива, уверена в себе и соратниках, согрета взаимной любовью и идет единственно правильной дорогой — своей собственной. Не навязанной, не подсмотренной, не придуманной — настоящей. Как любой, ступивший на свой путь, она не знает, что ждет ее впереди. Как любой, она одинока и в опасности, пусть пока это и не заметно. Если Творец столь милостив, как о нем говорят, то приведет к ней человека, что будет рядом каждую минуту и дойдет до конца пути. Остальные же, как ни печально, будут лишь временными попутчиками. Кто знает, возможно, на каком-то этапе ей придется остаться совсем одной... А пока пусть радуется, любит, сражается, заботится, верит и ждет. Когда, если не сейчас?

**** *
**** *
**** *

После всего произошедшего у Тайри совершенно пропало настроение куда-либо выезжать, и вовсе не из-за пережитого страха. Она боялась причинить боль близким. Пусть уж лучше отец и Гай будут спокойны за нее, а всяческие балы и увеселения подождут. Гаю стоило огромных усилий уговорить ее не отказываться от бала Наставников. Решающее слово сказал герцог Даллет, напомнив, что юной леди очень вредно не ездить на бал, особенно когда она этого заслуживает. Пришлось согласиться, а упущенное время заставило

Тайри волноваться гораздо сильнее, чем перед защитой. Да что там, перед своим первым выходом в свет юная герцогиня так не переживала!

Тайри замучила всех, кого возможно, вопросами о том, хорошо ли сидит платье, к лицу ли ей этот цвет, не слишком ли простая прическа и не тяжеловаты ли драгоценности. Одри, устав от всего этого, втихаря подлила подруге успокаивающего зелья. В итоге, ночь перед балом юная леди провела дома и отлично выспалась, что благоприятно сказалось и на цвете лица, и на душевном равновесии. На нее снизошло спокойствие, и настроение всех окружающих резко улучшилось. Леди Лиола и Одри вполне справедливо считали, что и волноваться-то было не о чем. Прекрасное платье зеленого шелка великолепно оттеняло глаза, колье подчеркивало стройную шею. Волосы уложили в изящную, но не вычурную прическу, удерживаемую старинным гребнем и капелькой магии, но герцог, как самый разумный из всех, считал лучшим украшением счастливую и немного смущенную улыбку на лице дочери.

Мастер Гайдиар такой свою ученицу еще не видел, разве что на парадном портрете. Слова куда-то испарились, осталась только мысль о том, что если бы он не влюбился в эту женщину раньше, то сделал бы это сейчас. Многие не могли оторвать восхищенных взглядов от его прекрасной спутницы, и Гай был безумно горд. Раскланиваясь с коллегами и знакомыми, приветствуя немногочисленных друзей, он понимал, что кое-кто ему вполне очевидно завидует. Дожил наконец-то, — весело думал он, — теперь даже на балах танцевать придется... И где моя спокойная жизнь? Тайри бы сказала где, вспомнив своего любимого лысого демона...

— Вы непростительно хороши и на вас до безобразия приятно смотреть, — заявил мастер Эйтан с шутливой укоризной, — Была бы моя воля, спрятал бы вас подальше от всего и всех, чтоб дурной глаз не увидел. Гай, ты-то хоть понимаешь, что вы рискуете?

— Разумеется. Но у нас совсем нет времени, чтобы прятаться. Да и хватит уже... Ничего нам не сделают.

— Ну, раз ты так уверен...

— Ни в чем я не уверен, мастер Эйтан, вот кроме нее, — Гай с нежностью взглянул на свою спутницу, — но мне очень надоело бояться.

— В таком случае пошли к демонам все условности, и будь счастлив, — старый целитель хлопнул друга по плечу, — должен же хоть кто-то в этом мире быть счастливым?

В зал ввалилась шумная компания: молодые магистры боевой магии и их совсем нестарые наставники, а еще любимцы всех дам — морские маги в синей форме адмиралтейства.

— Господа, я сплю, или это наша Тайри! Сожри меня бездна... — Какой, однако, знакомый голос!

Мужчины расступились, пропуская вперед высокого медноволосого красавца в черном мундире гвардии его величества.

— Леди Даллет, мастер, позвольте засвидетельствовать вам свое почтение, — церемонно, чуть нараспев, произнес он и изящно склонился, целуя руку даме.

— Рада вас видеть, граф ор Тильге, — улыбнулась Тайри бывшему однокурснику. Нир был все так же великолепен, только теперь это ее совсем не трогало. — Вас можно поздравить? Я слышала, вы теперь капитан гвардии его величества.

— Спасибо, миледи, поздравления с благодарностью принимаются, — он замолчал, нахмурившись. Видимо, вся эта глупая чопорность ему самому опротивела на второй

фразе. — Тьма и все демоны, Тайри, мы так и будем изображать тут придворных кукол, едва знакомых друг с другом? Я чуть в соляной столб не превратился, когда тебя увидел. Сказал тебе два слова — и почти теряю голову.

— Это ты напрасно, — строго погрозила пальчиком юная герцогиня, — Сам же знаешь, потеря головы — это очень серьезная потеря. Да и зачем его величеству почти безголовый Нир?

— Ты все такая же очаровательная язва.

— А ты все такой же очаровательный льстец. Только вот у меня давно иммунитет к твоему очарованию.

— И... что, шансов совсем нет? — Ну не шут ли в колпаке, а? Теперь в дело пошел трагический полусшепот под невероятно "несчастный" взгляд прекрасных синих глаз. И ведь большинство юных леди эту наживку проглатывают...

— Абсолютно.

— Что ж... — Клоун испарился, остался лишь галантный офицер, несколько более скромный, чем в начале беседы. — Тогда хоть один танец за мной оставь.

Мастер только посмеивался, глядя, как его любимая ученица беседует с молодым магом. Так изящно подстричь чей-то павлиний хвост... Хорошо, что на разговоры не осталось времени — зазвучала музыка. Гай ничуть не возражал, когда его спутницу приглашал танцевать то один, то другой знакомый. На весь вечер его терпения бы не хватило. Тайри уговорила мастера на три танца, которые давно считались традиционными: веллейр, ранду и, разумеется, андарон, завершающий любой бал. Ваюмн танцевать не любил, хоть и умел, но чего не сделаешь ради любимой женщины?

— Я начинаю думать, что милорд ректор пригласил сюда всех, кому не лень было прийти, — разглядев очередную шумную компанию, прибывшую на бал, мрачно проворчала Тайри. — Этим-то что здесь понадобилось?

Гай проследил ее взгляд: с хозяевами бала как раз раскланивались офицеры из отдела Особых ситуаций.

— Насколько я помню традицию, сюда может прийти любой, кто когда-либо получил степень магистра в стенах Академии, или же хоть раз был приглашен ею в качестве наставника, — напомнил мастер.

Один из офицеров, изучая нарядную веселую публику, надолго остановил на Тайри слишком внимательный и очень удивленный взгляд. Леди Даллет его почувствовала, обернулась, а потом поспешно подхватив под руку наставника, потащила его вглубь зала.

— Что случилось, радость моя?

— Очень давнее прошлое соизволило мне показать, что оно, оказывается, никуда не делось. Раньше этот тип, насколько я помню, обретался в Адмиралтействе. Лет этак двадцать назад.

— Что он мог тебе сделать, ты же была совсем ребенком.

— Мне и не сделал, а вот брату... Достоверных сведений у меня нет, но подозрений более, чем достаточно. По крайней мере, я точно знаю, что этот человек возглавил ищеек, когда мой брат исчез.

— Понимаю, воспоминания неприятные, но ведь теперь твоему брату вряд ли что-то угрожает. И вообще, посмотри-ка лучше вон туда. Редкое зрелище: вся Ложа Наблюдателей пожаловала в полном составе.

— Сегодняшний бал, похоже, войдет в историю, — Тайри присмотрелась и печально

вздохнула, — и высокие гости продолжают прибывать. Интересно, что привлекло Листающую Судьбы на этом шумном сборище?

Мастер обернулся. Лорды и леди почтительно расступались перед женщиной в роскошном наряде и гладкой белой маске. Таков был закон: никто не должен знать, как выглядит и к какой семье принадлежит сильнейшая предсказательница Империи. По тем же законам любой мог задать ей вопрос, но только не о себе. В отличие от мрачных пророков храма Времени, Листающая была совершенно свободна и вела ту жизнь, какую считала нужной. А какие восхитительные слухи о ней ходили! Говорили, что враги его величества раз двадцать пытались вызнать у нее в подробностях судьбу монарха, но ушли ни с чем. Говорили, что ее по доброй воле охраняют лучшие боевые маги. Говорили, что под маской скрывается потрясающая красавица, перед которой не устоит ни один мужчина. Говорили, у нее есть муж и дети, которые понятия не имеют, кто их жена и мать... Слухов было множество, и ни один из них не соответствовал истине. Впрочем, ни один из них не был до конца ложью, а всю правду знали только леди в маске и император.

Дама в серебряной парче и синем бархате шла напрямик к Тайри и Гаю, и юной леди почему-то казалось, что губы бесстрастной маски кривятся горькой улыбкой.

— Осторожность, мои дорогие, осторожность должна стать вашей жизнью, пока вы не ступите на палубу корабля, — прошелестела Листающая, приблизившись вплотную, чтобы только Гай и Тайри услышали ее шепот, — свора Отступника кружит в шаге от вас. Есть силы, ломающие судьбу. Я их только вижу, а столкнуться и бороться с ними придется вам. Поэтому важно уберечься и уберечь, а что скажут или подумают об этом люди — лишь пыль на ветру.

Шаг, другой, и таинственная дама оказалась среди смеющихся гвардейцев. Мелькнул раскрытый веер, совсем иной, громкий и уверенный голос произнес:

— Что же вы растерялись, милорды? Вам нечего у меня спросить? Тогда, возможно, кто-нибудь осмелится пригласить леди на танец? Сейчас как раз объявят веллейр!

Ваюмн чему-то мечтательно улыбнулся и уверенно повел партнершу в танце. Кружась с ним в паре, Тайри думала, что ее любимый в очередной раз, мягко говоря, поскромничал. Танцевал мастер ничуть не хуже остальных. Зато сколько ей пришлось выслушать вздохов и жалоб по поводу того, что и неуклюж-то он, как кит на суше, и музыку-то он не чувствует, и помнит-то с горем пополам полторы фигуры из трех танцев...

— Какое это предупреждение по счету, Гай?

— Третье, наверное. Руны, Смиренные братья, теперь вот она... Пора уже всерьез бояться, но у меня не получается.

— У меня тоже, наверное, потому, что мы оба боимся другого... Зато близкие наши в шаге от паники. Моей матушке ничего не стоит запереть нас всех в особняке или, того хуже, отправить меня в Уккабские леса под присмотр наших великих магов. Препятствий ведь не осталось, мое обучение закончено и я, вроде бы, совершенно свободна.

— До праздника Длинной ночи никто не станет принимать никаких решений, и леди Лиола в том числе. А потом... потом у нас не останется времени.

Веллейр закончился, за ним последовала ранда — танец со множеством фигур и сменой партнеров. Сойтись лицом к лицу, почти вплотную, держа руки над головой, дважды обойти стоящего на одном колене кавалера, сделать четыре шага к центру зала, покружиться на месте и оказаться в руках следующего. Смеющийся молодой моряк, неловкий и постоянно путающий шаги и фигуры пожилой магистр из Ложи наблюдателей, и... железная хватка

высокого альбиноса в мундире отдела Особых ситуаций.

— Вы очень изменились, миледи, с нашей первой встречи. Выросли во всех отношениях.

— Зато вы, очевидно, остались прежним. Только мундир сменили.

— Не судите сгоряча, миледи. Я знаю, что оставил о себе не лучшие воспоминания, о чем сожалею, — альбинос ловко увел партнершу от столкновения с соседней парой. Матушка всегда говорила, что слишком пышные наряды — зло, вот и милорд ректор запутался в юбках своей дамы, отчего чуть не сбил с ног других танцующих. — Замечу, все меняется, и я — не исключение. В сегодняшней ситуации я на вашей стороне, и не только по приказу. Мне не нравится, когда в моем городе начинают поднимать голову адепты Отступника. У меня к ним личные счеты.

— Зачем вы мне это говорите?

— Наверное, чтобы вы чуть больше мне доверяли. И чтобы не начали швыряться боевыми заклятиями, обнаружив рядом меня или моих людей. Его величество приказал глаз не спускать с вас и вашего мастера.

— Спасибо, я учту это, и мастера предупрежу. Его величество редко ошибается, но в этот раз он, пожалуй, чрезмерно заботлив, — кисло улыбнулась юная герцогиня.

— Вовсе нет, моя леди. Поверьте профессионалу.

— Для профессионала вы слишком хорошо танцуете, милорд.

— Нынешнее занятие не исключает богатого опыта. Всему можно научиться, — альбинос улыбнулся, в очередной раз легко поднимая партнершу в воздух, — а за старое не держите зла. Все мы ошибаемся.

— Брат исчез из-за вас?

— Строго говоря, нет. Когда вы вернулись в столицу, им вплотную занялись акулы из секретного подразделения Адмиралтейства — и было это чистым самоуправством. Как я понял, кое-кто сводил личные счеты. Его величество некоторое время был не в курсе, но уж когда узнал...

— Именно тогда вы и поменяли морское ведомство на сухопутное?

— Не угадали. Это другая история, очень длинная, а наша часть танца заканчивается.

— Расскажите?

— Непременно, моя леди. Когда-нибудь. А пока возвращаю вас мастеру, он, похоже, волнуется.

Всю оставшуюся часть бала, включая длинный и нудный андарон, Гай был загадочен и молчалив.

— Что ты еще придумал, милый? — строго спросила Тайри, когда они вернулись домой., — Лучше говори сразу. Конспиратор из тебя никакой.

— Хочу тебя кое с кем познакомить.

— Звучит угрожающе. Даже не знаю, соглашаться мне или нет.

— Ну, художники, если их не обижать, народ вполне мирный, — улыбнулся ваюмн.

— Уже интересно. И кому из нас понадобился художник?

— Мне, конечно. Один-единственный и весьма необычный, вот увидишь. Так ты согласна?

— Во всяком случае, заинтригована. Мы что, куда-то идем прямо сейчас? После бала? — удивилась она, увидев, что мастер подает ей теплый плащ.

— Зачем откладываеть?

— Хорошо, только я переоденусь во что-нибудь менее парадное. Или ты боишься, что в привычном костюме я напугаю твоего друга?

— Такого, пожалуй, напугаешь... Я бы не возражал, чтобы он написал тебя в бальном наряде, но он все равно сделает по-своему, о чем его ни проси.

Тайри не стала расспрашивать дальше. Приподнятое настроение, оставшееся после бала, пропало. Она поняла — Гай готовится, он абсолютно уверен, что им придется расстаться. Чувствует быстро убывающее время и хочет, чтобы осталась память — не только в сердце, но и вполне материальная. То-то у него на столе завелись два маленьких толстых альбома с пейзажами. На мгновение Тайри стало невыносимо горько: лучше бы любимый наставник искал способы не уходить или вернуться, а не к художникам бегал! Юная леди мысленно вылепила себе оплеуху: давала же слово ничем не отравлять оставшиеся им дни, не злиться, не отчаиваться. Ведь никто наверняка не знает, как все произойдет.

**** *
**** *
**** *

В таверне "Кисть и корона", где обретался знакомый художник Гая, было жарко, шумно и весело. А еще — красиво. Стены, потолок, двери — все было украшено творениями талантливых, но, увы, небогатых посетителей и постояльцев. Так что, ожидая, пока принесут заказанное, было чем заняться: рассматривать знакомые, полужнакомые и вовсе выдуманные пейзажи, портреты хозяев таверны с домочадцами, богатые натюрморты, а если поднять глаза к потолку, то и вовсе парящих в облаках драконов.

— Смотрите-смотрите, — гордо заявил хозяин, лично принесший необычным гостям лучшего вина, — Больше нигде такого не увидите. Этой братии только повод дай. У меня и комнаты все разрисованы, но вот с благородной дамой я бы не во всякую войти решился. Один шутник весьма интересные сцены рисовал, и манера у него, как ее... ре-а-лис-ти-ческая, во! Но содержание, бывало, и выдавших виды в краску вгоняло. А другой талант к концу своей недолгой жизни уверовал в Создателя и так свою комнатку расписал, что мы не решились там никого селить. Часовню сделали, так Смиренные братья всей толпой смотреть приходили... на Отступника. Художник этот его на отдельной доске нарисовал и в угол мордой к стенке поставил — вроде как он от воинов Создателевых там прячется. Доску монахи забрали и сожгли, а все остальное благословили и сказали не трогать. Ну мы и не трогаем, только свечки зажигаем...

— С ума сойти. А посмотреть можно? — глаза у Тайри так и загорелись.

— Как-нибудь потом, — разочаровал ее ваюмн, — во-первых, принесли наш ужин, а во-вторых, на ловца и зверь прибежал. Здравствуй, Ноэль.

— Чем обязан, мастер Гайдиар? — Ноэль был явно не в духе. Художника он напоминал мало, скорее разбойника с большой дороги или наемника, переживающего не лучшие времена. Худое лицо обветрено, подбородок и щеки заросли устрашающего вида щетиной, скулу украшает совсем свежая ссадина, только-только схватившаяся корочкой. На плечах болтается когда-то дорогая, но повывавшая виды кожаная куртка с серебряными заклепками, да и сапоги явно сделал не последний мастер. Руки знали не только карандаши и кисти, а длинный кинжал за поясом наводил на разнообразные мысли.

— У меня есть для тебя работа. Хочу заказать портрет.

— У меня кончились краски, а карандашами я топил камин, — пробурчали в ответ.

— Не беда, найдем нужные. А пока я приглашаю тебя с нами поужинать.

— Я не голоден, — мрачно сверкнул темными глазами художник.

— Ваше тело говорит об обратном. Вы голодны, и давно. А еще, вам нужно много сил,

чтобы повреждения, полученные дня три назад, зажили, как надо.

— Кто вам сказал?!

— Никто, Ноэль. Леди и так всё видит, — хитро улыбнулся мастер, — она целительница.

— Да ну! Правда, что ли?

Тайри вместо ответа потянулась к сорванным с мест нитям и нарушенным потокам, заростила трещины в ребрах, убрала боль, запустила процесс восстановления в отбитых почках, а напоследок заживила ссадину на скуле строптивного собеседника.

— Какого... — задохнулся от удивления Ноэль, — так это же...

— Магия. Чему ты удивляешься?

— Я, конечно, благодарю и все такое, миледи, — художник плюхнулся на стул и без спросу налил себе полную кружку вина, — но заказ я все равно не приму. Мне сейчас и голову-то негде приклонить, не то что над эскизами сутками сидеть.

— Снова со всеми переругался и задолжал, кому можно и нельзя?

В ответ мрачный знакомый Гая криво усмехнулся и залпом выпил вино.

— Закусывайте. — Леди Даллет пододвинула ему тарелку с утопающим в соусе куском мяса.

— Не хочу.

— Хотите. Это не еда, это лекарство. Будете спорить с целителем?

— Не буду. — Голод взял верх над гордостью, и на некоторое время над столом повисла тишина.

— Скажите, миледи, зачем вам понадобился портрет этого угрюмого типа? — ворчливо осведомился художник, взирая на опустевшие блюда и прочие горшки с мисками.

Из уст буки-Ноэля это прозвучало весьма комично.

— Ой, кто бы говорил, — просмеявшись, сказал мастер.

— Это Гай, по-вашему, угрюмый? — Тайри давно так не веселилась. Доля правды в словах Ноэля была, но совсем небольшая.

— А то нет?

— Да там, где наш мастер учился сию угрюмость и мрачность мысли культивировать, вы преподавали!

Тут уже не выдержал художник. Сначала хрюкнул, пытаясь сдержать смех, и спрятался за кружку с вином, но потом вынужден был поставить ее на стол, ибо самозабвенно ржал, что твой жеребец, раскачиваясь и ударяя кулаком по столу.

— Это... Это ж надо такое сказать!.. Преподавал! Я... ага... Гаю! Ой, держите меня...

Наставник с ученицей переглянулись.

— Что тебя так разобрало-то, дружище? Вроде вина совсем немного... — с преувеличенной серьезностью спросил ваюмн.

— Да ты сам подумай! Ой, ладно, — художник помассировал щеки, — если у меня со смеху челюсть вывихнулась, лечить меня бесплатно будете. Так когда вам нужен его портрет, миледи?

— Это мне нужен ее портрет, Ноэль. И быстро.

Собеседник выпрямился, чуть не с ужасом глядя на ваюмна. Всё его веселье как ветром сдуло.

— Ты в своем уме, мастер? Забыл, разве, как я пишу портреты и почему давно не берусь за женские?

— Я все помню, но не знаю никого, кто смог бы сделать это лучше тебя. Поэтому заранее согласен на всё... ну, почти на всё.

— Ты хорошо подумал?

— Лучше некуда. Назначай цену.

— Ты мою цену знаешь. Разве что за срочность с тебя содрать дополнительно. Золотом.

— Хоть золотом, хоть серебром, на здоровье, — отмахнулся Гай, — а жить, имей в виду, будешь у меня.

— Ты еще скажи, что устроюсь, как король. В кабинете?

— Ну не спальню же тебе уступать.

— А это мысль...

— Что еще тебе понадобится?

Ноэль печально заглянул в опустевшую кружку, а за ней и в бутылку, протянул руку раскрытой ладонью вверх:

— Задаток. Как всегда. Лавка почтеннейшего господина Мо уже закрылась, так что за красками и прочим завтра пойду. А сегодня заскочим в круглосуточную забегаловку Реми за блокнотами и карандашами, и спать.

Гай положил на стол увесистый кошелек.

— К Реми топай сам. Знаешь же, я его терпеть не могу. Мы тебя здесь подождем, если есть желание попасть домой Коротким переходом.

— Я, по-твоему, совсем дурак? От Реми до твоего дома пешком через полгорода топать. Ладно, ждите, я быстро...

— Может, ты мне хоть что-нибудь объяснишь, радость моя? — угрожающе-нежно произнесла леди Даллет, когда Ноэль ушел, — например, почему из всех художников тебе понадобился именно этот? Ужас кошмарный, грубиян и зануда.

— Потому что грубиян и зануда имеет совершенно особый дар. Его портреты... Я не смогу рассказать, их видеть надо. Глядя на них, человек не просто вспоминает, он будто заново проживает все связанные с изображенным моменты. Память не стирается и не тускнеет.

— Почему же тогда твой Ноэль не озолотился? Такие портреты должны быть очень востребованы.

— Ты — целитель, и первую причину его бедности должна бы увидеть сразу. Он не берется за портреты умерших или умирающих.

— Чтобы в последствии заказавшие их не сошли с ума, утонув в воспоминаниях?

— Именно. Они становятся для несчастных живее жизни. Во-вторых, Ноэль просит за свою работу не только золото. Деньги нужны лишь для покупки необходимого. Мой друг просит показать ему нечто, чего он еще не видел. Ему нужно не только пропитание, но и вдохновение. А третья причина — отвратительный характер. Видимо, Создатель, поцеловав этого обормота при рождении, оставил ему в подарок мешок недостатков. По собственному опыту знаю, насколько Ноэль бывает невыносим. Причем, чем дольше он бездельничает, тем он отвратительнее. Немногие решаются с ним иметь дело.

— А почему он не берется за женские портреты? Не умеет пририсовывать достоинства и не замечать недостатки?

— Это совсем грустная история. Дамы у него получают просто божественно, но... Когда он работает над портретом, он не просто постоянно наблюдает и общается с оригиналом. В женщин Ноэль еще и влюбляется — по-настоящему, чуть не до безумия.

Зачастую дамы не просто устоять не могут, они начинают испытывать ответные чувства! Какой муж это стерпит? И потом, его-то любовь проходит через день-другой после окончания работы, а вот у дам — далеко не всегда. Так и получилось, что от самого прибыльного вида заказов он вынужден отказаться.

— Понятно, — задумчиво протянула Тайри и подозрительно сощурилась, — а ты, стало быть, не боишься всего этого.

— Не боюсь, милая. Я боюсь, что ты убьешь его раньше, чем он закончит работу...

**** *
**** *
**** *

В первый день Ноэль завалил кабинет Гая, и без того небольшой, коробками с красками, шкатулками с кистями, связками карандашей и кучей разного калибра блокнотов и листов для рисования. Потом исчез куда-то на несколько часов, вернулся замерзший и грязный, натоптал в гостиной, слопал все запасы мясного в доме и, не поблагодарив, уполз спать.

Утром Тайри обнаружила постояльца на кухне, вдохновенно сочиняющего завтрак из того, что осталось от вчерашнего набега — для себя, любимого, разумеется.

— Присоединяйтесь, миледи, если голодны, — пробубнил он с набитым ртом, что-то помешивая на сковородке, — хотя, если честно, мне тут и одному мало. И я тороплюсь.

— Благодарю, я сыта.

— Воздухом и любовью?

— Пусть для вас останется эта версия, — холодно ответила юная леди.

— Ну и ладно, мне больше достанется.

— На здоровье, и приятного дня. — Ноэль не то чтобы начал раздражать Тайри, но нравился он ей все меньше и меньше.

— Счастливо, миледи. После обеда будьте здесь. Я приступаю к эскизам... наверное.

— Вы что, сами еще толком не решили?

— Это зависит от того, успею ли я за полдня завершить одно важное дело.

— Ну так завершайте, вам никто не мешает, — пожала плечами леди и открыла Короткий переход в "Улитку".

Как и ожидалось, свои таинственные дела художник завершил только поздно вечером, за что мастер и ученица были ему благодарны. Увы, на следующий день за это пришлось расплачиваться. Ноэль под предлогом эскизов присутствовал, казалось, везде и довел-таки всех до белого каления своим сарказмом и наглостью. Последней каплей стало его желание принять ванну перед ужином. В купальне он обосновался надолго, распевая фривольные песенки и постоянно спрашивая хозяев, нет ли у них пенящейся уккабской соли с запахом фиалок или, скажем, эликсира для закрашивания седины...

Тайри минут десять размышляла, что будет действеннее: разогреть воду в ванне, где плескался несносный гость, до кипятка, или подсунуть ему средство, что окрасит его патлы в чудесный изумрудный цвет, нет, пожалуй, ярко-розовый подойдет больше! Человеколюбие победило, и леди Даллет, поколдовав над одной из своих склянок, не глядя сунула ее в приоткрытую дверь купальни.

— А спинку потереть? — донеслось вместо "спасибо".

— Моргенштерном? Так ведь облезешь... — прошипела в ответ леди, отчаянно сожалея о том, что не может мгновенно сотворить из мочалки морского ежа. Ну да ничего, посмотрим, насколько хорошо подействует эликсирчик!

Гай, узрев Ноэля за ужином, чуть не подавился.

— Что это с тобой, мастер? Не ожидал, что твое магическое корыто подействует на меня столь благотворно? Или думал, я там растворюсь?

— М-да... Интересно, а после купания, ну, скажем, в илатских термах, каков был бы эффект? — спросил ваюмн, глядя, почему-то, на ученицу.

— Полагаю, он был бы...э... всеобъемлющим.

Заказчик и его дама почему-то усиленно прятали глаза и изо всех сил старались сохранять на лицах каменное спокойствие. Временами сил не хватало, и они начинали переглядываться и покашливать.

— Демоны вас раздери, я что, настолько прекрасен, что на меня нельзя смотреть, как на солнце? — не выдержал Ноэль.

— Угу, — глядя исключительно в тарелку, ответила леди, а Гай хихикнул.

Художник схватил отполированный до блеска серебряный поднос, стряхнул с него фрукты прямо на скатерть и воззрился на свое отражение. Зрелище было феерическим: волосы, брови и даже отросшая щетина окрасились во все оттенки розового и пурпурного. Некоторое время гость изучал свое отражение с разинутым ртом, потом отложил поднос, поднялся и ушел к себе в комнату.

— Я все испортила? — спросила Тайри у хохочущего Гая.

— Понятия не имею, но проучила ты его знатно. Теперь будет, аки цветочек.

— Ну, я ж не зверь. Завтра проснется в прежней окраске.

— Вы вернули меня к жизни, миледи, — страдальчески проскрипели с порога, — возможно, я даже найду силы работать.

Весь оставшийся вечер Ноэль проторчал в гостиной, завязав голову платком на пиратский манер. Он очень просил не обращать на него внимания и вообще считать за предмет интерьера, молчал и рисовал.

Еще три дня прошло столь же тихо и спокойно. Окраска исчезла, от Ноэля не было слышно ничего кроме "здравствуйте", "спасибо" и "спокойной ночи". Он изводил блокнот за блокнотом, становился все более задумчив и печален. Наконец художник снова исчез куда-то, вернулся с коробкой особых красок в маленьких стеклянных баночках, пучком тонюсеньких кисточек, непонятным свертком, а также тремя бутылками вина и корзинкой съестного в придачу. Заперся в кабинете, очень вежливо попросив не беспокоить его, даже если в доме случится пожар, или Отступник на пару с Создателем явятся по его душу.

— Всё, — сказал Гай, — засел за портрет.

— Так быстро? — удивилась Тайри.

— Я же просил о срочности. И не удивляйся, холста ты не увидишь. Я заказал миниатюру.

Затворничество Ноэля продолжалось около суток. Гай узрел знакомого у камина поздним вечером. Тот был мрачнее тучи и усердно скармливал огню листки с набросками. В ответ на вопросительный взгляд ваюмна художник тяжело вздохнул и ответил:

— Всё не то, Гай, всё из рук вон... Мне не нравится то, что получается. На бумагу лезут мои мысли и сны, а не то, что есть на самом деле.

— Возможно, тебе стоит больше общаться с оригиналом?

— Чтобы она снова макнула меня мордой в лужу? Хотя... я попробую, конечно. Вопрос, выдержишь ли это ты.

— Уж как-нибудь потерплю. Я прекрасно помню, что твоя "воспитанная" ипостась еще похлеще хулиганской, но ради заказа...

— Разумеется, только ради заказа, — скорчил кислую мину художник, — кто ж станет терпеть такое безобразие ради меня самого.

— Ноэль, сам-то ты много ради себя любимого сделал?

— Ладно, — отмахнулся гость, — я что-нибудь придумаю.

Утром Тайри пришлось срочно вернуться в особняк Даллетов — там понадобилась ее помощь. Габриэля с ночного дежурства домой принесли истекающим кровью. Лейтенанта серьезно ранили, когда стража обнаружила разбойничий притон. Четверо солдат во главе с де Рейвеном продержались до прихода подкрепления и дежурного мага — ценой двух жизней и двух тяжелых ранений. Кроме того, Даррену внезапно стало хуже. Все, что с таким трудом удалось сделать Тайри и леди Лиоле, было потеряно. Зеленоглазый без сил лежал в постели уже вторые сутки, сотрясаемый непрерывным ознобом. Юная леди Даллет хотела уже учинить своим домашним допрос с пристрастием, почему ее не позвали при первых же признаках болезни, но Даррен признался, что сам попросил не тревожить ее лишней раз. Ругаться на пациента, да еще в таком состоянии, целительница не могла. Все восстановить и вернуть ему силы — тоже. В очередной раз ее выручил многоопытный Скайяр. Когда зеленоглазый, уже куда более похожий на себя-прежнего, спокойно уснул, синий дракон очень строго отчитал целительницу за постоянные долгие отлучки из дома.

— Простите меня, моя леди, но это вы виноваты в том, что пациенту стало хуже. Не в моей власти объяснить глубинную причину, а очевидную вы могли бы понять и сами. Пока вы рядом, Даррену гораздо лучше. Так что имейте это в виду и потрудитесь не пропадать надолго, если, конечно, не хотите смерти вашему подопечному.

— Все так страшно, Скай? С чего бы?

— Не знаю, моя леди, вам это должно быть виднее, как целителю.

Все-то он знал, только, как всегда, не хотел делиться своим знанием, лишь смотрел с нескрываемым укором и какой-то новой грустью.

— И что же мне делать, Скай? Разорваться? Даже если забыть про мою личную жизнь, что будет с Дарреном, когда мы отправимся на Ллир?

— Ничего с ним не будет, моя леди. Он просто поедет с вами. Поверьте, так будет лучше для вас обоих.

— Возможно, — Тайри в задумчивости прикусила губу. Она обдумывала путешествие на Ллир, и волновало ее, что придется оставить близких людей без защиты. Безусловно, отец — сильный маг, да и службы его величества не дремлют, но Отступник хитер, и кто знает, что он выдумает на следующий раз. Нужен был кто-то, способный противостоять любым поползновениям темных, и юная герцогиня решила.

— Скай, я прошу тебя остаться с моими родителями и охранять их, когда я уеду. Нельзя верить угрозам слуг Отступника, но всегда лучше побережься. Так мне будет спокойнее.

Синеглазый дракон долго молчал, видимо, взвешивая все за и против.

— Хорошо, моя леди. Я останусь, хоть это и против правил, но... Я чувствую, что на дивном острове я ничем не смогу вам помочь. Это испытание, предназначенное вам одной, и рассчитывать вы должны только на свои силы.

— Спасибо. А моему пациенту и правда будет лучше рядом со мной. Особенно, если его величество и тиншельты не станут возражать...

— Они не станут.

В доме Гая юная леди появилась лишь поздно вечером. Ноэль был просто в бешенстве, закатил скандал, точно ревнивый муж из глупых романов: где была, почему так долго

отсутствовала, да почему не предупредила, да как она могла...

— Вы, милейший, еще скажите "я вам не разрешал", — огрызнулась Тайри, — для полноты образа, так сказать. В любом случае, отчитываться я перед вами не собираюсь. Никто, заметьте, себе такого не позволял и не позволяет. И вам пробовать не советую.

— О Создатель, что мне делать с этой женщиной! — возопил художник, театрально воздевая руки к небу, — вы понимаете, что угробили целый день работы?

— Вчера вы просили не беспокоить вас, вот я и не беспокоила, — дернула плечом строптивая модель, — у меня, знаете ли, полно других дел. Пациенты ждать не будут.

— Простите, я не знал, — Ноэль все еще пытался злиться, но это шло уже не от сердца. Как и говорил Гай, "ипостась" сменилась. Нахал и позер с острым, как бритва, языком, уступил место более сдержанному, задумчивому и вполне светскому кавалеру. Только сейчас Тайри заметила, что внешне гость тоже преобразился: исчезла щетина, уже почти превратившаяся в бородку, отросшие волосы аккуратно пострижены, а "разбойничья" куртка сменилась на очень приличный колет со светлой рубашкой. Другими стали и походка, и осанка. За столом сидел совершенно новый человек... Из-под нажитого непосильным трудом и нелегкой жизнью "панциря" проступила порода. Ноэль где-то старательно прятал от посторонних аристократичность, воспитание и привычку к строгому этикету. Это же как надо было стараться и сколько воли вложить! Тайри смотрела на "нового" художника и пыталась понять, который ей нравится больше. Первый оказался совершенно невыносим, но с ним было проще. Второй, конечно, в обращении был куда приятнее, но чего от него ждать, юная леди не знала. Она вопросительно поглядывала на Гая, но тот, похоже, ничуть не беспокоился и принимал преобразование постояльца, как нечто само собой разумеющееся.

Перевалило за полночь, все собирались идти спать, когда в дверь отчаянно забарабанили. На пороге стоял хозяин дома напротив — молодой ювелир. За его спиной пряталась супруга, едва удерживая исходящего криком ребенка.

— Милорд, вы маг, я знаю... Помогите, ради Создателя! Четвертые сутки пошли, лекари ничего сделать не могут, сыночек не спит, не ест, от крика задыхается...

— Входите же, не стойте на холоде. Почему к целителям не пошли сразу? — мастер строго глянул на бледную растерянную мамашу.

— Мы думали, само пройдет, может, зубки режутся... Да и свекор магов боится, не велел к ним единственного внука нести. А маленький все кричит и кричит, нас не узнает, шарахается, из рук вырывается, — молодая женщина жалобно всхлипнула.

— Тайри, взгляни, пожалуйста, — попросил ваюмн, — Да не бойтесь, уважаемые, миледи настоящий целитель.

Годовалый крепыш был здоров, Тайри это видела без дополнительных усилий. А вопил он, как резаный, от подсадных чар. Вот они, чужие черные нити, опутывают мальчика, словно паутина, только как их снять, не навредив? Магия старая, такая, наверное, только в глухих деревнях и осталась.

— Подождите тут, я сейчас эксперта приведу. Малыш не болен, это кто-то поколдовал над ним, — леди Даллет мигом открыла портал и через пару минут вернулась с сонной Одри, кутавшейся в теплую вязаную шаль. При виде ребенка сон мгновенно улетучился, деревенская колдунья увидела нечто знакомое.

— Ребенка с нянькой оставляли? — спросила она у родителей.

— Да, это первый раз... Он все время со мной, с рук его не спускаю, а тут на свадьбу брата в соседний город поехали, решили не возить с собой, — затараторила мамаша, —

вроде, нянька проверенная была, у троих знакомых за детьми присматривала, все хорошо было, а тут... Знала бы...

— Ага, соломки бы постелила, — кивнула Одри, — Что-то этой няньке у вас сильно понравилось. Может, дом, может богатство или муж твой пригожий глянулся, вот она и оплела мелкого паутинкой. Теперь он без этой няньки ни пить, ни есть не станет, только плакать день и ночь. А она как-нибудь невзначай зайдет проведать деточку — малыш-то и успокоится. Тут вы на радостях ее в дом и возьмете! Есть такое подленькое колдовство, но ничего, мы его вспять обернем и злодейку накажем. Пускай она как следует кошмарами помучается. Мастер Гай, у вас паук в хозяйстве найдется?

— Да откуда ж я знаю? — опешил ваюмн.

— Я знаю, — подмигнул художник, — у тебя в кабинете знатный ловец живет. Принести?

— Буду благодарна. А ты не закатывай глазки, мамаша! Паук твоё дитяtko не съест, а делу ох как поможет.

Ноэль появился, торжественно неся на вытянутой руке висящего на паутинке восьминогoго красавца с полосатой спинкой.

— Ах ты ж умничка, на ниточке принес, цены тебе нету... Вот мы сейчас шуганем заразу эту, чтобы неповадно было над детишками колдовать, — приговаривала Одри, обходя мать с ребенком по часовой стрелке, — забери, паук, паутину. Свое верни, чужое отдай! Откуда пришло, туда и вернулось! Нет дороги назад!

С этими словами она резко бросила паука в огонь. Малыш всхлипнул, замолчал и прижался к матери.

— Теперь бы ему оберег сделать, как мой дед учил. Локоном своим пожертвуйшь, красавица? Да и у тебя, папаша, тоже волосы длинные, а наговоренная нитка и у меня найдется.

Деревенская колдунья сплела коротенькую косичку из светлых волос матери, темной пряди отца и красной шерстяной нити. Что-то нашептывая, обвязала её вокруг запястья ребенка.

— Как тесен станет — сожгите, другой сплетем. Да идите домой, мальчик голоден и спать хочет. Молча, молча идите, никаких "спасибо", так надо! — напутствовала молодых родителей Одри.

Посетители чуть не бегом побежали, а девушка улыбнулась друзьям:

— Молодец, Тайри, что притащила меня. Знаю я такие шгучки, снимала не раз. А это что, еще один околдованный? — Она внимательно уставилась на художника. — Да уж, повезло тебе, красавец. Где ж ты в старое колдовство вляпался, да еще и по доброй воле? Мучаешься вот теперь, и никто тебе не помощник, только ты сам. Послушай себя, будь честен, не лукавь, старое отпусти — колдовство и отстанет. Оно и так уже на волоске держится. Сделай, что хотел, камень-то с души и свалится... Тайри, пойдем домой, — колдунья зевнула, прикрывая рот рукой, — устала я что-то. Ну, ты понял меня, человеке?

Художник кивнул и, пошатываясь, точно пьяный, отправился к себе в комнату.

— Вот так и узнаешь о друзьях много нового, — печально произнес Гай, обращаясь к единственному оставшемуся собеседнику — огню в камине. Тот в ответ затрещал и плюнул искрами.

Мастер проснулся поздно. Лениво потягиваясь, спустился на кухню, ловя аппетитные запахи шоколада, корицы, пряной выпечки и мясного пирога.

— Любимая, у нас какой-то праздник? — еще с лестницы радостно спросил он.

— Я, конечно, ни разу не праздник, да и на роль любимой женщины совершенно не претендую, — ухмыльнулся уплетающий булочки Ноэль, — но доброго утра тебе пожелать могу, и кое-чем порадовать тоже.

— Вот это всё ты сотворил?

— Упаси Создатель, я художник, а не кулинар. Это твоя леди позаботилась.

— И куда ты ее дел, чудовище?

— Никуда, — пожал плечами художник, — ушла порталом, как у вас с ней водится, вежливо пожелав приятного аппетита. Но это и к лучшему.

— Вы снова поцапались?

— Не угадал. Просто я должен с тобой поговорить... без свидетелей.

— Ты меня пугаешь, Ноэль.

— Заказ почти готов, — собеседник был вовсе не настроен шутить. — Остались детали, а в них, как ты знаешь, самое главное... Создатель любит детали, — художник тяжело вздохнул и поднял на ваюмна полные отчаяния глаза, — Может, лучше не заканчивать, а? Я верну деньги.

— Все так страшно, друг мой? Я не удивлюсь...

— Чему, Гай?! — перебил его Ноэль, — Тому, что я балансирую на лезвии с этим заказом? Ты же не слепой. Я уже схожу с ума по твоей женщине, а когда она рядом, едва держу себя в руках. Будь ты мне чужой, я бы и не подумал сдерживаться, но поступить так с другом... Да ты первый потом не простишь ни себя, ни меня. Хотя бы не оставляй нас наедине.

— Дружище, для тебя это обычное дело, пройдет, — попробовал успокоить художника мастер.

— Уже нет. Не пройдет, — Ноэль вскочил, сделал несколько нервных шагов по кухне, вернулся к столу, — и, демоны меня задери, я рад этому. Зато спокойно буду писать портреты других женщин, меня они уже не затронут. Или не буду никогда...

— Я понял, Ноэль. Прошу тебя, пиши, пока есть силы. Станет совсем невмоготу — оставишь, как есть. Прости меня, отказаться от заказа я не могу.

— Почему? Тебе недостаточно оригинала? За каким демоном тебе портрет, да еще и миниатюра?

— Сколько вопросов, — Гай грустно улыбнулся, — скоро все узнаешь, друг. Очень скоро. И, кстати, имей в виду: завтра будет вторая часть оплаты. Есть чудесные места, и мы с Тайри тебе их покажем.

— О Создатель... А без нее никак нельзя?

— Никак. Кое-что подчиняется только ей.

Гай знал, о чем говорил. Приблизительный маршрут они продумали еще пару дней назад. Тропа, конечно, могла "взбрыкнуть", запечатав какие-нибудь выходы, поэтому новых для Ноэля мест было предусмотрено с избытком. Орокс — удивительно яркий мир рыжих и пурпурных скал, ступенчатых водопадов и зеленых лугов. Кэрринн — дверь открывалась на берегу огромного озера, посередине которого жил своей непонятной жизнью сверкающий огнями ярко-синий замок. Вингшалья — Серебряный берег, с его незавершенностью и желанием жить, идеальное место для полета фантазии художника.

На Тропе Ноэль был нем, как рыба, выполняя обещание не задавать лишних вопросов и не отвлекать проводников. Сама по себе дорога навеяла художнику кучу мыслей, у него

пальцы чесались от желания быстрее взяться за карандаш. Он радовался, что захватил с собой самый толстый блокнот для эскизов, что есть в запасе акварельные краски и несколько листов подходящей бумаги, что можно оглядываться на идущую замыкающей Тайри сколько душе угодно, и никому в голову не придет, что делает он это не из опасения и неуверенности.

Орокс заставил Ноэля зажмуриться, столь яркие оттенки царили кругом. Он только смотрел по сторонам, но за кисти так и не взялся. Кэрринн же, наоборот, надолго задержал его. Эскизы, потом акварель — первая по счету, которой еще надо было высохнуть. А ведь он по началу краски брать не хотел, сунул их в карман в последний момент и не прогадал. Разве это не чудесно, когда женщина, от которой ты без ума, смотрит на тебя вот так — без улыбки, внимательно и серьезно? И пускай сердце готово выскочить от легкого восхищения в ее взгляде, от того, как она, затаив дыхание, следит за движением кисти, за тем, как пейзаж возникает на бумаге, а потом, когда работа окончена, протягивает кружку с подогретым вином, и можно почти нечаянно соприкоснуться пальцами...

Дальше Тропа вывела их к перекрестку.

— Чувствуешь? — Тревожно спросил Гай. — Темное Ущелье рядом. Думаю, что по какой бы дороге мы ни пошли, попадем именно туда, хоть и не планировали.

— Не стоит беспокоиться, — спокойно ответила его ученица, — я ничего не забыла и прихватила то, что обрадует здешнего хозяина. Ноэль, вы держитесь молодцом. Это место многим навевает не самые приятные ощущения.

— Как-то здесь мрачно, — пробормотал художник, наблюдая, как сквозь туман прорастают вперемежку темные и белые стволы деревьев, а края тропы оплетает низкорослый колючий кустарник.

— Это еще мягко сказано, — кивнул ваюмн.

Мощная фигура рыцаря соткалась из теней и шагнула на Тропу.

— Кого ты привела ко мне, девочка? — грустно прошелестел хозяин Ущелья, — сама скажешь, или мне угадать?

— Рада, что ты помнишь меня, уважаемый. И я помню, — искренне улыбнулась Тайри, — прими это от нас.

Полотняный мешочек с яблоками и бутылка молодого вина перекочевали к новому владельцу. Тот рассмеялся, довольный.

— Спасибо, девочка. Это очень кстати. И за гостя спасибо, есть в нас что-то общее... Ты много воевал? — повернулся он к художнику.

— Случалось...

— Больше не случится, хватит с тебя крови. Оставь здесь старое. Ты умеешь правильно видеть людей и запоминать их надолго, — рыцарь качнулся вперед, нависая над менее рослым Ноэлем. Тайри и Гай остались у него за спиной, — я хочу, чтобы меня тоже кто-то помнил... настоящим.

Хозяин помедлил минуту, а потом легко снял глухой шлем с гребнем. Какое-то время они с художником смотрели друг на друга, а потом рыцарь закутался в туман и растворился среди серебристых стволов. Тишина накрыла путников, и в абсолютном безмолвии шорох карандаша по бумаге казался очень громким. Ноэль спешно что-то зарисовывал в блокнот, переворачивая лист за листом. Тропа снова стала прежней, и леди Даллет осторожно тронула увлеченного художника за плечо.

— Нам лучше поспешить. Думаю, после такого приключения Серебряный берег

придется вам по сердцу.

Вингшалья и правда глубоко тронула гостя. Он долго осматривался, бродил по колена в соленой воде, сидел, пропуская сквозь пальцы тонкий белый песок и шепча что-то бессвязное, перебирал карандаши. В конце концов, он остановил свой выбор на акварели и принялся за работу.

— Ты заметила, здесь кое-что изменилось, — шепотом, чтобы не отвлекать художника, сказал Гай.

— Да, — кивнула Тайри, — трава, вот эти тоненькие метелки и колоски — их здесь не было. Новая линия дюн, более высоких. Горизонт откуда-то появился...

— Не зря я тебя когда-то сюда привел, — улыбнулся мастер, — знаешь... Я мало чем могу похвастать, но это был один из тех поступков, которые наполняют светлую чашу Весов. Мне будет, что вспомнить у Грани.

— А я всё ещё ничего полезного не совершила, — мрачно сдвинула брови его ученица, — ни тебя не отвоевала, ни брата не нашла, и даже этому миру хоть сколько-то помочь не способна. Ему необходим Созидатель, который увидит глубинные процессы и сдвинет "рычаг" сохранения мира в нужную сторону.

— Хочешь сказать, у тебя нет на примете ни одного такого мага?

— А они что, толпами по улицам ходят? Это такая же редкость, как...

— А если подумать, Тайри? Решение уже было произнесено. Я ведь очень хорошо запомнил всё, что ты мне рассказывала о кузене.

— Номар... — юная леди прикусила губу, задумалась, взвешивая аргументы, — пожалуй, он бы смог.

— Вот видишь! Найдешь брата — решишь сразу две задачи. Нельзя вечно откладывать задуманное.

— Кто бы мне подсказал, как решить задачу о наставнике и ученице, — горько вздохнула Тайри, — причем так, чтобы по возможности наставнику не навредить.

— Я закончил, господа маги. И хватит с меня на сегодня путешествий, — прервал их беседу Ноэль. Он выглядел уставшим, но довольным. Один акварельный набросок он спрятал в папку, а второй, еще влажный, так и оставил лежать на песке, прижав его камнями потяжелее.

— Ничего, — сказал художник в ответ на недоуменный взгляд Гая, — ему тут самое место. Может, когда-нибудь этот мир и станет таким.

Тайри внимательнее взглянула на рисунок. Из-за линии горизонта вставало яркое розоватое солнце, подсвечивая редкие облака. Над морем парили белые длиннокрылые птицы. Тонкие высокие деревья, похожие на сосны, встали вдоль дюн. У самого прибоя, спиной к зрителю, стояли рядом высокий, широкоплечий мужчина и женщина, едва достававшая ему до плеча. Мастеру она рассказывала, как выглядел кузен, а вот как догадался Ноэль? Потому что себя-то она узнала.

— Спасибо, Ноэль, — искренне поблагодарила леди Даллет, — надеюсь, что вас услышали, и это сбудется. Что ж, пора домой...

На следующий день художник вышел только к ужину. Тайри и Гай уже начали за него беспокоиться: не заболел ли, после прогулок по Тропе всякое бывает. Ноэль был бледен, а красные глаза свидетельствовали об очередной бессонной ночи. Он положил перед Гаем небольшую, с ладонь, коробочку.

— Это твой заказ. Ни над одним я так раньше не работал, да и вряд ли теперь буду.

Проверяй! А это вам, леди. Подарок, — перед Тайри легла на стол такая же.

Ваюмн замер, прикипев взглядом к овальной фарфоровой пластине. С нее смотрела его возлюбленная — насмешливая, нежная, совершенно настоящая. Ноэль написал невозможное — не внешность, но душу, характер и темперамент. Вот Гай чуть наклонил портрет, и лицо на нем изменило выражение, став серьезным и печальным.

Между тем, леди Даллет чуть не выронила свой медальон, настолько она была удивлена. Серебристо-синяя птица с яркими человеческими глазами поднимала голову к золотому царственному дракону. Тот парил над ней, точно закрывая от невидимой опасности, а вокруг сияло голубое небо. Так не бывает, думала Тайри, только лесные колдуньи могут заглядывать в чужие сны, как же он-то подсмотрел... Странное видение возвращалось к целительнице всегда после того, как приходилось лечить Даррена. Она связывала его с синеглазым Скаем и полагала, что если уж кто и охраняет ее, то только он.

— Благодарю, что приютили, друзья. Моя работа закончена, и сегодня я вас покину. Удобную квартиру я уже нашел...

— Спасибо, что взялся за мой заказ, Ноэль, — мастер, все еще пребывая под впечатлением, не глядя сунул руку в ящик стола и положил перед другом туго набитый монетами мешочек, — боюсь, этого слишком мало. Твой талант бесценен.

— С ума сошел? Убери, мы со вчерашнего дня с тобой в расчете.

— Не убери. Кроме того, все в рамках договора.

Ноэль не стал ломаться. Надо было подумать и о будущем. Долги он раздал, но жить дальше на что-то нужно. Уехать куда-нибудь, чтобы не думать об этой женщине с невозможными осенними глазами, умеющей исцелять и бродить по Тропам между мирами. Просто сказать — не думать, не вспоминать, когда она смотрит с огромного количества эскизов... Кстати, о них. Художник протянул ваюмну три толстеньких небольших блокнота:

— Здесь большинство моих эскизов к заказу. Забирай, они тоже твои. И... спасибо тебе, Гай. Это был главный заказ в моей жизни, возможно — последний, но я ничуть не жалею. Осталось только решить, что делать дальше.

— Может, пора уже вспомнить, кто ты и откуда, и вернуться домой? Ты ведь понятия не имеешь, что там делается.

— Да что там может случиться? Сам подумай, зачем в их прекрасном саду такой чертополох, как я.

— А ты уверен, что они думают так же? Да и ты ведь тоскуешь по ним, по городу и теплому морю.

— Тоскую, чего скрывать. Но если древняя дрянь, в которую я когда-то вляпался, снова проявится, мне придется срочно исчезнуть. И как я это им объясню?

— Не придется. Хочешь верь, хочешь нет, но не вижу я этой удавки у тебя на шее, — внимательно разглядывая друга, удивленно произнес Гай, — пропала! Хочешь, Одри для верности позовем, пусть скажет.

— Не надо, я тебе верю, — вздохнул художник, — я и сам что-то такое понял, только боялся радоваться раньше времени. Ладно, давайте прощаться, что ли... А то я передумаю и останусь у вас насовсем, — улыбка у него вышла вовсе не веселая, зато искренняя.

— До свидания, Ноэль! — улыбнулась в ответ Тайри тепло и ласково, — если понадобится помощь, вы знаете, где меня искать. Всегда буду рада вас видеть.

— Прощай, Ноэль, — ваюмн встал, пожал протянутую руку, а потом крепко обнял друга, — живи и будь счастлив.

Художник покинул гостеприимный дом в квартале Семи гильдий, и по дороге к новому обиталищу все время думал о последних словах мастера. Так ведь прощаются... навсегда?

— Я к нему уже привыкла, — грустно произнесла леди Даллет, проводив талантливого постояльца, — но вредный циник мне все же нравился больше, чем печальный кавалер. С ним было веселее. Гай, когда он каждый раз влюбляется в свою модель — это и есть старое колдовство?

— Влюбленный или несносный — Ноэль таков от рождения, — серьезно ответил мастер Гайдиар, — это две стороны его таланта. А старое колдовство... Грустная была история. Отец Ноэля очень любил его старшего брата, остальные дети в семье и десятой части этой любви не видели. И Ноэль его любил. А еще он хотел, чтобы отец перестал на него смотреть, как на пустое место. Но, как ни беся, все бесполезно, потому что вот он — старший, перед глазами, краса и гордость семьи, наследник, собравший в себе лучшее, что было у предков! Да только нрав парень унаследовал бешеный, жестокий, и останавливаться не умел и не хотел — точь-в-точь прадедушка. А когда вспышки ярости стали слишком часты и заметны даже чужим, отец понял, что старший не может наследовать — с таким-то характером. Ни одна девушка за зверя не пойдет, даже распоследняя нищенка, и не видать папаше сыновей, а деду внуков. Того и гляди, сумасшедшим признают и в лечебницу упекут. А Ноэль, молодой да глупый, решил заслужить любовь отца, раскопал старый манускрипт и провел ритуал, забрав у брата эту мерзость. Видимо, не все правильно было сделано, не все чужое он земле отдал. Стал сам время от времени превращаться в такое вот чудовище... От папаши ни благодарности, ни доброго слова не дождался, выкинули парня с глаз долой, только старший-то без звериной своей части хорошим человеком оказался. Искал его, нашел, помогал часто — так, чтобы Ноэль не догадался. Тем не менее, парень уже лет десять скитается. Когда гадость эта просыпается — уезжает куда-нибудь в дикие места, где нечисть бить надо, или война идет. Такие вот дела...

— Ничего себе история, — покачала головой целительница, — значит, он не всегда был неприкаемым перекасти-полем?

— Когда-то его знали, как второго наследника одной из влиятельнейших фамилий Ренсии...

Думалось мастеру, что до Длинной ночи целая вечность, а она оказалась на пороге — с музыкой, ярмарками, огненными забавами, катанием со снежных горок, хвойными венками на каждой двери и красными свечами на столах и окнах. Повсюду пахло особой выпечкой, которую готовили только к этому празднику: пряной, медовой, с нотами имбиря и перца. Улицы затянула паутина светящихся гирлянд, на площадях играли всеми цветами огненные "фонтаны" и арки, даже мачты кораблей в порту были унижены фонариками. Все готовили подарки — родителям, детям, возлюбленным, друзьям, и обязательно три подарка — незнакомцам. На главной площади возвели большую сцену для грандиозного представления, что ежегодно в канун Длинной ночи дает Императорский театр.

Само ли так получилось, или же друзья договорились, но едва солнце стало клониться к горизонту, все собрались в доме ваюмна. В маленькой гостиной стало тесно, шумно и весело. Горели свечи, потрескивал огонь в камине, стол ломился от лакомств и вин, в вазах стояли букеты из еловых и можжевельных веток, было тепло и светло на душе. Даль напевал под гитару что-то задорное. Орнери, примостившись на подлокотнике его кресла, вплетала ему в волосы красную ленточку с крохотным колокольчиком. Да, сегодня такой день — можно шкодить и дурачиться, сегодня сам Творец велел веселиться! Габриэль и Одри помогали Тайри с последними приготовлениями, под шутки и прибаутки вытеснив с кухни хозяина, от волнения разбившего два бокала и едва не позабывшего на плите главное блюдо. Еще бы чуть-чуть, и сгорело! Улыбались даже самые грустные: зеленоглазый Даррен и кроткая Кеми ор Оклен, у которой с Тромом последнее время совсем не ладилось. Что-то волшебное творилось в доме, и волшебство это не имело ни малейшего отношения к магии.

Не маячь за спиной неизбежное расставание, Гай был бы абсолютно счастлив, но сейчас приходилось справляться с горячей горькой волной нежности и благодарности, так неожиданно сдавившей горло и неизбежно подступающей к глазам. Мечты сбываются, думал он, но почему же так поздно и так ненадолго? Почему нельзя остаться дома, с родными и близкими людьми? Это насмешка или урок? Или это якорь — чтобы держал и не давал сорваться во тьму? А может быть, маяк — чтобы найти верную дорогу домой?

Запоминай, шепнул на грани сознания почти забытый голос Райдо, запоминай — ты ведь унаследовал мою память... Запоминай своих друзей сейчас и на всю жизнь, чтобы было, чем заполнить холодные вечера и пустоту в сердце. Запоминай голоса и улыбки, шутки и песни, свет в их глазах и огонь в их сердцах. Ближе этих людей никого у тебя не было и уже не будет. Возьми и унеси в памяти весь этот большой мир, каждый день, каждый час, что запал тебе в душу. Если ты что-то забудешь, вряд ли Тропы примут тебя. Посмотри на Лоцмана — он помнит, он хранит в душе множество впечатлений, он готов в любой момент рассказывать о своем мире! Он далеко ушел по Тропам, он пока не знает, как вернуться, но его мир остался с ним. А еще — веселись, обнимай друзей, целуй любимую, дари подарки и забудь на одну ночь обо всем. Пусть они тоже запомнят тебя — такого. Только делай это от всего сердца, ничего не оставляй на потом, нету у тебя этого "потом"...

Даррен чувствовал себя неловко. Он видел, что его обожаемая целительница смотрит только на Гая, и ему было грустно. Портить праздник людям своей кислой физиономией ему не хотелось, а незаметно исчезнуть не получалось, к тому же это было бы невежливо. Да и куда деваться чужаку в городе? Поэтому он подсел к такой же одинокой и грустной Кеми и

принялся расспрашивать ее, что положено делать в Длинную ночь, кроме праздничного ужина. Видящая охотно поддержала разговор.

— Это очень старый праздник, — сказала она Даррену, — говорят, его придумали Подмастерья, что обустроивали наш мир. Потом они ушли, а люди подхватили... Наверное, с тех времен и пошло, что в Длинную ночь положено не спать, пока не увидишь первые лучи солнца. Легенда утверждает, что, если заснуть затемно, Тьма останется в тебе и рано или поздно завладеет тобой целиком. Чтобы не подпускать Тьму, в домах зажигают множество свечей, а на улицах горят костры, над городом гремят фейерверки, а на площадях царят огненные забавы.

— А еще? Что делают люди?

— Веселятся, танцуют и пируют. Идут гулять по улицам, чтобы сделать три подарка незнакомым людям, заглянуть в храм, а потом загадать желание у самого большого костра. Если в эту ночь кто-то попросит помощи — помощи. Накорми голодного, облегчи страдания больного, ободрь печального. Сделай это от души и никогда не жалеешь о сделанном. Если кто-то задаст вопрос у Большого костра — ответь честно, без лукавства. Считается, что в эту ночь все светлые силы воплощаются среди людей и смотрят на нас, проверяют и спрашивают. Но и темные не дремлют: насылают скуку, сонливость, раздражение; ссорят и подливают в стакан лишнее хмельное. Могут заморочить и заманить несбыточным. Там, где живой огонь, слугам Отступника находиться трудно. Свет костров и свет в душах — другого в эту ночь не будет. Мы скоро пойдем гулять, и ты увидишь: все магические огни погашены, фонари и гирлянды не горят, и даже фейерверки гаснут быстрее. Светлое тянется к свету, темное уходит во Тьму и еще три дня и три ночи будет не властно над людьми.

— Про подарки мне рассказали, и я готовился, — кивнул зеленоглазый, — это тебе.

Он протянул на раскрытой ладони изящную подвеску, похожую на снежинку, и такую же сверкающую.

— Создатель, мне кажется, она сейчас растает! — восторженно прошептала Кеми, — ты сотворил чудо!

— Пусть оно принесет тебе счастье.

— Спасибо. А для тебя есть маленькое предсказание. Не отчаивайся и не отступай, потому что судьба и Время на твоей стороне. Ты будешь с той, кого любишь — не сейчас и еще не скоро, но обязательно будешь! Потому что я точно доживу до того момента, когда увижу вас вместе...

На улицах народу было полно, все ходили от костра к костру, где желающим наливали горячий глинтвейн и угощали сладостями. Подарки в нарядных коробках и ярких мешочках отправлялись в руки незнакомцев, в основном — детей, а то и оставлялись на порогах чьих-то домов. Близилось утро, и всем хотелось к главному костру — успеть загадать желание. Друзья решили пойти короткой дорогой, по узкой темной улочке, где изредка светились оранжевые окна домов. Где-то посередине из тонушей в темноте подворотни навстречу им вышел тощий сгорбленный старик, тяжело опирающийся на самодельную клюку.

— Не поможете ли мне, добрые люди, — прошамкал он, — сроду бы не попросил, но очень надо.

— А чего надо-то, болезный? — осведомился Габриэль. Получилось у него совсем не приветливо и не ласково. Как оказалось — не зря.

— Вы сначала пообещайте, что поможете, — заныл старик, — в Длинную ночь нельзя отказывать, Создатель любить не будет...

— С Создателем мы уж как-нибудь сами договоримся. Ты не тяни, говори, что нужно. Мерзни тут с тобой...

— Зря ты так, служивый, зря старого человека обижаешь... Лучше помоги!

— Так чего тебе нужно, почтенный? Полечить тебя? У нас целитель есть, — не выдержал Даль.

— Я магам не доверяю, они обманут — и не заметишь...

— Так вот тебе деньги, заплатишь сам знахарю или травнику, — "снежный" Льофф полез в карман за серебром, — а лучше топай к Большому костру и загадай себе здоровье. Работает, я проверял.

— Стар я в ваших игрищах участвовать, да и глаза от дыма болеть будут. Так сможешь или нет? Вам ведь не трудно, пожалейте болящего...

— Вот, возьми, тут тебе надолго хватит, — Даль протянул просителю целую горсть серебряных монет.

Дедок, несмотря на клюку, резво отскочил в сторону.

— Золота пожалел, да? Мне такие деньги без надобности.

— Ничего себе попрошайки у нас, уже перебирают, золото им или серебро подать, — почесал в затылке лейтенант де Рейвен, — а может, в этом всё и дело?

Габриэль еще не закончил фразу, а старикан уже резво улепетывал в свою подворотню, бросив палку и осыпая проклятиями "мажьих выкормышей".

— Значит, в покое нас не оставили, — грустно вздохнула Одри, — два раза мало было Отступниковым прихвостням.

— И не оставят. Так что вспоминаем быстренько советы Смиренных братьев: ничего не обещать и никаких угроз с посулами не слушать, — напомнила Тайри.

— И по одиночке не ходить, — добавил Габриэль, — эх, зря мы из дома факелы не прихватили.

— Ничего, сейчас будет нам факел. — Адалер отломил ветку потолще, стянул с шеи шарф и намотал на нее. — У кого что во флягах? Мне нужно, чтоб горело!

Ром оказался у запасливого лейтенанта, как и спички.

— Вот так, — Даль высоко поднял разгоревшийся факел, — и пусть держатся от нас подальше.

На Императорской площади языки пламени тянулись к темному беззвездному небу, а народ пил, смеялся и танцевал. Друзей моментально затянули в огромный хоровод, и через минуту они уже лихо неслись по кругу, отбивая каблуками ритм и хлопая в ладоши. Потом стояли, протянув руки к огню, глядя сквозь искры друг на друга и загадывая о самом важном.

— Та-акая красивая пара, и та-ак быстро расста-анется, — нараспев протянул кто-то за спиной ваюмна, — а ведь могла бы жить вме-есте и помереть в оди-ин день! Вы ведь именно этого хотите, да? Отвечайте, только честно!

— А ты кто таков, чтобы спрашивать? — резко обернулась стоявшая рядом Одри.

— Не твое дело, деревенщина, — прошипел в ответ незнакомец, тут же растеряв напевные мягкие нотки, — шла бы ты отсюда, не портила людям праздник.

— Не дожدهшься, — Тайри тоже повернулась на голос, — ты, поди, от честного огня глаза под шляпой прячешь? Вон как на нос-то нахлобучил!

— Ты, красавица, не дерзи, а на вопрос отвечай. В Длинную ночь положено...

— Еще один знаток положенного сыскался, — хищно прищурился мастер, — сегодня от них просто проходу нет.

— Зря, зря ты так, чужеземец. Я мог бы от твоего груза тебя избавить, жил бы со своей красавицей — не тужил, а не таскался бы незнамо где. Всего-то и надо, что никуда не ездить этой зимой! Поселились бы на острове, тихо спокойно, никто не мешает...

— Остров — это мелко, вот звезд бы с неба на ожерелье, и чтоб лично Создатель в гости зашел, — издевательски усмехнулся внезапно разозлившийся ваюмн.

— О нем не говори, он тебе не поможет, ему все равно... — из-под нависших полей шляпы полыхнули кроваво-красные огоньки глаз, — а тебе, миледи, вот что скажу. Будешь упираться, не послушаешься — берегись. Я уж постараюсь, чтобы вся твоя жизнь одной сплошной проблемой стала. Где нитку протяну, где воронье перо оброну, где камень под ноги кину. Имей в виду, я своих обещаний не забываю.

— Ну, так и я своих тоже. — Тайри не боялась ничуть, даже сделала шаг вперед. — Обещала поехать — и поеду! А своей жизни я сама хозяйка. Можешь хоть лопнуть здесь, хоть ядом изойти, ничего у тебя не выйдет. В Длинную ночь подарки положено дарить, так держи вот на память!

Леди Даллет сунула за отворот его подбитого дорогим мехом плаща квадратный медальон с каким-то полустертым знаком.

— Дря-ань... — тоненько прохныкал человек, — мерзость монастырскую мне подсунула... Бо-ольно... Гос-с-сподин не простит, даже если на коленях приползешь, попомни это!

— Не приползет, и не надейся! — за спиной незнакомца нарисовались две крепкие фигуры в рясах. Взвились в воздух веревочные арканы и бесшумно охватили плечи и руки красноглазого. Тот сгорбился, втянул голову в плечи и зашипел, что твой змей на сковородке.

— Пойдем, пойдем, у отца-настоятеля пошипшишь, он страсть как таких шипучих любит. И порезвее, нечего людям настроение портить. А вы, уважаемые, — обратился к друзьям один из монахов, — продолжайте веселиться. Выкиньте этого поганца из головы, был — да и сплыл. Не дело это — в светлый праздник о грустном думать. Всего вам хорошего!

Но хорошее настроение возвращаться не пожелало. Друзья кое-как добрались до дома Адалера, молча дождались рассвета, сидя в креслах на веранде и укутавшись меховыми одеялами.

Ярко горели жаровни, исходило паром подогретое вино в кружках, остывал на блюде пышный пирог, доставленный с императорской кухни, а друзья будто и вовсе не замечали всего этого. Только яркие солнечные лучи помогли им прийти в себя и вернуть спокойствие духа.

— Что будем делать? — осипшим голосом осведомился Габриэль и потянулся за вином. Похоже, этот вопрос стал в последнее время главным.

— То же, что и все. Праздновать, ходить в гости и ждать сюрпризов, — ответила Тайри.

— Потерпите. — Гай попытался улыбнуться, но губы не слушались, да и слова получились совсем не те. — Осталось уже недолго...

Слово упало, точно камень, разбив тонкое зеркало утреннего спокойствия. Мастер хотел всего лишь подбодрить друзей, а получилось, что снова заставил их тревожиться. Кто другой, наверно, наплел бы кружев из спасительной лжи и напускной веселости, но он этого и раньше не умел, а теперь уже поздно учиться.

Тайри показалось, что ее ударили под дых. Сердце болезненно дернулось, вдохнуть не получалось, в глазах закипели слезы. Она встала, чтобы уйти, спрятаться где-нибудь во

внутренних покаях, пока никто не увидел, как ее ранили слова любимого мастера. Ведь он прав, им осталось недолго, в сущности. совсем ничего не осталось...

Точно в подтверждение ее мыслям, в прозрачной утренней тишине где-то далеко на реке трижды ударил медный судовой колокол. В ответ пропел горн: приветствовали подходящее к причалам судно. Леди Даллет горько усмехнулась. Не нужно быть провидцем, чтобы догадаться, чей корабль может объявиться в Столице в первое утро нового года.

— Что это? — дрогнувшим голосом спросила Кеми, гланда на мгновенно изменившихся в лице друзей.

— Валлиры. — Тайри сама себе удивилась. Получилось сказать, как о чем-то будничном, само собой разумеющемся. — Будем собираться?

— Завтра, — отрезал Адалер, — в первый день года никто никуда не отправляется. А сейчас всем спать, иначе вечером даже мыслей не соберем.

— Но...

— Никаких но! Вам мало событий прошедшей ночи? Забыли, что Отступник вряд ли играет по правилам?

— Командир прав, — признал Гай, — мы остаемся.

Уснуть? После слов Гая? После звука судового колокола, поставившего точку на всей прежней жизни? Тут не только спать — жить не возможно... Что делают нормальные люди, когда им плохо, когда опускаются руки, когда не видят выхода? когда сердце леденеет, а мысли бегут по кругу? Плачут? Молятся? Кричат и бьются головой о стену? Ищут помощи? Надеются на чудо? Ничего из этого Тайри не могла себе позволить или просто не умела. Искать помощи было не у кого, про чудеса она знала главное — их надо делать самим, для молитвы не считала себя достаточно верующей. А слез просто не было. Возможно, ей стало бы легче, возможно, выплакавшись, она нашла бы решение и силы, но и в этом ей было отказано. Оставалось только сидеть, укутавшись в огромный теплый плед, и смотреть до рези в сухих глазах на искрящийся снег за окном.

Без стука открылась дверь, знакомые шаги прозвучали за спиной.

— Не спишь? — негромко спросил Гай.

— Если ты мне не снишься, то не сплю.

— Желаете убедиться, насколько я настоящий?

— У тебя хватает сил шутить, и это радует. Хотя все остальное я прекрасно чувствую.

— Это и плохо, родная. Ни к чему тебе лишняя боль.

— Демоны тебя раздери, Гай! — Выпутаться сразу из вязаного полотнища не получилось, пришлось вскочить, как есть, и стряхнуть его на пол. Не ругаться же, сидя в уютном коконе? — Ты так уверен, что нам придется расстаться? Что мы ничего не сможем противопоставить твоей дочери? Что у нас нет иного выхода?

— Это долг, Тайри. Я не знаю, что ему можно противопоставить. Кроме того, боюсь, моя дочь много сильнее нас обоих. Все-таки кровь Подмастерьев...

— Я не боюсь этой крови и этой силы, Гай! И просить у нее ничего не буду. Я возьму сама.

— Тайри...

— Довольно, мастер! Ты же не об этом пришел говорить? — металл ушел из ее голоса, осталась лишь горечь.

— Не об этом. Я все время думал, чему я тебя могу еще научить. Мир считает, что я не все тебе отдал, и, наверное, он прав... Есть кое-что важное, — ваюмн на секунду закрыл

лицо руками, решаясь, — на высшей ступени посвящения нас, адептов Райдо, обучили одному ритуалу из разряда самых тайных. Я всегда сомневался в его целесообразности и не понимал, зачем нам это нужно. Возможно, именно за этим — чтобы научить потом кого-то достойного. Того, кому это знание действительно будет важно и нужно, кому придется защищать нечто очень дорогое и куда большее, чем собственную жизнь. Семью. Детей. Мир... Это верное средство, Тайри. Но для применившего — последнее.

— Почему?

— Потому что цена ему — жизнь, — печально ответил наставник, но глаз не отвел, — будешь слушать? Честно говоря, мне самому страшно.

— Буду. До сих пор ты не боялся меня чему-то учить, даже тому, как вытаскивать спутников с Тропы. Это что-то подобное?

— Нет, моя леди. На Тропе такое просто невозможно, ибо требует открытых каналов и всей магии, отпущенной тебе Творцом. Всей без остатка, до последней капли. Мы носим в себе огромную силу и никогда не используем ее даже на половину, но только не в этом случае. Если смотреть в корень, ритуал этот — чистой воды добровольная жертва. А жертвовать маг может только собой — во имя чего-то большего. Вот и отдает всё: надежды, мечты, будущее, собственную жизнь, насколько я понимаю, даже ту, что в мире Серых зеркал. Что будет после ритуала, не скажет никто, кроме Создателя. Я имею в виду посмертие.

— Я вся внимание. Такое лучше знать и уметь, и хорошо, что ты рассказал всю подоплеку. Любая жертва обязана быть не только добровольной, но и осознанной.

— Я надеюсь, ты запомнила, что...

— Последнее средство. В самом прямом смысле слова. Я поняла, наставник, и готова к этому.

— Вот и хорошо... Объясняю один раз. На второй я решусь вряд ли.

**** *
**** *
**** *

Легкий изящный кораблик почти летел над волнами. Валлир, стоявший у штурвала, что-то негромко напевал. Тяжелые, серые по зимнему времени волны реки, казалось, покачивают судно строго в такт, нежно поглаживают борта, негромко повторяют припев, вместе со снастями икрепким попутным ветром. Невозможно было понять, колдовство это, или просто мир настолько любил хрустальных певцов, что сам во всем помогал им.

Дамы давно спали в каюте, а мужчины все никак не желали покидать палубу. Император и его сводный брат о чем-то беседовали с капитаном, а Гай и Даррен заворожено смотрели в усыпанное звездами небо.

— Ищете сходство? — спросил Гай, не отрывая взгляда от голубоватой яркой точки над горизонтом. Эту звезду называли "Вечерним бриллиантом" и считали главным ориентиром мореплавателей в этих широтах.

— Как вы догадались? — зеленоглазый чужак, запрокинув голову, изучал Кошачьи Следы — цепочку почти одинаковых серебристо-туманных пятнышек, протянувшихся через зенит.

— Сам делал так... когда-то. Первые лет тридцать, потом привык.

— Все время забываю, что вы тоже нездешний, и как давно вы здесь живете. У меня просто в голове не укладывается.

— Это потому, что вы еще очень молоды, Даррен. У меня вот в голове не укладывается, что в этом мире мне остались считанные дни. Самое смешное, случись такая возможность

пару лет назад, я бы радовался и летел впереди корабля. Ведь там, на Ллире, цель моего существования и средоточие моего долга.

— Вам так нужна исчезнувшая богиня?

— Не притворяйтесь, Даррен, вам же наверняка известна вся моя история, — мрачно сверкнул глазами ваюмн.

— Вы зря рассердились, мастер. Я никогда не расспрашивал Тайри о вас. Тем более, я считаю неприемлемым обсуждать вас с другими. Вы — ее наставник, это я понял еще в Городе-над-Морем. Вы — такой же чужак, как и я, об этом когда-то говорила Одри. Раньше я мог видеть такие вещи... Теперь я различаю только вашу несомненную глубокую связь с миром. Он вас принял, вы в него проросли и силой, и сердцем. Вы давно знакомы с государем — он называл вас наставником. И вы любите Тайри. Вот и всё, что я знаю.

— Хотите сказать, что вам не интересно, и вы ничего не пытались разузнать обо мне? Я же вижу, вам не все равно, кто рядом с вашей целительницей.

— Не пытался, мастер. В моем родном мире когда-то считалось запретным и недостойным занятием копаться в личной жизни других. Ирольн с тех пор не стал лучше, но нас в Обители воспитывали по старым канонам. Кроме того, уж простите, даже слепому видно, что ваши с Тайри чувства абсолютно взаимны. В них нет ни корысти, ни тщеславия, ни иной грязи, это чистый бриллиант на Светлой чаше Весов. Кем надо быть, чтобы такое разрушить? Что бы я ни чувствовал, я даже в мыслях никогда...

— Кем надо быть?! — Это вышло почти рычанием, но Гай усилием воли погасил эмоции. — Мной надо быть, юноша. Из-за меня всё рухнет... Ясно же, как день, что ступие на Тропу, я уже не вернусь. Да, так и должно произойти. Да, я исполню долг перед моим народом. Да, тысячи и тысячи в Убежище ждут этого события много лет. Я просто обязан радоваться, я, демоны меня задери, должен быть несказанно счастлив! А я последние месяцы только и думаю, как этого счастья избежать.

— Ничего не придумали? — в голосе Даррена не было ни капли злорадства или насмешки, он и вправду искренне сочувствовал.

— Увы. Ни сам, ни с чьей-то помощью. Слишком сложно все завязано. Спросите потом кого-нибудь, вам расскажут. Только не Тайри, ей будет слишком больно.

— Она знает о том, что вы расстанетесь?

— С самого первого дня. Я все ей рассказал без утайки. Но кому от этого легче?

— Вам, потому что вы — не предатель и не лжец. Ей, потому что она могла как-то подготовиться. Смириться — вряд ли, я и сам бы не смирился, а вот придумать нечто неожиданное, опираясь на знания, полученные от вас...

— Я боюсь этого. И я, да простит меня Создатель, очень на это надеюсь. Но если придется выбирать между ее жизнью и расставанием, я выберу первое. Больше всего на свете я хочу, чтобы она жила, — мастер помолчал, собираясь с духом, потом сказал тихо, — прошу вас, Даррен, выслушайте меня. Возможно, вы посчитаете, что я сошел с ума, но...

Ваюмну было неловко разговаривать с более рослым собеседником, глядя снизу вверх, но тут уж не до удобств. Тем более что золотоволосый чужак слушал чутко и глаз не отводил.

— Я прошу вас быть рядом с Тайри, пока это возможно. Я научил ее ходить по Тропам, но я всего лишь обычный путник, что идет от приюта к приюту. Вы — Лоцман, вы сможете дать ей несравнимо больше. И вы не предадите её. Не смотрите на меня так, некоторые вещи видят даже такие слепцы, как я. Все, больше ни слова...

Гай плотнее закутался в плащ и вернулся к изучению небосвода. Зеленоглазый чужак

кивнул каким-то своим мыслям и неслышно удалился.

Утром, за завтраком, собрались все, кроме леди Даллет.

— Она еще до восхода ушла на корму и просила ее не тревожить, — сообщил капитан судна, — я бы сказал, она похожа на воина, готовящегося к решающей битве.

— Тренируется с мечом? — спросил Даль. — Так ведь с партнером полезнее...

— Закаляет душу и приводит в порядок мысли. А еще обращается к тому, что составляет основу ее дара. Она сама себе оружие, милорд. У вас этому учат?

Император вопросительно взглянул на ваюмна.

— К стыду своему, я не мог ее этому научить, ваше величество. Вы же знаете, я не воин. Здесь мне самому следовало бы стать её учеником.

— Да и в Академии ей вряд ли такое преподавали, — добавил Адалер, — подобные практики помнят самые старые боевые маги. Разве что родители...

— Скорее всего, государь, — подтвердил мастер Гайдиар, — однажды я видел, как она проводит себя через ритуал восстановления. У нас это умеют только немногие высшие жрицы.

— В лесах Уккабы практикуют разное, но женщин они не учат тайным воинским ритуалам.

— Если человек перед лицом непреодолимой опасности не видит выхода вовне, он ищет его в себе. Так и поступила ваша юная леди, — капитан явно был сведущим в подобных вещах, — не тревожьте ее. Полагаю, что всё отпущенное нам на дорогу время она будет молчать — так быстрее копят силы.

— Дожил, — горестно вздохнул Гай, — моя прекрасная Тайри превращается из-за меня Создатель знает в кого. А я так и не нашел никакого решения.

— Есть узлы, которые не развязываются, уважаемый мастер, — развел руками валлир, — Их можно только разрубить. Первый завязали не вы, второй — ваша юношеская гордыня и неосведомленность, а третий сплела судьба, чтобы как-то уравновесить первые два. Скоро он развяжется, и веревка ляжет иначе.

— И мы окажемся на разных ее концах.

Капитан кивнул, соглашаясь, и протянул Гаю кружку с дымящимся чаем.

— Вам тоже стоит искать оружие в себе самом. А лучше — броню.

Все давно покинули стол, а ваюмн так и остался в задумчивости сидеть над остывающим напитком.

**** *
**** *
**** *

Следующий день корабль встретил в открытом море, под синим чистым небом, позолоченным рассветным солнцем.

— Жемчужный маяк на горизонте! — капитан просто сиял от радости. Неужели пребывание вдали от дома так для них тягостно? — Это еще не благословенный Ллир, лишь граница зачарованных вод, но мы уже близко!

— Вам тяжело находиться далеко от вашего острова? — его величество с интересом разглядывал этого "нового" капитана. Тот, что разговаривал с ними накануне о внутренних силах и узлах, завязанных судьбой, был строгим и мудрым. Такому впору не только стоять у штурвала — скорее за лекторской кафедрой университета. Или, скорее, перед паствой в храме. А сегодняшней был больше похож на мальчишку, который вот-вот получит долгожданный подарок или увидит возлюбленную. Только что крылья за спиной не росли.

— Чем старше мы становимся, тем тяжелее нам покидать Ллир, ваше величество.

Говорят, богиня умела даже на большом расстоянии долго поддерживать силы своих детей и подданных. Тиншельты страдают в путешествиях много сильнее нас, мы-то, как ни крути, обычные люди.

— Мне кажется, что по мере приближения к Ллиру становится все теплее. Это тоже чары?

— Конечно. Держатся еще с тех, древних времен. Госпожа наша не любила мрачную и дождливую зиму, поэтому на Ллире всегда тепло. А еще можете сравнить цвет воды здесь и за Жемчужной башней. Эта лазурь не менялась несколько тысячелетий.

Здесьние воды и правда были дивно прозрачными, несмотря на глубину. Над ними то и дело взлетали радужные рыбы, вдали за кораблем следовала стая белых дельфинов. Жемчужный маяк, непонятно как удерживающийся на голом куске гранита, походил на вытянутую, закрученную спиралью раковину, на тонком конце которой установили маленькое солнце. С лестницы, обегавшей башню, кто-то радостно махал проходящему судну ярким платком, и капитан с улыбкой помахал в ответ. Ветер, казалось, расправил невидимые крылья и с новой силой повлек корабль за собой. В час заката на горизонте выросли башни и шпили легендарной Ли-Каоры. Прекрасный город, раскинувшийся на пологом берегу острова, казался творением юного влюбленного художника, потому что такие цвета, легкость линий и ясная, чистая гармония моря, холмов и архитектуры присуща лишь определенной поре жизни. Умудренный опытом, лишившийся иллюзий и забывший о фантазии человек скажет: это сон, мираж, такого просто не может быть...

Путешественники молча смотрели на тонкие, устремленные к небу силуэты дворцов и башен, хрустальные и серебристые шпили, акварельные кварталы домов под солнечно-рыжими крышами, шапки цветущих деревьев и лес мачт в гавани, раззолоченных садящимся солнцем. Гай осторожно взглянул на своего бывшего ученика. Император сбросил лет двадцать, потому как в данный момент был абсолютно счастлив. Шутка ли — получить возможность лично разгадать тайну по имени "остров Ллир"! Да что там, у самого мастера дыхание перехватывало от восторга. Было у расстилающегося перед ними пейзажа такое свойство: позволять человеку забыть о грустном, страшном, тяжелом и неизбежном, оставляя в душе лишь любовь и радость. Ваюмн обнял стоявшую рядом Тайри, и она привычно прижалась щекой к его плечу, разделяя все мысли и чувства. Странно, но именно сейчас он остро и ярко ощущал себя единым целым — с любимой, с людьми, что рядом, со всем этим прекрасным миром. И снова холодной иглой в сердце кольнуло: жаль, что так поздно. Безнадежно поздно...

Их встречали. Нет, вовсе не толпы ликующих островитян с цветами и песнями, всего лишь группа очень серьезных и куда более материальных, чем на материке, тиншельтов. Поэтому, с какой глубокой почтительностью приветствовала их команда корабля, император и его спутники поняли, что это и есть те самые "старшие", первые созданные богиней помощники. Они были красивы: не имеющие возраста гладкие "нездешние" лица, сияющие, точно звезды, глаза, тонкие точеные черты. Все одинаково высокие — и мужчины, и женщины, в строгих и скромных одеждах: ничего лишнего, ничего вычурного. Тиншельты, помнившие богиню, смотрели на гостей без превосходства, без иронии — как на равных себе.

— Мы рады приветствовать вас, господа, — голоса у них оказались не менее волшебными, чем внешность, — благодарим вас, ваше величество, что нашли возможным прислушаться к нашей просьбе и помочь.

— Я столь же рад нашему знакомству, уважаемые, — поклонился в ответ Рикарт ор Льюфф, — благодарить надо не меня, и, наверное, не сейчас.

— Вы просто еще не поняли, государь, что привезли на Ллир больше, чем обещали, — эту леди император узнал по голосу. Именно она была тогда на малом приеме, — если раньше мы могли только надеяться на обретение утраченного, то теперь мы уверены в успехе. Ведь с вами Лоцман! Но довольно разговоров, вы устали и нуждаетесь в отдыхе. Мы проводим вас к дому.

Дом, смотревший всеми окнами на море, больше напоминал изящную шкатулку. Множество резных украшений, тонкие полупрозрачные колонны, по которым взбирался вверх нежно-зеленый мелколистный плющ, витражи и изящные балконы в обрамлении цветов. Внутри оказалось не менее красиво, чем снаружи, а еще уютно и удобно. Каждый обнаружил, что отведенные ему покои отражают мечты, мысли или привязанности хозяина. Как это удалось валлирам, никто выяснять не стал, решив про себя, что чудеса на хрустальном острове — дело обычное. Его величество только довольно хмыкнул, поняв, что окна кабинета составляют две стены из четырех и из них всегда можно видеть море, пляж и высокий маяк на дальнем мысу. Оставалось только порадоваться, что на большом стеллаже полно редких старинных, если не сказать древних, моделей кораблей, а на столе ждет своего часа стопка чистых листов бумаги и остро очиненные карандаши.

Покои Даля и Орнери, выдержанные в спокойных бежевых и теплых рыжих оттенках, заставили новых жильцов удивленно переглядываться и смущенно прятать мечтательные улыбки.

— Ты тоже думал, что наш с тобой будущий дом не должен напоминать ни о чем старом? И что в нем все должно быть вот такое — светлое, но не ослепляющее, уютное и теплое? — тихо спросила леди-птица.

— Думал. И даже кое-что предпринял. Надеюсь, когда мы вернемся, брат не будет возражать...

Комната Гая и Тайри оказалась белой. Ни ярких акцентов, ни картин на стенах, ни пейзажа за окном — тяжелые белые занавеси плотно закрыты. Пушистый ковер поглощает звуки, свет, кажется, идет отовсюду и ниоткуда. Если не вглядываться, кажется, что находишься посреди наполненного светом пространства — в полной неопределенности. Если решиться, можно все раскрасить самому. И тогда все изменится. Тайри обернулась: белый вакуум разрушали два темных силуэта — их собственные отражения в большом зеркале. Мастер устало вздохнул и сбросил дорожную куртку, в которой так удобно было стоять на палубе, ловя ночной ветер. Отражение обрело цвет — рубашка у Гая была синей, как море. Юная леди протянула руку и резко отдернула занавес. Комната наполнилась мягким бирюзовым сиянием и множеством разноцветных бликов — солнце играло на волнах. Ваюмн осторожно обнял ученицу.

— Ты так и будешь молчать, Тайри?

— Я просто боюсь, что постоянно буду возвращаться к одной и той же теме. Сам знаешь, к какой. А тут словами не поможешь.

— Да и демоны с ней, с этой темой, потерплю как-нибудь. Когда ты молчишь, мне начинает казаться, что мы уже по разные стороны бездны.

— Вот мы уже и вернулись к теме...

— Пообещай мне, что ты не будешь связываться с опасными сущностями и рисковать жизнью из-за меня. Я этого не стою.

— Еще чего. Я сама решу, с кем связываться и из-за кого. Некоторые, может, и полубоги, но Даллеты не сдаются до боя.

— Даллеты вообще никогда не сдаются, но ты сделаешь противнику слишком щедрый подарок, позволив втянуть себя в неравный поединок. Это не выход.

— Спасибо, я уже поняла, — сарказм в голосе проклюнулся, и то хорошо, — Жаль только, твой долг, что бы я ни делала, никуда не денется. Хотя, мне иногда кажется, ты вполне мог бы диктовать свои условия. Ну, хотя бы попытаться...

Кто знает, до чего бы они договорились, но вежливый стук в дверь прервал беседу. Гостей острова ждал праздничный ужин и лучшие песни валлиров. А на следующий день — работа, ради которой ваюмн и его ученица прибыли на Ллир.

**** *
**** *
**** *

Чем ближе подходили любопытные путешественники к месту исчезнувшего храма, тем мрачнее и запущеннее становился город. У линии разрушенных временем домов тиншельты, сопровождавшие магов, остановились.

— Дальше мы не пойдем. Бездна парализует нас и лишает сил. Схватку с ней могут выдержать немногие люди, и здесь мы куда слабее вас. Там, за этими старыми стенами пропадают краски, и всё становится серым. Лишь язва на теле острова чернее смолы. Мы будем ждать вас здесь: все, кто свободен от дел. Удачи, и будьте осторожны. Возвращайтесь!

Император и пятеро его спутников пожали руки печальным и взволнованным хозяевам дивного Ллира и цепочкой потянулись в узкую щель между домами. Впереди уверенно шел Даррен.

Мраморные плиты площади крошились под ногами, а на краю пропасти они были оплавлены, точно стекло. Черные блестящие потеки убегали вниз, в непроглядную мглу. Непонятно откуда взялся ветер — резкий и холодный. Казалось, он пронизывал до костей, лишая тело тепла, а душу света, оставляя в мозгу лишь жуткую заунывную мелодию.

— Вы что-нибудь видите, мастер? — спросил император, бесстрашно встав рядом с ваюмном на самом краю.

— Вижу, государь. Вход на Тропу в шаге над пропастью. Она здесь странная, совсем не такая, как мне привычно, но это не значит, что по ней нельзя идти.

— Ее создали специально, — добавил Даррен, — она похожа на шрам от ожога... И совершенно пуста.

— Раз так, то и бояться нечего, — Гай из последних сил сдерживал эмоции, и голос у него стал совершенно бесцветным, — можно считать, что путь для нас открыт.

Тайри с тревогой посмотрела на любимого. Он захватил с собой не обычную дорожную сумку, а большой заплечный мешок, тщательно уложенный еще дома, в Столице. Значит, не надеется вернуться. Значит, еще не сдался, но уже не борется. Значит, ей придется делать это за них обоих, только и всего.

Мастер медленно выдохнул сквозь зубы, потом безнадежно махнул рукой: к чему притворяться, да еще перед теми, что его чуть не насквозь видит?

— Прощайте...

— Не буду я с тобой прощаться! Уверен, что все настолько плохо? — попробовал ободрить друга Даль, — Никогда не сдавайся заранее. А ты, я смотрю, уже собрался...

Тот только опустил голову, и Адалеру осталось только обнять Гая крепко, возможно — в последний раз. Леди-птица, не стесняясь, поцеловала мастера в обе щеки. Слов у нее не было, зато предчувствий пруд пруди, одно безрадостней другого. Ваюмн на мгновение

задержал ее руки в своих, осторожно коснулся губами и отпустил. Потом низко поклонился императору:

— Спасибо вам, ваше величество. Видит Создатель, я хочу, чтобы всё сложилось иначе.

— Видит Создатель, я бы всё для этого сделал, если бы знал, как. И я не теряю надежды, мастер.

Императорское рукопожатие было сильным и решительным, и, пожалуй, вернуло Гаю какую-то долю веры в себя.

— Держите, — государь протянул бывшему наставнику легкую деревянную флягу, — пригодится в дороге. Здесь всего лишь вода.

Ваюмн понимающе улыбнулся, и со словами благодарности пристегнул флягу к поясу. Его величество верен себе: никогда не упустит возможности узнать что-то новое. Всего лишь вода. Для Льоффа — универсальный магический инструмент.

— Для остальных есть такие же, — Адалер уже держал в руках еще два деревянных сосуда, — я же помню, как на Тропе меня мучила жажда. И вот еще что, — он обнял одновременно Даррена и Тайри, — с вами я прощаться не хочу и не буду тем более.

— И не надо, — тихо ответила леди Даллет. Она знала, что ей-то в любом случае придется вернуться.

— Кто бы знал, до чего же мне не хочется... — мастер оборвал фразу на полуслове, сделал над собой усилие и открыл вход на Тропу. Темно-серая, похожая на спекшийся песок, дорожка протянулась прямо над пропастью — в никуда. Гай еще раз обвел взглядом друзей, посмотрел на утреннее ясное небо и быстро пошел вперед, в серо-багровую, казавшуюся враждебной дымку. Тайри и Даррен, торопливо попрощавшись с остающимися, последовали за ним. Спустя несколько секунд портал закрылся.

Орнери отвернулась, быстро смахнула слезы, сказала тихо:

— Он не вернется.

Даль хмуро посмотрел на чистое голубое небо, и, видимо, не найдя там ответа, поднял с земли камень и со всей силы зашвырнул его в провал.

— Демона твоего за хвост...

— Да о храмовый угол, — договорил его величество, — не думал, что настолько привыкну к ваюмну. Мне будет его не хватать. Очень.

— Мы так и будем торчать над этой дырой? — поинтересовался Даль. — Здесь, мягко говоря, не уютно.

— Но кто-то же должен их дожидаться, — отозвалась леди-птица, — знаю, это глупо, но...

— Мне тоже кажется, что мы должны это сделать. Ждать здесь, у начала пути, — поддержал её император, — но мы можем дежурить по очереди. Я останусь, а вы отдыхайте.

— И не надейся, что мы бросим тебя без охраны, твоё величество, — погрозил пальцем "снежный Льофф", — я сейчас принесу скамейку, видел где-то поблизости, и мы с комфортом разместимся в тенёчке. Вижу, у тебя руки чешутся достать твою наблюдательную чашу.

Рикарт ор Льофф задумчиво смотрел в темную бездну.

— Чудеса... я вижу их и так. Смутно, но вижу.

— И я, — откликнулась Орни.

— Ну, я не такой талантливый, поэтому за мебелью все-таки схожу. Потом расскажете...

**** *
**** *
**** *

Чем дальше, тем больше Тропа напоминала запекающуюся на ране корку. Она стала неровной и твердой, отсвечивая на разломах багрово-красным. Пыль исчезла, зато стало значительно жарче, сухой воздух обжигал глаза и губы.

— Точно по вулкану идем, — проворчал Гай.

— Эту Тропу выжгли когда-то, чтобы боль лишила ее памяти. Под коркой незажившая рана, — Даррен говорил о Тропе, точно о человеке.

— Интересно, найдем ли мы хоть что-нибудь, — устало вздохнула Тайри, — не хотелось бы рушить надежды тиншельтов.

— Скоро будет развилка и станет понятнее, — зеленоглазый Лоцман, не останавливаясь, потянул с плеча дорожную сумку, — оставлю-ка я маячок, — он подбросил на ладони серебристый артефакт, похожий на шестеренку от часов. Лиловые кристаллики, лучами разбегавшиеся от центра, неярко светились.

— Создатель всемогущий! — восхищенно вдохнул ваюмн. — Более совершенный маяк и придумать невозможно. Если даже заплутаешь, он сам тебя притянет. И дочерние кристаллы не забыли?

Даррен молча протянул спутникам неограниченные аметисты.

— Мастерская работа. Примите мое восхищение, Даррен.

— Да что вы, мастер, это же обыкновенные рабочие инструменты, ничего особенного, — смущенно потупился Лоцман.

— Еще скажите, что у вас это любой ребенок может сотворить, — хмыкнул мастер Гайдиар.

— Не скажу. Мой учитель говорил, у меня они лучше всех на его памяти получаются.

Разговор затих сам собой — слишком быстро пересыхало горло, а воду нужно было экономить. Через некоторое время Тропа вывела их в некое подобие пещеры. Здесь дорога разветвлялась на три хода, и от каждого тянуло своей, особой опасностью и силой.

— Может, стоит разделиться? — спросила Тайри, — с кристаллами никто не потеряется.

— Думаю, вы правы, моя леди. Левый путь ведет в тупик, я чувствую, как Тропа там обрывается. Поэтому вы вместе можете пойти по центральному ходу, а я пойду по правому. В любом случае, я вас найду даже без камня, — Лоцман был спокоен и уверен, более того, вселил эту уверенность в спутников. Тайри с удивлением прислушалась к этому ощущению. Вне Тропы она не чувствовала Лоцмана. В прочем, мастера она теперь не чувствовала тоже. Связывавшая их нить истаяла еще по дороге на остров — мир, наконец, решил, что наставник закончил свою работу.

— Хорошо, — кивнул ваюмн, пусть будет так. У меня нет оснований не доверять Лоцману.

— Тогда я пошел? — Даррен смущенно улыбнулся, — до встречи?

Когда он исчез в темном сумраке хода, Гай обнял Тайри.

— Вот и всё, девочка...

Она не дала ему договорить, применив его излюбленное средство — поцелуй. Любимый наставник, конечно, был счастлив, но когда юная леди взглянула ему в глаза, ни тоска, ни обреченность никуда не делись.

— Не делай этого, Гай. Не хорони нас раньше времени. Сейчас мы вместе, а дальше — посмотрим. И еще, что бы ни случилось, помни: я люблю тебя и я с тобой. Даже если ты

будешь на другом берегу бездны.

У Гая перехватило горло, он молча прижал ее ладонь к своей щеке. «Создатель, благодарю тебя, что позволил мне узнать и полюбить эту женщину,» — мысленно молился он, — «она даже сейчас возвращает мне мужество и дает силы жить. Одному мне ни за что не справиться. Я прошу, о всемилостивый, если это возможно, пусть ей не будет больно, когда всё закончится»...

— Нужно идти, Гай. В первую очередь, мы ищем богиню тиншельтов, а потом уже все остальное.

Ваюмн горько вздохнул. Если бы дело было только в этих поисках, он бежал бы впереди Лоцмана, а не стоял перед темной аркой хода, как вкопанный. В итоге, пришлось догонять Тайри, устремившуюся вперед даже слишком резко.

Из узкого "коридора", стиснутого не туманными, а вполне себе каменными стенами, пахло горячим сухим воздухом, словно за поворотом пряталась раскаленная солнцем пустыня. Тропа "дышала" и дергалась, не давая идти рядом.

— Чувствуешь? Где-то недалеко есть "дверь", — тихо сказала леди Даллет, — только ничего похожего на магию тиншельтов я не ощущаю. Должно быть...

Шершавая корка под ногами потекла зыбучим песком. Опора исчезла, и путники ухнули в какой-то темный колодец. Навстречу им ударил раскаленный суховец, закрутил и оторвал друг от друга, затягивая в воронку смерча.

Когда Тайри открыла глаза, увидела только серое низкое небо с оранжевыми разводами странных облаков. От него исходил неприятный, давящий на глаза свет, солнца же и вовсе не наблюдалось. Смерть в очередной раз задела юную волшебницу плечом, издевательски ухмыльнулась в лицо и ушла своей дорогой. Болело буквально всё, но не настолько, чтобы звать обратно Серую леди. Тайри казалось, что она упала с неизвестной высоты на старую, вытопанную до звона дорогу. В ушах шумело, но руки-ноги двигались, а значит, можно встать... ну, или хотя бы попытаться. Целительница привычно потянулась к нити, соединявшей её с наставником, и разочарованно застонала, наткнувшись на пустоту. Раньше она в любой момент времени могла понять, что с мастером, жив ли, здоров ли... Поисковые чары сказали больше, и Тайри не знала, плакать ей или злиться. С любимым всё было в порядке. Он бодро шагал вперед и, похоже, ни разу не оглянулся.

Леди Даллет собралась с силами и встала, осматриваясь. Что-то неправильное было во всем происходящем. На Тропе не бывает провалов, есть только Двери. Значит, кто-то эту дверь сначала замаскировал, а потом для них открыл. Смерч должен бы мокрого места от них не оставить, но они оба живы и даже вполне целы. Следовательно, вихрь контролировали, а то и вовсе сотворили. На самой грани восприятия ощущалось чье-то незримое присутствие. Кто-то с холодным презрением наблюдал, как Тайри очнулась, как пыталась встать — за каждым ее движением. Так смотрят на прихлопнутое, но еще шевелящееся насекомое. Смотри-смотри, поднимая откуда-то со дна души здоровую злость, подумала целительница, еще увидим, кто здесь насекомое. Плевать я на тебя хотела, надменное чучело.

— Гай! Га-а-ай!!! — бесполезно. Не слышит и не останавливается. Только идет он как-то неестественно, точно механическая кукла, да еще и спотыкается.

Юная леди перешла на бег, и вскоре оказалась в паре шагов от мастера. Так вот в чем дело! Вокруг него едва заметно мерцал ореол чужой силы, а еще его подгонял, толкая в спину, наколдованный кем-то ветер. Гай хитрил, делая несколько шагов добровольно, а

потом пытался остановиться. Получалось плохо, его и дальше продолжали тащить силком. Что ж, раз он упирается и хитрит, значит, в полном сознании и не побежден. Можно попробовать понять, что это за пакость его тащит и как с ней поступать. Через пару минут худшие подозрения, увы, оправдались. То, что окружало мастера, имело малознакомую природу и было на несколько порядков сильнее, чем подвластное Тайри волшебство. А еще оно постепенно подчиняло себе Гая, по капле, по крупинке. Было нечто знакомое в направленном на них обоих взгляде, где-то Тайри уже встречала подобное. Память послушно подкинула нужное воспоминание: первое путешествие на остров Юм, храм с алтарями всех богов покинутого ваюмнами мира. Там ощущалось то же самое, только слабее, наставника лишь признали своим, и только. Здесь же родственного с привычной магией мастера было куда больше. Если эти "игры" устроила дочь Гая, то дело хуже некуда. У нее половина божественной крови, но вторая — его, и она легко получит власть над отцом, стоит ей только применить соответствующие чары. Магия крови — вещь поистине страшная. А его извечное чувство вины не даст ответить Ноалике той же монетой. Он не сможет ударить в полную силу, да что там, даже подумать об этом не сможет... Как же ему сейчас плохо, и ведь ничем не помочь. Во всяком случае, он сам так, наверное, думает, и пусть. Чем более беспомощным Гай будет казаться, тем меньше беспокоиться станет его мучительница. Тут и можно попробовать прикрыть его щитами, и если Творец не выдаст...

Тайри рывком сократила расстояние, вплотную приблизившись к «кокону», окутывавшему мастера. «Жаль, что он такой плотный,» — подумала целительница, — «моим чарам не проникнуть внутрь. Надо бы отвлечь противника на себя, тогда, возможно, есть шанс... Девушка вряд ли опытна в магических схватках и, слава Творцу, не богиня, чтобы удерживать два строптивых объекта в поле концентрации». Как, все-таки, хорошо задуманы старинные семейные артефакты, с умом, с сюрпризами! Огненная плетень, дремавшая до поры в потертом браслете, получилась больше похожей на кистень, с зубастым шариком очень кусачей энергии на конце. От ее удара "кокон" дернулся и дал заметную трещину, а некто очень громко и противно взвизгнул.

— Ну и гадкий же голос! — вслух произнесла целительница. — Не удивительно, что здесь живности никакой не осталось, даже глухие змеи вымерли...

Клок серого тумана толкнул ее под колени, сбив с ног. Умная плетень даже из такой позиции нанесла удар, угодив сияющим шариком в уже существующий разлом. На Тайри набросились уже целенаправленно, создавая удушьющие чары, разрывая в клочья щиты, ловили верткий огненный бич, давили грубой силой. Пришлось защищаться всерьез, но леди Даллет получила, что хотела — сковывающий мастера "кокон" исчез. Гай зашипел, точно рассерженный кот, оглянулся, услышав знакомые эпитеты в адрес лысого демона.

— Тайри, девочка, беги... — он рванулся к ней и был остановлен невидимой стеной.

— Та-айри, де-евочка, — с издевкой передразнил почти детский голосок, — тебе еще не надоело корчить из себя заботливого наставника, па-поч-ка?

Гая против воли заставили отвернуться от поднимающейся с колен ученицы. На большом, белом, точно сахар, камне сидела девочка. Серебристые волосы ровно острижены, пухлые губки сложены в презрительную полуулыбку, а огромные глазищи смотрят, точно старческие — недобро и с превосходством. Именно поэтому закутанная в нежно-лиловые шелка дочь Гая выглядела столь отталкивающе. От ее взгляда мороз продирает по коже и хотелось сотворить самое мощное защитное заклятие.

— Не морочь мне голову, Ноалика! Ты куда старше, так изволь перестать притворяться

несмышлением, — с усталой горечью бросил ваюмн.

— А тебе не все равно? — Образ "потек", теперь перед ними была девушка лет восемнадцати, но глаза остались прежними.

— Раньше ты так со мной не разговаривал, па-поч-ка, — капризно протянула она, — этот примитивный мир тебя напрочь испортил. Раньше ты никогда бы не посмел притащить с собой эту...

— Не тебе судить! — резко перебил мастер, но дочь было не остановить.

— Именно мне! — темные глаза превратились в злые щелочки. Еще чуть-чуть, и она очерится, как волчица. — Без меня ты ничто! Всего лишь человек, наделенный каплей смешных способностей! Ты и нужен-то для одной единственной цели — служить мне! Ты права не имеешь даже думать ни о чем другом, а вместо этого я вижу... О! Ты готов остаться с этой девкой до конца жизни! — Ноалика расхохоталась, весьма довольная собой. Она же так просто и быстро добралась до мыслей отца, — но это ведь неправда? Так, па-поч-ка?

Что эта дрянь несет?! Копаться в чужих мыслях не решаются даже боги, а этой законы не писаны... Впрочем, полукровки часто позволяют себе много больше положенного.

— Не смей трогать его! — Тайри хотела крикнуть, но получилось рычание. Она шагнула вперед, пытаясь заслонить собой Гая.

— Это еще что за фокусы? Примитивная тварь из примитивного мира умеет разговаривать? Или она кем-то себя возомнила? — Ноалика уставилась на целительницу. Её взгляд, в буквальном смысле, причинял боль, но Тайри даже не дрогнула, используя момент и подняв вокруг мастера магические щиты. Прежде всего те, что придумали когда-то воины Леса и опирающиеся только на силы самого человека.

— Смеешь со мной тягаться, мерзавка! — прошипело "божественное дитя", — Тебе же хуже! Папочка, открой глаза этой идиотке, скажи, зачем она нам была нужна!

— Разумеется, затем, чтобы поработать ключом для меня. Ну и немного скрасить мою скуку, — не оборачиваясь, ответил ваюмн, — без нее мне сюда никак не попасть, так было предсказано.

Что с ним такое, что за отвратительный бред он сейчас произнес, мысленно ужаснулась Тайри. А еще эта интонация, совершенно как у его дочери, лед и насмешка, и точно ножом в спину... Больно, так больно — или это пропущенный удар? Дышать нечем и не ответить — горло пересохло от жара, а фляга давно пуста. Остается только одними губами шептать: я не верю! Не верю тебе, Гай!

— Тем не менее, леди, это так. Подумайте сами, любовь — это вообще нонсенс, а уж между мной и... — Гай неожиданно закашлялся.

Целительница, уже ни на что не надеясь, пыталась понять, что же произошло раньше и что творится сейчас. Гай ведь не лгал, никогда не лгал ей даже в мелочах, и нить всегда подтверждала это. Что изменилось, и что является правдой? Возможно, его сейчас просто ломает эта негодная девчонка, переделывая прямо на глазах, взламывая внутренние щиты, вторгаясь в память и выжигая чувства? Как такое возможно и почему тогда не сопротивляется тот Страж, что живет в каждом человеке от рождения? Кровь! Общая кровь, с ее помощью Ноалика делает с отцом всё, что захочет. Как же жаль, что он не станет отвечать ей тем же. Может быть, Гай всё ещё не побежден, может, он хоть как-то сопротивляется? Нет, не стоит тешить себя напрасной надеждой... Тогда чем объяснить, что его дочь всё свое нечеловеческое внимание и все силы сосредоточила на нём одном?

— Вы мне больше не нужны, леди. Цель достигнута. Возвращайтесь домой, если.

конечно, у вас получится, — голос мастера стал совсем неживым.

— Так к чему было тратить столько времени, возиться со мной, учить чему-то? — горло было способно только на хрип, но нужно было тянуть время и что-то придумывать. Пусть девица думает, что примитивная колдунья уже почти побеждена и морально раздавлена. Главное, чтобы не поняла: примитивные твари не умеют сдаваться.

— У меня нет ни малейшего желания объяснять вам свои поступки. Я же ясно сказал: вы больше не нужны...

Создатель, эта попытка диалога высосала сил столько же, столько и бой с дочерью ваюмна. Львиную долю сожрали сомнения, а жара иссушила окончательно. Кажется, достаточно одного щелчка и тело рассыплется пылью... Как же хочется пить! Неужели здесь только камни и песок? Надо вспомнить заклятие, что подарил император, может, найдется источник или хоть лужица... Это не мир, это издевка. Даже не смешно, где-то рядом несколько капель воды, и то соленой. Откуда? Тайри помимо воли потянулась магией к Гаю: подтолкнуть, расшевелить, разозлить, в конце концов, чтобы он сам, с ее помощью, стряхнул чужие чары. Ей ответил старый талисман, ее старое зеркальце в обсидиановой оправе. Мастер носил его, не снимая, с той самой ночи. Крошечный кусочек отполированного серебра сверкнул так ярко, точно поймал луч несуществующего здесь солнца. Он отразил его и ударил по глазам Ноалики, заставив зажмуриться, а потом и отвернуться, закрыв лицо руками.

— Будешь знать, как ломать жизнь людям, — прошипела Тайри, — и на тебя управа найдется!

— Сразу видно, что кого-то в детстве мало пороли, — своим прежним голосом, со знакомой иронией произнес Гай, — и откуда только эта склонность к насилию и дешевым эффектам? Никакой божественной легкости.

— Легкости тебе захотелось? — улыбка Ноалики стала совсем уж змеиной, правда, покрасневшие глаза портили впечатление. — Взялся рассуждать о том, что тебе недоступно?! Ну так я тебя отучу. Прежде, чем мы отправимся в Убежище, ты будешь просить прощения! За всё! Ну же, я не собираюсь ждать!

Мастер дернулся всем телом, согнулся, будто его ударили под дых, но выдержал — распрямился, расправил плечи.

— Проси прощения, иначе я превращу твою игрушку в горстку пепла и развею по ветру! И памяти о ней не останется!

Волна жара ударила в щиты Тайри, уничтожая их один за другим. Чего-чего, а силы у дочери Гая было более чем достаточно. Леди Даллет, увы, похвастаться этим не могла. Остатки резервов уходили на восстановление хотя бы части защиты.

— Можешь не трепыхаться, магичка, тебе не выстоять против дочери истинной богини!

— Да что ты, — огрызнулась Тайри, — а я слышала, что ты дочь Подмастерья далеко не первого круга.

Камень под ногами жег даже сквозь подошвы сапог, волосы и одежда дымились. Юная леди старалась не думать, насколько еще её хватит. Интересно, как бы вела себя эта надменная дрянь, появись здесь еще кто-нибудь, например Лоцман. Нет, на чужую помощь лучше не рассчитывать даже в мыслях — это расслабляет. Лучше вспомнить, что ей когда-то говорили о фамильных заклятиях "на крайний случай"...

— Оставь её в покое, Ноалика!

Ну вот куда он полез! Теперь вдвое труднее удерживать под контролем кое-как

построенную вокруг него защиту... Чем девица немедленно и воспользовалась.

— Как бы не так, па-поч-ка! Проси прощения. На коленях!

**** *
**** *
**** *

Даррен шел по ровному, точно ножом срезанному скальному выступу. По левую руку была отвесная стена, по правую — пропасть и чужое звездное небо. Он не чувствовал усталости и был абсолютно уверен: цель за ближайшим поворотом. Ничего, что карниз под ногами сходит почти на нет, его учили преодолевать такие препятствия. Вот и обрыв, надо всего лишь спрыгнуть, чтобы попасть на висящий в пустоте дивный маленький остров. Густая зеленая трава под ногами мягко пружинила, цветы всех оттенков синего пахли свежо и горько. По каменному ложу струился узкий и быстрый ручей, чтобы оборваться в пустоту маленьким певучим водопадом. Перелетали с места на место яркие бабочки. Когда зеленоглазый нагнулся, чтобы напиться, на руку к нему уселась большая золотистая стрекоза. Впереди, возвышаясь над шапками цветущих кустов, высился храм: мраморные ступени, тонкие белые колонны, поддерживающие портик, и свет, изливающийся из-за них, точно внутри спряталась луна. Навстречу Лоцману вышла женщина. Высокая — одного роста с Дарреном, закутанная в просторные серебристые одежды, на обеих руках — великолепные чеканные браслеты, больше похожие на боевые наручи. Черные, особым образом уложенные волосы скрывали половину лица. Хозяйка храма смотрела на гостя с завораживающей улыбкой и искренним интересом. зеленоглазый хотел поклониться, как полагается — опустившись на одно колено, но твердая рука богини остановила его.

— Здравствуй, молодой князь. Удивительны и неисповедимы замыслы Творца, создавшего такое чудо, как ты. Сила, не осознающая себя — до поры. Лоцман, способный не только читать, но и создавать Тропу, особенно, если есть цель. Я счастлива, что увидела тебя.

— Госпожа, ваши... дети нуждаются в вас, и весь мир, что вы оставили, тоже. Они ищут вас много сотен лет, но им ведь нет пути сюда. Они умоляют вас вернуться.

— Мои дети?

— Тиншельты, Госпожа, живущие на острове Ллир. Только вы давали им силы. Многие уже погибли без вас, их некому было исцелить. Как они сказали, еще немного, и тиншельтов будет слишком мало, чтобы сохранить созданное вами. А в их столице на месте храма провал в бездну, вокруг которого город пустеет и умирает.

Богиня печально кивнула.

— Я боялась, что старое зло найдет дорогу к их миру... К миру, который я полюбила. Я хотела уберечь и мир, и тиншельтов. Увы, не преуспела: зло переродилось и вновь стоит у границ, а мои дети в беде. Проложишь для меня дорожку домой? Нет-нет, чуть погодя, молодой князь. Сейчас тебе надо быть в другом месте, иначе мы можем кое-кого потерять, и исправить это будет невозможно. Помоги твоей спутнице и возвращайся сюда. Запомни, всего три шага назад...

Она легко коснулась губами его лба и отошла в сторону. Рядом с ней серебром светилась арка перехода.

— Поспеш. Теперь у тебя достаточно сил.

И правда, Даррен почувствовал себя прежним. Сила больше не исчезала, и он мог если не горы свернуть, то уж дать отпор десятку демонов точно. И Тропа теперь точно узнала "своего", послушно ложась под ноги и помогая. Он выскочил в очень странное место. Дышащее жаром плато Тропа будто прятала в сложенных "ракушкой" ладонях. Кто другой

никогда не нашел бы сюда путь. Даррен мысленно улыбнулся, представив, как обрадуется Тайри. Задание выполнено, храм богини найден, а победу он с удовольствием подарит ей...

Ноги сами вынесли его к сахарно-белому камню и людям перед ним. Только людям ли? Девушка, что-то кричавшая резко и надменно мастеру Гайдиару, человеком была меньше, чем наполовину. В ней кипела кровь Подмастерьев — не самых старших, но, в любом случае, обычному магу с ней не сладить. Даррен спрятался за иллюзией танцующего пылевого вихря и подкрался ближе. Тайри? Что с ней сделали? Почему эта девочка так жестоко мучает его целительницу и ваюмна? Чего она хочет от них?

— ...На коленях! Или она больше никогда никому не будет мешать! Даже работы могильным червям не будет!

— На коленях, так на коленях, — неожиданно легко согласился мастер, — убери сковывающее заклятие, иначе я не смогу это сделать. Вот так-то лучше... доченька.

Гай глубоко вздохнул, запрокинул голову, будто ища поддержки у здешнего неправильного неба, а потом, развернувшись, легко опустился на колени перед ученицей.

— Прости меня, любимая. Прости за всё, что пришлось тебе пережить, за всё, чего я не сделал... Прости, хоть это и невозможно, — он поймал ее ладони и спрятал в них лицо. Наверное, чтобы Тайри не успела заметить слез. Вода, подсказало послушное заклятие. Соленая вода, несколько капель...

Леди Даллет закусила до крови губу и, наплевав на запреты и осторожность, пустила в ход последние силы, сжигая себя. Закрывать любимого от опасности, отрезать чужие чары, сжечь проникшие в память щупальца, а если еще протянуть две или три нити вокруг, то может быть получится...

— Ну уж нет! — Ноалика в бешенстве топнула ногой, — он с тобой не останется!

Девчонка что-то творила с окружающим пространством, ломая и искажая его. В грудь Тайри будто ударил тяжелый таран, лишая дыхания, разрывая легкие, а главное — руша все созданные чары. Целительница еще успела почувствовать, как Гай коснулся губами ее пальцев и заметить его полный надежды и удивления взгляд, устремленный куда-то вверх.

— Мы так не договаривались, — громыхнул, казалось, отовсюду, низкий женский голос, — ты посмела покуиться на сотворённое не тобой и причинить мне боль! Убирайся вон, дочь Подмастерья!!!

Созданная из темного неба и звезд женская фигура шагнула из ниоткуда и встала рядом, а потом резко развела руки в стороны. Ваюмна и его дочь отшвырнуло в открытый портал, притворявшийся белым камнем. А потерявшую сознание Тайри бросило под ноги растерявшемуся Даррену. Звездная фигурка кивнула Лоцману, точно старому знакомому и исчезла. Зеленоглазый поднял на руки беспомощную целительницу, сделал, как сказали, три шага назад и очутился у храма.

Хозяйка с тревогой посмотрела на Тайри, печально вздохнула и осторожно погладила по щеке.

— Ах, девочка, до чего же ты упрямая, даже на грани смерти за ним тянешься. Спи, ты слишком много сил отдала, почти до самого донышка себя вычерпала... Ничего, всё вернётся.

Даррен аккуратно уложил спящую целительницу на мягкую траву.

— Скажи мне, Лоцман, давно ли в мире моих детей идёт война?

— Война? Я не видел ничего подобного, госпожа. Император говорил о каких-то мелких междоусобицах на континенте, так ведь это войны людей. Ллир давно недоступен

для них, а Стражам, хоть и с великим трудом, удаётся сохранять равновесие и не пускать Тьму в родной дом. Во всяком случае, Стражи так считают.

— А ты?

— У меня сложилось несколько иное впечатление. Тёмные трижды пытались нам помешать: запугать, соблазнить, уговорить. Возможно, они побоялись сделать более решительные шаги, но теперь... Адепты Отступника не боятся действовать открыто и нагло. Разве это не война?

— Нет, пока ещё, и надеюсь, не будет. С мятежного Подмастерья станется наплевать на Весы и пойти против правил, но, думаю, не сейчас. Ты вернул мне радость, молодой князь. Не волнуйся за свою спутницу и иди вперёд. Укажи нам дорогу, а мы последуем за тобой.

**** *
**** *
**** *

Как ни старались валлиры уговорить его величество вернуться в дом на берегу, ничего у них не вышло. Поэтому, наверное, они и притащили для него это коварное кресло. Оно оказалось невероятно удобным и слишком уютным. Император устроился в нем настолько хорошо, что расслабился и, в результате, уснул. Разбудила же его восторженная, но абсолютно непечальная тирада сводного брата, из которой, еще не открывая глаз, государь понял, что поход его друзей увенчался успехом. С одной стороны, следовало радоваться, с другой — был повод задуматься. темные получают право ответного хода, и только Творец знает, чем это может закончиться.

— Не получают, Страж. Я ведь не воюю против них, я сохраняю мир, его красоту, его предназначение. Я не меч и огонь, я — щит, покров и песня. Если меня вынудят, я стану карающим оружием. Но я этого не хочу.

— Слишком много тех, кто с мечом, Госпожа, — ответил его величество, так и не поняв, вслух или мысленно, — и очень не хватает тех, кто бережет, утешает и исцеляет не только тела, но и души. И землю, на которой живем...

Рикарт ор Льофф открыл глаза и увидел светлый высокий храм в окружении чистой зелени и цветов. Исчезла страшная язва на теле острова и старые брошенные дома. Появился холм, куда хотелось прийти и остаться, лечь в густую мягчайшую траву, выкинуть из головы все тревоги и печали и смотреть на бегущие по небу облака. Вокруг храма царил мир и покой, это было абсолютное убежище, где никакое зло просто не имело права на существование.

— Входи, Страж, и будь, как дома.

Вот она какая — богиня тиншельтов. Высокая, стройная, сильная — много сильнее несчастной Глиты. Половина лица скрыта волной волос, и, кажется, он помнит, почему. У этой госпожи две ипостаси: Карающая и Милостивая. Первую часто видели в захваченных Отступником мирах, а вторая улыбается сейчас ему спокойно и тепло, и под её взглядом оживает душа. Исчез император огромной страны, перед Госпожой тиншельтов стоял просто один из Стражей, и ему это очень нравилось. Точно огромный груз на время убрали с плеч, освободили ум и сердце от драгоценных, но невероятно тяжелых оков. Можно сказать, Рикарт ор Льофф давно не был настолько самим собой.

— Спасибо, Госпожа.

— Это я должна благодарить, Страж. Если бы ты не нашел предназначенную молодому князю женщину, не позволил ей самой выбирать путь, не известно, увиделись бы мы когда-нибудь. Лоцман пришел сюда ради нее, и это к лучшему. Другому я бы не поверила, разве что тебе...

— Я ничего этого не знал, Госпожа. Будучи навсегда привязан к миру, я всего лишь очень хотел узнать, что там, за его границами. Увидеть, пусть не своими глазами. Узнал о ее желании, дал ей достойного учителя... Оказалось, нашел и потерял друга. О Лоцмане я думал лишь как о сильном защитнике для них обоих. А вернулся он один, — печально вздохнул император, заметив Даррена, сидящего на ступенях храма.

— Ты спешишь с выводами, Страж. Он спас женщину, как ты и хотел. Просто я погрузила ее в исцеляющий сон. Она отдала слишком много сил и испытала слишком много боли, а ей еще жить дальше.

— А мастер?

— Путник? Вернулся к своему народу, хоть и не своей волей. Остался таким, каким ты его знал, не позволив изувечить свою душу и память. Любовь сделала его сильным.

— Но не сильнее дочери Подмастерья, — мрачно сдвинул брови монарх, а богиня ничего не сказала.

**** *
**** *
**** *

Потом были чудесные дни, праздник, торжественные песни и чистые голоса, всеобщее ликование и море по-настоящему счастливых лиц вокруг. Император бы понял жителей благословенного Ллира, если бы они в своей радости просто позабыли о гостях. Но благодарные люди и дети Двумикой богини не забыли. Их хотели видеть на всех торжествах, показать все чудесные места острова, звали в каждый дом и приносили дары от чистого сердца. Все это смущало и государя, и его спутников, потому что истинных героев было двое, и одна из них больше напоминала собственную тень. Тайри не плакала, не проклинала судьбу, не стремилась куда-то спрятаться. Она просто безучастно молчала, и это было страшно. Жила, точно оживленная магом кукла, механически выполняя привычные действия, оставаясь совершенно безразличной к окружающему. Появлялась за завтраком, потом снова возвращалась в свою комнату и замирала в кресле у окна. Неподвижное лицо, рассеянный взгляд, холодные пальцы, сцепленные в замок.

Чего только друзья не делали, чтобы вытащить ее из этого состояния. но ни песни тиншельтов, ни шутки Даля, ни дружеское сочувствие Орнери не помогали. А богиня сказала, что все возможное она уже сделала, остальное будет вмешательством в чужую судьбу и замысел Творца, следовательно — только навредит. Поэтому юную герцогиню оставили в покое, но не успокоились сами. Император, видя, как мечутся его спутники, с тяжелым сердцем попросил тиншельтов снарядить корабль для возвращения домой.

— Зачем вам корабль, ваше величество, — с улыбкой ответила ему старая знакомая своим хрустальным голоском, — у вас есть Лоцман. Ему теперь подвластны любые пути. Госпожа его излечила.

— А Тайри?! — Даль не собирался оставлять всё, как есть, — ей совсем нельзя помочь? Невозможно же смотреть на то, что с ней творится!

— Будьте рядом. Этого достаточно. Увы, сейчас только она сама себе лекарь.

— В таком случае, дома ей будет лучше, — сказала леди-птица, — может, Одри найдет нужные слова... Мои уже кончились. Когда я её обнимаю, мне кажется, что за ее панцирем, скованным из молчания, бьется крик. Бьется, как... как запертый в горящем доме ребенок. Уж лучше бы она плакала в голос...

Государь вздрогнул — он чувствовал то же самое. Последние дни Рикарт ор Льофф тихо зверел от собственного бессилия хоть чем-то помочь целительнице. Другие этого не замечали, за что император мысленно благодарил своих воспитателей, приучивших его

прятать чувства и жестко управлять эмоциями.

— Так что мы будем делать? — чуть не в сотый раз спросил Адалер.

— Прогуляемся по городу. — Орни решительно встала. — И Тайри с собой возьмем. Хватит ей сидеть одной. А потом попросим Даррена вернуть нас в любимую промозглую Столицу.

Друзья долго бродили по залитым солнцем улицам Ли-Каоры, дышали морским ветром на набережной, любовались картинами и гобеленами в квартале художников, а потом, попав на улочку парфюмеров, утонули в самых удивительных запахах. Леди ор Лоуке привлекла маленькая лавочка, больше похожая на обитель алхимика или травника. В небольшом, но очень светлом зале под потолком висело множество пучков сухих трав, корней, соцветий и веточек. На стеллажах, в прозрачных или темных банках — цветочные лепестки, ягоды, кора, мох, даже зола и песок. В углу, на обширном столе за толстым стеклом — колбы и реторты, горелки и бутылки с чем-то непонятным, где-то светящимся, где-то булькающим... И множество крошечных флакончиков и бутылочек самых разных цветов и материалов на удобном прилавке-горке.

— Что угодно дорогим гостям? — миниатюрная миловидная блондинка в темно-зеленом платье улыбалась искренне и дружелюбно, — у меня здесь не только и не столько духи. Это ароматы-помощники, охранники, обереги, компаньоны, лекари. Если нужно что-то особенное, могу сделать персонально для вас, только времени понадобится много. Предупреждаю, тут нет никакой магии, только очень старые знания о растениях и минералах.

— На Ллире — и никакой магии? Шутите, уважаемая, — отмахнулась леди ор Лоуке, — здесь все пронизано чистейшей силой: и вода, и земля, и воздух, так что позвольте вам не поверить.

— Дело ваше, — ничуть не обиделась хозяйка, — но мои эликсиры и духи будут действовать даже там, где силы нет ни капли. Так уж они задуманы. Мне кажется, вам подойдет вот этот, он теплый и яркий, как вы сами, — она протянула Орнери открытую бутылочку красного стекла. Леди-птица осторожно вдохнула аромат и почти замурлыкала от удовольствия.

— Да, это моё, это напоминает дом, детство и мечты одновременно... А еще что-нибудь есть, например, про моего любимого? Про лед, способный согреть лучше огня?

Блондинка понимающе кивнула, пробежалась пальцами по ряду прозрачных пузатеньких сосудов и протянула Орнери крайний, со слегка светящейся бледно-золотой жидкостью внутри.

— Невероятно! Чудесно! Вдохнула — и точно Даль меня обнял. Я беру оба.

— А ваша подруга? Что же она молчит? Вам разве ничего не понравилось? — обратилась она к Тайри. Та не ответила, глядя куда-то сквозь собеседников, — Что с ней случилось, миледи?

— Она потеряла любимого человека. Рассталась навсегда и не по своей воле. Говорят, так было predetermined. Пыталась бороться, не преуспела, а теперь вот... молчит, — пояснила леди ор Лоуке.

— Бедная... — хозяйка подошла ближе, осторожно погладила Тайри по плечу, — вот когда женщине надо быть слабой-слабой... А ваша подруга сильная, да только её сила — это скорлупа, прочная, как сталь. Если ее не пробить, то душа задохнется, так и умереть недолго. А сделать это можно только изнутри.

— Мы пытались, уважаемая. Чего только не делали, но она не слышит, не хочет слышать!

— Так случается с теми, кто винит во всём случившемся лишь себя. А винить вообще никого не надо, не всё в силах человеческих, — женщина заглянула в лицо безучастной целительницы, огорченно покачала головой, — плохо, ой, плохо... Мы вот что попробуем.

Из отдельно стоящего шкафчика она достала узкий и длинный флакон синего стекла, капнула темной жидкостью на пальцы, быстро мазнула по вискам и шее посетительницы, в последнюю очередь коснувшись ямочки между ключицами. Аромат был горьким — полынная степь, осенние листья, дым костра, белый мох и вся несправедливость этого мира. Леди Даллет зажмурилась и закрыла лицо ладонями. Слезы наконец-то нашли выход, вырвались на волю, смывая страх, оцепенение, облегчая боль и освобождая место для иных, более живых ощущений.

— Вы идите, — шепнула Орнери хозяйка, — а подруга ваша пока здесь побудет. Что она любит, знаете? Цветы, шоколад, сладости, золотые безделушки? Найдите что-то, способное её хоть немного порадовать.

— Шоколад, фрукты, открытый огонь и море... Я знаю, что надо делать. Мне зайти позже?

— Часа нам хватит, чтобы поговорить, правда, миледи?

Тайри медленно кивнула.

— Я не буду ни утешать вас, ни жалеть, ни уговаривать, миледи, — серьезно и строго произнесла хозяйка лавочки, когда Орнери ушла, — скажу только, что убивать себя можно по-разному, но в любом случае это только порадует Отступника. Подумать же надо вот о чём: если вы умрёте, станет ли легче вашему любимому? Как бы далеко не увела его судьба, он ведь почувствует и поймет, что произошло. Вы готовы причинить ему такую боль? А ваши близкие? Они ведь ждут вашего возвращения, а не той человекоподобной куклы, которой вы были минуту назад. Расставаться больно, но вы оба живы, значит, остается надежда на встречу. Кроме нас и нашего желания есть еще иные силы. Мало ли кто вас услышит да по доброй воле решит помочь? Не смотрите на меня так, я знаю, о чем говорю. Жизнь вела меня долгой дорогой и к моему делу, и к моей семье, всякое пришлось пережить. А слез стесняться не надо, их не зря Создатель придумал. Вот этот аромат позволит выплакаться и отпустить, вздохнуть полной грудью и разрешить себе жить дальше. Я называю его "Утро после бури". А вот его брат, он восстановит силы и вернет вас к себе-прежней, он теплый и уютный, имя ему "Солнце новой весны". А этот укрепит душу, сделает четче мысли и придаст решимости в трудные минуты. Он живой, и он станет защитником, убережет и прикроет спину, если не пожалеете для него капли своей крови. Я назвала его "Фамилиар". Ну и последний... Обещайте, что не будете пользоваться им без крайней надобности, — на ладони женщины появился крошечный серебряный флакончик, — он оживляет воспоминания и позволяет пережить заново самые яркие моменты. Но прошлым жить нельзя. И поверьте мне, ни сейчас, ни в ближайшие несколько месяцев его трогать не следует.

— Хорошо, я не буду, — послушно прошептала Тайри, заморожено следя за руками блондинки, открывающей фиал с переливающейся, точно огненный опал, жидкостью.

— Это мой подарок, и он как раз для нынешнего момента, — хозяйка накапала маслянистую жидкость в небольшую пробирку, заткнув самой обычной пробкой, — он станет вашими духами на каждый день, не даст застыть на месте и вернет интерес к жизни.

Ну-ка, вдохните!

Лимон, дикая мята, южная сосна, цветущий эвкалипт, горькие травы, море на рассвете и ветер в лицо...

— Вы дадите им название сами, ибо каждый в этом аромате слышит свое. А теперь оставим горе за спиной и поговорим о жизни, — блондинка ласково улыбнулась, — расскажите-ка мне, как вы живете там, на Материке. Наша богиня вернулась, пора и нам возвращаться, вспоминать, как было раньше. А раньше наши лавочки были в каждой столице и в каждом порту...

Вернувшаяся в условленное время Орнери облегченно вздохнула, увидев бледную, заплаканную, но уже вполне живую подругу. Расплатившись, не торгуясь, за все сразу и получив в подарок еще один загадочный флакончик "только для сильных милордов", леди ор Лоуке подхватила Тайри и повела ее на берег моря. Мужчины уже разожгли костер и что-то на нем жарили, сопровождая почти магический процесс рассказами и шутками.

— Говорят, один сумасшедший колдун, — с крайне серьезной миной вещал Даль, — желая возродить давно исчезнувшего шипастого полоза, соединил большого тропического ежа с удавом, но ошибся в расчетах, и у него вышло...

— Три ведра колючих головастиков, — закончил Даррен.

— У-у-у-у, так не интересно! И кто тебе успел рассказать мою любимую байку?

— Габриэль.

— Вот ведь зараза! Ладно, слушай другую... О, наши дамы вернулись, и провалиться мне на месте, с ними обеими все в порядке!

— А раз все в порядке, то имейте в виду, леди, у меня на вас большие планы, — сказал его величество веско, — просто императорские. Вас, леди ор Лоуке, я желаю видеть своей невесткой. Вполне официально: с колоколами, обрядами, благословением слуг Создателевых, застольем, кольцами и бросанием в толпу свадебного венка. Впрочем, о кольцах я поговорю с братом, это его забота. А вас, леди Даллет, я хочу видеть сразу в нескольких ипостасях. Весной вы должны быть среди других наставников, и, даст Создатель, у вас появится хотя бы один ученик. А еще вы, вместе с Далем, будете курировать мой лицей для юных дарований. Ну и, если мне понадобится ваша помощь, как мастера порталов или целителя, надеюсь, вы мне не откажете.

— Не откажу, ваше величество.

Интересно, как бы это у нее получилось? Когда император чего-то хочет, он получает желаемое так или иначе.

— Вот и отлично. Эй, милорды, налейте нам кубки!

Вино оказалось золотистым, сладким и шипучим. Бурлящим — как сама жизнь.

**** *
**** *
**** *

Возвращение домой было светлым и праздничным — только не для Тайри. Его величество сразу же назначил дату аудиенции (исключительно для уточнения планов) и срочно занялся обустройством будущего посольства валлиров в Столице. Даль и Орнери, получив от государя вполне конкретные указания, всерьез задумались о свадьбе. Габриэль вернулся на службу, а Одри неожиданно попросилась в ученицы к одной пожилой даме, стихией которой была вода. Леди Даллет справедливо полагала, что и тут не обошлось без императора. Рядом остался только верный Даррен, перед которым она чувствовала себя со всех сторон виноватой. Он исключительно ради неё впутался в крайне опасное дело, пошёл на Тропы, не будучи полностью здоров, и исцелила его не она, а богиня тиншельтов. Не

говоря уж о том, кто кому спас жизнь. Потому что, будь Тайри одна, она и не подумала бы спастись. Зачем жить, если Гая больше нет с ней, его вырвали с кровью из живого кричащего сердца, и она ничего не смогла сделать. Умом юная герцогиня понимала, что магия крови Ноалики в сочетании с силами, унаследованными ею от матери-Подмастерья не оставили им с Гаем ни малейшего шанса, а сердцем... Сердца не было. Вместо него в груди болезненно дергалось нечто тяжёлое, похожее на кусок камня с очень острыми гранями. Первую неделю по возвращении леди Даллет ещё держалась, а потом не выдержала и вернулась в маленький дом в квартале Семи Гильдий. Там даже не успела скопиться пыль — работали настроенные Гаем чары. Всё осталось таким, как в первое утро нового года: букеты из еловых и можжевельных веток в вазах, красные свечи на окнах, праздничное убранство комнат. Тайри медленно поднялась по лестнице в спальню. На кровати лежал парадный камзол, рядом брошена серебристая шёлковая рубашка. В походе шёлк и бархат ни к чему, да и в жизни Гай предпочитал одеваться просто и практично. С огромным трудом удержавшись от того, чтобы не сгрести все это в охапку, не зарыться лицом в надежде ощутить рядом родное тепло, запах, дыхание, целительница в голос всхлипнула и выскочила из комнаты, плотно закрыв за собой дверь. Так можно сойти с ума... В кабинете царил идеальный порядок, а на столе, под тяжёлой гьяттской шкатулкой ждал исписанный родным чётким почерком лист бумаги. И когда он все это успел? Сборы проходили в дикой спешке, император так стремился увидеть Ллир, что не дал им ни одной лишней минуты. Тайри села в кресло, подвинула к себе письмо, тщетно пытаясь разглядеть строчки сквозь слезы. Сделав над собой усилие и вытерев глаза, она сосредоточилась и будто услышала голос любимого наставника.

"Тайри, милая!

Прости меня, я столько всего не успел, не решился, не сказал, пока не стало слишком поздно. Пожалуйста, прими мой подарок. Та мелочь, что я вручил тебе в Длинную ночь, не в счёт. Я долго не понимал, зачем полжизни с таким упорством собирал эти жемчужины — пока не встретил тебя. Наш сосед-ювелир по моей просьбе создал достойное тебя ожерелье. Понимаю, что это ничтожно мало. Куда ни глянь, всего ничтожно мало: дней, ночей, слов, поцелуев...

Что бы ни случилось со мной, куда бы ни потащила меня судьба, что бы ни творили со мной в Убежище, я буду помнить, любить и стремиться к тебе. Я буду искать возможности, средства и пути, чтобы вернуться. И я буду, пока жив, слышать тебя, пусть не чётко, не всегда и независимо от моего желания. Прости, но я не считаю себя в праве тебя обнадежить. Безумно хочу сказать: жди меня, и я вернусь, но это будет нечестно. Да и не хочу я, чтобы ты потратила свою жизнь на ожидание. Это красиво, но жестоко и бессмысленно. Поэтому — живи, сражайся, открывай новые миры и будь счастлива. Расправь свои чудесные крылья, лети, создавай, оберегай — и будь счастлива! Не останавливайся, оставайся собой, ничего не бойся — и будь счастлива. За нас обоих.

Надо бы написать "прощай", но я не хочу, потому что так уходят навсегда, не надеясь на встречу, а я все ещё храню эту хрупкую и несбыточную надежду.

Поэтому — до свидания — когда-нибудь — на этих или иных дорогах.

Люблю тебя. Гай".

В шкатулке пряталось нечто чудесное из редких синих "русалочьих слез", голубых топазов и серебряной филигрании.

— Зачем оно мне, Гай! Если раньше все было ради тебя и для тебя, зачем мне теперь вся

эта роскошь?! — прошептала Тайри, зная, что ответа не будет.

Она обещала самой себе, что не оставит попыток и будет искать любимого. Увы, тех кто мог бы подсказать и направить ее поиски, похоже, и вовсе нет в этом мире. Если бы осталась нить... Возможно, стоит обратить внимание на заметки, которые столько лет вел мастер. Кто знает, не удастся ли ей найти нужный путь там, где наставник его попросту не заметил? Леди Даллет уверенно выдвинула верхний ящик стола. Магический замок подчинился беспрекословно, убирая фальшивое дно и открывая тайник, где в полном порядке лежали толстые тетради в кожаных переплетах Восемь рукописных сокровищ, оставленных для нее Гаем.

Тайри решительно смахнула последние слезы, открыла первую страницу и напрочь забыла о времени. Когда догорели свечи, она не задумываясь зажгла магический светильник. Утро застало ее в том же кресле. Оторваться было выше её сил, Тайри будто снова слышала голос мастера, его ироничные или восторженные интонации. А еще ваюмн умел мастерски излагать все свои наблюдения, получилось интереснее любого романа. Юная леди с головой ушла в чтение, надеясь, что вот-вот нащупает ниточку, что приведет её к мастеру, где бы он ни был.

Она не успокоилась, пока не прочла все тетради до последней. Почти неделя наедине с Гаем, его мыслями, наблюдениями, строгими выкладками, путевыми заметками. Ваюмн знал её родной мир так, как мало кто из ныне живущих. И полюбил его всем сердцем задолго до того, как встретил свою ученицу. Но ни его научные труды по теории и практике порталов, ни подробные описания опасностей Троп не давали ни малейшей зацепки, как найти его самого. Тайри, разумеется, вспомнила о Таверне и её хозяине, но надеяться на него вряд ли стоило. Кьялар не вмешивался в чужие судьбы. От собственной беспомощности накатывало то холодное бешенство, то полнейшая апатия, и леди Даллет часами сидела, глядя в пустоту, не имея сил просто сделать шаг, не то что заниматься изысканиями. Временами, от осознания безвозвратно и бесполезно утекающего времени, хотелось кричать или бежать, куда глаза глядят. Не давали погрузиться в бездну безразличия к себе и жизни только долг целителя и данные императору обещания. В конце весны, вполне возможно, ей самой предстояло стать кому-то наставницей, а осенью ещё и возиться с магически одаренными детьми в лицее.

Видимо, кто-то умудрился притащить в Столицу с острова Гронн настоящую зиму. Настолько настоящую и суровую, что становилось не по себе. Сейчас казалось, что весна никогда не наступит. Сначала три дня не переставая валил снег, а потом город сковали сильнейшие за последние лет двадцать морозы. Люди передвигались по улицам перебежками, от магазина к магазину, от тепла к теплу. Опустели угольные и дровяные склады, бешеным спросом пользовались меха и согревающие амулеты. Все маги, умеющие худо-бедно создавать Короткие Переходы, были мобилизованы на императорскую службу, чтобы обеспечить доставку продовольствия и топлива в замерзающую Столицу и другие близлежащие города. Естественно, его величество не обошёл вниманием и Тайри, не оставив ей ни одной свободной минуты. Сопровождая караваны, пропуская обозы из южных и восточных провинций Империи через порталы, патрулируя улицы вместе со стражей и дежуря в госпитале, юная леди постепенно очнулась от воспоминаний. Она продолжала искать необходимую информацию, другое дело, что времени на это у неё почти не было.

Зима лютовала чуть больше месяца, но, стоило морозу отступить, появились иные проблемы. На самую юную леди, на старших Даллетов, на Одри, Габриэля и Даррена стали нагло нападать прямо на улицах. Были это самые обыкновенные люди, отребье с городского дна, которое за деньги сделает что угодно. Использовать против них магию по закону было нельзя, оставалось только вооружаться и привыкать к кольчугам. Не то чтобы Даллета-старшего это пугало, но жить в постоянном напряжении из-за невозможности поставить на место зарвавшихся негодяев было сложно. Возможно, его величество и закрыл бы глаза на нарушение закона, но не сейчас. Высшее дворянство роптало, влиятельные купцы и банкиры сколачивали свой альянс, а ещё кто-то распустил слухи, что слишком суровая зима — дело рук распоясавшихся магов. Слишком много воли им дал император, обычным людям и вздохнуть-то без мажьего дозволения нельзя... Пришлось срочно придумывать выход.

Даллеты долго обдумывали различные варианты, и, как ни странно, приняли предложение леди Лиолы. Они решили на какое-то время исчезнуть из города, раствориться в Уккабских лесах. Отбыли тихо, не привлекая внимания, Коротким переходом прямо из дома. Путешествие это оказалось желанной передышкой для всех, кроме Тайри, но

возражать было бессмысленно, пришлось смириться. Юная леди Даллет знала, чем для неё обернётся пребывание в Золотой Адире. Матушка непременно займётся тем, о чем давно мечтала, а именно — попытается найти для дочери достойного, на её взгляд, мужа. И ведь не отвертишься, не убедишь её, что никто не нужен! Гая старшая герцогиня предпочитала не замечать, не забывая напоминать дочери, что все их отношения не всерьез и ненадолго, а жизнь нужно устраивать. Теперь же у леди Лиолы руки были развязаны. Именно поэтому Тайри так не хотела появляться в обожаемой её матушкой столице Уккабского королевства.

Герцог Даллет прекрасно свою дочь понимал, но уговаривал потерпеть — всего-то пару месяцев. Потом ведь Тайри все равно придется вернуться в Столицу, чтобы искать учеников для императорского Лицея, а чуть позже занять свое место среди наставников будущих магистров. Конечно, Тайри согласилась, с ужасом думая, что страшнее: два месяца непрерывных балов-знакомств-приемов или последующие годы с чужими нитями в сердце. На данный момент младшая герцогиня не чувствовала в себе ни сил, ни призвания учить других, другое дело — учиться самой. Именно поэтому она уделяла столько внимания занятиям с отцом, вникая в древние родовые магические техники и заклятия, до изнеможения фехтовала с Габриэлем, училась создавать артефакты у Даррена и даже безропотно согласилась пройти посвящение в ордене Гарды, оказавшись в Адире.

Особняк Даллетов остался на попечении Одри, Габриэля и слуг. В доме мастера Гайдиара, где Тайри проводила очень много времени, хитроумные маги из отдела Особых ситуаций поселили очень похожую на Тайри девушку, для которой Даррен специально сотворил амулет-обманку, хранивший магический "слепок" хозяйки. На первый взгляд и даже на второй любому непосвященному магу казалось, что там живет именно юная леди Даллет. Даже вполне опытный чародей не сразу распознал бы подмену. Единственной проблемой было то, что девушка-двойник не могла быть магом, чтобы случайно не сбить настройки амулета. Именно поэтому к ней часто заходили "добрые друзья" из того же отдела, надеясь выловить всех злоумышленников "на живца".

Как ни странно, жизнь в столице Уккабы сложилась самым благоприятным для Тайри образом. С первых же дней её забрали в резиденцию ордена Гарды для подготовки к посвящению. Три недели пролетели совершенно незаметно — ведь они были заняты учебой и целительской практикой. В итоге орден приобрел новую жрицу, пусть и не пожелавшую остаться в стенах древней обители, но вполне способную обучать новых адептов, а значит, выполнять одно из предназначений. Тайри получила новые силы, знания и заслужила несомненное уважение старших жриц, чем законно гордилась леди Лиола. К её радости, Тайри теперь смотрела совершенно спокойно на все обязательные балы и приемы. Смирилась? Как бы не так, просто лучше изучила здешние нравы и окружение. Потенциальные женихи проявляли сдержанный интерес, но желанием обзавестись семейными узами не горели. Младшая герцогиня Даллет только тихонько посмеивалась. Зная болезненное самолюбие юношей из высших кругов Адире, она была уверена, что ни один не решится предложить ей "руку и сердце", если, конечно, так не решат родители. Ведь она была на порядок сильнее любого из них, как маг, да и успела совершить много больше. А эти "золотые мальчики" хорошо, если закончили обучение в перерывах между балами и турнирами. Те из них, кто хоть чего-то стоил, уже давно вступили в Орден, который возглавлял Тиннэр Серебряный Тополь, самые непоседливые и отчаянные ушли на границы, где нередко случались как набеги воинственных племен, так и нападения древней нечисти. Оставшихся можно было не опасаться.

Поэтому леди Лиола вздыхала и злилась попеременно, герцог Даллет, не считавший никого из виденных им претендентов достойной партией, радовался, а Тайри, пользуясь случаем, продолжала исследовать древние книги о способах магического поиска. В библиотеке ордена Гарды в ней души не чаяли, в малом хранилище артефактов пытались помочь, чем могли. Все наладилось, но однажды утром вода в бокале превратилась в морскую, и младшая леди Даллет без сожаления оставила столицу лесного королевства.

Вернуться в дом Гая ей не дали, как и в родительский, ведь молодая хозяйка вроде никуда и не уезжала? Жить пришлось в одном из гостевых покоев дворца, точнее — приходиться туда ночевать. Днями же приходилось "прыгать" из города в город в компании Даля и еще нескольких магов, чтобы забрать для обучения в Лицее способных детей. За неполных две недели набралось человек тридцать, все с очень ярким врожденным даром. Совершенно неожиданно, оказалось очень весело обучать детей азам самоконтроля и защиты, первому бытовому волшебству. Удивительно, но к Тайри потянулись самые маленькие лицеисты, которым было меньше восьми лет от роду. Если у других учителей они баловались, хныкали, без конца отвлекались или зевали от скуки, то у нее сидели, открыв рты, и увлеченно выполняли все задания. Две пожилые чародейки взирали на молодую коллегу с одобрением. Преподаватели-мужчины, наблюдая ее очевидные успехи в обучении самых, казалось бы, сложных лицеистов, задавались вопросом "как это у нее получается?" и подумывали о том, что их будущим детям не помешала бы такая мать. Малышня ходила за леди Даллет "хвостиком", висела на ней гроздьями и даже спать не ложилась без сказки от "нашей Тайри". Так, постепенно, младшая герцогиня Даллет втянулась и уже помыслить себя не могла без маленьких, упрямых, вредных, любознательных и искренних учеников. В ее сумке завелись фрукты и сладости для угощения, запасные тетрадки и карандаши для забывчивых, расчески и ленточки для растреп и блокнот с историями, которые придумывались на переменках. На занятия она всегда приходила немного раньше положенного времени, но ученики все равно успевали наклеить на стену десяток рисунков, притащить из зимнего сада хотя бы один цветок, а кто-то самый умелый заговорил кружку, и чай в ней всегда оставался горячим. В один прекрасный день в аудиторию гордо вошла кошка — белая, с черными ушами и хвостом, да так и осталась там жить. Малышня с восторгом за ней ухаживала, а начальство не возражало. Во время занятий Принцесса гордо восседала на учительском столе, если, конечно, не отправлялась куда-то по своим делам. Еще немного, и Тайри начала бы думать, что жизнь решила сжалиться над ней и подарила немного спокойствия пополам с тихой радостью. Но тут сначала сработала засада в доме Гая, поймав-таки каких-то мерзавцев, прикинувшихся пациентами, а потом наступил май. Детей сопроводили в летнюю резиденцию на берегу моря, а леди Даллет пришлось вспомнить о еще одном пожелании государя.

**** *
**** *
**** *

Так или иначе, обещания, данные монарху, надо выполнять, даже если ты совсем не чувствуешь себя способной на обещанное. Поэтому Тайри молча стояла среди прочих, знакомых и незнакомых наставников в Звенящем садике, разглядывая взволнованных студентов под бой часов и птичий щебет. Сегодня их была ровно дюжина — самых упорных, успешных, заработавших право учиться в магистратуре. Десять парней и две юных леди, обе, как успела узнать Тайри, потенциальные ученицы мастера Эйтана.

— Леди Тайонна-Ри ор Даллет, ваши ученики: лорд Мартин ор Бернат, Томрис Гарроа, — выдернул ее из мрачных раздумий голос ректора. Показалось, или в нем

прозвучала ирония? — Вперед, господа, ваша наставница ждет вас!

Тайри с трудом удержала усмешку: у господ студентов были такие удивленные лица! Видимо, им сообщили только имя магистра, занимающегося избранным направлением, и будущие ученики представляли себе кого-то более солидного. Вряд ли они думали, что наставник окажется ненамного старше их самих. И, если благородный Мартин выглядел совсем мальчишкой, то сын оружейника из далекой северной Невлады был на пять лет взрослее самой наставницы.

Леди Даллет видела, что Творец щедро одарил обоих. Искра Пламени Первозданного сияла в каждом из них ярко, но по-разному. Младший весь соткан из струн и лучей, легкий и звонкий, похожий на редкий музыкальный инструмент — настрой его правильно, и в звучании мира появится еще одна красивая мелодия. Он прекрасно поладит с Источниками и Потоками, они с радостью будут делиться с ним силой. Вот закрыться от Тропы ему будет нелегко, но дорогу домой он найдет даже с завязанными глазами. Старший — загадка, спрятанная в природной броне. Как подступиться к такому и чему учить — непонятно, да еще и осложнено поздно открывшимся даром. Его будут слушаться огонь и камень, из него получится вполне самостоятельный воин или разведчик, но только если он сам захочет этого.

Интересно, что толкнуло этих людей на Тропу? Тайри вспомнила, как её спрашивал об этом мастер в их самую первую встречу, и уверенность в собственных силах стала совсем призрачной. У меня не получится, в ужасе подумала она, никогда не получится учить так, как это умел Гай. Ваюмн сразу сумел нащупать и общие темы, и правильный тон, и... Тайри сделала то же самое, что и он когда-то: одним давно отточенным усилием перенесла себя и будущих магистров на берег моря. Осталось только спросить:

— Можете ли вы мне четко ответить, господа маги, зачем вам понадобилось умение ходить по Сокрытым Тропам?

— В нашем роду тщательно сохраняется один древний манускрипт, миледи, — тихо, но вполне уверенно ответил Мартин, — говорят, он написан еще до Катастрофы. Это путевые заметки одного моего дальнего предка. Я прочитал о Тропах в тумане и чудесных местах, куда они ведут. С тех пор только о них и думаю. А еще меня учили, что чем шире наш мир, тем больше мы знаем о самих себе.

— А что в этом манускрипте сказано об опасностях, таящихся на Тропах и в "прекрасных местах"? Ничего? Так я и думала. Это вам не дорожки в вашем саду и даже не лесные уккабские тропы. Там всё не так и всё намного сложнее.

— Но ведь вы, леди, научились справляться с опасностями, значит, и я смогу! Если научите...

— Вам придется слушаться меня во всём, и в точности выполнять все указания. Для таких, как вы, это тяжело.

— Мы постараемся, — голос у сына оружейника был низким и гулким, — если что, я за мелким присмотрю.

— Я не мелкий! — возмущенно возопил Мартин. Если честно, юный граф ор Бернат и правда ростом не вышел — вровень с Тайри. Томрис же, точно в противовес ему, был выше на голову, массивнее и куда шире в плечах. Наверное, отец с детства брал его помогать в кузню.

— А вам, достойный Томрис, зачем понадобилось прогуляться за пределы нашего мира? Будущий ученик разом сник, ссутулился и отвел глаза.

— Не скажу.

— Ого! И как после этого я должна принять вашу клятву? — спокойно поинтересовалась леди Даллет, — вам ведь не могли не рассказать, что между наставником и учеником всегда возникает особая связь, мы называем её нитью. Любые тайны при этом неизбежно раскрываются сами собой.

— Ну и демон с ним. Не могу я сказать, миледи, хоть убейте...

— Демон, так демон. У меня нет настроения вас пытаться, — вздохнула волшебница, — скажите хоть, что не собираетесь бежать, натворив нечто противозаконное. Я вам сразу поясню — это не выход. До прогулок по Тропе предстоит минимум три месяца упорнейших занятий, а в любой другой стране вас отыщут толковые ребята из отдела Особых ситуаций.

— Творец свидетель, ничего плохого я не сделал и не замышляю!

— Вот и славно, — Гай бы из ученика признание в любом случае вытащил, но ей, увы, далеко до искусства ваюмна, поэтому придется спросить о другом. — А скажите-ка мне, господа будущие магистры, как у вас дела обстоят с иными дисциплинами?

— По основам железное "отлично", — пожал плечами Томрис, — магия камня и руд — на уровне, огненная — более чем...

— Полагаю, что и боевые маги вами очень довольны?

— Так и есть, миледи.

— А вот мастеру Эйтану вы сдали зачет со скрипом...

— С третьего раза, — страшным шепотом сообщил Мартин.

— Чудесно! А вам, мой осведомленный друг, за красивые глаза какой экзамен зачли?

Глаза у юного Мартина, и правда, были красивые, даже слишком. Два ярко-голубых горных озера, не иначе.

— По боевой магии, — покраснел до ушей будущий магистр.

— Восхитительно! Небось, с формулировкой "Толку не будет, хоть убейте!".

— Магистр Воррин ничего такого не сказал...

— Магистр Воррин слишком добр для боевого мага. Честно говоря, сама не очень-то понимаю, как он до сих пор держится в этой стае хищников.

— Да они за него любого на ленточки порвут, миледи, — пробубнил сын оружейника, — они в нем души не чают! Он же гений, такие артефакты делает, такие чары подружить может, что никакому хищнику и не снилось!

— Вот оно как, не ожидала... Ну а с вами мне что делать? На Тропе надо уметь всё. И лечить, и защищаться.

— Мы постараемся, миледи, — снова повторил Томрис.

— А я слышал, что на Тропе вообще нельзя колдовать, — сказал Мартин, — тогда зачем нам уметь всё?

— Правильно слышал. А теперь думай: возможно, ты пойдешь не один. Ты — проводник и путник, движущийся от приюта к приюту, от мира к миру. Ты уверен, что везде тебе будут рады, напоят-накормят, исцелят и с колыбельной спать уложат? Вот то-то же!

— Миледи, я не знаю, чему мне еще придется научиться, но я все сделаю, что скажете, — рослый северянин степенно опустился на одно колено. Вслед за ним юный граф торопливо бухнулся сразу на оба, — согласны ли вы взять меня в ученики — до тех пор, пока не сочтете нужным отпустить меня в мир, леди Тайонна-Ри ор Даллет?

Мартин повторил ритуальную фразу столь же уверенно.

— Согласна. Отныне и до тех пор, пока Мир не укажет нам обоим, что ученичество

закончено.

Слово сказано, теперь следует положить руки им на головы... Небо изменило цвет, перед глазами пронеслась сине-серебряная метель, грудь обожгло огнем. Потом холодом. Два острейших иззубренных крюка впились в сердце, да там и остались, удерживая две совершенно разных нити. Тонкую, из серебра, первых дождей и хрупкого льда, весенних солнечных лучей, улыбок и птичьих трелей — Мартина. Подобную басовой гитарной струне, из стали и гранита, звона молота о наковальню, тепла очага и жара горна, первых осенних яблок и ледяной воды из колодца, из тяжелых волн большой холодной реки и повисших над ней мостов — Томриса. Молот, который, если надо, станет оружием. Арфа, которая, если придется, зазвучит целым оркестром. И она — наставник, настройщик, опора и защита, путь и покой, инструмент в руках мира, резец, который может оставить в душах учеников такой узор, какой пожелает. С этого момента все их поступки — её, и вся боль, и ошибки, и глупости... А победы, достижения, радости, озарения и растущие крылья — их. Так было и так будет всегда между наставниками и учениками.

Почему ей кажется, что Мартин — совсем еще ребенок, а Томрис, наоборот, много старше её самой? Возможно, дело в ответственности, в тяжести решений, в самостоятельности. Ну вот, стоило подумать, как говорил Гай, " в эту сторону", как чьи-то слишком голубые глаза уже смотрят на тебя восторженно, а чьи-то темные в замешательстве прячутся за густыми ресницами.

— Ну всё, господа маги, теперь нам какое-то время никуда друг от друга не деться, — облегченно вздохнула Тайри, — и извольте себя беречь. Мартин, откуда синяки на ребрах?

— Не в ту таверну сунулся, миледи. Пока я подросел... — виновато развел руками Томрис.

— На всякий случай предупреждаю: как целитель, я чувствую вашу боль даже сильнее, чем вы сами. Поэтому, если вдруг что, первым делом идёте ко мне, а уж потом будем думать, нужна нам ещё чья-то помощь, или же я сама справлюсь. Уяснили? — дождавшись согласных кивков, леди Даллет продолжила, — учителя фехтования и прочей боевой подготовки я для вас найду. Граф, вы отвечаете за посещение спецкурса на кафедре целителей. Думаю, вы знаете, как помочь вашему товарищу с этой дисциплиной. Томрис, на вашей совести курс по боевой магии и успехи в ней господина графа. Спрошу с обоих.

— А... — Мартин хотел что-то уточнить, но наставница остановила его движением руки.

— А теперь мы посмотрим, как вы строите порталы. Кто первый вернет нас домой?

**** *
**** *
**** *

Работа потребовала, в буквальном смысле, всего времени и всего внимания. У леди Даллет не получалось учить также вдохновенно и непринужденно, как это делал мастер Гайдиар, поэтому ей приходилось серьезно готовиться к каждому занятию. Тайри утонула в книгах, выверяла и взвешивала каждое слово, предназначенное ученикам, прокручивала в мозгу ситуации на Тропе, ставя себя на место каждого из своих подопечных. Все осложнялось тем, что будущие магистры оказались очень разными. Если Томрису было по плечу практически все, и он быстро приходил в равновесие даже после очень серьезных нагрузок, то Мартина надо было беречь. Наставница боялась, что его редкий дар обернется во вред юному магу, и он просто сожжет себя изнутри. У графа внутренняя "настройка" была столь тонкой, а Источники делились с ним так щедро, что он постоянно рисковал увлечься и зачерпнуть больше, чем можно. Получалось, что младшего ученика необходимо постоянно

держат под присмотром. Наставница нет-нет, да и ловила себя на том, что начинает думать о нем, как о ребенке. Своём ребенке. А как еще назвать того, кого оберегаешь, за кого все время волнуешься, ночей не спишь, когда с ним что-то неладное творится, чуть ли не шарфик на шею завязываешь, когда холодно?! Леди Даллет пыталась утешить себя тем, что уж со вторым подопечным никаких хлопот нет, и не будет, ибо человек он взрослый, ответственный и самостоятельный. Но это было не так. Старший ученик скрывал страх, который медленно подтачивал его изнутри. Томрис слишком много сил тратил на то, чтобы его не показывать, держать в узде и ни в коем случае не сорваться. Можно было спросить о причинах прямо, можно "влезть в голову" под видом контроля и попытаться понять, но наставница предпочитала, чтобы Томрис Гарроа рассказал все сам. Возможно, это было ошибкой, но она сама до дрожи ненавидела, когда кто-то под любимым, даже благовидным, предлогом копается в ее мыслях и воспоминаниях, и с другими так не поступала.

Все вскрылось перед очередным выходом на Тропу. Путешествие планировалось серьезным и длительным, и наставница отпустила молодых магов на неделю — готовиться. Нить явственно подсказывала ей, что старший ученик сильно волнуется и сомневается, видимо, принимая какое-то сложное для себя решение. Через день Мартин прибежал к ней и сообщил, что его друг ушел порталом в Невладу, сославшись на плохое предчувствие. Он боялся за здоровье своей матушки и предупредил, что может не вернуться — отец не отпустит. Кроме того, там же четверо — мал мала меньше, без матери они просто никому не нужны. Господин Гарроа-старший сроду ими не занимался...

Тайри никогда раньше не бывала в северной Невладе, лишь много читала и слышала о красоте этого города, о его каналах, мостах, дворцах и парках, о прохладном дождливом климате и о том, что поздней весной и ранним летом там светло даже ночью. Мартин взялся построить Короткий переход, ведь за годы учебы в Академии он не раз бывал в гостях у друга. На вопрос леди Даллет о родителях старшего ученика юный граф ответил, что матушка Томриса — редкая красавица, добрейшей души человек и вокруг нее мир поет и светится. А вот отца он видел всего раз и не горит желанием повторить это. Гарроа-старший производил впечатление втиснутого в человеческую шкуру зверя, был груб со всеми, гостей терпеть не мог, магов люто ненавидел, и сдерживала его постоянно пылающий гнев только хозяйка. Мартин тогда с ужасом понял, что глава семейства считает себя абсолютно правым во всем, а жену и детей — своей собственностью, не имеющей ни права голоса, ни собственной воли. Ему плевать было на законы, обычаи и мораль, не говоря уж о таких мелочах, как уважение к людям и сочувствие к слабым и беззащитным. Что можно сказать о человеке, который к детям относится хуже, чем к цепному псу? Наставница ужаснулась, но нить старшего подопечного буквально кричала о том, что медлить нельзя, и выбора у них нет.

Они успели вовремя. Леди Даллет не стала ни ругать Томриса за скрытность, ни слушать вопли взбесившегося хозяина дома, просто скрутив его магией по рукам и ногам и задвинув подальше в угол. Случай оказался тяжелый, и она с головой ушла в лечение пациентки, угасавшей прямо на глазах. Причина недуга долго не давалась в руки, пока Тайри не поняла, что она вот тут, рядом, за стенкой — топает пудовыми сапогами, орет дурным голосом и изрыгает непотребные ругательства, где там пьяным матросам... Господин Гарроа считался оружейником с поцелуем Творца на челе и вообще местной знаменитостью, но человеком он был паршивым, а еще мерзавец пожирал чужие жизненные силы, возможно, даже не зная этого. Просто ему было хорошо, когда всем вокруг — плохо. Про таких

целители, маги, да и деревенские знахари говорят, что они носят темного Червя в сердце. Именно такими в первую очередь воспользуется Отступник, для него уже готово в их темной душонке теплое место... Матушка Томриса, возможно, была слабым магом, даже не подозревающим о своей одаренности, или просто знала один из древних способов умерить аппетиты прожорливого муженька. В любом случае, она, как тиншелът, оттягивала всю тьму и злобу на себя — и слегла, быстро теряя силы. Теперь нужно было по капельке, по ниточке вернуть ей жизнь, научить ее создавать щиты и на первое время сотворить мощный "кусачий" амулет, чтобы кое-кому неповадно было тянуть из человека силы. По-хорошему, тут всем подряд нужны такие амулеты: детям, прислуге, кошкам и собакам. Тут ученики помочь не могли, приходилось леди Даллет работать самой, на износ. Она потеряла счет времени, ела и спала урывками, а еще постоянно поддерживала щиты вокруг себя и пациентки.

Молодые маги дождались от наставницы только одного указания — сделать то же самое для самих себя и малышей. Мартин, по наитию, пытался разговорами, рассказами, а когда не удавалось — окороком и вином утихомирить бешеного хозяина, день и ночь изводившего всех то руганью, то нытьём. Томрис самоотверженно заботился о младших и старался как можно реже попадаться на глаза отцу.

Тот момент, когда Тайри поняла, что ее пациентка вне опасности, стал настоящим праздником. Теперь целительница снова могла чувствовать не только постоянное напряжение и тревогу за чужую жизнь. За прошедшее время оба ее ученика порядком устали, если не сказать — измучились, и с этим нужно было что-то делать. Прежде всего — увести их из этого дома, а еще как-то защитить ни в чем не повинных домочадцев от опасного тирана. Одной ей не справиться, но ведь в каждом городе есть обитель Смиренных братьев, а эти с носящими семена Тьмы не церемонятся. Юная герцогиня отправилась в гости к монахам, заручилась их содействием, а вернувшись, вместо благодарности за спасение жены получила от оружейника злобную отповедь и ведро ругательств сверху. Ей пришлось выслушать и про мерзких магов, которых непонятно как земля носит, и про себя саму, дрянь последнюю, подстилку столичную, его трудового ногтя не стоящую. Это она и только она во всех бедах их семьи виновата, сына вот из семьи увела! Ему не в Столице болтаться и всякому вздору учиться, ему у горна стоять надо! А тут, понимаешь, бабёнка хвостом вильнула, и бедного мальчика чуть не силком в маги произвела, отца наследника лишила, помощника, опоры в старости!!! И жену лечить никто ее не просил, пусть свои клятвы целительские засунет куда подальше. Судил Творец помереть — пусть и померла бы, глядишь, старший сын бы в семью вернулся и дурь из головы выкинул!

Тайри с каменным лицом наблюдала за орущим негодяем. Тот явно чувствовал себя непривычно — дети не лезли в ужасе под стол, а просто удалились в свою комнату под присмотром брата, который и бровью не повел в ответ на оскорбления. Жена, здоровая и еще более красивая, чем до болезни, укоризненно качала головой, но не умоляла и не плакала, чтобы прекратить его вопли. Даже кошка невозмутимо уселась прямо посреди обеденного стола и принялась вылизывать под хвостом. Он собрался пнуть мирно спящего у порога пса — и получил вместо униженного визга зубы и рычание. Глава семейства покраснел, точно вареный рак, выругался и скис.

— Я на вас всю жизнь вкалываю, света белого не вижу, и ни капли почтения и доброго отношения к себе не наблюдаю! Где ваша благодарность! Хлеб мой жрете, в тепле живете, обуты-одеты, еще и об меня ноги вытираете! Мерзавцы вы, больше никто, и с мерзавцами

водитесь! Можете ко мне больше ни за чем не обращаться, нет у вас отца и мужа! — плачущим голосом проныл оружейник и почти бегом выскочил из дома.

— В таверну пошел, — констатировал выглянувший из детской Томрис.

— Пить?

— Жаловаться. Там есть публика, которая за его деньги готова и нытье с руганью послушать. Он платит, они пьют и едят, поддакивают, всем хорошо...

— Ну и демон с ним. Собирай малышей, помоги матушке и открывай портал в обитель Смиранных братьев. Я с ними уже договорилась. Если захочешь, я для твоих и в столице приличное жилище найду, все подальше от этого... А мы с Мартином возвращаемся домой и ждем тебя. Поход откладывается, прикладывается путешествие в Илат и три дня безделья. После такого сам Создатель велел, — неожиданно легко улыбнулась Тайри.

Вернувшись, целительница впервые за долгое время достала с полки шкатулку с волшебными эликсирами — ту самую, с острова Ллир. Срочно требовалось смыть с себя всю эту грязь, убрать тяжесть с души и восстановиться. Как всегда, после тяжелой работы накатило безразличие, холод и пустота поселились внутри, и так не хватало родных сильных рук, чтобы обнять и спрятать волшебницу от всех горестей и всех мерзавцев на свете...

**** *
**** *
**** *

Стало ли наставнице легче понимать своих учеников после всего случившегося? Безусловно. Да и будущие магистры изменились в лучшую сторону, хотя, казалось бы, куда уж лучше — ведь о них так заботились. Тайри переселила их из кишачего подозрительными личностями квартала на окраине в уютную квартирку недалеко от Академии, отучила ходить по дурным трактирам и показала дорогу в "Улитку", познакомила с мастером-библиотекарем и вообще, возилась, точно с родными. Походы по Тропе становились все более дальними и серьезными, леди Даллет работала над каждым шагом учеников, и все равно ей казалось, что получается все не то и не так. Временами эти сомнения начисто отнимали ее покой и сон, а временами спасали от неизбежных мыслей о том, как жизнь сложится дальше после того, как "ее замечательные мальчики" или "эти беспросветные остолопы" доживут до защиты и станут, наконец, магистрами.

Почти год прошел, как пустой сон. Тайри ничто не радовало: ни блестящие достижения учеников (Мартин, если и не родился Лоцманом, то уж универсальным проводником он был, всегда точно зная, где открыть нужную "дверь", Томрис придумал и воплотил потрясающий амулет, позволявший экономить на Тропе силы), ни счастье друзей (пришлось побывать на шумной и веселой свадьбе Даля и Орнери), ни тем более внимание чуть не десятка самых перспективных женихов Столицы. А она-то думала, что все, связанное с этим осталось в лесах Уккабы... Каким-то чудом всё уравнивал Лицей, но стоило покинуть его стены, как черная тоска накрывала целительницу с головой. Наступила осень, и жизнь стала совершенно невыносимой — это ведь было самое счастливое время для них с Гаем... Что она сделала для того, чтобы его найти и вернуть? Ничего! Столько времени потеряно, и шансы обнаружить след любимого, без того невеликие, безнадежно тают...

В один совсем не прекрасный день, когда злость на себя, отчаяние и тоска взяли за горло непростительно сильно, леди Даллет отправила учеников работать над диссертациями, приглушила, насколько возможно, связывающие их нити и тихо исчезла из Столицы. Не порталом, а просто в наемном экипаже, оплатив дорогу до городка Анси. Там, в старом имении отца, её станут искать в последнюю очередь, там ее никто не увидит и не побеспокоит, и можно будет выпустить на волю всё, что столько времени удерживалось в

железных тисках самоконтроля и необходимости.

Спокойно истечь слезами и вволю "повыть на луну" оказалось не суждено. На третий день к ней заявился Мартин. Тайри не стала спрашивать, как он её нашел, достаточно было на него посмотреть, а для полной уверенности убрать парочку уже ненужных внутренних щитов. Нить, протянутая меж учеником и наставницей, сияла солнечным лучом и звенела голосами тиншельтов. Это было знакомо и, к счастью, совершенно ненужно. Юный граф влюбился... Жаль, но наставница ничем не может помочь. Нет, она не хочет знать, как господин граф открыл замок. Да, она сердится, потому что задание не выполнено, и ей в скором времени придется умереть от стыда перед Высоким Жюри. Да, она уверена, что никто не сойдет с ума от беспокойства, а от настырности с кем-нибудь может приключиться кое-что похуже. Нет, ее не надо уговаривать, ничего с ней не случилось, ни до чего она себя не довела, и спала она хорошо, просто отлично спала все это время, пока один нахал не разбудил, и глаза потому красные, что спросонья... И зеркало подсовывать незачем, чего она там не видела... О, Создатель, экое чудовище...

Леди Даллет стало стыдно перед умным и искренним юношей. Хороша наставница, нечего сказать! Чему она может научить? Нытью? Или тому, как легко и быстро превратить себя в истекающее слезами желе? Как с наслаждением и усердием жалеть себя, прячась по углам? Пришлось экстренно собраться, принять человеческий облик, засунуть подальше эмоции и вернуться домой.

И всё было бы хорошо, не заявись к ней на следующий день двое самых настырных претендентов на руку и сердце. И всё было бы намного хуже, не доведи ее эти двое, в сущности, хороших и дорогих ей людей — Нир и Ортам — до белого каления своими "железными доводами" в виде двух шикарных колец и дурашливыми попытками развеселить. Чудом не вышвырнув их за порог или в какой-нибудь портал, Тайри отправилась бродить по городу. Одна. На ночь глядя. Без оружия. Без сапфира. И даже не в привычном и удобном мужском костюме, а в элегантном платье для встречи гостей и легкой накидке из гьяттской шерсти. Подвох юная леди почувствовала не сразу, слишком уж погрузившись в свои невеселые мысли. Целительский инстинкт потащил её на крик "Помогите кто-нибудь! Ребенок задыхается!", а когда вместо ожидаемого несчастного пациента или хотя бы его мамы, в глухом дворе-колодце обнаружили шестеро неприятных типов в масках, было поздно сокрушаться. Оставалось действовать. Маг не может применять силу против обычных людей, а все окружившие целительницу подозрительные личности именно ими и были. Наверняка где-то за темным окном или на крыше сидит парочка наблюдателей, чтобы маг потом не отвертелся в суде. Голыми руками от них не отбиться, остается только бежать... а бежать некуда — единственный выход охраняют аж двое амбалов. Значит, вспоминаем Гая. Там, где нет никакого выхода, всегда есть дверь на Тропу. Гольшом в прорубь — и то безопаснее, чем вот так, в этом наряде и без подготовки ступить на серую шкуру! Однако, через несколько секунд леди Даллет уже бежала, поднимая неистребимую пыль, подобрав неудобные юбки, а где-то за спиной затихал вопль одного из нападавших, очень неудачно загремевшего с Тропы в белесый туман. Который, кстати, довольно редкий сегодня. Так бывает, если рядом какой-то мир... Кто бы сомневался: Вингшалья подставила плечо, точнее сунула под ноги мягчайший песок и тут же обняла руками теплого ветра. Над морем крикнула чайка... Тайри улыбнулась: не важно, кто кого притянул, важно — что вовремя! Нежно любимый ею осколок мира, где теперь есть птицы, но, к счастью, нет людей, где можно успокоиться, отпустить эмоции, сбросить щиты, искупаться в море, наконец! Тут

некому мешать...

Заглядевшись на небо, леди пребольно споткнулась обо что-то твердое и объемное. Камни? Но камни не откликаются металлическим звоном! Она с удивлением уставилась на утонувший в песке солидный мешок, набитый чем-то угловатым и, судя по всему, тяжелым. Кого-то случайно занесло сюда, и он бросил поклажу, чтобы руки не оттягивала? Ага, и оружие заодно. Целый арсенал валяется, а арбалет-то какой красивый...

— Да твоего ж демона по лысине хвостом через коромысло! — Недостойно воспитанной леди произносить подобные слова, но какой урод еще и здоровенные ножны здесь песком присыпал? Пожалуй, стоит его взгреть. Или просто пристрелить из соображений гуманности, если он, конечно, не смылся отсюда давным-давно. А нет, вон, торчит аки пугало на огороде...

"Пугало" восседало в одних подштанниках на воздвигнутом из песка пьедестале и самозабвенно декламировало вирши красивым, поставленным, и, кажется, даже знакомым голосом. Весьма, надо сказать, двусмысленные и низкопробные вирши, кои школяры лет тринадцати друг другу тайком пересказывают.

Через некоторое время декламатору надоело радовать сомнительной поэзией море. Он поднялся, театральным жестом простер руку и обернулся к неосчастливленным еще дюнам.

Этого не может быть, подумала Тайри, зажмуриваясь, чудес не бывает. Со мной — не бывает. Просто замороченный Тропой мозг выдает желаемое за действительное. Брат вряд ли сможет когда-нибудь...

— Тайо! — Это же детское имя, его и помнят-то только самые... — Тайо, малышка! Девочка, я не сплю, не брежу, не сошел с ума, это, и правда, ты?!!

На нее налетели, сграбастали в медвежьи объятия, подняли в воздух, точно ребенка, заглянули в глаза близко-близко и принялись кружить и подбрасывать, как в детстве. Тайри вновь почувствовала себя семилетней девочкой и окунулась в солнечные волны ничем не замутненного счастья, а ввевшаяся за прошедшие годы привычка изо всех сил пыталась обрезать этой радости крылья. Нужно ли говорить, что она не справилась?

— Эй, сестренка, ты совсем не рада меня видеть? Или я настолько изменился, что ты не узнаешь меня?

— Ты мало изменился, Номар. — Все-таки невозможно смотреть на него без восхищения. Кузен и раньше был красив, а теперь окончательно возмужал и просто излучал спокойную силу и уверенность. Рядом с таким поневоле ощущаешь себя в полной безопасности, — просто это я разучилась радоваться.

— С чего это? Кто посмел? Мне пойти и открутить кому-нибудь голову? Только скажи! Ох, девочка, знала бы ты, как я истосковался по родным лицам... — он снова прижал ее к себе.

— Где тебя носило, братец? Я всю голову сломала, пытаюсь понять это, а родные уже давно верить перестали, что ты вернешься.

— Ты же не перестала?

— Ифар тоже. До сих пор ни на одно предложение руки и сердца не согласилась.

— А ты откуда про нас знаешь?

— Скажи еще, что я была малявкой и ничего не понимала. Знаю, и всё. — Тайри показала брату язык и отстранилась. Плечи и грудь рассекали давно зажившие шрамы, ниже ключицы затянувшийся магический ожог... и море силы внутри. Силы, ищущей себе применения, желающей творить и оберегать.

— Слушай, пойдём домой, а? Я кое-как добрал сюда, кстати, понятия не имею, куда... Но что делать дальше, и вовсе не представляю.

— Тебя же учил ваюмн. Неужели ты не захотел выучиться как следует ходить по Тропам?

— Поблагодари за это моего драгоценного родителя, дай ему Создатель здоровья... Не знаю, чьих советов он наслушался, но закончить обучение отец мне не позволил. Иглейн сразу после этого ушла в Убежище, мне показалось, недоверие причинило ей боль. Так что найти вход я умею, а вот выход, особенно тот, который нужно — увы. А тебя что, тоже ваюмны учили?

— Учили, — вздохнула леди Даллет печально.

— Вижу, что куда лучше, чем меня. Ты мне поможешь наверстать упущенное?

— Пойдем, Номар. — Тайри взяла его за руку. — Здесь чудесно, но еды мы не найдем, да и пресной воды тоже. А на Тропе нужны силы и от пыли часто мучает жажда.

— Ты ведь наверняка знаешь, как называется это странное "здесь". — Номар подмигнул ей, огляделся, подобрал ножны с мечом, перевязи и побрел к вещевому мешку. — Мир — не мир, так, осколок...

— Именно. Я называю его Вингшалья, — целительница прислушалась. Мир-осколок весь сиял и лучился, обретая новые краски, прорастая деревьями и травами, а в степи за дюнами расцветая первыми робкими звездочками цветов. Вингшалья влюбилась, едва увидев первого настоящего Созидателя. Что ж, этому можно только радоваться, да и Номару здесь будет, чем заняться.

— Вингшалья... Как прибой и ветер. Мне здесь понравилось.

— Ты ей тоже понравился. И тебе вполне по силам помочь ей стать настоящей, окрепнуть и жить дальше.

— Как это? Я не Творец и не его Подмастерье!

— Ты лучше, брат, потому что не бросал её, оставив без защиты, не дав сбыться до конца.

— Раз ты в меня веришь, значит, я должен хотя бы попробовать... и я это сделаю. Пойдем? Сказать честно, я за тобой куда угодно пойду, не только домой. Устал быть бродягой и воевать в чужих войнах, — Номар закончил облачаться в доспехи и выглядел волшебным паладином из легенд.

— Хорош! — одобрительно сказала Тайри, — но, сказать честно, я и дома не могу обещать тебе покой.

— Что, снова придется убежать?

— Придется, возможно, кого-то учить, помогать выстраивать оборону, защищать и удерживать на плечах мир. Но убежать — больше никогда, — спокойно объяснила целительница брату.

— А, ну это по мне. Совсем уж сидеть без дела тоже скука несусветная.

После возвращения Номара стало немного легче дышать. Младшая леди Даллет уверенно вела учеников к защите и продумывала план дальнейших действий. Теперь можно было спокойно уйти на Тропы, искать Гая и не бояться, что родные и близкие останутся совсем одни. С души свалилось сразу два камня: его величество получил желанного союзника и помощника, а Вингшалья — своего Созидателя. И теперь целительница больше не была "Ри" — последняя, потому что старшая ветвь рода Даллетов не прервалась. Более того, отец с дядей рассчитывали на скорейшее её продолжение. "Тайри", правда, пристало

намертво, но верный Даррен сказал, что слышит в ее привычном имени совсем иной смысл. Путешествуя со своим наставником по местам древних битв и съеденным песком городам, зеленоглазый видел степную огневку — крошечную птичку, обитавшую в тех местах. Она свила гнездо в старой латной перчатке и отчаянно смело бросалась на таких ужасных и огромных людей, защищая потомство. На языке местных племен эта птичка и называлась "Thai R'i". Лоцман так и видел целительницу — трепетным существом под стальной бронёй. Младшая леди Даллет прониклась — и оставила всё, как есть. Птичка, так птичка.

Император и молодой лорд Даллет мгновенно друг друга поняли, договорились и пребывали от этого в полнейшем восторге. Государь тут же придумал для кузена Тайри сложное задание по выявлению возможных мест, особо привлекающих Отступника и его тварей. Оказалось, у Номара немалый опыт в подобных делах, и его величеству не пришлось ничего объяснять. Разве что ответить на пару сотен вопросов о том, как изменился мир без молодого герцога.

А еще Номар, никого не спрашивая, сделал предложение леди Ифар и, разумеется, получил согласие. В доме дядюшки сразу стало весело и многолюдно. Кузен решил, что жить в этом мрачном склепе невозможно, и принялся с энтузиазмом его переделывать. Лорд Нейд не возражал, более того — со всем усердием принялся помогать сыну. У леди Ифар с возвращением Номара не было другого выхода. Взрослый сын молодой матери не простил и не принял ее мужа. Вообще, Тром мало напоминал прежнего себя — скромного, робкого, молчаливого. Он стал резок, непримирим с любым суждением или человеком, не вписывающимся в его систему ценностей, мрачен и раздражителен. Изменения в жизни матери вовсе не обрадовали его, более того — сделали и вовсе непереносимым в общении. Друга детства у Тайри больше не было.

**** *
**** *
**** *

На какое-то время младшая леди Даллет позабыла о своих тревогах, спокойно довела до завершения обучение молодых магов и даже задумала вплотную заняться малышкой из Лицея. Однако, человек предполагает, а судьба знает наверняка. Следующее после вполне успешной защиты утро началось с удара большого колокола на башне храма Создателя Скорбящего. Его ещё называли Чёрным вестником, потому как звонил он только в случае чего-то печального и страшного: войны, мора и смерти кого-либо из императорской семьи. Тайри выбежала на балкон в наброшенном поверх ночной рубашки одеяле: оттуда были видны крыши и башни дворца. Над главным куполом развевался ниже флага Империи малый траурный штандарт. Государь был жив, малые штандарты поднимались в случае смерти кого-то из семьи, и у молодой герцогини отлегло от сердца. Она отправилась на кухню, но вместо холодного молока в графине плескалась морская вода. Его величество желал срочно её видеть. Леди махнула рукой на завтрак, облачилась в положенный по этикету траур и отправилась во дворец.

Собрался весь ближний круг: Адалер, Орни, Кеми ор Оклен, мастер Тиннэр Серебряный Тополь... И, собственно, государь, на которого страшно было смотреть. Рассеянный, погруженный в какие-то неведомые бездны взгляд, испарина на бледном лбу, искаженные гримасой боли губы... Мастер Эйтан спешно отмерял капли из массивного стеклянного флакона в стакан с водой, в комнате висела гробовая тишина. Даль подхватил младшую герцогиню Даллет под руку и тихонько увёл в соседнюю комнату.

— Кто умер и что с государем?

— Мастер Варго оставил этот бранный мир ночью, — пояснил снежный Льофф

шёпотом, — брат был его учеником, поэтому ему так тяжело. Как и любому другому, потерявшему наставника.

— Но малый штандарт...

— Я никогда не говорил тебе, что старик приходился нам двоюродным дедом по отцу? Кстати, это все осложняет: Льоффов-магов хоронят не в Столице и не где попало. Его величеству предстоит тяжёлое путешествие в Айат Ри. Это очень древний обычай, давно приравненный к закону. Сила ушедшего должна вернуться к Источнику, чтобы спустя время возродиться в потомках. Четвёртое поколение императоров и Создатель знает которое поколение Льоффов хоронит своих магов в Приливном Склепе, расположенном в этом самом не-городе.

Сердце попустило удар, потом другой. Теперь Тайри очень хорошо понимала, что происходит с государем. Потерять не только близкого человека, родственника, но ещё и наставника. Нить, которая крепла столько лет, вдруг оборвалась. Его величество чувствовал то же самое, что и любой из учеников: опустошение, потерянности, боль и отчаяние. В такой ситуации хочется только одного — спрятаться от всех и завить волком. Принимать какие-то решения и действовать вообще невозможно. А ведь ему ещё думать, как добраться до знаменитого на весь свет не-города на восточном побережье Империи. Впрочем, для этого у него есть она, леди Даллет. Создать портал и продержаться его достаточно долго она сможет.

— Ты когда-нибудь была в Айат Ри? — Даль смотрел не на неё, а на брата. Государь будто не слышал их и не замечал происходящего.

— Нет, не была. Если есть ориентиры, я построю портал и так.

— Ориентиры есть, и я их пока не забыла, — на пороге возникла Листающая Судьбы. Не спрашивая позволения, она прошла к императору, склонилась в коротком поклоне:

— Ваше величество! Я искренне сочувствую вашему горю, но не могу не предупредить. Путешествие в Город всех богов опасно для вас. Смертельно опасно. И если рядом с вами будут неправильные люди, вы рискуете упокоиться рядом с вашим наставником.

Монарх медленно, через силу, повернул голову.

— Не сгущайте краски, миледи. Ну что может со мной случиться... Хуже, чем есть, уже не будет.

— Позаботьтесь о нем, граф Изар, — белая маска была традиционно бесстрашной, но глаза смотрели с тревогой и болью, — боюсь, что государь сейчас вряд ли трезво воспринимает действительность. Опасно оставаться учеником столь долгое время. Продумайте все до мелочей. Охрану, сопровождение, пути отхода. Впишите это в реальность Дороги Печали, вы помните, что там щиты не работают, — Листающая говорила чётко, как на военном совете, — и ещё учтите, что гвардию вам туда не протащить. По обычаю наставника провожают только его ученики или хотя бы те, кто может ими считаться. Делайте что хотите, но уберегите государя. Отступник долго готовился, и он ударит. Покушение будет!

Тайри глубоко задумалась, глядя вслед уходящей женщине в маске. Её слова не оставляли выбора: сопровождать императора должны только они: Даль, Орни, Даррен, сама целительница, но вот как это сделать? Как потеснить других учеников мастера Варго, от которых не было никакой пользы. Все они, за исключением давшего год назад клятву Трома, были уже седыми старцами. Хорошо еще, что "ближний круг" императора мог, пусть и формально, считаться учениками покойного мага. Все они выполняли задания мастера Варго, изучали под его руководством древние книги и артефакты, советовались даже в

мелочах... А еще следовало постоянно держать в голове, что Айат Ри сам по себе таил большую опасность для мага, делая его куда менее защищенным.

Единственный в мире, древний и неповторимый не-город строился, как обитель всех богов: давно забытых, старых, новых, чужих и своих. В нем находились только храмы, капища, жертвенники и редкие гробницы почти исчезнувших ныне степняков, которые почитали богами своих вождей. Постоянно в Айат Ри жили только служители всяческих культов, остальные были либо паломниками, либо наемными работниками, приезжавшими из окрестных деревень по утрам и покидавшими не-город с последними лучами солнца.

Также Айат Ри справедливо называли городом тысячи арок. Их там действительно было построено великое множество: они украшали здания, галереи, парили над улицами, создавая ажурные коридоры. Одна только Дорога Печали проходила под полусотней арок, украшенных скульптурами и барельефами. Сколько же человек могут быть рядом с императором в этом мрачном месте?

— Даль, ты хорошо знаешь процедуру? Тебе придется просветить нас, необученных, да еще и заранее продумать стратегию.

— Уже, моя леди, уже... Учитывая традиции, у меня всего сутки на подготовку. А учитывая состояние брата — нет времени совсем. Сопровождать катафалк будут, не считая государя, всего шестеро. И три позиции уже заняты совершенно бесполезными людьми: престарелыми учениками мастера Варго и твоим дружкой Тромом. Вот кого бы я близко к его величеству не подпустил. Но мастер Варго умер, и...

— Мастер Варго не умер, — разлепил губы Рикарт ор Льофф, — его убили. Я чувствовал это и опоздал! Он не звал на помощь, но нить не обманешь. И сделал это кто-то свой, кто был рядом с ним постоянно и кому он доверял.

— Говорю же, мальчишка этот, больше некому! — зло прошипел Адалер. Таким его Тайри не видела никогда: глаза чуть светились голубым, лицо заострилось, в чертах появилось нечто змеиное. Снежный полоз из старых сказок — не смотри в глаза, заморозит!

— У нас нет доказательств, брат. Старики, разумеется, ничего не поняли, их нити давно прерваны. А лорд Альге-младший, как мне доложили, истекает слезами и рвет на себе буйные кудри. Налицо все признаки “синдрома ученика”.

— Значит, мастер Варго был прав, и во дворце завелась крыса. Хитрая, осторожная и, наверняка, управляемая извне.

— Именно так, Даль. Мы с мастером придумали ловушку. Разбудили один древний артефакт — малоизвестный, но совершенно безвредный, и разрешили доступ в малое хранилище, чтобы любой мог на него посмотреть. Вы оба знаете, что в том же здании, только под землей, находится Большой сейф — хранилище самых ценных творений магов прошлого. Ловушка сработала — маги, контролирующие защиту сейфа, заметили попытку тщательно завуалированного взлома. А внутри сейфа сами собой ожили два камня, реагирующие только на тварей Тьмы. Полагаю, мастер Варго вычислил поганца, но чем-то себя выдал.

— И теперь мы должны подозревать всех, с кем он работал последнее время. Но я готов поспорить на что угодно — это мальчишка!

— Посмотрим, Даль, посмотрим... Прямых доказательств у нас нет. Если он и проявится, то только в Айат Ри. Идите, я хочу побыть один.

**** *
**** *
**** *

Храмы, сотни храмов разной степени древности и самой причудливой архитектуры.

Арки — то поднявшиеся над куполами, устремленные стрельчатыми сводами в белесое небо, то тяжелые и приземистые, заставляющие проходящих под ними людей невольно втягивать голову в плечи. И посреди всего этого прямая, точно след от удара мечом, Дорога Печали — через весь не-город ведущая к морю. Серебристые узоры на черных плитах медленно “текут”, никогда не повторяясь, и древний зачарованный обсидиан звенит под копытами угольно-черных длинногривых кобыл, по обычаю влекущих за собой катафалк с гробом к месту упокоения. Рядом с укрытой траурным штандартом колесницей идут люди в одинаковых серых одеждах. Государь, двое седых стариков — по одну сторону, по другую — Даль, Тайри и Тром. Ни телохранителей, ни мастера щитов с его неизменной командой, ни гвардейцев... Тайри ощущает, насколько медлительны и тяжелы здесь потоки, а из Источников слышен только водный, остальных будто и не существует вовсе. Даррен закрывает портал и становится между одним из старцев и Тайри, замыкая траурное каре. Процессия неторопливо движется вперед, минуя одну арку за другой, и Адалер, прищурившись, внимательно смотрит по сторонам: слишком уж много народу высыпало поглазеть на редких гостей, хоть и появившихся по печальному поводу. В храмах, наверное, остались только ленивые и немощные. Доподлинно известно, что где-то глубоко под не-городом находится первый и единственный храм Отступника. При каждой из династий его пытались найти и уничтожить, но никто не преуспел. Интересно, слуги Темного тоже там, среди любопытных? Или им поставлена иная задача?

Процессия достигла берега, как и было рассчитано, в момент отлива. Его величество вышел вперед, встал на границе воды и суши и, оставив все посторонние мысли, начал ритуал. Предстояло оттеснить и убрать воды с дороги, достигающей противоположного берега узкого фьорда, отворить ключ-камнем ворота в скале, а потом вернуться назад — до того, как закончат действовать чары и море вернется на место. Если замешкаться или отвлечься, можно навсегда остаться в закрывшемся склепе или на морском дне, захлебнувшись обретшей свободу водой. Государь сейчас никого и ничего не видел, кроме неохотно подчиняющейся ему стихии, и был практически беззащитен. Ритуал запрещал приближаться к нему, творить свои, не относящиеся к делу чары, даже говорить. Любой посторонний звук мог разрушить хрупкое заклятие. Злоумышленники знали это и не замедлили воспользоваться ситуацией.

Болт, прилетевший сверху, ударил государя в спину с такой силой, что он не удержался и рухнул на колени, а затем ничком, едва успев выставить перед собой слабеющие руки. Второй и третий болты цели не достигли, но и одного было достаточно: длинный трехгранный наконечник застрял глубоко под левой лопаткой. И все-таки его величество успел произнести последнее слово: вода отступила и на какое-то время успокоилась.

Тайри не помнила, как очутилась рядом с императором, каким чудом сумела заставить работать чары познания и как растворила торчащую из раны толстую арбалетную стрелу. Кровь толчками выливалась из отверстия, и вместе с ней из тела императора уходила жизнь. Целительница, наплевав на все запреты, силой притягивала нужные Потоки, подхлестывала и принуждала их, несмотря на сопротивление. В голос призывала Источники, перемешивая слова формул восстановления с молитвами Создателю. Сейчас только она могла помочь государю и не дать слугам Отступника довершить задуманное. Ведь если император умрет, пойдет прахом всё, что удалось ему создать и сохранить, а мир покатится прямым в лапы к мятежному Подмастерью.

Целительница стояла на коленях, прижав обе ладони к спине лежащего на земле

императора. Рана затянулась, сосуды под кожей исправно качали кровь, легкое очистилось, и сердце билось часто, но ровно. Осталось только закрепить все восстановленные нити, толкнуть стихийные Потоки в нужное русло и поделиться с пациентом силой — ведь времени восстанавливаться самостоятельно у него нет. Он заберет почти всё, что накопила сама Тайри, и пусть. Его величество тихо зарычал сквозь сжатые зубы и с трудом перевернулся на спину, помогая волшебнице. Леди Даллет без жалости рванула шнуровку на вороте рубашки, чертя знак передачи на груди, а потом сложила ладони лодочкой. Так быстрее и надежнее, ни капли не потеряется. Через минуту государь вздохнул свободнее и открыл глаза.

— Лежите, ваше величество, осталась малость, но очень важная, — шепнула, наклонившись к самому его уху, целительница, император подчинился.

Замкнуть чары, не оставить ни одной лазейки постороннему вторжению — и исцеление завершено. Слово завершения произносилось вслух, и одновременно с ним Тайри ударили в спину — сильно, но неумело. Кинжал вошел косо и был горячим, точно кто-то раскалил его в горне. Боль раздирала кости и мышцы, сковывала и путала мысли. Как хорошо, что уже не надо колдовать, подумала Тайри, точно сквозь сон, и из последних сил обернулась. Над ней застыл Тром... тот, который когда-то был Тромом ор Альге. Глаза залиты тьмой, на лице застыла почти сладострастная улыбка, и лишь руки движутся сами по себе, раз за разом пытаюсь стереть кровь о дорогой траурный камзол.

Сознание норовило соскользнуть в спасительное небытие, но этого никак нельзя было допустить. Если она перестанет сопротивляться, этот Тром-марионетка убьет государя. Здесь не поставит щит, у нее нет оружия — значит, надо его придумать. “ У него на руках моя кровь, подумала Тайри, это хорошо...И пусть потом меня разбирает по косточкам Ложа Наблюдателей, или сожгут за недозволенную магию Смиренные братья, а сейчас все средства хороши. Даже запретные”.

С ее губ сорвалось короткое заклинание на древнем языке лесов. Тром закричал, прижимая к животу мгновенно покрывшиеся волдырями ладони, упал, скорчившись и подтянув колени к подбородку. Леди Даллет сделала свою кровь смертельным ядом для одного единственного человека, и яд подействовал. Мгновенно.

К ним уже бежали Даль и Лоцман, расправившись с прятавшимися среди скульптур стрелками, ее тряс за плечи и что-то кричал император — всего этого юная герцогиня уже не видела, уходя все дальше по призрачной дороге, называемой еще Серым трактом — к Грани, из-за которой нет возврата.

**** *
**** *
**** *

Его величество вернулся к ритуалу, а Даррен, послав подальше традиции, этикет, запреты и их последствия, вернулся в Столицу с умирающей Тайри на руках. Как ей помочь, у кого искать совета?

Скайяр был в бешенстве. О нет, он не кричал и не ругался, но испепелить кое-кого взглядом запросто мог бы. Другое дело, что опыт, выучка и чувство долга не позволили ему попусту тратить энергию.

— У нас только один выход, — сказал синий дракон, — вытащить кинжал, закрыть рану и догонять ее... там. Сами знаете, милорд, если она переступит Грань, возвращение станет невозможным. Ну-ка, поддержите её. Этого еще не хватало! Где только откопали такую гадость...

Он держал в руках странный кинжал с узким черным лезвием и рукояткой в виде змеи с

человеческим лицом, обвинившей засохшее дерево. Лицо казалось живым, крохотные глазки-рубины точно следили за склонившимися над кинжалом мужчинами, а рот застыл в надменной ухмылке.

— Что это? — с отвращением спросил Лоцман.

— Ритуальный кинжал для человеческих жертвоприношений, атрибут одного забытого культа. На это они и рассчитывали. Никто даже и не вспомнил, кому поклонялись жители крохотного государства тысячу лет назад. А в не-городе есть все храмы, и этого божка тоже. Ох, что-то у меня поганые предчувствия... Быстрее, Лоцман, важна каждая минута.

— Я готов, но мне, как и любому, нужен маяк, иначе мы не отыщем обратную дорогу. А моим маяком была она...

— Значит, остается только якорь. Тело. Но имейте в виду, вы потеряете в скорости, и силы будут уходить быстрее.

— Разве у нас есть выбор?

Выбора и правда не было, как и времени, потому что кинжал рассек не только мышцы и сосуды. Он рассек почти все нити, связывающие Тайри с жизнью, и заманил её на ложные пути, выудив из памяти самое желанное и поманив им по ту сторону Грани. Даррен пытался догнать стремительно уходящую по Серому тракту любимую — и не мог. Не хватало опыта, умения, сбивал с дыхания и останавливал сильнейший встречный ветер. Живым не место на этом пути... В третий раз, вынырнув из мучительного погружения в мир холода и кошмаров, он с отчаянием взглянул на синего дракона.

— Скайяр, может, у вас это получится лучше, чем у меня?

— Нет, милорд. Какие еще средства у нас есть? Думайте быстро, ее жизнь утекает.

Лоцман вместо ответа не создал — пробил Короткий переход, за которым виднелись тонкие белые колонны среди синих цветов.

— Я попрошу помощи у Двуликой. Надеюсь, мне не откажут.

Богиня не отказала, но было заметно, как она колеблется, принимая решение. Видимо, оно затрагивало Весы и чем-то грозило ей лично.

— Я помогу тебе, Лоцман. О последствиях мы поговорим после, а сейчас — лети за девочкой, зови ее назад, найди правильные слова. Я сделаю так, чтобы она услышала. И имей в виду, ее притягивает не просто Грань, как и все жертвы, она пойдет к Ненасытной Пасти. Тебе надо успеть до развилки, — Двуликая коротко коснулась губами лба Даррена, а потом положила свои ладони поверх его пальцев, удерживающих голову Тайри, — не бойся, я побуду твоим маяком.

Местность, по которой легко скользила подгоняемая чужими чарами Тайри, и медленно продвигался вслед за ней Лоцман, была куда страшнее Тропы и холоднее Гроннских ледников. Все тот же встречный ветер постепенно слабел, словно уверившись, что помешать он не сможет. Вскоре усыпанный острыми камнями и ледяными глыбами подъем закончился, и под ногами захрустело снегом ровное, как стол, плато. Даррен знал, что оно для всех заканчивается обрывом. Гранью, последней чертой, да как только ее не называли... Прямо пролегалла широкая утоптанная дорога, по ней во все времена следовали тысячи и тысячи. А дальше, почти у самого края, от нее отходила узкая тропка, и снег на ней был всегда окроплен свежей кровью. Вела она в странное место, более непроглядное, темное и жуткое, чем тьма за Гранью. Ненасытная Пасть, забирающая все, включая посмертие, и чужую память о жертве. Целительнице оставалось пройти всего пару десятков шагов до развилки, а Даррен в очередной раз не успевал.

— Тайонна! Тайри! Стой! Пожалуйста, подожди!

Тайри на секунду замерла, потом тряхнула головой и пошла еще быстрее.

— Да стой же! Посмотри на меня!

Бесполезно. Не слышит или не хочет слышать, зато видит нечто, созданное специально для нее подлыми чарами кинжала и стремится к этому... Откуда он взялся? И кто это вообще такой?!

У развилки, на кровавой тропке стоял зверь, более всего напоминающий не очень крупного волка. Глаза отсвечивали болотной зеленью, по черной шкуре постоянно пробегали сполохи, и тогда казалось, что это не шкура, а рябь на воде. На морде и шее отливали золотом и серебром какие-то призрачные знаки. Тайри, точно не видя препятствия, сделала пару шагов к тропе. Волк подобрался и зарычал, вздыбив шерсть на загривке. Он явно был союзником и не пускал целительницу к Ненасытной Пасти.

— Уводи! Уводи ее скорее, пока я могу удерживать жадность и голод Пасти! Ну же! — расслышал Даррен в зверином рыке. А голос-то знакомый! Не может быть...

— Не хлопай глазами, Лоцман! Я думал, ты куда решительнее. Давай, попробуй достучаться до нее еще раз. Увы, она должна пойти доброй волей.

— Но как ты...

— Не важно. Я успел, это главное. Убирайтесь отсюда оба... — знаки на шерсти волка вспыхнули на мгновение, а потом погасли, рык сорвался в хрип.

— Она любит тебя. Она будет тебя искать.

— Я тоже ее люблю. А вот искать меня не нужно. Уже...

— Но почему ты не пришел раньше?!

— Повторяю, не трать время, Лоцман! Я сделал то, что еще мог для нее сделать. Знаешь ли, когда неспособны сломить волю и искалечить душу, ломают и калечат тело. Отвратительно, когда ты уже почти перестал быть человеком, но остаешься магом и ничего не можешь... Я смог, и рад этому. Уходите же! — волк встряхнулся, ударил в промерзшую землю передними лапами, и Тайри, а вместе с ней и Даррена отбросило к началу протоптанной дорожки.

— Тайри, милая, обернись. Пойдем домой, — позвал Лоцман, и она медленно повернула голову на голос, точно не видя его. Может, и вправду не видела?

— Зачем? Кому я там нужна? Мое место здесь, меня ждут...

— Дома тебя тоже ждут, ты же не бросишь родителей, брата, друзей... Тайри, не отворачивайся! Послушай! — Даррен сорвался на шепот, но кто-то другой, дремавший глубоко внутри, расправил плечи, вздохнул полной грудью и сказал глубоким и сильным голосом — именно таким, который только и можно услышать, когда все чувства застилает смертный морок. — Ты мне нужна — навсегда, как сердце, как солнце, я без тебя жить не смогу.

Она замерла, потом сделала шаг в обратном направлении, оглянулась в сторону развилки, но там уже никого не было. Только нависало над близким — руку протяни — горизонтом нечто хищное, чернее тьмы. Кто-то шагнул ей навстречу, обнял ее так нежно, так горячо, что холод в страхе бежал из тела, сердца и мыслей. Кто-то прижал её к груди, совсем близко сияют зеленые глаза, ей шепчут: ничего не бойся, со мной — ничего не бойся! Рвут ветер и пространство сверкающие золотые крылья, что-то быстро и глухо бьется под гладкой то ли кольчугой, то ли чешуей, и Тайри понимает, что это сон. Всего лишь сон, где кошмар по счастливой прихоти неизвестно кого закончился доброй сказкой. Она улыбается — как

же можно не улыбаться, если счастье полета едва не разрывает тебя на части? Улыбается, пытается распахнуть руки, как те крылья, что несут ее в вышине, и открывает глаза.

Лоцман рядом, усталый, но спокойный, можно даже сказать — счастливый. Тайри его не видит, но почему же так уверена в том, что он чувствует? Откуда взялась новая нить? Не ученическая, не целительская, совсем другая... Даже не нить — струна! Звонкая, яркая, отзывающаяся на любой порыв и приносящая в ответ волны нежности и тепла. С ней теперь, наверное, придется жить. Главное еще вспомнить, как это — жить. А еще гложет ощущение безвозвратной потери, но не поймать пока, не осознать, кого или что потеряла. Мысль ускользает, не дается, точно не хочет быть узнанной...

— Забирай девушку и возвращайся домой, молодой князь. Это сражение мы не выиграли, цену победы заплатили за нас. К чему это приведет, я не знаю, но сердце мое полно тяжелых предчувствий, — молвила Дзулика.

— Но ведь получается, что Весы не затронуты, госпожа! — почему у Лоцмана такой слабый голос и он так тяжело дышит? С ним что-то случилось?

— В этом-то все и дело. Отступник, не осуществив мести, не получив вождя, не получив права хода, может перевернуть доску. С него станется. Поэтому я прошу тебя: будь бдителен и очень осторожен. И береги целительницу. Ничего еще не закончилось.

Даррен — непривычно бледный, очень строгий — подошел к Тайри, помог ей подняться и открыл портал.

— Госпожа, что бы вы ни говорили, без вашей помощи я бы ничего не смог и не успел. Спасибо вам, — Лоцман низко поклонился Дзуликой.

— Не за что меня благодарить, — ответила богиня тиншельтов, — Запомните оба: скорее всего Отступник захочет реванша. На вас начнется охота, а возможно, он придумает что-то пострашнее. Если поймете, что целью его уловок являетесь именно вы, если это облегчит жизнь многим другим, вам всегда открыта дорога в этот храм. Отступнику не увидеть того, что спрятано под моим покровом, и ваш дальнейший путь будет сокрыт от него.

Даррен кивнул и исчез в серебристой арке перехода, ведя за руку целительницу.

Дзулика печально прошептала им вслед:

— Простят ли они меня, поняв, что я сделала?

— А что ты сделала, Милостивая? — спросил высокий человек в сером плаще с глубоким капюшоном, — связала то, что и так связано? Не дала погибнуть в зародыше плану Создателя, а, впоследствии, подарила мирам нескольких Хранителей и сильных волшебниц? Не дала уничтожить интересную линию судьбы? Ты же знаешь, я редко за кем наблюдаю персонально и пристально, но на эту конкретную жизнь я рассчитывал. А ее чуть не отняли.

— У тебя чуть не отняли любимое развлечение? — Усмехнулась богиня тиншельтов. — И ты разгневался, о Неумолимый?

— Я был в шаге от этого, Милостивая.

— И ты бы вмешался?

— Да, если бы не тот... человек, я бы дал ей больше времени. Она шла бы к Ненасытной Пасти гораздо дольше, и Лоцман бы успел. Но это не понадобилось.

— Тебе не жаль его?

— Внука Указывающего путь? Нет. Жалость бы его унизила. Он шагнул в Пасть вместо девушки, он знал, что делал, и знал о магии добровольной жертвы. Награда ждет его, когда придет срок. Я благодарен ему и тебе — за то, что случилось, как случилось. Ты знаешь, в

долгу я не останусь...

**** *
**** *
**** *

Двуликая не ошиблась. Затишье продлилось ровно столько, чтобы люди уверились в том, что опасность полностью миновала, ничего плохого не случится, и расслабились. Сначала опасность выглядела совсем обычно — вострепнулись разбойничьи шайки, городское отребье, разного рода грабители и забытые секты, промышлявшие человеческими жертвами. Стали небезопасными торговые пути, теперь караваны вынуждены были сопровождать отряды стражников, усиленные магами. В городах было не лучше. Охочие до легкой наживы не просто нападали на любого более-менее зажиточного обывателя, некоторые специально охотились на магов — за вознаграждение от предводителей сектантов. Последние мучили воду, где только могли, даже в Столице, под носом у Ложи Наблюдателей и императорских ищек. И девиз свой открыто начертали над дверью трактира, который считали своим: “Без магов мир чище”! Его величество не стал ждать, пока злодеи окончательно обнаглеют, и подписал давно ждавший своего часа закон “О разрешении применения магами боевых заклинаний против лиц, не одаренных силой, в ситуациях, угрожающих их жизни”. Неслыханно, но и Совет лордов, и Гражданская Ассамблея единогласно его поддержали.

Словно в ответ, на города хлынула волна нечисти. Твари Тьмы, считавшиеся давно исчезнувшими или истребленными, появлялись то здесь, то там не по одиночке — стаями! Беда поджидала не только в подземельях и катакомбах, как в Хете, еще и в пострадавших от землетрясения городах юга, да что там — на любой темной улице. Академия спешно объявила дополнительный набор, мастера Щитов и боевые маги собирали старую гвардию. Эмиссары его величества искали по всей империи талантливых самородков, невзирая на сословия и состояние, и привозили их в Столицу, дабы уберечь и научить. Южные и юго-восточные границы взяли под охрану отряды уккабских воинов, вспомнив о вассальной клятве, хотя им и у себя в лесах забот хватало. Жизнь практически любого столичного мага теперь была четко расписана: патрули, дежурство в госпиталях, занятия с новобранцами... Император старался все держать под контролем, и все равно ситуация с каждым днем становилась все тревожнее и хуже. Взламывались хорошо защищенные дома, гибли и обычные люди, и маги — ночью, в своих постелях, не успев даже вскрикнуть. Храм Времени Всемогущего закрыл врата и превратился в неприступную крепость. За последние месяцы умерло восемь из двенадцати пророков, не выдержав наплыва вопрошающих. Люди хотели знать, когда же закончится этот кошмар. Смиренные братья сделали прямо противоположное: открыли двери всех обитателей и принимали к себе и тех, кто просто нуждался в защите и утешении, и тех, кто хотел влиться в их ряды и по мере сил бороться с наступающей Тьмой.

Империя роптала. Корабли, пришедшие с островов с грузом тканей и пряностей, привезли в южные порты моровое поветрие, убивающее своих жертв максимум за неделю. Дети и старики умирали быстрее. Почти весь целительский факультет Академии, включая будущих магистров и старшекурсников, а также многие свободно практикующие целители, отправились в зараженные Арент и Тьен порталами. Встал вопрос, как не пустить эту заразу дальше. Идею предложил Даррен, он же создал первые артефакты, названные щит-камнями. Они устанавливались цепочкой вдоль границы распространения болезни и не пропускали никого внутрь империи, создавая невидимую стену. Тайри и мастер Эйтан работали над чарами и эликсирами, распознающими причину болезни и ее носителей. Прямо на месте

трое молодых магов и двое обычных травников придумали лекарство, облегчавшее состояние зараженных и позволявшее выживать семерым из десятка. Еще чуть-чуть, и целители придумают защиту для всех без исключения. Два десятка человек заразились добровольно и испытывают на себе все новые средства...

Тайри казалось, что после покушения прошел год, на самом деле минуло всего четыре месяца — столь тяжелой и насыщенной стала жизнь. У Номара под рукой новое ведомство, учрежденное лично императором, занимающееся исключительно истреблением очагов всякой древней пакости, кроме того — пятеро учеников и целая армия последователей. И как он справляется с пятью нитями разом? Отец с дядей вспомнили все свои разработки, не вылазят из лаборатории, там же с ними пропадает и Даррен. Даль мотается по стране в сопровождении ее собственных бывших учеников, а Орни он строго-настрого запретил покидать дом — они ждут первенца. Совсем не видно никого из старых друзей и однокашников, все заняты делом.

Столицу лихорадило. На государя покушались трижды, дважды пытались убить его сводного брата. Дошло до того, что угроза нависла над детьми императора и их сверстниками из важнейших старых фамилий — тех самых, где на протяжении десятков поколений хранили знания и традиции, опасные для Отступника. Сколько раз пытались убить ее саму, младшая леди Даллет давно бросила считать. В конце концов, это ни разу не увенчалось успехом, Скайяр бдительно охранял её, так зачем вспоминать? Теперь главным стала работа: новые артефакты, лекарства, дети в Лицее, студенты в Академии, больные в далеком Тъене, которых она выхаживала, боевые патрули по вечерам. Жаль только, что совсем нет времени на поиски Гая... И почему кажется, что она уже давно и безнадежно опоздала?

Казалось бы — хуже уже некуда, люди мобилизованы и готовы ко всему, но самый подлый шаг Отступника все равно застал их врасплох. Сразу в нескольких больших городах убили странствующих валлиров — зверски, медленно, чтобы причинить наибольшее количество страданий, чтобы даже богиня не смогла и не успела их излечить. В Столице на такое не решились. Шестерых хрустальных певцов просто расстреляли из арбалета прямо на сцене. Как по команде, нечисть сорвалась с цепи. Смиренные братья не справлялись, сил двух обителей оказалось явно недостаточно. Маги самоотверженно сражались рядом с монахами — и гибли, вычерпав себя до дна. Тогда на улицы вышли дети Двумишкой богини, приняв удар на себя. Здесь, в Столице их осталось пятеро, остальные отправились в другие города, а с острова Ллир ушло множество быстрокрылых корабликов на помощь задыхающемуся Континенту.

Леди Даллет вместе с другими преподавателями обновляла защиту Лицея, когда волна Придонных Теней, поднятых чьим-то словом со дна реки, заводей, самых глубоких древних построек, давным-давно затопленных подземными водами, прокатилась по городу. Тени пролезали везде, даже в особняках магов, во дворце и храмах. К несчастью, Столица стояла не на одном и не на двух старых фундаментах — для Теней оказалось слишком много лазеек. Если маги и жрецы худо-бедно могли отбиться сами или обойтись малой кровью, то обычным людям пришлось совсем туго. Именно поэтому все, кто мог, двинулись в ремесленные и гильдейские кварталы, на площади и окраины. Там же бились наравне с чародеями Смиренные братья. Позабыв наколдовать личину, в самой гуще сражался император с двумя сыновьями и несколькими племянниками. И все равно людей, способных держать оборону, было слишком мало. Удалось очистить отдельные территории и дома,

откуда-то вывести горожан, где-то запечатать старые колодцы и трещины, но вокруг гибели и гибели люди — не столько от удушающей магии теней, сколько от страха, паники и давки. Над Столицей стоял многоголосый стон, и у многих на языке вертелось подлое слово “обреченная”. Тысячи самых разных людей потеряли всякую надежду на спасение, были волей случая разлучены с детьми и близкими, остались в одиночестве беспомощными и беззащитными, уповая лишь на Создателя.

Город спасли тиншельты и спешно вернувшийся из провинций Номар ор Даллет со своим отрядом боевых магов. Дети Двумикой успели оттянуть на себя внимание вожаков стай, согнать их в большой круг на площади и истребить. Увы, цена этой победы оказалась страшной — все тиншельты погибли. Потерявших управление Придонников безжалостно уничтожили маги Номара.

Под утро, когда кошмар стал стихать, и люди потянулись из импровизированных убежищ по домам, многие обнаружили, что возвращаться им некуда. Брошенные очаги, попытки обороняться от нечисти огнем, а кое-где и намеренные поджоги сделали своё дело. Пострадал и квартал Семи Гильдий. От того дома, где жили когда-то Гай и Тайри, остались одни головешки. В суматохе ли, списав ли сигналы защиты на общую обстановку в городе, но Тайри не догадалась о случившемся. В Лицее были дела поважнее — обнимать и утешать перепуганных насмерть детей, запечатывать с соратниками подвалы и держать щиты.

Они пришли одновременно: Номар, весь перемазанный сажей, грязью с городских улиц, чужой и своей кровью, и Даль — не такой грязный, но не менее вымотанный. Мужчины переглянулись так, словно не знали, чья новость хуже. Номар отвел глаза, и Даль положил перед Тайри лист плотной дорогой бумаги, на которой крупными буквами было каллиграфически начертано: “Верни то, что и так наше. Иначе город умрет”.

— Вот, полюбуйся. Сегодня подсунули брату среди других депеш.

Леди Даллет протянула руку, чтобы взять письмо, и чуть не задохнулась от обжигающей боли — горел похожий на паука шрам от удара кинжалом.

— Как думаешь, чего они хотят?

— Меня, Даль. Помнишь, тот человек у костра все грозился... Видимо, не зря.

— С чего ты взяла?!

— Шрам подсказал. Мне бы раньше додуматься. Вот чувствовала я, что пора уходить, а все тянула. Побойща могло и не случиться...

— Перестань! Они просто используют момент, считая, что Рикарт испугается.

— Может, и так. А может, и нет. Наверное, мне и правда пора.

— Тайри, государь собирает сегодня всех, кому доверяет. То есть нас. Не принимай поспешных решений, давай все обсудим во дворце.

— Хорошо. Я только сбегаю домой, переоденусь. Коротким переходом, естественно.

— Сестренка... — начал Номар хрипло, — вашего с Гаем дома больше нет.

— То есть... — упавшим голосом проговорил граф Изар.

— Сгорел. Остался только фундамент и то, что было камином.

Тайри покачнулась, но устояла. В голове почему-то вертелась только одна мысль: как хорошо, что Создатель надоумил ее перетащить самое дорогое в особняк родителей и сюда, в лицейские апартаменты. Самое дорогое — это заметки Гая, памятные вещицы, книги, которые он любил, его перевязь с метательными ножами, несколько его подарков и, почему-то, цветок, купленный в то время, когда они только начали вместе жить. Гьяттский хартиор: небольшой кустик, у которого колючки были вдвое длинней гладких плотных листочков,

всю зиму цветущий нежно-синими цветами. Теперь он обретался в Лицее, на подоконнике спальни самых маленьких учеников. Они утверждали, что раз в месяц на нем созревает чье-нибудь заветное желание.

— Мы сейчас пойдем во дворец, все вместе. Тебя нельзя оставлять одну, — отрезал кузен.

— Как скажешь. Я только кое-кого проинструктирую, отдам леди Илике мои конспекты и блокнот со сказками, ну и... попрощаюсь. Им же надо как-то объяснить...

— Малышня спит еще. Не ходи к ним, напугаешь, придется их утешать, и мы безнадежно застрянем здесь...

Во дворце, в ставшем уже привычным кабинете с морскими пейзажами и подробными копиями кораблей на полках, скромно сидели в уголке Габриэль и Одри, рядом с ними колдовал над десятком артефактов Даррен. У стола склонился над древним свитком Тиннэр Серебряный Тополь, ему что-то негромко объяснял высокий абсолютно лысый человек в рясе Смиренных братьев. Сам император мерил комнату быстрыми нервными шагами.

— Даль, куда ты подевал эту демонову бумажку?! — возмущенно спросил его величество, — я хочу показать ее почтенному настоятелю нашей обители.

Граф Изар молча извлек из кармана упомянутое послание.

— Ты таскал её с собой?! Я же просил не...

— Ваше величество, он все правильно сделал. Не гневайтесь на Даля, прошу вас, — очень тихо попросила Тайри, — они требуют меня. Я это знаю точно. Видимо, посланец Отступника угрозы на ветер не бросал.

— Да плевать я хотел, что делал этот посланец. Если вы думаете, миледи, что я вот так возьму и отдам вас им...

А ведь его отец, без сомнения, отдал бы — не из трусости и не из желания угодить Тьме, но чтобы выиграть время или иметь право на более резкий ход, подумала целительница, а его дед, скорее всего, какое-то время торговался, а потом сжегбы к демонам город со всей нечистью, предварительно вывезя все ценное и предупредив, кого можно... и ее бы в этом городе оставил. Даже странно, что у сильных, но жестоких правителей появился такой человеческий наследник.

— Именно потому, что вы меня не отдадите, я должна уйти на Тропы. Больше никто не должен пострадать.

— Полагаете, я настолько слаб, что не смогу уберечь вас и ваших близких?

— Не забывайте, тогда они утопят в крови Столицу, а может, и не только её, — сказал наставник Тиннэр, — и я боюсь, что безопасных мест в мире почти не осталось. Я даже за Ллир не поручусь...

— Кстати, о Ллире. Госпожа тиншельтов говорила, что если понадобится, она готова открыть нам выход на Тропу прямо из храма. Там нас точно никто не отследит, даже сам Отступник. Позже — возможно, но некоторое преимущество у нас будет, — напомнил Лоцман, — кстати, я закончил с амулетами, ваше величество. Чем еще могу быть полезен?

— Не знаю, не знаю! — император еле сдержался, чтобы не бухнуть кулаком по столу, а то, пожалуй, расколочил бы столешницу. Еще немного, и он начнет рычать, как тигр, только вот на кого? На самого себя, не способного хоть как-то изменить ситуацию, только так. Рикарт ор Льофф медленно выдохнул сквозь зубы и продолжил почти спокойно, — разве что придумать, как заставить этих мерзавцев отступить.

— Никак, государь, — густым басом молвил монах, — Лоцман дело говорит. Я тоже

вижу, что Отступниковы прихвостни играют с вами. Одно могу сказать: даже если вы отдадите им герцогиню, никаких договоренностей они соблюдать не будут. А если спрячете, воспользуются поводом и устроят нечто худшее, чем уже было. Боюсь, тогда зашатается трон.

— Тайри, если ты уйдешь, я пойду с тобой, — решительно сказала Одри.

— И я пойду, — поднял голову лейтенант де Рейвен, — мир ничего не потеряет с моим исчезновением, таких солдат у государя тысячи.

— Разумеется, я тоже буду сопровождать леди Даллет. Везде, где бы она ни была, — Даррен отложил мягко светящиеся артефакты и смотрел на свою целительницу внимательно и тревожно.

— Меня можете даже не обсуждать, — Скайяр возник на диване в обманчиво расслабленной позе, — куда моя леди, туда и я.

— И с кем я тут останусь? — его величество хотел произнести это комично-пафосно, а вышло тихо и горько.

— С вашими детьми. Со мной, — сверкнул глазами Серебряный Тополь, — с вашей Гвардией. С вашими магами. С лордом Даллетом. Номар, вы-то не собираетесь нас покинуть?

— Да ни за что на свете. Лучше я сам кое-кого обнаглевшего найду и вышвырну вон.

— Уже отрадно. Граф Изар, насколько я знаю, тоже никуда не собирался. Разве этого мало? На мой взгляд, должно хватить.

— И хватит, — уверенно кивнул Смиренный брат, — все монастыри и храмы Создателя на вашей стороне, государь.

— Спасибо, друзья... И что мне делать с этим вот эпистолярным шедевром? — монарх смотрел на послание темных, как на свернувшуюся на столе змею.

— Ответить им в том же духе, ваше величество, — монах широко улыбнулся, показав крепкие белые зубы, — мол, понятия не имею, о чем вы, но раз оно и так ваше, найдите и возьмите сами.

Государь задумался, потом решительно отодвинул от себя бумагу с каллиграфической надписью.

— Кошмар какой-то... Как ни поверни, все неправильно. Да, я знаю, я должен думать, прежде всего, об Империи, но, демон меня задери, я не хочу никем жертвовать! Должен же быть другой путь...

— Отпустите их, государь. — Как вошла Листающая Судьбы, снова никто не заметил. — Это будет самым верным решением. Только так Весы качнутся в нужную Творцу сторону, а мы все получим необходимую передышку.

Его величество долго молчал, потом выдохнул обреченно:

— Пусть будет так.

— А ответ отправляйте не сразу, а через несколько часов после того, как мы уйдем, — посоветовал синеглазый дракон.

— Возможно, всех этих несчастий не случилось бы, уйди я раньше? — спросила Тайри у женщины в маске.

— Поверь мне, сейчас для этого самое время. И раньше, и позже было бы плохо или, как минимум, бесполезно.

— Значит, и мне самое время кое-что сделать для его величества, — сказал, вставая, Скайяр, — Номар, Даррен, я могу доверить вам мою леди? Мне необходимо покинуть ее

ненадолго.

— Мы не отойдем от нее ни на шаг, будь спокоен, — кивнул зеленоглазый.

— Смотрите у меня! — Скай исчез, а за окном, высоко в небе мелькнул ярко-синий хищный силуэт. Дракон лихо заложил круг над дворцом и нырнул в облака.

— Мне нужно собраться в дорогу, — прошептала Тайри, — и обнять родителей...

— Мы с Одри принесем всё, что ты скажешь, а попрощается за тебя Номар, только позже. Тебе лучше не покидать эти стены.

Молодая герцогиня кивнула и быстро написала для Одри коротенький список.

Лоцман открыл портал и поманил за собой лесную колдунью.

Они стояли вокруг большой круглой чаши с морской водой: император, его сводный брат, молодой лорд Даллет и дама в роскошных шелках и белой фарфоровой маске. За высокими окнами башни разгоралось яркое свежее утро, а в чаше плескалась темная ночь. По тропе, усыпанной звездным песком, в бархатную тьму уходили четверо: впереди шел Лоцман, за ним Габриэль и Одри, Тайри замыкала цепочку.

— Что ты видишь, Мойрэ? — спросил государь, впервые за многие годы обратившись по имени к Листающей Судьбы при постороннем. Впрочем, младшего лорда Даллета его величество уже давно посторонним не считал, воплощая вместе с ним самые серьезные и секретные планы.

— Я вижу истинную королеву; погибшего героя; одного очень необычного Дракона-Хранителя и женщину, благодаря которой он стал самим собой.

— Похоже, это её главная магия — дарить людям самих себя, — вздохнул Рикарт ор Льюфф, — как она сумела сделать настоящими мастера Гайдиара, Даррена...

— Она с детства это умеет, — гордо улыбнулся Номар, — вроде, ничего особенного не делает и не говорит, а чувствуешь, как у тебя отрастают крылья.

— Или обнимает солнце, — в тон ему откликнулся Даль.

— Наверное, они больше не вернуться, — в голосе императора сквозила такая тоска, что выдавший многое в своей жизни Номар вздрогнул. На самом деле Рикарт ор Льюфф просто устал — устал бесконечно терять тех, кому мог доверять, с кем ему было тепло, спокойно, а еще интересно. Такие люди делали его жизнь многогранной и яркой, давая пищу вечно ненасытному любопытству. Если бы он не родился императором, именно таким людям посвятил бы жизнь.

Листающая Судьбы отрицательно покачала головой, положила руку ему на плечо.

— С чего ты так решил, брат? Жизнь долгая, Тайри и Даррен вернуться. У них вообще такая судьба — уходить и возвращаться. Вот Габриэля мы действительно видели в последний раз. А Одри найдет по ту сторону звездной Тропы и любовь, и семью, и то, о чем даже не мечтала.

— Значит, нам не следует отчаиваться? — почти весело усмехнулся Адалер.

— Отчаиваться вообще никогда не следует, — Мойрэ осторожно сняла маску. Слухи не соврали — она оказалась красавицей. А еще она была похожа на императора так, как только и могут быть похожи близнецы, — судьба хитро вяжет узлы и мастерски плетет кружева. Иногда они превращаются в ловчие сети, а иногда — в дорожные карты с указанием места встречи. Только сумей прочесть.

— Мне будет их очень не хватать, — устало сказал государь.

— Если тебе они по-настоящему понадобятся, позовешь — как всегда звал всех нас, — пожалала плечами Листающая, — Тайри-то тебя должна слышать. И помни, пожалуйста, что ты не один.

— Уж точно не один, — устремив взгляд в окно, проговорил Даль, — точнее, с тобой теперь не только мы.

Император сощурился, глядя, как сверкая золотом под утренними лучами солнца, высоко в чистом небе парят драконы.

Больше книг на сайте - Knigoed.net